

М.В. ОСЬКИН

РУССКАЯ СМУТА 1917-1922

М.В. ОСЬКИН

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ И ЗАГОВОР 1917 г.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ
ФРОНТАМИ И ЗАГОВОР 1917 г.

**Русская смута
1917–1922**

М.В. ОСЬКИН

**ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ
ФРОНТАМИ
И ЗАГОВОР 1917 г.**

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524
О82

Оськин, М.В.

О82 Главкомандующие фронтами и заговор 1917 г. / М.В. Оськин. — М. : Вече, 2016. — 464 с., ил. — (Русская смута 1917—1922).

ISBN 978-5-4444-5390-2

Знак информационной продукции 12+

Новая книга известного российского историка М.В. Оськина рассказывает о главнокомандующих фронтами Русской императорской армии эпохи Первой мировой войны: Н.В. Рузском, А.Н. Куропаткине, А.Е. Эверте, А.А. Брусилове, Н.Н. Юдениче. Автор детально разбирает успехи и промахи каждого полководца, рассматривает взаимоотношения генералов с политической элитой дореволюционной России и их участие в заговоре и революционных событиях 1917 г.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)524

ВВЕДЕНИЕ

Большая европейская война, подготовлявшаяся великими державами Европы на протяжении более чем трех десятилетий (точкой отсчета здесь служит не столько 1871 год, сколько Берлинский конгресс 1878 г. и австро-прусский союз 1879 г.), в августе 1914 г. вылилась в Первую мировую войну, называемую современниками Великой войной. Ту войну, что с ожесточением велась в Европе, Азии и Африке, а также на обширных акваториях всех четырех океанов планеты, миллионными армиями. Ту войну, что впервые все противоборствующие стороны вели не столько в качестве государств, сколько в качестве наций, столкнувшихся друг с другом в борьбе за передел мира.

С самого начала конфликта в нем участвовала и Российская империя. Русский меч в ходе войны лежал тяжелым грузом на весах мирового противостояния, в момент наивысшего напряжения отвлекая на себя половину всех сил противников, в то время как союзники России (Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Сербия, Румыния и проч.) сражались с другой половиной. Сочетание блестящих побед с тяжелыми поражениями, высокоманевренных наступательных действий с унылым окопным сидением, громадных потерь с обеих сторон — все это характеризует войну именно на Восточном (Русском) фронте, в отличие от Западного (Французского) фронта, с ноября 1914 по весну 1918 г. застывшего в статике окопной борьбы. Именно поэтому вклад Российской империи в общую победу неоценим.

Успешные победы на Восточном фронте сменялись тяжелыми поражениями, и наоборот. Галицийская битва, Варшавско-Ивангородская и Лодзинская операции, Карпатская операция и Великое отступление 1915 г. — невзирая на все усилия неприятеля, Российская империя в первые полтора года войны выстояла и намеревалась продолжать борьбу.

1916 год должен был стать и во многом стал — переломным. Союзники по Антанте наладили военное производство, обрели боевой опыт, перехватили стратегическую инициативу. В кампании 1916 г. русская армия должна была играть немалую роль — только наступление.

К этому времени в составе русских вооруженных сил в принципе уже определился основной набор военачальников, прошедших испытания войной и в 1916 г. занимавших наиболее высокие должности на фронте. Выше прочих — посты главнокомандующих фронтами.

Большинство наиболее высокопоставленных полководцев русской армии начинали войну на Юго-Западном фронте, одерживавшем победы над австрийцами, в то время как армии Северо-Западного фронта уступали германским войскам. В начале войны Юго-Западный фронт имел четыре армии, и все четыре командарма в 1916 г. возглавляли фронты. Весь 1916 г. Западным фронтом прокомандовал командарм-4 образца 1914 г. А.Е. Эверт. Вторую половину 1916 г. Северным фронтом командовал командарм-3 Н.В. Рузский. Почти весь год Юго-Западным фронтом руководил командарм-8 А.А. Брусилов. Четвертый командарм 1914 г. — командарм-5 ген. П.А. Плеве на рубеже 1915/1916 гг. также получил назначение на командование Северным фронтом, но был вынужден оставить его ввиду болезни. Командующий Кавказской армией ген. Н.Н. Юденич командовал ею всю войну, вплоть до своей отставки в мае 1917 г. И лишь ген. А.Н. Куропаткин, командовавший Северным фронтом с 6 февраля по 22 июля 1916 г., был вызван из глубокого запаса чинов. И именно он был смещен генералом Рузским, как не оправдавший надежд и чаяний Верховного главнокомандующего императора Николая II.

Более того: назначенный в конце 1916 г. помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта В.В. Сахаров начал войну также на Юго-Западном фронте, равно как и сменивший его после революции Д.Г. Щербачев. Из 13 командармов конца 1916 г. (не считая Кавказской армии) лишь двое начали войну против немцев на Северо-Западном фронте. Таким образом, именно Юго-Западный фронт, как победоносный в начале войны, всю войну давал русской действующей армии основную массу высших командных кадров. Перемена лиц высшего командования в годы войны — с 19 июля 1914 до февраля 1917 г.:

— Начальник штаба Верховного главнокомандующего — ген. М.В. Алексеев — в начале войны начальник штаба Юго-Западного фронта.

— главнокомандующий армиями Северного фронта — ген. Н.В. Рузский — в начале войны командарм-3 (Юго-Западный фронт).

— главнокомандующий армиями Западного фронта — ген. А.Е. Эверт — в начале войны командарм-4 (Юго-Западный фронт).

— главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта — ген. А.А. Брусилев — в начале войны командарм-8 (Юго-Западный фронт).

— Помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта — ген. В.В. Сахаров — в начале войны комкор-11 (Юго-Западный фронт).

— командарм-1 — ген. А.И. Литвинов — в начале войны комкор-5 (Юго-Западный фронт).

— командарм-2 — ген. В.В. Смирнов — в начале войны комкор-20 (Северо-Западный фронт).

— командарм-3 — ген. Л.В. Леш — в начале войны комкор-12 (Юго-Западный фронт).

— командарм-4 — ген. А.Ф. Рагоза — в начале войны комдив-19 (Юго-Западный фронт).

— командарм-5 — ген. А.М. Драгомиров — в начале войны командир 2-й отдельной кавалерийской бригады (Юго-Западный фронт).

— командарм-6 — ген. А.А. Цуриков — в начале войны комкор-24 (Юго-Западный фронт).

— командарм-7 — ген. Д.Г. Щербачев — в начале войны комкор-9 (Юго-Западный фронт).

— командарм-8 — ген. А.М. Каледин — в начале войны конкомдив-12 (Юго-Западный фронт).

— командарм-9 — ген. П.А. Лечицкий — в начале войны командарм-9 (Юго-Западный фронт).

— командарм-10 — ген. В.Н. Горбатовский — в начале войны комкор-19 (Юго-Западный фронт).

— командарм-11 — ген. Д.В. Баланин — в начале войны комдив-18 (Юго-Западный фронт).

— командарм-12 — ген. Р.Д. Радко-Дмитриев — в начале войны комкор-8 (Юго-Западный фронт).

— командарм Особой армии — ген. В.И. Гурко — в начале войны конкомдив-1 (Северо-Западный фронт).

— командарм Кавказской армии — ген. Н.Н. Юденич — в начале войны начальник штаба Кавказской армии.

Наиболее заметным событием 1916 г., равно как и вообще для Восточного фронта в Первой мировой войне, стал, разумеется, Брусиловский прорыв. Фигура А.А. Брусилова — наиболее известна, знаменита и исследуема. Тем не менее следует не забывать и других полководцев войны, не столь популярных, но не меньше Брусилова внесших свой вклад в грядущую победу Антанты в Первой мировой войне, пусть даже России и не пришлось воспользоваться плодами этой победы.

Глава 1

ГЛАВКОСЕВЗАП НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУЗСКИЙ

ОТ ВОЙНЫ ДО ВОЙНЫ

Первый кавалер ордена Св. Георгия и один из четверых кавалеров ордена Св. Георгия 2-й степени в Первую мировую войну, генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский родился 6 марта 1854 г., в год первой Севастопольской обороны. По окончании 1-й Санкт-Петербургской военной гимназии, в 1870 г. он поступает во 2-е военное Константиновское училище, откуда в 1872 г. был выпущен подпоручиком с прикомандированием к лейб-гвардии Гренадерскому полку, став прапорщиком Гвардии. Подпоручик (1875), а затем — поручик (1877) Н.В. Рузский становится участником Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Перед тем молодой поручик получает свою первую награду — орден Св. Анны 4-й степени.

С июля 1877 г. поручик Рузский командует одной из рот своего полка. Как известно, Гвардия была вызвана из России после того, как провалились штурмы крепости Плевна, и стало ясно, что легкой и быстрой победы над упорным противником, вследствие роковых ошибок командования, не получится. Прибыв в Болгарию, Гвардия приняла участие в блокаде Плевны и сражениях за отдельные пункты, прикрывавшие сам хорошо укрепленный город. В числе прочих гвардейских частей, лейб-гвардии гренадерский полк участвовал в бою под Горным Дубняком 24 октября 1877 г., где гвардейцы атаковали в лоб турецкие укрепления. В результате неверной тактики, а также ожесточенного сопротивления потери русских составили около 3,6 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными. Турки потеряли 1,5 тыс. чел.

убитыми и ранеными, а также 2,3 тыс. пленных. Гренадерский полк понес самые большие потери — 1017 чел.¹. Командиром атаковавшего гвардейского отряда был будущий фельдмаршал И.В. Гурко. В период Первой мировой войны на различных должностях, Н.В. Рузский будет уже командиром сына фельдмаршала — ген. В.И. Гурко.

Что касается боя под Горным Дубняком, то здесь поручик Рузский был ранен, после чего — отправлен в госпиталь. Лишь в марте 1878 г. он вновь примет под командование свою роту. В том же году Н.В. Рузский производится в штабс-капитаны Гвардии. Наградой за Русско-турецкую войну в 1878 г. стал орден Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

Межвоенная карьера Н.В. Рузского протекала обычным порядком, как то было характерно для гвардейца и выпускника Николаевской академии Генерального штаба, которая в 1881 г. была окончена по 1-му разряду. Капитан, подполковник, полковник, генерал-майор — все эти ступени были пройдены Н.В. Рузским еще в конце XIX столетия. Служба шла в штабах Казанского и Киевского военного округов на адъютантских должностях, затем — последовательно в роли начальника штабов 11-й кавалерийской и 32-й пехотной дивизий. Таким образом, можно видеть, что ген. Н.В. Рузский должен был, по идее, прекрасно знать два из трех основных родов войск русской армии — пехоту и кавалерию. Награды за десятилетие 1883—1894 гг. были обычными для мирного периода: ордена Св. Станислава 2-й степени (1883), Св. Анны 2-й степени (1888), Св. Владимира 4-й степени (1891), Св. Владимира 3-й степени (1894).

Будущий полководец женился в 1884 г. на дочери отставного капитана — Зиновии Александровны Боржезовской, от брака с которой у него было три дочери.

В должности командира 151-го Пятигорского пехотного полка в 1896 г. Н.В. Рузский производится в генерал-майоры, после чего, как генштабист, переводится в штаб Киевского военного округа на пост генерал-квартирмейстера. В качестве комполка Рузский также не избежал обычного для российской армии того времени явления — практики недолговременного командования полком офицером Генерального штаба, чтобы, отслужив необходимый командный ценз, быть повышенным по службе. Собственно, так оно и произошло. Именно за это в армейской среде не любили генштабистов, называя

---

¹ *Беляев Н.И.* Русско-турецкая война 1877—1878 гг. М., 1956. С. 264.

их «моментами» — то есть командирами на короткий срок, чтобы потом уйти в штаб.

В должности окружного генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа ген. Н.В. Рузский получает очередную награду — орден Св. Станислава 1-й степени. В апреле 1902 г. генерал Рузский переводится с повышением — на пост начальника штаба Виленского военного округа. Здесь же в 1903 г. он становится генерал-лейтенантом. Как видим, на рубеже веков в течение почти 7 лет ген. Н.В. Рузский служит в штабах пограничных военных округов, ориентированных на войну против Германии и Австро-Венгрии. Не довелось ему послужить разве что в Варшавском военном округе. Уже в этот период военной карьеры в деятельности ген. Н.В. Рузского проскальзывает его увлечение мелочами службы, в ущерб всесторонности и полноты взгляда, необходимых крупному полководцу. Мелочность и канцеляризм в принципе были свойственны верхам русской военной машины, воспитываемой бюрократически ориентированной на внешний порядок системой графа Д.А. Милютина. Это и позволило впоследствии характеризовать Рузского: «неглупый, довольно образованный, но очень слабый здоровьем человек»; приверженец уставных форм и тех мелочей, за деревьями которых всегда проглядывается лес¹.

Как другие будущие полководцы Первой мировой войны М.В. Алексеев и А.Е. Эверт, ген. Н.В. Рузский попадает на фронт Русско-японской войны 1904—1905 гг. после сражения на реке Шахэ, когда главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии, ген. А.Н. Куропаткиным под давлением столицы было принято решение разделить Маньчжурскую армию на три. Командующим 2-й Маньчжурской армией был назначен командующий Виленским военным округом ген. О.К. Гриппенберг. Вместе с ним на аналогичную должность начальника штаба 2-й Маньчжурской армии отправился и его ближайший сотрудник генерал Рузский.

Первым сражением Русско-японской войны, в котором принял участие ген. Н.В. Рузский, стало сражение под Сандепу 12—16 января 1905 г., которое явилось последней попыткой ген. А.Н. Куропаткина вырвать у противника инициативу действий посредством разгрома

---

¹ *Затесский П.И.* Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин. 1925. С. 104.

основных сил японцев впредь до подхода к ним на подмогу высвободившейся после падения крепости Порт-Артур 3-й японской армии ген. М. Ноги.

2-я русская армия генерала Гриппенберга была предназначена для главного удара в предстоящем наступлении. Следовательно, Н.В. Рузскому выпал шанс проявить себя в качестве ближайшего помощника второго по значению в Маньчжурских армиях (после самого генерала Куропаткина) военачальника. В этот момент в состав 2-й армии входили 1-й Сибирский, Сводно-Стрелковый корпуса, а также 8-й и 10-й армейские корпуса. В частности, 5-й стрелковой бригадой Сводно-Стрелкового корпуса командовал полковник Н.Н. Юденич.

Уже в этом бою начальник штаба 2-й Маньчжурской армии проявил в своем командно-организационном творчестве те черты, которые особенно ярко выявятся в период Первой мировой войны, когда генерал Рузский станет занимать высшие командные посты в Действующей армии. Так, перед Сандепу Рузский чрезвычайно преувеличивал силы противника, как бы заранее готовя оправдание в случае своего поражения. Точно так же он действовал и в кампании 1914 г. против немцев в боях в Польше.

6 января главнокомандующий ген. А.Н. Куропаткин отдал директиву о переходе в наступление последовательно всех трех армий. Однако при этом действия русских ставились в зависимости от контрдоводов противника, а в качестве определяющей рекомендации ставился переход к обороне в случае неприятельских контрударов. Что касается организационных моментов, то генерал Куропаткин запретил командармам производить перегруппировку вверенных им сил более полка даже в случае крайней необходимости. Это привело к тому ненормальному положению вещей, что командармы не могли распоряжаться собственными резервами, одновременно то и дело отправляя в резерв главкома все новые и новые части и подразделения. В частности, после войны, в своей работе «Изнанка Операции охвата левого фланга расположения армии Оку в январе 1905 года», О.К. Гриппенберг писал, что главнокомандующий запретил использовать в сражении при Сандепу 15-ю пехотную дивизию и 10-й армейский корпус вплоть до захвата самого Сандепу. Эта работа явилась ответом на обвинения в адрес командарма-2 со стороны А.Н. Куропаткина.

4 января 1905 г., на совещании высшего генералитета главнокомандующий Куропаткин запретил переходить линию между суше-

ствующим положением в случае японского контрнаступления. Этим действия Гриппенберга были стеснены и лишены самостоятельности. В итоге на Сандепу непосредственно наступали только 1-й Сибирский и Сводно-Стрелковый корпуса общим числом в 47 батальонов. Два корпуса фактически остались вне операции. Во время самого сражения, начавшегося 12 января, ген. А.Н. Куропаткин чуть ли не каждые полчаса отправлял во 2-ю армию телеграммы (в том числе, и шифрованные) с указаниями, что делать дальше. Но при этом все не давал резервов. Наиболее тяжелые бои развернулись в районе укрепленной деревни Хегоутоу, где атаковал 1-й Сибирский корпус ген. Г.К. Штакельберга. В бою под Хегоутоу 13—16 января русские потеряли 285 офицеров и почти 10 тыс. солдат — половину 1-го Сибирского корпуса.

Первоначально выделенные для атаки Сандепу 47 русских батальонов при 256 орудиях атаковали Сандепу, занятую всего лишь 5 японскими ротами. Превосходство русских в начале операции составило 40-кратную разницу. Первые атаки не принесли успеха, ибо оказанное упорное сопротивление побудило русских военачальников преувеличить силу японцев в Сандепу. Начальник штаба 2-й Маньчжурской армии ген. Н.В. Рuzский внес в это преувеличение свою немалую лепту. В итоге русские дождались, пока японцы подвели резервы, а затем перешли в наступление на другом фланге. Участник обеих мировых войн, выдающийся советский военный инженер, пишет: «Боясь пройти в открытые промежутки мимо деревень, занятых ничтожными силами противника, и не имея возможности взять деревни, русские полководцы остановились... Оборона японцами Сандепу служит примером рационального использования фортификации. Правильно примененная узловая система укреплений позволила контратаками в промежутки нанести нам сильный удар»¹.

Тем не менее в двухдневном сражении контратаки японцев были отбиты, и японский главнокомандующий маршал И. Ойяма принял решение отступить. В тот же момент, 16 января, командарм-2 провел перегруппировку с целью предпринять решительный штурм Сандепу, куда уже врывались стрелки. Но японцы в очередной раз были спасены русским главнокомандующим — Куропаткин приказал отступить на левый берег реки Хуньхэ (то есть к Мукдену), одновременно сняв с должности начальника 1-го Сибирского корпуса генерала

---

¹ Карбышев Д.М. Избранные научные труды. М., 1962. С. 246—247.

Штакельберга — чуть ли не единственного русского военачальника, проявившего волю и упорство в достижении поставленной цели. Это решение являлось явно несправедливым. Участник всех войн первой половины XX века вспоминал: «В серой массе полков Маньчжурской армии скоро выделился один полк и подле него одна дивизия, один корпус. Это был 1-й Восточно-Сибирский Его Величества полк. То, что на его погонах стояло имя Государя, двигало его вперед. Под Вафангоу, Ляояном и Мукденом он увлекал за собой остальные полки. 1-й Восточно-Сибирский корпус являлся везде, когда нужно было спасти положение»¹. Характерно, что Г.К. Штакельберг был старым соратником А.Н. Куропаткина по Ахалтекинской экспедиции 1882 г. Сразу после сражения разгневанный командарм-2 подал рапорт об отставке и послал телеграмму императору Николаю II с просьбой немедленно выехать в Санкт-Петербург.

Во всем этом свою роль сыграл начальник штаба 2-й Маньчжурской армии ген. Н.В. Рузский, о чем нам сообщает Ф.П. Рерберг. Конфликт между Куропаткиным и Гриппенбергом дошел до того, что начальник штаба 2-й армии ген. Н.В. Рузский одновременно давал информацию о своей армии и Гриппенбергу и Куропаткину, причем не то что без разрешения, но даже и без ведома своего непосредственного начальника — Гриппенберга. Действительно, такой порядок был заведен главнокомандующим, когда сотрудники штаба были обязаны предоставлять в штаб главкома копии всех распоряжений командарма. Но здесь генерал Рузский пошел дальше — он далеко не всегда информировал своего непосредственного начальника о тех сведениях, что отправлялись ген. А.Н. Куропаткину. Дело дошло до того, что Н.В. Рузский, выполняя, несомненно, приказ, но действуя вразрез с воинской этикой, даже передал А.Н. Куропаткину личный шифр командующего 2-й армией.

Как и следовало ожидать, узнав о двойной игре своего начальника штаба, генерал Гриппенберг, уже в свою очередь, перестал делиться планами с Рузским. Ведь одно дело — предоставление главнокомандующему копий официальных бумаг, и совсем другое — передача ему и многих планов, рассматриваемых в устных беседах командарма-2 со своими сотрудниками. Теперь уже командарм стал таиться от своего помощника. Командарм-1 ген. Н.П. Линевич 4 февраля 1905 г. отметил

---

¹ *Краснов П.Н.* Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 464.

в своем дневнике: «Куропаткин сказал, что Гриппенберг в свои планы и предположения не только никого не посвящал, но даже и начальник штаба Рузский ничего не знал о предположениях Гриппенберга»¹.

Наверное, ген. О.К. Гриппенбергу было неприятно видеть такие действия со стороны человека, с которым он два года плечо к плечу проработал в Виленском военном округе. Ситуация усугублялась еще и тем, что назначение Гриппенберга на должность командующего 2-й Маньчжурской армией было обставлено таким образом, что он расценивался как потенциальный преемник незадачливого главнокомандующего ген. А.Н. Куропаткина, умудрявшегося отдать противнику плоды победы даже в фактически выигранном им сражении (Ляоян). Именно поэтому немного выше и было сказано, что в начале 1905 г. командарм-2 являлся вторым по значению военачальником в Маньчжурии. Немудрено, что Куропаткин, бывший младше на десять лет, старался иметь максимум информации о деятельности Гриппенберга. Возможно, именно поэтому не была доведена до логического завершения успешно развивавшаяся операция под Сандепу, где лавры победителя доставались командарму-2. И вот нашелся помощник О.К. Гриппенберга, который старался предоставить главному требовавшуюся ему информацию, хотя служебные обязанности вовсе не требовали этого от генерала Рузского.

То есть в этом конфликте ген. Н.В. Рузский явно занимал сторону главнокомандующего генерала Куропаткина. Да и среди сотрудников генерала Рузского не существовало нормальных отношений. Граф А.А. Игнатьев описывает штаб 2-й армии перед операцией у Сандепу в таких словах: «Обед только что кончился, и в штабной столовой я застал только двух-трех незнакомых генштабистов, допивавших чай. Узнав о моем намерении явиться к начальнику штаба или хотя бы к генерал-квартирмейстеру, они заявили, что начальство занято и принять не сможет... Новые коллеги и генералы, прибывшие из России, имели твердое намерение показать нам, старым маньчжурцам, как следует воевать». И далее А.А. Игнатьев описывает выполнение им просьбы командира 1-го Сибирского корпуса ген. Г.К. Штакельберга под Сандепу: «К вечеру он попросил меня съездить в штаб 2-й армии узнать обстановку и причину приказа об отступлении. Но объяснять мне там что-либо никто не пожелал: я оставался чужим

---

¹ Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевича. Л., 1925. С. 73.

среди этих прибывших из России генштабистов, полных апломба и самоуверенности. На их кителях уже красовались боевые награды, щедро розданные командующим армии Гриппенбергом»¹. Недаром под Мукденом побежали именно 2-я и 3-я армии, а 1-я армия отступила в порядке.

Здесь отчетливо появляется такое свойство характера ген. Н.В. Рузского, как стремление стать на сторону более сильного и высокого начальства. Так, своей предыдущей карьерой ген. Н.В. Рузский во многом был обязан наиболее авторитетному русскому военачальнику и педагогу М.И. Драгомирову, который на протяжении многих лет занимал пост командующего войсками Киевского военного округа. Такие личные качества Н.В. Рузского, как великолепный ум, твердый характер и исполнительность, высоко ценились Драгомировым, раз на протяжении 6 лет Рузский служил на посту генерал-квартирмейстера штаба Киевского военного округа. Далеко не всеми современниками это выдвижение рассматривалось как верный выбор ген. М.И. Драгомирова, именно в связи со стремлением Н.В. Рузского выдвигаться наверх по пути наименьшего сопротивления, часто с помощью интриг и закулисных игр. Например, ген. А.-К.М. Адариди, знавший Н.В. Рузского еще перед войной, пишет о нем следующим образом: «Трудно понять, как такой знаток людей, каким был Драгомиров, мог его выдвинуть, так как ни особым талантом, ни большими знаниями он не обладал. Сухой, хитрый, себе на уме, мало доброжелательный, с очень большим самомнением, он возражений не терпел, хотя то, что он высказывал, часто никак нельзя было назвать непреложным. К младшим он относился довольно высокомерно, и к ним проявлял большую требовательность, сам же уклонялся от исполнения поручений, почему-либо бывших ему не по душе. В этих случаях он всегда ссылался на состояние своего здоровья»².

После отъезда ген. О.К. Гриппенберга командармом-2 стал командующий 3-й армией ген. А.В. Каульбарс, а командармом-3 — начальник 17-го армейского корпуса ген. А.А. Бильдерлинг. С новым командармом ген. Н.В. Рузский принял участие в злополучной Мукденской оборонительной операции. К этому времени численность войск 2-й армии составляла до 100 тыс. штыков и сабель при 439 орудиях и 24 пулеметах. Как известно, ген. А.Н. Куропаткин готовил

¹ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 222, 228.

² Военно-исторический вестник. 1965. № 25. С. 5—6.

новое наступление от Мукдена, причем главный удар опять-таки должна была наносить 2-я Маньчжурская армия. Но противник не стал ожидать русского сосредоточения и с прибытием 3-й армии генерала Ноги 12 февраля сам перешел в наступление.

Замысел японского главнокомандующего маршала И. Ойямы заключался в обходе русского правого крыла, на котором располагалась 2-я русская армия ген. А.В. Каульбарса, силами 3-й армии ген. М. Ноги. Чтобы отвлечь русские резервы и растрепать их, японцы сначала ударили по левому русскому крылу, занимаемому 1-й армией ген. Н.П. Линевича. Затем, стараясь не понижать накал атак, японцы стали перебрасывать войска на свой левый фланг. По дороге они последовательно атаковали располагавшуюся в центре 3-ю русскую армию, после чего уходили на поддержку 3-й японской армии. В итоге Куропаткин, полагая, что противник будет атаковать против русского левого фланга или на крайний случай в центре, стал брать войска из 2-й армии и перебрасывать их на участки других армий. Так, уже через два дня после начала операции из состава 2-й Маньчжурской армии был изъят ее лучший корпус — 1-й Сибирский.

Вместо того, чтобы, согласно своему же первоначальному плану, перейти в наступление 2-й армией, вынуждая японцев растрепывать свои резервы, генерал Куропаткин вновь предпочел ведение пассивной обороны. Оценивая опыт Русско-японской войны, русские генштабисты пишут: «Корни неуспеха перехода в наступление 2-й армии на правом крыле находятся уже в директиве генерала Куропаткина, предоставлявшей барону Каульбарсу выбор направления атаки — левым или правым флангом вперед. Опять, следовательно, контратака армии должна была начаться не всеми силами, а с одного крыла, уступами, не оправдавшими уже себя в сражении под Сандепу»¹. Это позволило 3-й японской армии успешно выполнить маневр на охват 2-й русской армии, одновременно атакованной с фронта 2-й японской армией ген. Я. Оку. Надо сказать, что японцы и не имели иного шанса, как маневр, так как они, во-первых, атаковали русские укрепленные позиции, а во-вторых, уступали русским в численности на 60 тыс. бойцов.

Ведя оборонительные бои, под давлением неприятеля части 2-й Маньчжурской армии были вынуждены отойти на левый берег реки Хуньхэ, всецело отдав японцам инициативу действий. Тем не

---

¹ Сборник ГУГШ. СПб., 1913. Вып. 54. С. 90.

менее в боях 17—22 февраля натиск 2-й и 3-й японских армий был остановлен. Как видим, здесь ген. Н.В. Рузский получил неоценимый опыт ведения оборонительных действий против смелого и предприимчивого противника. Спустя 10 лет генералу Рузскому придется столкнуться с учителями японцев — немцами.

Невзирая на успех обороны, утром 24 февраля 1-я японская армия ген. А. Куроки провала ослабленный непрерывными перебросками и перегруппировками русский центр в районе Киузана. Это позволило противнику развалить надвое русский фронт. Вечером А.Н. Куропаткин приказал отступать, лишь санкционируя начавшийся стихийный отход. В ходе отступления части 2-й и 3-й русских армий перемешались и в панике отступали на север. Высшие штабы этих двух армий потеряли управление отступавшими войсками. Отпор организовывался отдельными небольшими отрядами, возглавляемыми офицерами среднего звена. По счастью, японцы не преследовали, что не позволило противнику превратить поражение русских в катастрофу. Мукден — это отличный пример паники сразу нескольких армий: «Это именно отступление, перешедшее в конце в бегство двух целых армий (1-я армия отступала в относительном порядке и не была никем тревожима), стоило значительно дороже, чем продолжавшиеся в течение многих дней бои к югу от Мукдена»¹. Что касается Рузского, то в ходе отступления он упал с коня, получив травму.

Потери русских под Мукденом составили около 90 тыс. чел., в том числе 30 тыс. — пленными. Мукденская оборонительная операция побудила ряд русских военачальников не опасаться, но даже бояться обходов, предпринимаемых умелым врагом. Ген. Н.В. Рузский не стал исключением. Как только в сентябре 1914 г. он будет назначен на пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, то, помня Мукден и Танненберг, станет драться с немцами не иначе, как сплошным оборонительным фронтом. При этом ставка будет делаться на превосходство в численности, а не на контрманевр. База такого подхода в мировоззрении генерала Рузского была заложена в неудачной для русского оружия Русско-японской войне 1904—1905 гг.

Окончание войны для ген. Н.В. Рузского, как и для всей армии, прошло в мелких стычках с истощенным противником на Сыпингайских позициях. Наградями за Маньчжурскую кампанию генералу Рузскому стали ордена Св. Анны 1-й степени с мечами и Св.

---

¹ *Симанский П.* Паника в войсках. М. — Л., 1929. С. 145.

Владимира 2-й степени с мечами. А в 1907 г. Рузский был введен в состав комиссии как член Верховного военно-уголовного суда по расследованию дела о сдаче Порт-Артура, что «свидетельствовало о его высоком профессионализме, авторитете в обществе, честности и принципиальности»¹. Следовательно, генерал Рузский стал одним из тех военачальников, каковые, как считалось, успешно прошли школу войны с Японией.

С конца 1906 по начало 1909 гг. ген. Н.В. Рузский командовал 21-м армейским корпусом. В то же время «командование корпусом прерывалось длительными командировками и продолжительными отпусками, общее время которых составило около года (350 суток). Подобное командование вверенными соединениями и частями позволяет сделать естественный вывод, что вряд ли будущий главнокомандующий был озабочен ростом своего профессионального мастерства. Даже при наличии желания, объективно сделать это было проблематично из-за постоянного отрыва от выполнения прямых функциональных обязанностей командира корпуса»². Затем, в связи с состоянием здоровья, он был назначен членом Военного совета; в том же 1909 г., производится в генералы от инфантерии. В конце 1911 г. ген. Н.В. Рузский награждается орденом Белого Орла.

Работая в Военном совете, ген. Н.В. Рузский принял самое активное участие в разработке различных уставов и наставлений русской военной машины. В частности, именно генерал Рузский был автором последнего «Устава полевой службы», утвержденного 27 апреля 1912 г. Составленный Н.В. Рузским русский «Устав полевой службы», по мнению советских исследователей, «являлся лучшим уставом в Европе накануне Первой мировой войны. В нем наиболее полно и правильно освещались вопросы наступательного и оборонительного боя, а также действия войск в бою»³. В отношении же стратегического характера устав 1912 г. всецело исходил из установок на краткосрочную войну. В частности, «Устав был далек от правильного

---

¹ Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854—1918). Омск. 2013. С. 75—76.

² Порошин А.А. Военно-теоретическая и практическая подготовка военачальников русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов. 2007. Вып. 8. С. 7.

³ Развитие тактики русской армии (XVIII в. — нач. XX в.). М., 1957. С. 27.

понимания масштабов и напряжения надвигающейся войны... привлечение ратников [ополчения] 2-го разряда исключительно для тыловой службы приводило к тому, что при наличии в России мужского населения призывного возраста свыше 25 млн чел., под ружье могло быть поставлено всего 8 млн»¹. В 1915 г. решать вопрос о призыве на фронт ополченцев 2-го разряда пришлось законодательным путем — Государственной думе и Государственному совету.

Одним из ближайших помощников Н.В. Рузского в составлении Устава явился заведующий обучающимися в Николаевской военной академии офицерами полковник М.Д. Бонч-Бруевич — брат одного из ближайших сподвижников В.И. Ленина — В.Д. Бонч-Бруевича. Рузский и Бонч-Бруевич, который в период Первой мировой войны являлся сотрудником Рузского, были знакомы еще до Русско-японской войны по совместной службе в Киевском военном округе и дружили семьями. И тот, и другой являлись креатурами военного министра ген. В.А. Сухомлинова, в свое время бывшего помощником командующего войсками Киевского военного округа ген. М.И. Драгомирова, а затем его преемником. Характеризуя работу Н.В. Рузского над «Уставом полевой службы», один из наиболее видных представителей «научной школы» в среде Генерального штаба ген. Н.Н. Головин утверждает, что В.А. Сухомлинов избрал в авторы Устава именно своего друга Рузского потому, чтобы спасти свои устаревшие взгляды ударной тактики, провалившиеся уже в Русско-японскую войну. Например, из Устава был исключен «встречный бой» как отдельный вид боя. Н.Н. Головин пишет, что «ген. Н.В. Рузский был *persona grata* у ген. Сухомлинова». А ближайшим помощником генерала Рузского был М.Д. Бонч-Бруевич, которого военный министр почитал «за крупный военный талант»².

В феврале 1912 г. ген. Н.В. Рузский был назначен помощником командующего войсками Киевского военного округа ген. Н.И. Иванова. Это назначение также таило под собой определенную интригу. В 1911 г. штабы ряда военных округов выступили против нового плана развертывания, принятого военным министром ген. В.А. Сухомлиновым. Этот план относил развертывание русской действующей армии в случае Большой европейской войны с Германией и Австро-

---

¹ *Кавтарадзе А.Г.* Из истории русского Генерального штаба (1909 — июль 1914 гг.) // Военно-исторический журнал. 1974. № 12. С. 8.

² *Головин Н.Н.* Дни перелома Галицийской битвы. Париж. 1940. С. 22.

Венгрией в глубь страны, что оставляло в опасности Францию и, следовательно, после ее разгрома напрямую грозило поражением Российской империи. Во главе оппозиции выступил начальник штаба Киевского военного округа ген. М.В. Алексеев. Вынужденный подчиниться давлению высшего генералитета, военный министр и его ставленники в Главном управлении Генерального штаба (ГУГШ) скрепя сердце опять вернулись к старому плану — сосредоточении близ государственной границы с целью быстрого перехода в наступление как против Германии, так и против Австро-Венгрии.

Однако же в июле 1912 г. генерал Алексеев был отправлен на командный ценз — на должность командира 13-го армейского корпуса в Варшавский военный округ. Дабы держать контроль над событиями, в Киевский военный округ был направлен протеже генерала Сухомлинова — ген. Н.В. Рузский. Сам Сухомлинов в эмиграции вспоминал: «В Рузском я ценил человека, прекрасно знакомого с военным делом и способного к целесообразной продуктивной работе. Деятельность его на войне ценилась высоко, хотя телесно крепок он не был, и ему временно приходилось, по нездоровью, покидать ряды воюющих»¹. Его пост — помощник командующего округом — не был чрезмерно ответственным, зато ключевым для сохранения влияния здесь военного министра. Начальником же штаба Киевского военного округа был назначен сын того человека, что в свое время продвигал и Сухомлинова и Рузского — ген. В.М. Драгомиров. С началом войны генерал Драгомиров возглавит штаб 3-й армии, командующим которой будет назначен генерал Рузский. Эта армия будет наиболее многочисленной на Юго-Западном фронте, и получит наиболее ответственную задачу.

Ничуть не странно, что люди, хорошо относящиеся друг к другу и связанные друг с другом различными отношениями, будут хорошо отзываться друг о друге. Автором измененного в 1911 г. сухомлиновского плана сосредоточения был генерал-квартирмейстер ГУГШ ген. Ю.Н. Данилов. Данилов был тесно связан с Рузским принадлежностью к «команде» военного министра, а потому отзывался о Рузском с симпатией. С другой стороны, нельзя отрицать, что по большей части такие характеристики, подчеркивающие скорее положительные качества личности, все равно верны, ибо о негативных качествах скажут недоброжелатели и недруги. В частности, Ю.Н. Данилов

---

¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 137.

вспоминал, что Н.В. Рузский «был очень популярен в этом (Киевском. — *Авт.*) округе. Спокойный, рассудительный, прямой, хотя и несколько суховатый, но очень простой в обращении, одаренный достаточно твердым характером — он имел все данные, чтобы быть хорошим, в современном смысле, военачальником. К его мнениям всегда стоило внимательно прислушиваться. К сожалению, слабое здоровье генерала Рузского часто препятствовало полному проявлению его природных дарований, и он бывал вынуждаем, от времени до времени, отказываться от активной деятельности для более или менее продолжительного отдыха»¹.

Возвращение ген. Н.В. Рузского к служебной деятельности в пограничном военном округе позволило поставить его кандидатуру среди высших военачальников русской действующей армии на случай войны в Европе. Так, по перечню должностей 1912 г. генерал Рузский должен был занять пост командующего 8-й армией, которая предназначалась для наступления в Австро-Венгрию. В то же время командармом-3 должен был стать командующий войсками Туркестанского военного округа, туркестанский генерал-губернатор А.В. Самсонов. Однако переход в 1913 г. ген. А.А. Брусилова (предназначался на пост командарма-2) из Варшавского военного округа в Киевский, привел к кадровым перестановкам. Теперь генерал Самсонов отправлялся во 2-ю армию, генерал Брусилов — в 8-ю, а генералу Рузскому досталась 3-я армия. В этой конфигурации и была встречена Первая мировая война.

Незадолго до начала войны, в конце 1913 г., Н.В. Рузский был награжден орденом Св. Александра Невского.

ЛЬВОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

Объявление мобилизации и начало Первой мировой войны застает генерала от инфантерии Н.В. Рузского на одном из высоких постов в Киевском военном округе. Согласно расписанию чинов действующей армии, генерал Рузский был назначен на пост командующего 3-й армией Юго-Западного фронта. Управление фронта формировалось на базе Киевского военного округа, но пост начальника штаба фронта занимал ген. М.В. Алексеев. Впрочем, должность

---

¹ Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914—1915 гг. Берлин. 1924. С. 193—194.

командарма в русской военной иерархии стояла выше начальника штаба фронта — в ходе Галицийской битвы эта формальность будет слишком дорого стоить русским.

В связи с тем, что 3-й армии предстояло наносить главный удар по австро-венграм на Юго-Западном фронте, начальник штаба Киевского военного округа ген. В.М. Драгомиров становится начальником штаба 3-й армии, раз уж его нельзя было сделать начальником штаба фронта. Этот пост был давно закреплен за генералом Алексеевым, в том числе и после перевода его на должность начальника 13-го армейского корпуса: лишить Алексеева своего назначения не было под силу и военному министру ген. В.А. Сухомлинову. Назначение начальника штаба 3-й армии позволило впоследствии Драгомирову вступить в конфликт со штабом фронта, где распоряжался Алексеев. Если знать, что М.В. Алексева и Н.В. Рузского связывал личный конфликт, берущий свое начало еще со времен Русско-японской войны 1904—1905 гг., то очевидно, что командарм-3 и его начальник штаба в своей неприязни к генералу Алексееву были заодно.

В свою очередь, ген. Н.В. Рузский также старался нивелировать влияние своего честолюбивого начальника штаба, позволявшего себе фрондировать даже и в отношении главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова, не говоря уже о более скромном poste командарма-3. Драгомиров явно использовал то обстоятельство, что его отец в свое время выдвигал Н.В. Рузского и В.А. Сухомлинова. Отсюда брала свое начало неблагоприятная обстановка в штабе 3-й армии. Для того, чтобы противопоставить власть командарма начальнику штаба, Н.В. Рузский взял к себе на пост генерал-квартирмейстера 3-й армии М.Д. Бонч-Бруевича, вступившего в войну командиром 176-го пехотного Переволоченского полка. Назначение Бонч-Бруевича произошло в ходе сосредоточения, когда Драгомиров уже не мог повлиять на выбор Рузского. Впоследствии, после того, как в сентябре на пост командарма-3 вступил комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев, Драгомирова были вынуждены перевести на должность начальника 2-й гвардейской пехотной дивизии, а затем он сам стал комкором-8. В марте 1915 г. ген. В.М. Драгомиров занял пост начальника штаба Юго-Западного фронта, после того, как ген. М.В. Алексеев был назначен главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта. В ходе Горлицкого прорыва генерал Драгомиров был смещен и впоследствии не занимал должностей выше командира корпуса.

Следовательно, с самого начала в штабе 3-й армии друг с другом столкнулись две воли — командарма и его начальника штаба. Это не могло не вести к определенным провалам в действиях армии, особенно если помнить об отношении к М.В. Алексееву. О взаимоотношениях внутри штаба 3-й армии Н.Н. Головин сообщает, что «исповедуемые ген. В.М. Драгомировым взгляды позволяют предположить, что во главе “оппозиции” главнокомандованию Юго-Западного фронта стоял он, а не командующий 3-й армией ген. Рузский». Служивший в штабе 3-й армии офицер Генерального штаба Щепихин сообщил Головину: «Ни для кого в молодом генеральном штабе не было секретом, что генерал Рузский, человек болезненный, слабохарактерный, не властный, а главное, за предвоенный период далеко отошедший от вопросов оперативных в широком смысле, и все видели в лице В.М. Драгомирова действительного руководителя оперативной части армии... На генерала Рузского он смотрел свысока, игнорировал его»¹. Недаром, когда Н.В. Рузский в начале сентября 1914 г. переводился на Северо-Западный фронт, он взял с собой только М.Д. Бонч-Бруевича. Да и этого Рузский взял в 3-ю армию лишь для того, чтобы иметь рядом верного человека и тем самым снижать влияние ген. В.М. Драгомирова.

Отменная подготовка войск перед войной была фактом. Существенно меньшее значение отводилось психологическому состоянию бойцов. Следует заметить, что ген. Н.В. Рузский придавал немалое значение моральному фактору в общей боеспособности войск. Потому перед выступлением частей на фронт командарм объехал ряд полков, где пытался вдохновить людей, идущих на войну. В частности, в своей речи перед 125-м пехотным полком накануне отправки полка на фронт, по словам очевидца, ген. Н.В. Рузский «просил нас верить нашему Верховному Командованию, объяснил, что Генеральный штаб внимательно изучает план грядущей войны, что давно уже знали, что война настанет и что мы должны всеми силами беречь жизнь каждого солдата, что в войне ошибки неизбежны, и просил нас не судить слишком строго за эти неизбежные ошибки и потери. Он прибавил, что вместо того, чтобы судить и искать ошибок, нам следует думать о своих непосредственных обязанностях и строже всего судить самих себя. Если каждый из нас выполнит свой долг

---

¹ Головин Н.Н. Галицийская битва. Первый период. Париж. 1930. С. 329.

полностью — успех будет обеспечен»¹. Из этой характеристики видно, что генерал Рузский большое внимание уделял фактору исполнения своего долга как перед Родиной, так и перед вверенными каждому командиру людьми.

Согласно русскому плану войны против коалиции Центральных держав, основной удар русских армий должен был наноситься против Австро-Венгрии. В четырех армиях Юго-Западного фронта главнокомандующего армиями фронта (главкоюза) ген. Н.И. Иванова сосредоточивалось до 60 % всей силы, выставляемой на фронты русской действующей армии. В численном отношении это означало выставление в поле более 600 тыс. штыков и сабель при 2 тыс. орудий. Зная о том, что немцы, действуя по «Плану Шлиффена», будут главный удар наносить против Франции, русская сторона рассчитывала одновременно и оттянуть на себя часть германских сил, ослабив наступление противника во Францию. Но главной задачей русских стоял разгром австро-венгерской армии в ходе предполагаемого генерального сражения в Галиции.

Главный удар на Юго-Западном фронте должна была наносить 3-я армия ген. Н.В. Рузского, которая поэтому являлась наиболее сильной — 215 тыс. чел. при 685 орудиях. Вместе с 8-й армией ген. А.А. Брусилова (139 тыс. чел. при 472 орудиях) 3-я армия составляла южное крыло фронта и должна была наступать строго с востока в австрийскую Галицию, на галич-львовском стратегическом направлении. Рассчитывая на то, что противник сосредоточит свою главную группировку в районе Львова и севернее его, русские предполагали осуществить двойной охват неприятельской армии: 5-я и 3-я армии должны были бить врага по фронту, в то время как 4-я и 8-я армии охватывали бы его с флангов. Расчеты на данные об австрийском сосредоточении, переданные в 1912 г. полковником А. Редлем, позволяли рассчитывать на успех.

В связи с тем, что 4-я и 5-я армии, составлявшие северный фас Юго-Западного фронта, запаздывали в своем сосредоточении, 3-я и 8-я армии должны были перейти в наступление несколькими днями ранее. Согласно директиве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова от 2-го числа, 6 августа начинала наступать 8-я армия ген. А.А. Брусилова, сосредоточиваемая дальше всех от границы, 7 августа — 3-я армия ген. Н.В. Рузского. Затем

---

¹ Борис Васильевич Сергиевский. 1888—1971. Нью-Йорк. 1975. С. 16.

в наступление должны были перейти армии северного фаса фронта: 9-го числа — 4-я армия ген. барона А.Е. Зальца и на следующий день — 5-я армия ген. П.А. Плеве. 3-я и 8-я армии должны были наступать на Львов, тем самым опрокидывая главную австрийскую группировку и одновременно заходя корпусами 8-й армии с юга. При этом 3-я армия двигалась на фронт Куликов — Николаев, а 8-я армия — на фронт Ходоров — Галич.

В свою очередь, начальник австрийского Полевого Генерального штаба ген. Ф. Конрад фон Гётцендорф, являвшийся фактическим главнокомандующим при номинальном главкомверхе эрцгерцоге Фридрихе, незадолго до начала войны переменял планы сосредоточения. Теперь австрийцы располагали главные силы против 4-й и 5-й русских армий, рассчитывая в короткие сроки разбить русских и открыть себе дорогу в русскую Польшу. Против 3-й и 8-й русских армий располагалась 3-я австрийская армия ген. Р. фон Брудермана силой в 160 тыс. штыков и сабель при 482 орудиях. Генерала Брудермана поддерживала армейская группа ген. Г. Кёвесс фон Кёвессгаза силой в 70 тыс. чел. при 148 орудиях. В ходе Галицийской битвы в район Львова с Балканского (Сербского) фронта по частям перебрасывалась 2-я австрийская армия ген. Э. фон Бём-Эрмолли. Вплоть до прибытия 2-й армии, как видно, одна 3-я армия по силам была равна всей противостоящей австрийской группировке. И, следовательно, русские имели 8-ю армию, что называется, в «чистом активе».

В состав 3-й армии ген. Н.В. Рузского входили 9-й, 10-й, 11-й, 21-й армейские корпуса, а также 9-я, 10-я, 11-я кавалерийские дивизии и 3-я Кавказская казачья дивизия. В ходе наступления 3-я армия должна была получить существенное усиление: 3-й Кавказский корпус ген. В.А. Ирманова, а также 4-я и 5-я Донские казачьи дивизии. Однако эти части затем были отправлены под Люблин, в 4-ю армию ген. А.Е. Эверта, дравшуюся с вдвое превосходящим противником. Надо сказать, что из всех командармов один только ген. Н.В. Рузский догадался увеличить пехотную массу вверенных ему соединений. В каждый из армейских корпусов, которые состояли из двух пехотных дивизий, командарм-3 уже в ходе развертывания влил еще по второочередной пехотной дивизии, в то время как в остальных армиях второочередные дивизии, образуемые при мобилизации, в отличие от кадровых дивизий, находились в резервах. Второочередные дивизии имели минимум пулеметов и получили слабую артиллерию. Поэтому, отправка этих частей в состав армейских корпусов позволила,

во-первых, усилить мощь пехотного удара, а во-вторых, увеличить силу второочередных дивизий огневым боем артиллерии корпуса. Австро-венгры сразу придали запасные бригады (аналогичные русским второочередным дивизиям соединения) почти всем корпусам. У русских это сделал только командарм-3, что даст ему успех в первом же сражении с 3-й австрийской армией. Если бы ген. Н.В. Рузский, подобно прочим командармам, придержал бы второочередные дивизии в ближайшем войсковом тылу, то в момент столкновения с неприятелем он имел бы на 60 тыс. штыков меньше. Иными словами, в этом случае 3-я русская армия по пехоте (но не по артиллерии) сравнялась бы с 3-й австрийской армией. Это мероприятие делает честь уму генерала Рузского, своевременно насытившего вверенные ему войска дополнительным количеством людей, чтобы получить решительное превосходство в момент сражения.

Не зная об образовании 8-й русской армии и предполагая иметь вместо нее лишь один усиленный корпус, австрийский командарм-3 принял решение наступать. Генерал Брудерман рассудил, что генерал Кёвесс справится с русской корпусной Проскуровской группой (на базе которой была развернута 8-я русская армия), в то время как он сам разгромит 3-ю русскую армию. Как только части 3-й армии перешли линию государственной границы, командарм-3 получил директиву начальника штаба Юго-Западного фронта, предписывавшую ему переменить направление движения армии и наступать севернее района Львова, выходя в тыл 4-й австрийской армии ген. М. фон Ауффенберга.

Дело в том, что это время уже потерпели поражение русские армии северного крыла — 4-я и 5-я. Поняв, что сосредоточение врага далеко от довоенных предположений, и верно оценив обстановку, начальник штаба фронта ген. М.В. Алексеев принял решение немедленно бросить армии южного крыла на помощь северному крылу. Отсюда и новый приказ штаба фронта об изменениях плана. Однако, воспользовавшись тем, что колебавшийся главнокомандующий ген. Н.И. Иванов не решился отдать прямого приказа, ген. Н.В. Рузский решил пренебречь директивой Алексеева и продолжать наступление на Львов. Прежде прочих на этом решении настаивал генерал-квартирмейстер 3-й армии ген. М.Д. Бонч-Бруевич. Надо сказать, что ген. Н.В. Рузский зависел от мнения ген. М.Д. Бонч-Бруевича вследствие своей болезни: «Сам генерал Рузский, вообще человек со светлой головой, стратегическим чутьем и большим психологическим пониманием,

страдал болезнью печени в тяжелой форме, что заставляло его прибегать к морфию и ставило в зависимость от сотрудников»¹.

Выбор главным объектом действий для 3-й армии Львова отвечал идеям плана войны и первым директивам главноюжа от 2 августа. Однако по мере выяснения обстановки ситуация менялась, и Н.В. Рузский отказался от выполнения приказов М.В. Алексеева. Командарм-3 считал, что подчиняется только генералу Иванову, а его начальник штаба не может отдавать приказов командармам. Также 3-я армия наступала сомкнутой массой в лоб, в то время как в современной войне надо охватывать фланг, и менять своих планов командарм-3 не собирался: привычка действовать фронтально, в лоб, оставалась «визитной карточкой» ген. Н.В. Рузского в ходе всей войны. Для 3-й армии свободным флангом был северный, к стыку с 5-й армией, но именно сюда, куда приказывал наступать М.В. Алексеев, 3-я армия и не пошла.

Между тем восточнее Львова выдвинулись и австрийцы. 13 августа противники столкнулись в сражении на реке Золотая Липа. В ходе встречного сражения 13—14 августа австрийцы были сломлены и отброшены на запад. Только пленными противник потерял более 10 тыс. чел., также оставив русским в качестве трофеев более 50 орудий. Жажда реванша и надеясь вырвать победу, Брудерман приказал группе Кёвесса спешить ему на помощь. Кроме того, к Львову уже подходили передовые дивизии 2-й армии ген. Э. фон Бём-Эрмолли, перебрасываемые из Сербии. Однако вслед за группой Кёвесса бросилась русская 8-я армия ген. А.А. Брусилова, которая практически полностью уничтожила противника в сражении 15 августа у Подгайцев. В итоге к моменту сражения на реке Гнилая Липа не австрийский, а русский командарм-3 получил подкрепления в виде 8-й армии.

В сражении на Гнилой Липе 17—18 августа 3-я австрийская армия была во второй раз разгромлена и отброшена к Львову. В этот момент для Рузского и наступил «момент истины». В боях восточнее Львова русскими трофеями, даже по австрийским данным, стали 114 орудий. Тем не менее упорство противника позволило Рузскому не выполнять ни директив штаба фронта, ни даже распоряжений Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича — дяди императора. Опираясь на то, что противника необходимо добить, войска 3-й армии двинулись прямо на Львов, хотя в это время соеди-

---

¹ Доманевский В.Н. Мировая война. Кампания 1914 года. Париж. 1929. С. 60.

нения 5-й армии ген. П.А. Плеве изнемогали в боях на Холмском направлении с превосходными силами противника.

Начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев предполагал, закрывшись от 2-й и 3-й австрийских армий 8-й русской армией Брусилова, направить 3-ю армию Рузского в тыл 4-й австрийской армии, после чего окружить и уничтожить 4-ю и 1-ю австрийские армии. Начиная с 11 августа, алексеевская директива повторялась четыре раза. Однако же, во многом действуя под влиянием В.А. Драгомирова и М.Д. Бонч-Бруевича, генерал Рузский отдал приказ о движении на Львов. Участник войны Б.Н. Сергеевский вспоминал: «Вместе со многими офицерами Генерального штаба, я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел “на поводу” у своего начальника штаба, пресловутого ген. Бонч-Бруевича»¹. Неповиновение командарма-3 позволит противнику не только избежать громадного «котла», но даже и чуть ли не вырвать победу в Галицийской битве. Русская Ставка сможет выправить ситуацию лишь отправкой под Люблин 9-й армии ген. П.А. Лечицкого.

Проблема соподчинения внутри высшего российского генералитета заключалась в том, что Н.В. Рузский пользовался особым покровительством военного министра Сухомлинова, являясь его личным другом. Помимо того, генералу Рузскому симпатизировал и начальник штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх) ген. Н.Н. Янушкевич, ставший ближайшим сотрудником Верховного главнокомандующего, несмотря на свои приятельские отношения с ген. В.А. Сухомлиновым, который был с великим князем Николаем Николаевичем личными врагами. Н.Н. Головин пишет, что генерал Янушкевич, «обязанный головокружительной карьерой мирного времени последнему, принимал все зависящие от него меры, чтобы охранить перед Великим Князем личные интересы генерала Рузского». Вдобавок генерал Алексеев по службе был младше генерала Рузского. Командующий Киевским военным округом (теперь — Юго-Западным фронтом) ген. Н.И. Иванов симпатизировал генералу Драгомирову, который также поддерживал генерала Рузского в наступлении на Львов. Поэтому-то Иванов и не согласился со стратегическими решениями М.В. Алексеева по уничтожению главных сил противника, и командарм-3 ген. Н.В. Рузский получил карт-бланш на продолжение операции против уже никому не нужного Львова.

---

¹ Цит. по: Граф Келлер. М., 2007. С. 338.

Во-первых, ген. Н.В. Рузский прекрасно знал, что взятие столицы австрийской Галиции чрезвычайно выгодно по политическим соображениям, что позволит по своим плюсам в глазах Верховного главнокомандования превзойти минусы, заключавшиеся в том, что противник сумеет избежать окружения. Также Ставка в принципе рассматривала успех по географическим пунктам, и потому триумф победителя Львова должен был превзойти успех уничтожения 300 тыс. австрийцев. Кроме того, окруженная австрийская группировка уничтожалась бы соединенными усилиями всех армий фронта, в то время как львовским триумфатором мог быть только один. На Северо-Западном фронте подобная ситуация привела к чрезмерному вниманию в отношении крепости Кенигсберг со стороны командарма-1 ген. П.К. Ренненкампа, что позволило стремительно действовавшим немцам разгромить 2-ю русскую армию ген. А.В. Самсонова под Танненбергом.

Во-вторых, командованием 3-й армии Львов представлялся сильно укрепленной крепостью, хотя еще до войны было известно, что здесь остались только старые заброшенные форты. Вооружение Львова состояло лишь из 28 пушек. Австрийское командование, и без того уступавшее русским в артиллерийском отношении, полагало, что «в случае необходимости вооружение крепости должно было быть усилено полевой армией»¹. Тем не менее штаб 3-й армии докладывал, что для штурма Львова будут необходимы все наличные силы. В то же время 8-я армия, не имея перед собой надлежащего сопротивления, выходила к Львову с юго-востока. Таким образом, командарм-3, преследуя собственные честолюбивые цели, сорвал планы Алексева, нацеленные на разгром австро-венгерской армии. В итоге вывести из войны Австро-Венгрию так и не удалось, хотя противник получил сильный удар по своей обороноспособности.

20 августа 3-я армия вышла к Львову, который уже покидался противником, ибо Конрад фон Гётцендорф отнюдь не собирался напрасно терять в Львове, который вполне мог стать «мышеловкой», своих людей. Штурм намечался на 22-е число, однако русские авангарды ворвались в город, после чего туда втянулась и вся 3-я армия. В тылу пресса представила взятие Львова без боя как итог многодневной кровопролитной операции, имевшей заключением кровавый штурм Львова. Например, в дневниковой записи от 23 августа 1914 г. одна

---

¹ Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 1. Вып. 1. С. 166.

аристократка записывала: «Эта победа имеет громадное значение. Упорный, кровопролитный бой, продолжавшийся семь суток, мог кончиться только разгромом одной из армий и блестящей победой другой. Мы победили. Мы завоевали сердце Галиции, и с ним свободу галицийских славян»¹.

Генерал Рузский добился поставленной цели: за Львов, который, повторимся, был оставлен противником без боя, он был удостоен беспрецедентной награды — одновременного награждения орденом Св. Георгия 4-й и 3-й степени. Н.В. Рузский стал первым среди генералов георгиевским кавалером в Первую мировую войну. То есть командарм, не выполнивший приказов свыше и потому позволивший противнику избежать катастрофы, был награжден высочайшими орденами Российской империи, а вскоре будет повышен в должности. Причина такой ненормальности проста. Дело в том, что русское военно-политическое руководство всеми силами пыталось затушевать неблагоприятные последствия разгрома 2-й армии Северо-Западного фронта под Танненбергом 17 августа. Для этого требовалась любая мало-мальски могущая быть выставленной в качестве выдающейся победа. И вот — падение Львова. Потому-то Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич и пошел на столь непривычное награждение. Радостная истерия прокатилась как по фронту, так и по тылу. 21 августа император Николай II записывает в своем дневнике: «Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу!.. Невероятно счастлив этой победе, и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»² Зато имя генерала Рузского отныне стало известно всей России.

Иными словами, рядовая, по сути, победа под Львовом была сознательно раздута Ставкой в собственных интересах, что одновременно соответствовало и оперативному воззрению штаба Верховного главнокомандующего, и его самого лично: «Стратегический примитив, великий князь Николай Николаевич расценивал явления войны по-обывательски. Победу он видел в продвижении вперед и в занятии географических пунктов: чем крупнее был занятый город, тем, очевидно, крупнее была победа. Эта “обывательская” точка зрения великого князя особенно ярко сказалась в его ликующей телеграмме Государю по поводу взятия Львова, где он ходатайствовал о награждении

¹ *Сайн-Витгенштейн Е.Н.* Дневник 1914—1918. Париж. 1986. С. 24.

² Дневник Николая II (1913—1918). М., 2007. С. 165.

генерала Рузского сразу двумя Георгиями. А между тем вся львовская авантюра генерала Рузского была стратегическим преступлением, за которое виновника надлежало предать суду и, во всяком случае, отрешить от должности. Вся тлетворная карьера генерала Рузского была создана этой обывательской расценкой Верховного»¹. Львовская эпопея ген. Н.В. Рузского приводит к одному весьма важному вопросу. А именно: могла ли страна, где военачальники награждались не за разгром живой силы противника, а за бескровное взятие известных географических пунктов, добиться победы в Первой мировой войне? Как это не похоже, к примеру, на графа А. фон Шлиффена, готового пожертвовать и Сааром, и Восточной Пруссией, и Познанью, лишь бы в шесть недель уничтожить Францию в гигантском генеральном сражении на окружение — «Больших Каннах».

Своим движением на Львов командарм-3 ген. Н.В. Рузский разорвал внутреннее единство Галицийской битвы, фактически превратив единую фронтовую операцию армий Юго-Западного фронта в две отдельные армейские операции. Поэтому, пока русские полководцы добивались дешевых лавров, противник не терял времени. Оценив обстановку после поражения 3-й армии в сражении на Гнилой Липе, Конрад, сосредоточивая 2-ю армию западнее Львова, одновременно развернул сюда 4-ю армию. Если русские стремились к политической славе, то австрийцы попытались вырвать победу в собственно военном отношении. В итоге в районе города Рава-Русская, занятого только теперь выдвигавшимися на север, на помощь 5-й армии, войсками 3-й армии, началось встречное сражение с превосходящими силами 4-й австрийской армии ген. М. фон Ауффенберга.

В это время 8-я русская армия ген. А.А. Брусилова вела тяжелые оборонительные бои против 3-й и 2-й австрийских армий, надвигавшихся строго с запада, с городокских позиций, переходивших из рук в руки. Части 5-й русской армии ген. П.А. Плеве, согласно планам штаба Юго-Западного фронта, готовилась перейти в контрнаступление, совместно с 4-й армией ген. А.Е. Эверта и 9-й армией ген. П.А. Лечицкого. Соединения 3-й армии, вовремя не ударившие в тыл 4-й австрийской армии, теперь были вынуждены обороняться против ее атак. Алексеев приказал 3-й армии помочь войскам 8-й армии, чтобы избежать поражения, так как у атаковавшего 3-ю армию неприятеля не было существенного превосходства в силах и средствах. Несмотря

---

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 3. С. 276.

на это, командарм-3 в ответ потребовал немедленного наступления 5-й армии, чтобы та отвлекла на себя часть сил противника. О боях под Равой-Русской на заключительном этапе Галицийской битвы советский исследователь пишет: «Тонкий интриган, Рузский доносит, что он может помочь 8-й армии лишь после занятия Равы-Русской, для чего требуется содействие левофланговых корпусов 5-й армии. Выходит, что весь успех операции зависит от боевой работы 8-й армии, где неблагополучно, а у него, Рузского, все хорошо, стоит только взять Рава-Русскую — и все будет в порядке, но вот 5-я армия медлит. Войска сильно утомлены, пишет Рузский [29 августа в штаб фронта], большая убыль, особенно в офицерах, армия в состоянии держаться, но для активных действий требуется помощь 5-й армии. Таким образом, все дело в том, что и 5-я армия, и 8-я, не обеспечивают успешно развивающихся действий его (Рузского) армии»¹.

Иными словами, в свое время командарм-3 отказал в помощи терпящей поражение 5-й армии, лишь бы добиться собственного триумфа, а теперь требовал ее содействия, чтобы оказать помощь войскам генерала Брусилова. Это говорит о том, что характеристика, данная генералу Рузскому А.А. Брусиловым, совершенно справедлива: «Человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб своим соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято предписывались»².

В войсках же командарм-3 воспринимался в качестве отличного командира. И неудивительно, так как 3-я армия шла от победы к победе, от наград к наградам. А тот факт, что страдали соседние армии — 5-я и 8-я, офицерами и солдатами 3-й армии в расчет не особенно принимался. Например, Б.В. Сергиевский восторженно вспоминал, что 33-я пехотная дивизия (21-й армейский корпус) без отдыха была брошена на Рава-Русскую, что позволило отрезать австрийцев, и войска 3-й армии взяли только пленными 27 тыс. чел. О том, что такое положение вещей было обеспечено упорным сопротивлением 8-й армии против превосходящих сил неприятеля и наступлением корпусов 5-й армии на Томашов, конечно, в рядах армии не подозревали. Получалось, что «генерал Рузский был подлинным героем,

---

¹ Коленковский А. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М., 1940. С. 261.

² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 67.

которого офицеры и солдаты боготворили; все безусловно доверяли его знаниям и его военному гению»¹.

В результате наступления 9-й, 4-й и 5-й армий австрийские войска стали отступать. Чтобы не оставить в окружении половину армии, Конрад фон Гётцендорф, не сумев вырвать победу разгромом 3-й и 8-й русских армий, приказал отступать в ночь на 31 августа. Всего в ходе Галицийской битвы австро-венгры потеряли до 400 тыс. чел.; русские — 230 тыс. В течение 1—8 сентября, ведя преследование откатывающегося к Карпатам неприятеля, русские армии выходили к реке Сан.

Однако в рядах 3-й армии уже не было генерала Рузского. Разрекламированный на всю страну полководец получил повышение в должности — пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта (главкосевзапа). Командармом-3 стал комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев.

ВАРШАВА — ЛОДЗЬ — АВГУСТОВ

3 сентября 1914 г. ген. Н.В. Рузский становится главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, сменив в этой должности ген. Я.Г. Жилинского, умудрившегося проиграть немцам Восточно-Прусскую операцию, имея полуторное превосходство в силах и задел в виде побед 1-й армии под Гумбинненом и 2-й армии при Орлау — Франкенау. Письмо офицера из штаба фронта сообщает: «С вступлением Рузского в командование армиями прусского фронта, наши действия там сразу приняли более идейный характер (стратегическая сторона). Жилинский этого не сумел сделать: его единственное стремление было то, чтобы армии не вырвались из его управления, поэтому он иногда душил частную инициативу и забывал все остальные»².

Н.В. Рузский стал первым русским командармом, получившим повышение до главкома фронта. Причины назначения именно генерала Рузского на Северо-Западный фронт заключались в нескольких факторах:

1. Принципиальная необходимость смены главкосевзапа ген. Я.Г. Жилинского, выказавшего ужасающую бездарность в период наступления в Восточную Пруссию, а затем еще и преступную рас-

¹ Борис Васильевич Сергиевский. 1888—1971. Нью-Йорк. 1975. С. 27.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 162.

терянность, наряду с массой тяжелых ошибок в управлении войсками, во время оборонительных действий 1-й русской армии.

2. Новым главкосевзапом, естественно, мог стать лишь тот командарм, что наиболее отличился в сражениях августа месяца (причем — именно в наступательных действиях); из всех командармов к моменту принятия решения смены главкосевзапа последовательно от успеха к успеху шли только 3-я и 8-я армии.

3. Наряду с беспрецедентным награждением преимущества командарма-3 ген. Н.В. Рузского перед командармом-8 ген. А.А. Брусиловым являлись характерными для русской армии той поры: Академия Генерального штаба и старшинство в чине.

4. Поддержка кандидатуры ген. Н.В. Рузского со стороны начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевича и генерал-квартирмейстера Ставки ген. Ю.Н. Данилова, с чем был вынужден согласиться протезировавший генералу Брусилову великий князь Николай Николаевич.

5. Необходимость широкой рекламы в тылу и в действующей армии овладения Львовом, дабы затушевать неблагоприятное впечатление от поражения Северо-Западного фронта; соответственно, назначение генерала Рузского должно было показать, что ситуация будет исправлена в короткие сроки.

В начале сентября Северо-Западный фронт включал в себя три армии: 1-ю армию П.К. Ренненкампа, в которую шли резервы; управлявшуюся после Танненберга 2-ю армию С.М. Шейдемана; и создаваемую из корпусов второго стратегического эшелона 10-ю армию В.Е. Флуга. В итоге к десятым числам сентября русские могли полагать свое положение на Северо-Западном фронте достаточно стабильным: против сильной 8-й германской армии (8 полевых армейских корпусов, 2 кавалерийские дивизии и несколько отдельных дивизий ландвера и крепостных гарнизонов) стояли сразу три русские армии (16 армейских корпусов (частично — обескровленных) плюс многочисленная конница). Общая численность войск Северо-Западного фронта — около 435 тыс. штыков и сабель. Кроме того, из глубины страны в Польшу шли 1-й и 2-й Сибирские корпуса, и еще 2-й Кавказский корпус.

Назначение ген. Н.В. Рузского на должность главкосевзапа произвело благоприятное впечатление как на войска, так и на штаб фронта. До войны Н.В. Рузский пользовался определенной известностью в военных кругах как умный и строгий военачальник. К тому же

слава «победителя Львова» вынуждала воспринимать генерала Рузского в качестве лучшей альтернативы тому бардаку, что творился при ген. Я.Г. Жилинском. Один из офицеров штаба Северо-Западного фронта Ю. Плюшевский-Плющик в своем фронтовом дневнике так писал о назначении ген. Н.В. Рузского на должность главковсевзапа: «К этому назначению все отнеслись с полным доверием, а приветливый и спокойный вид генерала Рузского еще более усилил это впечатление. Новый главнокомандующий, первое, что сделал, обошел все помещения, поговорил с каждым и вообще дал понять, что он человек доступный, с которым можно работать, не только исполняя приказания, но и высказывая свое мнение. Дай Бог ему успеха, но тяжелое наследство он принял»¹.

Нельзя не отметить, что назначение ген. Н.В. Рузского было если и не самым верным, то все-таки наиболее логичным. Войска 3-й армии одержали несколько побед на Юго-Западном фронте — на Двух Липах, овладели Львовом, успешно оборонялись под Равой-Русской. Кто же еще мог претендовать на повышение? Вдобавок именно из 3-й и 8-й армий августа 1914 года выйдет больше всего командармов, начавших войну комкорами. В 8-й армии это комкор-8 ген. Р.Д. Радко-Дмитриев, сменивший самого Рузского в сентябре; комкор-12 ген. Л.В. Леш и комкор-24 ген. А.А. Цуриков. В 3-й армии это комкор-10 ген. Ф.В. Сиверс, комкор-9 ген. Д.Г. Щербачев и комкор-11 ген. В.В. Сахаров. Один из них — генерал Сахаров — еще при царской власти также станет командующим фронтом — Румынским. А после революции этот пост займет Д.Г. Щербачев.

Однако теперь ген. Н.В. Рузский должен был действовать против немцев, а не австрийцев. Разница же между этими врагами прекрасно сознавалась еще до войны, а в ее ходе только лишь усугублялась. Кроме того, Рузскому противостоял лучший германский полководец Первой мировой войны (если не вообще лучший полководец из всех воюющих сторон) — начальник штаба германского Главного командования на Востоке ген. Э. Людендорф. Неудивительно, что о действиях генерала Рузского на Северо-Западном фронте разные люди в своих письмах говорили по-разному: «Очень жаль бедного генерала Жилинского, незаслуженно смененного и стоически перенесшего этот удар... Новый главнокомандующий Рузский — человек очень спокойный, простой и справедливый произвел самое лучшее

---

¹ Военно-исторический вестник. 1964. № 23. С. 7.

впечатление»¹. Или: «Русский, увы, оказался превознесенным далеко не по заслугам, а его первые военные действия в Галиции — громадная удача и только. Здесь он себя ничем не рекомендует, и его далеко не хвалят свыше... Герои выше всякой похвалы — Брусилов и Радко-Дмитриев»². Воевать против немцев оказалось далеко не одно и то же, что против австрийцев, и в 1915 г. победители австрийского фронта испытают это на себе.

В этот момент немцы потерпели поражение в Битве на Марне во Франции, 10 сентября начав отступление. Следовательно, германцы в лице главнокомандующего на Востоке ген. П. фон Гинденбурга и его начальника штаба ген. Э. Людендорфа могли рассчитывать только на свои силы, что уже находились в их распоряжении. В сложившейся ситуации — поражение армий Центральных держав во Франции и в Галиции — даже не лучшей, а единственно возможной обороной могло быть исключительно нападение. Перегруппировав львиную долю сил и средств в 9-ю германскую армию, Гинденбург и Людендорф, получив в подкрепление две австро-венгерские армии, 15 сентября перешли в наступление на Средней Висле.

План австро-германцев был прост и красив. Имея против себя превосходные в силах русские фронты на флангах — на подступах к Восточной Пруссии и перед Карпатами, Людендорф, намереваясь перехватить инициативу действий, бьет в самое слабое место русского фронта — в почти неприкрытую линию Средней Вислы. Овладев двумя переправами через эту линию — крепостью Ивангород и Варшавой, немцы могли бы запереть русских на линии государственной границы, не позволив им развить наступление на флангах. Кроме того, взятие Варшавы, как полагали немцы, имело бы громадный политический резонанс.

В свою очередь, русская Ставка намеревалась предпринять наступление сразу на Берлин: прямолинейный удар по кратчайшему направлению с целью быстрого окончания войны. Для этого 2-я армия Северо-Западного фронта должна была подтягиваться к Варшаве, а 4-я и 5-я армии Юго-Западного фронта — к Ивангороду. Общее руководство этими армиями вручалось штабу Юго-Западного фронта, в связи с неопытностью реорганизованного штаба Северо-Западного фронта и необходимостью восстановить мощь соединений 1-й и 2-й армий,

---

¹ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 826. Оп. 1. Д. 340. Л. 156.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 278.

потерпевших поражение в Восточно-Прусской наступательной операции. Созданная ударная группировка наступала бы в Познань, в то время как 1-я и 10-я армии блокировали немцев в Восточной Пруссии, а 9-я, 3-я и 8-я армии — в Карпатах. Людендорф предупредил русских, воспользовавшись преимуществом в сосредоточении и организации железнодорожного маневра. Поэтому, не успев подтянуть войска к назначенным пунктам, русские должны были обороняться, так как противник на первом этапе Варшавско-Ивангородской операции имел преимущество на главном направлении.

В середине сентября армии Северо-Западного фронта перешли к стратегической обороне по рубежам рек Неман, Бобр и Нарев, опасаясь нового удара германцев, столь блестяще проявивших себя в ходе Восточно-Прусской наступательной операции, закончившейся поражением русской стороны. В этот момент между армиями двух русских фронтов образовался гигантский промежуток, достигавший чуть ли не 350 верст — целиком левый берег Вислы (русская Польша) от крепости Новогеоргиевск и Варшавы до реки Дунаец. С русской стороны на Висле находились лишь небольшие гарнизоны в Варшаве и крепости Ивангород, да кавалерийский корпус ген. А.В. Новикова.

Приказ Ставки указывал новому главкосевзапу отправить 2-ю армию к Варшаве. Однако, не заметив начавшейся перегруппировки германцев, ген. Н.В. Рузский продолжил медленное отступление тремя армиями (1-я, 2-я, 10-я) перед 2,5 корпусами германцев, которые были оставлены здесь Гинденбургом в 8-й армии ген. Р. фон Шуберта. Прочие германские войска, составив 9-ю армию, 15 сентября бросились на крепость Ивангород. Итак, преувеличенное мнение о качестве германской военной машины, закономерно на определенном этапе после Танненберга перерастающее в своеобразную «германобоязнь», сразу же охватило генерала Рузского и его сотрудников. Теперь главкосевзап всемерно перестраховывался, не желая портить свою львовскую репутацию выдающегося полководца. Оттого и требовался как минимум двойной перевес в силах, чтобы свести риск до незначительной величины. Впрочем, в кампании 1914 г. ген. Н.В. Рузский вообще предпочтет не рисковать, лишь бы не потерпеть поражения, сравнимого с разгромом 2-й армии под Танненбергом.

Отход армий Северо-Западного фронта только увеличивал расстояние между сосредоточивающейся для наступления группировкой и северным крылом. Своим отступлением генерал Рузский еще больше оголял варшавское направление, оттягивая свои войска к северо-

востоку. Более того — главкосевзап вообще предложил отвести 2-ю армию на линию Белосток — Бельск, что отдавало врагу Варшаву без сопротивления. Даже у такой неволевой и малокомпетентной Ставки, как русская, подобное предложение вызвало недоумение, смешанное с негодованием. Ясное дело — не мог же ген. Н.В. Рузский, только-только совершивший стремительный карьерный взлет (первый из командармов, повышенный до главнокомандующего армиями фронта — фактически четвертое лицо в военной иерархии действующей армии — после Верховного главнокомандующего, его начальника штаба и главноюза ген. Н.И. Иванова), пожертвовать этой карьерой. Вот и отступали армии Северо-Западного фронта перед противником, уступавшим им в численности по меньшей мере впятеро.

Русский Верховный главнокомандующий отлично понимал, что Гинденбург не имеет в своем распоряжении и 10 корпусов, так к чему же отступать еще дальше, сдавая без боя линию Вислы, откуда должно было развиваться новое наступление? Так что вместо разрешения на отход генерал Рузский получил совершенно логичный и оправданный противоположный приказ о переброске 2-й армии к Варшаве и подготовке нового наступления в Восточную Пруссию силами 1-й и 10-й русских армий. Руководство ударной группировкой вверялось главноюзу ген. Н.И. Иванову, и, таким образом, в компетенцию Юго-Западного фронта переходила и 2-я армия ген. С.М. Шейдемана. Именно поэтому ген. Н.В. Рузский не торопился с выдвиганием 2-й армии в район Варшавы, предлагая сдать ее противнику. Это при том, что в составе 2-й армии числилось лишь два корпуса. В ходе боев за Варшаву такие действия главкосевзапа едва-едва не приведут к падению польской столицы и проигрышу операции.

В то время как 4-я и 5-я армии Юго-Западного фронта, не успевая подтянуться к Ивангороду, вели тяжелые бои вдоль линии Средней Вислы, штаб Северо-Западного фронта организовал новое наступление в Восточную Пруссию. Тем не менее наступление русских 1-й и 10-й армий, включавших в себя 9 корпусов числом в 280 тыс. чел., было успешно отражено двумя усиленными германскими корпусами общей численностью около 90 тыс. штыков и 6 тыс. сабель: 8-я германская армия ген. Р. фон Шуберта опиралась на заблаговременно подготовленную систему укреплений, а русские войска под водительством генерала Н.В. Рузского никак не могли отказаться от методов фронтальной атаки. Так как немцы были все-таки несколько оттеснены в Пруссию в боях 15—30 сентября, Ставка объявила

сражение «победой», но немцы в принципе и не могли разбить русских, имевших в своих рядах как минимум 4-кратное превосходство в живой силе. Зато действия 8-й армии сковали русские резервы до 20 сентября, как раз в момент броска ударной группировки ген. П. фон Гинденбурга к Варшаве и Ивангороду.

Главным виновником фактического провала операции (уничтожить немцев ведь все равно не удалось) был выставлен командарм-10 ген. В.Е. Флуг, которого отстранили с поста. Признать собственную вину, заключающуюся в оперативно-тактическом неумении организовать не только фронтовую, но даже и отдельные армейские операции, главкосевап ген. Н.В. Рузский не собирался, что он неоднократно докажет и впоследствии. При этом главной причиной поражения стал отказ штаба фронта от маневра: русские части двигались вперед «стеной корпусов», нанося фронтальные удары в лоб. Такой пассивный метод ведения боя подчеркивает «меньшую тактическую подготовку» войск, «боязнь маневра» с их стороны. В условиях современной войны, ведущейся могущественным огнем и громадными массами войск, «не является необходимым, как сто лет тому назад, держать корпуса локоть к локтю, образовывать оперативную фалангу. Поддержка столкнувшихся с неприятелем частей становится возможной с пунктов, все более и более удаленных от места завязки боя»¹. Талантливый полководец будет вести сражение на большом пространстве, умело используя тактику и оперативное искусство. Пространственность маневра вообще должна была быть присуща русской стороне, как обладающей превосходством в людском числе. Между тем русские полководцы «скучивали» войска, опасаясь фланговых ударов германцев, что приводило к большим потерям, ибо противник имел преимущество в огне. Лишь немногие отваживались действовать маневром и умением, а не числом и кровью.

Это было только начало. Не сумев захватить крепость Ивангород, Гинденбург бросил на Варшаву ударную группу ген. А. фон Макензена в составе трех корпусов. 25 сентября немцы заняли Лодзь, а 26 сентября подошли к району Варшавы, войдя в местечко Гройцы. Таким образом, перейдя к стратегической обороне под Ивангородом, Э. Людендорф перенес наступательные усилия на варшавское направление. Рузский не собирался защищать Варшаву, намереваясь закрепиться на правом берегу Вислы, но Иванов «настоял на необходимости удержать Вар-

---

¹ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 463, 526.

шаву и использовать ее как плацдарм для перевода нескольких армий на левый берег Вислы и дальнейшего наступления на Берлин»¹.

В этот момент польскую столицу защищал Варшавский отряд ген. П.Д. Ольховского численностью в 55 тыс. штыков при 1629 орудиях, из которых 1459 орудий находилось в крепости Новогеоргиевск, севернее Варшавы (противник надвигался с юга), так как перед войной Варшава как крепость была упразднена и, следовательно, почти разоружена. Примечательно, что в этот тяжелейший момент ген. Н.В. Рузский нашел время, чтобы побывать в Ставке. 21 сентября в Барановичи, где находилась Ставка, прибыл сам император. Рузский приехал на следующий день, удостоился беседы с Николаем II и был произведен в генерал-адъютанты. Награда, конечно, вещь нужная, однако можно ли было подождать — когда германцы рвались к Варшаве, а фронт нуждался в управлении своего командующего?

В упорных кровопролитных боях 28—29 сентября немцы прижали Варшавский отряд к Висле, заняв ряд предместий. Варшава готовилась к спешной эвакуации. Так как 2-я русская армия еще не успела подойти к Варшаве, то город был бы обречен. Преувеличение русскими сил противника еще более играло на стороне немцев. Сумятица у столицы Польши даже вызвала слухи о смене командования: «Дела сейчас вообще плохие. Вместо Рузского теперь Куропаткин. Рузского выставили за то, что он стоял за отдачу Варшавы и выравнивание фронта. Кроме того, у него в штабе оказались шпионы»². Обратим внимание, что назначение А.Н. Куропаткина на должность главнокомандующего фронтом муссировалось уже осенью 1914 г.

Столицу Польши спасли подошедшие эшелоны с 1-м Сибирским и 4-м армейским корпусами, вступившими в бой прямо с колес. Группа генерала Макензена была остановлена, а затем отброшена от Варшавы. Так как польскую столицу непосредственно защищала 2-я армия Северо-Западного фронта, хотя ответственность за операцию нес штаб Юго-Западного фронта, вся слава досталась главкосевзапу ген. Н.В. Рузскому, практически не имевшему отношения к обороне Варшавы. Ведь 2 октября, уже после кризиса в Варшавском сражении³, 2-я армия была возвращена в состав Северо-Западного фронта.

¹ *Нелипович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 6—7.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 257.

³ Подробнее см.: *Нелипович С.Г.* Варшавское сражение. Октябрь 1914. М.: Цейхгауз. 2006.

и формально вышло, что обороной польской столицы руководил штаб Рузского. О том, что атаки 4-й и 5-й армий через Вислу позволили сковать часть неприятельских резервов, которые могли бы подкрепить группу Макензена, вообще не говорилось.

В результате 30 сентября директивой Верховного главнокомандующего ответственность за подготовку и выполнение контрудара была возложена на ген. Н.В. Рузского. Весь первый период Варшавско-Ивангородской операции генерал Рузский старался саботировать указания Ставки по выделению войск из состава Северо-Западного фронта под Варшаву. Главкосевзап боялся наступления противника из Восточной Пруссии и своего поражения, что в корне подрывало его послельвовскую репутацию. Такое опасение имело следствием постоянное намерение действовать против германцев превосходными силами, с абсолютным исключением риска из оперативной деятельности, и стремление держаться принципов раз принятого плана, с запаздыванием реагируя на изменение обстановки. Известный психолог указывает на «инертность ума» таких полководцев: «Упорство полководца никогда не должно иметь свой источник в недостаточной подвижности его ума, в косности мысли. Хороший полководец всегда видит наряду с принятым им планом действий возможность ряда других способов решения задачи. Бывают люди, ум которых настолько подчиняется однажды принятой ими руководящей идее, что не способен даже понять другого хода мысли, противоречащего этой идее или никак с ней не связанного... к роли военачальника люди с таким складом ума малопригодны. Еще хуже, если ум скован не собственной идеей, а определенными шаблонами мысли и действия. В первом случае ум, невзирая на узость и малую подвижность, может быть творческим и глубоким, во втором случае имеет место подлинная косность и слабость ума. Полководцы с таким инертным умом, находящимся во власти мертвых шаблонов, заведомо обречены на неудачи»¹.

Иными словами, в стремлении удержать на плаву стремительно развивавшуюся карьеру, ген. Н.В. Рузский боялся потерпеть поражение и быть смененным. Потому-то он перешел к обороне превосходными силами. А в конечном итоге повернул дело так, что оказался заодно и «героем Варшавы». Нельзя не сказать, что передача района Варшавы и права на контрнаступление от ее фортов были переданы

¹ *Теплов Б.М.* Ум полководца. М., 1990. С. 129—130.

Рузскому Ставкой в связи с неспособностью главкоюза Иванова справиться с задачей руководства той массой войск, что располагалась между Варшавой и Перемышлем. Поэтому управление войсками, действующими на Средней Висле, было разделено между фронтами, причем главкосоюзаву логично достался район Варшавы¹. Определенные круги польского истеблишмента даже настаивали на преподнесении главкосоюзаву польской общественностью почетной шпаги «За спасение Варшавы». Тем не менее генерал Рузский отказался от всех этих ненужных почестей. Однако в памяти общественности имя Н.В. Рузского стало прочно связываться с отражением германского наступления на Варшаву в 1914 г.

Со сосредоточением 2-й, 4-й и 5-й армий Ставка предписала войскам фронтов перейти в атаку. В ходе русского контрнаступления, начавшегося 8 октября, австро-германцы потерпели поражение и стали отступать. Но при этом генерал Людендорф составил план нового удара по Варшаве с северного фланга через крепость Торн. И пока русские фронты, преодолевая разрушенную противником в ходе отхода инфраструктуру, медленно сосредоточивались на левом берегу Вислы, готовясь к очередной попытке наступления на Берлин, германцы уже проводили перегруппировку. Уже 29 октября, не дав русским времени на передышку, германская 9-я армия ген. А. фон Макензена бросится вперед, отрезая 2-ю русскую армию, расположившуюся в Лодзи. Главным козырем немцев, дававшим им преимущество в бою, было превосходство в тяжелой артиллерии. В приказе по войскам фронта от 16 октября 1914 г. Рузский в ответ на сообщения, что войска жалуются на впечатление огня тяжелой германской артиллерии, указал: «Внушить войскам, что сила огня тяжелой артиллерии проявляется, главным образом, при стрельбе на большие дистанции и лучшим средством ослабить потери от этого огня — это приблизиться к противнику на меньшую дистанцию, так как на средних, а особенно на близких дистанциях сила огня тяжелых орудий значительно слабее; переменить же позиции тяжелая артиллерия скоро не может»². То есть — атака есть лучшая панацея от гибельности огня.

Нельзя не отдать должное организаторскому уму ген. Н.В. Рузского. Подготавливая наступление в Германию, великий князь Николай

¹ История Первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 1. С. 371.

² РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 51. Л. 171.

Николаевич потребовал от штабов фронтов представить собственные идеи по поводу предстоящего наступления. Рузский предложил наступать тремя группировками от Восточной Пруссии до Галиции. Ударная часть — 2-я, 5-я, 4-я армии. Корпуса 1-й армии — прикрывают главную группировку со стороны Восточной Пруссии. Таким образом, генерал Рузский фактически предлагает разделить разросшийся Северо-Западный фронт на два (23 октября именно Н.В. Рузский вновь предложил создать против Восточной Пруссии самостоятельный фронт¹, сознавая, что одновременно руководить и наступлением в глубь Германии, и сковывать восточнопрусскую группировку противника — дело нелегкое). Также главкосевзап предлагает наступать сразу на всем Восточном фронте, чтобы не давать неприятелю возможности маневрировать резервами, перебрасывая их на избранные направления.

В свою очередь, главноюз ген. Н.И. Иванов смешал фронт наступления к югу — в район Кракова и Верхней Вислы. План ген. Н.В. Рузского имел в виду силезско-познанское направление, которое кратчайшим путем вело к Берлину. Понятно, что предложение главкосевзапа более отвечало намерениям великого князя Николая Николаевича. Так что Янушкевич отказал штабу Юго-Западного фронта в штурме Краковского крепостного района, предпочитая наступать прямо на Берлин. В итоге, как стало ясно, Верховный главнокомандующий, рассмотрев предложения главнокомандующих фронтами, принял немного измененный план генерала Рузского, как более отвечающий склонным к скорейшей «вырубке» союзников идеям Ставки. Компромиссным решением стал отказ от образования нового фронта, с передачей ударной группировки в состав Северо-Западного фронта, которая по большей части и составлялась из его войск. В то же время сосредоточение в 10-й армии ген. Ф.В. Сиверса, блокировавшей Восточную Пруссию, больших сил не позволит главкосевзапу иметь сильные резервы.

Таким образом, великий князь Николай Николаевич предоставил свободу инициативы полностью в руки главнокомандующего Северо-Западным фронтом, который должен был возглавить вторжение в Германию. При этом штаб Ставки не внес никаких уточняющих положений в разработанный штабом Северо-Западного фронта и впоследствии утвержденный Ставкой план наступления. Единственное,

---

¹ Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. М. — Л., 1936. С. 60.

на чем настаивал Верховный главнокомандующий, — это поджимание сроков перехода в наступление, чтобы не потерять темпа после окончания Варшавско-Ивангородской операции. Соответственно, ген. Н.В. Рузский фактически становился главным виновником исхода операции: слава победы или горечь поражения, прежде всего, ложились на его ответственность.

Еще в ходе контрнаступления ген. Н.В. Рузскому было выказано очередное благоволение Ставки. Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич 22 октября представил главнокомандующего Западного фронта к награждению орденом Св. Георгия 2-й степени. За две недели до того к этой же награде был представлен главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванов. Сам великий князь Николай Николаевич был награжден лишь орденом Св. Георгия 3-й степени. Относительно высокой чести этого ордена следует сказать, что к началу Первой мировой войны в Российской империи в живых было всего девять кавалеров ордена Св. Георгия 3-й степени, а кавалеров 2-й степени — ни одного¹.

Теперь бывший начальник и подчиненный сравнялись друг с другом. Следовательно, взятие Львова было приравнено к общему руководству четырьмя армиями фронта в Галицийской битве. А главное, беспрецедентная награда в виде двух орденов Св. Георгия еще более увеличилась, став тройной наградой за одну и ту же операцию. Как ни суди, а это — оценка действий 3-й армии и лично генерала Рузского в ходе Галицийской битвы Верховным главнокомандованием и, следовательно, оценка самого Верховного главнокомандования, допустившего данный прецедент. Из трех лучших полководцев Российской империи периода Первой мировой войны двое — М.В. Алексеев и А.А. Брусилов — вообще не получают такой высокой награды. Третий — ген. Н.Н. Юденич — будет награжден только после Эрзерума, получив две предшествовавшие степени за Сарыкамышскую и Алашкертскую операции. Месяцем раньше ген. Н.В. Рузский был пожалован вензелем генерал-адъютанта.

29 октября германцы начали новую операцию — Лодзинскую. Успешно совершив стремительную и не разгаданную русскими перегруппировку своих сил из Познани в Восточную Пруссию, германское командование на Востоке вновь вырвало инициативу действий. Ударная 9-я армия ген. А. фон Макензена в составе пяти с половиной

---

¹ Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980. С. 118.

армейских корпусов и пяти кавалерийских дивизий, сведенных в два кавалерийских корпуса, нанесла удар встык между 2-й русской армией ген. С.М. Шейдемана, готовившейся в Лодзи к наступлению на Берлин, и 1-й русской армией ген. П.К. Ренненкампа, еще только подтягивавшейся к Ловичу от Варшавы. Часть сил 9-й германской армии была переброшена из Франции. Тактической целью удара ставилось окружение 2-й русской армии в Лодзи и ее уничтожение. Стратегической целью — срыв готовившегося на 31 октября русского наступления в глубь Германии. По фронту удар 9-й германской армии поддерживался атаками 2-й, 1-й и 4-й австро-венгерских армий, а также немецкой группой ген. Р. фон Войрша.

В свою очередь, главкосевзап даже не сумел четко сориентировать своих подчиненных в задачах готовившегося наступления. Полагаясь всецело на численное преимущество, и не надеясь на маневр, Н.В. Рузский намеревался вытеснить немцев на территорию Германии, давя и нажимая числом, а не умением. Вдобавок к просчетам штаба фронта, испытывавшего «шатание» оперативной мысли, добавились некомплект войск и, как его следствие — отсутствие резерва главкома, который мог бы парировать любые не предвиденные планом случайности. В результате «главнокомандующим фронтом не была поставлена ясная и четкая задача в предстоящей операции командующими армиями. Последние, в традициях заученной в Академии Генерального штаба устаревшей стратегии, уяснили боевую задачу как равномерное наступление по фронту и вытеснение противника. Таким образом, не добившись единого понимания предстоящей операции командующими армий, корпусов и дивизий, главнокомандующий обрек фронт на неподготовленное наступление в отсутствие сильного резерва»¹. Добавим, что и директива Ставки требовала закрепления на определенных рубежах, прежде чем приступить к наступлению на Берлин.

Русское командование ожидало обороны неприятеля в Познани, строго к западу от Вислы, а получило удар с севера за два дня до окончания сосредоточения для наступления. Тем самым русское планирование рушилось в самом начале: теперь уже русские фронты были вынуждены обороняться. В составе 9-й германской армии насчи-

---

¹ Порошин А.А. Управленческая деятельность главнокомандующего Северо-Западным фронтом генерала Н.В. Рузского в Лодзинской операции // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 51.

тывалось 155 000 штыков и сабель при 960 орудиях и 450 пулеметах. С учетом резервов — 280 000 чел. при 1450 орудиях и 700 пулеметах. Три русские армии (1-я, 2-я и 5-я) имели в своем составе 368 500 штыков и сабель при 1300 орудиях и 740 пулеметах, в том числе в составе 2-й армии 160 000 чел. при 540 орудиях и 540 орудиях¹.

Первый удар противника обрушился на 5-й Сибирский корпус ген. Л.Л. Сидорина из состава 1-й армии, прикрывавший северный (правый) фланг 2-й армии. Не имея переправ через Вислу, 1-я армия не могла помочь своему авангарду. Оттеснив сибиряков, немцы ударили по 2-му армейскому корпусу ген. А.Е. Чурина, обозначая маневр на окружение 2-й армии в Лодзи. В то же время в штабе Северо-Западного фронта еще не придавали должного значения сражениям, развернувшимся на северном фланге 2-й армии... Главкомандующий армиями Северо-Западного фронта ген. Н.В. Рузский посчитал начавшееся сражение боями местного характера, а отход сибиряков — неустойчивостью войск и неумением начальников. В Ставке же еще 31 октября полагали, что германцы только-только начали свою перегруппировку и боями на северном фланге пытаются прикрыть свое расположение. Следовательно, несмотря на общее превосходство в силах, русские оказались слабее германцев на направлении главного удара. Дальше — больше: оттеснив стоявшие на дороге русские корпуса, генерал Макензен бросил в тыл 2-й русской армии 25-й резервный корпус ген. Р. фон Шеффер-Бояделя.

С самого начала главкомсевап неверно оценивал складывавшуюся обстановку. О сосредоточении крупных масс противника у Торна разведка донесла еще 27 октября, а 28—29 числа в штаб Северо-Западного фронта шли телеграммы, говорившие об угрозе германской группировки на правом фланге 2-й армии, но Рузский не верил разведанным. Потому-то сосредоточение ударной группировки прикрывалось одним 5-м Сибирским корпусом, что русские не верили в возможность немецкого сосредоточения у крепости Торн. Еще 26 октября Н.В. Рузский докладывал в Ставку, что противник, по всей видимости, готовится нанести встречный удар наступлению 2-й и 5-й армий. Но, по мысли главкомсевапа, этот удар мог быть возможен только в лоб на левом берегу Вислы, правда, возможно, «соединенный с ударом в правый фланг 2-й армии со стороны Нижней Вислы», где обнаружено сосредоточение неприятеля. То есть ген. Н.В. Рузский принял

---

¹ Рыбин Д. Лодзинская операция в 1914 году. М., 1938. С. 11, 14.

главную германскую группировку за вспомогательную, и наоборот. Участник войны характеризует генерала Рузского следующим образом: «...“рассудительность” его доходила до крайних пределов. Самый простой и ясный вопрос он обсуждал настолько продолжительно, что даже надоедал слушать офицерам его партии на полевых поездках... “тяжкоум”... Конечно, с такой особенностью духовного склада трудно быстро разгадать план противника или группировку его сил только по признакам, а не по разведкам, которые надо к тому же тщательно “проверить”»¹.

1 ноября великий князь Николай Николаевич передал 4-ю армию в подчинение Северо-Западному фронту и поручил Рузскому начать наступление в глубь Германии. Этот приказ говорит о том, что высшие штабы еще не осознали масштабов нависшей катастрофы: даже и на пятый день операции штаб фронта оставался в неведении относительно ее истинных масштабов. Сведениям, шедшим с атакуемого фронта, не верили. В тот же день генерал Рузский переподчинил 2-й армейский корпус 2-й армии командарму-1 П.К. Ренненкампу и приказал ему выбить неприятеля из района Кутно. В то же время, по мысли штаба фронта, 2-я армия, которая уже попадала в окружение, должна была, следуя ранее поставленной задаче, наступать на запад. Командарм-2 С.М. Шейдеман сразу же, как только получилось известие о боях на его северном крыле с сибиряками, заподозрил неладное. Но и он, в свою очередь, к сожалению, также не отважился противоречить своенравному Рузскому. Поэтому Шейдеман пошел на компромисс между требованиями штаба фронта и собственной реальной оценкой сложившейся обстановки: наступление 2-й армии, начавшееся 31 октября, протекало вяло, уступами, с поочередным прикрытием правого северного фланга двигавшимися вперед эшелонами.

2 ноября противник вклинился в промежуток между русскими 1-й и 2-й армиями, начав маневр по оттеснению 1-й армии за Вислу и Варту и окружению 2-й армии. Постепенно соединения 2-й армии стали вводиться в бои севернее и восточнее Лодзи, куда уже прорвался противник, а наступление само собой остановилось. И только теперь главнокомандующий армиями фронта отдает приказ о приостановке наступления 2-й армии и переброске 5-й армии П.А. Плева форсированными маршами под Варшаву и Лодзь. 4 ноября бои вокруг Лодзи

---

¹ Ларионов Я.М. Записки участника мировой войны. Харбин, 1936. С. 177.

заполыхали по всему фронту: с севера, востока и запада. Лишь на юге, откуда двигался командарм-5, войска 2-й армии не имели перед собой противника. О тяжести боев под Лодзью дает представление письмо офицера, участвовавшего в этих боях: «Все эти бои такой ужас, что и теперь я могу понять тех людей, которые в предвидении ожидающих их ужасов седеют, простреливают себе руки, ноги, лишь бы уйти из строя, или стреляются насмерть. Я их теперь не могу осуждать, потому что современная война требует такого страшного напряжения нервов, что они могут не выдержать»¹.

Утром 5 ноября германцы, поняв слабую боеспособность русской 1-й армии в наступлении, но, зная стойкость русских солдат в обороне, решают окружить только 2-ю армию. Опять-таки Макензен применил излюбленные немцами двойные «клещи»: с юго-востока начал обходной маневр 20-й армейский корпус (русский правый фланг), а усиленный 25-й резервный корпус, которым командовал генерал Шеффер, — с севера на юг. Именно группировка Шеффера и наносила главный удар, отрезая русскую 2-ю армию от 1-й. В то же время командармы Северо-Западного фронта фактически должны были действовать на свое усмотрение. Соответственно, в случае поражения всегда находились «козлы отпущения», а в случае победы — триумфатором представал главкосевзап и его штаб. Во введении к сборнику документов советская редакция указывает: «Штаб фронта и, главное, Рузский, по-видимому, не сознавали, что исключительная обстановка требует исключительных мер. Вместо того, чтобы лично вести ударную группу 1-й армии на выручку 2-й и 5-й армий, Рузский все это дело возложил на Ренненкампа, а сам с оперативным отделом штаба фронта выехал из Варшавы подальше в тыл — Седлец (200—250 км от фронта)»².

8 ноября немцы ворвались на юго-восточную окраину Лодзи, и лишь решительный контрудар всех войск, что оказались под рукой, позволил командарму-2 ген. С.М. Шейдеману удержаться. В этот момент, с подходом 5-й армии, с вечера 7-го числа, общее руководство оборонительными боями перешло в руки командарма-5 ген. П.А. Плеве, так как штаб фронта находился глубоко в тылу. Одновременно задача разрыва почти уже образовавшегося «котла» была возложена на 1-ю армию, которая 9 ноября перешла в решительное наступление.

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 339. Л. 84.

² См.: Лодзинская операция. Сборник документов империалистической войны. М. — Л., 1936. С. 20.

К 9 ноября в ходе развития Лодзинской операции и ее перелома в пользу русских, сумевших склонить успех на свою сторону доблестью солдат и численным превосходством, под самой Лодзью образовался «слоеный пирог»: обходившие фланги друг друга противники перемешались, и вышло так, что окружавшие сами стали окруженными. Ударная германская группа ген. Р. фон Шеффера-Бояделя, почти уже окружив русские силы в районе Лодзи, сама попала в окружение после перехода русских 1-й и 5-й армий в контрнаступление. Наступление 1-й армии Ренненкампа позволило русским поймать в «мешок» прорвавшуюся в русский тыл ударную группу германской 9-й армии — 25-й резервный корпус, 3-ю гвардейскую резервную дивизию и 9-ю кавалерийскую дивизию. Вечером 8 ноября Шеффер-Боядель, уже потерявший в боях восточнее Лодзи $\frac{3}{4}$ состава своих войск, получил приказ начать отступление. При этом германцы должны были пробиваться навстречу своей деблокирующей группировке на северо-запад, дабы оторваться от наседавшей русской конницы и Ловичского отряда, образованного из войск 1-й армии.

К этому моменту группировка ген. Р. фон Шеффера насчитывала всего 13 тыс. активных штыков и сабель. При этом Шеффер вел за собой 16 тыс. русских военнопленных и 64 трофейных орудия. Положение немцев казалось безнадежным, в русской Ставке и штабе Северо-Западного фронта предвкушали триумф, чтобы хоть немного рассчитаться за Танненберг. Однако русская конница, введенная в заблуждение относительно реальной численности противника (русских пленных посчитали за германцев), не решилась атаковать.

Оторвавшиеся от преследования немцы вышли к последнему рубежу русского «котла» на западной его стороне. В ходе боя 9—10 ноября с русской 6-й Сибирской стрелковой дивизией группа Шеффера, вместе с трофеями, практически сумела вырваться из окружения. В ночь на 11 ноября немцы, накануне вечером выведшие из боя все свои части и сконцентрировавшие их для решительного броска на северо-запад, начали прорыв на северном направлении. Помощи сибирякам не было. Дело заключалось в решительном просчете штаба Северо-Западного фронта: генерал Рузский отдал приказ об общем отходе армий фронта на восток в ночь на 11-е число. То есть, поняв, что 2-я армия теперь может выйти из окружения, комфронта отказался от продолжения борьбы за инициативу действий и решил перейти к оборонительным действиям, полагая исход боев под Лодзью проигранным. Следовательно, несмотря на то, что командарм-1 опро-

тестовал перед Ставкой решение Рузского и распорядился продолжить наступление, приказ штаба фронта внес определенную сумятицу в штабы армий и корпусов, вследствие чего окружение германской группы Шеффера не было завершено плотным обложением.

Накануне русским командованием в этот район были поданы специальные поезда для отправки немецких пленнх в тыл. Перехватившие телеграмму с этой информацией немцы полагали, что в развитии операции наступил самый критический момент. В свою очередь, русские штабы справедливо полагали, что группа ген. Р. фон Шеффера не сумеет уйти. Но фактор военного счастья и бездействие конницы сыграли немцам «в руку». Горстка пехоты дралась, в то время как две пехотные дивизии и ряд кавалерийских бригад даже не пытались вступить в бой. Как и всегда, кровь героев-сибиряков пролилась напрасно: от 6-й дивизии осталось лишь 1,5 тыс. чел. Кроме того, немцы взяли в плен раненых сибиряков: 3,5 тыс. солдат и 440 офицеров. Несмотря на громадные потери в ходе боев восточнее и южнее Лодзи (немцы потеряли здесь до 40 тыс. чел.), триумф противника был неоспорим. Мало того, что группа Шеффера пробилась из «котла», так еще с пленными, превышавшими по числу германскую группировку.

Главным виновником удавшегося прорыва германцев из окружения по праву является главнокомандующий Северо-Западным фронтом ген. Н.В. Рузский. Как говорилось выше, в ночь на 9 ноября он отдал распоряжение об отходе в ночь на 11-е число с северного участка всех трех армий. Конечно, генерал Рузский опасался, что противник сомнет северное внешнее кольцо окружения. Командармы П.А. Плеве и П.К. Ренненкампф выступили против такого решения, вновь отдававшего инициативу противнику, однако Н.В. Рузский сумел-таки настоять на выполнении приказа. Начавшийся было отход, грозивший обратиться в беспорядочное бегство, был остановлен волей Верховного главнокомандующего, превосходно сознававшего опасность подобных действий. Однако приостановка организации контрудара со стороны войск 1-й и 5-й армий имела следствием то обстоятельство, что на пути вырывавшегося ген. Р. фон Шеффера в Брезинах оказалась только одна русская 6-я Сибирская дивизия. Подкрепить ее по собственной инициативе П.К. Ренненкампф не решился, опасаясь собственного же начальства, предпочитавшего потерпеть поражение, но не признать собственных ошибок. Участник войны указывает, что генерал Рузский по своим личным качествам — «всегда склонный

к предвзятости». В итоге, отдав приказ об отходе от Лодзи, «вместо стремления к победе, тень которой уже появилась над русскими войсками, Рузский отказался от продолжения борьбы, и стремился выйти из боя и начать отход. Тщетно Ставка протестовала против такого отхода, указывая на отсутствие тыловых путей для 2-й армии. Рузский с упорством настаивал на выполнении отхода. “Хорошо, что он дал сутки на подготовку к отходу, иначе получился бы Мукден или Ляоян”, — так писал Янушкевич Сухомлинову»¹.

К концу ноября Людендорф получил еще 4 корпуса, переброшенные из Франции, после чего бои на левом берегу Вислы запылали с новой силой. Испытывая недостаток боеприпасов и понеся большие потери, главкосевап решил не рисковать. На совещании в Седлеце 16 ноября засомневавшийся в успехе великий князь Николай Николаевич принял сторону генерала Рузского, чересчур стусившего краски, и повелел армиям Северо-Западного фронта начать медленное отступление. И 22 ноября главкосевап, под предлогом улучшения обстановки, отдал приказ об отступлении. 23 ноября немцы без боя вошли в добровольно очищенную русскими Лодзь. Ту самую Лодзь, которую три недели, истекая кровью, отстаивали от германского сапога доблестные дивизии 2-й армии. Отступление армий Северо-Западного фронта к Висле позволило австро-венграм отстоять Краковский укрепленный район, в это время штурмовавшийся частями 3-й русской армии ген. Р.Д. Радко-Дмитриева. Отход 5-й и 4-й армий оголял фланг 3-й армии, а потому отступление русских к Висле стало общим.

Трудно сказать, кто был прав в этой ситуации. С одной стороны, русские войска успешно отбивали неприятеля, рвавшего через Лодзь к Висле. С другой стороны, противник получил резервы, а в армиях Северо-Западного фронта не хватало снарядов, поэтому генерал Рузский и перестраховался. Очевидно лишь, что Рузский, как и большинство высших русских генералов, так и не смог изжить в себе ту «германобоязнь», что определилась внутри русского генералитета уже после разгрома 2-й армии ген. А.В. Самсонова в Восточно-Прусской операции.

Следуя своему правилу всегда оставаться победителем, Н.В. Рузский немедленно нашел виновных в неудаче Лодзинской оборонительной операции. Ими стали командарм-1 ген. П.К. Ренненкамф

---

¹ *Корольков Г.К.* Лодзинская операция 2.11 — 19.12.1914 г. М., 1934. С. 134.

и командарм-2 ген. С.М. Шейдеман. В свое время в Восточной Пруссии успешно дравшаяся 1-я армия Ренненкампфа заставила противника заколебаться в успешной обороне и побудила немцев начать переброску двух корпусов с Западного фронта в самый ответственный момент сражения за Париж. Но имя генерала Ренненкампфа теперь стало символом предательства. Ведь оба командарма, имевшие немецкие фамилии, очень удачно вписались в начатую Ставкой Верховного главнокомандования кампанию шпиономании. А на командарме-1 еще с Восточно-Прусской операции висело подозрение либеральствующих «патриотов» в предательстве. Оба командарма были отстранены со своих постов, подобно командарму-10 В.Е. Флугу, снятому с должности 23 сентября за трения со штабом фронта.

Таким образом, ген. Н.В. Рuzский умудрился за одну только осень 1914 г. поменять трех командармов во всех вверенных ему трех армиях Северо-Западного фронта. Характерно — все трое с немецкими фамилиями. Это при том, что любые лавры победителя всегда доставались штабу фронта, а ответственными за поражения становились подчиненные. Наиболее ярко данное обстоятельство проявится в Августовской оборонительной операции зимы 1915 г., где поражение потерпит 10-я армия, которой будет командовать ставленник Рuzского ген. Ф.В. Сиверс. В начале войны Сиверс командовал 10-м армейским корпусом, входившим в состав 3-й армии генерала Рuzского. После отстранения от должности В.Е. Флуга его место занял комкор-10. Спустя 4,5 месяца он сам станет очередным «козлом отпущения» для Н.В. Рuzского.

Теперь смыслом действий армий Северо-Западного фронта становилась осторожность, а не дерзновенный порыв, основанный на риске. Также не подлежит сомнению, что генерал Рuzский, оценив первые итоги Лодзинской операции, решил не рисковать. И его трудно винить за это. В Российской империи до конца войны не нашлось полководца, который сумел бы навязать германцам свою волю в смысле психологии. Как австрийцы так и не смогли оправиться после Галицийской битвы в отношении превосходства русских (Брусиловский прорыв закрепил эту тенденцию), так и русские точно так же до самого конца помнили Восточно-Прусскую операцию августа 1914 г. В итоге инициатива мысли и психологии на полях ожесточенных сражений в оперативно-стратегическом масштабе стала зависеть от воли врага. Поэтому русские уступали немцам порой даже в обороне, не говоря уже о наступлении.

По окончании Лодзинской операции Северо-Западный фронт включал в себя 10-ю армию ген. Ф.В. Сиверса, Принаревскую группу на млавском направлении, а также 1-ю (А.И. Литвинов), 2-ю (В.В. Смирнов) и 5-ю (П.А. Плева) армии. Если 2-я и 5-я армии были сильно потрепаны в ходе Лодзинской операции и нуждались в передышке, то 10-я армия, стоявшая по линии Немана против Восточной Пруссии, являлась относительно свежей. 4 января в Седлеце, штабе Северо-Западного фронта, было созвано очередное совещание высшего генералитета. Здесь генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов советовался с командованием Северо-Западного фронта — генералами Н.В. Рузским (главком), В.А. Орановским (начальник штаба фронта) и М.Д. Бонч-Бруевичем (генерал-квартирмейстер фронта) — относительно дальнейших планов действий армий Северо-Западного фронта. После окончания сосредоточения части 10-й, 1-й и 12-й армий должны были начать вторжение в Восточную Пруссию, к которому затем подключались все прочие войска Северо-Западного фронта для наступления на Берлин. При этом главкосевзап ген. Н.В. Рузский представил в Ставку сведения о том, что для удара по Восточной Пруссии будут сосредоточены большие силы: 10 пехотных и 7 кавалерийских дивизий.

В это время русская действующая армия уже испытывала на себе назревавший кризис вооружения. Однако, как Юго-Западный фронт должен был наступать в Карпатах, так и Северо-Западный фронт — в Восточную Пруссию. Исследователь говорит: «Обстановка усугублялась неудовлетворительностью общего руководства действиями русских войск и отсутствием, по существу, общего стратегического плана. Упрямый, импульсивный, но поддающийся влиянию и давлению, великий князь в роли Верховного главнокомандующего оказался между двух огней. Ему приходилось бороться с двумя главнокомандующими фронтами — Рузским и Ивановым и часто уступать им, вопреки здравому смыслу. Оба были настроены весьма эгоистически и старались только для своих фронтов. Задача Верховного заключалась, главным образом, в том, чтобы как-то примирить, объединить замыслы обоих командующих»¹.

Русская 10-я армия, предназначенная для зимнего наступления в Восточную Пруссию, имела в своем составе 150 тыс. штыков

---

¹ *Соколов Ю.В.* Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М., 1994. С. 56.

и 6 тыс. сабель, растянувшихся на фронте в 160 верст. Первой задачей командарму-10 ставилось овладение Летценским укрепленным районом. В свою очередь, Гинденбург получил четыре совершенно свежих корпуса, из них два были сформированы внутри России, и один — переброшен из Франции. После того как немцы должны были бы втянуться в борьбу за Летцен, остальные армии Северо-Западного фронта должны были наступать с юга, принуждая врага к отходу за Вислу, чтобы не быть окруженным и затем уничтоженным. Таким образом, удар 10-й армии имел чрезвычайно важные цели: приковать к себе основные силы германской 8-й армии, чтобы дать генералу Рузскому возможность разбить 9-ю армию врага в Польше.

Германцы же разработали свой план наступления. Согласно ему, новообразованная 10-я армия ген. Г. фон Эйхгорна и 8-я армия ген. О. фон Белова общей численностью более 250 тыс. штыков и сабель должны были сосредоточенными ударами разгромить и уничтожить выдвигавшуюся вперед 10-ю русскую армию. Между тем 12 января, увязая в снегу, русские стали медленно двигаться к Ласденену и Летцену.

Ударная часть 10-й армии — Вержболовская группа ген. Н.А. Епанчина — была измотана в боях 12—26 января перед ласдененскими укреплениями, когда приходилось штурмовать обледенелые немецкие позиции без должной артиллерийской поддержки по заснеженной местности. В свою очередь, 21 января части 9-й германской армии А. фон Макензена, не принимавшие непосредственного участия в задуманной операции, неожиданным ударом захватили фольварк Воля Шидловская на млавском направлении. Германский удар там, где стояла основная масса сил Северо-Западного фронта (5-я, 1-я и 2-я армии), встревожил русское командование. Н.В. Рузский, под давлением Ставки, бросил резервы, предназначенные в том числе и для новой 12-й армии на Волю Шидловскую (Гвардейский, 2-й и 27-й армейские корпуса). В боях 21—23 января русские потеряли до 40 тыс., растрепав свои резервы.

Растягивая фронт, главкосевзап ген. Н.В. Рузский стремился удержать все сразу, что в итоге только вело к образованию массы слабых и уязвимых мест во фронте, отвлекая огромное число подразделений для их охранения. Помимо того, насыщение передовых окопов массой войск по всей своей протяженности отнюдь не предоставляло возможности для своевременного сосредоточения резервов. И, полностью передав инициативу противнику, Рузский настойчиво просил все

новых и новых пополнений, отлично сознавая свою слабость везде и всюду. Как пишет один из участников войны в применении к Августовской операции начала 1915 г., «стремление все охватить и везде быть одинаково боеупорным, исключало всякую мысль о маневре, ибо сущность последнего таит в себе идею сочетания незначительных, сравнительно, передовых боевых частей с основным сильным ядром. Вследствие этого, весь фронт армии обращался в легкорасчленяемый и распыленный кордон; отрицательные свойства его пытались обезвредить ежедневными работами по постройке окопов и усовершенствованию позиций»¹. Представляется, что эта мысль вполне применима к русской оборонительной тактике того периода вообще.

25 января немцы перешли в общее наступление против обоих русских флангов 10-й армии, стремясь осуществить излюбленный в германской военной машине двойной охват: 10-я армия с севера, 8-я — с юга. Главный удар наносился корпусами 10-й армии, бросившимися в разрыв между Вержболовской группой и прочими русскими войсками: последовательно с севера на юг — 20-й армейский (П.И. Булгаков), 26-й армейский (А.А. Гернгросс), 3-й Сибирский (Е.А. Радкевич) корпуса. На флангах 10-й армии, согласно приказу штаба фронта, находились слабые второочередные дивизии, которые к тому же в случае неприятельского контрудара, по распоряжению ген. Н.В. Рузского, должны были немедленно отходить в крепости. Это позволило немцам сравнительно легко преодолеть русскую фланговую оборону и начать охват 10-й армии, никак не получавшей разрешения на отступление.

Как только выяснился германский маневр превосходными силами и невозможность оказать своевременную помощь, начальник штаба 10-й армии ген. барон А.П. Будберг затребовал у штаба фронта приказа на отход. Однако Рузский, как и подавляющее большинство русских генералов, не мог себе и помыслить, что в ряде случаев отход может помочь избежать поражения. Тем более, что главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта был донельзя уверен в успехе предстоящего наступления, по крайней мере в отношении движения в Восточную Пруссию. Отход 10-й армии лишал фронт зоны предварительного выдвигания перед наступлением, как же мог быть дан положительный ответ на просьбу об отводе всей армии с занимаемых

---

¹ Каменский М.П. Гибель XX корпуса 8/21 февраля 1915 года. Пб., 1921. С. 17.

исходных позиций? Такой приказ лишал бы Северо-Западный фронт всей той комбинации планов, что зимой разрабатывались штабом фронта и были поддерживаемы генерал-квартирмейстером Ставки Даниловым.

В период Августовской операции зимы 1915 г., когда германская 10-я армия перешла в наступление, единственным вариантом избежать катастрофы становился немедленный отвод русской 10-й армии на восток, под прикрытием крепостей Новогеоргиевск и Гродно, и рек Неман и Нарев. Однако командарм-10 Ф.В. Сиверс не решился сделать этого по собственной инициативе, так как главкосевзап являлся одним из наиболее яростных борцов с инициативой подчиненных. Более того: как только в штаб фронта поступила первая информация, генерал Рузский приказал 10-й армии наступать. Эмигрант В. Кочубей пишет: «Этот приказ особенно характерен для оценки Рузского, как полководца. Во-первых, вместо того, чтобы вывести армию из клешей, в которые она попала благодаря совершенно безграмотному с тактической точки зрения ее расположению, Рузский толкал ее этим своим приказом как бы в мешок, подготовляемый ей противником, и этим облегчал последнему ее окружение. Во-вторых, приказ этот был совершенно неосуществим по той простой причине, что армия была вытянута в длинную тонкую струнку и лишена каких бы то ни было резервов». И далее Кочубей продолжает: «У изучающего деятельность Рузского в то время не раз возникает впечатление, что при некоторых его оперативных соображениях и планах противник совершенно не принимался им во внимание. Через все его мероприятия красной нитью проходит предвзятость и упрямство относительно предполагаемых им намерений германского верховного командования»¹.

Причина такого поведения Рузского — его идея фикс о новом вторжении в Восточную Пруссию по образцу августа 1914 года. То есть ни Ставка, ни штаб Северо-Западного фронта даже не смогли предложить ничего нового, как только повторить попытку полугодовой давности, но теперь предпринимаемую в гораздо более худших объективных условиях. В итоге войска 10-й армии все равно неизбежно стали отступать, однако темпы этого отступления из-за противодействия генерала Рузского и его сотрудников были невысокими, что позволило немцам в короткие сроки выйти в русские тылы и отрезать центральную группу русских корпусов от ковенского направления.

---

¹ Военная быль. 1962. № 57. С. 9.

Удары германцев по русским флангам сразу позволили Гинденбургу захватить инициативу. В итоге действия русского командования всегда являлись запоздалыми, а задержка в организации парирования неприятельских ударов приводила к тому, что масштабы поражения только усугублялись. В ходе упорных оборонительных боев 26-й армейский и 3-й Сибирский корпуса сумели вырваться из немецких «клещей». Ввиду ошибок командования различного уровня в «котле» остался 20-й армейский корпус ген. П.И. Булгакова, который отходил последним. И 2 февраля 10-я германская армия Эйхгорна замкнула кольцо вокруг русского 20-го армейского корпуса. В окружении оказались смешанные подразделения 27-й, 28-й, 29-й и 53-й пехотных дивизий. Попытки отдельных русских соединений деблокировать окруженцев ни к чему не привели.

8 февраля, исчерпав возможности сопротивления, остатки 20-го армейского корпуса сдались в плен. Общие потери русской армии в Августовской операции составили 56 тыс. убитыми, ранеными и пленными, а также 185 орудий. Столь тяжелые потери вынудили русское командование отказаться от возобновления широкомасштабных операций в Восточной Пруссии в зимней кампании 1915 г. Планы Ставки и штаба Северо-Западного фронта о новом наступлении в Восточную Пруссию провалились. Командарм-10 Ф.В. Сиверс был отстранен от командования и вскоре покончил жизнь самоубийством. Главкосевзап в очередной раз вышел сухим из воды, возложив всю вину за поражение на командарма. Как видим, уже четвертый командарм оказывается виноватым в неудачах и отстраняется Рузским с должности. Четыре командарма за пять месяцев — это своеобразный «рекорд» «одного из лучших полководцев», как и до сих пор часто именуют генерала Рузского.

1915 ГОД. ОТ БОЛЕЗНИ ДО БОЛЕЗНИ

В начале марта 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего Н.Н. Янушкевич писал военному министру В.А. Сухомлинову: «Северо-Западный фронт как-то выдохся, в чем паралич, не знаю. Боюсь, что [Рузский] устал, болен, а другие плохо вывозят»¹. И действительно — 13 марта 1915 г. главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта ген. Н.В. Рузский заболел и оставил театр военных

¹ Красный архив. М., 1923. Т. 3. С. 40.

действий. Новым главкосевзапом неожиданно для многих стал начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев. Первоначально в Ставке намечалась кандидатура командарма-5 П.А. Плеве, однако опять-таки в связи с его немецкой фамилией, в условиях военных неудач, было решено поставить чистого русака. Кроме того, генерал Алексеев уже не раз проявил себя как талантливый полководец, не говоря уже о его высокой предвоенной репутации, а потому Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич отправляет на Северо-Западный фронт именно Алексева.

Что же касается Н.В. Рузского, то, судя по всему, он уже понял, что в кампании 1915 г. главный удар австро-германцев будет произведен на Восточном фронте. Ведь всю зиму на Восток шли и шли немецкие воинские эшелоны из Франции. Прогрессировавший кризис вооружения, наряду с нехваткой опытных кадров, показывал, что успех будет не на стороне русского оружия. К тому же Рузский вступил в конфликт со Ставкой, где продолжали упорствовать в отношении наступательных усилий в Карпатах, в то время как главкосевзап после разгрома в Августовских лесах окончательно убедился в том, что необходимо перейти к позиционной обороне. О том, что между Ставкой и штабом Северо-Западного фронта существуют противоречия, были осведомлены и союзники¹, естественно, не заинтересованные в ослаблении русской наступательной инициативы. Соответственно, в Ставке не препятствовали уходу главкосевзапа.

Сознавая все это и воспользовавшись своим болезненным состоянием, главкосевзап отправляется на лечение в тыл. Отметим, что по окончании летнего Великого отступления ген. Н.В. Рузский немедленно вернется на фронт, чтобы вновь покинуть его в преддверии кампании 1916 г., по окончании какой опять встанет во главе одного из действующих фронтов. Даже верный помощник Рузского М.Д. Бонч-Бруевич не без ехидства отметил: «Весной 1915 г. генерал Рузский заболел и уехал лечиться в Кисловодск. Большая часть “болезней” Николая Владимировича носила дипломатический характер, и мне трудно сказать, действительно ли он на этот раз заболел, или налицо была еще одна сложная придворная интрига»².

---

¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 489.

² Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 60.

Существует, правда, и другая точка зрения на смену главкосевзапа в марте 1915 г.: «Ее инициатором выступил Николай II, который под предлогом необходимости лечения отозвал Рузского с фронта, заменив его генералом М.В. Алексеевым»¹. В мае 1915 г. Н.В. Рузский лечится в Эссентуках.

Помимо чисто военного фактора на просьбу об отставке в решении генерала Рузского повлияли и внутривластные интриги. Очень кстати, одновременно с отставкой, Рузский был назначен членом Государственного совета, что после выздоровления позволило ему в полном праве вращаться в придворных и правительственных сферах. Дело в том, что под влиянием неудач на фронтах в Петрограде планировалась смена ряда членов правительства. В конце мая 1915 г. наиболее популярный и энергичный министр — министр земледелия А.В. Кривошеин — составлял список членов нового кабинета, планируемого для смены правительства И.Л. Горемыкина. В числе кандидатов на пост военного министра фигурировали генералы Поливанов и Рузский.

Оба этих человека — старые друзья либералов в Государственной думе. Оба в свое время плечо к плечу воевали во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в рядах лейб-гвардии Гренадерского полка. И точно так же А.А. Поливанов был тогда ранен в бою под Горным Дубняком. Оба — креатуры В.А. Сухомлинова с той разницей, что Поливанов разошелся со своим патроном, после чего в 1912 г. был убран из военного министерства, но оставлен в Государственном совете. Таким образом, этих людей слишком многое объединяло.

Как известно, в середине июня 1915 г. военным министром был назначен все-таки А.А. Поливанов, а в отношении снятого с поста В.А. Сухомлинова под давлением оппозиции началось следствие по обвинениям в «противозаконном бездействии, превышении власти, служебных подлогах, лихоимстве и государственной измене». В частности, на ответственность генерала Сухомлинова Верховная следственная комиссия под председательством инженер-генерала Н. Петрова возложила: «Несмотря на осведомленность еще с 1909 года о значительном количественном преобладании германской полевой артиллерии над нашей полевой артиллерией, не был выработан для незамедлительного осуществления надлежащий, основанный на

---

¹ Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994. С. 40.

соображениях о силах противника, план усиления нашей полевой артиллерии. Составленная же и введенная в действие организация полевой артиллерии 1910 года совершенно не предусмотрела количественного усиления полевой легкой 3-дм артиллерией нашей армии и обеспечила ее полевой мортирной и полевой тяжелой артиллерией в весьма незначительном количестве по сравнению с Германией»¹. Дело закончилось арестом генерала Сухомлинова в апреле 1916 г.

Новый военный министр не забыл своего соратника. Летом 1915 г. военный министр ген. А.А. Поливанов и действовавший под его влиянием министр земледелия А.В. Кривошеин настаивали перед царем на смене наштаверха Н.Н. Янушкевича. Бесспорно, генерал Янушкевич был не то что недостойн своего высокого поста, но само его назначение на этот пост являлось преступным. Однако на место Янушкевича усиленно рекомендовалась кандидатура Рузского. В это время по столице уже прошла первая информация о том, что император Николай II намерен лично встать во главе действующей армии, заняв пост Верховного главнокомандующего. Так как все прекрасно понимали, что реальным главкомом будет начальник штаба царя, то Поливанов и Кривошеин стремились заранее заручиться своим кандидатом на эту должность.

Действия министров были стремительными. Спустя всего лишь неделю после назначения генерала Поливанова управляющим военным министерством со своего поста был снят командарм-6 ген. К.П. Фан-дер-Флит. Немногочисленные войска 6-й армии (несколько второочередных дивизий слабого состава) выполняли важнейшую функцию: прикрывали столицу со стороны Балтийского моря, где русский флот явно уступал в силах немцам. Соответственно, командарм-6 постоянно находился в контакте с императором и военным министерством, ибо его войска фактически не входили в состав действующей армии, подчиняясь Ставке только номинально. Генерал Фан-дер-Флит был отправлен в Государственный совет, а на его место спустя еще неделю назначен Н.В. Рузский.

Как пишет М.Ф. Флоринский, «сразу после своего прихода к руководству военным ведомством А.А. Поливанов явно старался рекламировать военные таланты вернувшегося на фронт после болезни

---

¹ Астафьев И.И. По поводу записки Верховной следственной комиссии о кризисе вооружения русской армии. в период Первой мировой войны // Материалы по истории России в период капитализма. М., 1976. С. 128.

генерала Н.В. Рузского, который 30 июня 1915 г. был назначен главнокомандующим 6-й армией». При этом М.Ф. Флоринский не исключает, что А.А. Поливанов ставил Н.В. Рузского на командарма-6 (6-я армия считалась обороняющей столицу) с последующим намерением сделать его начальником штаба Верховного главнокомандующего. Кроме того, назначение Н.В. Рузского вполне могло бы смягчить назревавшую отставку великого князя Николая Николаевича. Сам император Николай II благоволил генералу Рузскому: «Репутация талантливого полководца, которую сумел приобрести Н.В. Рузский, позволяла видеть в нем человека, способного остановить германское наступление. Популярность Н.В. Рузского в общественных кругах давала возможность надеяться на то, что привлечение его к командованию армией на высшем уровне смягчит ожидавшуюся негативную реакцию этих кругов на отставку Николая Николаевича». Первоначально царь намеревался номинально возглавить действующую армию, чтобы при том фактическим руководителем войск, следовательно, стал бы генерал Рузский. Распространяемые в столице слухи утверждали, что новая Ставка будет располагаться в Петрограде, почему Рузский и был назначен командармом-6¹. Действительно, в беседе с председателем Государственной думы М.В. Родзянко император заявил, что Ставка будет находиться в столице².

Между тем ничего пока не подозревавший великий князь Николай Николаевич также ходатайствовал перед императором о назначении Н.В. Рузского. Австро-германское наступление развивалось, русская действующая армия откатывалась на восток, в глубь империи, руководство Ставки впало в панику, а потому представлялось верным иметь во главе 6-й армии, закрывавшей столицу, популярного полководца, к которому Верховный главнокомандующий очевидно благоволил (достаточно вспомнить историю с наградами за Львов). Таким образом, в конце июня 1915 г. именно главковерх участвовал в назначении ген. Н.В. Рузского на пост командарма-6. Непосредственно перед царем в выдвижении Рузского участвовал новый военный министр. В день назначения командарма-6, на докладе 30 июня

---

¹ Флоринский М.Ф. Кризис государственного управления в России в годы 1-й мировой войны (Совет министров в 1914—1917 гг.). Л., 1988. С. 176, 183—185.

² См.: Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 141.

1915 г. у императора Поливанов «обратил внимание, что необъявление в печати даже о назначении главнейших вождей нашей армии ведет к тому, что для неприятеля имена наших полководцев не остаются секретом, как и для нас имена полководцев неприятельских, а Россия о своих не знает. А между тем, объявление о возвращении к армии столь популярного генерала, как Рузский, и притом известие о возложении на него обороны путей к Петрограду, как к нервному центру страны, произвело бы на общество успокаивающее впечатление»¹.

Относительно «впечатления» следует сказать, что Н.В. Рузский, несмотря ни на что, оставался весьма популярен в среде высшего офицерства. Своевременное и умелое переваливание собственных грехов на чужие головы позволяло ему выходить сухим из воды. И если лучшие профессионалы понимали, что дело неладно, то широкие массы как фронтового офицерства, так и тыловых обывателей, воспринимали генерала Рузского в качестве одного из лучших полководцев Российской империи. Характерная запись все еще подвизавшегося на Северо-Западном фронте великого князя Андрея Владимировича от 2 августа 1915 г. о Рузском: «Он все же гений в сравнении с Алексеевым, он может творить, предвидеть события, а не бежит за событиями с запозданиями. Кроме того, в него верили, а вера в военном деле — почти все. Вера в начальника — залог успеха... Мечта всех, что Рузский вернется — вера в него так глубока, так искренна и так захватила всех, без различия чинов и положения, в штабе, что одно уже его возвращение, как электрический ток, пронесется по армии и поднимет тот дух, который все падает и падает благодаря тому, что Алексеев не знает об его существовании»². Великий князь был настолько покорен генералом Рузским и его сотрудниками, что не только поддержал мнение об исключительной вине командарма-10 Ф.В. Сиверса, но и впоследствии продолжал отзываться о Н.В. Рузском с восхищением.

Такие мнения, несомненно, влияли на Ставку и императора. Поэтому генерал Рузский исподволь выдвигается на роль вероятного военного диктатора, каковая должность намечалась определенными силами в столице, имея целью умаление власти императора и, следовательно, новые уступки либеральной оппозиции вплоть до

---

¹ Поливанов А.А. Мемуары. М., 1924. Т. 1. С. 161.

² Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 57, 60.

образования в России парламентской монархии по британскому образцу, где «король царствует, но не правит». Совет министров, под председательством самого Николая II, в заседании 8 июля определил состав Особого комитета, долженствовавшего согласовывать мероприятия, принимаемые в Петрограде военными и гражданскими властями. Руководителем этого комитета стал Н.В. Рузский, а его помощником — начальник Петроградского военного округа ген. П.А. Фролов¹. Но вскоре командарма-6 ген. Н.В. Рузского ожидало новое, еще более высокое, назначение. По счастью, это оказался не штаб Ставки. Иначе последствия ведения Первой мировой войны могли стать еще более пагубными.

3 августа на совещании в Волковыске великий князь Николай Николаевич принял окончательное решение о разделении Северо-Западного фронта на два — Северный и Западный. Данная мера, назревавшая еще в 1914 г., была вызвана необходимостью реорганизации системы управления — во имя удобства руководства войсками действующей армии. Еще на совещании 15 июля в Седлеце Н.Н. Янушкевич доложил, что у Ставки есть мысль о разделе Северо-Западного фронта на две части — Северный и Западный фронты. Это — для того, чтобы самостоятельной группой армий удержать за собою Риго-Шавельский район. Иными словами, в связи с расширением фронта германского наступления, штаб Ставки считал, что петроградское и московское направления должны обороняться разными группами армий. В письме от 23 июля генерал Янушкевич указал, что на должность главнокомандующего армиями Северного фронта предназначается командарм-6 генерал Рузский. Главнокомандующим Западным фронтом оставался М.В. Алексеев, а Северный фронт переходил в подчинение командарму-6 Н.В. Рузскому, который должен был вступить в должность в ночь с 17 на 18 августа. Таким образом, очевидно, что Н.В. Рузский был выдвинут на пост главкосевзапа Ставкой и лично главковерхом. Возможно, что такой шаг был сделан не без умысла — убрать генерала Рузского из столицы и одновременно не допустить императора Николая II к посту Верховного главнокомандующего.

Что касается боевых действий, то Северному фронту ставилась задача «прикрытия путей к Петрограду из Восточной Пруссии и со стороны Балтийского моря». А именно: 1) прочно удерживать в своих

---

¹ *Лаверычев В.Я.* Военный государственно-монополистический капитализм в России. М., 1988. С. 267.

руках Средне-Неманский район, имея в виду крайне важное значение сохранения этого района не только для армий Западного фронта, но и для общего нашего стратегического положения к северу от Польсы; 2) прикрывать пути, ведущие по правому берегу Немана и в Виленский район и к участку железной дороги Вильно — Двинск; 3) удерживать течение реки Двина от Двинска до Риги включительно. Если вспомнить, что в августе 1915 г. Великое отступление достигло своего пика (русские откатывались из Польши, теряя крепости Передового театра и 200 тыс. пленными), то понятно, что на генерала Рузского возлагались нелегкие обязанности: Северный фронт в составе двух (впоследствии трех) армий (5-я армия П.А. Плеве, 12-я армия В.Н. Горбатовского) прикрывал Петроградское направление.

В этот момент произошла смена состава Ставки. Начальником штаба Верховного главнокомандующего при великом князе Николае Николаевиче предполагался ген. М.В. Алексеев, в то время как должность главнокомандующего армиями Западного фронта принимал командарм-4 ген. А.Е. Эверт. О назначениях августа (Рузский — главнокомандующий, Алексеев — наштаверх, Эверт — главнокомандующий) военный министр А.А. Поливанов писал: «Назначения эти, объявленные для всеобщего сведения в газетах, были встречены в Государственной думе и в обществе с чувством большого удовлетворения. Говорили, что наконец-то энергичный великий князь, Главнокомандующий, будет иметь около себя умудренного большим военным опытом советника в лице ген. Алексеева. И что возложением на победоносного полководца ген. Рузского защиты Северного фронта можно считать столицу и военную базу Петрограда вне опасности». А.М. Зайончковский в примечании к этой фразе отметил: «Победоносным талантам Рузского верило далеко не большинство общества, а тем более военного»¹. Тем не менее связи Поливанова и Рузского видны уже только по этой фразе.

Однако 21 августа в Ставку прибыл император Николай II и сделал следующий ход — объявил о своем твердом решении принять Верховное главнокомандование. Генералитету ничего не оставалось, как подчиниться монаршей воле. Впрочем, смене подлежал только великий князь Николай Николаевич. Все генералы остались на своих постах. В это же время, воспользовавшись сумятицей в русских штабах и кадровыми перестановками, германцы предприняли очередное наступление на Восточном фронте — Виленско-Свенцянскую

¹ Поливанов А.А. Мемуары. М., 1924. Т. 1. С. 218.

операцию. 26 августа германская 10-я армия ген. Г. фон Эйхгорна бросилась вперед, имея целью окружение и уничтожение 10-й русской армии Е.А. Радкевича. Противостоявшая немцам 10-я русская армия имела в своем составе всего 110 тыс. человек. Соседи — 5-я армия П.А. Плева (55 000 чел.) 1-я армия А.И. Литвинова (107 000 чел.) и 2-я армия В.В. Смирнова (54 000 чел.).

Удар противника был нанесен встык между 5-й армией Северного фронта и 10-й армией Западного фронта, после чего, разбросав русские заслоны в стороны, немцы стали загигать свой южный фланг, окружая 10-ю русскую армию. На острие атаки шла германская конница — 6 кавалерийских дивизий численностью в 12 тыс. сабель. Следовательно, Гинденбург и Людендорф учли, что в момент кадровой перетряски у русских можно будет пользоваться трениями между русскими штабами различных фронтов.

Так и вышло. В ходе боев 28—30 августа 5-я армия была оттеснена к Западной Двине, а 10-я армия — к реке Вилия. Образовавшийся между русскими фронтами провал оказался оголен, что позволило противнику наступать на Молодечно и далее — к Вильно и Минску. В противодействие неприятелю уже на второй день германского прорыва М.В. Алексеев распорядился образовать на Западном фронте новую группу корпусов в районе Ошмяны — Лида, перебросив туда управление и штаб 2-й армии. Таким образом, смысл новой перегруппировки заключался не в том, чтобы дать 10-й армии резервы, а чтобы развернуть на угрожаемом направлении новую армию; в данном случае — новую 2-ю армию, и остановить врага.

Вопиющий сепаратизм генерала Рузского проявился и на этот раз. Все получаемые Северным фронтом резервы Рузский отправлял не в 5-ю армию, которая могла фланговым наступлением облегчить положение войск командарма-10, а к побережью Балтийского моря, в 12-ю армию, чтобы установить единый позиционный фронт на своем Северном фронте. Поэтому 5-я армия, изначально занимавшая выгодное положение в отношении контрудара по зарвавшемуся неприятелю, была обречена на оборону, вследствие недостатка сил, и, следовательно, на пассивную роль в операции. Также непонятно, почему Алексеев не переподчинил 5-ю армию главнокомандованию Западного фронта (новый главкозап — бывший командарм-4 А.Е. Эверт), хотя бы на время ликвидации прорыва неприятеля.

1 сентября немцы ворвались в Молодечно, от которого по прямой до Минска оставалось лишь 60 верст. 3 сентября пал Вильно. В этот

момент разрыв фронта прикрывался 2-м армейским корпусом ген. В.Е. Флуга и перебрасываемыми конными частями, которые в своей совокупности образовали кавалерийский корпус ген. В.А. Орановского. На первом этапе оборонительной операции Орановский был подчинен штабу Северного фронта, но когда в Ставке осознали, что Рузский намеревается не атаковать, а лишь пассивно обороняться, конницу передали в ведение штаба Западного фронта, где главкозап Эверт получил задачу контрнаступления.

9 сентября 2-я армия ген. В.В. Смирнова при поддержке сводных кавалерийских корпусов, наступавших на стыке 2-й и 5-й армий, и объединенных под руководством генерала Орановского, перешла в общее контрнаступление. Это спасло 10-ю русскую армию от готовившегося «котла». Теперь немецкие ударные группировки стали отходить назад, западнее, чтобы, уже в свою очередь, не быть окруженными и уничтоженными. Так как на северном фланге наступающей русской группы не хватало сил, Алексеев предписал Рузскому поддержать наступление атаками 5-й армии с двинского плацдарма.

Однако Алексеев, что называется, «не на того напал». Невзирая на отход немцев, генерал Рузский отказался от атак, одновременно завалив Ставку просьбами о подкреплениях. Казалось бы, что резервы должны идти, прежде всего, в те группировки, что ведут наступление. Но Рузский и его бессменный начальник штаба Бонч-Бруевич полагали иначе. Советский исследователь пишет: «13 сентября командующий северным фронтом Рузский пишет жалобу начальнику штаба главнокомандующего на командующего западным фронтом Эверта... Рузский жаловался: “Видно, что в Северный фронт по-прежнему направляются корпуса, состоящие преимущественно из частей, проявивших недостаточную стойкость в текущую войну, и притом с таким опозданием против требований современной обстановки, что нельзя даже сделать никаких предположений, удастся ли направляемым корпусам прибыть в предназначенные им районы сосредоточения, так как эти районы находятся под ударами германцев... Прошу указаний ген. Эверту о необходимости совместных действий фланговых частей 10-й армии с теми частями 5-й армии, которым ген. Плеве будет поставлена задача для действий в районе Новосвенцяны”. В нашу задачу не входит разбор персональной склоки между двумя главнокомандующими, но считаем долгом заметить прежде всего

предвзятость командующего северным фронтом в отношении выделяемых войск»¹.

5-я армия генерала Плеве осталась на своем месте, и Ставке пришлось образовать новую 1-ю армию ген. А.И. Литвинова, чтобы надежнее закрыть те бреши в русском оборонительном фронте, что были вызваны германским прорывом на Свенцяны. К началу октября 1-я армия и конная группа генерала Орановского прочно сомкнули фланги армий Северного и Западного фронтов. Это те самые фланги, что были разрублены Свенцяньским прорывом. Данными боями закончился период маневренной войны на Восточном фронте. По окончании операции 10-я армия вошла в состав Северного фронта.

В декабре 1915 г. главкосев ген. Н.В. Рузский вновь заболел и сдал должность командарму-5 ген. П.А. Плеве. Императорский рескрипт на имя полководца о его отставке от 6 декабря 1915 г. гласил: «Неустанные труды ваши и тягости походно-боевой жизни, к сожалению, настолько расстроили здоровье ваше, что дальнейшее пребывание в обстановке военного времени могло угрожать самой жизни вашей»². В феврале 1916 г. генерал Плеве также оставил фронт по болезни (главкосевом стал ген. А.Н. Куропаткин) и 28 марта скончался. Генерал Рузский всю зиму лечился на Кавказских Водах, где за войну бывал неоднократно.

СНОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ СЕВЕРНЫМ ФРОНТОМ

Находясь на лечении в тылу, Н.В. Рузский отнюдь не расстался с намерениями о дальнейшем прохождении службы. Оставив пост главнокомандующего армиями Северного фронта, он не отказался бы от нового назначения, причем, желательно, с большей перспективой. В этой связи интересно, что Рузский, ушедший с поста главкосева в декабре 1915 г. в связи с очередной болезнью, помимо всего претендовал на пост главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Судьбы М.В. Алексева и Н.В. Рузского вновь и вновь пересекались: не сумев стать наштаверхом или военным министром, Рузский желал бы получить под свое командование тот фронт, что стоял напротив

¹ Евсеев Н. Свенцяньский прорыв (1915 г.). М., 1936. С. 23—24.

² Известия штаба XI армии. 1915. 10 декабря. С. 1.

более слабого противника — австро-венгров. Известно, что генерал Рузский вновь станет главкосевом в августе 1916 г. Но ген. А.А. Брусилов вспоминал: «Главкосевом стал опять ген. Рузский, имевший особые счеты с наштаверхом и стремившийся стать помощником главковерха, т.е. сесть на шею Алексееву. Или же, если это не удастся, то стать главкоюзом мне на смену, так как по состоянию его слабого здоровья он плохо переносил климат Пскова и стремился к теплу»¹.

Опасения А.А. Брусилова, занявшего пост главкомандующего армиями Юго-Западного фронта лишь 17 марта, имели под собой основания. Действительно, весной 1916 г. ген. Н.В. Рузский вполне мог стать главкоюзом или помощником царя в Верховном совете обороны, создание которого инициировалось определенными кругами в столице. Причем одним из кандидатов на должность этого помощника при царе, который, вне сомнения, имел бы больше веса, нежели М.В. Алексеев, являлся А.Н. Куропаткин. В первом случае Рузский с высокой долей вероятности получил бы определенную автономию от начальника штаба Верховного главкомандующего, во втором случае — встал бы над ним. Как говорит биограф Рузского, императрица желала возвращения Рузского в 1916 г. на фронт в качестве противовеса влиянию Алексеева, и его назначение на Северный фронт устроил Г.Е. Распутин².

Разумеется, ген. М.В. Алексеев делал все от него зависевшее, чтобы не допустить подобного развития событий. После назначения нового главкоюза М.В. Алексеев писал по этому поводу А.А. Брусилову, опасавшемуся интриг: «До настоящего времени государь император даже намеком не выразил намерения учредить какой-то Верховный Совет, который ничего, кроме вреда и помехи, принести не может, если он вопреки логике появится на свет. Думаю, что это неправда; следовательно, и вопросы о новом назначении ген. Куропаткина — вздор. К области сплетен относится и слух о назначении г.-а. Рузского на Ю.-З. фронт. Еще неизвестно, насколько он действительно поправился, чтобы взяться снова за дело, которое дважды оказалось не по его физическим силам. И по поводу г.-а. Рузского Его величество ни разу не высказал своих намерений привлечь его снова к главкомандованию. С занятием Вами поста главкомандующего Вы сделались

---

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 368.

² Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854—1918). Омск. 2013. С. 138.

предметом с одной стороны зависти, а с другой — сплетен и выдумок. Думаю, что Вашей супруге еще не раз придется выслушивать как бы сочувственные разговоры о предстоящих для Вас переменах всякого рода... Моей жене и дочерям не раз приходилось отвечать на вопросы, когда я переезжаю в Смоленск за освобождением от возложенных на меня служебных обязанностей. К этому нужно относиться спокойно; без таких сплетен мы прожить не можем. Будем делать то дело, которое в данную минуту возложено на нас, делать со спокойствием духа, с ясностью ума, не задаваясь вопросом, что ожидает лично каждого впереди. Одно могу сказать, что если бы возник вопрос о Вашем перемещении, то, насколько я могу, буду определенно докладывать, что такое перемещение для дела вредно и не должно быть допущено. Убежденно говорю, что Вы не должны смущаться такими слухами: они неизбежны. Ведите всю работу по намеченному плану; слишком ответственно и велико наше дело, чтобы при выполнении его принимать во внимание сплетни. Киев — особенно склонен к такой деятельности. Я не позволил бы себе скрыть от Вас даже признаки, намеки на возможные перемены»¹. Император доверял генералу Алексееву и не собирался менять его в преддверии летнего наступления. Даже спустя полгода, когда во время тяжелой болезни Алексеева будет выдвинута фигура ген. В.И. Гурко, царь убедится, что пока еще Алексеев незаменим. Поэтому при подготовке решительной кампании 1917 г. составление оперативно-стратегического планирования будет всецело находиться под влиянием генерала Алексеева.

Тем не менее интриги велись, будучи реальной угрозой для вооруженных сил. Представляется, что Алексееву стоило значительных усилий расстроить планы тех лиц, что пытались продвинуть наверх таких кандидатов, как Куропаткин или Рузский. Очевидно, что при новом помощнике Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев был бы отстранен от фактического руководства действующей армией. Но дело даже не столько в армии, сколько в расстановке фигур на доске высшего российского истеблишмента.

Начальник штаба Верховного главнокомандующего по своему положению являлся вторым лицом в государстве. Если при великом князе Николае Николаевиче Н.Н. Янушкевич был простым канцелярским работником, исполнителем воли главноверха, то при императоре Николае II начальник штаба оказывал громадное влияние на

¹ ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 81. Л. 1—2.

внутреннюю жизнь страны. Теперь приезжавшие в Ставку министры отчитывались не столько перед монархом, сколько перед генералом Алексеевым. Ведь большинство министров являлись членами Особого Совещания по обороне государства, председательствуя в его составных частях. Например, министр земледелия, отвечавший за продовольствование вооруженных сил и страны в целом, был председателем Особого совещания по продовольствию. Эти функции напрямую затрагивали вопросы обороноспособности государства, почему отчет приходилось держать перед наштаверхом.

Конечно, царь пытался оставить за собой все ключевые прерогативы, а потому не осмелился передать полномочия диктатора — Верховного министра государственной обороны (на создании этого поста М.В. Алексеев особенно настаивал) — своему начальнику штаба. Усеченное диктаторство получил премьер-министр Б.В. Штюрмер, которому недаром царь передал и пост министра иностранных дел. Таким образом, генерал Алексеев не мог допустить, чтобы кто-либо иной из высокопоставленных генералов получил чрезмерное влияние на царя. Одно дело — занимать официальный пост начальника штаба Верховного главнокомандующего, и совсем другое — безответственное положение при главковерхе.

Впрочем, царь и сам понимал это, а потому, к своей чести, не собирался создавать ненужной креатуры. Давление на императора провалилось, хотя велось оно не без помощи императрицы, опасавшейся связи ген. М.В. Алексеева с оппозицией. Другое дело, что, по иронии судьбы, преемником Алексеева мог стать человек, в еще большей степени связанный с Государственной думой. По свидетельству М.Д. Бонч-Бруевича, Н.В. Рузскому протезировал Г.Е. Распутин, хотя генерал, разумеется, желал сохранять все это в тайне. Однако же вновь вернуться на свой фронт генералу Рузскому удалось. Как только встал вопрос о направлении не оправдавшего ожиданий Ставки ген. А.Н. Куропаткина в Туркестан на подавление восстания, его преемником стал не кто иной, как Н.В. Рузский. Бонч-Бруевич пишет, что «через несколько дней, когда высочайший рескрипт о назначении Рузского был подписан, Распутин сделал попытку встретиться с ним, но Николай Владимирович отклонил переданное ему через третьих лиц предложение и уехал в Псков»¹.

---

¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 104.

Н.В. Рузский стал достойным преемником А.Н. Куропаткина на посту главнокомандующего армиями Северного фронта. В ходе кампании 1916 г. Северный фронт не предпринял ни одной хотя бы армейской операции, но зато главкосев Куропаткин занимался ненужным прожектерством, как, например, в отношении предполагаемого десанта в тыл германским войскам, примыкавшим к побережью Рижского залива. При том составе войск, что назначались в десант, и при том уровне согласования, что был между моряками и штабом Северного фронта, такой десант не мог закончиться ничем иным, как провалом. Заняв должность 1 августа 1916 г., ген. Н.В. Рузский немедленно отменил подготовку десантной операции. Однако же и сам ничего придумывать не стал: помощи армиям, дравшимся южнее Полесья, на севере оказано не было.

С другой стороны, начальник штаба Верховного главнокомандующего и сам отказался от намерения сдвинуть с места Северный фронт — слишком много времени было упущено. В этот момент уже было известно о предстоящем вступлении в войну Румынии, а потому все резервы должны были отправляться на юг от Полесья. Поэтому войска с Северного фронта перебрасывались на Юго-Западный фронт, а 17 августа ген. М.В. Алексеев сообщал ген. Н.В. Рузскому, что «войска, расположенные севернее Полесья, нужно рассматривать как резерв, из которого мы можем черпать подкрепления южному фронту для достижения им, сообразуясь с обстановкой, существенной важности задач, которым определится судьба текущей кампании, а может быть и войны. К северу от Полесья нужно прочно сохранить свое положение, улучшить его чем можно при помощи частных ударов, а главное — копить силы и средства как для содействия южному театру, так и для перехода в наступление, когда создастся благоприятная обстановка»¹. Таким образом, Ставка сама обозначила пассивность армий Северного фронта во второй половине 1916 г.

Что касается самого главкосева, то узнать о его намерениях можно из дневника А.Н. Куропаткина, запись от 31 июля, когда в Петрограде он передавал командование Н.В. Рузскому: «На вид совсем поправился. Но согбенный. Глаза ясные, умные... сознает трудность задачи, принятой от меня. Выслушав о положении дел, тоже высказал, что

---

¹ Цит. по: *Негитович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., Цейхгауз, 2006. С. 33.

наши начальствующие лица не хотят считаться с опытом войны и продолжают лезть на укрепленные позиции, как бы лезли в чистом поле. сказал, что десантную операцию считает делом очень рискованным... Согласился, что надо недоверие, некоторое, к начальствующим лицам и проверка того, что они хотят перед операцией делать»¹.

Не желая более зависеть в своем военном творчестве от М.Д. Бонч-Бруевича, спустя десять дней после своего нового назначения Рузский, меняя своего начальника штаба (у Куропаткина начштаба был Н.Н. Сиверс), пригласил на эту должность комкора-25 ген. Ю.Н. Данилова. Это — генерал-квартирмейстер Ставки первого состава, хорошо знакомый генералу Рузскому и также в свое время пользовавшемуся поддержкой Сухомлинова. Генерал Бонч-Бруевич остался на посту начальника гарнизона Пскова, где располагался штаб Северного фронта. То есть, в случае необходимости, Н.В. Рузский всегда мог воспользоваться услугами своего прежнего ближайшего помощника.

Итак, ген. Н.В. Рузский снова занял пост главкосева, причем в новых условиях, так как русская действующая армия теперь наступала, причем наступала в условиях позиционной борьбы. Новые условия требовали новых методов и приемов управления. Практика позиционной войны и невозможность выйти из заданных ею рамок потребовали от русских полководцев переосмысления опыта войны в русле плавного течения в параметрах этих самых рамок. Даже главкоюз ген. А.А. Брусилов после неудачных августовско-октябрьских боев Юго-Западного фронта был вынужден применяться к условиям, своею сущностью заведомо противоречившим методам маневренной войны. Известно, что в русской армии широко распространялся опыт союзников, которые вели позиционную борьбу уже с конца 1914 г. Однако же между Западным и Восточным фронтом существовала громадная разница во всем. Прежде всего — в техническом оснащении союзных армий, а также в инфраструктурном обеспечении. Потому далеко не всегда опыт французов мог быть использован на Восточном фронте. Так, наступление по французскому примеру тактикой «волн» не оправдало себя вообще, однако же в России следовали этому принципу даже уже после того, как сами французы от него отказались. Многие военачальники прекрасно понимали, что следует обобщать собственно отечественный опыт. В их числе был и главкосев ген. Н.В. Рузский, который наряду с прочими также вы-

---

¹ Красный архив. М., 1929. № 3 (34). С. 49—50.

сказывался о неприменимости французских брошюр ведения войны к русским условиям¹.

Оперативно-стратегические взгляды ген. Н.В. Рузского в последний период войны выявились на Совещании высшего генералитета в Ставке 17—18 декабря 1916 г. В отсутствие заболевшего и находившегося на излечении в Крыму ген. М.В. Алексеева высшие руководители действующей армии должны были решить два ключевых вопроса в преддверии намеченного на весну 1917 г. решительного наступления на Восточном фронте. Во-первых, было решено провести реорганизацию армии, что получило наименование «реформы Гурко». Во-вторых, составлялось предварительное оперативно-стратегическое планирование предстоящей кампании. Как известно, эти планы не получили в целом одобрения Алексеева, который их переработал. Интересно знать, что предлагалось главнокомандующим армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузским.

Генерал Рузский предложил нанести удар на стыке Северного и Западного фронтов в общем направлении на Свенцяны. То есть, по сути, командующим армиями Северного фронта предлагался тот же самый план, что был принят и для 1916 г. Тот самый план, что был так «успешно» провален прежним главкомом ген. А.Н. Куропаткиным, а затем вовсе не использован и самим генералом Рузским. Это что касается операции группой фронтов. В случае же принятия решения о проведении отдельных фронтовых операций главком настаивал на концентрации усилий армий Северного фронта в районе Рижского плацдарма, чтобы сразу приступить к сдвигу всего германского фронта с севера на юг.

Ясно, что, предлагая удар на Ригу, ген. Н.В. Рузский требовал для своих войск 3—4 армейских корпуса с соответствующей артиллерией и щедрую обеспеченность боеприпасами. При этом четыре корпуса позволили бы, по словам генерала Рузского, занять разве что Митаву, а дальше — нужны будут еще резервы. Таким образом, мысль главкомсева не выходит далее пределов отдельной наступательной операции его Северного фронта, хотя итоги кампании 1916 г. отчетливо показали, что разрозненные действия русских фронтов позволили австро-германцам маневрировать своими немногочисленными резервами и в результате, отбив все атаки, удержать фронт.

---

¹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 142.

Как представляется, мотивом для подобной точки зрения служили два веских соображения. Прежде всего, Северный фронт ни в каком разе не мог получить задачи главного удара в наступлении 1917 г. Это значит, что, так или иначе, но главные победные лавры достанутся кому-то другому. Во-вторых, этим «кем-то другим», вернее всего, окажется главкоюз ген. А.А. Брусилев. Ведь конечный план Ставки наметил нанесение главного удара именно Юго-Западным фронтом, при поддержке Румынского фронта. Также этот план, в общем, поддержал Алексеев, существенно переработав его и уточнив. Поэтому-то Рузский, как и главкозап А.Е. Эверт, настаивали на том, чтобы главный удар был бы нанесен севернее Полесья, усилиями Северного и Западного фронтов.

Невзирая на утвержденные решения Совещания, и зная о позиции Алексея, распорядившегося перенести главный удар на Юго-Западный фронт, Н.В. Рузский пытался качнуть весы еще раз. Еще до того, как оперативно-стратегическое планирование кампании 1917 г. было утверждено императором Николаем II, 19 января 1917 г. главкосев представил на суд Алексея свои соображения. Главкосев утверждал, что главный удар следует наносить севернее Полесья, ибо именно там стоят основные силы главного противника — Германии. Помимо прочего Рузский отметал предположения о сильном укреплении противником Восточной Пруссии, справедливо подметив, что Луцкий прорыв привел к гораздо большим потерям, нежели предшествовавшие усилия по овладению Восточной Пруссией. Правда, главкосев не упомянул, что Юго-Западный фронт все же имел грандиозный по сравнению со всеми прочими сражениями успех, в то время как Пруссия всегда, на протяжении всех предшествовавших кампаний, успешно отстаивалась немцами. Ведь и сам генерал Рузский в начале 1915 г. умудрился потерпеть там тяжелое поражение 10-й армии Сиверса. Нельзя не сказать, что в завершение своей записки главкосев все-таки пытался выглядеть объективно: в крайнем случае, он предложил вариант совместного наступления Западного и Юго-Западного фронтов в Польшу¹.

Все главнокомандующие фронтами на Совещании и впоследствии, в записках на имя М.В. Алексея, отметили, что преимущество противника в маневре, достигаемом использованием внутренних опе-

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 63. Л. 109—112. 119: Д. 68. Л. 290—295. 329—330.

рационных линий, чего были лишены русские после потери железнодорожной сети приграничных районов, представлялось несомненным. Поэтому, например, главкоюз ген. А.А. Брусилов справедливо говорил о немцах, что «мы можем парализовать их преимущество в этом отношении лишь в том случае, если будем действовать одновременно на всех фронтах». В свою очередь, по поводу транспортной проблемы Н.В. Рузский указал, что за три месяца распутицы возможно совершить любые перегруппировки. Однако тут же главкосев заявил: «Нам необходима рокадная линия вдоль Двины... противник, пользуясь железными дорогами, может сосредоточить ударную группу и прорвать наш фронт где угодно, мы же, не имея рокадных путей, не в состоянии даже поддержать наши части»¹.

Таким образом, можно вполне удостовериться, что Н.В. Рузский даже по прошествии 2,5 лет войны все еще находился в плену рутинных тактических представлений о незыблемости собственной позиции и линии войск. Вместо собственного массивированного контрудара по собственному почину в избранном направлении генерал Рузский прежде всего беспокоится о подаче подкреплений на атакованный противником участок общего фронта, предоставляя врагу инициативу действий и ограничиваясь лишь парированием ударов немцев. Такие взгляды были неувидительны в 1915 г., когда русские армии отступали перед подавляющим материально-техническим превосходством противника, но после Брусиловского прорыва, где русские впервые после 1914 г. диктовали неприятелю свою волю, вряд ли были уместны. Ведь недаром же, если на Совещании 1 апреля 1916 г. два главкома из трех отказывались наступать, то теперь, год спустя, никто даже и не думал об обороне; разница заключалась лишь в задачах и назначении главного удара. Уже и в 1915 г. воплощение в жизнь таких тенденций приводило к фронтальному распылению резервов и вовлечению их в общее отступление, результатом чего становились излишние потери. К 1917 г. русские армии пополнились численно и материально, впервые после 1914 г. вновь получив реальную возможность на равных помериться силами с противником.

Таким образом, думается, что Н.В. Рузский стал «достойной» сменой А.Н. Куропаткину на посту главнокомандующего армиями Северного фронта: Ставка наметила широкомасштабное наступление на всех фронтах, чтобы закончить войну в 1917 г., а генерал Рузский

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 53. 113 об., 116 об.

думает об обороне и строительстве соответствующих железных дорог для обороны. Бесспорно, что такая дорога была нужна, но ее строительство в любом случае не успевало к весеннему наступлению. Зачем же тогда указывать на это в своем мнении М.В. Алексееву? Но если А.Н. Куропаткин никогда не пользовался славой крупного полководца вообще, то в отношении Н.В. Рузского дело чуть ли не до сих пор обстоит как раз наоборот. Участник войны вспоминал, что Н.В. Рузский — это «болезненный, геморроидальный старик, не обходившийся без сестры милосердия еще в Японскую войну. Он считался хорошим стратегом и сделал блестящую карьеру в большую войну, где под конец командовал Северным фронтом»¹. Сам же император, поменяв одну стратегическую бездарность на другую, разменял преданного себе лично монархиста на сторонника буржуазной оппозиции. Вот и не говори после этого, что Николай II не копал себе могилу собственными руками!

Как бы то ни было, план кампании 1917 г., составленный ген. М.В. Алексеевым, был утвержден Верховным главнокомандующим императором Николаем II 24 января 1917 г. Согласно утвержденному плану, русские войска наносили главный удар силами Юго-Западного фронта в общем направлении на Львов. Северный и Западный фронты проводили ряд вспомогательных операций на Шавли (Северный фронт) и Вильно (Западный фронт). Румынский фронт обязывался занять Добруджу усилиями 1-й и 2-й румынских армий при поддержке русской 6-й армии. Прекрасно зная Рузского и Эверта, генерал Алексеев более не доверил им главного удара, ограничив их действия ударами севернее Полесья вне связи с Юго-Западным фронтом. В то же время, чтобы не позволить двум фронтам ограничить себя локальными задачами, заведомо обреченными на неуспех, наштаверх решил связать их задачи воедино. Алексеевым предусматривались совместные действия Северного и Западного фронтов в наступательных операциях севернее Полесья по сходящимся направлениям после прорыва обороны противника. Для этого бывший генерал-квартирмейстер Генерального штаба (перед войной) и Ставки первого состава ген. Ю.Н. Данилов составил «соображение о комбинированном наступлении армий Северного и Западного фронтов» по указаниям главкосева Н.В. Рузского.

Надо отметить, что главкосев твердо держался принципов повышения властных прерогатив главнокомандующих фронтами, не-

---

¹ Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид. 1965. С. 56.

зависимых от Ставки Верховного главнокомандования. Продолжая свою линию псевдоинициативности, начатую с началом войны, когда командарм-3 не пожелал исполнять распоряжений начальника штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеева, генерал Рузский заявил на Совещании 17—18 декабря, что обстановка на фронтах виднее самим главнокомандующим фронтами. По его мысли, Ставка якобы не имеет возможности обнять всех мелочей, а потому может лишь давать задачи, предоставляя право их исполнения всецело в руки фронтового командования («иначе мы не командующие») ¹.

Действительно, вопросы урегулирования взаимозависимости между штабом Ставкой и фронтами так и не были отрегулированы до конца войны. Подчиняясь напрямую лишь самому императору Николаю II, не вмешивавшемуся в стратегию, главкомы всегда имели возможность пролонгировать указания начальника штаба Верховного главнокомандующего. Видя это, и не имея воли и решимости настаивать на своем перед царем, ген. М.В. Алексеев был вынужден скрепя сердце наблюдать, как фронты губят его планы. Самый яркий пример — действия штаба Западного фронта в кампании 1916 г. Отсюда и принцип ведения компромиссных уговоров, а не твердых и даже жестких приказов.

МИТАВСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ 23—29 ДЕКАБРЯ 1916 ГОДА

Последней войсковой операцией, проведенной под эгидой ген. Н.В. Рузского, стало наступление 12-й армии ген. Р.Д. Радко-Дмитриева на Митаву в конце 1916 г. Причем, что характерно, главкосев устранился от ответственности за исход операции, всецело переложив ее на командарма-12. Не исключено, что Рузский не стал мешать Радко-Дмитриеву еще и ввиду дружеских между ними отношений. Недаром же в 1918 г. они погибли вместе, с еще несколькими жертвами драмы Гражданской войны.

Русская 12-я армия располагалась на крайнем северном фланге Восточного фронта, примыкая своим правым флангом к Балтийскому морю. По отношению к противостоящему противнику (8-я германская армия ген. Б. фон Мудра: 99 батальонов, 567 орудий) рижский

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 114.

плацдарм, занимаемый 12-й армией Северного фронта, охватывал неприятельский левый крайний фланг, предоставляя выгодное исходное положение для развития наступательных действий в направлении Митава — Шавли. Прорыв по митавскому шоссе и овладение древним прибалтийским городом (отданного врагу 2 августа 1915 г. в результате поражения в Риго-Шавельской оборонительной операции) нарушало сообщения всего северного участка немецкого тылового района. Генерал-квартирмейстер штаба германского Командования на Востоке ген. М. Гофман писал: «Рижский тет-де-пон был самым чувствительным местом для всего нашего фронта. Если бы русским удалась сильная атака от тет-де-пона, примерно в направлении на Митаву, то весь наш восточный фронт должен был бы отойти назад»¹.

Замышляя наступление, командарм-12 должен был проводить его на собственный страх и риск: штаб фронта во главе с Рузским отстранился от ответственности за исход операции. Резервов для развития успеха, если бы он и был достигнут, армия не получила. Повторялась та же ситуация, что и под Лодзью в 1914 г., когда генерал Рузский фактически покинул вверенные ему армии, оставив командармов без единого руководства со стороны штаба фронта. Однако нельзя не признать, что главкосев все-таки решился на производство Митавской операции, ибо на совещании 17—18 декабря в Ставке, где обсуждалось оперативно-стратегическое планирование действий армий Восточного фронта в 1917 г., он отстаивал идею нанесения главного удара на Северном фронте в кампании 1917 г. как раз в районе Рижского плацдарма. Подразумевалось, что такое наступление разом сдвинет весь германский фронт с севера, что облегчит задачи соседних фронтов в предстоящем наступлении.

Вдобавок на межсоюзном совещании было решено отказаться от замысла зимних частных ударов, чтобы полностью сконцентрироваться на подготовке весенней решительной кампании. Генерал Рузский вообще заявил, что в связи с климатическими условиями армии Северного фронта не смогут наступать вплоть до апреля месяца. Однако же он не стал мешать «обкатке» войск 12-й армии в ударе на Митаву. В свою очередь, временно исполняющий обязанности наштаверха ген. В.И. Гурко даже хотел отменить подготовленную операцию. Однако бездействие армий Северного фронта в кампании 1916 г. и постоянно отдававшиеся и затем отменявшиеся приказы

---

¹ Гофман М. Война упущенных возможностей. М. — Л., 1925. С. 110.

о начале наступления могли сыграть негативную роль в настроении войск. В.И. Гурко пишет: «В связи с этим не было сомнений, что очередной приказ об отмене наступательной операции весьма отрицательно скажется на моральном состоянии всех частей этого фронта. С другой стороны, вся имеющаяся у нас информация позволяла серьезно надеяться, что предложенное наступление на Рижском выступе окажется успешным»¹. Правда, позиция штаба фронта оставалась неясной. Генерал Гурко считал даже, что главкосев дал «добро» на удар по Митаве «по недомыслию».

Очевидно, что идея Радко-Дмитриева была в общем поддержана Н.В. Рузским как предварительный эксперимент перед летним наступлением 1917 г., долженствующий дать войскам опыт, а командующему — пищу для размышлений. Тем не менее, дабы отстраниться от ответственности за исход операции, ген. Н.В. Рузский на Совещании в Ставке заявил, что «в направлении на Митаву можно было бы попытаться произвести частную операцию, но она не обещает успеха». Поэтому главкосев дал свое разрешение на проведение частной операции лишь «в смысле боевой практики для войск».

При составлении плана наступления командующий 12-й армией генерал Радко-Дмитриев учитывал, что у него нет и не будет достаточных артиллерийских средств, чтобы пробить в неприятельской обороне достаточную по ширине и глубине брешь для дальнейшего развития наступления. То есть классический способ «прогрызания» германских позиций, рекламируемый англо-французами, заведомо не годился. Ограниченность артиллерийских средств вынуждала Радко-Дмитриева разработать атаку без производства длительной артиллерийской подготовки. Нарботки уже существовали. Еще в августе месяце по настоянию Радко тогдашний главкосев А.Н. Куропаткин сообщал в штаб Ставки: «Нам нужно заменить систематическую артиллерийскую подготовку элементом внезапности, а именно — сосредоточившись значительными силами в районе, где нас противник менее всего ожидает, атаковать стремительно без методичной медлительной артиллерийской подготовки, ограничившись только ошеломляющим противника коротким ураганным огнем артиллерии»².

---

¹ Гурко В.И. Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914—1917. М., 2007. С. 282—283.

² Цит. по: Волье А. Фронтальный удар. М., 1931. С. 321.

Дело в том, что в условиях позиционной войны основной проблемой, с которой сталкивается атакующая сторона, оказывается скорость пролома обороны противника, ввод в коридор прорыва резервов и темпы продвижения наступающей группировки в целом. Как показал опыт боев 1916 г. на русском Юго-Западном фронте (Брусилловский прорыв) и англичан на Сомме, любой тактический прорыв быстро закрывается неприятельскими резервами. Эти резервы всеми силами пытаются остановить наступающего, вынудить его к постоянным перегруппировкам, то есть такие действия размещают пространство на время в ожидании подхода крупных сил на помощь обороняющейся стороне. Именно так 8-я армия Юго-Западного фронта была остановлена на ковельском направлении — непрерывными контрударами немногочисленных германских соединений, сбивших темп русского наступления и тем самым дождавшихся подхода немецких дивизий из Франции.

Длительная артиллерийская подготовка всегда укажет обороняющемуся место готовящегося прорыва. Это понял еще главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусиллов, сумевший только в результате внезапности атаки во всех своих армиях в общешфронтовом масштабе сломать австрийскую оборону. Иначе говоря, противник не должен получить время на то, чтобы опомниться: в тактический прорыв должны немедленно вливаться резервы, чтобы развить его до оперативных масштабов. А наличие маневренных соединений — кавалерии — не позволит неприятелю создать в глубине новый оборонительный рубеж. Поэтому, как отмечал один из участников событий, командарму-12 было «необходимо для атаки наметить такой участок позиций противника, который позволил бы соединить нам внезапность нападения с наилучшим и наиболее продуктивным использованием имеющихся у нас артиллерийских средств. Намеченная нами для атаки позиция противника должна состоять из ряда слабо укрепленных участков, чередующихся с более сильно укрепленными опорными пунктами. Тогда ограниченные артиллерийские средства, будучи сосредоточены против опорных пунктов, должны одновременно с внезапной нашей атакой на слабо укрепленные участки, своим огнем подавить всякую сопротивляемость и проявления жизни в районе опорных пунктов, иначе говоря, должны приковать к месту их гарнизон»¹.

---

¹ См.: Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. М., 1919. Вып. 2. С. 35.

Соответственно сложившейся обстановке, наступление намечалось на фронте от болота Туруля до митавского шоссе включительно, в лесистой полосе, разделяемой на части рядом болот. Штабом армии было решено проводить операцию в тот момент, когда болота только-только замерзли, чтобы противник не мог ожидать удара со стороны русских. Целью армейской операции ставились прорыв расположения противника и его вытеснение за реки Экау и Аа. Как впоследствии указывал командир 5-й Сибирской стрелковой дивизии, «идея маневра была такова: 5-я Сибирская стрелковая дивизия ведет наступление вдоль шоссе на Митаву, с целью привлечь сюда внимание противника, а 6-й Сибирский корпус направлен для нанесения главного удара от побережья моря в левый фланг противника. Для скрытности движения в полках были изготовлены белые халаты»¹.

К этому времени в состав 12-й армии входили 21-й и 43-й армейские и 2-й и 6-й Сибирские корпуса, а также ряд отдельных частей. Еще в ноябре сразу два корпуса — 13-й и 37-й армейские — были изъяты из состава 12-й армии. Однако и при таких силах командарм-12 имел более чем двойное превосходство над противником в живой силе. Войска сосредоточивались на исходных позициях под прикрытием лесистой местности, что способствовало скрытности сосредоточения и неожиданности удара. В связи с тем, что от артиллерийской подготовки отказались, проходы в германской колючей проволоке должны были быть проделаны саперными командами посредством подрыва заграждений пироксилиновыми шашками.

Для производства наступления назначались 82 батальона при 300 орудиях (в том числе — 126 тяжелых) против 19 германских батальонов, занимавших укрепленную полосу на участке предполагаемого прорыва. Таким образом, на участке прорыва русские имели превосходство в живой силе почти в пять раз. Следовательно, расчеты на тактический успех атаки представлялись реально возможными. Слабой же стороной плана являлось то обстоятельство, что в 12-й армии не оставалось резервов для развития успеха в случае удачи: главком не дал войск, рассматривая готовившееся наступление, как показано выше, лишь в качестве «боевой практики» для войск.

Изготовившиеся для наступления русские отряды располагались с севера на юг в следующей последовательности:

---

¹ Военная быль. 1973. № 120. С. 13.

— Отряд ген. Е.В. Лебединского (6-я особая бригада и 440-й пехотный Бугурусланский полк);

— Отряд ген. Ф.В. Васильева (6-й Сибирский корпус и две латышские стрелковые бригады ген. А.М. Мисина и полковника Аузана);

— 2-й Сибирский корпус ген. И.К. Гандурина;

— 21-й армейский корпус ген. В.П. Широкова.

В армейском резерве находилось всего лишь три пехотных полка и полторы кавалерийских дивизии. Наступление должно было развиваться на фронте в 30 верст, главный удар — 19 верст. Итак, выделяемые для наступления силы сводились в три оперативные группы на направлении производства прорыва неприятельской обороны. Правый фланг составила Одингская группа — 10 батальонов при 28 орудиях плюс 4 батальона из армейского резерва. Левый фланг — Олайская группа — 20 батальонов при 86 орудиях. Главные силы — Бабитская группа — 48 батальонов при 208 орудиях. Фланговые группы наступательными действиями должны были сковать стоявшие перед ними части неприятеля, чтобы не допустить переброски на направление главного удара.

Цель операции могла быть достигнута только при условии взятия Митава. Однако это дело было делом не только одной 12-й армии, но всего Северного фронта: занятие Митава сбивало фронт германцев на юго-запад и вынуждало их либо ликвидировать прорыв, либо бросать свои укрепленные позиции против всего русского Северного фронта. Но Рузский отказал Радко-Дмитриеву в заблаговременной подаче резервов к Риге, не веря в возможность успеха. Как показало будущее, в этом прогнозе генерал Рузский не ошибся.

План Митавской операции был рассчитан на внезапность удара, которая должна была быть достигнута отказом от применения артиллерийской подготовки, замененной кратковременным (до 20 минут), но мощным огнем шквалом (впервые подобный метод был применен 15 июля 1916 г. в 8-м армейском корпусе ген. В.М. Драгомирова в сражении под Кошевом). Также штабом армии была имитирована передислокация частей 6-го Сибирского корпуса, который и наносил в итоге главный удар, в Румынию. Таким образом, командарм-12 сумел создать для своей атаки такие благоприятные условия, как превосходство в момент первого удара; слабость укреплений противника между узлами сопротивления на избранном для наступления участке; широкий фронт атаки, что вынуждало противника рассредоточивать свои силы; применение

комбинированного способа атаки; внезапность нападения, обеспеченная скрытностью подготовки¹.

С другой стороны, Р.Д. Радко-Дмитриев теперь должен был учитывать состояние своих частей. Когда действующая армия окончательно приобрела черты милиционного характера своих войск после гибели кадров в 1914—1915 гг., стало необходимо с первого же удара наступления вести борьбу за моральную упругость частей. Следовало не только непосредственно уничтожать противника, но и потрясти его нравственно. Итак, тактической новинкой Митавской операции стало проведение внезапной атаки без предварительной артиллерийской подготовки; в основе идеи лежал принцип внезапной пехотной атаки большими силами, ввиду нехватки тяжелой артиллерии для производства прорыва неприятельского фронта артиллерийскими ударами. Само наступление началось перед рассветом 23 декабря 1916 г.

На острые атаки, наряду с русскими войсками, должны были наступать латышские бригады. Эти отдельные национальные формирования были образованы самыми первыми из всех национальных войск Русского фронта, по инициативе члена Государственной думы Я. Гольдмана еще в 1915 г. Всего за годы войны было образовано 8 стрелковых полков и 1 запасной полк. Полки по два сводились в отдельные латышские стрелковые бригады. В 1917 г. были образованы две дивизии 4-полкового состава по две бригады в каждой:

— 1-я Латышская стрелковая дивизия: Усть-Двинский, Рижский, Курземский, Видземский стрелковые полки;

— 2-я Латышская стрелковая дивизия: Семигальский, Туккумский, Ваукский и Вольшарский стрелковые полки.

Общая численность латышских войск в 1917 г. доходила до 38 тыс. солдат и 1 тыс. офицеров. Собственной артиллерии латышские дивизии не имели и организационно входили в состав различных армейских корпусов. Именно в таком виде латышские стрелки встретили Октябрьскую революцию 1917 г., в которой им было суждено сыграть столь видную роль.

23 декабря одним ударом 6-й Сибирский корпус прорвал фронт неприятеля в трех местах, в том числе в двух из них в неприятельские окопы ворвались латышские бригады. 1-я Латышская бригада утром 23-го числа прорвала оборону противника, взяв в качестве трофеев

---

¹ Военно-исторический сборник. Труды Комиссии по исследованию и использованию опыта войны 1914—1918 гг. М., 1919. Вып. 2. С. 46.

8 тяжелых орудий (две батареи или целый дивизион), массу пленных, пулеметы. И лишь контратаки подошедших германских резервов не дали латышам возможности продвинуться дальше. Как писала русская пресса: «Заслуживает быть отмеченным, что в октябрьских [1915 год] и последовавших затем боях в рядах наших войск, сражавшихся на Рижском плацдарме, приняли участие вновь сформированные уже во время летних боев латышские батальоны»¹.

Примечательно, что во время артиллерийской подготовки в широких масштабах использовались химические снаряды, ошеломившие врага². Германские войска были смяты и отброшены с исходных позиций. Преследуя врага, части данной ударной группы (Бабитской) продвинулись в глубину расположения противника на 5 км. Трофеями русских стали свыше 1 тыс. пленных, 33 орудия, 18 минометов и 40 пулеметов. Всего же из четырех удалась три внезапные ночные атаки, предпринятые без предварительной артиллерийской подготовки. В то же время на скользящих участках атаки производились как раз после артподготовки, чтобы уменьшить возможные потери войск, лишь отвлекающих на себя германские резервы. Бабитской группой был занят район Скудр, северо-восточнее Граббе, Скангель. На участках других групп попытка прорыва успеха не имела, поэтому 24 декабря войска укрепились на захваченных позициях.

Холодная погода ухудшала боеспособность войск, а свежих резервов не было. Атаки в лоб, для развития прорыва, не удалась, а Бабитский Язык был занят обходом, то есть маневренными действиями. Попытка ввести в прорыв кавалерию не увенчалась успехом: пулеметным огнем неприятель сдержал наступавших русских. Применение германцами тактики «выделенных пулеметов», то есть пулеметных точек, разбросанных по местности без какой-либо системы, позволило сдерживать русское наступление даже и при том, что латышские стрелки захватили артиллерию на атакуемом ими участке. Латышские бригады понесли большие потери, что «сильно расстроило и дезорганизовало латышские части и облегчило контрудар слабых германских резервов»³.

---

¹ Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Пг., 1916. С. 46.

² Сыромятников А. Наступление и оборона в условиях позиционной войны. Лекции. Пг., 1917. С. 14—15.

³ Федосеев С.Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 380.

Собственных резервов, помимо конницы, непригодной к действиям в лесистой местности, у командарма-12 не оказалось. Дальнейшие действия свелись к перманентным боям в виде атак и контратак на отдельных участках фронта. 25—26 числа — отражение контрударов противника, подтянувшего к своим флангам резервы, и попытки нового наступления русских. Кавалерия опять не сумела выйти в тыл противника, так как повсюду на участках прорыва шли встречные пехотные бои, и конница не могла преодолеть огонь артиллерии и пулеметов. В условиях позиционной войны, при необходимости направления кавалерии в тыл противника на участке прорыва, необходимо придавать коннице на время пехоту (не менее батальона на кавалерийскую дивизию), чтобы та расчистила дорогу от сопротивляющейся пехоты неприятеля и обеспечила свободное движение в тыл врага.

И уже 29 декабря, после того, как ген. Р.Д. Радко-Дмитриев убедился в невозможности дальнейшего продвижения и бесперспективности дальнейших боев, русские прекратили операцию. Командарм-12 так и не смог добраться до Митавы, превратив тактический успех в оперативный. Потери 12-й армии составили около 20 тыс. чел., немцы потеряли несколько меньше. Главным итогом наступления стало общее улучшение расположения армии. Вообще же, в ходе Митавской операции войсками 12-й армии был занят «пяточек» примерно 10 на 15 километров.

Основной причиной неуспеха стало запаздывание резервов к месту прорыва. Так, кавалерия подошла только через 12 часов после начала удара и образования бреши в неприятельской обороне. Поэтому, хотя у противника также не было резервов для контрудара, развить первоначальный успех командарму-12 не удалось. Также, как было сказано выше, штаб Северного фронта не дал 12-й армии резервов, не рассчитывая на успешный прорыв вражеской обороны, так что немцы смогли подвести свои резервы из глубины и вскоре восстановили положение. Исходя из этого, А. Вольпе считает, что «операция 12-й армии даже в лучших условиях не могла бы привести к крупному оперативному достижению. Рано или поздно незначительные силы 12-й армии были бы отброшены подошедшими германскими резервами. Но Митаву, хотя бы на время, русские взять могли». После боев, подводя итоги операции, приказом по армии от 24 января Радко-Дмитриев требовал от войск побед «малой кровью», готовясь к победам «великим трудом», по выражению Петра Велико-

го. Командарм указал, что для реализации победных замыслов на деле общей обязанностью начальников всех рангов является «разумное и энергичное использование всех данных им и надлежаше ими подготовленных средств»¹.

Одним из успехов русского удара стала смена командующего 8-й германской армией. В то же время новый германский командарм-8 Ф. фон Шольц (начальник армейской группы «Шольц» в районе Динабурга, уже ранее командовавший 8-й армией в 1915 г.), сменивший незадачливого командарма Б. фон Мудра, перегруппировал войска и контрударом 12—13 января 1917 г. восстановил исходное перед Митавской операцией положение. В целом относительно Митавской операции Северного фронта Ставка отмечала, что наступление «не дало нам существенных результатов». Среди причин неуспеха по-прежнему выделялись крупные недочеты управления войсками вообще и артиллерии в частности, недостаточно разработанная подготовка атаки. Согласно официальному отчету, к причинам неудачи относились «неучет климатических и топографических условий, бессистемная артиллерийская подготовка, отсутствие разведки, связи и взаимоотношения отдельных родов войск». Однако главной причиной считалась «наша бедность в тяжелой артиллерии и снабжении наличных даже тяжелых орудий снарядами»².

«Тревожный звоночек» прозвучал для русских вооруженных сил именно в Митавской операции. По инициативе солдат 17-го Сибирского полка ряд частей 12-й армии отказались идти в наступление. Участник операции — младший офицер — вспоминал, что после получения войсками приказа на наступление окопы были наводнены антивоенными листовками, зачастую написанными от руки³. Отказ солдат наступать стал одной из причин неуспеха наступления Олайской группы, на что ссылался и Радко-Дмитриев. В приказе по войскам армии от 3 января 1917 г. командарм-12, в частности, указывал: «Три роты одного из славных Сибирских полков, забыв долг перед Отечеством и присягу перед Богом, пробовали уклониться от боя, заявив своим начальникам, что обороняться они будут, но наступать не хотят»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 326. Л. 42—45.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 64. Л. 599.

³ Черепанов А.И. Боевое крещение. М., 1960. С. 20.

⁴ Приказы по 12-й армии. 1917 г. Б. М., 1917.

Как видим, уже при царском режиме в настроениях солдат проскальзывает оборонительная тенденция, не исключая при этом возможности дальнейшего участия в войне: оборона при одновременном отказе от наступления. При Временном правительстве эта тенденция постепенно станет господствующей в войсках действующей армии, вплоть до того времени, как армия приступит к стихийной демобилизации, а впоследствии власть на большей части российской территории страны сразу же перейдет к большевикам. Даже французский военный представитель на Петроградской межсоюзнической конференции февраля 1917 г. ген. Н.-Ж. де Кастельно в своем рапорте в военное министерство сообщал: «Последнее наступление у Риги, в котором русские потеряли сорок две тысячи человек, достигнув незначительных результатов, вызвало настоящие волнения в политических кругах»¹.

Первый батальон 17-го Сибирского стрелкового полка, где, собственно говоря, и произошли волнения, был преобразован в рабочий батальон. Взамен него был образован новый первый батальон, для чего каждый из прочих трех батальонов полка выделил из своего состава по роте с четвертью. 92 нижних чина 2-го и 6-го Сибирских корпусов были преданы военно-полевому суду и казнены. Причем первая партия в 24 стрелка была расстреляна 1 января нового, 1917 г. Масса солдат была отправлена на каторгу и в тюрьмы. Наказание постигло весь личный состав мятежных подразделений: «Все унтер-офицеры возмущившихся рот разжалованы в рядовые, и все чины этих рот до офицеров включительно раскассированы по всем частям армии». Впрочем, всего через два месяца началась революция, как известно, освободившая всех заключенных царского режима...

КЛЮЧЕВАЯ РОЛЬ В ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Волею обстоятельств главнокомандующему армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузскому пришлось сыграть одну из ключевых ролей в моменте отречения императора Николая II от престола и, следовательно, в процессе крушения российской монархии династии Романовых. Сам генерал сделал все, чтобы оказаться в эпицентре событий, приведших к падению монархии.

---

¹ Цит. по: Военно-исторический вестник. 1973. № 42—43. С. 19.

К зиме 1917 г. недовольство Верховным главнокомандующим и его супругой, активно нагнетаемое оппозиционной прессой и наводнившими фронт деятелями Государственной думы, достигло своего апогея. Император рассчитывал на успех готовившегося весеннего наступления, которое должно было заложить основы победы над блоком Центральных держав и заткнуть рты всем недовольным в Российской империи. В свою очередь, либералы, сознавая, что русская Действующая армия как никогда ранее близка к победе, ввиду ее насыщения техникой и резервами, опасались, что власть, которая сейчас еще может быть перехвачена из рук монарха, окончательно станет недостижимой. В этой ситуации ставка была сделана на дворцовый переворот, во главе с оппозиционными кругами, который должен был сменить императора Николая II на такого царя, что будет послушен парламенту по британскому образцу.

Точкой преткновения вставали вооруженные силы. Во время Первой русской революции 1905—1907 гг. именно устойчивость армии позволила царскому режиму раздавить революцию. Теперь войска были недовольны ведением и ходом войны, однако они были в руках своих руководителей. Любое восстание в тылу вызвало бы немедленную отправку карательных частей с фронта, которые, без сомнения, легко потопили бы бунт в крови. Во главе же армии стоял сам император. Так что, так или иначе, но следовало перетянуть армию на свою сторону. Поэтому, в связи с подготовкой переворота, после убийства Г.Е. Распутина воспрянувшие духом заговорщики посетили ряд наиболее высокопоставленных генералов, дабы попытаться убедить их в необходимости смещения царя.

Посланцы Государственной думы посетили как минимум четырех высокопоставленных военных — наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеева, главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузского и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова.

Известно, что великому князю Николаю Николаевичу было сделано предложение стать преемником императора Николая II на русском престоле. Поразмышляв три дня, великий князь ответил отказом, однако его колебания и сохранение поступившего предложения в тайне от царя свидетельствуют о многом. Что касается остальных лиц, то несомненен сам факт переговоров. Пытаясь выгородить своего соратника, в эмиграции ген. А.И. Деникин писал, что в Севастополь

к Алексееву приезжали деятели оппозиции и просили совета, как не допустить армию к подавлению готовившегося переворота. Генерал Алексейев якобы отказался от участия в перевороте, но те же люди, посетив Н.В. Рузского и А.А. Брусилова, получили согласие, а потому продолжали подготовку переворота. Вряд ли, что алексеевский отказ был категоричен. Вероятнее всего, каждый из генералов опасался дать твердый ответ. Кроме того, ни Алексейев, ни Рузский или Брусилов и не подумали сообщить об этих переговорах и предложениях со стороны оппозиции своему сюзеру и Верховному главнокомандующему — императору Николаю II.

Поводом к началу волнений в столице страны — Петрограде, послужил продовольственный кризис. К этому времени Петроградский военный округ, хотя и был выделен из подчинения Северного фронта, тем не менее находился в тесной связке продовольственного снабжения. В начале 1917 г., когда боевые действия в окопах Восточного фронта подзатихли (за исключением Румынии), главнокомандующие фронтами заботились не столько о предстоящем весеннем наступлении, сколько о кормежке вверенных им войск. Еще осенью 1916 г. Н.В. Рузский предлагал передать дело продовольствия в руки военных, дабы пресечь разгулявшуюся спекуляцию, на что старый знакомый главкосева генерал А.С. Пржецлавский откликнулся предложением вешать спекулянтов: «Пора — не то народ взбунтуется, и все наши намерения против немцев рушатся»¹. В феврале Рузский просил исключить Петроградскую, Псковскую, Витебскую и все губернии к западу от них от разверстки скота и сала — «оставив эти губернии как ближайший к фронту резерв на случай экстренной потребности скота или сала и на случай необходимости использовать их путем реквизиции при недовозе»². Как бы то ни было, но продовольственный кризис суровой зимой 1917 г., когда эшелоны останавливались от снежных заносов, был налицо, и этим воспользовалась оппозиция.

Первые сведения о начавшихся в Петрограде беспорядках император получил спустя пару дней, ведь он прибыл в Могилев (месторасположение Ставки) 24 февраля, в то время как первые «голодные» выступления начались днем ранее. Уже 28 февраля императорский поезд вышел из Ставки, направляясь к взбунтовавшейся столице.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 678.

² ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 425. Л. 145.

Царь пытался пробиться к своей семье, находившейся в Царском Селе и больной корью. Однако еще до выезда царя, 27 февраля, главкосев ген. Н.В. Рузский послал телеграмму императору, где намекал на желательность переговоров с оппозицией и неизбежность уступок. В частности, генерал Рузский прямо заявил: «Позволю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое длительное удовлетворение». Связи генералитета с Государственной думой начинали действовать, хотя, разумеется, в эти дни еще никто не думал об отречении — речь могла идти только об очередном этапе ограничения царской власти в пользу буржуазного парламента. Участник войны верно подметил, что «генерал Рузский был первым из высших военных начальников, который решился открыто высказать свою солидарность с прогрессивным блоком Государственной думы, хотя и в довольно туманных выражениях»¹.

В связи с тем, что царский поезд не смог напрямую пробиться в столичный район, 1 марта он свернул в Ставку Северного фронта — Псков. Очевидно, что император рассчитывал на лояльность выдвинутых им генералов, а следовательно, на успешное подавление восстания в Петрограде. Соответственно, сам царь должен был руководить событиями из Пскова, при поддержке главнокомандующего армиями Северного фронта, а начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеев, в руках которого находились все нити управления действующей армией — из Ставки. Однако Николай II обманулся в своих ожиданиях: и Алексеев и Рузский уже пришли к убеждению, что отречение царя неизбежно во имя сохранения монархии как таковой. Опыт других революций, где падение монархии неизбежно заканчивалось гражданской войной и террором, пропал втуне. Неудивительно: М.В. Алексеев и Н.В. Рузский были убеждены в том, что переворот станет верхушечным, не затронув широких масс населения и самого государственного устройства России. Простой размен одного царя на другого — так заверяли генералов оппозиционные политиканы, и потому генералитет сыграл роль пешек в стадии зарождения Великой русской революции 1917 г.

Император рассчитывал на безусловную лояльность ген. Н.В. Рузского — карьера генерала в период Первой мировой войны отчетливо говорила за это. Но имелись и негативные сведения, поступавшие от

---

¹ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 177.

агентов охранки, и царь знал о контактах своих генералов с оппозиционерами. Например, после своей аудиенции у императора в конце сентября А.Д. Протопопов, назначенный министром внутренних дел, записывал в дневнике беседу с царем: «Гучков — Юань Шикай. И он дружен и в переписке со всеми фрондерами — Куропаткиным, Рузским, Кривошеиным и даже с Алексеевым»¹. Представляется, что Николай II надеялся, что его собственные преференции, выданные главкосеву за 1914—1916 гг., перевесят дружбу с оппозиционерами; император не учел масонских связей. Сразу по прибытии императора в Псков позиция генерала Рузского четко определилась — по воспоминаниям членов царской свиты, главкосев немедленно, еще на перроне, куда прибыл царский поезд, заявил, что «теперь надо сдать на милость победителя», подразумевая под победителем мятежную столицу и ее думских руководителей. Следовательно, стало ясно, что на организацию карательных войск на Северном фронте рассчитывать не приходится. Вскоре царю стала известна и точка зрения ген. М.В. Алексеева, который также твердо поддержал требование отречения.

Роль главкосева в событиях начала марта заключалась в том, что именно он оказывал непосредственное давление на царя, имея целью вынудить его отречься от престола в пользу сына цесаревича Алексея Николаевича. В ночь на 2 марта ген. Н.В. Рузский долго один на один беседовал с царем, а ночью — с председателем Государственной думы М.В. Родзянко. Ясно, что главкосев действовал под прямым контролем петроградских заговорщиков. Первоначально задачей ставилось образование так называемого «ответственного министерства» (формируемого парламентом), затем — уже только отречение. Генерал Рузский передавал императору все те требования, что выносились Родзянко, непременно присовокупляя, что и он, главкосев, согласен с этими требованиями, удовлетворение каковых позволит сохранить монархию вообще и династию в частности.

Для давления на царя использовалось все — и телеграммы из столицы и Ставки, и ложные сведения о движении на Псков каких-то «революционных отрядов», и, наконец, мнения помощников генерала Рузского, разделявших точку зрения своего шефа. Один из них, начальник штаба Северного фронта ген. Ю.Н. Данилов, вспоминал о Рузском во время отречения царя следующим образом: «Генерал

---

¹ Цит. по: *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 145.

Рузский всегда и со всеми держал себя непринужденно просто. Его медленная, почти ворчливая по интонации речь, состоявшая из коротких фраз и соединенная с суровым выражением его глаз, смотревших из-под очков, производила всегда несколько суховатое впечатление, но эта манера говорить хорошо была известна государю и была одинаковой со всеми и при всякой обстановке. Спокойствия и выдержки у генерала Рузского было очень много, и я не могу допустить, чтобы в обстановке беседы с государем, проявлявшим к генералу Рузскому всегда много доверия, у последнего могли сдать нервы. Вернее думать, что людская клевета и недоброжелательство пожелали превратить честного и прямолинейного генерала Рузского в недостойную фигуру распоясавшегося предателя»¹. Здесь речь идет о слухах, что генерал Рузский якобы чуть ли не силой вырвал отречение. Конечно, такого не было. Однако же мощь оказанного Рузским давления на императора отрицать нельзя — фактически Николай II оказался в плену штаба Северного фронта. Ведь исполнять приказы относительно карательного удара по столице ген. Н.В. Рузский не собирался с самого начала, и царь отлично это понял. Попытка императора найти опору в лице Ставки провалилась, как только пошли первые телеграммы от ген. М.В. Алексеева. Рассчитывать на поддержку других фронтов было нельзя, ибо точно так же рассчитывали и на Рузского.

При той точке зрения, на которой стояли высшие генералы, возможность сопротивления революции со стороны императора и пока еще Верховного главнокомандующего была сведена до нуля. Опереться царю было не на кого, ибо главкомы не удосужились информировать прочих командиров (например, командармов) о событиях, не говоря уже о том, чтобы спрашивать их мнения. Все решалось келейно, генерал-адъютантами, выступившими против своего сюзерена. Тот же генерал Рузский даже уже после состоявшегося отречения, 3 марта, в телеграмме на имя М.В. Алексеева недвусмысленно указал: «Командующим армиями обстановка внутри империи мало известна, поэтому запрашивать их мнение считаю излишним». После того, как 2 марта все главнокомандующие прислали императору телеграммы с необходимостью отречения, дело с существованием монархии в России было окончательно решено.

Император не получил поддержки со стороны тех, кого он сам же выдвинул и кто был обязан своей военной карьерой, прежде всего,

---

¹ Литература русского зарубежья: Антология. М., 1990. Т. 2. С. 370.

императору. Наверное, каждый из генералов полагал, что он достоин большего, и его восхождение по служебной лестнице есть плод исключительно собственных усилий. В какой-то степени это, безусловно, так. Но в полуфеодальном социуме, где вертикальные социальные связи превалируют над горизонтальными, все не так просто. Роль высшего сюзерена является более значительной, нежели это кажется снизу.

Кажется парадоксальным, что в поддержке царю отказала именно военная верхушка. Однако без этого фактора революция была обречена на неудачу, ограничившись зародышем обычного мятежа в военное время. Привлечение генералитета на сторону революции было важнейшей задачей либеральной оппозиции, которую она с успехом выполнила. В то же время «армия и полиция — неотъемлемая часть общества, они находятся под влиянием господствующих в нем идей и настроений. Высшее офицерство представляет собой важнейший слой правящей элиты, и кризисные явления этой элиты не могут обойти его стороной. Поэтому потеря правящим режимом социальной поддержки и доверия со стороны элиты резко сокращает его возможности использовать силовые методы подавления недовольства»¹.

Бесспорно, что весь высший генералитет, без исключения, невзирая на ту или иную степень своих тайных связей с либеральной оппозицией, не желал упразднения монархии как таковой. Генералы наивно полагали, что вся проблема заключается только и исключительно лишь в том, чтобы убрать с престола оклеветанную усилиями буржуазии фигуру императора Николая II, после чего, как представлялось, все пойдет как по маслу. Воодушевленная страна будет воевать с удвоенной энергией, династия обновится, контроль над жизнью государства возьмет в свои руки Государственная дума. Так тогда думали многие. Например, бывший военный министр ген. А.Ф. Редигер, указывая, что главные виновники отречения среди генералитета — М.В. Алексеев и Н.В. Ружский, которые «не исполнили своего “солдатского” долга в отношении государя», считал тем не менее, что их поведение может быть если не оправдано, то «отчасти объяснено». Называя главным виновником революционной катастрофы Временный комитет Государственной думы и, в частности, лично ее

---

¹ *Стародубровская И.В., Мау В.А.* Великие революции: От Кромвеля до Путина. М., 2004. С. 46—47.

председателя М.В. Родзянко, генерал Редигер верно считает, что «если начальник штаба государя Алексеев и главнокомандующий Рузский не поддержали государя, а побуждали его подчиниться требованиям, исходившим из Петрограда, то это произошло потому, что они видели во главе движения избранников народа, людей, несомненно, почтенных, и видели в этом доказательство тому, что и вся революция отвечает воле народа»¹.

Генералы и подумать не могли, что еще до того, как они поддержали парламент, они уже превратились в пешки на российском политическом поле, думая, что будут не менее как ферзями. К этому генералов толкала и логика поступавшей из Петрограда информации, той информации, которой хотелось верить и которая поэтому расценивалась как единственно верная. Граф Д.Ф. Гейден вспоминал о генерале Рузском: «Это был благородный человек, любивший свою родину, с большим здравым смыслом, независимый и самостоятельный в своих мнениях, так как выше всего ценил правду. И если действительно виновен, что был последней каплей, действовавшей на Государя при принятии последнего решения, погубившего в конце концов Россию, то сделал это только, думая, что все уже кончено, раз весь Петербург с великими князьями включительно присягнули Временному правительству, и желая дать возможность Государю сделать это якобы по своему почину, а не быть скинутым против своего желания, мятежниками страны, захватившими власть»². Тем не менее царь не простил Н.В. Рузского — его, единственного. По некоторым сведениям, будучи в Екатеринбурге в заключении, император сказал: «Бог не покидает меня. Он дает мне силы простить всем врагам, но я не могу победить себя в одном: я не могу простить генерала Рузского».

Посему, если генералов можно винить объективно, то лишь в благоглупости и недооценке ситуации с одновременной переоценкой собственного влияния и значимости, неверной оценке своих возможностей в грядущей политической борьбе за власть. Но если помнить, куда именно лежит дорога, вымошенная благими намерениями, то станет понятно, что, не сознавая того, генералитет сыграл ключевую роль в зарождении Красной Смуты.

---

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 444.

² Военно-исторический вестник. 1971. № 37. С. 14.

ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ

Как и все прочие высшие начальники российских вооруженных сил, ген. Н.В. Рузский не удержался от критики старого режима, к крушению которого главкосев приложил столь немалые усилия. Причем, если в отношении главкозапа А.Е. Эверта можно говорить о его растерянности перед стремительностью нараставших событий, а в отношении главкоюза А.А. Брусилова — о его популизме в глазах новой власти, то Н.В. Рузский, будучи тесно связанным с заговорщиками, просто выполнял свою новую роль. Выдающийся отечественный военный востоковед ген. А.Е. Снесарев в своем фронтовом дневнике писал по поводу печати, что Рузский «тоже лягает копытами павшего монарха заодно с жидами». И затем: «Рузский (первый предложил государю отречься) тоже старается лягнуть поваленного событиями недавнего вершителя судеб нашей родины»; «Рузский оказался просто талант: [все] перемыслил и [всех] предупредил»¹.

В одном из своих интервью, данных вскоре после февральского переворота, ген. Н.В. Рузский даже заявил: «Корпусов для усмирения революции отрешившийся от престола царь мне не предлагал посылать по той простой причине, что я убедил его отречься от престола в тот момент, когда для него самого ясна стала несправедливость положения». Тот же тезис генерал Рузский развивал и в последующем — например, в разговоре с членами Государственной думы Н.О. Янушкевичем и Ф.Д. Филоненко. В своем отчете думцы отметили: «Между прочим, из разговора с генералом Рузским выяснилось, что в деле отречения императора от престола он сыграл очень видную роль, что он просто настаивал на этом. И, с другой стороны, еще раньше, до отречения, говорил о необходимости немедленного введения ответственного министерства, так как иначе дело может кончиться очень плохо»². Таким образом, главкосев недвусмысленно дал понять о своей ключевой роли в вопросе отречения от престола императора Николая II. Бесспорно, такое заявление было слишком громким — один только генерал Рузский никогда не сумел бы убедить императора в необходимости отречения. Показательно лишь само заявление главнокомандующего армиями Северного фронта. Впоследствии, в 1918 г., находясь на лечении на Кавказе и оказавшись

¹ Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 53—54.

² 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 91.

на территории, контролируемой большевистскими войсками, генерал Рузский попытался исправить свою роль в событиях февраля 1917 г. В беседе с ген. С.Н. Вильчковским, сумевшим добраться к белым, Рузский уже утверждал, что виноват перед императором «не более, чем другие главнокомандующие и во всяком случае менее, чем Алексеев». То есть генерал Рузский попытался поставить себя на одну доску с А.Е. Эвертом и В.В. Сахаровым, которые до последнего момента не желали поддерживать переворот и присоединились лишь после давления Ставки в лице Алексеева, поддержанного как раз Рузским. Поэтому справедлив автор предисловия к сборнику документов об отречении царя, говоря, что «нет сомнения в том, что Рузский действовал в полном контакте с думскими верхами и настаивал на необходимости немедленного отречения»¹.

Первое время Н.В. Рузский продолжал занимать должность главнокомандующего армиями Северного фронта. Очевидно, что после революции главкозев, в связи со своей выдающейся ролью в отречении императора, питал надежды стать Верховным главнокомандующим, хотя во Временном правительстве обсуждались кандидатуры М.В. Алексеева и А.А. Брусилова. В середине марта военный министр А.И. Гучков направил телеграмму в штабы армий и фронтов: «Временное правительство, прежде чем окончательно решить вопрос об утверждении Верховным главнокомандующим генерала Алексеева, обращается к вам с просьбой сообщить вполне откровенно и незамедлительно ваше мнение об этой кандидатуре». Главкозеп, главкоюз и помглавкорум, с некоторыми оговорками, но поддержали кандидатуру генерала Алексеева. От ответа уклонился лишь Н.В. Рузский: «По моему мнению, выбор Верховного должен быть сделан волей правительства. Принадлежит к составу действующей армии, высказываться по этому вопросу для себя считаю невозможным». А некоторые генералы поддержали именно кандидатуру генерала Рузского. Так, командарм-6 ген. А.А. Цуриков сообщил: «Генерала Алексеева непосредственно знаю мало. В общем управлении операциями русских армий за последние полтора года трудно усмотреть какой-либо определенный, настойчиво проводимый стратегический план, но чем это обуславливалось и в какой мере к этому причастен генерал Алексеев, судить не имею данных...» Начальник штаба Северного

---

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. документы. М., 1990. С. 13, 142, 145.

фронта ген. Ю.Н. Данилов отметил, что ген. М.В. Алексеев является «отменным Начальником штаба Верховного главнокомандующего. Но боевой репутации в войсках генерал Алексеев не имеет и имя его среди них популярностью не пользуется». А командарм-1 ген. А.И. Литвинов заявил напрямую, что «наилучшей комбинацией было бы назначение генерала Рузского Верховным главнокомандующим, а генерала Алексеева его начальником штаба»¹. Тем не менее Верховным стал Алексеев.

Временное правительство не забыло тех услуг, что были оказаны главкосевом в период падения монархии, а потому ему пока еще доверяли. Все изменилось с отставкой наиболее консервативно настроенных членов правительства — министра иностранных дел П.Н. Милюкова и военного министра А.И. Гучкова. Во время так называемого «Апрельского кризиса», когда потребовался уход конституционных монархистов, параллельно в Пскове происходило совещание высших чинов армии вместе с членами Временного правительства. Здесь-то и выяснилась картина всеобщего развала вооруженных сил страны. В ходе жарких дебатов и взаимных обвинений и Временное правительство во главе с князем Г.Н. Львовым, и Ставка во главе с Верховным главнокомандующим ген. М.В. Алексеевым понесли потери. В частности, в отставку вышел и Н.В. Рузский. На апрельском совещании в Ставке сменивший А.Е. Эверта новый главкозоп ген. В.В. Смирнов и главкоюз А.А. Брусиллов выступили за наступление. Этого желало Временное правительство, рассчитывая на дивиденды перед западными союзниками и укрепление позиций внутри страны в случае успеха. Главкосев был против наступательных операций, предлагая ограничиться обороной, что и ускорило его падение. В итоге ген. М.В. Алексеев отдал директиву о подготовке наступления в начале лета.

Новый главковерх сделал все, от него зависевшее, чтобы убрать своего давнего недруга и соперника с высокого поста в действующей армии. Ведь известно, что когда деятели Временного правительства производили опрос высшего генералитета в отношении выбора будущего Верховного главнокомандующего, где кандидатура М.В. Алексеева была первой и практически единственной, Рузский уклонился от ответа. Предлогом к кадровым перестановкам послужила ситуация

---

¹ *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 607—608.

на фронтах, которая после Приказа № 1 стала катиться к краху дисциплины и обороноспособности. А.И. Деникин, один из ближайших сподвижников ген. М.В. Алексеева, пишет об этом: «Алексеев уволил главнокомандующего Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева за слабость военной власти и оппортунизм. Он съездил на Северный фронт и, вынеся отрицательное впечатление о деятельности Рузского и Радко-Дмитриева, деликатно поставил вопрос об их “переутомлении”. Так эти отставки и были восприняты тогда обществом и армией. По таким же мотивам Брусилов [впоследствии] уволил Юденича»¹.

Освобождение высокого поста немедленно вызвало борьбу за него. После отставки ген. Н.В. Рузского на должность главнокомандующего армиями Северного фронта Гучков хотел провести главнокомандующего войсками Петроградского военного округа Л.Г. Корнилова. У генерала Корнилова вышел конфликт с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов, требовавшим установления контроля Совета над деятельностью генерала. Дело в том, что Корнилов выступил противником невывода на фронт петроградского гарнизона, который был обещан революционными властями в награду за поддержку действий против монархии и вооруженного восстания в столице, передавшего власть Временному правительству. Теперь военный министр «проталкивал» свою креатуру на пост главкосева.

Назначению Корнилова на место Рузского воспротивился Верховный главнокомандующий ген. М.В. Алексеев. Считая, что на фронте найдутся военачальники и старше Корнилова по чинопроизводству, и талантливее по воинскому искусству, Алексеев угрожал Гучкову своей отставкой. Как говорят исследователи, «в позиции Алексеева не могло быть ничего личного. С Корниловым ему, скорее всего, прежде близко сталкиваться не приходилось... Скорее всего, реакция Алексеева была обусловлена тем, что Корнилова ему откровенно навязывали сверху. Для Алексеева Корнилов был очередным “вундеркиндом”, выскочкой, которые в великом множестве появились уже в первые месяцы революции»². В итоге главнокомандующим армиями Северного фронта стал командарм-5 А.М. Драгомиров. А Корнилов отправился на Юго-Западный фронт на пост командарма-8.

---

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Мн., 2003. С. 202.

² Ушаков А., Федюк В. Лавр Корнилов. М., 2006. С. 95.

Что же касается ген. Н.В. Рузского, то после своей отставки он некоторое время проживал в Петрограде в качестве уже пенсионера «с мундиром». В столице генерал наносил многочисленные визиты, встречался с коллегами по ремеслу, пытался сделать что-нибудь посильное для остановки крушения армии. Например, З. Гиппиус 19 июля в своем дневнике записывала, что несколько раз в эти дни видела ген. Н.В. Рузского, который бывал и у нее в гостях: «Маленький, худенький старичок, постукивающий мягкой палкой с резиновым наконечником. Слабенький, вечно у него воспаление в легких. Недавно оправился от последнего. Болтун невероятный, и никак уйти не может, в дверях стоит, а не уходит... Рузский с офицерами держал себя... отечески-генеральски. Щеголял этой “отечественностью”, ведь революция! И все же оставался генералом».

Но и тогда генерал Рузский считался одним из наиболее важных авторитетов в деле ведения войны. Например, 16 июля в Ставке состоялось совещание высшего генералитета с премьер-министром А.Ф. Керенским, посвященное результатам и последствиям провала июньского наступления. На этом Совещании, помимо Керенского и нового Верховного главнокомандующего ген. А.А. Брусилова, присутствовали командующие фронтами (кроме главкоюза Л.Г. Корнилова, наводившего порядок на откатывавшемся к линии государственной границы фронте). Помимо этих лиц в Совещании приняли участие уже отставные, но, как оказалось, все еще необходимые, М.В. Алексеев и Н.В. Рузский.

В начале августа вместе с Брусиловым, вскоре после июльского Совещания потерявшего свой пост и также отправленным в отставку, Н.В. Рузский участвовал в московском Совещании общественных деятелей. Бывший главкосев солидаризировался со своими отставными коллегами — М.В. Алексеевым, А.А. Брусиловым, Н.Н. Юденичем, А.М. Калединым в том, что положение действующей армии безнадежно. В мемуарах Брусилов упоминает, что здесь он последний раз тесно общался с Рузским, так как тот вместе с Калединым обедали у Брусилова. В приятельском кругу генерал Рузский рассказывал об отречении императора и своих действиях в кризисные дни Февраля.

12 октября Н.В. Рузский участвует во «втором совещании общественных деятелей» в Москве. В своей речи он выразил сочувствие арестованному ген. Л.Г. Корнилову и его сторонникам, солидаризовавшись с идеями военной диктатуры и сохранения целостности

государства. Также Рузский особенно отметил ген. А.И. Деникина, который до корниловского выступления командовал армиями Западного фронта.

Вскоре после октябрьского переворота, желая поправить здоровье, ген. Н.В. Рузский вместе с покинувшим свой пост в июле месяце командармом-12 ген. Р.Д. Радко-Дмитриевым отправился лечиться в Кисловодск, где неоднократно лечился и до революции. На курорте генералов застала разворачивавшаяся в стране Гражданская война. Распад Кавказского фронта и начало вооруженной фазы Гражданской войны отрезали Рузского от Центральной России. В ожидании порядка генералы переехали в Пятигорск, где, наряду с другими представителями «бывших», были взяты в заложники руководством Кавказской Красной армии. Именно в Пятигорске располагались все советские учреждения на Северном Кавказе.

Широко распространившаяся в Советской России в годы Гражданской войны практика заложничества позволяла на основаниях «революционной законности» уничтожать любого, кого требовалось уничтожить. Прежде всего — представителей старых привилегированных слоев общества. Достаточно только вспомнить, что после покушения Ф. Каплан на жизнь лидера большевиков и председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина в качестве заложников по всей стране были расстреляны тысячи людей, которые не имели никакого отношения ни к теракту, ни к партии эсеров, подобно Каплан. Именно так были расстреляны многие члены императорской фамилии, испытав на себе то, что пришлось на долю оставленного ими императора Николая II и его семьи, расстрелянных в ночь на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Такая же судьба ожидала и одного из военачальников, сыгравших выдающуюся роль в крушении российской монархии в феврале — марте 1917 г.

Главнокомандующий Кубанской Советской республикой А.И. Автономов, сам бывший царский офицер, стремясь спасти русскую территорию Кавказа от турецкой оккупации, искал командный состав для своих красноармейских отрядов. Для придания авторитета своему начинанию и привлечения колеблющихся, особенно бывших офицеров, Автономов вел переговоры и с генералами Рузским и Радко-Дмитриевым¹. Однако вскоре Автономова вызвали в Москву для объяснений, так как Совнарком вел иную политику в отношении

---

¹ Белое движение: исторические портреты. М., 2011. С. 413.

оккупации русских регионов войсками Центральных держав, а заложники оказались во власти местного ревкома. Конфликт между советскими командирами стал последним для ген. Н.В. Рузского со товарищи. После мятежа И.Л. Сорокина против большевистской власти на Кавказе находившиеся в Пятигорске заложники, никакого отношения к фельдшеру Сорокину не имевшие, 18 октября 1918 г. были расстреляны. В их числе был и генерал от инфантерии Николай Владимирович Рузский¹.

В ходе Второго Кубанского похода Добровольческой армии А.И. Деникина красные войска, расположенные на Кавказе, терпели от белых поражение за поражением. В этой обстановке проводились массовые показательные казни. Ставрополь, Минеральные Воды, Пятигорск — все эти курорты стали местами репрессий. Конфликт между командующим Северо-Кавказской Красной армией И.Л. Сорокиным и руководством Кавказского ЦИК, закончившийся 7 октября 1918 г. расстрелом членов последнего, равно как и командира Таманской армии И.И. Матвеева, стал формальным предлогом для уничтожения представителей «бывших». Расстрелам предшествовали предложения генералам возглавить соединения красных войск на Кавказе. После отказа Н.В. Рузский, Р.Д. Радко-Дмитриев и другие в количестве 106 человек были расстреляны на склоне Машука.

Современники в большинстве своем относительно невысоко оценивали ген. Н.В. Рузского как военачальника высшего ранга. Квинтэссенцией характеристики можно привести слова А.А. Керсновского, в своей работе опиравшегося на данные русской эмиграции и личное мнение многих участников Первой мировой войны, в том числе и достаточно высокого уровня, многие из которых воевали под началом генерала Рузского. Керсновский пишет: «Стоит ли упоминать о Польской кампании генерала Рузского в сентябре — ноябре 1914 года? О срыве им Варшавского маневра Ставки и Юго-Западного фронта? О лодзинском позоре? О бессмысленном нагромождении войск где-то в Литве, в 10-й армии, когда судьба кампании решалась на левом берегу Вислы, где на счету был каждый батальон? И, наконец, о непостижимых стратегическому — и просто человеческому — уму бессмысленных зимних боях на Бзуре, Равке, у Болимова, Бор-

---

¹ Подробно см.: *Багдасарян А.О.* Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854—1918). Омск. 2013. С. 189—208.

жимова и Воли Шидловской?»¹ Советские военные ученые, как уже говорилось, также не ставили высоко генерала Рузского.

С другой стороны, существует и резко противоположное мнение, где ген. Н.В. Рузский предстает не просто талантливым полководцем, но едва ли не лучшим из русских главнокомандующих фронтами. Например, тот же великий князь Андрей Владимирович писал о Рузском восторженным образом: «Это было всё... человек с гением. Талант у него, несомненно, был большой. Лодзинская и Праснышская операции будут со временем рассматриваться как великие бои, где гений главнокомандующего проявился вовсю. Не оценили его, не поняли гений и скромность Рузского. Это большая потеря и для фронта, и для России»². Итак, с одной стороны — «лодзинский позор». С другой — «великие бои» под Лодзью. Бесспорно, что если великий князь выражал лишь свое мнение, а также мнение ряда бывших сотрудников Н.В. Рузского, остававшихся в штабе Северо-Западного фронта и при М.В. Алексееве в 1915 г., то А.А. Керсновский в своем мнении имел базу в лице многочисленных участников Первой мировой войны.

Парадоксальным образом, оба мнения по-своему верны. Современный исследователь справедливо считает, что Рузский «обладал высоким стратегическим чутьем и психологическим пониманием ситуации... Цена в людях их профессионализм, Рузский всегда организовывал работу, которая требовала полной самоотдачи от подчиненных, но не стеснял их в инициативе»³. Действительно, в России можно было бы найти полководцев гораздо лучше Н.В. Рузского. Однако в России начала XX века продвижение по служебной лестнице во многом зависело от личных связей внутри высшего генералитета. П.А. Лечицкий, П.А. Плеве, В.Е. Флуг не имели вверху «сильной руки». В то же время Н.В. Рузский являлся выдвиженцем военного министра В.А. Сухомлинова. Представляется, что из креатур генерала Сухомлинова Рузский был еще не худшим вариантом. Поэтому при той системе выдвижения, что существовала в Российской империи, Рузский являлся одним из неплохих экземпляров. Так, выгодное свидетельство о генерале Рузском оставил протопресвитер

---

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 180.

² Дневник бывшего великого князя Андрея Владимировича. Л., 1925. С. 23.

³ Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854—1918). Омск, 2013. С. 107.

о. Георгий Шавельский, вспоминая о главкосеузаве периода первой Ставки: «Выше среднего роста, болезненный, сухой, сутуловатый, со сморщенным продолговатым лицом, с жидкими усами и коротко остриженными, прекрасно сохранившимися волосами, в очках. Он, в общем, производил очень приятное впечатление. От него веяло спокойствием и уверенностью. Говорил он сравнительно немного, но всегда ясно и коротко, умно и оригинально; держал себя с большим достоинством, без тени подлаживания и раболепства. Очень часто спокойно и с достоинством возражал великому князю»¹.

Привычка действовать числом против смелого и инициативного врага, пристрастие к лобовым «мясорубкам», где шел размен крови на металл, предпочтение собственных честолюбивых интересов общему делу — все эти негативные явления были свойственны русскому генералитету в целом. Как представляется, большинство русских военачальников, хорошо зарекомендовав себя на низших постах, впоследствии терялись на более высоких должностях. Кроме того, несомненная образованность и ум, свойственные русским полководцам периода Первой мировой войны, превалировали над волевой частью деятельности военачальника. В итоге такой противник как немцы, имевшие лучшую в мире армию и наиболее подготовленный к современной войне офицерский корпус, могли на равных действовать против любых прочих войск, превосходящих их в количестве. Русская армия не была исключением: австро-венгры и турки в целом выглядели слабее русских, но немцы, бесспорно, превосходили.

Генерал Рузский на протяжении почти всей войны был вынужден драться против немцев (единственное исключение — первый месяц войны на Юго-Западном фронте, выдвинувшем Н.В. Рузского). Поэтому, не отличаясь особенно сильной волей и, как показано выше, находясь под влиянием своего окружения, он не мог не уступать лучшему немецкому полководцу Первой мировой войны — ген. Э. Людендорфу: «Оценка генерала Рузского как полководца неоднозначна. Однако за три года войны он назначался главнокомандующим фронтами, которые воевали против немцев (наиболее сильного противника), и успешно удерживал их. Генерал достиг военных успехов за счет единства ума, таланта, воли и нравственной основы мотивов ратного

---

¹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 255.

труда»¹. Отсюда и неудачи, и большие потери даже при успехах. Были ли бы на его месте лучше другие генералы, бог весть! Второго Скобелева в России, к сожалению, не нашлось. Ведь и тот же А.А. Брусилов дрался, прежде всего, против австрийцев, а Н.Н. Юденич провел всю войну на Кавказском фронте, где немцы были представлены разве что в качестве советников. Это — волевые полководцы. Опять-таки как раз немцы остановили порыв Брусиловского прорыва под Ковелем, когда, казалось, еще немного, и Австро-Венгрия будет выведена из борьбы. Достаточно вспомнить, что все главнокомандующие фронтами после первого месяца войны выдвинулись именно на Юго-Западном фронте. Немудрено, что в такой обстановке Ю.Н. Данилов был прав, когда писал, что Н.В. Рузского уважали и ценили не только в Действующей армии, но и во всей России. Соответственно, генерал Рузский был военным, «несомненно, заслужившим право на звание одного из лучших генералов дореволюционной русской армии»².

---

¹ Багдасарян А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854—1918). Омск. 2013. С. 210.

² Данилов Ю.Н. На пути к крушению. М.. 2000. С. 206—207.

Глава 2

ГЛАВКОСЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУРОПАТКИН

ТУРКЕСТАН — БАЛКАНЫ — ВОЕННОЕ МИНИСТЕРСТВО

Старейший из всех главнокомандующих фронтами периода Первой мировой войны — Алексей Николаевич Куропаткин — родился 17 марта 1848 г. в Витебской губернии, в Белоруссии. С самого начала ему была уготована военная карьера — 1-й кадетский корпус, 1-е военное Павловское училище, затем — Николаевская академия Генерального штаба. Это — характерный для родовитого и военного дворянства Российской империи штрих. В августе 1866 г. подпоручик А.Н. Куропаткин был выпущен в 1-й Туркестанский стрелковый батальон. Таким образом, первой школой будущего военачальника стал Туркестан, который во второй половине XIX столетия еще предстояло покорить. И главное — А.Н. Куропаткин был активным участником большинства военных конфликтов, что в последней трети XIX века вела Россия. Иными словами, карьера А.Н. Куропаткина была сделана не в столичных или иных прочих канцеляриях, подобно многим другим военачальникам Первой мировой войны, в том числе и самым высокопоставленным, а в боях и походах на отдаленной окраине России.

60-е годы XIX века — это период завоевания Средней Азии, утверждение России на границах с Ираном, Афганистаном и Китаем. Русское продвижение в Азии не могло не вызывать беспокойства англичан, в течение столетий влезавших во внутренние русские дела (достаточно вспомнить только убийство императора Павла I и На-

полеоновские войны), и опасавшихся ответного удара русских по Индии, раз уж на море господство «владычицы морей» являлось неоспоримым. Поэтому каждый шаг русских в глубь Азии вызывал противодействие Туманного Альбиона, что для туркестанских войск означало очередную эскалацию конфликта с мусульманским миром Средней Азии. С этими проблемами подпоручику Куропаткину пришлось столкнуться с первых же шагов своей военной и государственной карьеры.

За год до вступления А.Н. Куропаткина в военную службу, в 1865 г., была образована Туркестанская область (глава — ген. М.Г. Черняев), которая через два года преобразуется в Туркестанское генерал-губернаторство. При этом собственно сам Туркестан в России назывался Закаспийской областью. В 1867—1868 гг. подпоручик А.Н. Куропаткин участвует в походах генерал-губернатора Туркестана ген. К.П. фон Кауфмана против Бухарского ханства. Здесь совсем юный офицер участвует в ряде боев и стычек. Можно, конечно, сказать, что это была борьба против неравного противника, особенно в техническом отношении. Однако командный опыт лучше получать на войне, а не над схемами сражений.

Наиболее крупными сражениями Бухарской войны стали сражения у реки Зеравшан и на Зарабулакских высотах. В качестве завершающего этапа войсками генерала Кауфмана был взят Самарканд. Причем во второй раз один из крупнейших городов Средней Азии пришлось штурмовать. По итогам войны бухарский эмир был вынужден признать протекторат России над Бухарой. Наградами за Туркестанские походы против Бухары подпоручику А.Н. Куропаткину в 1869 г. стали ордена Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Как видим — оба ордена — не за простую выслугу по Табели о рангах, а «с мечами», то есть за боевые действия.

Производство в поручики в 1869 г. и затем в штабс-капитаны в 1870 г., позволило Куропаткину поступить в Николаевскую академию Генерального штаба, каковая и была закончена по 1-му разряду. Один из будущих белогвардейских лидеров П.Н. Шатилов, отец которого учился вместе с Куропаткиным, вспоминал: «Отец мне рассказывал, что тот был на одном курсе с ним в академии и всегда удивлял своих товарищей уверенностью в ответах. На их вопросы, чем вызывается эта уверенность, он отвечал, что, хорошо подготовившись к экзамену, он лучше экзаменаторов знал предмет». Так как

знакомство это произошло в 1894 г., то было сказано и о последующей карьере А.Н. Куропаткина, о чем речь пойдет ниже: «Говорил мне отец и о его блестящем прошлом во время Турецкой войны и завоевания Туркестана Скобелевым, у которого он был неизменным начальником штаба. Но мне и без рассказов отца было ясно, что Куропаткин — выдающийся генерал, я не спускал глаз с его Георгиевского креста на шее. После деда я ни у кого этого ордена на шее не видел, и это мне импонировало больше, чем все рассказы отца»¹. Столь быстрое производство в чинах поручика и штабс-капитана объясняется боевыми отличиями молодого офицера. В 1874 г., после окончания Академии Генерального штаба, А.Н. Куропаткин принял участие в карательном походе французских войск в Сахару на подавление восставших туземцев. Это оформлялось как заграничная командировка. Связи между Россией и Францией, негативные после Крымской войны 1853—1856 гг., уже наладились до такой степени, что в 1875 г. император Александр II не позволил Германии развязать новую агрессию против Франции.

По окончании командировки штабс-капитан Куропаткин возвращается в Туркестан, где служит адъютантом при штабе Туркестанского военного округа. Здесь его застала новая военная кампания — против Кокандского ханства. К этому времени Коканд, Бухара и Хива являлись русскими протекторатами, и в 1875 г. кокандцы решили вновь обрести суверенитет, чтобы продолжать терзать земледельческое население Туркестана, России и Ирана. Брать центр Кокандского ханства — город Андижан — пришлось три раза за полгода военных действий. Не успевали русские войска уйти из Коканда, получив заверения о мире, как кокандцы снова и снова поднимались на мятеж. Руководители восстаний — бек Пулат-хан и Абдурахман Автобачи — провозгласили священную войну — газават — против России. В этих боях к тому времени уже капитан Куропаткин был ранен и за отличия в конце 1876 г. награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Трехкратный штурм показал, что назревшую проблему следует решать радикальными методами. 19 февраля 1876 г. в Санкт-Петербурге был опубликован указ императора Александра II о включении территории Кокандского ханства в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Указ юридически оформлял присоединение к Российской империи Ферганской долины и Южной Киргизии до

---

¹ Шатилов П. Семейная хроника // Родина. 2010. № 7. С. 77.

предгорий Памира. Как раз в период покорения Коканда молодой офицер обратил на себя внимание тогда еще сравнительно малоизвестного в России М.Д. Скобелева.

Именно в Средней Азии Куропаткину пришлось впервые вступить на дипломатическое поприще. В 1876 г. он вел дипломатические переговоры с руководителями восстания мусульманского населения в Кульджинском приграничном районе между Россией и Китаем. Здесь стороны договаривались о проведении границы только что завоеванной русскими Ферганской долины, как теперь называлось Кокандское ханство. Капитану Куропаткину удалось убедить предводителя повстанцев Якуб-бека согласиться на большую часть русских притязаний. Параллельно с дипломатией Куропаткин занимался научным описанием данного района, в котором ему посчастливилось провести целую зиму с дипломатической миссией. Вскоре он опубликовал очерк сведений о малоизвестном регионе Кашгария, за что был награжден золотой медалью Русского географического общества.

В 1877 г. капитан А.Н. Куропаткин продолжал служить в Туркестане, одновременно будучи прикомандированным к Главному штабу. С началом Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. он подал прошение о переводе его на театр военных действий. С прибытием на Балканы, А.Н. Куропаткин становится одним из обер-офицеров при Верховном главнокомандующем великом князе Николае Николаевиче (старшем). Не желая находиться в глубоком штабе, Куропаткин просится в войска. В результате он занял пост начальника штаба отряда ген. М.Д. Скобелева под печально известной турецкой крепостью Плевна. Исследователь так характеризует молодого офицера периода Русско-турецкой войны: «Молодость, энергия и личная храбрость — вот те черты, которые повлияли на решение вопроса о выборе начальника штаба. Скобелев, знавший Куропаткина по Туркестану и ценивший в нем эти качества, а кроме того, штабную культуру и отличное знание военного дела, остановился именно на нем. Дальнейшие события подтвердили правильность выбора. Под руководством Скобелева полностью раскрылось военное дарование Куропаткина как штабного специалиста. Но в то же время следует отметить очень важный недостаток — он был хорошим исполнителем чужих решений»¹.

Капитан А.Н. Куропаткин оказался в отряде генерала Скобелева в период обложения крепости Плевна. Первым крупным сражением,

---

¹ Костин Б.А. Скобелев. М., 1990. С. 93.

в котором в ходе Турецкой кампании он принял участие, стал штурм города Ловчи, располагавшегося южнее Плевны и служившего важным узлом коммуникаций для плевненского гарнизона, возглавлявшегося энергичным и талантливым военачальником Осман-пашой. После двух неудачных штурмов Плевны, предпринятых Западным отрядом ген. Н.П. Криденера, русские старались окружить турецкую крепость, чтобы иметь возможность удара по ней со всех сторон. Другое дело, что Верховное командование не сумеет воспользоваться выгодами создавшегося после взятия Ловчи положения. Но удар по Ловче был решен: «Окружение Плевны без взятия Ловчи было неполным. Необходимость ее ликвидации станет очевидной еще позже, когда будет принято решение о блокаде Плевны. Кроме того, взятие этого сильно укрепленного пункта имело бы большое значение для поднятия морального духа войск Западного отряда, терпевших неудачи под Плевной»¹.

22 августа русская 27-тысячная группировка князя А.К. Имеретинского, при 98 орудиях, бросилась на штурм мощного ловчинского укрепления, защищаемого турецким отрядом Рифат-паши из 8 тыс. чел. при 6 орудиях. В авангарде отряда князя Имеретинского находилась группа М.Д. Скобелева, имевшего под своим командованием 10 батальонов и 3 эскадрона при 56 орудиях. Неравенство сил было слишком явно, а упорство противника — сравнительно невысоким. Сам Скобелев находился во главе батальона 64-го пехотного Казанского полка 16-й пехотной дивизии, в котором в это время служил прапорщик М.В. Алексеев. Осман-паша пытался подать Ловче помощь, но штурм был слишком стремителен, а турецкий командующий — чересчур осторожен. Честь взятия Ловчи досталась Скобелеву, который, впрочем, по результатам так и не был оценен верхами действующей армии, и так и не получил не то что дивизии, но даже и бригады. Бесталанный штаб главнокомандующего опасался вверять судьбу борьбы в руки молодого талантливого генерала, которому исполнилось всего-то 34 года. Это во времена Французской Республики 27-летний генерал Бонапарт мог командовать итальянской армией. Но так он и стал Наполеоном, а сколько, например, пришлось ждать в России хотя бы тому же А.В. Суворову?

Борьба за Плевну продолжилась с новой силой вскоре после приезда в армию императора Александра II. В ходе третьего штурма

---

¹ Масальский В.Н. Скобелев: Исторический портрет. М., 1998. С. 95—96.

Плевны 30 августа 1877 г. отряд М.Д. Скобелева сделал все, что от него зависело. Четыре скобелевских полка почти ворвались в Плевну, и достаточно было бы еще дивизии, чтобы турки были разгромлены, а штурм увенчался успехом. И все это происходило в тот момент, когда главные силы, атаковавшие Плевну, разумеется, в лоб, ибо иначе Верховное главнокомандование и не умеет, были отражены по всему фронту атак с громадными потерями. Продержавшись на окраинах Плевны более суток и так и не получив подкреплений, скобелевский отряд был вынужден отступить. Всего под Плевной русские и союзники румыны потеряли более 15 тыс. чел.; потери турок были впятеро меньшими.

Упавшее духом главнокомандование даже настаивало на отводе всей армии через Дунай, чем сводились на нет все предшествовавшие успехи. Лишь император Александр II, поддержанный военным министром ген. Д.А. Милютиним, отказался от такого шага. Русские перешли к блокаде Плевны, для чего из России был вызван инженер Севастопольской обороны граф ген. Э.И. Тотлебен.

Почти три месяца прошли в осадных стычках, в которых ген. М.Д. Скобелев возглавлял уже 16-ю пехотную дивизию. В течение года, до сентября 1878 г., А.Н. Куропаткин руководил штабом дивизии, числясь на этой должности даже после своего ранения в конце 1877 г. Военный корреспондент В.М. Немирович-Данченко, восхищенный Скобелевым, пишет о Куропаткине как о «самом блестящем капитане Генерального штаба». В этой войне М.Д. Скобелев старался проводить ночь в накануне захваченных турецких окопах, тем самым поднимая дух вверенных ему войск личным присутствием командира. И всегда рядом с ним был его начальник штаба, показавший себя неустрашимым офицером.

После падения крепости Плевна 28 ноября 1877 г., где было взято в плен около 45 тыс. турок, перед русским командованием встала задача форсирования Балкан. Наступательная операция должна была проводиться в тяжелейших зимних условиях. Пока же Скобелев был назначен военным комендантом Плевны (в свое время Белый генерал занимал пост ферганского генерал-губернатора), и первым его помощником по-прежнему оставался Куропаткин, незадолго до падения Плевны произведенный в подполковники.

Для перехода через Балканы из высвободившихся под Плевной русских войск (всего — до 130 тыс. штыков и сабель) формировались три группы. Отряд ген. Ф.Ф. Радецкого, закрывавший Шип-

кинский перевал, был сведен до 12 тыс. штыков. Левая колонна ген. Н.И. Святополк-Мирского имела в своем составе 19 тыс. чел. при 24 орудиях. Правая колонна, которую возглавил ген. М.Д. Скобелев, получила 16 тыс. чел. при 14 орудиях; костяк колонны составила 16-я пехотная дивизия. Противостоявшая русским турецкая армия Вессель-паши насчитывала 35 тыс. чел. при 108 орудиях. Главным же козырем противника была погода. Считалось, что Балканы в зимнее время непроходимы, причем это мнение разделялось и наиболее известным авторитетом тогдашней Европы германским фельдмаршалом Х. Мольтке-старшим. К весне турки рассчитывали пополнить армию Вессель-паши и образовать новые войска взамен капитулировавшей в Плевне армии Осман-паши.

10 декабря русские двинулись вперед. Именно потому, что и без того было потеряно несколько месяцев на блокаду Плевны, нельзя было более терять времени. Нет ничего непосильного для русской армии, и этого не учли ни турки, ни фельдмаршал Мольтке. В ходе движения турецкие заслоны сбивались с горных вершин и немногочисленных заграждений. В одной из таких перестрелок, у деревни Иметли, 12 декабря А.Н. Куропаткин был тяжело ранен, а потому на его долю не выпал ни триумф Шейновского сражения, закончившегося капитуляцией армии Вессель-паши, ни слава марш-маневра на Константинополь. Должность начальника штаба скобелевского отряда была передана подполковнику графу Ф.Э. Келлеру. В годы Русско-японской войны 1904—1905 гг. граф Келлер вновь будет служить под началом А.Н. Куропаткина. Теперь Келлер будет командовать Восточным отрядом Маньчжурской армии и погибнет в бою за Янзелинский перевал в июле 1904 г.

Наградями за Русско-турецкую войну в 1877 г. А.Н. Куропаткину стали ордена Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й степени с мечами и Золотое оружие. В 1878 г. он был награжден орденом Св. Анны 2-й степени с мечами. Отличаясь высочайшим трудолюбием и склонностью к писательской работе, в 1895 г. Куропаткин опубликовал работу «Действия отрядов Скобелева в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.».

После войны некоторое время карьера А.Н. Куропаткина протекала в столице. В 1878 г., занимая должности начальника азиатской части Главного штаба и адъютант-профессора военной статистики Николаевской академии Генерального штаба, произведенный в полковники Куропаткин подал начальнику Главного штаба графу Гейдену

докладную записку, в которой предлагал разрешить проблему территориального размежевания между Россией и Китаем. В частности, Куропаткин настаивал на оккупации пограничного района Кульджи, дабы незамедлительно приступить к строительству Сибирской магистрали. Генерал-губернатор Туркестана ген. К.П. фон Кауфман поддержал мнение, однако правительство выступило против, и в итоге уже занятая русскими войсками Кульджа была возвращена Китаю за каких-то 5 млн руб., хотя проект А.Н. Куропаткина настаивал на цифре в 100 млн.

Характерно, что на этом участие Куропаткина в кульджинских делах не закончилось. Вскоре он возвращается в Туркестан, где в 1880 г. он командовал авангардом русской группировки в Восточном Туркестане, которая была готова наступать в Кульджинский регион. Кульджа к этому времени находилась под юрисдикцией Российской империи уже десять лет, и теперь этот регион предстояло окончательно отдать Китаю. В этот период времени полковник Куропаткин командовал Туркестанской стрелковой бригадой.

В 1879 г. А.Н. Куропаткин был награжден орденом Св. Владимира 3-й ст. с мечами. С этим периодом связан еще один эпизод, выявивший административные способности полковника. После присоединения Туркестана к Российской империи местное коренное население освобождалось от военной службы, а также имело налоговые привилегии сравнительно с большинством населения страны. Полковник Куропаткин предложил в качестве компенсации взимать с казахов и киргизов финансовый военный налог в 3 125 000 руб. В военном министерстве заинтересовались идеей, но министерство финансов отказалось от проекта¹.

В 1880 г. А.Н. Куропаткину предстояла новая боевая кампания. В сердце Средней Азии укоренилось туркменское племя текинцев, терроризировавшие все окрестные народы. Покорение текинцев являлось залогом мирного развития присоединенного к Российской империи Туркестанского края. В 1878—1879 гг. военные экспедиции генералов Ломакина и Лазарева, совершенно неподготовленные, окончились провалом. Руководителем нового удара, который, по желанию императора, должен был закончиться покорением Ахалтекинского оазиса, был назначен Белый генерал — Скобелев.

---

¹ Котюкова Т.В. «К воинской повинности они питают непреодолимое отвращение» // Военно-исторический журнал. 2010. № 12. С. 56.

В походе на Ахалтекинский оазис М.Д. Скобелев с самого начала желал видеть своим начальником штаба полковника А.Н. Куропаткина. В это время Куропаткин являлся временно командующим Туркестанской стрелковой бригадой. Но генерал-губернатор Туркестана Кауфман отказался отпустить Куропаткина в Закаспийский край, откуда начинался поход Скобелева. Поэтому по выбору военного министра начальником штаба скобелевского отряда стал адъютант, профессор Николаевской академии Генерального штаба полковник Гудим-Левкович¹.

Тем не менее старые товарищи по Русско-турецкой войне все-таки встретились и здесь. В период сосредоточения скобелевского отряда в районе Бами из Хивинского оазиса ему на помощь был двинут новый отряд, которым командовал А.Н. Куропаткин. Этот отряд численностью в 700 штыков при 2 орудиях должен был пройти до Ахалтекинского оазиса 535 км по безводной пустыне, где располагалось лишь два не засыпанных колодца. Невзирая на трудности марша, поход окончился благополучно, и отряд Куропаткина составил ударную силу скобелевской группировки под Геок-Тепе.

Отблеск скобелевской славы озарял всю дальнейшую военную карьеру А.Н. Куропаткина. В то же время современники характеризовали соратника «Белого генерала» только с самой лучшей стороны. Например, художник В.В. Верещагин, коему суждено будет погибнуть в 1904 г. в Порт-Артуре вместе с адмиралом С.О. Макаровым, вспоминал: «Полковник Куропаткин, начальник штаба Скобелева, был, бесспорно, один из самых лучших офицеров нашей армии. Храбрый, разумный и хладнокровный, он был многими чертами характера противоположен Скобелеву, который уже давно был с ним дружен, уважал и ценил его, хотя часто с ним спорил; и надобно сказать, что в спорах этих рассудительный начальник штаба оказывался по большей части правым, чем блистательный, увлекающийся генерал»². Образованный ум, как одно из выдающихся качеств полководца, сказывался у А.Н. Куропаткина уже в то время.

Всего для штурма текинской крепости Денгиль-тепе М.Д. Скобелев сосредоточил почти 5 тыс. пехотинцев, немногим более 1 тыс. казаков,

---

¹ *Гродеков Н.И.* Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг. СПб., 1883. Т. 1. С. 243.

² *Верещагин В.В.* На войне. Воспоминания о Русско-турецкой войне 1878 г. художника В. Верещагина. М., 1902. С. 187.

и более тысячи солдат и офицеров артиллерийских частей при 58 пушках, 5 картечницах и 16 мортирах. Во время штурма колонна полковника Куропаткина была наиболее многочисленной — 11,5 пехотных рот, 4 орудия, 2 ракетных станка. Именно она первой ворвалась в текинскую крепость, водрузив на стенах знамя Ширванского полка.

При штурме Геок-Тепе 29 декабря 1880 г. находившиеся в крепости текинцы в числе 30—35 тыс. чел. потеряли около 8 тыс., считая в том числе и жертвы мирного населения. Ожесточенность сопротивления, повлекшее за собой массу жертв, позволяют ныне ряду исследователей считать, «что, пожалуй, ни одна другая кампания российских войск в Центральной Азии не сопровождалась таким количеством жертв». Одно из донесений М.Д. Скобелева гласило: «Из Геок-Тепе ухожу немедленно. Это сплошное кладбище, в котором погребено более десяти тысяч трупов; с наступлением жары стоять будет невыносимо. Даже теперь трупный запах очень силен». Якобы именно поэтому Туркестанский генерал-губернатор ген. К.П. фон Кауфман вскоре отправил генерала Скобелева обратно в столицу¹.

Потери русских при штурме составили 398 человек, в том числе 4 офицера и 55 солдат были убиты. Это ли не пример штурма с малыми потерями? Преследование в пылу боя велось около 15 верст, так как более 20 тыс. текинцев всех полов и возрастов бросились бежать в пески. На следующий день вслед за бежавшим противником выступил небольшой русский отряд, которым командовал А.Н. Куропаткин. Этим отрядом без боя был взят Ашхабад и покорены кишлаки Мервского оазиса. Спустя два года Мерв мирным путем вошел в состав Российской империи. Да и кажущаяся жестокость русских войск при штурме Геок-Тепе не прошла даром: «Вплоть до восстания 1916 года Туркестан и Степной край были совершенно спокойными регионами, где русское население чувствовало себя в не меньшей безопасности, чем в центральных губерниях»². Подавлять восстание 1916 г. придется опять-таки А.Н. Куропаткину, о чем речь ниже. Наградой за Ахалтекинский поход полковнику А.Н. Куропаткину стал орден Св. Георгия 3-й степени.

---

¹ *Постников А.В.* Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII — XIX вв.). Роль историко-географических исследований и картографирования. М., 2007. С. 266.

² *Глуценко Е.А.* Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. М., 2001. С. 314.

В следующем году Куропаткин производится в генерал-майоры и окончательно утверждается в должности начальника Туркестанской стрелковой бригады. В течение следующих 8 лет ген. А.Н. Куропаткин состоял в числе положенных по штату при Главном штабе четырех генералов и принимал участие в работе специальных комитетов и комиссий по различным вопросам обороны государства. В этот период своей деятельности Куропаткин награждается орденами Св. Станислава 1-й степени (1883); Св. Анны 1-й степени (1886); Св. Владимирѣ 2-й степени (1888) — за отличие на маневрах в присутствии императора, где А.Н. Куропаткин командовал сводной пехотной дивизией. Видно, что награды здесь уже не боевые.

Но про Куропаткина не забывали и при планировании военных действий в Азии. Например, в 1885 г., после столкновения с афганцами в районе крепости Кушка, русское военное ведомство стало готовить в Средней Азии мощную группировку на случай войны с Великобританией, стоявшей за Афганистаном. Эта группировка должна была ударить в Индию, чтобы захватить «жемчужину короны Великобритании». Недаром Туркестан рассматривался в русских руководящих кругах не в качестве ценного приобретения сам по себе, а в роли геополитического коридора в Индию. Начальником штаба русской группировки предполагался А.Н. Куропаткин. Однако на совещаниях в военном министерстве он высказывал мысль о мирном соглашении с англичанами.

Другой пример — разведка. Весной 1886 г. Куропаткин отправляется с разведывательной миссией в Константинополь. Перед ним стоит задача изучения укреплений Босфора и оценка турецкой готовности к отражению русского удара по Черноморским Проливам посредством широкомасштабной десантной операции. В это время как, впрочем, и в последующем, А.Н. Куропаткин считал необходимым захват Проливов. Проведенная им разведка позволила российскому военному ведомству уточнить детали удара по Босфору, и дело осталось только за дипломатией.

В 1890 г. А.Н. Куропаткин был произведен в генерал-лейтенанты. Теперь, имея высокий чин, он смог на практике показать себя не только как военного офицера, но и как администратора. В 1890—1898 гг. ген. А.Н. Куропаткин занимал должность начальника Закаспийского края, где добился проведения железнодорожной ветки до Кушки и продолжал настаивать на союзе с Великобританией во имя установления прочной власти Европы в Азии. Здесь «генерал Куропаткин,

долгое время управлявший Закаспийской областью, создал жестко централизованную систему управления, максимально приближенную и практически идеально сочетавшуюся с местными политическими традициями: нерасчлененность или слабая расчлененность различных ветвей власти, ее персонификация, внушительный декор»¹.

Идея строительства Среднеазиатской железной дороги, которая соединила бы Россию и Британскую Индию, выдвигалась еще в 1873 г. знаменитым авантюристом и прекрасным инженером, создателем Суэцкого канала, Ф. Лессепсом. Однако в 1875 г. это предложение после совещания на самом высшем уровне было отклонено, хотя часть высокопоставленных деятелей России, в частности великий князь Николай Константинович, дядя императора Александра II, поддерживала данный проект и позднее². В 1896 г. А.Н. Куропаткин был награжден орденом Св. Александра Невского.

Новый, 1898 г., стал пиком военной карьеры ген. А.Н. Куропаткина. В отставку подал военный министр эпохи императора Александра III ген. П.С. Ванновский. В качестве преемника генерал Ванновский назвал молодому императору Николаю II трех человек — Н.Н. Обручева, И.Л. Лобко и А.Н. Куропаткина. В общей характеристике кандидатам П.С. Ванновский заметил, что у генерала Обручева «здоровье надорвано и не знает войск», генерал Лобко — «драгоценный администратор, но не знает войск», генерал Куропаткин — «молод, имеет боевую, строевую и административную опытность и потому долго и много может быть полезен»³. Характеристика сыграла свою роль.

В самом конце 1897 г. А.Н. Куропаткин был назначен управляющим военным министерством, а через полгода — был официально назначен военным министром. Одним из первых противодействий, что встретил ген. А.Н. Куропаткин на новом посту, стала деятельность министерства финансов во главе с С.Ю. Витте, всячески ограничивавшее расходы военного ведомства России. Граф А.А. Игнатьев вспоминал: «Военно-придворная петербургская знать мало интересовалась постом военного министра, как непричастного к светской жизни и гвар-

---

¹ *Замятин Д.Н.* Власть пространства и пространство власти: Географические образы в политике и международных отношениях. М., 2004. С. 154.

² См., напр.: Русско-индийские отношения в XIX в. Сборник архивных документов и материалов. М., 1997. С. 155—163.

³ *Айрапетов О.Р.* Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830—1904). СПб., 1998. С. 288.

дейским интригам, а потому поначалу легко переваривала появление на горизонте какого-то безвестного Куропаткина. О нем знали, что он боевой офицер, имеет ранения, был в свое время начальником штаба у Скобелева, участвовал в завоевании Средней Азии. Но в глазах света никакие личные заслуги не искупали скромного происхождения. И Куропаткину не могли простить его генерал-адъютантских аксельбантов, ибо они открывали ему доступ ко двору и уравнивали его с особами титулованными»¹. Следовательно, военный министр мог рассчитывать лишь на поддержку царя; другой протекции, помимо собственных заслуг на ратном поприще, у него не было.

На посту военного министра А.Н. Куропаткин достиг высшего чина — генерала от инфантерии в 1900 г. Одним из наиболее существенных достижений в министерство Куропаткина стало перевооружение русских сухопутных вооруженных сил новейшим вооружением. Это и скорострельная артиллерия, и мосинские трехлинейки, и первые пулеметы. Заслуга генерала Куропаткина заключается в том, что он оказался вынужден преодолевать инерционное сопротивление существенной части высшего генералитета, в ряду которого были люди, стоявшие гораздо выше Куропаткина на социальной лестнице.

Прежде всего, это ген. М.И. Драгомиров, считавший, что многозарядные винтовки лишь мешают выполнению задач по ударному разгрому противника в бою. Драгомиров добивается, чтобы скорострельные 3-дм орудия не получили щитов для защиты прислуги в сражении. Он являлся ярким противником пулеметов. Иными словами, человек, столь много сделавший для воспитания солдата, в конечном счете пришел к нигилизму — воспитательный фактор превысил разумное начало: необходимость отсутствия щитов на пушках объяснялась тем, что щит умалляет воинский дух. В таких воззрениях ген. М.И. Драгомирова поддерживали многие, но А.Н. Куропаткин сумел преодолеть сопротивление (хотя и не до конца и не по всем параметрам) и перевооружить армию. При этом войска, расквартированные на Дальнем Востоке, перевооружались в первую очередь, так как перенос геополитических усилий Российской империи на Тихий океан становится несомненным².

---

¹ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 139.

² Подробнее см.: *Сапрыкин Р.В.* Усилия военного министерства Российской империи по перевооружению войск перед войной с Японией (1904—1905) // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов. 2004. Вып. 1.

В этом же 1900 г. генерал Куропаткин выступил главой военного ведомства Российской империи в первом конфликте государства XX столетия — Китайском походе для подавления восстания «боксеров», как называли европейцы восставших против иноземного гнета китайцев, возглавлявшихся организацией «Ихэтуань». В ходе конфликта русские войска под командованием ген. Н.П. Линевича 1 августа 1900 г. взяли штурмом Пекин, а также ликвидировали массу отрядов восставших в Маньчжурии, некоторые из которых пытались вторгнуться даже и на территорию России. В 1902 г. Куропаткин был произведен императором в генерал-адъютанты.

На ответственности военного министра лежит составление стратегического планирования возможного военного конфликта с вероятными противниками. После заключения франко-русской конвенции 1892 г. тяжесть русского меча стала переноситься в Европу. Несмотря на то, что согласно франко-русским соглашениям задача Российской империи состояла в том, чтобы не позволить Германии вывести Францию из войны, А.Н. Куропаткин сумел сохранить в планировании приоритет удара по союзнику немцев — Австро-Венгрии. Если состязаться на равных один на один с мощной Германией русским было уже не под силу, то борьба с Двуетидной монархией не представлялась особенно трудной. В итоге не менее половины всех сил русской действующей армии в случае Большой европейской войны при любом раскладе должна была быть отправлена против австро-венгерских армий. Этот приоритет будет сохраняться при всех преемниках генерала Куропаткина вплоть до Первой мировой войны.

Вскоре А.Н. Куропаткин сумел зарекомендовать себя в качестве крупного военачальника. На Курских маневрах 1902 г. военный министр командовал Южной (Киевской) армией. Ему удалось разгромить Северную (Московскую) армию, которой командовал великий князь Сергей Александрович. По итогам Курских маневров великий князь Николай Николаевич предназначался на пост главнокомандующего германским фронтом в случае войны против Тройственного союза, а Куропаткин — главнокомандующего австро-румынским фронтом. Великий князь Сергей Александрович должен был возглавлять 3-ю армию Юго-Западного фронта. В качестве начальника штаба Куропаткин выбрал себе начальника штаба Киевского военного округа ген. В.А. Сухомлинова — будущего военного министра, готовившего Российскую империю к Первой мировой войне. Именно после Курских маневров о ген. А.Н. Куропаткине заговорили в Европе

как о выдающемся военачальнике — наследнике славы и воинского искусства М.Д. Скобелева.

В целом нельзя не сказать, что на посту военного министра ген. А.Н. Куропаткин являлся не «ястребом», а «голубем». В меморандуме марта 1900 г. военный министр А.Н. Куропаткин указывал императору Николаю II, что Российская империя уже достигла своих естественных границ, и что в XX столетии надлежит осваивать и упрочивать за собой то громадное пространство, что было приобретено за предшествовавшие века. Единственное исключение, быть может, по словам генерала Куропаткина, это Черноморские Проливы, чтобы были снижены расходы на охрану южных границ и одновременно ликвидирована угроза неприятельского проникновения в Черноморский регион. Что касалось грядущего конфликта на Дальнем Востоке, то Куропаткин считал, что ни в коем случае не следует оккупировать Маньчжурию, чтобы не допустить в малоосвоенную русскую Сибирь наплыва китайского населения, а также провести мирный договорной процесс с Великобританией в отношении Индии. По справедливому мнению военного министра, увязание России в дальневосточном конфликте могло принести реальную пользу лишь Германии, которая уже прямо рассматривалась российским военным истеблишментом в качестве основного стратегического соперника на континенте¹.

В данном убеждении военного министра поддерживал министр финансов С.Ю. Витте, ратовавший за исключительно мирное, экономическое, освоение дальневосточного региона в лице Северного Китая (Маньчжурии) и Кореи. Тем не менее личные настроения императора, настроенного на великую азиатскую империю, безусловно, превалировали над точкой зрения министров — 16 февраля 1903 г. Куропаткин записывал в своем дневнике: «Я говорил Витте, что у нашего Государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем Государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает славу и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который

---

¹ *Схиммельпенник Ван дер Ойе Д.* Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 143.

поет в унисон, кажется Государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»¹.

В середине 1903 г. А.Н. Куропаткин ездил с инспекторской поездкой на Дальний Восток, посетил Владивосток и Сахалин, побывал в Японии. В Японии Куропаткин должен был разъяснить позицию Российской империи относительно Маньчжурии и Кореи. По итогам поездки в июле он докладывал императору: «Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура, и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию». Хотя еще в начале года, в отчете за второе пятилетие пребывания на посту военного министра, Куропаткин пытался перенести главное внимание на запад, против Германии и Австро-Венгрии. К сожалению, как известно, под влиянием так называемой «безобразовской клики» Николай II всецело перенес свою внешнеполитическую активность на Дальний Восток.

Сознавая необходимость укрепления экономики и народного хозяйства, военный министр пытался сделать все, от него зависевшее, чтобы избежать войны с молодым империалистическим хищником — Японией. Правда, этой войны Куропаткин не боялся, справедливо считая, что Япония не может победить Россию. Другое дело, что поражение в ограниченном конфликте русским генералитетом вообще не допускалось как таковое. Это противоречие между мнением военного министра и его же декларациями о состоянии российской военной машины, позволило царю не обращать надлежащего внимания на предостережения. Действительно, перед войной Куропаткин неоднократно предлагал оставить Южную Маньчжурию, но одновременно утверждал, что в случае войны Япония будет безусловно разгромлена. Тогда почему же император должен был отказаться от планов в Китае?

Чем ближе к войне, тем все больше «партия мира» в лице министра финансов С.Ю. Витте, министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа и военного министра А.Н. Куропаткина предлагала идти на уступки. В частности, в октябре 1903 г. генерал Куропаткин в своей записке царю предложил возвратить Порт-Артур Китаю, продать ему южную ветвь Маньчжурской железной дороги, получив за все 250 тыс. руб. и право на Северную Маньчжурию. Витте и Ламздорф поддержали Куропаткина, но Николай II предпочел Безобразова и его клику.

---

¹ Дневник А.Н. Куропаткина. М., 1923. С. 36.

Что касается вероятных военных действий на Дальнем Востоке, то военный министр выдвигал идею затяжной войны, причиной чего представляла незавершенность Великой Сибирской магистрали — Транссиба. Незадолго до своего назначения в Маньчжурию ген. А.Н. Куропаткин представил императору доклад, в котором излагался его стратегический план ведения борьбы. Здесь он писал: «На первой стадии кампании нашей главной задачей должно быть предотвращение уничтожения наших сил по частям. Очевидная важность того или иного пункта или позиции (за исключением крепостей) не должна приводить нас к существенной, большой ошибке удержания этого места недостаточными по численности войсками, что приведет нас к результату, которого мы стремимся избежать. Постепенно наращивая силы и готовясь к наступлению, мы должны осуществлять наступательные действия только тогда, когда будем достаточно сильны для наступления, когда у нас будут все необходимые припасы для непрерывного наступления в течение длительного промежутка времени»¹. Куропаткин считал, что необходимо «готовиться, что Порт-Артур будет отрезан на довольно продолжительное время. И, не допуская наши войска до частного поражения, [мы] должны отступать по направлению к Харбину до тех пор, пока прибывшими с тыла подкреплениями не будем усилены настолько, что получим возможность, перейдя в наступление, разгромить японцев». Таким образом, уже здесь была выдвинута знаменитая куропаткинская максима: «Терпение, терпение и еще раз терпение». Отказ от смелых наступательных действий, пусть даже и недостаточными силами, в пользу осторожной стратегии наращивания превосходных сил, был здесь возведен в принцип. Масса заменила маневренное искусство.

Таким образом, в данном случае А.Н. Куропаткин отошел от тех принципов, что проводились в жизнь его учителем — М.Д. Скобелевым. Как известно, Белый генерал всегда тщательно готовил операции, но никогда не опирался на превосходство в силах как неременное условие успеха. Главное — это суворовские принципы «глазомер, быстрота и натиск». В молодые годы А.Н. Куропаткин и сам дерзал и призывал к дерзанию. Заняв пост военного министра, а после начала войны — командующего Маньчжурской армией, генерал Куропаткин стал сверхосторожным. Главным принципом его деятельности как

---

¹ Цит. по: *Уткин А.И.* Русско-японская война. В начале всех бед. М., 2005. С. 172.

полководца стало не стремление к победе, а намерение избежать поражения. Хотя на самом деле «с высоты пройденных лет и знаний последующих событий легко говорить о достоинствах и недостатках тех людей, которым в свое время приходилось принимать конкретные решения и нести ответственность за последствия этих решений. Страх поражения всегда был сильнее жажды победы»¹. Этот принцип будет передан Куропаткиным одному из своих ближайших помощников в Русско-японской войне 1904—1905 гг. А.Е. Эверту — главнокомандующему армиями Западного фронта в Первой мировой войне. Старый фельдмаршал Д.А. Милютин справедливо подметил, что «Куропаткин пользовался репутацией отличного офицера Генерального штаба; в особенности выказал он себя, состоя при генерале Скобелеве в качестве отрядного начальника штаба, но не имел случая выказать свои способности в качестве самостоятельного военачальника».

ГЛАВКОМ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Надо отметить, что Российская империя в начале XX столетия не могла похвастать особенно талантливыми полководцами внутри высшего генералитета. Военная реформа графа Д.А. Милютина и долгий мирный период царствования императора Александра III не позволили выдвинуться вверх тем людям, что могли бы надлежащим образом командовать войсками. Полководцы эпохи Русско-турецкой войны уже ушли в лучший мир или были слишком стары. Поэтому неудивительно, что наилучшей кандидатурой на пост руководителя русской армией в войне против Японии был признан военный министр. После своего назначения ген. А.Н. Куропаткин с горечью писал царю: «Только бедность в людях заставляет Ваше Величество остановить свой выбор на мне». С другой стороны, еще в 1897 г. французский военный атташе заметил, что Куропаткин был «очень умным, очень амбициозным человеком и с хорошей репутацией, мечтавшим поставить свое имя в один ряд с Суворовым и Скобелевым, и готовым на все, чтобы добиться этого»².

---

¹ *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 24.

² Цит. по: *Айрапетов О.Р.* Бесшабашная бестолочь. Армия, общество и «колониальная война» // Родина. 2004. № 1. С. 52.

Как только стало ясно, что война неизбежна (это стало понятно всем после удара японского флота по Порт-Артуру 27 января 1904 г.), начались поиски полководца для Дальнего Востока. Через несколько дней после японской атаки на Порт-Артур и начала войны военный министр представил императору доклад, в котором представил собственное видение будущей кампании на Дальнем Востоке. Первая фаза — установление господства на море. Вторая фаза — оборона в Маньчжурии до тех пор, пока не будет достигнуто численное превосходство русской Маньчжурской армии над противником на континенте. Третья фаза — переход в наступление и разгром японских сухопутных сил в Китае и Корее. Четвертая фаза — вторжение в Японию и ее оккупация. Очевидно, ясность плана и величайший оптимизм побудили царя при выборе будущего командующего Маньчжурской армией остановить свой выбор как раз на военном министре.

Однако в России того времени все было не так просто. Дворцовые связи и родственность с императорской фамилией играли свою роль. Главкомандующим всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке являлся наместник адмирал Е.И. Алексеев — внебрачный сын императора Александра II, поэтому военному министру пришлось считаться с этим человеком. Дабы не мешать командованию, А.Н. Куропаткин назначался командующим сухопутными войсками в Маньчжурии с правом самостоятельно сноситься с императором и правительством. Но в любом случае двойное соподчинение в руководстве войсками не могло не иметь многочисленных негативных сторон в управлении армией на театре военных действий. Если же учесть, что Алексеев и Куропаткин терпеть не могли друг друга, так как Куропаткин справедливо полагал Алексеева бездарностью, в то время как Алексеев считал Куропаткина выскочкой, то оба штаба отдавали войскам свои приказы, часто противоположного свойства, и это сказалось на ходе войны.

По выбору А.Н. Куропаткина должность начальника штаба Маньчжурской армии занял ген. В.В. Сахаров, генерал-квартирмейстера — ген. В.И. Харкевич. Выбор начальника штаба обуславливался сложными перипетиями внутри русского генералитета, а именно — военное министерство от Куропаткина принял ген. В.В. Сахаров — брат начальника штаба Маньчжурской армии. Исследователи пишут: «Алексеев на все свои планы получал одобрение царя. Куропаткин шел против штаба главкомандующего, прикрываясь авторитетом военного министра, который всегда стремился поддержать своего

брата — начальника штаба Маньчжурской армии. Трения и взаимное подсиживание отрицательно влияли на деятельность русского командования в Маньчжурии»¹. Характерно, что А.Н. Куропаткин взял в помощники Сахарова именно поэтому, так как в целом тот доверяем главнокомандующего не пользовался. После проигранной Мукденской операции смещенный на должность командующего 1-й Маньчжурской армией Куропаткин взял к себе начальником штаба А.Е. Эверта, а В.В. Сахаров был снят со своего поста.

В свою очередь, генерал Харкевич являлся исследователем и популяризатором опыта Отечественной войны 1812 г. Намереваясь вести войну против Японии по образцу 1812 г., А.Н. Куропаткин и не мог подобрать себе иного помощника. Достижение численного превосходства, чтобы иметь возможность «задавить противника массой», на дальневосточном театре военных действий предусматривалось не ранее, чем через полгода после начала войны и перебросок войск. В первые полгода войны в Маньчжурию возможно было доставить не более 20 тыс. чел. в месяц. Поэтому отступление в глубь Китая, от китайско-корейской границы (Корея оккупировалась японцами) чуть ли не до Харбина, по мысли генерала Куропаткина, должно было измотать японцев. Тот факт, что китайцы являются нейтралами и будут поддерживать скорее ту сторону, которой будет сопутствовать успех, в отличие от 1812 г., где каждый шаг французов в глубь России вызывал новый всплеск народной партизанской войны, почему-то Куропаткиным не учитывался.

Выбор А.Н. Куропаткина на пост командующего Маньчжурской армией приветствовался армией и обществом. В войсках знали, что Куропаткин сделал свою карьеру доблестью и умом, а не прислуживаньем на паркетах столичных учреждений, как то нередко бывало в России. Общество ценило как такт и административный талант военного министра, так и его репутацию наследника Скобелева. Правда, здесь была одна оговорка. В свое время М.Д. Скобелев говорил Куропаткину: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя Бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника, тебе не хватает решительности и твердости воли. Какой бы великолепный план ты бы ни разработал, ты никогда его не сумеешь довести до конца». Белый генерал прекрасно разбирался в людях. И здесь он оказался прав:

---

¹ Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904—1905 гг. М., 2004. Кн. 1. С. 384.

насколько хорош А.Н. Куропаткин был в роли начальника штаба, настолько же отвратителен он оказался в качестве главного военачальника. Уже современники проводили известную параллель с Наполеоном и его многолетним начальником штаба маршалом А. Бертье. Но Бертье не претендовал на то, чтобы получить в командование самостоятельную группировку, хотя он и был маршалом. Зато именно этого человека — надежного исполнителя — не хватило Наполеону под Ватерлоо. Куропаткин же, очевидно, жаждал показать себя и на должности командующего на театре войны. Экзамен был ему предоставлен и не выдержан.

Одной из негативных особенностей руководства войсками со стороны ген. А.Н. Куропаткина был опыт туркестанских походов. В Туркестане командиры обычно командовали небольшими отрядами даже в самых крупных экспедициях. Например, в ходе броска за Балканы зимой 1878 г. М.Д. Скобелев имел под своим началом не менее 15 тыс. штыков и сабель, но тогда он подчинялся вышестоящим командирам. Зато в совершенно самостоятельной Ахалтекинской экспедиции для штурма Геок-Тепе Скобелев сумел сосредоточить не более 7 тыс. чел., больше у него просто не было. Поэтому командующие имели возможность лично вмешиваться в любые вопросы вверенных им войск. Так привык действовать и А.Н. Куропаткин, отличавшийся личной храбростью, но боявшийся брать на себя ответственность за жизни тысяч людей, хотя без этого не может быть полководца: «то мужество, которое лежит в основе решительности, отлично от мужества в отношении личной опасности. Первое — мужество, позволяющее действовать, несмотря на недостоверность данных, мужество в принятии на себя ответственности, моральное мужество, мужество разума. У людей, имеющих такого рода мужество, по меткому замечанию Клаузевица, всякий иной страх побеждается страхом перед колебаниями и медлительностью»¹.

Но в Маньчжурии под началом генерала Куропаткина оказались десятки, а затем и сотни тысяч людей. В таких условиях личное вмешательство полководца только нервировало низших командиров и приводило к управленческому хаосу — «хаосу компетенций». Тем не менее А.Н. Куропаткин, не осознав, что Русско-японская война имеет иной характер, весь период своего командования вмешивался в полномочия командиров. Например, в сражении 22 марта 1904 г.

---

¹ *Теплов Б.М.* Ум полководца. М., 1990. С. 87.

под Тюренченом начальник Восточного отряда, имевший задачей не допустить переправы через пограничную с занятой японцами Корею реку Ялу 1-й японской армии ген. А. Куроки, ген. М.И. Засулич был должен консультироваться с Куропаткиным даже по вопросам перемещения артиллерийских батарей. Зачем же тогда был нужен сам генерал Засулич, если каждой пушкой руководил лично командующий? Итог закономерен: задержанный Засулич не решился ввести в бой всех своих сил, исчисляемых в 20 тыс. штыков и сабель при 62 орудиях и 8 пулеметах. В результате не более 6 тыс. русских солдат и офицеров дрались против 35 тыс. японцев при 130 орудиях. Потери русских насчитывали почти 2,8 тыс. чел. и 22 орудия, противник потерял 1 тыс. Первое же сражение закончилось поражением. Теперь ген. А.Н. Куропаткин получил возможность осуществлять свой план отступления в Северную Маньчжурию.

Поражения под Вафангоу (1—2 июня) и Дашичао (11 июля) показали, что русские намереваются не столько сражаться, сколько отступать даже при меньших потерях и еще не исчерпанном потенциале. Это отступление проводилось по прямым приказам Куропаткина, имея задачей исполнение заранее принятого пассивного оперативно-стратегического планирования на первом этапе военных действий. Начавшаяся осада Порт-Артура, отрезанного 3-й японской армией ген. М. Ноги от главных сил Маньчжурской армии, лишь подтвердила данное предположение. Оставление Южной Маньчжурии после боев на Янзелинском перевале и Хайчене позволило японцам укрепить свой растягивавшийся тыл. Несмотря на то, что уже в июне Куропаткин вполне мог сосредоточить против японцев равные силы, он продолжал отступать. Успешные оборонительные бои заканчивались приказом на отход, после чего очередное сражение заканчивалось поражением. К счастью, после каждого следующего успеха японцы не преследовали отступавших русских, что позволяло сохранять силы.

Наконец отступление должно было завершиться. Командующий Маньчжурской армией с самого начала войны рассчитывал дать японцам генеральное сражение в районе Ляояна, разгромить противника и, перейдя в контрнаступление, деблокировать Порт-Артур и сбросить врага в Желтое море. В частности, генерал Куропаткин заявил: «От Ляояна я не уйду, Ляоян — моя могила». В связи с тем, что первоначально предполагалось измотать противника оборонительными боями, А.Н. Куропаткин распорядился создать мощные рубежи обороны на подступах к Ляояну. К этому времени русские уже получи-

ли существенный перевес в Маньчжурии. К августу русские силы насчитывали до 160 тыс. штыков и сабель при почти 600 орудиях. Японские войска маршала И. Ойямы — около 130 тыс. при почти 500 орудиях. Казалось, что час реванша пробил.

В завязавшемся 11—20 августа гигантском по тем меркам Ляоянском сражении атаки японцев были отражены по всему фронту с громадным для наступавшей стороны уроном. Войска ожидали приказа о переходе в контрнаступление. Однако командующий ген. А.Н. Куропаткин, воспользовавшись тем, что 1-я японская армия обошла русский фланг, приказал отходить. В ночь на 21 августа русская Маньчжурская армия, одержав ряд успехов в оборонительной фазе операции, отказалась от продолжения борьбы и отступила. Единственной тому причина — воля командующего, так как объективных поводов к отступлению не было. Ведь и против 1-й японской армии русские сосредоточили двойные силы.

Под Ляояном японцы потеряли свыше 24 тыс. чел. — около 20 % общего состава японской армии. Русские потеряли 17 тыс. — 9 %. То есть русские должны были продолжать сражение и побеждать. Ведь теперь численное превосходство русских еще более увеличилось. Однако проигравшей генеральное сражение стороной оказались именно русские. Как отмечает современник, А.Н. Куропаткин «под влиянием рапортов баронов Бильдерлинга и Штакельберга, а также ген. Зарубаева, отошел от Ляояна как раз в тот момент, когда даже при самом малом с его стороны усилении воли решительная победа русских не подлежала никакому сомнению». Сражение было проиграно исключительно потому, что «командир одной из сторон признал себя побежденным»¹. Вот он — личный фактор в истории. Жаль, что перед войной в своих рапортах и докладах императору военный министр не указывал, какое именно численное преимущество он должен иметь над врагом. Полуторное, которое сложилось к исходу Ляоянской оборонительной операции, уже признавалось недостаточным.

Командующий, проигравший сражение только по собственной прихоти, тем не менее пытался сделать «хорошую мину при плохой игре». В отчетах императору Николаю II генерал Куропаткин пытался представить Ляоян как чуть ли не Бородино, после которого следует еще немного отступить, а затем победить. Но даже военный министр В.В. Сахаров назвал Ляоян поражением, что было правдой. Правда,

¹ Симаковский П. Паника в войсках. М. — Л., 1929. С. 70.

это еще не предел; впоследствии и такое «объяснение» будет превзойдено. Так, что касается Мукденского сражения, которое участники войны единодушно почитают за разгром, не закончившийся катастрофой лишь потому, что японцы не стали преследовать расстроенные и подчас бегущие на север русские войска, то Куропаткин ставил себе в заслугу, что он продержался под Мукденом один лишний день. Куропаткин полагал, что отступление должно было бы начаться на день раньше, и тогда, мол, не было бы разгрома. О том, что война ведется на победу, генерал уже вообще не упоминал. А именно он писал: «Относительно Мукденского боя будущие историки, вероятно, будут ставить мне в упрек не малое упорство в ведении дела, а слишком большое при сложившейся обстановке... Отступи мы 24 февраля, вероятно, армии отошли бы в полном порядке, не только не оставив в руках японцев трофеев (кроме раненых), но мы могли бы увести с собой довольно значительное число пленных японцев, два орудия и несколько пулеметов». Что тут сказать? При данной логике можно было бы и без боя отступать к Москве и Санкт-Петербургу и, естественно, что на этом пути вынужденные закрепляться японцы доведут до Европейской России максимум десять тысяч штыков, с которыми тогда можно будет легко расправиться. И главное — никаких трофеев врагу!

Уже с конца июля месяца русские перестали уступать противнику в численности. К началу августа 1904 г., еще перед Ляояном, русские имели 150 000 штыков и сабель при 673 орудиях против 110 000 штыков и сабель при 484 орудиях у японцев. Спрашивается: куда же еще больше превосходства? На какой же недостаток сил постоянно жаловался А.Н. Куропаткин, отсылая в Санкт-Петербург свои депеши? С его точки зрения, такого превосходства было недостаточно. Например, после войны он писал: «Если бы мы располагали с начала военных действий хотя бы одним воинским поездом более, мы ко времени боев под Ляояном успели бы сосредоточить к этому пункту 1-й армейский и 6-й Сибирский корпуса, а располагая лишними шестьюдесятью батальонами, разбили бы японцев»¹.

60 батальонов — это примерно 50 тыс. штыков. Иными словами, полуторного превосходства в силах ген. А.Н. Куропаткину было мало; требовалось не менее чем двойное превосходство. Так, конечно, воевать

---

¹ Куропаткин А.Н. Русско-японская война 1904—1905: Итоги войны. СПб., 2002. С. 224.

можно. Но вот японцы почему-то не смушались своей численностью и смело шли вперед. И одерживали победы над отчаянно дравшимися русскими войсками, руководимыми нерешительным и всего опасавшимся полководцем. Неудивительно, что если против учеников-японцев А.Н. Куропаткин считал необходимым иметь двукратное превосходство в числе войск, то против учителей-немцев спустя десять лет он будет требовать уже не менее как трехкратного превосходства. Летом 1916 г. ген. А.Н. Куропаткин в должности главнокомандующего армиями Северного фронта будет иметь двукратное превосходство в силах над противостоявшими немцами, однако на наступление так и не отважится. Эпоха «колониальных генералов» дала России не только Скобелева, призывавшего, по примеру генералиссимуса А.В. Суворова, воевать не числом, а умением, но и требовавшего 2—3—4-кратного превосходства в силах над противником Куропаткина.

Одним из признаков того, что Ляоян якобы не стал проигранным сражением, по словам командующего русской армией, стала четкая и стройная организация отхода. Опять-таки цель войны — поражение противника — подменялась тем, что главное — это не потерпеть сильного поражения. Такая позиция в период Первой мировой войны станет присуща многим русским военачальникам, «научившимся» этому у Куропаткина в Маньчжурии. Теттау пишет: «То обстоятельство, что русская Маньчжурская армия после поражения, нанесенного ей под Ляояном, отступила не расстроенной, сохранив внешний порядок, послужило к тому, что ген. Куропаткину стали приписывать какой-то особый талант “мастера отступательных походов”». Такое признание за ген. Куропаткиным, не сумевшим проявить талантливость в боях с противником, и не пользовавшимся особым счастьем войны, какого-то особенного таланта предохранения своих войск от расстройств после полученных поражений, кроется главным образом в превратном понимании обстановки»¹.

Здесь проблема сложнее, чем кажется. У Куропаткина отсутствовала та воля, что дает полководцу решение на переломе хода сражения, если не всей войны. Взять тот же Ляоян. В ходе операции русские войска успешно отразили все атаки противника, а против обходящей группы генерала Куроки сосредоточили превосходящие силы, тем самым закрыв японцам перспективу развития обходящего маневра. Но как только встал вопрос об атаке, Куропаткин спасовал и приказал от-

---

¹ Теттау фон. Куропаткин и его помощники. СПб., 1914. Ч. 2. С. 8.

ступать. Личная смелость Куропаткина была налицо, что отмечается всеми участниками войны и ее исследователями. Время от времени А.Н. Куропаткин вместе со штабом появлялся где-либо вблизи от частей, ведущих бой, и непременно на белом коне, пытаясь подражать М.Д. Скобелеву. В боях Куропаткин всегда держался уверенно и бесстрашно, что придавало сил колебавшимся военачальникам. Кроме того, «в Маньчжурии всякий офицер знал, где ночует Куропаткин»¹. Это также придавало уверенности офицерскому корпусу.

Во время войны наблюдательный пункт Куропаткина всегда находился по крайней мере в зоне артиллерийского огня противника. В последние дни операции на Шахэ, когда русский центр прогибался от японских ударов, командующий лично возглавил контратаку одного из пехотных полков. Но вот смелости полководца не было, о чем прекрасно сказал А.А. Керсновский: «Генерал Куропаткин обладал лишь низшей из воинских добродетелей — личной храбростью. Храбрость может считаться достоинством лишь применительно к нижнему чину. От офицера, тем более от старшего начальника, требуется уже нечто гораздо большее. Офицер так же не смеет не быть храбрым, как не может не быть грамотным: это качество в нем подразумевается. Суворов формулировал это ясно, кратко и исчерпывающе: “Рядовому — храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество”... Куропаткину (и больше, чем другим) не хватало “мужества” в суворовском понимании этого слова. Отличный администратор, генерал Куропаткин совершенно не был полководцем и сознавал это. Отсюда его неуверенность в себе»².

В ходе Ляоянского сражения вновь проявилась та особенность стиля командования, о которой уже говорилось выше. Это — вмешательство командующего в самые мелкие приказания подчиненных командиров. При этом мелочные распоряжения А.Н. Куропаткина, впрочем, не носили твердого и категорического характера. Тем самым, несмотря на то, что фактически всем он распоряжался лично, ответственность всегда могла быть возложена на того или иного подчиненного командира. Поэтому, уже вскоре командармы и комкоры даже ничего и не предпринимали без санкции ген. А.Н. Куропаткина, а тот жаловался на недостаток инициативы у своих подчиненных. Но кто же начисто отбивал эту инициативу?

---

¹ *Игнатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 444.

² *Керсновский А.А.* История русской армии М., 1994. Т. 3. С. 100.

Поражение под Ляояном вызвало недовольство в России. Исходя из этого, в сентябре 1904 г. ген. А.Н. Куропаткин издал приказ, где утверждал: «Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне стали достаточны для перехода в наступление». Началась подготовка к наступлению, организовать которое командующий вновь не сумел. Наступательная операция на реке Шахэ 23 сентября — 4 октября не закончилась ничем, кроме больших потерь. Русские потеряли почти 45 тыс. чел., японцы — 27 тыс.

Что касается подготовки наступления, то перед его началом штабом командующего был издан документ под названием «Указания начальникам частей Маньчжурской армии от ротного до сотенного командиров и всем начальникам штабов». Здесь в очередной раз проявилась величайшая осторожность Куропаткина, стремившегося не столько победить, сколько не допустить поражения. «Наставления» говорили: «Сблизившись с противником, надо не спешить, кроме особо простых случаев, атакою его, пока разведкой конницей, охотниками и даже боем передовых частей не будет выяснена позиция, занятая противником, ее фланги, и примерно определены силы противника. Надо при этом помнить, что японцы весьма смело удлиняют свои фланги даже при небольших силах, занимая иногда на большом протяжении командующие сопки...»¹ Что могли сделать при таких указаниях даже и те командиры, что все-таки пытались рисковать, лишь бы выиграть бой?

При всем том командующий продолжал импонировать войскам. Во-первых, это зависело от простого обращения командующего с людьми. Военный врач вспоминал: «Однажды в наш госпиталь неожиданно приехал Куропаткин. Черные с сединою волосы, умный и твердый взгляд на серьезном, сумрачном лице, простой в обращении, без тени бурбонства и генеральства. Единственный из всех здешних генералов, он безусловно импонировал. Замечания его были дельны и лишены самодурства»². Во-вторых, в уме ему никто не мог отказать — не хватало именно воли полководца. Что же касается вто-

---

¹ Цит. по: *Ганин А.В.* Оренбургские казаки в Русско-японской войне // Русско-японская война 1904—1905. Взгляд через столетие. М., 2004. С. 293.

² *Вересаев В.В.* На Японской войне. Записки // Собр. соч. в 5 т. М., 1961. Т. 3. С. 135.

рой главной составляющей полководческого дара — ума, то генералу Куропаткину не хватало гибкости ума. Между тем современная война требует немедленного и порой рискованного реагирования командира на изменение обстановки. В-третьих, подавляющее большинство высших русских генералов ничуть не были лучше.

Главным же «козырем» А.Н. Куропаткина, в какой-то степени (по крайней мере в глазах войск) оправдывавшим неудачи, являлось его формальное подчинение наместнику. Хотя командующий Маньчжурской армией фактически руководил войсками без указаний штаба адмирала Алексеева, но сослаться на его вмешательство всегда было возможно. В октябре 1904 г. Алексеев отправился в Россию, а пост номинального главнокомандующего был упразднен. В связи с разрастанием числа войск, которые все прибывали и прибывали на Дальний Восток, Маньчжурская армия была разделена на две. А.Н. Куропаткин, получив статус главнокомандующего, продолжал непосредственно возглавлять 1-ю Маньчжурскую армию. Во главе 2-й Маньчжурской армии, еще только формирувавшейся, был поставлен ген. О.К. Гриппенберг, до того командовавший Виленским военным округом.

Таким образом, с начала 1905 г. генерал Куропаткин уже не мог ни на что пожаловаться. В силах и средствах он не уступал врагу. Алексеева уже не было, и никто не стеснял его действий. Наступило единоначалие. А итог — новые поражения под Сандепу и Мукденом, оказавшиеся тяжелее предыдущих. Оказалось, что ссылки на какие-то объективные провалы в управлении войсками несостоятельны. Первым виновником поражений выступал сам генерал Куропаткин. Чем дальше, тем больше его популярность падала не только в России, но и в войсках: «Разочарование было особенно сильно потому, что до тех пор вся Россия верила в Куропаткина как в главного сподвижника легендарного “белого генерала”. Русская же армия сверх того видела в нем своего человека, вышедшего из трудовой армейской среды, сделавшего карьеру под пулями, а не в петербургской канцелярии или дворцовой прихожей»¹.

В отношении способа ведения боя надо сказать, что А.Н. Куропаткин имел такую особенность стиля управления, как образование сборных импровизированных штабов. Например, во время обхода Мукдена с правого фланга 3-й японской армией для противодействия Куропаткин сформировал сводный отряд генерала Лауница. В этот отряд вошли

---

¹ Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 59.

51 батальон, 21,5 сотни, 132 орудия, принадлежавшие составу различных 3 армий, 11 корпусов, 16 дивизий и 43 полков. В итоге «штабу отряда приходилось сносить с таким количеством частей, что это было физически невозможно. Части не были спаяны воедино совместной подготовкой, службой; начальники не знали своих подчиненных, подчиненные — своих начальников. Начальник отряда не знал боевой характеристики своих случайных подчиненных, чтобы распределять между ними задачи, соответственно их качествам. Чужие друг другу части не чувствовали потребности стремиться к взаимной выручке и жертвовать частными интересами во имя общей цели»¹.

Пагубная «отрядность» не будет изжита и впоследствии. Еще в начале 1916 г., по истечении полутора лет Первой мировой войны, не только А.Н. Куропаткин, но и его верный сподвижник и ученик А.Е. Эверт не будут стесняться создавать сводные отряды, предназначавшиеся для решительной атаки. Дело дойдет до того, что Ставке придется официально запрещать создавать импровизированные отряды. Спрашивается: почему же не был осмыслен опыт Русско-японской войны, где негатив таких отрядов уже проявил себя в полной мере? Это явление стало одной из существенных причин потери управления: все командиры командовали сводными частями и часто разыскивали вверенные им войска, вместо того, чтобы командовать своими сражавшимися подразделениями. В ходе отступления управление еще более усугублялось, так как части вдобавок еще и перемешивались в кашу. Например, ген. Л. Соболев сообщал военному министру, что «за все время войны я одни сутки, и то не полные, имел в своих руках корпус в полном составе».

Штаб главнокомандующего стремился контролировать все войска без исключения, устанавливая мелочную опеку над каждым соединением. Прежде всего, каждый генерал должен был постоянно отсылать командующему телеграммы о своем положении, а тот своеобразно отвечал помощью, раздергивая резервы, которых, например, под Мукденом и так фактически не было. Перетасовка же войск только ухудшала положение, так как оставляла без резервов сначала командиров корпусов, а потом и самого главнокома. Во-вторых, устанавливая такой контроль, Куропаткин старался проверять и перепроверять информацию посредством получения ее из нескольких источников. Причина тому — недоверие к высшим генералам и неверие в их силы и возможности. Один

---

¹ Мухеев С. Военно-исторические примеры к прикладной части тактики. М., 1921. С. 32.

из таких начальников, командир кавалерийского отряда, вспоминал: «Во многом здесь надо считаться с обычаем, принятым у нас, когда командующий сносился непосредственно с младшими начальниками, помимо старших». В итоге создавалось двойное и тройное соподчинение как «результат вмешательства командующего армией в такие мелочи, как распределение и указание батальонов, рот и сотен...»¹ Жаль, что некому было контролировать деятельность самого Куропаткина. Ведь в ходе того или иного сражения многие начальники стремились продолжить бой, в том числе и наступательными действиями. Наиболее ярко это проявилось под Ляояном, когда войска еще верили в своего командующего, а моральный дух людей находился на недостижимой для той войны высоте. Однако же генерал Куропаткин отступал от рубежа к рубежу. Постоянные приказы на отход, в том числе и после успешных боев, наряду с вмешательством А.Н. Куропаткина в распоряжения генералитета привели к пассивности командиров, а значит, и всей армии. Зато после войны Куропаткин пытался оправдаться ссылками на недостаток инициативы у своих подчиненных.

После отставки адмирала Е.И. Алексеева было решено разделить Маньчжурскую армию на три армии. А.Н. Куропаткин занял должность главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии на Дальнем Востоке, а пост командарма-1 принял ген. Н.П. Линевиц — ветеран войны против Китая в 1900 г. Эта реорганизация побудила военное ведомство выслать на Дальний Восток массу офицеров Генерального штаба всех уровней. В итоге на театр военных действий прибыли все те офицеры, что станут главнокомандующими фронтами в период Первой мировой войны. В составе 5-й стрелковой бригады на фронт прибывает будущий главнокомандующий Кавказским фронтом, а ныне командир 18-го стрелкового полка Н.Н. Юденич. Начальником штаба 2-й Маньчжурской армии становится начальник штаба Виленского военного округа Н.В. Рузский. Должность генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии занял заслуженный ординарный профессор Николаевской академии Генерального штаба М.В. Алексеев. Наконец, генерал-квартирмейстером полевого штаба главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами, действующими против Японии на Дальнем Востоке (то есть самого А.Н. Куропаткина) стал начальник штаба 5-го армейского корпуса А.Е. Эверт. Из будущих

---

¹ *Ренненкампф П.К. Мукденское сражение.* СПб., 1908. С. 129.

главкомов 1916 г. лишь ген. А.А. Брусилов не участвовал в Русско-японской войне, занимая в это время должность начальника Офицерской кавалерийской школы.

23 декабря 1904 г. после многомесячной героической обороны пал Порт-Артур. Это означало, что в ближайшем времени против русских Маньчжурских армий будет переброшена 3-я японская армия М. Ноги, осаждавшая русскую крепость-порт. Желая воспользоваться пока еще существующим перевесом в силах, А.Н. Куропаткин предпринимает попытку наступления, получившего наименование сражения под Сандепу. В ходе боев 12—16 января русские атаки были успешно японцами отражены. Немалую роль в неуспехе опять сыграли распоряжения главнокомандующего. Что касается сражения под Сандепу, то советский исследователь пишет: «Особенно замечательны три распоряжения главнокомандующего: 1) запрещение 2-й армии переходить линию Хегоутай — Датай — Ханьмантай — Саныцяца; 2) оповещение всех офицеров, что предстоит не общая атака неприятеля, а лишь овладение его передовыми позициями; 3) запрещение командующему 2-й армией пользоваться его же собственным резервом: Сводно-Стрелковым и 10-м армейским корпусами»¹. Иными словами, атаковала врага одна только 2-я армия Гриппенберга. Вмешательство главкома не позволило Гриппенбергу ввести в бой резервы в тот момент, когда наметился перелом в бою за Сандепу. Также 16 января, когда укрепленная деревня Сандепу была уже охвачена русскими частями, Куропаткин приказал отступать. Командарм-1 ген. Н.П. Линевиц 3 февраля записывал в своем дневнике: «Очень удрученным я нашел Куропаткина. Он исхудал, поседел, осунулся, и хотя еще не теряет энергии... Он как-то сжался в себе, утратил распорядительность...»²

Отсутствие успеха, деморализация войск и штабов, порочность управления войсками — все это способствовало росту взаимного недоверия в среде высшего генералитета. Не доверяя своим же ближайшим помощникам на постах начальников корпусов и командующих армиями, главнокомандующий создал такую систему отчетности, при которой штаб А.Н. Куропаткина в обязательном порядке получал ту же самую входящую информацию, что получали более низшие

---

¹ Скопин В. Ночное сражение в исторических примерах. Л., 1924. С. 106.

² Русско-японская война. Из дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. Л., 1925. С. 72.

начальники от своих подчиненных. Не только в ходе боев, но и в периоды затишья Куропаткин отдавал войска приказания через головы командармов. В то же время штабисты, делая донесение командарму, в обязательном порядке должны были отправлять копию и Куропаткину. Выходило, что штабы и войска порой выполняли противоположные приказания и распоряжения. Еще хуже становилось, когда часть штабных работников, видя бессилие командармов и комкоров, предпочитала иметь дело с главнокомандующим, который, разумеется, чем больше погрязал в текущих малозначительных деталях, тем больше терял управление и реальный контроль над ситуацией.

Большие потери в людях и технических средствах ведения боя привели к постоянному фактору перестраховки в деятельности главнокомандующего. Так, под Мукденом, как известно, тяжелые орудия были еще до боя (19 февраля) сняты со своих позиций и отправлены в Телин. Причина тому проста — боязнь потерять орудия, так как это считалось позором, а гибель пехоты без артиллерийской поддержки — геройской доблестью. Вышло, что пехотные соединения отбивали атаки противника, поддерживаемого артиллерийскими ударами.

Бесспорно, что причины поражения Российской империи в Русско-японской войне лежат гораздо глубже, чем деятельность одного человека, пусть и главнокомандующего. Исследователи говорят, что японское командование было получше русского, но не принципиально. Как представляется, находишь во главе русской армии хороший полководец, по примеру М.Д. Скобелева, и война закончилась бы совсем иначе, хотя объективно русская военная машина находилась тогда в застое, в то время как японская — вырастала на глазах. А.Н. Куропаткин же не только не исправил многочисленный негатив русской системы, но и усугубил его своим командованием. Поэтому в какой-то степени верно мнение барона Теттау: «Поворот счастья войны возможен был бы лишь тогда, если бы причинами понесенных поражений ген. Куропаткин признал свои собственные ошибочные меры, свою собственную злосчастную отступательную стратегию, и решился бы вследствие этого положить конец отступлениям, стремясь всеми силами вырвать инициативу из рук противника... Но такого самосознания у ген. Куропаткина не было, и точно так же русский полководец не хотел признавать, что его постоянные отступления подрывают нравственные силы армии»¹.

---

¹ *Теттау фон*. Куропаткин и его помощники. СПб., 1913. Ч. 1. С. 371.

Единственное, что удалось сделать русскому командованию, так это сохранить войска, постоянно наращивать армию, и к моменту заключения мира иметь армию, почти вдвое превышавшую японцев по численности. После войны, пытаясь оправдаться, Куропаткин утверждал, что японцы не разбили Россию на суше, так как в борьбе в Маньчжурии приняла участие лишь треть русских вооруженных сил. Но ведь и при этом русские войска почти вдвое превосходили японцев по количеству сил. Сколько же войск хотел бы видеть под своим началом ген. А.Н. Куропаткин, чтобы дать родине победу? Зачем же постоянно ссылаться на моральный фактор, если известно, что победоносный ход войны уже сам по себе дает войскам высочайший моральный подъем. И если заключение о том, что в моральном отношении Россия не была готова к войне против Японии, то почему же командующий не смог обеспечить тот единственно возможный для локального и далекого от жизненных интересов нации конфликта духовный подъем, что могли дать победы?

В ходе 2-недельного Мукденского сражения 12—24 февраля 1905 г. русская армия потерпела поражение. При этом это было не поражение по типу предыдущих, когда русские оставляли свои позиции по приказу свыше. Теперь оно обратилось в разгром, близкий к катастрофе. Русские потеряли 90 тыс. чел., в том числе более 30 тыс. пленных. Потери японцев — 70 тыс. Японцы не преследовали, что позволило отступавшим русским отойти без еще больших жертв. Если 1-я Маньчжурская армия отошла, как и раньше, в полном порядке, то 2-я и 3-я армия чуть ли не бежали. Преследуй японцы — и эти две русские армии погибли бы практически полностью. За эти несколько дней Мукденской операции А.Н. Куропаткин совершенно поседел.

Только теперь даже в инертном Санкт-Петербурге стало ясно, что такой полководец, как Куропаткин, не годится. После проигранной Мукденской оборонительной операции император Николай II собрал совещание старейших генералов, на котором присутствовали Драгомиров, Гродеков, Комаров и Рооп. Был поставлен вопрос о смене Куропаткина и назначении нового главнокомандующего. Были выдвинуты две кандидатуры — великого князя Николая Николаевича и командарма-1 ген. Н.П. Линевица. После обсуждения было решено верить командование Линевицу. В свою очередь, Куропаткин умолял царя оставить его в действующей армии, так как бывший главком вполне обоснованно считал себя не хуже собственных командармов. В результате А.Н. Куропаткин и Н.П. Линевиц поменялись местами —

Куропаткин перешел на должность командующего 1-й Маньчжурской армией. В случае же, если бы пост главнокомандующего занимал великий князь Николай Николаевич, генерал Куропаткин предполагался на пост его начальника штаба.

По окончании войны император Николай II, не желавший видеть неудачливого полководца, предписал ему возвращаться на родину из Маньчжурии морем через Владивосток, чтобы заодно наблюдать за порядком отправления части демобилизованных солдат по домам (Транссибирская магистраль не могла справиться с потоком перевозок), а затем — отправиться в имение. Через министра двора графа В. Фредерикса ген. А.Н. Куропаткин добился отправки железной дорогой, но вместо столицы он все равно был вынужден уехать в свое имение Шешурино в Псковской губернии.

Поражение России в Русско-японской войне было настолько обидным и неожиданным, что впоследствии многие считали, что победа Японии была объективно неизбежна. А раз так, то приоритет сохранения людей перед необходимостью победы, которая не может не даваться в современной войне иначе как большой кровью, был выбран правильно. Например, великий русский ученый Д.И. Менделеев считал, что главная ошибка в Русско-японской войне — это посылка 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского в Цусиму, а вот «осторожно-медлительный образ действий А.Н. Куропаткина был верным, и все дальнейшие события правильность его совершенно подтверждают. До скопления наших сил в надлежащем количестве и до наступления явных следов ослабления противника лучше всего было действовать именно так, как вел дело А.Н. Куропаткин. Его преемник удержал с должным благоразумием ту же систему, и если Портсмутский договор вышел успешным, а главное, своевременным, то первую причину этого должно искать в А.Н. Куропаткине. Если бы задорная спешливость, определившая посылку флота, лишённого опыта и береговой поддержки, не была вызвана состоянием умов, можно было бы ждать еще и не такого мира... надо только Бога благодарить за то, что Линевиц придерживался, по существу, начал А.Н. Куропаткина»¹.

На первый взгляд логика Д.И. Менделеева безупречна, но здесь следует учитывать внутреннее состояние Российской империи в начале XX столетия. Процесс разложения феодальной монархии и борьба

---

¹ Менделеев Д.И. К познанию России. М., 2002. С. 284.

окрепшей буржуазии за политическую власть привели к тому, что любой военный конфликт для России должен был бы быть как можно более коротким. Любое затягивание войны неизбежно вело к обострению внутренних противоречий в стране. Именно поэтому Россия, для которой «борьба на измор» является более выгодным делом, должна была воевать решительным ударом, чтобы не допустить внутренних волнений. Недаром Русско-японская война стала тем событием, что позволило свершиться назревшей Первой русской революции. Первая мировая война приведет к Великой русской революции 1917 года. Не сумев обеспечить победу в достаточно сжатые сроки, царизм был обречен на внутреннее противостояние, ввиду неизбежного формационного конфликта.

Как бы то ни было, в Русско-японской войне 1904—1905 гг. могущественная Российская империя, которой опасалась вся Европа, потерпела позорное поражение. Позорное потому, что по всем параметрам и ресурсам Россия не могла не победить. Но победительницей оказалась Япония, и никакая почти миллионная армия конца войны, прочно окопавшаяся на сыпингайских позициях, ничего не могла изменить. Все могла исправить только победа в 1904 г. Командующий Маньчжурской армией ген. А.Н. Куропаткин, невзирая на выгодное для русских соотношение сил и средств сторон, не сумел дать такой победы. Прежде всего, потому что воля его оказалась волей не полководца, но штабного канцеляриста, прекрасного исполнителя чужих решений.

В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Начало Первой мировой войны застало ген. А.Н. Куропаткина в почетной опале. В 1906 г. генерал был переведен в Государственный совет, где, пытаясь оказать влияние на подъем вооруженных сил после проигранной войны и последствий революции, он сотрудничал в различных комиссиях и комитетах. Назначение в 1909 г. военным министром В.А. Сухомлинова, с которым Куропаткина связывали старые дружеские отношения, позволили опальному военачальнику надеяться на улучшение своей судьбы. В межвоенный период А.Н. Куропаткин занимается литературной деятельностью. После того как им был написан многотомный отчет о событиях Русско-японской войны, где максимально оправдывались действия главнокомандования, он

переходит к популяризации военного реформирования. В 1909 г. выходят «Записки ген. Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны». Через год — трехтомник «Россия для русских. Задачи русской армии», где даются предложения по прогнозированию будущего развития страны и вооруженных сил. Однако, по воспоминаниям нового военного министра А.Ф. Редигера, работа о Русско-японской войне стала «панегириком самому Куропаткину, но зато забрасывала грязью всю армию: генералов, офицеров и нижних чинов»¹. Уже одно это отстраняло от полководца его бывших коллег по оружию.

Все время между войнами ген. А.Н. Куропаткин проживал в своем небольшом имении Шешурино Холмского уезда, Псковской губернии, только изредка выбираясь в Санкт-Петербург. Уже тогда Куропаткин пытался организовать школу для просвещения крестьян, одновременно мечтая о возвращении к государственной деятельности. В частности, по словам того же А.Ф. Редигера, отправляясь в деревню, А.Н. Куропаткин купил в столице «целую коллекцию книг по военной истории и стратегии».

С началом новой войны старый генерал немедленно подал прошение на имя императора Николая II об отправке в действующую армию на любую свободную должность. Однако, здесь неудачливый полководец был вынужден считаться с мнением Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Отношения между А.Н. Куропаткиным и великим князем нельзя назвать безоблачными, вернее, они были скверными. Достаточно вспомнить о соперничестве в начале века, о протезировании различным военным деятелям (личный враг Николая Николаевича ген. В.А. Сухомлинов являлся крестником не только М.И. Драгомирова, но и А.Н. Куропаткина). Более того — Куропаткин разделял мнение еще одного врага великого князя, графа С.Ю. Витте, о том, что великий князь в своем стремлении к военной славе объективно действует против царя и интересов государства. Должностная неприязнь усугублялась неприязнью личного характера. Например, А.Н. Куропаткин так говорил о великом князе Николае Николаевиче в 1905 г.: «Я хорошо знаю этого человека и потому-то скорблю за Россию, за Государя и за армию. Крайне ограниченный, себялюбивый, с безграничным самомнением, этот человек презирает людей и в мире любит лишь

---

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 19.

себя и собак»¹. Недаром Куропаткин при первой Ставке не получил никакого назначения в армии. Хотя генерал писал письма с просьбами о назначении всем, кому только мог, вплоть до начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. Н.Н. Янушкевича и военного министра ген. В.А. Сухомлинова, у которого Куропаткин «со слезами на глазах просил дать ему корпус в действующей армии»².

Правда, определенные предложения были, но они опять-таки наталкивались на непреклонное решение великого князя Николая Николаевича. Например, в ходе завершающего этапа Галицийской битвы армии Юго-Западного фронта вышли на рубеж реки Сан, блокировав первоклассную австро-венгерскую крепость Перемышль. В связи с тем что русские не имели осадной артиллерии, вместо штурма было решено осадить крепость, высвободив полевые армии для полевых операций в Карпатах. Главкоюз Н.И. Иванов предложил назначить начальником Осадной армии Куропаткина, но Ставка выдвинула альтернативное предложение — кандидатуру командарма-7 ген. В.Н. Никитина, командующего Одесским военным округом, где и располагалась тыловая 7-я армия. В итоге пришлось искать компромисс — командующим Осадной (впоследствии — 11-й) армией был назначен ген. А.Н. Селиванов — бывший командующий Иркутским военным округом, а последние годы перед войной — член Государственного совета.

Тем не менее опальный генерал не оставлял своих намерений. 8 февраля 1915 г. А.Н. Куропаткин участвовал в частном совещании у министра иностранных дел С.Д. Сазонова по вопросу о Константинополе и Черноморских Проливах³, а 28 февраля и 6 марта Куропаткин представил императору Николаю II две части своей очередной геополитической рукописи. Эта вещь была посвящена тем изменениям государственной границы Российской империи, что должны были непременно произойти по окончании Первой мировой войны. Надо сказать, что в этом труде генерал Куропаткин начисто запамятовал о собственном же мнении 15-летней давности, когда он справедливо полагал, что дальнейшее территориальное расширение

---

¹ Цит. по: *Алексеева-Борель В.М.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 160.

² Красный архив. М., 1922. Т. 1. С. 221.

³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сборник документов. 2014. С. 52.

России не только не нужно, но и вредно. Но генерал прекрасно знал о внешнеполитических устремлениях царя, когда-то ввязавшегося в абсолютно ненужную России войну с Японией за не нужный России кусок «китайского пирога». Итак, теперь А.Н. Куропаткин предлагал присоединить к Российской империи:

— Восточную Пруссию, «для прочного обеспечения правого фланга западной границы России и завершение борьбы русского, польского и литовского племен за обладание этой территорией»;

— австрийскую и германскую части Польши, дабы образованием автономной Польши прибавить «к ряду славянских племен, освобожденных и призванных к новой жизни русской кровью, польское племя»;

— Галицию и Буковину, чтобы завершить «собираение уделов Руси и объединение русского племени, начатое 500 лет назад Московским Великим Князем Иваном Калитой»;

— Черноморские Проливы с Константинополем, чтобы завершить задачу, начатую Алексеем Михайловичем и продолженную Петром I и Екатериной II;

— порт Трапезунд с прилегающей территорией, чтобы сделать Черное море «внутренним русским морем»;

— турецкую Армению, чтобы окончательно разрешить армянский вопрос;

— иранское побережье Каспия, чтобы сделать «внутренним морем» еще и Каспийское море, ибо таковую задачу якобы ставил еще Петр I.

Так же следовало осуществить:

— «упрочение исключительного влияния России» в Северном Иране»;

— исправление русско-китайской границы (по пустыне Гоби) в пользу России таким образом, чтобы в состав или под сюзеренитет России перешли Монголия, Северная Маньчжурия и Кульджа; это преподносилось как завершение задачи, якобы поставленной еще аж Иваном Грозным;

— возвращение Южного Сахалина, отданного Японии в 1905 г.;

— признание за Россией права на свободный выход в Атлантику через Датские Проливы и Вильгельмсхафенский канал.

Такая программа действий делала Россию не просто гегемоном мира, но сверхдержавой. Другой вопрос — кто бы позволил русским так расширить свои границы? И очевидно, что в случае осуществле-

ния данного проекта число собственно русских (включая сюда украинцев и белорусов) в Российской империи насчитывало бы хорошо еще если половину населения громадного имперского монстра. Не зря опубликовавший выдержки из Куропаткинской рукописи 1915 г. А. Ремнев в начале своей статьи справедливо охарактеризовал подобные «прожекты» как «геополитические фантазии»¹.

Эта программа, выраженная в труде «Границы России в результате войны 1914—15 гг.», 15 апреля была переслана из ГУГШ Н.Н. Янушкевичу — «для доклада Его императорскому высочеству Верховному главнокомандующему»² великому князю Николаю Николаевичу. Невзирая на императорское благоволение, великий князь все равно не желал видеть на фронте бывшего неудачливого полководца, хотя теперь он просил назначения на фронт у нового военного министра — ген. А.А. Поливанова³. Однако сам император не забыл «перекрасившегося империалиста». Ситуация с назначением в действующую армию изменилась в августе 1915 г. После смены Верховного главнокомандования в Ставке наконец-то обратили внимание на настойчивые просьбы А.Н. Куропаткина относительно направления его на фронт. Несмотря ни на что, генерал Куропаткин продолжал оставаться одним из наиболее уважаемых и авторитетных военачальников Российской империи. Ореол ближайшего сподвижника М.Д. Скобелева не был затемнен даже неудачей Русско-японской войны 1904—1905 гг. Кроме того, к осени 1915 г. Первая мировая война стала принимать характер борьбы на истощение, а административно-организационные способности А.Н. Куропаткина были известны всем, как и его ум и образованность.

Нельзя забывать, что новый начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеев в свое время занимал должность генерал-квартирмейстера 3-й Маньчжурской армии, и потому воевал под непосредственным началом генерала Куропаткина. Более, нежели кто-либо иной, М.В. Алексеев сознавал объективные причины поражения Российской империи на полях Маньчжурии, и потому он не был склонен придавать чрезмерное значение личностному факто-

---

¹ Ремнев А. Как обустроить Россию. Геополитические прогнозы бывшего министра Куропаткина // Родина. 2004. № 9. С. 32—34.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 7202.

³ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907—1916 гг. М., 1924. Т. 1. С. 157.

ру — А.Н. Куропаткину как неумелому и неудачливому полководцу. К тому же личные качества Куропаткина как доблестного офицера были известны всем и каждому: не сумев впитать скобелевский полководческий талант, Куропаткин всегда был под огнем противника, показывая пример всем подчиненным от рядового до комкора.

Прочие командующие фронтами также в свое время воевали против Японии под началом Куропаткина и, очевидно, сохранили о нем теплые воспоминания. Иванов в начале Русско-японской войны состоял в распоряжении Куропаткина, Рузский — возглавлял штаб 2-й Маньчжурской армии, Эверт вообще являлся генерал-квартирмейстером полевого штаба главнокомандующего в Маньчжурии, которым являлся А.Н. Куропаткин. В 1905 г. А.Е. Эверт занимал должность начальника штаба 1-й Маньчжурской армии при ее командующем А.Н. Куропаткине. Таким образом, почти весь высший генералитет русской действующей армии в 1915 г. в свое время служил под началом Куропаткина, воевал вместе с ним против Японии, находясь на самых высоких постах.

Русско-японская война выковала тех русских военачальников, что сумели достойно бороться против самой передовой и мощной военной машины мира — Германии. Но к 1904 г. в России таких людей на высоких постах не было, да и сама русская военная машина находилась в донельзя расхлябанном и малобоеспособном состоянии именно как система. Потребовались поражения на Дальнем Востоке, чтобы воспитать полководцев, сумевших в 1914 г. спасти Францию от разгрома и надломить Австро-Венгрию, сдержать в 1915 г. натиск прекрасно вооруженных и обученных германских армий, разгромить в 1916 г. Австро-Венгрию в Брусиловском прорыве. Как представляется, личные связи с высшим генералитетом, симпатии со стороны императора, богатый военный опыт и, главное, влияние М.В. Алексеева, как самого авторитетного полководца первого года Первой мировой войны, благожелательно настроенного к опальному военачальнику, позволили ген. А.Н. Куропаткину вновь попасть на фронт.

Спустя всего три недели после занятия поста Верховного главнокомандующего императором Николаем II Куропаткин получает первое назначение в действующей армии. 12 сентября старый полководец назначается командиром одной из самых элитных частей русской армии — Гренадерского корпуса. Прежний комкор ген. И.И. Мрозовский был отправлен на пост командующего войсками Московского военного округа. Понесший большие потери (в сентябре

1915 г. 8 полков корпуса насчитывали не более 3 тыс. штыков), и задерганный генералом Мрозовским корпус считался небоеспособным. И именно организаторский талант и чисто человеческие качества ген. А.Н. Куропаткина позволили ему в короткие сроки восстановить боеспособность гренадер и сделать корпус одним из лучших на Западном фронте.

А.Н. Куропаткин постоянно бывал в частях и подразделениях корпуса, часто посещал передовые позиции, находившиеся в зоне действия неприятельского огня, вникал в необходимые нужды личного состава, в том числе и рядового. Генерал пользовался особенной популярностью среди солдат, в сравнении с другими генералами, о котором солдаты писали, что он постоянно бывает в окопах — «вполне бесстрашный воин, отец солдат и хороший товарищ»¹. Ежедневно на личном автомобиле, в сопровождении небольшой свиты комкор обходил передовые окопы каждого полка по очереди. Но и по возвращении он не оставлял войск. Военный инженер В.М. Догадин, работавший под началом командира Гренадерского корпуса, вспоминал: «Возвращаясь из окопов в свой штаб, Куропаткин проверял учение полков, стоявших по деревням в резерве, заезжая в кухни, пробовал пищу»². Практически каждый день он проводил совещания, то с офицерами, то с врачами, то со священниками, чтобы возродить боевой дух Гренадерского корпуса. И все это ему удалось, за исключением одного: боевого счастья.

НАРОЧСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

С укреплением русской армии на тех рубежах, что были заняты измученными отступлением и поражениями войсками осенью 1915 г., противники перешли к позиционной борьбе. Для высших оперативно-тактических единиц, каковыми в русской армии являлись корпуса, эта зимняя борьба вылилась в попытки ударов по неприятелю с целью нанесения врагу потерь и улучшения собственного положения. Гренадерский корпус, пополненный резервистами одним из первых, также пытался получить успех в ходе частных зимних ударов. 10 ян-

---

¹ Астахов А.Б. Русский фронт в 1914 — начале 1917 года: военный опыт и современность. М., 2014. С. 165.

² Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 76.

варя 1916 г. ген. А.Н. Куропаткин впервые после 1905 г. выступил в роли военачальника, пусть пока еще и несколько меньшего калибра, нежели в Маньчжурии. Два гренадерских полка пытались атаковать германские позиции. При этом атака поддерживалась прожекторами. Превосходство немцев в артиллерии позволило без особого труда отразить русский удар, подавив прожектора артиллерийским огнем и отбросив grenадер в исходное положение.

Зимой 1916 г. А.Н. Куропаткин был резко повышен по служебной лестнице действующей армии. Судьба, сделав очередной невообразимый кульбит, преподнесла ему последний шанс на испытание полководческого дарования. По формальному чинопроизводству (полный генерал, генерал-адъютант, георгиевский кавалер) он и так являлся выше прочих генералов. Еще в начале декабря 1915 г. командарм-5 П.А. Плеве получил назначение на должность главнокомандующего армиями Северного фронта вместо заболевшего Н.В. Рузского. Командующим 5-й армией, входившей в состав Северного фронта, стал начальник 16-го армейского корпуса В.Н. Клембовский. Однако вскоре заболел и Клембовский. На его место и был назначен начальник Гренадерского корпуса А.Н. Куропаткин. Прибыв в штаб фронта за новым назначением, Куропаткин узнал, что по болезни отправлен в тыл и буквально только что назначенный на пост главкосева генерал Плеве. В связи с болезнью трех высокопоставленных военачальников (Н.В. Рузский, П.А. Плеве, В.Н. Клембовский), Ставка решает назначить на пост главнокомандующего армиями Северного фронта ген. А.Н. Куропаткина. Первоначально на должность главкома Северным фронтом предполагался командарм-7 Щербачев, а вот на его место — уже Куропаткин, но с подачи М.В. Алексева все вышло ровно наоборот¹. Таким образом, даже не успев вступить в должность командарма-5, Куропаткин стал главкоसेвом, заняв одну из пяти высших должностей в действующей армии. И все это произошло за несколько дней.

Нелегкое испытание наступлением ждало старого офицера — спустя всего месяц ген. А.Н. Куропаткину пришлось принять вызов судьбы в новой должности — главнокомандующего армиями Северного фронта, в который входили 1-я (ген. А.И. Литвинов), 5-я (ген. В.И. Гурко), 12-я (ген. В.Н. Горбатовский) армии, а также спешно находившийся в резерве Ставки отдельный 42-й армейский корпус

---

¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке. 1916. Мн., 2003. С. 258.

ген. А.А. Гулевича. Этого испытания генерал Куропаткин, как показала история Первой мировой войны, не прошел.

Несмотря на очевидные успехи стран Центрального блока в кампании 1915 г., перспективы борьбы по-прежнему внушали опасение военно-политическому руководству Германии и Австро-Венгрии. С одной стороны, за 1915 г. Восточный фронт был отодвинут еще на 250—300 километров на восток от Берлина и Вены. Русские потерпели ряд тяжелых поражений, потеряв в сражениях в Польше и Галиции людские кадры, массу техники, существенную часть территории империи, хорошо развитой в промышленном отношении. Значительное количество промышленных предприятий было эвакуировано на восток, и ввод их в строй в скором будущем не ожидался. Центральная Россия была наводнена громадным количеством беженцев и насильственно перемещенных лиц, что ухудшало внутренний мир Российской империи. Русский транспорт был подорван вследствие перенапряжения железных дорог и потери важнейших рокадных железнодорожных артерий Западного театра военных действий в Польше. Турки сумели удержать Дарданеллы, нанеся при этом ряд поражений англо-французским войскам: блокада Российской империи продолжалась. Была окончательно уничтожена Сербия, что передало в руки немцев значительные ресурсы Балканского полуострова. Прежде всего — сырье и продовольствие; затем — не менее 300 тыс. активных штыков болгарской армии; наконец — установление единого пространства государств Центрального блока, что позволяло маневрировать материальными ресурсами и человеческими резервами.

Но с другой стороны, отсидевшиеся в 1915 г. в своих окопах англо-французы наконец-то перевели экономику на военный лад, привлекли к участию в войне свои многочисленные колонии и доминионы (так, например, только Канада дала Великобритании до 600 тыс. добровольцев). Французы насытили свои армии техническими средствами ведения боя, в особенности пулеметами и тяжелой артиллерией. Англичане, в свою очередь, вышли на завершающий этап формирования своих сухопутных вооруженных сил, которые к середине 1916 г. уже могли быть переброшены на материк из метрополии. Военная промышленность союзников по Антанте, опиравшаяся на поддержку заокеанского американского гиганта, постепенно сводила на нет все предвоенные успехи германской индустрии и довоенной подготовки агрессии в материально-техническом отношении.

К тому же оставалась и пусть понесшая ряд поражений, но все еще могучая Российская империя. Русские были отброшены в Лит-

ву, Белоруссию и окраину Восточной Галиции, но не уничтожены. Новые призывы в вооруженные силы, насыщение русских армий техническими средствами ведения боя, увеличение объема союзнических поставок в Россию предполагали, что в 1916 г. Восточный фронт вновь окажется угрозой для Германии и ее союзников. Император Николай II, лично занявший в августе 1915 г. пост Верховного главнокомандующего, невзирая на тяжелейшие поражения 1915 г., все-таки не пошел на сепаратные переговоры через многочисленных посредников, с которыми входили в контакт германские представители. Все это означало, что война на два фронта станет характерным явлением и в кампании 1916 г.

Между тем резервы Германии к началу 1916 г. исчислялись всего в 25 дивизий¹. Рассчитывать на союзников не приходилось. Австро-венгры, связанные еще и в Италии, были слабейшим противником для русских. Болгары не собирались действовать где-либо еще, кроме Балкан. Понесшие большие потери турки в начале 1916 г. были разгромлены на Кавказском фронте (Эзерумская наступательная операция) и откатывались в Ираке. Следовательно, на активные действия одновременно на двух фронтах немцы не могли рассчитывать: немецких войск не хватало, чтобы наступать и во Франции, и в России. Поэтому в германской Ставке вновь, как и зимой 1915 г. встал вопрос о том, где предпринять нанесение главного удара, а где ограничиться стратегической обороной. Помимо прочего, активность действий подразумевала владение стратегической инициативой, так что место, время и фронт удара следовало выбирать как можно быстрее, пока союзники сами не перешли в наступление сразу и на Западе и на Востоке.

По мнению начальника штаба Полевой Ставки германского командования генерала пехоты Э. фон Фалькенгайна, в 1916 г. англо-французы должны были непременно перейти в наступление. Возросшая мощь англо-французов во всех отношениях (от людей до техники) позволяла им развернуть широкомасштабные наступательные действия. В то же время наступательная инициатива русских была существенно подорвана в 1915 г. Но ведь и понесшие большие потери австрийцы, всегда служившие для германцев громадным подспорьем в операциях на Востоке, уже не обладали той силой, что в 1914 г. По-

---

¹ *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914—1916 в его важнейших решениях. М., 1923. С. 196.

ражения 1914 года и тяжелое наступление 1915 г. не прошли даром для вооруженных сил Двуетидной монархии. Кроме того, австрийцы в 1916 г. готовились к решительному наступлению в Италии, решив ограничиться на Восточном фронте обороной. Поэтому широкомасштабное наступление на Москву или Киев окончательно расплыло бы австро-германские армии по бескрайним русским просторам. Удар по Петрограду, даже в случае успеха, не сулил больших дивидендов, так как это потребовало бы использования не только всех наличных резервов, но и новых перебросок германских войск из Франции, где союзники русских деятельно готовились к наступлению. Занятие Петрограда, потребовавшее бы не менее двух новых армий для Восточного фронта, вероятнее всего, означало выход англо-французов на Рейн и поражение Германии в войне.

Таким образом, у немцев, как и в 1915 г., по сути, не было альтернативы. Они в любом случае обрекались на решительное наступление на Западе, точно так же, как весной 1915 г. были обречены на наступление на Востоке во имя спасения Австро-Венгрии от разгрома и крушения. Сознавая это обстоятельство, ген. Э. фон Фалькенгайн отчетливо понимал, что даже и на наступление по всему фронту против англо-французов у него теперь уже нет сил. Операции 1914—1915 гг. окончательно подчеркнули, что немцы теперь способны лишь на удар на ограниченном участке фронта, так что следовало бить там, где противник будет непременно защищаться: иначе говоря, следовало бить по тому пункту, который в любом случае подлежит обороне со стороны неприятеля. В таком случае можно было, пользуясь своим техническим превосходством и качеством войск, вынудить врага втянуться в своеобразную борьбу на истощение, что, возможно, сможет заставить противника пойти на сепаратные переговоры. Этим местом был избран важнейший политический и оперативно-стратегический район системы французской обороны — крепость Верден. Захват Вердена предполагал свободное движение на Париж с восточного направления.

Уже 8 (21) февраля 1916 г. представитель французского командования в русской Ставке дивизионный генерал П.-М. По передал штаверху М.В. Алексееву письмо французского главнокомандующего Ж. Жоффра с просьбой об оказании немедленной помощи. Накануне, 7 февраля, 5-я германская армия кронпринца Вильгельма бросилась на Верден. К этому времени немцы значительно расширили фронт атаки по реке Маас, так как план захвата Вердена ускоренной атакой провалился, и обе стороны втянулись в кровопролитные изнуряющие

бои на большом фронте вокруг Верденского укрепленного района. Положение французов под Верденом было критическим, но генерал Жоффр не терял уверенности в своих силах, поэтому главной его просьбой стояло не допустить перебросок германских войск с Восточного фронта под Верден.

Всего через три дня, 11-го (24) числа, в русской Ставке прошло совещание высшего командного состава. Кроме членов Ставки (Верховный главнокомандующий император Николай II, начальник Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеев, генерал-квартирмейстер М.С. Пустовойтенко) в совещании приняли участие главнокомандующие всех фронтов (А.Н. Куропаткин, А.Е. Эверт и Н.И. Иванов), военный министр А.А. Поливанов и Главный полевой интендант Д.С. Шуваев. Алексеев довел до сведения присутствующих просьбу французского союзника и отметил, что русский план удара по Австро-Венгрии в направлении на Будапешт совместными действиями союзников из Галиции (русские) и от Салоник (англо-французы) был отвергнут французами. Причина тому — сохранявшееся с начала войны желание французского командования искать решения борьбы исключительно на фронтах, где стоят немцы. В этом случае — в Бельгии и Северной Франции. Соответственно, чтобы оказать союзнику действенную помощь, также обязаны были ударить по тем оборонительным линиям противника, где стояли германские войска. В итоге совещание высказалось за скорейшее проведение операции армиями Северного и Западного фронтов в общем направлении на Вильно. Именно эти два фронта располагались против немцев (Юго-Западный фронт — против австрийцев), что накладывало на них выполнение межсоюзных обязательств. Генерал Алексеев также справедливо отметил, что, кроме русских, помочь французам под Верденом некому.

Как и всегда, русские сразу же откликнулись на просьбы союзника: 7 (20) февраля немцы начали наступление на Верден, а уже 5 (18) марта русские предприняли наступление на озере Нарочь. Время — менее месяца, так что понятно, что о всесторонней подготовке наступательной операции не могло быть и речи. Следуя предварительным договоренностям, русская Ставка предполагала в частном наступлении зимой — весной 1916 г. нанести главный удар севернее непроходимого Полесья, на стыке Северного (генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин) и Западного (генерал от инфантерии А.Е. Эверт) фронтов. Этим решением преследовались сразу три цели: в наступлении задействовались сразу оба фронта, достигался общий

перевес сил, учитывалась благоприятность географии. Выгодная конфигурация фронта позволяла в случае успеха перерезать тылы всей германской группировке, стоящей севернее Полесья. Это вынудило бы врага почти без боя отступить в Польшу, только геометрической угрозой русского наступления.

17 февраля 1916 г. русская Ставка Верховного главнокомандования отдала решающую директиву о производстве мощного наступления севернее Полесья во имя помощи союзникам, вступившим в битву за Верден. Линия фронта севернее Полесья была выбрана потому, что здесь против русских стояли немцы, в то время как южнее Полесья — австро-венгры. Сам район Полесья, малопроезжимый и бездорожный, а потому и малопригодный для маневрирования крупными войсковыми массами, являлся тем естественным географическим водоразделом, что дробил цельность Восточного фронта на две части.

Пополненная за зимнюю оперативную паузу, русская действующая армия, как минимум на бумаге, вновь представляла собой грозную силу. По данным военного министерства, к 1 декабря 1915 г. списочная численность армии составляла: офицеров — 100 579 чел.; классных чинов и духовенства — 33 489; нижних чинов — 5 858 928; лошадей — 1 342 032¹. При этом первый новый набор в 1916 г. был проведен только к 1 марта (призыв 300 000 ратников 2-го разряда), что, следовательно, не позволяет учитывать этих людей в числе действующих штыков в Нарочской наступательной операции. Зато к марту в войска был влит призыв 1 ноября (400 000 ратников 2-го разряда и 300 000 — 1-го разряда).

Но для этих войск не хватало вооружения. К 1 января 1916 г. русский Восточный фронт имел лишь 1 680 000 русских трехлинейных винтовок, на каждую из которых в среднем приходилось только по две сотни патронов. Отчасти выручали союзные поставки стрелкового вооружения, которое ради унификации деятельности тыловых служб снабжения передавалось в войска по образцам. В начале 1916 г. винтовки различных иностранных образцов распределялись по русским фронтам следующим образом:

1. Северный фронт — японские винтовки — 763 тыс. шт.
2. Западный фронт — русские трехлинейки плюс 400 тыс. итальянских винтовок для одной из армий.

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1745. Л. 3—20. (всеподданнейший доклад по военному ведомству)

3. Юго-Западный фронт — австрийские винтовки — 300 тыс. шт.

4. Кавказская армия — французские винтовки — 86 тыс. шт. (550 тыс. старых французских винтовок пошло в запасные полки) ¹.

Таким образом, армии Северного фронта, возглавляемые ген. А.Н. Куропаткиным, имели на вооружении японские винтовки системы «Арисака». Очередная насмешка судьбы над человеком, который всего десять лет назад командовал русской армией, воевавшей как раз против Японии.

Превосходство русской стороны в живой силе, казалось, давало повод для оптимизма в смысле предстоящего оперативного планирования наступательных ударов на Восточном фронте. Тем не менее германские позиции укреплялись уже несколько месяцев, что давало перевес противнику в огневом отношении при оборонительных действиях. Вследствие особенностей позиционной борьбы на Востоке наступающему следовало прорвать германскую оборону решительным ударом и сразу же ввести резервы в прорыв. Только в таком случае русским мог сопутствовать успех. Для успеха прорыва нужна техника, а об ее бедности в русской армии говорилось выше. К тому же Куропаткин был вынужден готовить вверенный ему фронт к наступлению спустя всего лишь 10 дней после своего назначения с поста даже не одного из командармов (в этом случае он еще мог бы передать главный удар в свою армию), а с поста комкора. До начала наступления, если считать с момента совещания в Ставке, где было принято решение на наступление севернее Полесья, прошло всего 3,5 недели.

Русское Верховное главнокомандование прекрасно сознавало вставшую перед ним тяжелейшую задачу. В кратчайшие сроки подготовить и провести наступательную операцию по прорыву мощнейшей обороны противника, многократно уступая врагу в вооружении и боеприпасах. Поэтому М.В. Алексеев, дабы использовать численное преимущество русской стороны в максимальной степени, решил организовать главный удар на стыке Северного и Западного фронтов, с передачей первенства, разумеется, Западному фронту, как имевшему большие перспективы развития успеха в случае удачи и имевшему двукратное превосходство над противостоявшим противником. Тем не менее русское Главнокомандование старалось поставить перед низшими инстанциями и войсками наиболее возможно глобальные

---

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1580. Л. 1—2: *Строков А.А.* История военного искусства. СПб., 1994. Т. 5. С. 182.

задачи. Так, общей целью операции армий двух фронтов, предназначенных для удара, как обычно, ставилась география, а именно: достижение наступающими войсками линии Митава — Бауск — Вилькомир — Вильно — Делятичи. Это предполагало, что противник будет отброшен на 80—100 верст на запад, то есть фактически — будет освобождена вся Литва и созданы предпосылки для вторжения в Польшу.

Таким образом, в ходе Нарочской операции не предполагалось глубокого развития прорыва фронта противника: для этого еще не было ни надлежащих сил, ни достаточного количества боеприпасов. Следствием операции должно было стать улучшение общей конфигурации фронта севернее Полесья в преддверии летнего наступления в кампании 1916 г. Главным же итогом — помощь французам, отстоявшим Верденский укрепленный район. При подготовке плана наступления учитывалось, что фронты должны были наступать по сходящимся направлениям: Северный фронт наносил удар войсками 5-й армии В.И. Гурко из района Якобштадта на Поневеж; Западный фронт наступал главной группировкой на Вилькомир. 12-я армия Северного фронта (В.Н. Горбатовский) наносила вспомогательный удар на Бауск — Шенберг. Удар 10-й армии Западного фронта на Вильно предполагался в качестве вспомогательного направления.

Готовя операцию, Алексеев полагал возможным одним ударом в направлении на крепость Ковно отрезать северное германское крыло и отбросить его аж за Неман. Именно для этого и производился удар по сходящимся направлениям: разрезать германский фронт на две части и развести его к северу и югу. Следовательно, в случае успеха русские армии получали превосходную географию для дальнейших наступательных операций: часть германских сил блокировалась за Неманом в Восточной Пруссии, а часть вместе с австрийцами отеснялась в преддверие русской Польши, не имея перед собой сильных естественных препятствий. Ясно, что для того, чтобы получить подобный успех, следовало бы наносить удар на самом лучшем участке фронта. Так что сам участок на стыке Северного и Западного фронтов, предназначенный для производства наступления, географически имел выгодную оперативную конфигурацию для русской стороны: одновременный удар фронтов от Якобштадта и озера Нарочь позволял отрезать германскую группировку, стоявшую против данного стыка русских фронтов. Однако как раз сама местность района чрезвычайно стесняла возможность маневра своими многочисленными болотами

и озерами, вынуждая русских бить в лоб простыми фронтальными ударами.

Невзирая на форсированные сроки подготовки операции, русскому командованию не удалось удержаться на грани зимнего наступления, и распутица стала климатическим врагом русского наступления. Теперь единственным оправданием удара могла быть лишь просьба французов. Между тем, как свидетельствовал пессимистично главкоюз Иванов, командующие фронтами, безусловно, желали драться, активно поддерживая Алексева в его планах по новому движению в Германию. Главкозап Эверт был доволен тем, что именно его фронту передавали главную роль в предстоящей кампании 1916 г.: зимнее наступление должно было проверить войска и командиров в преддверии большого летнего наступления, намеченного на последней межсоюзной конференции в Шантильи. В свою очередь, главкосев Куропаткин, возвращенный в действующие войска из непрерывных чисто административных назначений, желал реабилитировать себя за неудачное полководчество в Русско-японской войне 1904—1905 гг. Как выразился главкоюз ген. Н.И. Иванов: «жаждал переэкзаменовки»¹.

Безусловно, командиры всех степеней старались как можно лучше подготовить войска к наступательным боям. Однако, чем выше был уровень, тем больше эта подготовка сводилась к рассылке в войска документов схоластического характера, совершенно не приспособленных для борьбы на Восточном фронте. Например, приказ главкосева ген. А.Н. Куропаткина от 2 марта 1916 г. выделял такие подлежащие немедленному исправлению на деле причины неудачного наступления оперативного характера как: развертывание наступательных действий на чрезмерно длинном фронте без концентрации сил на избранных направлениях; плохое ознакомление частей с задачами, расположением противника и местностью; недостаточность сил, выделенных в резерв; отсутствие флангового обеспечения. Главной причиной неудачи пехотной атаки называлось «отсутствие достаточной для успеха атаки артиллерийской подготовки». Главнокомандующий, не имея сильной артиллерии, и не умея правильно распределить имевшиеся батареи, ничтоже сумняшеся, особо указывал на то обстоятельство, чтобы «сближение с противником было организовано так, чтобы наступавшие войска несли возможно менее потерь»².

¹ См.: Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 37.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 10, 13.

Непосредственная подготовка к операции началась 25 февраля на обоих фронтах. В район намеченной операции широким потоком потекли войска. В предстоящем прорыве должна была принять участие и тяжелая артиллерия, которой так не хватало в кампании 1915 г., и которую удалось несколько пополнить как в материальной части, так и в количестве боеприпасов, при помощи успехов отечественной промышленности и поставок союзников. Так, к марту 1916 г. во всей русской армии насчитывалось 440 полевых тяжелых орудий калибром не более 152 мм, 516 устарелых крепостных тяжелых пушек, 585 легких полевых 122-мм гаубиц¹.

Для развития прорыва предназначались кавалерийские корпуса, которые должны были двигаться по начинавшейся распутице собственным ходом, изматывая силы людского и конского состава. Саперные войска готовили средства преодоления неприятельской колючей проволоки, так как командование предполагало, что на ряде участков артиллерия не сможет оказать поддержки своей наступающей пехоте. В том числе саперы готовили плетни и лестницы для преодоления проволочных заграждений, производя учения в тылу. Разумеется, что в ходе операции такие примитивные средства, подготавливаемые по приказу высших командиров, ни разу в жизни не прорывавших колючую проволоку под огнем пулеметов, не пригодились.

Пока же на Северном фронте ген. А.Н. Куропаткин распорядился о производстве демонстративных действий усилиями 6-й и 12-й армий, дабы сковать врага по всему фронту. В то же время ударная 5-я армия А.М. Драгомирова пополнялась людьми, техникой и боеприпасами. Так, по свидетельству инспектора артиллерии армий Западного фронта ген. А.-А. Шихлинского, из эвакуированных в Можайск тяжелых орудий из крепостей создавались тяжелые артиллерийские дивизионы, предназначенные для прорыва неприятельского фронта в предстоящей операции. В частности, на Северный и Западный фронты прибыли 56 120-мм пушек и 128 6-дюймовых орудий². Это скорее, по меркам войны на Французском фронте, средняя артиллерия, нежели тяжелая. Но на бедность Русского фронта в тяжелой артиллерии следовало благодарить и за это.

Подготовка войск к наступлению была всесторонней. Например, приказ от 29 февраля 1916 г., накануне атаки, был посвящен

---

¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900—1917). М., 1949. Т. 3. С. 293.

² Шихлинский А.-А. Мои воспоминания. Баку. 1984. С. 132.

самым разным проблемам армии: «пища войск, которую я пробовал в разных условиях, всюду оказалась хорошей; хлеб очень хорош»; «конский состав виденных мною обозных частей хорошо сохранен»; «служба войсковых частей в окопах обставлена заботливо. Горячая пища получается два раза в день, горячая вода для чая обеспечена». Наиболее слабая сторона дивизий 3-й очереди из дружин ополчения — «слишком слабый состав кадровых офицеров, недостаточная подготовка прапорщиков и слабая артиллерия»; «наиболее серьезным замечанием относительно расположения 5-й и 12-й армий я считаю расположение войск этих армий кордоном без сильных армейских резервов»¹. В тылу же на А.Н. Куропаткина возлагали немалые надежды. Письмо профессора П. Мигулина от 4 марта 1916 г.: «Куропаткиным все очень довольны. Немцы его боятся. Распределил он армии очень удачно, германские войска уже эвакуировали Лиду и эвакуируют Вильну»².

Готовившиеся к атаке войска были раздроблены на группы. Эти искусственные образования, состоявшие из нескольких корпусов, вверялись управлению одного из корпусных командиров, что чрезвычайно затрудняло управление как всей группой, ввиду неподготовленности импровизированного штаба, так и корпусом, на базе которого формировался штаб всей группы, ибо для самого этого корпуса оставались худшие кадры. «Отрядомания», как болезнь русской военной машины, преследовала ген. А.Н. Куропаткина еще в период Русско-японской войны 1904—1905 гг. Теперь же он вновь пытался опираться на опыт той нелепицы, что уже подводила русскую сухопутную армию. Кстати говоря, таким же образом поступил и главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт, благодарный ученик генерала Куропаткина в Маньчжурии.

Армии Северного фронта перешли в наступление 8 марта, на три дня позже, чем армии соседнего Западного фронта. На Северном фронте, после произведенной всеми армиями артиллерийской подготовки, наступление частей 5-й армии так же, как и в армиях ген. А.Е. Эверта, захлебнулось. И здесь 13-й (П.А. Кузнецов), 28-й (В.А. Слюсаренко), 37-й (Н.А. Третьяков) армейские и 2-й Сибирский (И.К. Гандурин) корпуса, также раздробленные, по примеру Западного фронта, на две группы генералов Гандурина и Слюсаренко,

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 704. Л. 4—6.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1056. Л. 606.

безуспешно наступали от Якобштадта. А 14-й корпус И.П. Войшин-Мурдас-Жилинского, входивший в состав 1-й армии, был буквально расстрелян германским пулеметным и артиллерийским огнем. Ни ночные атаки, ни отчаянно-бесполезный удар 1-го кавалерийского корпуса В.А. Орановского не исправили ситуации. Нельзя не заметить, что русская пехота наступала при минимальном содействии собственной артиллерии, как только бой переходил в неприятельские окопы. Вдобавок немцы сумели определить участки предстоящей русской атаки. Вследствие нехватки боеприпасов артиллерийская подготовка, проводимая накануне удара, наращивала свою интенсивность «за счет экономии снарядов на других участках». Соответственно, германское командование смогло «достаточно четко определить намеченный участок прорыва»¹.

При этом немцы насытили свои позиции бетонными огневыми точками, где располагались крупнокалиберные пулеметы: только артиллерийский огонь мог спасти расстреливаемые русские войска. Наступление в озерно-болотистом районе в период, когда уже началась весенняя распутица, привело к тому, что войска наступали по колено, а то и по пояс в воде, а лошади и орудия проваливались в болотистые кочки. Подвоз подкреплений и боеприпасов зачастую был просто-напросто невозможен. А потому русское наступление через 10 дней после начала операции захлебнулось в непролазной грязи и собственной крови.

Потери армий Северного фронта в Нарочской наступательной операции составили около 60 тыс. чел. Потрясенные жертвами русских немцы сообщают: «К счастью, сила удара русского наступления весьма быстро ослабела, вследствие неслыханно хищнического истребления людского материала»². Потери армий Западного фронта составили 90 тыс. чел. — жертва русских для облегчения положения своих союзников под Верденом. Действительно, немцы приостановили свой натиск на Верден на целых две недели, что позволило французам перегруппировать свои силы, а также подтянуть резервы и технику. А.А. Керсновский справедливо заметил: «Двести тысяч русских офицеров и солдат окровавленными лоскутьями повисли на германской проволоке, но сберегли кровь тысячам французов.

---

¹ Федосеев С.Л. «Пушечное мясо» Первой мировой. Пехота в бою. М., 2009. С. 382.

² Риттер Х. Критика мировой войны. Пг. 1923. С. 140.

К апрелю 1916 г. за Верден легло в полтора раза больше русских, чем французов»¹.

Нет сомнения, что одной из главных причин неудачи русского наступления стала плохая подготовка операции. Основным момент здесь — чрезвычайная ограниченность во времени, так как французы требовали немедленной помощи. Временной цейтнот (20 дней на подготовку широкомасштабной операции группы фронтов с претензией на очищение от неприятеля всей Литвы) не позволил русской стороне соответствующим образом подготовить войска и технику. Часть артиллерийских батарей расставлялась на позиции уже в ходе начавшейся операции, а ограниченный подвоз снарядов по немногочисленным и отвратительным дорогам не позволил русской артиллерии проложить своей пехоте дорогу в глубь немецкой обороны. В итоге, несмотря на общую массу расстрелянных снарядов, огневое действие русских батарей оказалось малорезультативным: орудия стреляли мелкими порциями, понемногу в течение нескольких дней и без определенной системы, так как никто не имел сведений о запасах снарядов. Службы снабжения действующих частей боеприпасами вместо того, чтобы предоставить войскам возможность поднакопить снарядов и разом нанести противнику непоправимый ущерб единым массированным ударом, подавали в войска снаряды по мере их расходования². Все это недомыслие, как водится, выяснилось только после окончания операции.

Свои итоги подводились и в армиях. Так, приказ по 12-й армии от 18 марта замечал, что опыт последних наступательных боев приводит к неутешительным выводам. В качестве главных недочетов командармом-12 ген. В.Н. Горбатовским указывались: 1) малое знание расположения противника, ввиду слабости разведки; 2) недостаточная связь пехоты с артиллерией; 3) неумение пехоты проводить атаку на укрепленную позицию противника³.

Итак, потери русских армий в мартовских боях были очень и очень значительными, а наступление провалилось. И все-таки самым негативным последствием неудачной Нарочской операции стал удар по психологии российского высшего командования. Провал наступления именно на *германском* участке Восточного фронта оказал самое отрицательное моральное влияние на настроения штабов и ко-

¹ Цит. по: Философия войны. М., 1995. С. 36.

² ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 326. Л. 22—22 об.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 112. Л. 19.

мандования армий Северного и Западного фронтов. А.А. Керсновский характеризует это обстоятельство следующим образом: «Мартовская неудача катастрофически повлияла на обоих главнокомандующих — Куропаткина и Эверта. Они совершенно пали духом, и всякое наступление стало им казаться немыслимым. 1 апреля в Ставке состоялось под Высочайшим председательством совещание главнокомандующих фронтами относительно дальнейших действий в открывающуюся кампанию 1916 г. Генерал Куропаткин и генерал Эверт высказались за полную пассивность. При нашей технической нищете наступление должно было, по их мнению, закончиться неудачей».

Неудача весеннего удара породила неверие высших командиров в собственные силы и одновременно породила на свет малообоснованное убеждение в несокрушимости немецкой обороны без ее предварительного слома ураганным огнем тяжелой артиллерии. В то же время для организации мощной тяжелой артиллерии в русской армии не было еще объективных предпосылок. Поэтому при планировании следующих наступательных операций в кампанию 1916 г., нарочская неудача, как негативный фактор надлома ума и воли, станет руководящей идеей генералов Куропаткина и Эверта. А ведь под их командованием находилось до двух третей русских вооруженных сил, сосредоточенных на Восточном фронте Первой мировой войны.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ В ПЕРИОД ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1916 ГОДА

На первоапрельском совещании в Ставке ген. А.Н. Куропаткин, потрясенный устроенной (в том числе и им самим) «бойней» на озере Нарочь, первым высказался за невозможность нового наступления на германском участке фронта. Ясно, что главкосев не верил в успех наступления, тем более, что Куропаткин всегда отличался чрезвычайной бережливостью к солдатской крови, причем это, как правило, вело в ущерб военным действиям в целом, вплоть до проигрыша войны. Тем не менее после нажима со стороны М.В. Алексева и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова Куропаткин, как и разделявший его взгляды о нежелательности наступления Эверт, все-таки согласились наступать.

К лету 1916 г. в состав Северного фронта входили 1-я (А.И. Литвинов), 5-я (В.И. Гурко) и 12-я (Р.Д. Радко-Дмитриев) армии. Также ге-

нералу Куропаткину подчинялась группа на ливонском побережье в составе трех корпусов и переданный в резерв фронта 42-й армейский корпус А.А. Гулевича. Общая численность войск фронта составляла более 400 тыс. штыков и сабель.

Понимая роль тыла и снабженческих перевозок, главнокомандующий армиями Северного фронта решил усилить и это звено. Спустя два дня после Совещания в Ставке, решившего общее наступление в летней кампании, ген. А.Н. Куропаткин предложил пост главного начальника военных снабжений армий Северного фронта бывшему военному министру ген. А.Ф. Редигеру. В личном письме Куропаткин просил своего преемника после Русско-японской войны не отказать: «Прошу выручить армии Северного фронта, помочь им одержать победу. Ваш громадный опыт поможет нам выйти из всех затруднений материальных и духовных, особенно в отношении Петрограда и центральных властей». Однако генерал Редигер, хорошо зная привычку А.Н. Куропаткина вмешиваться в дела всех подчиненных инстанций, отказался¹.

Согласно оперативному планированию, принятому на первоапрельском совещании в Ставке и затем уточняемому директивами штаба, армии Северного фронта должны были наносить вспомогательный удар из района Двинска на Свенцяны, и далее — на Вильно. Именно сюда наступала основная масса сил Западного фронта и наносился вообще главный удар русских на Восточном фронте в кампанию 1916 г. Таким образом, обеспечивалось взаимодействие стоявших севернее Полесья Северного и Западного фронтов, причем их скоординированным наступлением германский фронт разрезался на две части: южная часть отбрасывалась в русскую Польшу, куда двигались войска Юго-Западного фронта, а северная часть отжималась к балтийскому побережью.

Разумеется, в Ставке учитывали, что А.Н. Куропаткин является сторонником идеи отказа от наступления, пока русские армии не получат тяжелой артиллерии, боеприпасов и прочих технических средств ведения боя, сравнимых с германскими. Так что Алексеев не особенно-то и надеялся на активность армий Северного фронта. В итоге резервы и боеприпасы стали перебрасываться на Юго-Западный фронт, особенно после того, как провалилось наступление

---

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 420—421.

под Барановичами и Брусилову был передан главный удар. Куропаткин же директивой от 3 июня обязывался сковать противника в полосе своего фронта, «улучшить исходные позиции» для возможного наступления в середине лета и активными действиями привлечь на себя неприятельские резервы.

Вместо того, чтобы прорвать оборону врага, дождавшись первой переброски своих войск на Юго-Западный фронт (7 июня), в середине июня А.Н. Куропаткин отдал приказ по армиям фронта, где указывал, что ввиду ослабления Северного фронта и переброски части вооружения и военной техники на Юго-Западный фронт перед армиями стоит новая задача. По мнению Куропаткина, теперь его войска были «должны ограничиться первоначально лишь удержанием занимаемых нами позиций с проявлением активных действий лишь в мелких размерах, дабы тревожением противника не только затруднить [ему] увод войск с нашего фронта, но и привлечь к себе его подкрепления». Теперь следовало заняться только «прочным удержанием занимаемых позиций». Тем не менее 22-го числа М.В. Алексеев приказал Куропаткину наступать, чтобы оказать содействие наступающим южнее фронтам¹. Но и этого не было сделано. Отказ от атаки немедленно вызвал к жизни слухи об «измене» главкосева: например, письмо из Тулы от 22 мая 1916 г. в Киев сообщало: «Слышали ли вы, будто Куропаткин продал два корпуса. Об этом здесь усиленно говорят»². Резкий контраст с надеждами начала весны!

Свой «полководческий талант» ген. А.Н. Куропаткин отчетливо продемонстрировал в 1904—1905 гг., последовательно командуя сначала армией, а потом группой армий, то есть тем же фронтом. Результаты этого полководчества хорошо известны — наступавшие японцы неизменно наносили поражения обороняющимся русским, всегда превосходившим японцев в количественном отношении. Участник Русско-японской войны так характеризует оперативно-тактическую подготовку главнокомандующего армиями Северного фронта десятилетие назад от описываемых событий: «Главкомандующий никак не мог отрешиться от своей кордонной системы — стремления прикрыть все, растягивая войска тонкими линиями. По мере того, как генерал-адъютант Куропаткин получал в свое распоряжение новые корпуса, он становился не сильнее, а слабее — потому, что увеличением чис-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 331—332. 379.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 43.

длительности войск пользовался только для удлинения своего фронта, увеличивая, таким образом, число уязвимых пунктов, и оставаясь неизбежно одинаково слабым по всему фронту»¹.

Действительно, с самого начала подготовки летнего наступления главкосев проявил полную пассивность, даже не пытаясь организовывать частные удары с целью сковывания неприятеля. Поэтому в разговоре по прямому проводу 9 июня Алексеев справедливо высказал Куропаткину, что у него имеется 420 тыс. чел. против 192 тыс. у немцев. М.В. Алексеев отказал главкосеву в подкреплениях и отменил возражения против новой переброски войск к генералу Брусилову. Алексеев вполне обоснованно заявил: «Если мы не подкрепим Юго-Западный фронт, он будет задушен, отброшен — какое же значение для нашего общего положения будет иметь тот крошечный успех, который мы можем рассчитывать одержать на Северном фронте?»² М.В. Алексеев уже не верил в возможности А.Н. Куропаткина, которому сам же и протезировал при назначении на столь высокий пост, ничем не сообразный с достоинствами генерала Куропаткина как полководца.

Как и в период Русско-японской войны 1904—1905 гг., в деятельности ген. А.Н. Куропаткина на должности главнокомандующего армиями Северного фронта проявилось отсутствие волевого фактора. Известный «наполеоновский квадрат» был необратимо нарушен, и сделать с этим генерал Куропаткин ничего не мог. Очевидно, что он прекрасно понимал причины собственного неудачного полководчества в Маньчжурии, однако изменить сам себя не сумел. Брат отечественного военного теоретика («русского Клаузевица») А.А. Свечина в эмиграции вспоминал о А.Н. Куропаткине: «Ему нельзя отказать и в правильных оперативных распоряжениях, но полководцу необходима и “воля”, для приведения своих оперативных планов в исполнение. В этом и состоял главный недостаток Куропаткина — он принимал правильное решение своим “умом”, но не хватало силы воли (решимости) провести их в боях в исполнение. Лишь в полном сочетании гармонии двух необходимых качеств — “ума и воли” — как учит нас военная история — зависит успех полководца. У Куропаткина перво-

---

¹ Грозев М. В штабах и на полях Дальнего Востока. СПб., 1909. Ч. 2. С. 321.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 389—390.

го было достаточно, а вторая отсутствовала. В этом и заключались все его неудачи»¹.

Действительно, постоянным сильным местом генерала Куропаткина, как собственно военного деятеля, были его организаторские способности. Забота о солдатах, наряду с выдающейся полководческой бесталанностью, проявилась и в период Первой мировой войны. Ни в мартовской операции у озера Нарочь, ни в летней кампании 1916 г. главнокомандующий армиями Северного фронта не поднялся выше уровня дивизионного начальника. Поэтому пресса была вынуждена говорить о нем, прежде всего, как об «отце-командире», каковым он по сути своей и являлся. Так, летом 1916 г. некий полковник Г.П. в «Ниве» писал: «При объезде частей войск я убедился воочию, как близко стоит он к простому солдату. Он постоянно обходит окопы, расспрашивает солдат об их нуждах, входит во все мелочи их повседневной жизни, проявляя необычайную заботливость о меньшей братии. Недаром солдаты так его полюбили и не испытывают при его наездах никакого страха, невзирая на внешнюю суровость генерала. Приняв [Гренадерский] корпус, Алексей Николаевич в первые же дни пешком обошел все окопы, заглядывал во все землянки, находясь под выстрелами противника. Никакие предупреждения об опасности не могли убедить его отказаться от обхода того или иного участка позиций корпуса...»² Проблемы тыла чрезвычайно волновали главкосева, едва ли не больше, чем задачи вверенного ему фронта — письмо Куропаткина премьер-министру Б.В. Штюрмеру от 16 июня просило принять «всевозможные меры к прекращению поднятия цен на предметы первой необходимости; нужны немедленные, самые решительные, самые суровые меры борьбы против дороговизны, тем более, что в громадном большинстве случаев объясняется это не отсутствием тех или иных предметов на рынках, а исключительно спекуляцией»³.

Чем меньше главкосев верил в успех прорыва фронта противника, тем больше он уделял внимания малопродуманным и довольно экзотичным для того времени проектам. В июне 1916 г. на Балтике намечалась десантная операция в Рижском заливе: убедившись в своей неспособности организовать прорыв обороны противника, Куропаткин

---

¹ Свечин М.А. Записки старого генерала о былом. Ницца. 1964. С. 72.

² Нива. 1916. № 26. С. 445.

³ Письма с войны 1914—1917 / Составление, комментарии и вступительная статья А.Б. Асташова и П.А. Симмонса. М., 2015. С. 601.

выдвинул идею о производстве десанта в тыл противника, стоявшего под Ригой. Вернее сказать, эта идея была воспринята главкомом под влиянием мысли командарма-12 Радко-Дмитриева, убедившего главнокомандующего в целесообразности проведения такой операции. И тут оказалось, что командование Балтийского флота также уже давно задумывалось над производством подобного удара и полностью согласилось с генералом Куропаткиным. Морские силы Рижского залива под командованием контр-адмирала А.В. Колчака включали в себя минную дивизию из 21 эскадренного миноносца, линейный корабль «Слава», канонерские лодки «Храбрый» и «Грозный», несколько подводных лодок и вспомогательных судов. Артиллерийская поддержка десанта должна была, по мысли моряков и командарма-12, способствовать успеху. Вероятно, что сама идея о десанте в районе побережья Курляндии принадлежала лично императору¹.

Данная десантная операция была задумана в качестве поддержки для готовящегося наступления армий Северного фронта после провала атаки Западного фронта под Барановичами. В качестве основной задачи для частей десанта ставилось: заставить противника разбросать свои резервы по рижскому побережью и тем самым ослабить себя по фронту, на направлении главного удара русских войск, долженствующих наступать из Двинского района. Предложение о подготовке данной операции было доведено до Ставки. Сначала высадка в тылу врага считалась тактической диверсией, то есть вспомогательным ударом, как подсперье, облегчавшее наступление на суше. Но после неудачи частного удара войск 12-й армии у Бауска (15—17 июля), где русским не удалось прорвать вторую полосу обороны, стала считаться тактическим десантом, предназначенным для проведения самостоятельных (пусть и увязанных с действиями армий фронта) ударов. Таким образом, согласно принятому плану, десантные части и войска 12-й армии обязывались приступить к параллельному наступлению на Туккум и далее, на Митаву. Интересно, что инициаторами расширения рамок десанта до оперативных выступили моряки, в том числе лично командующий флотом Балтийского моря вице-адмирал В.А. Канин. Русские командиры рассчитывали, что германский флот, ослабленный в Ютландском сражении с англичанами, не сумеет оказать достойное противодействие русскому десанту, который, конечно же, будет поддерживаться силами Балтийского флота: «Ввиду событий на

---

¹ См.: Козлов Д.Ю. Стратегическое затишье // Военно-исторический журнал. 2009. № 3. С. 6.

Северном море, в связи с Ютландским боем (31 мая — 1 июня 1916 г.), который приковывал все внимание германского командования на этот театр, в течение ближайшего времени не было оснований ожидать крупных операций немцев в направлении Рижского залива. Ставка решила воспользоваться этим и произвести сильный нажим на Рижском участке фронта, рассчитывая, что германский флот не будет в состоянии оказать помощь своей армии»¹.

Понятно, что в состав тактического десанта, который должен был выполнить одну из важнейших задач, предreshавших успех прорыва неприятельского фронта, должны были войти отборные части, резко усиленные техническими средствами ведения боя. В частности, адмирал Канин настаивал на том, чтобы в качестве десанта был использован стоявший в резерве Ставки 19-й армейский корпус ген. А.А. Веселовского. Однако Ставка почему-то выделила в состав десанта ополченские дивизии, охранявшие побережье Эстонии и Финляндии. Боевые качества этих войск, не нюхавших пороха, были крайне низкими. Объяснить такое решение Ставки можно лишь принципиальным недоверием М.В. Алексева к производству десанта: жертвовать плохими частями всегда легче, чем хорошими. В состав предполагаемого десанта должны были войти 31 батальон, 12 эскадронов, 72 орудия, 142 пулемета, 3 саперные роты, около полутора казачьих сотен. Таким образом, 45-тысячный отряд действительно мог послужить средством успеха наступательной операции Северного фронта, если бы не качество войск.

23 июня М.В. Алексеев отдал первое распоряжение относительно десанта: к 19 июля должно было быть принято окончательное решение о задачах операции и произведена соответствующая подготовка. Со своей стороны, генерал Алексеев видел в качестве основной задачи десантного отряда «быстрое и энергичное содействие правому флангу двенадцатой армии при его наступлении, а в случае успеха общих усилий, и подготовка расширения операций против левого крыла всех германских армий, с целью отбросить их до Немана». К сожалению, обычная практика не стала исключением и на сей раз: смелость замысла сочеталась с отвратительной подготовкой десанта. О качестве выделяемых частей уже говорилось. Вдобавок сухопутное и морское командование так и не смогли прийти к взаимопониманию относительно предстоящей операции. В результате новый главнокомандующий армиями Северного

---

¹ *Петров М.* Морская оборона берегов в опыте последних войн России. Л., 1927. С. 142.

фронта Н.В. Рузский, сменивший в конце июля Куропаткина, не желая себе головной боли, вскоре совсем отменил и десант, и наступление 12-й армии на Северном фронте¹. Официальная история указывает: «Германское командование, обратившее внимание на подготовку десантной операции, в конце июля приступило к подготовке прорыва в Рижский залив... русские корабли не сумели пресечь траление противником Ирбен, а следовательно, не могли предотвратить и прорыва крупных германских сил в Рижский залив. Это обстоятельство, а также резкое изменение в конце августа обстановки на Юго-Западном фронте, заставили Ставку отменить десантную операцию в Рижском заливе»².

После смены главкомандующего армиями Северного фронта Ставка настаивает на подготовке очередной наступательной операции на Северном фронте. То есть видно, что предшествовавшая пассивность напрямую связывается с А.Н. Куропаткиным. 17 августа Алексеев сообщил главкомесу ген. Н.В. Рузскому, что перевес в силах севернее Полесья по-прежнему превосходит возможности Юго-Западного фронта: 481 тыс. чел. (Северный и Западный фронты) и 382 тыс. чел. (Юго-Западный фронт) разницы против неприятеля. Заметив, что Северный и Западный фронты подчас занимают пассивное положение, Алексеев спешит как бы оправдаться перед подчиненным: неудачи севернее Полесья заключаются в недостатке тяжелой артиллерии и снарядов, а раз Юго-Западный фронт действует на «важнейшем направлении», то необходимо передавать туда силы и средства во имя решения общей стратегической задачи: «Войска, расположенные севернее Полесья, нужно рассматривать как резерв». Одновременно ген. М.В. Алексеев предписал вести «частные бои», чтобы «улучшить свое положение»³. Однако в любом случае подвинуть Рузского к наступлению так и не удалось.

ПОСЛЕ ОТСТАВКИ

К середине 1916 г. военное министерство Российской империи поставило перед военно-политическим руководством страны новую проблему. В слабом в техническом отношении государстве к исчерпанию

---

¹ Подробнее см.: *Данилов Н.А.* Смешанная операция в Рижском заливе. М. — Л., 1927.

² Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 220.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 85—87.

стали подходить трудовые ресурсы. С одной стороны, в вооруженные силы были призвано не более 10 % от всего количества населения России, с другой стороны — имеющийся уровень механизации народного хозяйства требовал присутствия в тылу значительного числа мужчин трудоспособного возраста. Иными словами, военное ведомство стало испытывать нехватку людей, могущих быть призванными в армию. Строительство оборонительных рубежей и инфраструктуры снабжения фронта также отрывало десятки тысяч солдат от непосредственно боевой деятельности.

Еще в 1915 г. соответствующими ведомствами были проведены статистические мероприятия, определяющие те категории людей, что не подлежали призыву на воинскую службу, согласно довоенному законодательству. В данные категории входили: 1) русское население Туркестанского края (кроме Семиреченской и Закаспийской областей), Камчатки, Сахалина, крайних северных уездов и округов Енисейской, Томской, Тобольской губерний и Якутской области; 2) граждане Финляндии (Финляндия вносила за освобождение своих граждан от воинской службы ежегодный денежный налог около двенадцати миллионов марок); 3) инородческое население Сибири и Туркестанского края; 4) инородческое мусульманское население Кавказа; 5) инородцы Астраханской и Ставропольской губерний; 6) самоеды Мезенского и Печорского уездов Архангельской губернии. Общая численность лиц мужского пола данных категорий к началу 1914 г. — около 7 млн чел., в том числе 114 тыс. русских.

Решение о перемене законодательства, как известно, могла принять только Государственная дума. С этой целью в ноябре 1915 г. Главным Штабом была составлена докладная записка, где подводились итоги проведенной работы по учету населения, могущего быть мобилизованными если не в вооруженные силы, то хотя бы на работы оборонительного характера. Главный штаб предлагал оставить вне призыва финнов, а также небольшие категории населения в глубине России. Среди же тех людей, что могли пополнить резервы армии, назывались: 1) русское население Сахалина; 2) русское население Туркестана; 3) киргизы Степной области и Туркестана; 4) туркмены, калмыки и ногайцы Астраханской и Ставропольской губерний; 5) сарты Туркестана; 6) узбеки, таджики и каракалпаки Туркестана; 7) татары, дунгане и таранчи Туркестана; 8) инородцы Тобольской и Томской губерний; 9) буряты; 10) якуты; 11) инородцы Иркутской и Енисейской губерний (татары, тунгусы, самоеды); 12) инородцы Приморской

и Амурской областей; 13) все мусульманское Кавказа и Закавказья (кроме курдов и турок); 14) дагестанцы, чеченцы, ингуши, кумыки, осетины и прочее население Северного Кавказа. Согласно расчетам Главного штаба, приводимым в записке, к воинской повинности будет привлечено 78 % ранее освобожденного населения: 5 767 000 мужчин против 1 652 000. А с вычетом финнов — и все 97 %.

Невзирая на протесты гражданских ведомств, летом 1916 г. Ставка категорически потребовала миллиона пар рабочих рук на фронтовые работы. Взять эти руки предлагалось в Туркестане, коренное население которого до войны было освобождено от военной службы. 25 июня император подписал указ «О привлечении мужского инородческого населения империи для работ по устройству оборонительных сооружений и военных сообщений в районе Действующей армии, а равно для всяких иных, необходимых для государственной обороны работ». Привлекаться должно было все трудоспособное мужское население от 19 до 40 лет. 27 июня премьер-министр Б.В. Штюрмер предписал мобилизовать население Туркестана «в кратчайший срок». Уже в августе составленные из инородцев рабочие команды стали поступать в ближайшие войсковые тылы. Мобилизационные мероприятия проходили, несмотря на то, что еще 20 июня император повелел отсрочить призыв «до сбора урожая текущего года», а 30 июля — до 15 сентября.

Вследствие злоупотреблений русской администрации на территории Туркестана, Оренбургского генерал-губернаторства и Северного Кавказа началось национально-освободительное движение. Борьба против русских перемежалась с классовой и национальной борьбой. А.Н. Куропаткин говорил о причинах волнений следующим образом: «Невероятно спешные мероприятия, без подготовки и оповещения населения о привлечении туземцев к работам в тылу армии, послужили причиной волнений. Чуть не за несколько дней до объявления туземцам было приказано собраться к 15 июля для наряда на работы. Население могло быть разорено, ибо как раз наступал период сбора хлопка»¹.

С 7 июля власти стали получать известия о вооруженных волнениях в Ферганской долине, откуда движение перекинулось дальше в Среднюю Азию и Казахстан. Начало восстания — город Ходжент, 4 июля. Причем антивоенное движение сочеталось с антирусскими на-

---

¹ Красный архив. М., 1929. № 3 (34), С. 45—46.

строениями, вызванными столыпинской аграрной реформой, согласно которой русские переселенцы получали в Казахстане лучшие участки земли, ибо казахи занимались скотоводством, а не земледелием. Призыв мусульманского населения на тыловые работы был опубликован в начале июля, в разгар полевых работ. Что это означало в качестве той информации, что разносилась слухами? Что мужчины от 19 до 43 лет станут копать окопы для русских солдат под неприятельским огнем. А ведь эти люди были перед войной вовсе освобождены от военной службы. Во-вторых, это значило, что их семьи, вполне возможно, будут голодать зимой, так как урожай еще не был убран. В-третьих, масса злоупотреблений означала, что на фронт будет послана исключительно беднота: не могла же местная знать отправить своих детей рыть окопы. Но главное, это позиция местных властей: «Сельские и аульные старосты, которым было поручено составление списков мобилизованных, восприняли указ по-своему. Судя по всему, именно они стали распространять слухи, что это не набор на тыловые работы, а скрытая мобилизация на фронт, необходимая для уничтожения коренного населения и заселения освободившихся земель русскими... Коренное население Туркестана истолковало мобилизацию на тыловые работы, как отказ со стороны русского правительства от данных ранее обязательств и нарушение своих законных прав»¹. В итоге восстание не затухало вплоть до Февральской революции.

Но вот сбить основную волну недовольства русским властям все-таки удалось. Это ответственное дело поручалось неудачливому полководцу, но прекрасному администратору, превосходно знавшему Туркестан. Подавлением восстания руководил смещенный с поста главнокомандующего армиями Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин, который 22 июля был назначен туркестанским генерал-губернатором и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Первоначально шла интрига о назначении Куропаткина военным министром, но слухи и закулисные маневры в данном случае оказались бесполезными. Временно исполняющий обязанности туркестанского генерал-губернатора Ф.В. Мартсон был смещен еще в июле и заменен М.Р. Ерофеевым. Но именно генерал Куропаткин сумел добиться умиротворения Туркестанского края, вытеснив не складывавшихся повстанцев на окраины империи.

---

¹ Котюкова Т.В. «Мусульманский вопрос» в Туркестане в начале XX в. // Вопросы истории. 2010. № 9. С. 109.

Еще в конце июня Куропаткин получил из Мерва телеграмму от ханши Гуль-Джемал, в которой она, от имени всех туркмен, просила заступничества перед русскими властями. Куропаткин, в свою очередь, не желая действовать через головы непосредственного руководства и напрямую воздействовать на царя, обратился к М.В. Алексееву с просьбой ходатайствовать перед императором об отсрочке призыва в Туркестане до сентября месяца. Обращение в Ставку возымело самые неожиданные последствия. Военный министр ген. Д.С. Шуваев сумел упротить императора об отправке в Туркестан самого Куропаткина. Первоначально Николай II не соглашался, однако же внял доводам: не секрет, что и полководческий фактор в военной деятельности А.Н. Куропаткина оказался весьма слаб. В итоге Куропаткин 22 июля получил известие о своем новом назначении в виде именно депеши от Верховного главнокомандующего, причем, как оказалось, это назначение стало неожиданностью и для М.В. Алексеева.

В Туркестане усиленно распространялись слухи, что набор мусульман на фронтовые работы имеет целью уничтожение местного населения с тем, чтобы освободившиеся земли передать русским поселенцам, которые переселялись в Туркестан в ходе столыпинской аграрной реформы. Поэтому в районе Пишпека и Пржевальского уезда, где компактно проживали русские крестьяне, было убито более 2 тыс. русского мирного населения, не считая 1,3 тыс. пропавших без вести. Русские и казахи с киргизами в ходе волнений резали друг друга: местное население — в начале восстания, русские — по ходе карательных войск. Туркмены приняли участие в восстании, как правило, в пассивной форме — явное уклонение от проведения мобилизации на окопные работы¹, ибо они находились на несколько привилегированном положении перед лицом русской администрации. Это обстоятельство проводилось самим А.Н. Куропаткиным, лично знавшим туркменский истеблишмент. Лишь племена йомудов, проживавших в районе Гюргена, между Россией и Ираном, оказывали сопротивление несколько месяцев.

Восстание не прошло мимо и религиозных противоречий. В Джизакском уезде Самаркандской области и Семиречье была провозглашена священная война против неверных — газават. Семиречье — это территория, расположенная между озерами Балхаш (с севера), Саякколь и Алаколь (с северо-востока), Джунгарским Алатау (восток),

---

¹ История Туркменской ССР. Ашхабад, 1957. Т. 1. С. 386.

бассейном верхнего течения реки Нарын на юге. Название Семиречье образовалось от семи рек, впадающих в озеро Балхаш: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд. Избранные восставшими беки провозгласили отделение данных территорий от Российской империи. Тем не менее, по замечанию исследователя, генерал Куропаткин «пришел к выводу, что основные причины восстания — кадровые и административные». Религиозный фактор был им недооценен вплоть до игнорирования, и свою задачу в отношении умиротворения края, помимо подавления восставших районов, генерал-губернатор видел в проведении административных реформ и кадровых перестановках¹.

Восставшими был даже осажден ряд городов. При этом, не имея техники, чтобы овладеть городами, восставшие блокировали окружающую местность, вплоть до подхода больших отрядов карательных частей. Например, с 10 по 27 августа город Пржевальск был окружен несколькими десятками тысяч восставших². Отступая от городов в горы, восставшие рассеивались на небольшие отряды, продолжавшие оказывать сопротивление.

Куропаткин прибыл в Ташкент 8 августа; принятые им мероприятия были одновременно жесткими и молниеносными. Куропаткин хорошо помнил заветы Скобелева, призывавшего в Азии действовать стремительным и жестоким первым ударом, после чего безоговорочно миловать всех сложивших оружие. Введенные в Туркестанский край войска действовали решительно. В состав карательных подразделений в общем входило 14,5 батальонов, 33 сотни, 42 орудия, 69 пулеметов. Итого по числу штыков и сабель — пехотная дивизия и кавалерийская бригада.

Потери русских войск в ходе подавления восстания исчислялись в 97 человек убитыми, 86 ранеными и 76 без вести пропавшими. По всем признакам, подавление восстания 1916 г. походило на военную кампанию XIX столетия, когда русские покоряли Туркестан. По отношению к восставшим, «только по судебным приговорам, утвержденным Куропаткиным, в Туркестанском крае на 1 февраля

---

¹ *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004. С. 308—313.

² *История Киргизской ССР. С древнейших времен до наших дней.* Фрунзе. 1986. Т. 2. С. 344.

1917 года было приговорено к смертной казни 347 чел., к каторжным работам — 168, к тюремному заключению — 129 человек»¹.

Дабы исключить в будущем широкие волнения и массовую гибель русских переселенцев, новый генерал-губернатор просил императора Николая II образовать в Средней Азии единый военный и административный район. Куропаткин даже разработал план вытеснения восставших киргизов и туркмен из определенных районов Семиречья, чтобы на пригодных для земледелия территориях расселить русских крестьян. Этим актом должны были бы быть сформированы «чисто русские районы» в Туркестане². Это при том, что русское население Туркестана составляло 540 тыс. чел. на 7 млн местного населения. В ходе Туркестанского восстания пострадало около 8 тыс. русских семейств, особенно в Семиреченской области, и в декабре 1916 г. Совет министров распорядился удовлетворить ходатайство Куропаткина о выделении на помощь им 502 тыс. руб.³

В ходе боев, длившихся до 25 января 1917 г., восставшие были вытеснены в приграничную зону между Туркестанским генерал-губернаторством и Китаем и Ираном. Часть киргизских племен откочевывала в Китай и Афганистан, некоторые туркмены — в Персию. По советским данным, родные места были вынуждены покинуть более 300 тыс. чел. В изгнании беженцам, чтобы не погибнуть от голода, пришлось распродать не только скот, но и продавать собственных детей. Возвратиться на родину эти люди смогли лишь после революции, хотя в 1917 г. русские крестьяне все равно не пускали казахов на старые земли, блокировав возвращенцев в Пржевальском уезде⁴.

Главную задачу ген. А.Н. Куропаткин все-таки выполнил: эшелоны с мобилизованной рабочей силой пошли на фронт. Уже к 11 октября в Действующую армию было отправлено 16 поездов с рабочими и 2 поезда туркмен в качестве сторожевой службы. К 1 февраля 1917 г. на фронт из Туркестана было отправлено 110 тыс. рабочих, 10 тыс. было оставлено для нужд самого Туркестана, и еще 80 тыс. предпо-

---

¹ История Казахской ССР. С древнейших времен до наших дней. Алма-Ата. 1979. Т. 3. С. 453.

² См.: Холквист П. Россия в эпоху насилия. 1905—1921 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей. Челябинск. 2007. С. 469.

³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1916 год. М., 2008. С. 605—606.

⁴ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 294.

лагалось отправить к маю месяцу, ко времени предполагавшегося весеннего наступления на Восточном фронте. Если учитывать, что предполагаемая в 1916 г. мобилизация должна была дать немногим более 200 тыс. рабочих, то свою задачу генерал-губернатор выполнил.

После Февральской революции ген. А.Н. Куропаткин был отстранен со своего поста, хотя и просился на фронт. Телеграмма Куропаткина во Временное правительство от 20 марта 1917 г. сообщала, что за этот месяц революции в Туркестанском военном округе «не пролито ни одной капли крови». Так как одно лицо не может выполнять всех функций, «ходатайствую о назначении вместо меня отдельно командующего войсками Туркестанского военного округа и отдельно комиссара Временного правительства для исполнения обязанностей генерал-губернатора». «Лично для себя усердно прошу возвращения в действующую армию к командованию вновь Гренадерским корпусом. Никакое командование выше корпуса мне непосильно, но по своему здоровью и боевому опыту, буду счастлив отдать последние свои силы в рядах главных войск действующей армии во главе корпуса»¹.

Однако в армию Куропаткина не вернули, а в мае перевели в центр России, в Александровский комитет попечения о раненых. Перед отставкой генерал Куропаткин пытался решать проблемы снабжения Туркестана и на короткий срок в начале апреля был даже арестован². Здесь следует помнить, что интересы населения Туркестана в свое время активно защищались одним из виднейших деятелей оппозиции, членом Государственной думы адвокатом А.Ф. Керенским, который был единственным социалистом, вошедшим в состав буржуазного Временного правительства. Так, А.Ф. Керенский приезжал в Туркестан в августе 1916 г., и, после проведенного расследования, вся вина была им возложена на правительство. После же перехода власти в стране к самому Керенскому Куропаткину не оставалось ничего иного, как почетная отставка.

С мая 1917 г. ген. А.Н. Куропаткин проживал в своем имении селе Шешурино Холмского уезда Псковской губернии. После Октябрьского переворота и начала Гражданской войны бывший главнокомандующий работал преподавателем в сельской сельскохозяйственной

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 56—57.

² ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 653. Л. 1—2. 5.

школе, которую сам же и организовал. От всех предложений представителей Белого движения принять участие в Гражданской войне категорически отказался, ссылаясь на возраст и нежелание находиться внутри братоубийственной бойни. Также генерал Куропаткин отказался и от предложения французского посла эмигрировать из страны. Отношение местного населения к бывшему царскому генералу было прекрасным, заслуги его несомненны, уважение — беспредельно. А потому новые власти дали ген. А.Н. Куропаткину возможность спокойно дожить век в своем бывшем имении, где он и был похоронен после кончины 16 января 1925 г. (по другим сведениям — был убит бандитами) в возрасте почти 87 лет от роду.

Глава 3

ГЛАВКОЗАП

АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВИЧ ЭВЕРТ

ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Главкомандующий армиями Западного фронта с августа 1915 по март 1917 г. Алексей Ермолаевич Эверт родился в Верейском уезде Московской губернии 20 февраля 1857 г. — «хотя точное место рождение его не указывается, можно с определенной долей вероятности предполагать, что он появился на свет в селе Смолинское одноименной волости»¹. С самого начала ему была предписана военная служба: 1-я Московская военная гимназия (будущий 1-й Московский кадетский корпус) и 3-е военное Александровское училище, столь блестяще описанное А.И. Куприным в романе «Юнкера» — вот начало военной карьеры русского военачальника. В преддверии Русско-турецкой войны, что испытала на прочность военную реформу графа Д.А. Милютин, положившего начало всеобщей воинской обязанности в России, 10 августа 1876 г., А.Е. Эверт становится подпрапорщиком. Выпущен молодой человек был в лейб-гвардии Волынский полк.

В составе Волынского полка А.Е. Эверт принимает участие в Русско-турецкой войне 1877—1878 гг., ставшей борьбой за освобождение славянства Балканского полуострова от многовекового турецкого владычества. Первоначально русское военно-политическое руководство рассчитывало на относительно непродолжительность военных действий, а потому Гвардия временно оставалась в России.

---

¹ *Залесский К.А.* Алексей Ермолаевич Эверт — забытый генерал забытой войны // Известия лаборатории древних технологий. 2015. № 1 (14). С. 53.

В это время, в августе 1877 г. А.Е. Эверт последовательно производится в прапорщики Гвардии, а затем — в подпоручики. После ряда неудач, показавших неуверенность русского командования и упорство противника, гвардейские дивизии были отправлены на фронт. Первое боевое крещение молодой офицер получил зимой 1877 г. Тогда, в составе отряда ген. И.В. Гурко лейб-гвардии Волынский полк дрался с неприятелем под Ташкисеном 19 декабря 1877 г.

В сражении под Ташкисеном русские имели 15 тыс. чел. при 22 орудиях против 4 тыс. турок при 8 орудиях. Но противник занимал сильную позицию, что позволило ему отбить ряд русских атак. Потери противника доходили до 800 человек, русских — около 550. Затем, после зимнего перехода через Балканы, Гвардия победоносно дошла почти до стен турецкой столицы — Стамбула, некогда столицы православного мира — Константинополя, известного в России как Царьград. В авангарде двигавшихся на Царьград русских армий летел на крыльях победы отряд Белого генерала — М.Д. Скобелева. Наградями А.Е. Эверту за Русско-турецкую войну в 1878 г. стали чин поручика и орден Св. Анны 4-й степени. В 1879 г. поручик Эверт был пожалован орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

Дальнейшая служба протекает гладко и обыкновенно для эпохи отсутствия войн при императоре Александре III Миротворце. В 1882 г. Эверт по 1-му разряду окончил Николаевскую академию Генерального штаба, после чего был произведен в штабс-капитаны. Капитан Генерального штаба А.Е. Эверт состоял при штабе Московского военного округа, а затем служил старшим адъютантом 3-й пехотной дивизии. На этом посту Эверт получает очередную награду — орден Св. Анны 3-й степени. Окончание Академии внушило Эверту благоговение перед аксельбантом генштабиста. Современники вспоминали, что в годы Первой мировой войны командарм-4, а затем главкозап А.Е. Эверт при комплектовании штата своих сотрудников всегда отдавал предпочтение офицерам Генерального штаба, в обход армейского офицерства.

В 1886 г. капитан Эверт состоял для поручений при штабе Варшавского военного округа, приобщившись тем самым к театру будущей войны против Германии, расхождения с которой у России стали уже отчетливо обозначаться, несмотря на внешне отлакированные отношения. Затем, будучи произведен в подполковники, служит старшим адъютантом штаба Варшавского военного округа. В данной должности награждается орденом Св. Станислава 2-й степени.

Необходимое для повышения по служебной лестнице цензовое командование батальоном подполковник Эверт проходил в 1889—1890 гг. в 40-м пехотном Колыванском полку. В 1888—1893 гг. А.Е. Эверт является штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Варшавского военного округа. Здесь же в 1891 г., производится в полковники и в 1893 г. занимает должность начальника штаба 10-й пехотной дивизии. Награжден орденами Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени. Немногим более года, в 1899—1900 гг., полковник Эверт командует 130-м пехотным Херсонским полком. В 1900 г. А.Е. Эверт производится в генерал-майоры, после чего получает должность начальника штаба 11-го армейского корпуса. Как видим, большую часть своей военной карьеры, вплоть до производства в генералы, Эверт провел на разнообразных штабных должностях. Эта традиция продолжилась и в новом столетии. С апреля 1901 г. вплоть до Русско-японской войны Эверт является начальником штаба 14-го, а затем 5-го армейского корпуса. В 1903 г. был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В 1890 г. А.Е. Эверт женился на дочери генерал-майора отдельного корпуса жандармов И.М. Познанского — Н.И. Познанской, от брака с которой родилось шестеро детей: сыновья Игнатий, Борис, Владимир и дочери — Софья, Валентина, Вера.

Русско-японская война 1904—1905 гг. стала новым этапом в военной карьере ген. А.Е. Эверта, позволив ему набраться опыта современного вооруженного противоборства. Правда, к сожалению, не только позитивного, но и негативного опыта. В том числе негативного опыта руководства войсками на театре военных действий. Как и М.В. Алексеев и Н.В. Рузский, А.Е. Эверт потребовался на Дальнем Востоке лишь со сменой главнокомандования. Развертывание трех Маньчжурских армий из одной потребовало присылки из России большого числа офицерских кадров высшего звена. Но в отличие от Алексеева и Рузского, отправленных в штабы 2-й и 3-й армий, Эверта ждало куда более высокое назначение. В октябре 1904 г. генерал-майор А.Е. Эверт был назначен на должность генерал-квартирмейстера полевого штаба главнокомандующего сухопутными и морскими силами, действующими против Японии. Главнокомандующий А.Н. Куропаткин поменял своего прежнего помощника В.И. Харкевича, взяв на его место А.Е. Эверта. Граф А.А. Игнатьев пишет: «Преемник Харкевича — Алексей Ермолаевич Эверт, будущий главнокомандующий Западным фронтом в мировую войну, был в ту пору еще совсем молодым генералом. Высокий строй-

ный брюнет с тщательно подстриженной бородкой, в широких шароварах с красными лампасами, в мягких сапогах с большими шпорами, он в церкви истово крестился, перед обедом выпивал рюмку водки и ни на минуту не терял подобающего генералу величия»¹. Генерал Харкевич при этом был повышен в должности, заняв пост начальника штаба 1-й Маньчжурской армии ген. Н.П. Линевича.

Генерал-майор Эверт столь «пришелся ко двору» Куропаткину, что после своего смещения с поста главнокомандующего после проигранного Мукденского сражения Куропаткин взял к себе в начальники штаба 1-й Маньчжурской армии именно Эверта. Казалось бы, что А.Е. Эверт должен был приобрести громаднейший опыт руководства целой армией, а то и группой армий в войне. Так оно и было. Но помимо самого бесценного опыта генерал Эверт всецело поддался влиянию своего патрона — А.Н. Куропаткина. В ходе Первой мировой войны это скажется самым неприятным образом: вверенные Эверту войска (сначала армия, а потом фронт) умели прекрасно обороняться, но почти не умели наступать.

К.А. Залесский справедливо пишет, что А.Е. Эверт «получил свое боевое воспитание в школе ген. Куропаткина и оставался его прилежным учеником до конца». Эверту были присущи все недостатки куропаткинской школы. Это и тщательная подготовка сражения (операции) при нехватке волевого фактора для проведения составленных планов в жизнь. Это и мелочное вмешательство в действия подчиненных командиров. Это и «заваливание» низших штабов массами разнообразных инструкций, наставлений, записок и проч. Вся эта документация, по идее, должна была служить укреплению боевой мощи войск. На деле же не хватало одного — методов и приемов проведения в жизнь тех постулатов, что провозглашались в этой бумажной кипе: «Характерной особенностью этой школы стало вообще свойственное генштабистам чрезвычайно тщательное взвешивание всех обстоятельств до принятия решения, что приводило к затяжке времени и даже к нерешительности в действиях войск»².

Поэтому, читая документы той эпохи, можно получить впечатление, что А.Е. Эверт являлся одним из лучших полководцев русской

---

¹ *Игнатьев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 218—219.

² *Залесский К.А.* Алексей Ермолаевич Эверт — забытый генерал забытой войны // Известия лаборатории древних технологий. Иркутск. 2015. № 1 (14).

армии периода Первой мировой войны. К сожалению, большая часть этих наставлений была неисполнимой и потому ненужной, а то и вредной. Часто вместо того, чтобы руководить боем, штабы оказывались под прессом канцелярской работы, а страдало дело, за что солдаты и офицеры расплачивались своей кровью. Такая составляющая куропаткинской школы была замечена в Европе, готовившейся к Большой войне, которой суждено будет стать Первой мировой. Еще перед войной германский военный теоретик ген. Ф. фон Фрейтаг-Лорингофен писал, что «недостаток русского управления: в момент, когда надо делать дело, принимать решение и отдавать приказания — у русских возникают чисто принципиальные, академического порядка, пререкания об обстановке»¹.

В то же время нельзя не сказать, что Эверт был свободен от тех крайностей в командовании, что были присущи Куропаткину. Мелочность, канцеляризм, достаточно сильная нерешительность — все это у генерала Эверта проявилось куда слабее. Поэтому вверенные Эверту войска отлично оборонялись, неплохо контратаковали и в целом выглядели не хуже своих соседей. Но вот в наступлении эвертовские соединения отставали от многих других военачальников. Принцип «лучше не допустить поражения, нежели рисковать победой» стал путеводной звездой генерала Эверта. Между тем военачальник должен уметь рисковать, опираясь на свои ум и волю и возможности войск. А.Е. Эверт же явно предпочитал синицу в руках журавлю в небе, без чего не может быть настоящего большого полководца. М.И. Драгомиров верно писал: «Нужно твердо помнить и знать, что вперед никто не скажет, он или побьет, или его побьют; что с неприятеля нельзя взять расписки, что он даст себя побить, и потому нужно дерзать»². На такую-то дерзость, которую А.В. Суворов называл «мужеством генерала», А.Е. Эверта и не хватало.

Русско-японская война закончилась для Российской империи бесславным Портсмутским мирным договором. Да, к этому моменту Маньчжурские армии были сильны и готовы обрушиться на врага, как о том эмоционально пишут современники, предсказывая несомненную русскую победу в случае перехода в наступление с Сыпингайских позиций. Но воля полководцев, надломленная неудачами,

¹ Сборник ГУГШ. СПб., 1913. Вып. 52. С. 88.

² Драгомиров М.И. Одиннадцать лет. 1895—1905: Сборник оригинальных и переводных статей. СПб., 1909. Т. 2. С. 225.

отнюдь не была готова к перелому в ходе войны. А потому Портсмутский мир, вырванный у японцев искусной дипломатией С.Ю. Витте, явился объективной неизбежностью. В 1905 г. А.Е. Эверт производится в генерал-лейтенанты. Наградami за Русско-японскую войну в 1906 г. стали Золотое оружие и орден Св. Станислава 1-й степени с мечами.

Окончание конфликта на Дальнем Востоке и последствия Первой русской революции 1905—1907 гг. потребовали от российского политического руководства реорганизации вооруженных сил. Для этой цели в июне 1905 г. создается Совет государственной обороны, образованный по инициативе великого князя Николая Николаевича, который и возглавил новообразованный орган управления армией. Эверт в 1906 г. становится начальником Главного штаба, чьей главной работой являлись кадры армии. Назначенный по выбору военного министра А.Ф. Редигера и его помощника А.А. Поливанова, генерал Эверт на новом посту должен был выполнить «трудное дело очистки Главного штаба от неспособных и обленившихся работников, и упорядочивания его работы». Далее, генерал Редигер характеризует Эверта следующими словами: до нового назначения «я его видел всего раз, но он произвел на меня самое лучшее впечатление... всеобщий отзыв о нем из армии был отличный». И далее на посту начальника Главного штаба: «Он оказался безукоризненно честным и хорошим человеком с большим здравым умом, но не выдающимся администратором; человек добрый, он Главного штаба не вычистил и не подтянул. Эверт был очень твердых убеждений, пожалуй, даже упрям, и высказывал их вполне откровенно, так что мы неоднократно жестоко спорили с ним. Я его за это очень уважал и любил, но все же было трудно работать с человеком, с которым по некоторым вопросам (особенно по организационным) я совершенно расходился»¹.

В 1907 г. ген. А.Е. Эверт был награжден орденом Св. Анны 1-й степени. В связи с неоднократными просьбами о переводе в строй, пусть даже на командира дивизии, что для бывшего начальника Главного штаба было бы, конечно, понижением, а также вследствие разногласий с военным министром по проблемам реформирования армии, в мае 1908 г. генерал-лейтенант Эверт назначается на должность командира 13-го армейского корпуса. В этой ступени в 1911 г. он

---

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. М., 1999. Т. 2. С. 43.

производится в полные генералы — от инфантерии. В июне 1912 г. генерал от инфантерии А.Е. Эверт занимает пост командующего войсками Иркутского военного округа и войскового наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Здесь он получает последнюю предвоенную награду — орден Св. Владимира 2-й степени. Интересно, что на посту комкора-13 Эверта сменил начальник штаба Киевского военного округа М.В. Алексеев.

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА. КОМАНДАРМ-4

Начало Первой мировой войны и объявление всеобщей мобилизации застало ген. А.Е. Эверта на посту командующего войсками Иркутского военного округа. Согласно расписанию высшего командования, утверждаемого императором, Эверт должен был командовать одним из Сибирских корпусов, так как должности командующих армиями уже были заняты представителями пограничных и центральных военных округов. В связи с тем, что Сибирские корпуса по мобилизации собирались достаточно длительное время, и не менее того перебрасывались в европейскую часть страны, они должны были составить второй эшелон вторжения в Германию и Австро-Венгрию. Таким образом, в самом начале войны ген. А.Е. Эверт оказывается не у дел, ибо существующие Сибирские корпуса уже имели своих командиров, смещать которых было бы неправильно. Единственной вероятной вакансией мог стать 6-й Сибирский корпус, образуемый при мобилизации, так что, вероятнее всего, первоначально генерал Эверт предназначался именно на эту должность.

Тем не менее, не успели еще фактически начаться военные действия, как в действующей армии, которая, по мобилизации, должна была состоять из шести армий на фронте и двух в тылу, открылись еще две армейские вакансии. Дело в том, что осуществление германцами блицкрига, согласно «Плану Шлиффена», оказалось столь стремительным и успешным, что уже после первых столкновений французы запросили экстренной помощи со стороны своего русского союзника. Выполняя союзнический долг, русские армии Северо-Западного фронта (1-я и 2-я) уже 4 августа 1914 г. (1-я армия П.К. Ренненкампа) перешли государственную границу против немецкой Восточной Пруссии. В это время во Франции только-только начиналось Пограничное сражение, в котором французы рассчитывали остановить

и перемолоть германскую военную машину. Расчеты союзников были опрокинуты в самом скором времени: смяв французов гигантским маневром через Бельгию и отбросив их в центре в Арденны, немцы неудержимо катились к Парижу, откуда уже эвакуировалось правительство, передав власть военному командованию.

Французский посол М. Палеолог лично умолял императора Николая II «спасти прекрасную Францию» (всего через полтора года Палеолог, не смущаясь, будет обсуждать планы государственного переворота с самыми высокопоставленными лицами Российской империи). В связи с тем, что Северо-Западный фронт ген. Я.Г. Жилинского неминуемо увязал в укрепленной Восточной Пруссии, обороняемой инициативным и решительным противником, а помощь требовалась немедленно, Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич повелел образовать в районе Варшавы две новых армии. Эти армии — 9-я и 10-я — должны были броситься по кратчайшему операционному направлению через Познань сразу на Берлин.

26 июля был отдан приказ об образовании 9-й армии, которая первоначально должна была состоять из Гвардейского и 1-го армейского корпусов. Через 4 дня, 30 июля, приказом Верховного главнокомандующего создавалась 10-я армия в составе 18-го и 22-го армейских корпусов. В 20-х числах августа эти армии должны были быть доведены до нормальных штатов (4—5 корпусов) прибывающими на театр военных действий Сибирскими и Кавказским корпусами. Командующим 9-й армией был назначен командующий войсками Приамурского военного округа и войсковой наказной атаман Амурского и Уссурийского казачьих войск ген. П.А. Лечицкий. Командующим 10-й армией — командующий войсками Иркутского военного округа и войсковой наказной атаман Забайкальского казачьего войска ген. А.Е. Эверт, который 20 июля был принят императором в Царском Селе и затем отправился в Ставку вместе с великим князем Николаем Николаевичем.

Итак, в результате повелений Ставки карьера генерала Эверта сразу же повысилась на целую ступень. Вместо того, чтобы стать командиром корпуса, как только открылась вакансия командарма, на армию назначили именно его, как одного из старших генералов, да еще и командующего войсками военного округа — Иркутского. Пока войска стягивались к Варшаве (22-й армейский корпус, например, перебрасывался из Финляндии), А.Е. Эверт должен был сформировать армейский штаб. Выполняя распоряжение начальства, Эверт выехал

на фронт, чтобы приступить к исполнению своих обязанностей, когда судьба совершила еще один невероятный кульбит, переменив 10-ю армию на 4-ю.

Выполняя предвоенное планирование, русский Юго-Западный фронт ген. Н.И. Иванова должен был провести двойной охват сосредоточенной в Галиции главной австро-венгерской группировки и образовать двойное кольцо окружения противника. Этот план был выстроен на данных 1912 г., выданных русским полковником австрийского Генерального штаба А. Редлем. Незадолго до войны австрийцы переделали план сосредоточения, о чем русские узнать не сумели. В итоге австро-венгры, вынужденные часть своих сил выставить против Сербии, главный удар наносили по северному крылу русского Юго-Западного фронта (4-я и 5-я армии), одновременно ведя оборону против восточного русского крыла (3-я и 8-я армии). Конрад рассчитывал разгромить русские 4-ю и 5-ю армии прежде, чем будет разгромлена его 3-я армия Р. фон Брудермана, закрывавшая Львов против 3-й и 8-й русских армий.

10 августа 1914 г. русское северное крыло перешло в наступление, и одновременно по нему ударили австрийцы. Русские готовились встретиться с противником в районе австрийского Львова, а Ф. Конрад фон Гётцендорф замыслил генеральное сражение в районе русского Люблина. Здесь австрийцы рассчитывали сначала уничтожить 4-ю и 5-ю русские армии, а потом, отбросив 3-ю и 8-ю русские армии, двинуться на Варшаву и далее в тыл всему «Польскому балкону». В результате австро-венгерская группировка на северном фланге затевавшейся гигантской операции (1-я и 4-я армии плюс группа Куммера) насчитывала в своих рядах до 530 тыс. штыков и сабель при 1036 орудиях. В свою очередь, русские 4-я (ген. А.Е. Зальца) и 5-я (ген. П.А. Плеве) армии имели 260 тыс. человек при 882 орудиях. Двукратное превосходство в живой силе, наряду с 15-процентным преимуществом в артиллерии, должно было дать австрийцам победу.

В этот момент в состав 4-й русской армии входили Гренадерский, 14-й и 16-й армейские корпуса, 13-я кавалерийская дивизия и Отдельная гвардейская кавалерийская бригада. В то же время также входившие в состав 4-й армии и выдвинутые на левый берег Вислы 14-я кавалерийская дивизия, Уральская казачья дивизия и 3-я Донская казачья дивизия, при поддержке 72-го пехотного Тульского полка, имели перед собой германский ландверный корпус ген. Р. фон Войрша численностью в 50 тыс. штыков при 36 орудиях. Общая численность

закрывавшей люблинское направление 4-й армии — 109 тыс. штыков и сабель при 426 орудиях. Численность надвигавшихся на Люблин 1-й австрийской армии и группы Куммера — 278 тыс. штыков и сабель при 574 орудиях. Таким образом, на люблинском направлении противник имел тройное превосходство в количестве войск. Положение русских облегчало то, что группа Куммера (50 тыс. штыков при 106 орудиях) не успевала к началу сражения. А за это время в 4-ю армию были влиты три второочередные дивизии — 80-я, 82-я и 83-я.

В ходе встречного сражения под Красником 10 августа был разбит 14-й армейский корпус И.П. Войшин-Мурдас-Жилинского. На следующий день — Гренадерский (И.И. Мрозовский) и 16-й армейский (П.А. Гейсман) корпуса. В сражении под Красником русские потеряли около 20 тыс. чел. — пятую часть армии, и три десятка орудий. 4-я армия стала отступать на север, к Люблину. Разбив русскую 4-ю армию в районе Красника, неприятель стал теснить ее по всему фронту, совершая непрерывное захождение своим левым крылом. Этот маневр левым крылом позволял отбрасывать русских от Вислы, лишая командарма-4 А.Е. Зальца возможности опереться на естественный речной рубеж и перегруппировать силы армии для совершения контрманевра.

В Ставке решили, что главная вина за поражение лежит на командарме-4. Поэтому на третий день, 12 августа, генерал Зальца был смещен с занимаемого им поста. Пост командующего 4-й армией занял не успевший возглавить 10-ю армию и тем более создать ее штаб, ген. А.Е. Эверт — несостоявшийся командарм-10. 13 августа Эверт был уже в Ровно, и, как вскоре он писал жене, «в тот же день я вступил в командование этой армией, не зная никого из начальствующих лиц, ни своего штаба, ни даже состава войск». Телеграмма великого князя Николая Николаевича императору от 14 августа 1914 г. сообщала, что вчера к 4-й армии приехал новый командир — Эверт, который «вполне ориентирован в принимаемых для подкрепления 4-й армии мерах и уже объехал позиции»¹. Первоначально Эверт должен был отбыть в распоряжение Ставки, и тут потребовалась смена командования 4-й армии. Основная причина замены с точки зрения наштаверха Н.Н. Янушкевича заключалась в следующем: «Если медленность наступления Юго-Западного фронта уже нервировала

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 614. Л. 5.

общество, то что же будет при катастрофе с целой армией и притом с австрийцами, которых не бил только ленивый. Первая крупная неудача здесь была бы равносильна краху... их бьют сербы, и вдруг мы будем биты ими. Это недопустимо»¹.

Как видно, генералу Эверту досталось тяжелейшее наследство — разгромленная и обескровленная армия, которая дралась против как минимум вдвое превосходящего неприятеля. И движение австрийцев вперед продолжалось. Эверту пришлось, что называется, «на ходу», возглавить армию и, следовательно, работать совместно с уже воевавшим штабом, во главе которого стоял А.Е. Гутор. Прежде всего, новый командарм решительно разделался с дрянными начальниками: в три дня Эверт отрешил от командования 1 комкора, 2 начдивов и 2 бригадных командиров. Возможно, поэтому возложенную на него Ставкой задачу А.Е. Эверт выполнил превосходно: враг не сумел пробиться к Люблину. Напротив, ударная австро-венгерская группировка была обескровлена и потеряла все выигранные при сосредоточении темпы ведения операции. Искусно маневрируя немногочисленными резервами и артиллерией, командарм-4 сдержал атаки вдвое превосходящего противника. Уже 29 августа, в ходе победного контрнаступления, А.Е. Эверт писал жене: «Были дни и часы, когда я считал дело проигранным и что не только не удержу Люблина, но понесу поражение и буду отброшен к Бресту... но все это бледнеет перед безграничным мужеством, героизмом и выносливостью войск. Несмотря на громадные потери в некоторых полках до 75 %, они дерутся как львы». Самым тяжелым днем командарм назвал 20 августа, после чего ситуация стала улучшаться².

Ведение оборонительных действий облегчало то обстоятельство, что австрийский командарм-1 ген. В. фон Данкль равномерно распределял свои войска. Если в начале операции австрийская 1-я армия имела тройное превосходство на своем левом фланге, придвинутом к Висле, что и позволило противнику разгромить русский 14-й армейский корпус и вынудить всю 4-ю русскую армию отступить, то к 15 августа генерал Данкль усилил свой центр и правый фланг за счет левого фланга. Теперь австрийцы имели полуторное превосходство по всему фронту сражения, что не давало решительного преимущества над оборонявшимися русскими. Примерное же равенство в артил-

---

¹ Красный архив. М., 1922. Т. 1. С. 220.

² ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 119.

лерии позволило русским войскам иметь равную огневую мощь по всему оборонительному рубежу. В наступлении этого мало, так как атака требует ударной силы превосходящей пехоты. В обороне же оказалось достаточным. Таким образом, отказавшись от охвата русского правого фланга, соединенного с линией Вислы, ген. В. фон Данкль потерял первоначальное превосходство и теперь мог только шаг за шагом теснить русских к Люблину, большой кровью и с потерей драгоценного времени, так как к русским спешили подкрепления. Влив три второочередные дивизии в оборону, А.Е. Эверт смог насытить ее и людьми. Главная задача — выигрыш времени, впредь до подхода резервов, успешно выполнялась штабом 4-й армии.

Вскоре штабы армий Юго-Западного фронта уже получили от М.В. Алексева указания по поводу предстоящего контрнаступления. Поэтому во время боев под Люблином Эверт сумел устоять от соблазна бросать в бой по частям подходившие на помощь полки дивизий 18-го армейского корпуса. Генерал Эверт собрал весь корпус целиком уступом за правым флангом своей 4-й армии, дабы иметь возможность контрудара. Таким образом, сохранив в своих руках целый корпус в качестве армейского резерва, А.Е. Эверт получил возможность контрнаступления в случае изменения общей боевой обстановки на фронте 4-й русской армии. Бросать войска в бой «пакетами», в отличие от нерешительного противника, командарм-4 не стал, ибо при неравенстве сил это грозило растрепыванием резервов. Сравнивая сошедшихся в поединке командармов, Н.Н. Головин считает: «Подобный метод свойственен нерешительному командованию. Значительно ослабляя, благодаря перемешиванию частей, боевую силу войск, он в лучшем случае приводит к пассивному кордону. Распоряжения генерала Эверта делали 4-ю армию готовой в ближайшие дни к переходу к активным действиям и, таким образом, сохраняли в его руках свободу действий для последующих дней. Командование армией ген. Эвертом в эти дни стоит много выше командования ген. Данкля»¹. В эти дни часть своего времени генерал Эверт проводил в войсках, лично инструктируя подчиненных командиров, благо, что их было немного — всего-то три корпуса. Дабы своевременно получать сведения о маневрировании австрийцев, Эверт полагался на разведку, в том числе и авиационную. Например, летчик В.М. Ткачев

---

¹ Головин Н.Н. Галицийская битва. Первый период. Париж. 1930. С. 253.

вспоминал о встрече с командармом-4: «... массивный, внушительного вида мужчина с рыжеватой окладистой бородой»¹.

Тем временем, получая успокоительные заверения из 4-й армии М. фон Ауффенберга о якобы свершившемся «разгроме» 5-й русской армии П.А. Плеве, австрийское командование, находившееся в крепости Перемышль, приступило к перегруппировке. 17 августа группа Куммера перешла на правый берег Вислы и стала подтягиваться к месту сражения. В замыслах австрийского командарма-1 В. фон Данкля стоял двойной охват русской 4-й армии. Именно для этого австрийское наступление на Люблин было приостановлено: командарм-1 не мог более позволить себе терять людей в напрасных атаках на укрепленные русские позиции.

Однако же, как уже говорилось, командарм-4 также имел свои резервы: «Генерал Эверт, сменивший ген. барона Зальца, сумел избежать в первые дни своего командования столь вредного “раздергивания” войск для затыкания дыр при обороне на подступах к Люблину. Он дал возможность 18-му армейскому корпусу собраться за правым флангом 4-й армии и только тогда приказал ему перейти в наступление»². Невзирая на частные ошибки, 4-я армия выполнила свою основную цель — недопущение противника к Люблину. Кроме того, русские не позволили австрийцам прорвать свой фронт и активной обороной так сковали 1-ю австрийскую армию, что Данкль отказал в поддержке 4-й австрийской армии, которая требовала резервов для развития успеха на Холмском направлении. Эверт наносил постоянные удары на своем левом фланге, чтобы не дать неприятелю возможности разорвать общий фронт обороны русских войск северного фаса Юго-Западного фронта и тем самым разъединить единство обороны русских 4-й и 5-й армий.

К 19 августа под Люблин прибыл Гвардейский корпус ген. В.М. Безобразова, и теперь Эверт мог уверенно смотреть в будущее. 23-го числа правофланговые войска 4-й армии — 14-й и 18-й армейские корпуса, Гвардейская стрелковая бригада, 13-я кавалерийская дивизия — составили 9-ю армию ген. П.А. Лечицкого. В то же самое время 4-я армия, помимо Гренадерского и 16-го армейского корпусов, включила в свой состав Гвардейский и 3-й Кавказский корпуса. В результате предпринятой Конрадом перегруппировки 4-й армии под Львов — Рава-Русскую и переброски русской Ставкой под Люблин

¹ Цит. по: *Грибанов С.В.* Пилоты Его Величества. М., 2007. С. 275.

² *Головин Н.Н.* Дни перелома Галицийской битвы. Париж. 1940. С. 42.

9-й армии на северном фесе Юго-Западного фронта превосходство получили русские. Теперь здесь австрийцы имели 19 пехотных и всего 4 кавалерийские дивизии против 28 пехотных и 10,5 кавалерийских дивизий у русских (прежнее соотношение в пехоте — 28 против 16,5). Это означало, что начальник штаба Юго-Западного фронта ген. М.В. Алексеев решил наносить главный удар на северном фесе силами 4-й, 9-й и 5-й армий. Ключом к наступлению должно было стать Люблинское сражение, и разыграть его должен был командарм-4.

21 августа в Люблине главкоюз Н.И. Иванов и М.В. Алексеев провели совещание с командармом-4 А.Е. Эвертом и командармом-9 П.А. Лечицким. Новый план операции устанавливал, что 4-я и 9-я армии должны были отбросить противника к Висле, 5-я армия — теснить врага по фронту, 3-я армия — наступать против фланга главных сил неприятеля, 8-я армия — продолжать движение за Львов, к Городокским позициям австрийцев. Оперативное планирование дальнейших действий армий Юго-Западного фронта намечало прорыв между австрийскими 1-й и 4-й армиями. Русское командование должно было торопиться, так как 17—18 августа под Танненбергом в Восточной Пруссии была уничтожена 2-я русская армия А.В. Самсонова, и в Ставке опасались, что немцы бросятся в Польшу, на помощь австро-венграм. Как известно, опасение это не оправдалось, так как германское командование в лице Гинденбурга и Людендорфа предпочло сначала очистить от русских немецкую землю.

26 августа русские перешли в общее наступление. В этот день командарм-4 ген. А.Е. Эверт отдал приказ за № 49, где указывал: «Обращение через меня за помощью не всегда может быть своевременным, а потому вновь напоминаю командирам корпусов оказывать друг другу взаимную поддержку, стремясь к достижению общей цели, поставленной армии. Для того, чтобы командирам корпусов приобрести свободу маневрирования, необходимо... иметь сильные резервы, а между тем наблюдается равномерное растягивание войск по всему фронту, вследствие чего, естественно, управление боем быстро выходит из рук высших начальников». 27-го числа в плен было взято более 15 тыс. австрийцев. Противник стал стремительно отступать. В сражении 28—30 августа под Рава-Русской и на Городокских позициях русские 3-я и 8-я армии сдержали натиск противника, пытавшегося переломить ход операции, после чего Конраду фон Гётцендорфу не оставалось ничего иного, как отдать приказ об общем отступлении к Карпатам. Вялое русское преследование 8 сентября

застопорилось, упершись в австрийскую крепость Перемышль. В период с 1 по 8 сентября русские армии выходили к Сану, форсировали его на ряде участков и сосредоточивались для удара по Перемышлю, где заперся многочисленный гарнизон.

Галицийская битва стала первым реальным испытанием для ген. А.Е. Эверта как самостоятельного военачальника уровня командующего армией. Здесь отчетливо проявились те качества полководчества, что были присущи Эверту в ходе всей Первой мировой войны: великолепие в обороне и проведении контратак, наряду с недостатком волевых качеств к риску в наступлении. Комендант крепости Ивангород А.В. фон Шварц, который в августе 1914 г. подчинился Эверту, характеризует полководца следующим образом: «Он имел вид очень энергичного человека, но на самом деле таковым не был. Я не могу сказать, чтобы он был нерешительным, но в продолжение всего его командования 4-й армией он обнаружил большую растерянность и ни разу не принял такого решения, которое при умелом проведении дало бы громкий успех, или нанесло бы удар при обратных обстоятельствах. Однажды он мне сказал: “Моя армия никогда не имела большого успеха, но никогда и не несла больших потерь”. Лично я считаю такую излишнюю осторожность недостатком для военного начальника, так как во многих случаях, решительным ударом можно было нанести неприятелю неисчерпаемый вред. Но он не предпринимал ничего, принимая все меры для отражения наступления противника, теряя время, уступая неприятелю инициативу действий и окончательно упуская подходящий случай. Другим недостатком его характера было пристрастие к офицерам Генерального штаба. Принадлежа к этой корпорации, он отдавал офицерам Генерального штаба явное предпочтение и часто совершенно несправедливо. Однако за всеми этими свойствами скрывалось доброе сердце»¹. Как бы то ни было, но отрицать заслуги генерала Эверта в обороне Люблина невозможно. Особенно если помнить тяжесть обстановки, неожиданность назначения на пост командарма-4, ведение борьбы с превосходящим противником. За очевидную доблесть и полководческое умение, проявленные в период Галицийской битвы, 18 сентября ген. А.Е. Эверт был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В ходе Варшавско-Ивангородской наступательной (15 сентября — 26 октября) и Лодзинской оборонительной (29 октября — 6 декабря)

---

¹ Шварц А.В. Оборона Ивангорода в 1914—1915 гг. М., 1922. С. 71

операций 4-я армия ген. А.Е. Эверта действовала на стыке Северо-Западного (Н.В. Рузский) и Юго-Западного (Н.И. Иванов) фронтов, входя в последний из них. В первой половине сентября 4-я армия была выдвинута к крепости Ивангород, на которую бросилась 9-я германская армия, стремившаяся овладеть переправами через Вислу (Ивангород и Варшава) и тем самым запереть русских в Польше. Армия Эверта, согласно замыслу Верховного главнокомандующего, должна была совместно с 9-й, 2-й и 5-й армиями составить ударную группировку, долженствовавшую наступать на Берлин через немецкую Познань. Бросок австро-германцев на Ивангород, начавшийся 15 сентября, спутал планы русской стороны, вынудив ее перейти к обороне.

Управление 4-й армии было переброшено в район Ивангорода, где стала собираться новая 4-я армия, в то время как старые ее войска должны были перейти в 9-ю и 3-ю армии, теснившие австрийцев севернее Перемышля. К моменту сражения под Ивангородом 4-я армия ген. А.Е. Эверта имела в своем составе 96 400 штыков и 12 000 сабель при 605 орудиях.

К 22-му числу соединения 4-й армии были прижаты наступающим противником к Висле, в районе крепости Ивангород, которая в оперативном отношении подчинялась командарму-4. Русские были вынуждены отойти на правый берег Вислы, а попытки создания плацдармов на левом берегу были отбиты немцами. Гренадерский и 16-й армейский корпуса, пытавшиеся закрепиться у Ново-Александрии, были отброшены за Вислу. Однако 3-й Кавказский корпус В.А. Ирманова сумел зацепиться за небольшой плацдарм под Козеницами, куда затем был переправлен и 17-й армейский корпус П.П. Яковлева. Тем самым была создана база для последующего контрнаступления. Как и ранее, Эверт показал себя выдающимся знатоком оборонительного боя, сумев удержать данный плацдарм своевременным подкреплением кавказцев частями генерала Яковлева.

В преддверии контрнаступления, к 1 октября, 4-я армия насчитывала почти 2 тыс. офицеров, 155 тыс. солдат при 643 орудиях и 317 пулеметах. В этот день русские приступили к расширению Козеницкого плацдарма. Бои под Козенице продолжались 13 дней, принесли с собой массу жертв с обеих сторон, сходящихся во встречных атаках, и характеризовались кошмарным изнурением и обескровливанием противоборствующих армий. В ходе контрнаступления австро-германцы были отброшены от Вислы и, пользуясь железнодорожным

транспортом, быстро отступили, уничтожая за собой всю инфраструктуру. Ставка распорядилась остановить армии в ожидании подтягивания тылов. Опять-таки предполагался «поход на Берлин», где понесшая большие потери 4-я армия вновь должна была играть роль связующего фактора между Северо-Западным фронтом, образующим ударную группировку в районе Варшавы, и Юго-Западным фронтом, готовившимся штурмовать Краковский укрепленный район.

Противник, уступая в численности, не дал русским передышкам. Проведя молниеносную перегруппировку, 9-я германская армия А. фон Макензена, сосредоточившись теперь уже не строго на запад, а с севера от 1-й и 2-й русских армий Северо-Западного фронта, 29 октября бросилась вперед, стремясь окружить и уничтожить выдвинутую вперед 2-ю русскую армию С.М. Шейдемана в Лодзи. В то время как немцы совершали обходной маневр, разделив 1-ю и 2-ю русские армии, австрийцы, оборонявшиеся под Краковом против 3-й русской армии и в Карпатах против 8-й и 9-й русских армий, должны были сковать и русский центр. Центр этот состоял из 4-й и 5-й русских армий, которые уже разворачивались для помощи окружаемой 2-й армии.

Напротив русской 4-й армии ген. А.Е. Эверта разворачивалась 2-я австро-венгерская армия ген. Э. фон Бём-Эрмолли. Не менее рьяно и отважно, но, правда, менее успешно, нежели немцы, бросились вперед и австрийцы. Австро-венгры сумели сковать своими атаками 4-ю русскую армию, вынужденную в очередной раз после августа месяца обороняться против превосходящих сил противника, так как 5-я армия ген. П.А. Плеве должна была поворачиваться на помощь войскам Шейдемана. Однако же, в свою очередь, Эверт не позволил австрийцам сдержать движение 5-й армии, маршировавшей к Лодзи. Именно 5-я армия сумела разомкнуть «клещи», образованные немцами вокруг 2-й русской армии. И одна из причин этого успеха — самоотверженные оборонительные действия 4-й русской армии, остановившей австрийцев.

5 ноября 4-я русская армия была возвращена в состав Юго-Западного фронта, так как она продолжала свое наступление в Карпаты и на Ченстохово-Краковскую оборонительную позицию австрийцев совместно с 3-й армией Р.Д. Радко-Дмитриева и 9-й армией П.А. Лечицкого. Передача в состав Юго-Западного фронта 4-й армии позволила вывести 5-ю армию из боя, отправив ее на север, к Лодзи. Остаток 1914 г. генерал Эверт провел в боях в районе Ченстохова. Отход армий Северо-Западного фронта от Лодзи в двадцатых числах ноября, наряду

с приказом Ставки об отступлении 3-й армии от Кракова, вынудил 4-ю армию также отступить на восток. В декабре 4-я армия была отведена за Вислу, имея на противоположном берегу ряд плацдармов, в расчете на переход в наступление в кампании 1915 г.

Упорство и воинское искусство противника показали, что предвоенные расчеты на скоротечный характер войны не оправдались. Спустя всего полгода с начала военных действий высшие военачальники это прекрасно понимали. Письма с фронта отражают осознание русскими полководцами неоспоримого факта затягивания мировой борьбы. Так, 5 декабря 1914 г. командарм-4 ген. А.Е. Эверт писал супруге: «Дела не так хороши, как бы хотелось, и война, хотя и победоносная, но затянется наверно надолго...»¹

1915 ГОД: ОТ КОМАНДАРМА ДО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ФРОНТОМ

Начало 1915 г. прошло для 4-й армии в позиционных стычках локального характера. В то время как части 8-й, 9-й и 11-й армий штурмовали Карпаты в ходе Карпатской наступательной операции, 3-я и 4-я армии Юго-Западного фронта в широком смысле бездействовали. В частности, 4-я армия, оставшаяся на левом берегу Вислы и отделенная от 3-й армии Вислой, должна была удерживать занимаемые позиции, взаимодействуя с армиями Северо-Западного фронта, закрепившимися на левобережных плацдармах. Поражение 10-й армии Северо-Западного фронта в Августовской оборонительной операции, наряду со сражениями под Праснышем, измотавшими Северо-Западный фронт, позволило немцам создать выгодную для широкомасштабного наступления на Восточном фронте конфигурацию, образовав нависший над русской Польшей восточнопрусский плацдарм.

Однако, прежде всего, немцы должны были прийти на помощь Австро-Венгрии. Натиск армий Юго-Западного фронта в Карпатах поставил Двуетдиную монархию на грань военного крушения, и лишь своевременная поддержка немцев, образовавших ударные группировки на наиболее важных направлениях, позволила австро-венграм удержать свои позиции. Ряд ошибок русского командования также способствовал успеху неприятельской обороны.

---

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 128 об.

Но это еще не все. К декабрю 1914 г. в Российской империи оказались исчерпанными мобилизационные запасы боеприпасов. Сознавая необходимость помощи Австро-Венгрии, зная о кризисе вооружения в России и, наконец, не добившись решительной победы во Франции, германское военно-политическое руководство принимает решение в кампании 1915 г. перенести главные усилия на Восток, имея целью вывод России из войны. Во имя исполнения принятого плана севернее Карпат сосредоточивается германская ударная 11-я армия ген. А. фон Макензена, которая была составлена из соединений, выведенных с Западного (Французского) фронта. Центральные державы приступили к слому Восточного фронта в свою пользу. 19 апреля 1915 г., сосредоточив превосходные силы, австро-германцы начали Горлицкий прорыв. Главный удар неприятеля был нанесен по 3-й русской армии ген. Р.Д. Радко-Дмитриева. Через две недели 3-я армия перестала существовать. К сожалению, соседи не смогли оказать Радко-Дмитриеву своевременной помощи. Части 8-й армии А.А. Брусилова, находившиеся южнее, также были атакованы и должны были отступать под натиском неприятеля, а главное, чтобы не оказаться запертыми и затем неминуемо уничтоженными в Карпатах. Части 4-й армии А.Е. Эверта, были блокированы противником между реками Дунаец и Висла.

Характерно, что именно 4-я армия, после преодоления Карпат, по замыслу главнокомандующего ген. Н.И. Иванова, должна была штурмовать Краков. Для этого генерал Эверт получил технику, которая теперь не могла оказать поддержки соседу. К началу Горлицкой операции 4-я армия Юго-Западного фронта имела всего 8 тяжелых артиллерийских дивизионов (6-дм гаубицы и 48-лин. пушки), из которых 4 находились в отгороженной от основных сил 4-й армии ген. А.Е. Эверта, и еще 2,5 — в левофланговой 9-й армии П.А. Лечицкого. Один из тяжелых дивизионов 4-й армии подлежал передаче в 3-ю армию, но к началу Горлицкого прорыва еще не успел подойти.

К концу мая русские были практически вытеснены из Галиции — еще 9 мая был оставлен Львов. При этом армии Юго-Западного фронта отходили по расходящимся направлениям: 3-я армия Л.В. Леша — на северо-восток, а 8-я (А.А. Брусилев), 11-я (Д.Г. Щербачев) и 9-я (П.А. Лечицкий) армии — на восток. В то же время 4-я армия А.Е. Эверта, оборонявшаяся на Висле, еще в середине мая была передана в состав Северо-Западного фронта. В отступлении сказалась наиболее сильная черта Эверта как полководца — умение успешно обороняться, в том

числе и против превосходящих сил неприятеля. Так, потери 4-й армии с 29 апреля по 11 мая 1915 г. в сражении под Опатовым составили 158 офицеров и 13 882 солдата, но армией было взято в плен 209 офицеров, 8617 солдат и 20 пулеметов¹. Одними только австрийскими пленными Эверт фактически компенсировал свои потери. 4 мая полководец писал супруге: «Неудача 3-й армии лежит гнетом. Благодаря этому пришлось и мне отходить... но и отходя я огрызнулся», и 21 мая добавлял: «Моя невралгия, о которой я забыл и думать, напомнила о себе в особенно мучительной форме. К физической боли прибавились и нравственные огорчения от Галицийских боев»².

В первой декаде июня 4-я армия удерживала фронт от Лодзи до Вислы, противостоя при этом германской 9-й армии фельдмаршала принца Леопольда Баварского и австрийской 4-й армии эрцгерцога Иосифа-Фердинанда. Как видим, летом 1915 г. генерал Эверт сошелся в поединке с весьма высокопоставленными особами монархических Центральных держав. В ходе Таневского сражения 4-я австрийская армия была отбита, но 6 июля германская группа Р. фон Войрша прорвала фронт Гренадерского корпуса, вынудив 4-ю армию ускорить отход к крепости Ивангород.

Войска 4-й армии имели и успехи. В ходе Вилколазской армейской операции в конце июня, предпринятой войсками 3-й и 4-й армий, австрийцы понесли тяжелое поражение на правом берегу Вислы. Наступление четырех русских корпусов — 16-й армейский и Гренадерский из состава 3-й армии; 9-й и 15-й армейские из состава 4-й армии — опрокинуло врага на участке между районом Красника и Вислой. Тем самым был предотвращен прорыв неприятеля в тыл русскому Северо-Западному фронту с юга. Неприятель потерял более 50 тыс. чел., в том числе пленными — 297 офицеров и 22 464 солдат. Трофеями русских войск стали 29 пулеметов. Ошеломленный неожиданным русским контрнаступлением противник смог возобновить наступление на люблинском направлении только через неделю. Помимо остановки врага на данном участке фронта (фронт 4-й армии) австро-германцы на время прекратили давление на измотанные войска русской 3-й армии³.

---

¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 89. Л. 138.

² ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 122.

³ Сыромятников А. Наступление и оборона в условиях позиционной войны. Лекции. Пг., 1917. С. 143—144.

4-я армия была последней, что пыталась удерживать вислинский плацдарм, пригодный для наступления в Германию, на что вплоть до июля еще рассчитывал Верховный главнокомандующий. После приказа на эвакуацию Варшавы стало ясно, что удержать линию Вислы не удастся. Кроме того, в ходе Люблин-Холмского сражения 9—19 июля соединения 4-й армии были вынуждены отступить перед образовавшим на левом берегу Вислы плацдарм противником. Крепость Ивангород успешно прикрыла отход соединений 4-й армии через Вислу. 23 июля русские оставили Варшаву и начали отход из Польши в Литву и Белоруссию.

Следует отметить, что в оборонительных сражениях кампании 1915 г., которые велись и против немцев, и против австрийцев, ген. А.Е. Эверт проявил себя с самой лучшей стороны. Огромная работоспособность командарма немало этому способствовала. В письме к супруге от 24 августа он упоминает, что «работать приходится страшно много — встаю я в 7 час., и ложусь в 1—2, перерыв только один и час отдыха... ужинаю за письменным столом. Мозговое напряжение такое, что несколько раз голова кружилась, и я ее обливаю водой»¹.

Авторитет командарма-4 в русской армии находился на очень высокой ступени. Кандидатура генерала Эверта рассматривалась при назначении на пост начальника штаба Верховного главнокомандующего в августе 1915 г. При смене состава Ставки император Николай II выразил желание самому занять пост Верховного, что и произошло 23 августа, спустя месяц после падения Варшавы. Так как все понимали, что роль царя в управлении действующей армией будет номинальной, встал вопрос о выборе его ближайшего помощника. Одним из кандидатов и был выдвинут Эверт, которого, в пику главнокомандующему армиями Северо-Западного фронта М.В. Алексееву, поддерживал старый соперник последнего и прежний главкосевзап Н.В. Рузский. По некоторым данным, кандидатура генерала Эверта была отклонена только потому, что он носил немецкую фамилию, что в условиях развязанной Ставкой первого состава кампании шпиономании могло иметь самые негативные последствия только уже во внутривосточном отношении. В любом случае сам император Николай II решительно высказался в пользу кандидатуры М.В. Алексеева.

Интересно, что Эверт был неплохо известен и союзникам России. Так, во Франции ему почему-то придавали преувеличенное значение

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 123 об.

в период перестановок в иерархии высшего генералитета. Говоря о телеграмме из Петрограда, посвященной перемене русского Верховного главнокомандования, французский президент Р. Пуанкаре писал: «Николай II встанет лично во главе армии, ему будут помогать при ведении военных операций генералы Эверт и Алексеев»¹. Таким образом, в то время военный талант А.Е. Эверта расценивался не ниже таланта М.В. Алексеева.

В то же время А.Е. Эверта в любом случае ожидало повышение в должности. Великое отступление 1915 г. потребовало сосредоточения управления Действующей армией в руках более искусных, нежели руки великого князя Николая Николаевича. Этими руками оказался главнокомандующий армиями Северо-Западным фронтом ген. М.В. Алексеев, которому летом подчинялись 8 из 11 русских армий, действовавших против Германии и Австро-Венгрии: 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я, 10-я, 12-я, 13-я. Перемена Верховного главнокомандования побудила одновременно провести и разукрупнение разросшегося Северо-Западного фронта. В состав Северного фронта, который возглавил Н.В. Рузский, вошли 5-я, 12-я, а затем и 10-я армии. В состав Западного фронта вошли 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и первоначально 10-я армии. Во главе Западного фронта, закрывавшего московское направление, то есть располагавшегося в центре Восточного фронта, был поставлен командарм-4 А.Е. Эверт. Это назначение, вне сомнения, явилось следствием достойной оценки тех оборонительных действий, что были проявлены Эвертом в кампании 1915 г.

Не успев еще принять новое назначение и освоиться на нем, ген. А.Е. Эверт был вынужден противостоять новому наступлению противника: 10-я германская армия Г. фон Эйхгорна 26 августа бросилась на Вильно и Свенцяны, имея целью окружение и уничтожение 10-й русской армии Е.А. Радкевича. Таким образом, генералу Эверту, которому, собственно говоря, и пришлось руководить отпором наступающему врагу, опять пришлось повторить ситуацию 12 августа 1914 г. Год назад только-только прибывший из глубины империи военачальник, направлявшийся на формирование новой армии, должен был в ситуации цейтнота организовывать отпор наступавшим австрийцам. Теперь, через год, в той же обстановке, под руководством

---

¹ Пуанкаре Р. На службе Франции 1915—1916: Воспоминания. Мемуары. М. — Минск, 2002. С. 48.

Эверта оказались уже пять армий, а противником были имевшие все лето успех немцы.

Положение дел усугублялось тем обстоятельством, что некомплект армий Западного фронта, понесшего летом наибольшие потери, составлял цифру в более чем 600 тыс. чел. Тем не менее Эверт рьяно взялся за дело и сумел выполнить поставленную перед ним задачу: не допустить окружения 10-й армии и остановить наступление неприятеля. Это сражение получило наименование Виленско-Свенцянской оборонительной операции или Свенцянского прорыва. 29 августа немцы ворвались в Свенцяны, разбросав русские армии в стороны. 1 сентября германцы подошли к Молодечно, до Минска оставалось только 25 верст. Железнодорожные линии Полоцк — Молодечно и Молодечно — Вильно сразу оказались перерезанными. Но импровизированный штаб Западного фронта не растерялся и наряду с ведением оборонительных действий стал готовить базу для нанесения контрудара. 6 сентября Эверт пишет жене: «Переживаю вместе с армиями крайне тяжелые дни, делаю все от меня зависящее, буду счастлив, если эти дни окончатся благополучно. Помолитесь за нас»¹.

9 сентября 2-я армия В.В. Смирнова при поддержке сводных кавалерийских корпусов, наступавших на стыке 2-й и 5-й армий, перешла в общее контрнаступление. Под командованием генерала Орановского была образована целая конная армия из 6 кавалерийских дивизий общей численностью в 18 тыс. сабель. В ходе Свенцянского прорыва 4—16 сентября армии Западного фронта успешно отошли восточнее линии Вильно — Огинский канал, спрямив фронт и не допустив окружения ни одной русской части. К этому времени пять армий Западного фронта насчитывали в строю всего-навсего 369 722 человек.

Упорные оборонительные бои требовали жестких решений, чтобы остановить наседавшего врага. Телеграмма Алексеева Эверту от 16 сентября 1915 г. сообщала, что до царя доходят сведения, что «старшие начальники, придавая преувеличенное значение управлению при помощи телефонов, находятся далеко позади войск, что даже в периоды продолжительного занятия окопов войска редко видят своих начальников выше командиров полка. Утрачивается влияние начальников на подчиненных, духовная связь угасает, вера подчиненных и тех, кому вверяются их службы, особенно в критические дни и период боев возникают справедливые нарекания и жалобы

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 123 об.

младших на своих руководителей». Между тем, «чем слабее состав нижних чинов, чем менее в строю офицеров, тем ближе к войскам должны стать высшие начальники, тем выше должно быть их влияние, тем чаще должны они появляться перед своими частями, особенно в тяжелые минуты боев». «Государь император объясняет во многом наши частные тактические неудачи удаленностью от войск старших начальников, невозможностью для них непосредственно следить за ходом боя и принимать в нем участие, влиять на подчиненных»¹.

Советский исследователь дает высочайшую характеристику действиям главкозапа в ходе операции. Сравнивая управление со стороны Эверта с деятельностью Н.В. Рузского и М.В. Алексева, Н. Евсеев ставит генерала Эверта выше своих коллег: «Командующие фронтами, кроме Эверта, тратили непомерно много времени на домогательства и вымогательства сил для своих фронтов... прямую противоположность выказал командующий Западным фронтом Эверт, широко смотревший на события, не суживавший свою деятельность разграничительными линиями фронтов, по-деловому организуя действия подчиненных ему армий в интересах двух фронтов»².

Проведенный командованием Западного фронта маневр предотвратил прорыв австро-германцев между Двинском и Сморгонью. Правда, русским пришлось сдать противнику Вильно, Молодечно и Барановичи, но был прочно обеспечен Минск, а главное — немцы не сумели добиться решительного удара на окружение. Более того — русские не просто отступили, сдержав неприятеля упорной обороной, но на втором этапе операции сами перешли в наступление. Отодвинуть германцев слишком уж на запад не удалось, но зато была полностью ликвидирована угроза Белоруссии, закрытой русскими войсками: «Командование русского Западного фронта в операции, несмотря на исключительно сложную обстановку, хорошо маневрировало резервами. Оттягивание с фронта во время сражения вначале 4, а затем и 6 корпусов для использования их на угрожаемом участке, говорит не только о волевых качествах главного командования Западного фронта, но и о его высокой оперативной компетенции»³.

Занятие противником выше перечисленных географических пунктов означало, что немцы сумели оттолкнуть русских в «бездорожье».

---

¹ РГВИА. Ф. 391. Оп. 2. Д. 104. Л. 1.

² Евсеев Н. Свенцянский прорыв (1915 г.). М., 1936. С. 232, 238.

³ Военно-исторический журнал. 1940. № 8. С. 40.

Сдача Вильны и Барановичей не оставила в руках русской стороны последней рокадной железной дороги на Передовом театре. Отныне маневрирование резервами между фронтами, расположенными севернее малопроезжимого района Полесья (Северный и Западный) и южнее его (Юго-Западный фронт), предполагало значительные трудности, так как войска пришлось бы возить через внутренние районы страны. Все это негативным образом сказалось в ходе Брусиловского прорыва лета 1916 г., когда австро-германцы перебрасывали свои резервы на Восток из Франции и Италии вдвое быстрее, нежели русские вдоль Восточного фронта.

Тем не менее успех, одержанный в Виленско-Свенянской оборонительной операции, был велик. Ведь противник не только был удержан, но и оттеснен к исходным рубежам. Здесь упорство обороны ген. А.Е. Эверта смогло сломать дерзновенный порыв германского командования, всю кампанию 1915 г. делавшего ставку на «котлы» для отступавших русских, но ни разу этого не добившегося. А.А. Свечин несколько удивленно пишет об итогах Свенянского прорыва: «Действительно любопытно: против нас первоклассная армия, руководимая выдающимся оперативным талантом Людендорфа; в нашем лагере — управление, достигшее больших результатов в штабной технике, но в корне бюрократизировавшееся, потерявшее способность видеть живых людей. Начальники, которые раздавлены выпавшей на них ответственностью и скорее отписываются, чем сражаются; солдатская масса, мало-сознательная, политически не обработанная, не имевшая интереса к войне, многократно разбавленная отвратительно обученными пополнениями. Несчастливая, жалкая артиллерия, минимум пулеметов; надувательство, склока, стремление перебросить на соседа тяжесть боевой работы; варварское отношение к чужим частям... И в результате замысел Людендорфа все же терпит крушение, наш лагерь со всеми его недостатками все же развивает могучее противодействие, и противник с большим почтением отзывается о встреченном им сопротивлении»¹. В новой должности генерала Эверта ожидала очередная высокая награда, ставшая для него наиболее высокой. За бои вверенной ему 4-й армии в мае под Опатовом и в июне под Люблином, а также за проведение Виленско-Свенянской

---

¹ Свечин А.А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914—1918 гг. М., 2005. С. 420—421.

операции, главнокомандующий армиями Западного фронта 8 октября 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени, а в декабре произведен в генерал-адъютанты.

ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ АРМИЯМИ ЗАПАДНОГО ФРОНТА: СРАЖЕНИЕ НА ОЗЕРЕ НАРОЧЬ (МАРТ 1916 ГОДА)

Первой широкомасштабной наступательной операцией ген. А.Е. Эверта на посту главнокомандующего армиями Западного фронта стал удар на озере Нарочь весной 1916 г. Второй попыткой будет наступление на Барановичи в июне месяце, после чего Эверт окончательно откажется от ведения активных действий вплоть до 1917 г., а Февральская революция сместит главнокома в отставку. В связи с тем, что Барановичская наступательная операция будет вестись А.Е. Эвертом против его воли, по требовательному настоянию Ставки Верховного главнокомандования, то можно сказать, что единственной операцией наступления станет Нарочская операция, каковая будет проводиться главнокомандом еще в оптимистическом ключе. Отсюда следует уделить именно ей большую часть описания.

Зимняя оперативная пауза, характеризовавшаяся установлением позиционной борьбы на Восточном фронте, дала русской армии долгожданную передышку. В войска потекли резервы, техника, боеприпасы. Между тем немцы ждать не стали. Начальник германского Большого Генерального штаба Э. фон Фалькенгайн, фактически руководивший военными действиями при номинальном главнокомандовании кайзера Вильгельма II, принял решение обескровить французскую армию и тем самым склонить ее к сепаратному миру. Ближе к концу зимы германские армии ударили по крепостному району Вердена, имея целью привлечение в этот пункт, сдача которого грозила непредсказуемыми последствиями, основных сил французов, которые надлежало истребить, пользуясь превосходством в тяжелой артиллерии и качественной подготовке германских солдат.

Первые успехи немцев на верденском направлении побудили англо-французов предположить, что Верден может не устоять. В таком случае для противника открывалась дорога на Париж с запада от французской столицы. Натиск немцев в начале Верденской операции был столь

стремителен и неожидан, а опоздание французов с контрмерами столь впечатляющие, что французский главнокомандующий Ж. Жоффр обратился за помощью к русским. Таким образом, повторялась ситуация августа 1914 г., когда не успевшие сосредоточиться русские армии бросились в Восточную Пруссию, чтобы ударом в затылок не позволить немцам овладеть Парижем. Гибель армий Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии остановила русский натиск, но побудила немцев ошибиться в стратегии и перебросить на Восток два корпуса из ударной группировки, уже заходившей на Париж. Итогом стали Битва на Марне и переход войны в позиционную фазу.

Характерно, что взгляды в отношении самоотверженной помощи союзникам и теперь господствовали не только в Ставке Верховного главнокомандования, но и вообще внутри высшего генералитета русской армии. Так, главкозап А.Е. Эверт, на войска которого возлагался один из двух основных ударов, в начале 1916 г. писал М.В. Алексееву: «Мы обязаны начать наступление тотчас, как только определится германское наступление на французов, не теряя времени, со всей энергией и стремительностью». И далее, как цитирует Н.Е. Подорожный, Эверт сообщает Алексееву свое видение проблемы: «Агентурные сведения, опросы пленных, отсутствие каких-либо новых германских частей не только на Западном и Северном фронтах, но даже и на Юго-Западном, несмотря на предпринятое нами там недавно наступление, — все это, в связи с уводом значительной части германских войск с Балканского полуострова, указывает на полную вероятность развития германцами в ближайшем будущем наступательных действий на их Западном фронте... Если это случится, то мы даже в чисто узких, эгоистических интересах оставаться пассивными ни в коем случае не можем, дабы не дать германцам возможности разбить наших союзников и нас по частям»¹.

Таким образом, в начале 1916 г. ген. А.Е. Эверт был полон решимости наступать. Также надо сказать, что предвидение генералом Эвертом грядущих событий, вне сомнения, говорит о его уме и дальновидности. Главкозап, во-первых, верно понял, что немцы будут наступать во Франции. Во-вторых, говорит о необходимости оказания помощи союзникам. Наконец, настаивает на производстве ударов на Востоке именно зимой, пока весенняя распутица не привела к невоз-

---

¹ Цит. по: *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 года. М., 1938. С. 5—9.

возможности наступать, после чего ждать придется до лета, а за это время германцы будут иметь шансы на вывод Франции из войны. При этом русское наступление должно быть превентивным, дабы не позволить немцам воспользоваться климатическими условиями весны.

Эверт был полностью уверен в необходимости проведения наступления на Востоке во имя оказания помощи Западу. Это очень важно отметить, так как многие исследователи, изучая проблему ведения русской стороной летней кампании 1916 г., говорят, что русское наступление (вошедшее в историю как Брусиловский прорыв) было решено Ставкой чуть ли не под давлением главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова. В противоположность Брусилову, якобы жаждавшему победных лавров, Эверт представляется дальновидным полководцем, который, прекрасно зная о неравенстве русской армии с неприятелем в техническом отношении, не желал наступать, чтобы не нести напрасных потерь во имя союзников России — Франции и Великобритании. То есть мы говорим здесь о той точке зрения, что была высказана генералом Эвертом на Совещании 1 апреля в Ставке, где было решено летом наступать всеми тремя русскими фронтами — Северным, Западным и Юго-Западным. В наиболее радикальной форме данное мнение было высказано участником войны Е.Э. Месснером. Месснер оценивает участие ген. А.Е. Эверта в планировании летней кампании 1916 г. следующим образом: «Эверт не только согласен был с Куропаткиным в крайне пессимистической оценке наших возможностей в позиционном воевании (про причине нехватки батарей тяжелых мортир и гаубичных), но глянул глубже в дело и высказал мнение, что нам — пока мы не довооружимся артиллерией всех типов и пулеметами и вообще всеми видами военной техники, необходимой для позиционного воевания, не следует вообще наступать. Зачем проливать кровь сотен тысяч солдат ради спасения Вердена, раз эти защитники Вердена не кинулись в 1915 г. спасти Осовец и Новогеоргиевск, Ивангород и наш Перемышль? Главнокомандующий фронтом занимает столь высокий пост в действующей армии и в государстве, что имеет право “свое суждение иметь” не только по вопросам оперативки и стратегии, но и по проблемам дипломатической стратегии. А отношение союзников к воюющей России представляло сложнейшую, деликатнейшую и роковую для нашего Отечества проблему»¹.

---

¹ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 511.

Однако, как показывает Н.Е. Подорожный, за три месяца до Соевешания 1 апреля, о котором говорит Е.Э. Месснер, и о чем еще будет сказано ниже, Эверт сам настаивал перед Ставкой о наступлении на Восточном фронте. Причем не для интересов самой России, сколько для поддержки французов, которым угрожал новый удар со стороны Германии. Если 1 апреля А.А. Брусилов говорил о наступлении как о выполнении союзнических обязательств, принятых на конференции в Шантильи в ноябре 1915 г., то в январе месяце А.Е. Эверт предлагает превентивный удар во имя выполнения тех же самых обязательств. В чем же различие между Эвертом и Брусиловым, если оба они требовали от Ставки одного и того же — широкомасштабного наступления для помощи союзникам, с той разницей, что к маю 1916 г. русская армия была подготовлена несравненно лучше, нежели в феврале месяце?

Выводы русских полководцев, их соображения стратегического характера, их «дипломатическое» видение проблемы, по сути, являлось одним и тем же. Такой фактор, как ум, коим и Эверт и Брусилов были наделены в высокой степени, не мог подсказать иного решения, как наступление в наиболее благоприятной обстановке, каковая только может сложиться в ближайшее время, ибо ожидать насыщения русской такой техникой, что у австро-германцев, не представлялось возможным. Именно поэтому Эверт предлагает удары зимой, когда еще не раскисли дороги, а Брусилов — сразу же как только он занял высокий пост главнокомандующего фронтом (17 марта). Ведь прежний главнокомандующий ген. Н.И. Иванов с осени 1915 г. и вплоть до своей отставки твердил, что Юго-Западный фронт наступать не может, за что и был смещен с занимаемого поста. И его преемник показал, что Великое отступление не сломало русской мощи, способной на Брусиловский прорыв.

Все дело здесь в факторе воли. Провал наступления армий Северного и Западного фронтов в районе озера Нарочь приведет к тому, что главнокомандующий станет считать наступление в 1916 г. вообще невозможным. Как раз Нарочская наступательная операция и приведет главнокомандующего к выводу о невозможности прорыва германской обороны без надлежащей поддержки тяжелой артиллерии, каковой в 1916 г. Россия и союзники не могли дать действующей армии. Но перед Нарочью в воле и уме генерала Эверта пока еще превалировал оптимизм — тот самый оптимизм, что был присущ генералу Брусилову в апреле и был настойчиво проведен главнокомандующим в жизнь 22 мая под Луцком.

Здесь следует сразу отметить, что в феврале возможности армий Юго-Западного фронта для предстоящего наступления считались минимальными, ввиду понесенных в 1915 г. потерь. Командарм-8 генерал от кавалерии А.А. Брусиллов еще не сменил главкоюза генерала от артиллерии Н.И. Иванова, и до первоапрельского совещания в Ставке, постановившего наступать всеми тремя фронтами с нанесением главного удара на стыке Западного и Юго-Западного фронтов, было еще далеко. Поэтому армии Юго-Западного фронта, в связи с настроениями их главкома, потрясенного поражениями, не принимали участия в зимнем ударе. Наступление должны были предпринять армии Северного и Западного фронтов, тем более, что именно они стояли против немцев, а это и требовалось для исполнения просьб французов.

Прорыв эшелонированной обороны противника, укреплявшейся несколько месяцев кряду, требует как героизма войск, так и надлежащего технического обеспечения для поддержки этого героизма. В войсках не хватало не то что тяжелой артиллерии, необходимой для ведения контрбатареинной борьбы и подавления пулеметных точек, но и легкой артиллерии, и этих самых пулеметов и даже винтовок. К 15 ноября 1915 г. в армиях находилось 3177 пулеметов при минимальной потребности в 4426. За ноябрь 1915 — февраль 1916 г. единственный в России завод, производивший пулеметы — Тульский оружейный — дал Действующей армии еще 2176 пулеметов¹. Число орудийных стволов также не внушало особенного оптимизма. Количество артиллерии к 1 января 1916 г.: 62 — 42-лин. скорострельных пушки (по 600 снарядов на орудие), 60 — 42-лин пушек образца 1877 г. (140 снарядов), 250 — 6-дм гаубиц (500), 280 горных 3-дм орудий (850), 4300 полевых 3-дм орудий (1000 снарядов на орудие)². Тем не менее, наступление для помощи французам было твердо решено.

Как бы то ни было, наступать пришлось. Помимо исполнения союзнического долга русская Ставка, разумеется, преследовала и свои собственные соображения. Наступление признавалось лучшей формой обороны, даже невзирая на то, что такие попытки с очень большой долей вероятности были обречены на неудачу. В качестве ударной группы на Западном фронте, который должен был играть главную роль в предстоящей операции, предназначалась 2-я армия В.В. Смир-

¹ История Тульского оружейного завода. 1712—1972. М., 1973. С. 122.

² РГВИА. Ф. 2000. Оп. 2. Д. 1748. Л. 54; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1017. Л. 9—11.

нова, долженствовавшая наступать на линию Свенцяны — Вилькомир, прорывая неприятельские позиции между рекой Дисенка и озером Вишневское. При этом также предполагалось сковать противника по всему фронту, во имя чего 10-я армия (Е.А. Радкевич) — наступала на Вильно: «Западный фронт, сообразуясь с развитием операции на главном направлении, наносит удар в направлении Вильны». Взаимодействие с армиями Северного фронта ген. А.Н. Куропаткина должно было, по мысли Ставки, упрочить шансы на успех.

Ставка рассчитывала развить прорыв в случае его успеха, чтобы, освободив Литву, отбросить противника в Польшу и к границам Восточной Пруссии, создавая тем самым чрезвычайно благоприятную обстановку к началу летнего наступления. Как гласила директива генерала Алексеева, развитие прорыва возлагалось на кавалерию: «Необходимо широко использовать конницу для внесения возможно большего расстройств в организацию тыла противника после прорыва, хотя бы в течение первых двух-трех дней. Особенно желателен набег в направлении Муравьево — Шавли». Основные военные действия, по выбору Ставки, должны были развернуться в районе озера Нарочь¹.

Выбор района операции в некоторой степени удивил германское командование. Немцы полагали, что русские будут наступать там, где располагаются хорошие коммуникационные линии — железные дороги — от Двинска, Риги или Сморгони. Тем не менее русские полководцы имели и свои основания. Во-первых, прорыв в бедном в инфраструктурном отношении районе озера Нарочь означал, что не только русская, но и германская сторона не сможет в полной мере оперировать резервами. Следовательно, победа достается тому, кто сосредоточит в исходной группировке максимум сил (превосходство русских армий в численности ударных группировок к началу Нарочской операции было в 4,6 раза). В итоге после предполагаемого прорыва германской оборонительной линии русские пробьются к Вильно и крепости Ковно, куда немцы будут принуждены отступить в случае прорыва их обороны, так как широкомасштабные маневренные действия в данном районе невозможны. Подтягивание резервов у немцев заняло бы слишком много времени, в результате чего численно превосходящая сторона сумела бы оттеснить обороняющихся на запад. Иными словами, отсутствие немецких резервов в тылу германской обороны, в случае русского успеха, вело к крушению всего северного

---

¹ История Первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 2. С. 185.

участка фронта. Так как наступали оба русских фронта, расположенные севернее Полесья, то возможность маневра подкреплениями между различными участками резко суживалась. Взять такие силы можно было лишь из ударной группировки, шедшей на Верден. Именно данное русское планирование, по мнению исследователя, и вынудило немцев после начала русского наступления временно остановить свои атаки под Верденом: в случае русского успеха пришлось бы драться на очень широком фронте, что, учитывая число штыков и сабель в русских армиях, было бы весьма нелегким делом¹.

Климатические условия затрудняли проведение широкомасштабного наступления, однако в Ставке надеялись достичь положительных для себя итогов операции еще до наступления весенней распутицы. Наступление по льду Нарочского озера позволяло задействовать в ходе операции сразу крупные силы и действовать на широком фронте, отвлекая усилия противника от направлений главных ударов. К сожалению, подготовка операции заняла те три недели, что потребовались погоде, чтобы превратиться из зимней в весеннюю распутицу. Это обстоятельство сводило на нет многие предварительные аспекты подготовки наступления. Офицер-кавалерист впоследствии вспоминал: «Начиналась весенняя распутица, в марте месяце дороги пришли в ужасное состояние, нам было очень трудно дойти до назначенного места, между озерами Нарочь и Вишневское. В лесу, на пригорке, был устроен целый городок землянок, вероятно для пехотных резервов... Через несколько дней дороги раскисли окончательно, транспорты выбивались из сил, чтобы доставлять нам продукты и фураж, и мы часто высылали им навстречу, для подпряжки, своих артиллерийских лошадей. Снарядов было заготовлено много, но невольно возникал вопрос, как их подвозить к батареям, когда будет израсходована наличность? И как мы, конница, “ринемся” в преследование противника при таком состоянии почвы?... Эти две недели непрерывных ожесточенных, кровопролитных боев глубоко нас потрясли, мы увидели, какой ценой нужно покупать укрепленную позицию»².

Как уже говорилось выше, главнокомандующий армиями Северного фронта ген. А.Н. Куропаткин был назначен на свой пост за неделю до приказа на удар, и потому мало что успел сделать уже только

---

¹ Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М., 2003. С. 135—136.

² Военная быль. 1973. № 122. С. 28.

поэтому. В свою очередь, главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт не сумел собрать необходимо мощного кулака для удара, разбросав вверенные ему корпуса по всему фронту и довольствуясь предназначением 2-й армии для производства главного удара. Замысел операции был очень неплох, его организационная составляющая — более чем отвратительна.

Тем не менее во 2-ю армию потекли новые войска: 35-й армейский корпус из состава 4-й армии, 27-й армейский корпус из фронтового резерва, а также 3 тяжелых артиллерийских дивизиона, 1 артиллерийская бригада, 20 пулеметных команд Кольта. Также к месту предполагаемого прорыва неприятельской обороны подтягивались и прочие резервы Западного фронта — 24-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Впрочем, большая часть перегруппировки производилась походным порядком (в том числе и тяжелая артиллерия), что изматывало войска и не оставляло достаточного времени для всесторонней подготовки удара в тактико-оперативном отношении. Но такова была плата за помощь французскому союзнику.

Перед самым началом наступления в ударной группировке сменилось и командование, что не могло негативным образом не сказаться на подготовке и проведении операции. 27 февраля командарм-2 заболел, и его армию временно возглавил командарм-4 А.Ф. Рагоза. Сложилась парадоксальная ситуация: за неделю до решительного наступления ударную армию возглавляет человек, не знавший ни войск, ни штаба армии (то есть своих ближайших помощников), ни их возможностей, ни местной обстановки. При этом этот человек параллельно командует и соседней армией. Ответственность за создание столь ненормальной обстановки целиком лежит на А.Е. Эверте, который не догадался передать командование ударной армией на время проведения операции (или хотя бы самого тактического прорыва) начальнику штаба армии ген. М.А. Соковнину. Максимум негатива — следовало бы назначить нового, но отдельного командарма. В свою очередь, Алексеев удовлетворялся оптимистическими заверениями Эверта относительно положительных сторон такой странной кадровой перестановки.

К моменту наступления 2-я армия существенно пополнилась: со 180 тыс. (в начале года) до 370 тыс штыков и 17 тыс. сабель при 605 легких и 282 тяжелых орудиях. Теперь в нее входили 5-й, 34-й, 27-й, 36-й, 1-й армейские, 1-й, 3-й и 4-й Сибирские, 7-й кавалерийский корпуса, Уральская казачья дивизия, 1-я отдельная кавалерий-

ская бригада. Таким образом, к моменту наступления 2-я армия, по существу, имела двойную, по сравнению с обычной, численность, что неизбежно должно было затруднить управление войсками как при подготовке удара, так и непосредственно в бою. Нормальная численность армии в начале войны исчислялась в 150 тыс. штыков и сабель. Лишь 3-я армия Юго-Западного фронта, возглавляемая тогда ген. Н.В. Рузским, предназначенная для главного удара, выбивалась из этих цифр, имея в своих рядах более 200 тыс. солдат и офицеров, но и то лишь потому, что перед наступлением в Галицию в армейские корпуса штабом 3-й армии были влиты второочередные дивизии. В 1915 г. обескровленные русские армии хорошо если насчитывали до ста тысяч штыков и сабель.

То есть под Нарочью для прорыва предназначались, по сути, сразу две армии, объединенные под руководством одного штаба. А если вспомнить, что теперь армией командовал человек, в чьем подчинении одновременно находилась и другая армия (4-я), то проблема управления приобретала просто-напросто грандиозные масштабы. По сути, один армейский штаб руководил тремя армиями нормального состава. Ввиду этого главнокомандующий старался лично контролировать обстановку, что приводило к неизбежным трениям между штабами Эверта и Рагозы. Но и здесь нерешительность А.Е. Эверта к решительной атаке, долженствующей, хотя бы и большой кровью, но добиться поставленной цели, передавалась в подчиненные инстанции. Участники войны сообщают, что «ни на одном из фронтов телеграф не работал так много, как у Эверта. Он самым старательным образом подготовлял все операции, вмешивался во все детали работы командующих армиями и корпусных командиров, но не решался атаковать. Очевидно, наполеоновская равнодействующая у этого военачальника сильно уклонилась в сторону ума и в ущерб характера»¹.

На атакуемом участке, помимо численного превосходства, русской стороне удалось создать превосходство и в артиллерийском отношении, что еще более увеличивало шансы русских на успех. Другое дело, что количество боеприпасов сводило это преимущество почти на нет. Развертывание 2-й армии на 60-километровом участке фронта позволило иметь по 15 орудий на 1 км фронта, при удельном весе тяжелой артиллерии в 30 %. Общее превосходство русской стороны в численности над 10-й германской армией Г. фон Эйхгорна было

---

¹ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. М., 1923. Ч. 6. С. 32.

в 4,6 раза. Такой перевес побуждал высшее командование надеяться на успех даже при техническом отставании и силе немецкой оборонительной фортификации.

Главкозоп делал все, чтобы исключить даже намек на элемент риска и действовать непременно наверняка: «Никогда ни один военачальник не работал столько, сколько работал генерал Эверт. Заваленный отчетами, таблицами, ведомостями, он в свою очередь засыпал войска бесчисленным количеством приказов, указаний, наставлений, стремясь обязательно все предусмотреть до последней мелочи. Генерал Эверт и начальник его штаба генерал Квевцинский не умели мыслить иначе, чем по трафарету Французского фронта, стремясь с совершенно негодными средствами воспроизвести и так невысокие образцы Шампанской битвы сентября 1915 года... Создать же свое, новое, найти выход из стратегического тупика, куда завела русские войска чужая мысль, они были не в состоянии. За суетливой работой штаба Западного фронта чувствовалась большая нервность, неуверенность в себе и в войсках»¹. Следовательно, в канцеляристском отношении атака была подготовлена очень хорошо — данный перевес в силах и средствах, несомненно, дает массу шансов на победу.

И вот здесь-то и сказала отвратительная организация управления. Командарм-4 не имел возможности руководить такой численной группировкой, раздробленной на две армии, из которых одна имела двойной численный состав. Перенасыщенность 2-й армии людским контингентом и личное незнание войск и их командиров вынудили Рагозу разделить армию на три группы и резерв:

— правофланговая группа: 1-й Сибирский корпус (М.М. Плешков), 1-й армейский корпус (А.А. Душкевич), 27-й армейский корпус (Д.В. Баланин) под общим руководством генерала Плешкова;

— центральная группа: 4-й Сибирский корпус (Л.О. Сирелиус) и 34-й армейский корпус (Ф.М. Вебель) под общим руководством генерала Сирелиуса;

— левофланговая группа: 3-й Сибирский корпус (В.О. Трофимов), 5-й армейский корпус (П.С. Балуев) и 35-й армейский корпус (П.А. Парчевский) под общим руководством генерала Балуева;

— резерв: 3-й Кавказский корпус (В.А. Ирманов), 15-й армейский корпус (Ф.И. фон Торклус) и 36-й армейский корпус (Н.Н. Ко-

---

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 33.

роткевич). В резерве фронта стояла вся конница — более полутора корпусов¹.

По сути, каждая из этих групп представляла собой армию несколько ослабленного состава, но по меркам кампании 1915 г. вполне нормальную. Даже в начале войны сам же Эверт имел под началом 4-ю армию, насчитывавшую в своих рядах те же самые три армейских корпуса (Гренадерский, 14-й и 16-й). Только наличие 4 кавалерийских дивизий, не нужных для проведения прорыва в 1916 г., тогда позволило 4-й армии иметь на 10 тыс. людей больше, нежели теперь имели под своим началом М.М. Плешков и П.С. Балуев. Неужели А.Е. Эверт не мог заранее создать специальную ударную армию (или пусть даже войсковую группу), параллельно оставив 2-ю армию под руководством ее уже существовавшего штаба? На деле же получилось раздробление сил и средств на отряды с импровизированными и потому неизбежно слабыми штабами. Наиболее яркий пример — группа генерала Сирелиуса из двух корпусов, где один комкор возглавляет всю группу. Та самая «отрядомания», что стала причиной поражений русских армий под Мукденом в 1905 г., продолжалась и десять лет спустя. Благо, что во главе Северного и Западного фронтов стояли те самые полководцы, что в 1905 г. руководили действиями Маньчжурских армий. И именно у А.Н. Куропаткина А.Е. Эверт перенял пагубную привычку вмешиваться в дела подчиненных штабов, что на деле вместо контроля вело к дезорганизации и неразберихе системы руководства войсками.

Зато на бумаге все выглядело достаточно гладко. Сосредоточение сил и средств по атакуемому фронту представало теперь следующим образом: группа Плешкова (фронт атаки в 20 км) — 92 000 штыков, 1700 сабель, 144 легких и 116 тяжелых орудий; группа Сирелиуса (фронт атаки в 15 км без учета озерного пространства) — 65 000 штыков, 1100 сабель, 101 легкое и 12 тяжелых орудий; группа Балуева (фронт атаки в 22 км) — 94 000 штыков, 1500 сабель, 153 легких и 66 тяжелых орудий. Как видно из этих цифр, высшим штабам так и не удалось создать на каком-либо из направлений решающего кулака, ограничившись лишь сосредоточением на направлении главного удара (группа Плешкова) массы тяжелой артиллерии. Второстепенный и ненужный для атаки участок, занимаемый группой Сирелиуса,

---

¹ *Залесский К.А.* Первая мировая война. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 182.

оттянул на себя 65 тыс. чел., в то время как здесь достаточно было бы и одной бригады, ибо местность не позволяла сделать ничего больше, нежели огневая демонстрация. И такое распределение сил получилось, невзирая на то, что во 2-й армии, вместе с резервами главкозапа, фактически насчитывалось 13,5 корпусов, плюс 5 корпусов (20-й, 26-й, 38-й, 44-й армейские корпуса и 2-й Кавказский корпус) в соседней 10-й армии, которая также должна была участвовать в развитии прорыва неприятельской оборонительной полосы.

Усложнение управления войсками как раз накануне наступления (сверху вниз для дивизий: незнакомый и связанный еще одной армией командарм, начальник группы, свой собственный комкор) отнюдь не способствовало успеху решения поставленных перед войсками задач. Помимо самого ген. А.Ф. Рагозы (избравшего, кстати говоря, в качестве своего штаба местечко Будслав, что в 40 км от линии фронта; интересно, как генерал Рагоза намеревался руководить прорывом?), выходило, что один из командиров корпусов должен был руководить еще и группой (всех же групп — три единицы). И все это — в *ударной армии*, предназначенной для решительного пролома фронта противника. В 1915 г., когда русские оборонялись, отходя под ударами противника в глубь страны, практика временного соподчинения еще могла оправдывать себя, так как нехватка резервов и боеприпасов позволяла более вышестоящему начальнику маневрировать людьми и техникой между участками обороняемого фронта. Но теперь, когда надо было наступать крупными и превосходящими силами, такое положение являлось нетерпимым. Тем не менее А.Е. Эверт санкционировал подобную нелепицу, а штаб Ставки полностью положился на компетенцию штаба фронта.

Главкозап санкционировал потому, что это было привычно ему по личному опыту 1905 и 1915 гг. Только необходимо заметить, что как Мукден, так и сражения 1915 г. были оборонительными, а операция на озере Нарочь — наступательной. Для одного случая потребуются одно средство, для другого — иное. Вот этого не учел генерал Эверт. Блестящий противоположный пример — тактика прорыва австро-венгерской обороны в ходе Брусиловского прорыва, так как А.А. Брусилов учел, что прорыв громадными силами в одном месте, скорее всего, успеха не принесет, ибо и противник подтянет резервы. Брусилов был вынужден искать иное решение и нашел его. Эверт же после Нарочи так падет духом, что вообще откажется от поиска, будет тянуть с наступлением и в конечном итоге проведет его по по-

казавшему свою несостоятельность шаблону, результатом чего станет поражение и безрезультатные потери.

Основные усилия намеченного прорыва возлагались на фланговые группы, в то время как центральная должна была сковывать противника по фронту. Резервы, подтянутые к флангам, должны были закрепить прорыв. Следовательно, как генерал Рагоза, так и штаб фронта еще больше затруднили самим себе управление войсками. Ведь более логично было бы передать всю ответственность в созданные армейские группы (три корпуса — это не менее чем армейская группа). Однако каждая группа была обязана отчитываться перед командармом-4, затеявая никому не нужную переписку и ослабляя контроль за ходом собственно самой операции. А.А. Керсновский говорит, что в ходе наступления в штаб 2-й армии ежедневно поступало до 3 тыс. входящих телеграмм, сообщений и прочих документов. К чему все это было нужно, если ген. А.Ф. Рагоза мог бы перенести свой штаб в район удара и лично контролировать ситуацию в ударной группировке, не отсиживаясь в 40 километрах в тылу у телефона.

Не лучшим образом обстояло дело и с организацией артиллерийских средств. Управление артиллерией прорыва было возложено на ответственность начальников групп. Естественно, что все они каждый по-своему распорядились артиллерийскими средствами. В группе Плешкова были образованы дивизионные, корпусные и групповые артиллерийские группы. В группе Сирелиуса попыток централизации действий артиллерии вообще не было предпринято: оба вверенных Сирелиусу корпуса действовали на свой страх и риск. В группе Балуева все батареи объединялись под номинальным руководством инспектора артиллерии 35-го армейского корпуса. Однако вследствие того, что войска 35-го и 5-го корпусов наступали в разных направлениях, это объединение свелось к простой фикции.

Более того: даже и артиллерийские начальники не всегда оказывались на высоте своего положения. Так, на участке наступления частей 1-го Сибирского корпуса, который, собственно говоря, должен был наносить главный удар, половина артиллерии вообще не могла действовать. Причина тому — неправильная расстановка батарей на позициях: «При выполнении Нарочской операции 2-й армии в марте 1916 года в 1-м армейском корпусе расстановка артиллерии встретила большие затруднения вследствие лесисто-болотистой местности. Батареи пришлось ставить на случайных лесных полянках, устраивая для орудий помосты из бревен; наблюдательные пункты приходилось

избирать на опушке леса, в линии нашего сторожевого охранения и непосредственной близости к противнику; окопов нельзя было возвести ни для артиллерии, ни для пехоты»¹. То есть артиллерия не только не могла маневрировать в бою, помогая огнем своей пехоте, но даже само ее развертывание столкнулось с объективными трудностями местности.

Нельзя не отметить, что общевойсковое командование всячески мешало артиллеристам. Например, в той же группе генерала Плешкова поставленные перед артиллерией задачи после первой неудачи были изменены 12 марта. Теперь атака, по замыслу ген. М.М. Плешкова, должна была производиться на два километра южнее того участка, что намечался ранее, и перед которым сосредоточивались артиллерийские батареи. Часть батарей (прежде всего, тяжелых) в условиях ужасной распутицы переменить свои позиции не успела, а потому и не смогла надлежащим образом поддерживать действия своих войск после взятия первой линии неприятельской обороны. А ведь именно от качества организации артиллерийского огня зависит успех прорыва сильно укрепленной неприятельской оборонительной полосы.

Таким образом, можно констатировать совершенно недостаточную подготовку предстоящей наступательной операции, которая, тем не менее, носила широкие масштабы, так как предпринималась усилиями сразу двух фронтов. С одной стороны, безусловно, войска еще набирались опыта, и какие-то недочеты были неизбежны. Но ведь командиры прошли большую военную школу, начиная с 1914 г., а высшие начальники — и со времен Русско-японской войны 1904—1905 гг. Им ли было не знать, как именно следует наступать? Тем не менее, высшие руководители, отделяясь бюрократическими указаниями, сваливали организацию удара оперативного масштаба на низшие инстанции, которые зачастую не имели даже соответствующих полномочий. Соответственно, скверно организованное наступление не могло увенчаться успехом.

Нарочская операция началась 5 (18) марта. Накануне наступления генерал Эверт, желая поднять дух личного состава, обратился к войскам 2-й армии с воззванием, в котором, в частности, говорилось: «Государь император и родина ждут от вас ныне нового подвига — изгнания противника из пределов империи. Приступая завтра к началу

---

¹ Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне. М. — Л., 1927. С. 36—37.

выполнения этой высокой задачи, веря в ваше мужество, глубокую преданность государю и горячую любовь к родине, я убежден, что вы свято исполните свой долг перед царем и родиной и освободите ваших братьев, страдающих под гнетом врага. Да поможет нам Бог в нашем святом деле». К сожалению, в ходе операции сам ген. А.Е. Эверт не сумеет проявить доблесть духа, чтобы исправить ошибки подготовки и развертывания для удара.

После непродолжительной артиллерийской подготовки (снаряды следовало экономить) русские войска бросились в прорыв. Атаки продолжались 10 дней, с каждым новым шагом увеличивая число жертв. Жертв, тем более бессмысленных, что организация наступления всячески препятствовала его успеху. Как говорит об этом «десятидневном побоище» А.А. Керсновский, «пришлось атаковать за три месяца до срока, бросить в бой еще не обученные, не готовые войска, расстреливать еще не накопившийся запас снарядов, наступать в озерно-болотистом районе, в весеннюю распутицу, когда пехота проваливалась выше колен в воду, а артиллерия при выстреле осаживала по ступицу колес!»

Характерно, что основной удар наносился в узкой теснине между озерами Нарочь и Вишневоое в направлении на занятый германцами холм под условным наименованием «Фердинандов нос», названный так по широко разыгрываемой карикатуристами внешности болгарского царя Фердинанда I. Прорыв в этом районе должен был бы разметать неприятельские резервы и тем самым опрокинуть врага. Однако возможность использования успеха русской стороной была невелика: местность являлась бездорожной. Следовательно, основные бои должны были развернуться в тактической зоне обороны. Для этого в резерве Западного фронта располагались три армейских корпуса и сильная кавалерия. И именно поэтому немцам следовало держаться на своих позициях во что бы то ни стало. В случае выхода русских войск в оперативную зону неприятельской обороны немцы были бы просто раздавлены: соответствующей железнодорожной сети в немецком тылу не было. Даже лихорадочно строившаяся немцами фронтовая узкоколейка к марту 1916 г. еще не была доведена до линии оборонительной полосы.

Таким образом, в принципе главной задачей русских войск являлся сам тактический прорыв и выход на оперативный простор хотя бы на одном-единственном участке прорыва. Успешное развитие прорыва решалось как русским численным превосходством, так и состоянием

коммуникаций. Следовательно, главные усилия в первой фазе операции должны были лечь на плечи артиллерии: пробить пехоте коридор сквозь германскую оборону. К началу года Ставке удалось накопить небольшой резерв боеприпасов, однако их все еще по-прежнему не хватало, и опять-таки по преимуществу в тяжелой артиллерии. Так что неудивительно, что заграждения неприятеля были уничтожены далеко не везде, а пулеметные огневые точки подавлены в самой небольшой степени. Вследствие этого успех первоначально обозначился только на левом фланге, южнее озера Нарочь, где корпуса группы Балуева вклинились в оборону противника на глубину в два километра.

К этому времени германская организация обороны на Восточном фронте впитала в себя весь опыт оборонительных боев Западного фронта, где система позиционного фронта как данность уже претерпела все необходимые для максимального совершенствования характеристики. Так, каждый батальон германской армии должен был оборонять перекрестным огнем не столько свой собственный участок фронта, сколько участок соседа. Получалось, что разрушение определенного участка фронта неприятельской артиллерией в процессе артиллерийской подготовки не приносило должных результатов, так как подступы к каждой позиции прикрывались огнем соседних частей. В результате, чтобы прорвать систему оборонительных полос немцев, русским армиям требовалось предпринимать штурм на относительно широком фронте. Прежде всего, этим достигался тот фактор, что наступающие части избегали попадания в огневые «клещи» обороны противника, заключающейся в образовании артиллерийского и пулеметного «мешков» огня, выстроенного на системе косоприцельного и перекрестного огневых ударов по наступающему неприятелю. Получалось, что русские вынуждались к наступлению на широком фронте, причем — одновременным ударом как по флангам, так и по фронту атакуемого участка обороны противника. Фронт атаки, как правило, должен был составлять ширину, примерно равную дальности стрельбы легкой артиллерии, то есть около девяти километров. Это — фронт атаки как минимум двух армейских корпусов. А ведь требовалось еще выделить и резервы, необходимые для развития успеха и закрепления на захваченных неприятельских позициях. Таким образом, любой прорыв не мог быть произведен менее, чем армейской группой из 5—6 пехотных дивизий, не считая соединений для развития прорыва.

Широкий участок удара избавляет атакующие части от огневых «клещей», а развитие прорыва маневренной группой, по тео-

рии, должно избавить и от «клещей» маневренных. По идее, все это было известно русским военачальникам. Тем не менее командиры не сумели организовать наступления на достаточно широком фронте, чтобы избежать чрезмерных потерь при атаке. В группе Плешкова вся тяжелая артиллерия была сосредоточена на узком участке в 2,5 км, якобы для массирования удара. Но все это привело к тому, что часть орудий просто-напросто не смогла стрелять вообще. Также не был организован подвоз снарядов, а потому, расстреляв имевшийся в наличии боекомплект, тяжелые пушки замолчали в самый разгар боя. Не существовало даже и запасов снарядов легкой 3-дм артиллерии, за исключением 1-го армейского корпуса. Участник войны пишет: «В остальных корпусах группы Плешкова пополнение боеприпасами... происходило с большими задержками, вследствие того, что они не были выданы батареям заблаговременно, а промежуточные склады отсутствовали. Тыловой склад боеприпасов находился на станции Воропаево. Артиллерийским паркам, получавшим снаряды для батарей, приходилось преодолевать ежедневно до 80 км по скверным дорогам в условиях весенней распутицы. В результате питание боеприпасами, особенно гаубиц и 107-мм пушек, оказалось настолько неудовлетворительным, что на батареях в отдельные периоды боя не было снарядов»¹. Коммуникационная линия в 80 км в два конца — это что-то невероятное. Но факт: русские наступали именно на таком удалении от головных баз тылового обеспечения.

В результате артиллерия не имела возможности поддерживать пехоту так, как то требовалось ситуацией, а пехота, следовательно, оказалась бессильной перед второй линией германской обороны, остававшейся неразбитой. Австро-венгры выстраивали свою оборону на силе первой линии — и это помогло армиям Юго-Западного фронта в мае месяце свершить Луцкий (Брусилковский) прорыв, так как наиболее мощная линия неприятельской обороны была разгромлена в ходе артиллерийской подготовки, а две прочих брались уже отвагой пехоты. Германцы же строили мощь оборонительного рубежа на второй линии, то есть той, что оставалась не уничтоженной до атаки. В итоге немцы, сосредоточивая большую часть технических средств ведения боя (артиллерия, пулеметы, минометы) во второй линии, имели их сохранившимися для отражения русской атаки после

---

¹ Барсуков Е. Артиллерия в обеспечении прорыва // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 32.

падения первой линии. То есть — той атаки, что велась уже пехотой практически без артиллерийской поддержки. Хотя в Нарочской операции, как уже сказано, артиллерийские удары в силу различных причин и без того оказались слабы.

Действительно, организация взаимодействия пехоты и артиллерии была выстроена самым безобразным способом. Дело дошло до того, как указывалось выше, что на участке главного удара в группе генерала Плешкова — в 1-м Сибирском корпусе — вследствие неправильной группировки артиллерийских батарей уже в артиллерийской подготовке не смогло принять участия более половины тяжелой артиллерии этой группы. Более того — 42-линейные орудия на участке 1-го Сибирского корпуса с 7 по 14 марта «выключились» из борьбы, так как в артиллерийских парках армии не оказалось снарядов такого калибра. То есть М.М. Плешков при молчаливом бездействии А.Ф. Рагозы не сумел ни сосредоточить артиллерию, ни организовать артиллерийскую поддержку на участке фронта необходимой ширины.

Все это сказалось с самого же начала наступления. Группа ген. М.М. Плешкова, не поддержанная артиллерией, дважды (5-го и в ночь на 7-е) врвалась в окопы противника, и оба раза откатывалась, расстреливаемая неподавленной артиллерией немцев. Как итог — громадные потери. Преодолеть штурмом вторую линию русские так и не смогли. К 10-му числу в 1-м армейском корпусе 22-я пехотная дивизия потеряла около 9 тыс. чел.; в 1-м Сибирском корпусе 1-я Сибирская стрелковая дивизия — 7,5 тыс., 2-я Сибирская стрелковая дивизия — более 5 тыс. То есть за два практически безрезультатных штурма из строя выбыла половина исходного состава атакующей группировки. За пять дней русская пехота была уже обескровлена, а прорвать неприятельскую оборону, чтобы позволить вступить в дело резервам, все равно не удалось.

Головной болью русской армии продолжало оставаться и взаимодействие родов войск, а также деятельность средств связи. Например, 22-я пехотная дивизия М.И. Шишкина (1-й армейский корпус) бросилась в атаку без приказа, основываясь на ошибочном телефонном звонке о том, что соседний 1-й Сибирский корпус уже наступает. Начдив-22 не предупредил об этом ни самого М.М. Плешкова, ни даже артиллеристов своего участка. Видя, что 22-я дивизия уже наступает, вслед за ней бросился весь 1-й Сибирский корпус и 59-я пехотная дивизия (А.С. Оглоблев) 1-го армейского корпуса. Русские одним махом взяли первую полосу неприятельской обороны, после чего

германская артиллерия огневой завесой отрезала от них резервы, бесцельно скучившиеся в окопах. Ввиду отсутствия предварительно подготовленных наступательных плацдармов резервы не могли подойти на помощь, а русская артиллерия не смогла помочь, вследствие отсутствия на участке 1-го армейского корпуса тяжелых орудий. В результате вечером русские откатились на исходные рубежи: 22-я пехотная дивизия потеряла в один день 5,5 тыс. чел. — треть всего личного состава дивизии и половину ее боевого состава.

К сожалению, на успехе атаки продолжала сказываться проблема ведения контрбатарейной борьбы. С одной стороны, русским не хватало снарядов, с другой — русские еще не научились организации артиллерийского боя большими артиллерийскими массами: превосходя неприятеля в качестве стрельбы отдельными орудиями и батареями, русские существенно уступали германцам в управлении артиллерийской стрельбы целым рядом батарей, имеющих перед собой выполнение одной задачи. После окончания операции расследование действий артиллерии, проведенное генерал-инспектором этого рода войск великим князем Сергеем Михайловичем, показало, что высший командный состав, даже и через полтора года после начала войны, не умеет правильно использовать артиллерию. Известно, что великий князь Сергей Михайлович обычно командировал в войска своих подчиненных, а сам лично только однажды побывал на фронте, именно выясняя причины неудачи наступления в Нарочской операции. Выводы его инспекции гласили, что «многие старшие общевойсковые и пехотные начальники, и даже некоторые старшие артиллерийские начальники не умели целесообразно использовать могущество огня артиллерии при наименьшей затрате снарядов»¹.

Помимо прочего, германцы чрезвычайно умело строили свою огневую оборону. По свидетельству участника войны, «немцы не только располагали свои батареи так, что они могли обстреливать в случае надобности свои собственные окопы, но даже заранее на всякий случай производили по ним пристрелку». Поэтому германские артиллерийские командиры всегда имели все необходимые данные для немедленного открытия огня по собственным передовым окопам в случае перехода их в руки наступающего противника. При этом высокой степени достигла система сигнализации: когда неприятель врывался в немецкие окопы,

---

¹ Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). М., 1948. Т. 4. С. 143.

то на флангах занятого участка специально заранее назначенными унтер-офицерами пускались красные ракеты, четко обозначая занятый противником участок. Германская артиллерия, получив немедленный приказ об огне на поражение, была поэтому как раз туда, куда и надлежало. Когда же подтягивались для производства контратаки германские резервы, пехотные начальники давали в воздух зеленую ракету, чтобы артиллерия не расстреляла своих же людей¹. Этот опыт был перенят русскими только осенью 1916 г.

Сам генерал Плешков находился в 30 км от места боя и руководить операцией своей группы был явно не в состоянии. Итак: командарм за 40 км, комкор — за 30. Отсутствие командира на поле боя резко понизило успех действий войск: приказы значительно запаздывали, проходя путь в 60 км в оба конца. А посему немцы, отражая русский порыв, при проведении контрударов и артиллерийского боя всегда играли на опережение. Ничего удивительного в этом нет, если знать характеристики личности. Известный белогвардейский военный деятель ген. А.П. фон Будберг, участник Первой мировой войны, впоследствии давал генералу Плешкову весьма нелицеприятную оценку: «Плешков — это типичная фигура старого командования. Добродушный, обходительный барин, ничем остро не интересующийся, любящий спокойную и без волнений, ровнотекущую жизнь высокого военного начальника довоенного времени»².

Центральная группа вообще не сделала ничего. Не сумев прорвать оборону противника одним ударом, здесь просто остановились. Как будто бы забыв о своей непосредственной задаче — сковывании неприятеля по фронту и привлечении на себя вражеских резервов, — Л.О. Сирелиус фактически ограничился лишь маневрами и артиллерийским обстрелом неприятельских позиций. Вследствие этого германцы преспокойно перекидывали свои войска и резервы с одного фланга на другой. Группа генерала Сирелиуса, «имея фактически пассивную задачу, не делала даже попытки наступать. Только однажды выслана была разведка, которая проникла за проволочные заграждения, но вскоре была отогнана пулеметным огнем противника с фланга. Но артиллерийская подготовка велась в предположении активных действий ежедневно с 18 марта [нового стиля], причем, по распоряжению

---

¹ Михеев С. Военно-исторические примеры к прикладной части тактики. М., 1921. С. 42.

² Архив русской революции. М., 1991. Т. 11—12. С. 277.

общевоинского начальства, делались, чтобы беспокоить противника, “ураганные вспышки” артиллерийского огня два раза днем и раз ночью, а для атаки войска так и не посылались до конца операции. Два корпуса группы Сирелиуса, в сущности, нельзя принимать во внимание при расчете сил 2-й армии, назначенной для удара в мартовской операции¹. 65 тыс. штыков канули напрасно. А ведь местность, предназначенная для атаки группы Сирелиуса, сразу же давала понять, что успеха на данном участке ожидать невозможно.

Возможность маневрирования резервами позволила германскому командованию успешно отразить русские атаки на всех участках фронта, сведя первоначальные успехи русских, достигнутые большой кровью, на нет. Н.Е. Подорожный говорит: «В результате немцы маневрировали резервами как хотели. Они быстро раскусили буйволу тактику Плешкова и Балужева — бить строго в определенном месте — и подбрасывали резервы к этим местам; они также прекрасно уразумели намерение Сирелиуса твердо стоять на одном месте, и спокойно снимали свои войска с этого участка и посылали их на фронт Плешкова и Балужева». Чем дольше продолжалась операция, тем больше русское численное превосходство над противником теряло свое значение, столь могущественное на бумаге перед началом наступления. Таким образом, немцы умело применили метод преднамеренного оставления наиболее опасных участков первой оборонительной линии, отходя на вторую линию, откуда и следовали контрудары по занявшим первую полосу окопов обескровленным русским частям. Наступившая распутица мешала маневру русской артиллерии, оставляя войска без огневой поддержки. Тяжелые же батареи вообще не могли двинуться с места, оставаясь на своих заранее подготовленных позициях, занятых перед самым началом операции.

Качество подготовки русских пехотинцев к этому времени также еще не стояло на должной высоте: относительное восстановление кадров, погибших в 1915 г., произойдет только к началу летнего наступления. Войска еще многого не умели делать, только еще привыкая к позиционной борьбе. Нехватка опыта, присущая обескровленной армии, пополненной ранее вообще никогда не служившими в армии резервистами (новобранцы и ратники ополчения 2-го разряда), требовала тщательного обучения в тылу. За зиму дать этого

---

¹ Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. М., 1940. Т. 2. С. 365.

еще, к сожалению, не успели. Отмечая недостатки в тактической подготовке пехоты и ее качество, Рагоза требовал искоренять присущие неопытным войскам «скверные привычки» неустанным трудом офицерского корпуса. Генерал заметил, что перед атакой не всегда даже высылаются разведчики для определения сделанных проходов в проволочных заграждениях, что при атаке не только передние, но и последующие цепи залегают. Причем солдаты, начиная бежать во весь рост со слишком далекого расстояния, останавливаются для стрельбы, «так как не хватает духа сойтись на штык»¹. Опять-таки, даже признавая справедливость мнения командарма-4, нельзя не спросить, почему сам генерал Рагоза не сумел должным образом подготовить прорыв неприятельских оборонительных линий артиллерийскими ударами?

Наиболее кровопролитным стал первый день операции, когда русские потеряли свыше 15 тыс. солдат и офицеров; в том числе группа Си-релиуса потеряла шестьдесят два (62!) человека. Сражение продолжалось до 17 марта. При этом командование так и не смогло организовать ни взаимодействие атакующих групп, ни совместное и одновременное введение в бой корпусных и армейских резервов. Впоследствии ген. В.Н. Клембовский, летом 1916 г. занимавший должность начальника штаба Юго-Западного фронта, считал, что именно фактор дробления войск на группы явился главной причиной провала Нарочской операции. В.Н. Клембовский писал: «Отметим лишь два крупных недочета, имеющих отношение к стратегии и притом повторявшихся чуть ли не в каждой нашей операции: 1) войска вводятся в бой по частям, соседи бездействуют; в результате последовательное поражение корпусов; 2) опаздывание резервов. К этому надо присоединить и слабое руководство действиями войск со стороны начальствующих лиц. Попытка Эверта добиться большего единства в действиях путем создания групп оказалась более вредной, чем полезной: во вновь сформированной группе высший начальник не знает подчиненных ему войск, а те не знают его. Кроме того, групповые начальники не имеют при себе соответствующих штабов и столь существенно важных в современных боях средств связи (телеграфа и телефонов)»².

Таким образом, успех Нарочского наступления был самым минимальным. Лишь корпуса группы П.С. Балуева смогли потеснить

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 368. Л. 4.

² Стратегический очерк войны 1914—1918. М., 1920. Ч. 5. С. 26.

противника, выбив врага из Постав, но, ввиду неумения генерала Рагозы своевременно ввести в бой резервы, и здесь успехи также были сведены на нет. Части группы М.М. Плешкова, неоднократно занимавшие первую оборонительную линию германцев, быстро выбивались оттуда противником, так как артиллерия не спешила двигаться вслед за наступавшей пехотой, а потому в наиболее ответственный момент боя — при отражении неприятельского контрудара — русская пехота оказывалась лишенной артиллерийской поддержки. Даже немецкие авторы говорят, что недостаток артиллерии (прежде всего, вследствие неумения организовать взаимодействие родов войск при прорыве неприятельской укрепленной полосы) помешал русским добиться успеха. «Используя слабость артиллерии противника, немецкая 10-я армия успешно отразила отчаянный натиск массы русских войск. Из-за непроходимой грязи ранней весной царское командование в середине апреля (нового стиля. — *Авт.*) было вынуждено прекратить это с самого начала обреченное на неудачу наступление»¹.

Более того — высшие командиры вообще не имели никакого представления об организации взаимосвязи между пехотой и артиллерией. Неудивительно, что рода войск сражались как бы каждый сам по себе. На Западный фронт накануне операции был командирован представитель полевого генерал-инспектора артиллерии при штабе Верховного главнокомандующего, должность которого занимал бывший шеф Главного артиллерийского управления великий князь Сергей Михайлович. В своем отчете он указывал: «Неудачная атака объяснялась недостатком артиллерийской подготовки, но для высшего командования было, по-видимому, не ясно, в чем состоит задача такой подготовки. Ясно было только то, что артиллерия должна разбить проволочные заграждения и разрушить первую линию окопов противника. Но что такое тыл противника, который задавался для обстрела артиллерии, где он начинается и чем заключается, где его важнейшие места — все это не было выяснено. А потому такие задачи, которые ставились артиллерии, как: разрушить ночью многочисленные опорные пункты в тылу и по сторонам атакованного участка, и многие другие, им подобные — выполнить она не могла. Не могла также артиллерия разрушить леса, прикрывающие во многих местах с флангов оборонительную линию противника. Не могла артиллерия

---

¹ Раушер В. Гинденбург: фельдмаршал и рейхспрезидент. М., 2003. С. 89.

заставить молчать артиллерию противника, которую она не видела...
Меньше всех были виноваты войска»¹.

После провала первой атаки 5—7 марта командующий армиями прорыва А.Ф. Рагоза запросил у штаба фронта разрешения перенести удар на участок группы Сирелиуса, который прежде считался неудобным для наступления. Кроме того, Рагоза просил немедленно ввести в дело резервы фронта — 15-й армейский и 3-й Кавказский корпуса. Разумеется, видя такое шатание мысли и намерений со стороны армейского командования, главнокомандующий армиями фронта А.Е. Эверт отказал. Здесь осторожность генерала Эверта, пожалуй, оказалась даже полезной. Во-первых, удар на узком участке четырех, а не двух корпусов только увеличил бы количество потерь, ибо усилить артиллерийскую поддержку все равно не было никакой возможности. Во-вторых, атака на заведомо неудобном участке фронта не могла дать успех и миллионной массе. Любое число атакующих расстреливалось бы неподдавленными германскими пулеметами.

Итак, германцы сумели отразить русское наступление, нанеся атакующим громадные потери. Тем не менее положение в районе озера Нарочь для германской стороны вызвало большие опасения. Русский успех предполагал бы крушение всего северного участка австро-германского Восточного фронта. Допустить это было бы, что называется, «смерти подобно», так как напрочь срывало натиск на Верден. Численное превосходство русских войск по всему фронту атаки создало кризис для 10-й германской армии. Людендорф в своих воспоминаниях говорит: «Район атаки был обширен и хорошо выбран. Наши резервы оказались бы недостаточными, чтобы позади сомкнуть наш фронт. К тому же, ввиду плохих железнодорожных сообщений с озером Нарочь (железная дорога туда еще только строилась), наши резервы лишь с трудом могли добраться до поля сражения. Если бы прорыв удался, то дальнейшее последовало бы само собой, и дорога на Ковно оказалась бы открытой»². Это признание говорит о том, что М.В. Алексеев верно оценивал избранный для наступления участок. Следовало лишь прорвать германскую оборону. Вот здесь русские, вследствие нехватки артиллерии и неумения командования, оказались бессильны.

---

¹ Цит. по: *Время и судьбы: Военно-мемуарный сборник*. Вып. 1. М., 1991. С. 229—230.

² *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг.* М. — Мн., 2005. С. 208.

Немцам пришлось перебросить из Франции две пехотные дивизии, которые контрударом и выбили закрепившиеся было на занятых германских позициях русские части на ранее занимаемые рубежи. Помимо того, немцы приостановили атаки на Верден, дав французам возможность перебросить на этот участок оборонительного фронта все наличные резервы. По сути, это и стало главным результатом Нарочской наступательной операции, ибо для самого Восточного фронта никаких позитивных результатов провала наступления найти нельзя.

Опасаясь русского прорыва, германское командование придержало часть своих сил в резерве, чтобы своевременно закрыть рушащийся фронт. Крушения не произошло, но придержанные германские соединения не оказались под Верденом в тот момент, когда крепость могла быть взята. Всего во время Нарочской операции немцы дополнительно подтянули на атакуемый участок до 30 тыс. штыков, 150 легких и 80 тяжелых орудий, свыше 200 пулеметов. Но конечный результат для русских был плачевен: войска 10-й германской армии, которыми командовал Г. фон Эйхгорн, уступая русским не только в численности войск, но и в количестве артиллерии, сумели удержать свои позиции, потеряв при этом в десять раз меньше людей.

Только через десять дней, 15 марта, операция была прекращена, а мелкие стычки продолжались еще два дня. Русский Западный фронт потерял до 90 тыс. чел., в том числе не менее 20 тыс. — убитыми. С окончанием операции бои по всему фронту продолжались еще несколько дней. Как писал впоследствии начальник германского Генерального штаба ген. Э. фон Фалькенгайн: «Атаки продолжались с исключительным упорством до начала апреля (разница в датировках объясняется разными стилями календарного исчисления. — *Авт.*), но их можно было скорее назвать кровавыми жертвоприношениями, чем атаками. Колонны плохо обученных людей, наступавших в неповоротливых густых строях и предводимых столь же необученными офицерами, терпели страшный урон». Генералу Фалькенгайну вторит и Э. Людендорф: «Потери русских были чрезвычайны. Тонкие линии наших храбрых войск, хорошо обученных и имевших большое количество офицеров, устояли перед массовой тактикой плохо обученной русской армии. Напряжение войск, принимавших участие в этом сражении на растаявшей земле, в холодную и сырую погоду, было очень велико».

Уже впоследствии, в конце апреля месяца, подводя итоги мартовским боям у озера Нарочь, в Ставку была представлена «Записка»

по поводу выполнения операций на Юго-Западном фронте в декабре 1915 г. и Северном и Западном в марте 1916 г. Этот документ стал одним из первых указаний по обобщению опыта ведения боев на Восточном (Русском) фронте. В этом можно видеть несомненную заслугу штаба обновленной Ставки, где генерал Алексеев осознал, что подобные исследования станут несомненным подспорьем при организации и планировании нового наступления. Данная «Записка», во многом еще опираясь на французский опыт, указывала, что «успешному выполнению атаки должно предшествовать сближение с противником примерно на сто саженей окопами и устройство исходного положения в виде укрепленных плацдармов по определенно выработанному плану». Этот документ был тщательно использован впоследствии ген. А.А. Брусиловым при подготовке прорыва австрийского фронта в рамках фронтовой операции армий Юго-Западного фронта в мае 1916 г.

В «Записке» указывались основные недостатки и недочеты русского командования при планировании, производстве и ведении наступательного боя. Отдельным пунктом прошло указание на тщательность организации взаимодействия пехоты и артиллерии: говоря о том, что допустим лишь сосредоточенный беглый огонь отдельных батарей, авторы «Записки» ставили длительность артиллерийской атаки в зависимость от «действительно достигнутых результатов», а не от изначально отведенного «по часам» времени. Особое внимание документ уделил неудачным боям ударной группировки под командованием генерала Плешкова. Указывая, что «пренебрежение, выказанное здесь к артиллерийской подготовке... погубило всю операцию и подорвало доверие в людях», «Записка» обращала внимание, что в результате ни одна из дальнейших атак группы не удалась. Документ решительно осуждал бессознательную храбрость, пассивное упорство под огнем пулеметов и определял фронт атаки для армии не менее, чем в двадцать верст, а в идеале — до тридцати. Для успеха наступления документ требовал «обратить больше внимания на выучку, тренировку и особенно на воспитание нижних чинов»¹.

На самом же Западном фронте считали, что одной из существенных причин поражения стало невнимание низших штабов и строевых командиров к указаниям штаба фронта. В Приложении к приказу главнокомандующего № 723, посвященном недочетам в организации мартовских боев 2-й армии, указывалось, что «значительная часть их может быть

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 13. Л. 24. 26 об., 29. 31. 34.

объяснена недостаточно внимательным отношением к своевременно разосланному проекту “общих указаний для борьбы за укрепленные полосы”. Также в качестве предпосылки к итоговой неудаче выделялось неумелое обращение с новейшими техническими средствами ведения боевых действий или пренебрежением общими правилами управления в бою». Сам главкозап ген. А.Е. Эверт выделил такие основные моменты неудачи наступления армий Западного фронта, как:

1) отсутствие надлежащей точности в разведке неприятельских позиций для выработки твердого плана атаки и успеха артиллерийской подготовки;

2) поверхностность и нецелесообразность подготовки исходного положения для атаки;

3) недостатки в устройении позиционных дорог и колонных путей;

4) непродуманность расположения телефонных линий;

5) невнимание к обучению войск атаке укрепленной позиции, в частности — к умению держать правильное направление и быстрому закреплению в занятых окопах;

6) неумение использовать корректировку артиллерийской стрельбы посредством авиации;

7) возложение необоснованных надежд на тяжелую артиллерию со стороны ряда пехотных и артиллерийских начальников, ввиду малого знакомства с ее свойствами¹.

Выходит, что штаб фронта сделал все для успеха, а уже на местах все это было утрачено. При этом главкозап ген. А.Е. Эверт не потрудился понять, что войскам надо не только указывать: их еще надо непосредственно учить. При подготовке операции можно и нужно осторожничать, дабы с максимальным эффектом рассчитать предпосылки победы. Но вот с началом операции осторожность, что была так присуща А.Е. Эверту, должна быть отринута. В свое время К. фон Клаузевиц говорил: «Умножать осторожность за счет достигаемого результата — это ложная осторожность, противоречащая природе войны; ради крупных целей надо и отваживаться на многое. Истинная осторожность заключается в том, чтобы, отваживаясь на что-нибудь на войне, тщательно выбирать и применять средства к достижению результата, не упуская ни одного из них по лености или легкомыслию. Такого рода была осторожность императора Наполеона, который

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 349. Л. 27—28 об.

никогда не преследовал крупных целей боязливо и половинными шагами ради осторожности». А ведь в задачу генерала Эверта входило ни много ни мало, как прорвать германский фронт, отбросить врага в Польшу и приступить к слому всего неприятельского фронта.

Итак, неудача мартовского наступления на озере Нарочь, выявившая массу недостатков в подготовке войск и боевой технике, тяжело повлияла на сознание солдат и офицеров, лишний раз давая доказательства того, сколь трудно бороться с немцами. Борьба с могучим противником — только для сильных духом, привыкших умирать, но не покоряться неизбежности. Единственным действенным выходом из создавшейся ситуации объективной невозможности осуществить прорыв неприятельского укрепленного фронта и затем развить успех мог стать перенос главного удара на Восточном фронте в кампании 1916 г. против австрийцев. Брусиловский прорыв доказал, что удар должен наноситься южнее Полесья, но русская Ставка, скованная диктатом союзников, не могла решиться на перенос главного удара в пользу Юго-Западного фронта.

По качеству своей боевой подготовки, силе духа солдат и офицеров, вооружению русские не уступали, а то и превосходили австрийскую сторону. И главное, ни русские военачальники, ни русские солдаты не боялись австрийцев вообще: здесь психология также оказывалась на стороне русских. Например, Юго-Западный фронт так успешно сопротивлялся неприятельскому наступлению даже летом 1915 г., потому что, по словам участников войны, «австрийцев мы привыкли считать ниже себя; и солдаты, и начальники в боях с австрийцами чувствовали себя иначе. И армии Юго-Западного фронта не только держали перед собою большие силы [неприятеля]. Но в частичных наступлениях почти неизменно имели успех»¹. А один из русских солдат так объяснил разницу между германцами и австро-венграми: «Нам казалось, что мы в отпуске, когда наш полк перебросили на австрийский фронт. Большинство австрийцев воевать не хотят. Немцы другие! Но мы могли бы их научить кое-чему, если бы имели вполтину больше пулеметов и снаряды к пушкам»².

Главным результатом Нарочской наступательной операции лично для Эверта, как и для Куропаткина, стал психологический надлом.

---

¹ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. М., 1922. Ч. 4. С. 126.

² См.: Реден Н. Сквозь ад русской революции. Воспоминания гардемарина. 1914—1919. М., 2006. С. 25.

Выражался он в том, что эти полководцы пришли к твердому убеждению, что прорвать германскую оборону имеющимися техническими средствами невозможно, невзирая ни на какой героизм войск. Громадные и вместе с тем безрезультатные потери ужаснули главкосева и главкозапа. Это обстоятельство и побудило их отказаться от самой идеи атак неприятельской обороны, впредь до получения необходимого количества батарей тяжелой артиллерии, способной взломать германские долговременные укрепления. Как говорит современный западный автор, «успешными генералами Первой мировой войны были те, кто не сломался и не впал в пессимизм, когда им выпала тяжкая участь иметь дело с цифрами потерь»¹. Таковы были объективные проблемы наступательных усилий в позиционной борьбе. Генерал Эверт не оказался в данном смысле «успешным генералом». Следовательно, был сделан вывод о том, что русская армия должна отказаться от прорывов впредь до насыщения ее техникой. Но произойти это насыщение могло разве что в 1917 г.

Таким образом, Куропаткин и Эверт полагали, что кампания 1916 г. на Восточном фронте должна быть пассивной. Соответственно, противник получал шанс на победу как в Италии, так и во Франции. Легче ли было бы после этого России? Но главное, что ни Куропаткин, ни Эверт не собирались отказываться от своих постов, получая приказы Ставки, прямо противоположные их собственному мнению и убеждению — о необходимости наступления. Отсюда брал свое начало тот скрытый саботаж русского оперативно-стратегического планирования, что разрабатывался ген. М.В. Алексеевым.

Тем не менее в кампании 1915 г., как и в 1914 г., ген. А.Е. Эверт неплохо руководил своими войсками, не вызывая особенных нареканий со стороны Верховного главнокомандования и штабов фронтов. В качестве командарма от обороны генерал Эверт был превосходен. Его усилия по ликвидации Свенцянского прорыва немцев в сентябре 1915 г. это отчетливо показывают. Но вот для наступления, да еще на посту главкозапа, он себя не оправдал. Представляется, что как раз пост главнокомандующего фронтом был для ген. А.Е. Эверта слишком высоким, не соответствующим ни его способностям, ни волевому настрою. А.И. Деникин верно характеризовал: «Если легче разбираться в способностях и продвигать людей во время войны, то *предназначения* на высокие командные посты сопряжены с большими

---

¹ Кизан Д. Первая мировая война. М., 2002. С. 364.

трудностями и часто ошибками. Тем более, что характер и способности, проявляемые человеком в мирное время, зачастую совершенно не соответствуют таковым в обстановке боевой. Достаточно вспомнить блестящую и вполне заслуженную мирную репутацию генерала Эверта, далеко не оправдавшуюся на посту главнокомандующего Западным фронтом...»¹

Ген. А.Е. Эверт не выдержал испытания высоким назначением. Это позволило западным исследователям, и во многом справедливо, отнести русских главнокомандующих Северным и Западным фронтами к представителям армии старого образца, образца Русско-японской войны 1904—1905 гг. Прежде всего — по сравнению с А.А. Брусиловым в период Луцкого (Брусиловского) прорыва: «Типичным примером неумелых действий “старой” русской армии (в отличие от “новой армии” во главе со “здоровымыслящими специалистами”, появившейся летом 1916 г.) было наступление у озера Нарочь в 1916 году»². Конечно, дело здесь не в «старой армии». Как думается, пост главнокомандующего фронтом оказался не по плечу неплохому командарму. Нужно помнить, что именно А.Е. Эверт был выбран на высокий пост в августе 1915 г., благодаря предшествовавшему производству. Еще больше это обстоятельство (лестница чинопроизводства) относится к ген. А.Н. Куропаткину.

В 1914—1915 гг. 4-я армия ген. А.Е. Эверта больше оборонялась, нежели наступала. В преддверии готовившегося на 1916 год наступления можно было сделать и лучший выбор. Однако же в августе 1915 г. выбор был оправдан — раз Западный фронт, несмотря на массу трудностей, сумел сдержать натиск немцев под Вильно и Свенцяминами. Но вот в наступательных операциях выбор не оправдался. Прежде всего — в области психологии и воли как квадрата качеств полководца: «В расшатанных уже морально войсках позиции, занятые германской пехотой, начали расцениваться как неприступные. Отдых, обучение, соответственная подготовка могут преодолеть такой предрассудок среди солдат и младшего командного состава. Но такой же боязливостью и почтением к противнику проникся и высший командный состав во главе с ген. Эвертом»³. Летом 1916 г. психологический

¹ Деникин А.И. Старая армия. Офицеры. М., 2005. С.107.

² Бриггс Э., Кизвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года и до наших дней. М., 2006. С. 230.

³ Великая забывая война. М., 2009. С. 124.

фактор проявится в еще большей степени, ибо если относительно Нарочи можно говорить об объективных недостатках командования, то о Барановичах — уже как о саботаже. Разумеется, из лучших побуждений — сбережение крови людей) и срыве планов Ставки штабом Западного фронта и, следовательно, лично ген. А.Е. Эвертом.

НАСТУПЛЕНИЕ ПОД БАРАНОВИЧАМИ (ИЮНЬ 1916 ГОДА)

1 апреля 1916 г. в Ставке под председательством Верховного главнокомандующего императора Николая II состоялось Совещание высшего генералитета. Совещание, на котором присутствовали главнокомандующие фронтами, должно было утвердить оперативно-стратегическое планирование на летнюю кампанию 1916 г. В любом случае, основы плана уже были заложены в докладе начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексева на имя царя, от 24 марта. В докладе утверждались несколько ключевых моментов, которые, как представляется, не могли быть изменены:

— наступление на Восточном фронте, во имя исполнения союзнических договоренностей;

— нанесение главного удара севернее Полесья, где располагалась основная масса русских войск,

— ставка на численное преимущество, ввиду слабости в техническом отношении,

— как общий итог доклада: «К решительному наступлению без особых перемещений мы способны только на театре севернее Полесья, где нами достигнут двойной перевес в силах».

На Совещании 1 апреля были оглашены эти предварительные условия, после чего генерал Алексеев предложил всем главкомам высказаться по данному вопросу. Как известно, главкомы ген. А.Н. Куропаткин и главкомзап ген. А.Е. Эверт решительно выступили против наступления в принципе. В качестве основных причин отказа от удара выдвигались недостаток тяжелой артиллерии, способной взломать оборону противника, мощь неприятельской обороны и, наконец, нежелание союзников оказать помощь России летом 1915 г. Именно последнее позволило Е.Э. Месснеру дать Эверту вышеприведенную характеристику относительно нежелания проливать русскую кровь ради интересов союзников. Е.Э. Месснер продолжает: «Слова гене-

рала Эверта [на первоапрельском Совещании] — это русское офицерство, спрашивающее себя в негодовании на французов и англичан: в военном союзе надо ли быть честным в отношении бесчестных союзников? Ответом русской воинской чести на эти слова было повеление Верховного главнокомандующего: наступать»¹.

Как уже говорилось, тремя месяцами ранее Эверт сам являлся сторонником помощи англо-французам, прекрасно понимая, что в случае падения Франции и крушения Западного фронта Российской империи долго не продержаться против австро-германской мощи. Теперь же, надломленный поражением у Нарочи, главнозап ссылается на поведение союзников в 1915 г. Представляется, что такое лукавство было призвано скрыть главную причину — нежелание наступать, ввиду уверенности в заведомом неуспехе. Характерно, что Куропаткина и Эверта поддержал бывший главкоюз ген. Н.И. Иванов, испытавший неудачу еще ранее, на Стрыпе. Иванов, став теперь советником императора по военным вопросам, что равнялось почетной синекуре, попытался переломить настроения сюзерена, поддерживавшего мнение Алексея о необходимости наступления. И дело, конечно, здесь в верности союзническому долгу, от которого русское военнополитическое руководство не желало отступить, не ведая о коварстве союзников, жаждавших одновременно и уничтожить Германию и обессилить Россию.

Совещание 1 апреля грозило закончиться нерешительным компромиссом мнений, что грозило уничтожением любого плана кампании. Генерал Алексеев, умный, но недостаточно волевой полководец, не мог противиться мнению Куропаткина и Эверта в категорической форме, так как свято соблюдал воинскую иерархию, а эти военачальники некогда были его командирами. Планирование могло оказаться несостоятельным, что в перспективе вело к разрыву с союзниками. Однако новый главкоюз ген. А.А. Брусилов решительно поддержал Алексея. Нет сомнений, что наступление, так или иначе, было бы решено, ведь этого требовали союзники — Франция и Великобритания. Поэтому необходимо было не спрашивать мнения главнокомандующих фронтами относительно наступления как такового, а ставить им задачи и требовать их исполнения. Вместо этого получился торг, где император играл роль безмолвного арбитра, а Алексеев смог до-

---

¹ Месснер Е. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы. Нью-Йорк. 1968. С. 57.

казать то, что следовало принять как данность, лишь при поддержке Брусилова.

Бесспорно, Куропаткин и Эверт были по-своему правы. Оснащение русской армии техникой весьма отставало от тех условий, что требовались для прорыва германского оборонительного фронта. Но поражение в Нарочской наступательной операции надломило волю главкосева и главкозапа до той степени, когда нежелание исполнять приказы Верховного главнокомандования вырастает до ступени саботажа. Ведь, невзирая на свое мнение, в конечном итоге и Куропаткин, и Эверт были вынуждены согласиться с принятым планированием, согласно которому Западный фронт ген. А.Е. Эверта получал задачу нанесения главного удара на Востоке в кампании 1916 г. Но вынужденное согласие в данном случае, к сожалению, предполагало ненадлежащее исполнение своих обязанностей двумя командующими фронтами из трех. Эверт взял на себя ответственность. Главкозап согласился с требованиями наштаверха и предписанной им роли. Однако поведение главкозапа в период летней кампании покажет, что ответственность эта оказалась всего лишь поверхностной мишурой. Перспективой же стал срыв стратегического плана Ставки.

Согласно плану Алексева, основные детали которого обсуждались и были приняты на Совещании 1 апреля, а затем утверждены императором Николаем II, армии Западного фронта получали задачу главного удара. Северный фронт обязывался содействовать главному удару, а Юго-Западный фронт должен был наносить вспомогательный удар, имеющий целью недопущение переброски противником резервов на направление главного удара. В качестве приказа эти решения доводились до войск в виде директивы Верховного главнокомандования от 11 апреля за № 2017. В данной директиве Верховный главнокомандующий, в частности, повелевал: «Главный удар будут наносить армии Западного фронта. Армии Северного и Юго-Западного фронтов оказывают содействие, нанося удары с надлежащей энергией и настойчивостью как для производства частных прорывов в неприятельском расположении, так и для поражения находящихся против них сил противника».

Таким образом, ген. А.Е. Эверт, невзирая на откровенное нежелание наступать, не только обязывался к наступлению, но даже получил задачу нанесения главного удара на Восточном фронте в кампании 1916 г. Советский исследователь отмечает: «Даже случайный успех был проблематичен. Это все было ясно осторожному Эверту, уже не раз получавшему горький урок. Он всеми силами старался отде-

латься от наступления, но вопрос был поставлен свыше, как вопрос чести...»¹ Получив заверения в готовности наступать и считая, что его убеждения сыграли свою роль, Алексеев с чистой совестью смог провести в жизнь передачу главного удара севернее Полесья, во-первых, потому, что этого требовали французы; во-вторых, потому, что здесь стояла основная масса русских сил, в то время как русский железнодорожный транспорт мог не справиться с перегруппировкой на Юго-Западный фронт. Именно это и стало главной ошибкой штаверха — ни в коем разе нельзя было передавать главный удар на тот фронт, главнокомандующий которого не желал наступать. Но Алексеев знал ум Эверта, не сомневался в его полководческом таланте, а потому пришел к мнению, что наступление состоится так, как это следует сделать. Сместить же Эверта с занимаемого им поста, на случай гарантии успеха, Алексеев не мог, так как данное право являлось прерогативой Верховного главнокомандующего. Император же не желал менять свои кадры. Да Алексеев и не настаивал на этом.

Следовательно, как представляется, ошибкой ген. М.В. Алексеева, ограниченного в своих возможностях начальника, стала сама организация наступления. Зная, что главкосев и главкозап не желают наступать, генерал Алексеев, тем не менее, передал главный удар именно этим фронтам. Армии Западного фронта должны были наступать на Вильно, а Северный фронт — содействовать этому наступлению. В то же время Юго-Западный фронт, чей главнокомандующий ни на минуту не усомнился в необходимости наступления и его успехе, должен был проводить изолированную от соседей наступательную операцию. Да, такому подходу благоприятствовала география: разделяющее фронты Полесье является малопроезжимым и труднодоступным районом. Однако же возможно было изначально перенести главный удар на стык не Северного и Западного фронтов, а Западного и Юго-Западного. М.В. Алексеев поступил с точностью до наоборот, возможно, считая, что ген. А.А. Брусилов еще не освоился на новом посту, а быть может, и не веря в успех наступления армий Юго-Западного фронта.

В итоге главный удар должен был быть нанесен в направлении на Вильно, приблизительно 28—29 мая. И проводить главный удар должен был главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт. Этот момент стал пиком ответственности главкозапа, а значит, и его

---

¹ *Оберюхтин В.И.* Барановичи. 1916 год. М., 1935. С. 51—52.

славы в случае победы. На деле же все обернулось сплошным негативом, который должен был бы предвидеть генерал Алексеев.

Как обычно, ген. А.Е. Эверт рьяно принялся за подготовку поставленной ему задачи. Даже не веря в возможность прорыва неприятельской обороны, как и в собственные силы, главкозап старался лично контролировать ход организации наступления. До начала удара с 1 апреля до 29 мая было еще два месяца, за которые следовало подготовить войска и местность к предстоящему прорыву. В частности, при подготовке прорыва на виленском направлении «подготовка войск состояла в обучении частей атаке укрепленных позиций на учебных городках. Особое внимание было обращено на подготовку главной ударной группировки на молодечненском направлении. Главкозап Эверт лично входил в детали работ, посещал занятия, давал подробные указания. Ряд начальников штаба фронта командировался в войска и низшие штабы для проверки хода подготовки»¹.

Методы управления войсками со стороны Эверта не могли не вызывать сомнений в их надежности и перспективности. Как уже говорилось, любой полководец, не уверенный в своих силах, старается предусмотреть все до малейших мелочей, чтобы в решающий момент операции заблаговременной подготовкой закрыть необходимость рискованной отваги. Соответственно, такой подход вел к широкому развитию канцеляризма, ибо подчиненные штабы, наряду с необходимыми и полезными приказами, заваливались массами бесполезных инструкций и советов, в которых они, разумеется, должны были отчитываться. Данный подход был особенно присущ главкозапу, который, и без того будучи склонен к канцеляршине, еще и не желал наступать. По мнению одного из критически настроенных участников войны, генерал Эверт «не обнаружил никаких талантов, кроме способностей к канцелярскому сидению»².

Интересно, что бумажный стиль командования порицался в рядах офицерства, где прекрасно сознавалась его пагубность. Мнение офицерского корпуса доводилось до сведения Ставки, которая, в свою очередь, пыталась оказать влияние на штабы фронтов и армий. Например, 3 мая Алексеев написал письмо Брусилову, где со ссылкой на письмо одного из младших офицеров из армии обобщал настроения

---

¹ *Оберюхтин В.И.* Барановичи. 1916 год. М., 1935. С. 46.

² *Залесский П.И.* Возмездие (причины русской катастрофы). Берлин. 1925. С. 191.

в армии. В одном из абзацев этого письма Алексеев пишет как будто бы об Эверте и методах его управления войсками: «Обилие приказов начальника трактуется войсками отнюдь не как желание принести пользу частям, а объясняется исключительно стремлением выслушаться перед старшими, проявить свою деятельность количеством исписанной бумаги... Стремление все регламентировать и указать войскам сверху, заваливают часто такой перепиской, что младшие начальники, с одной стороны, проводят в переписке все время. С другой стороны — связаны указаниями сверху настолько, что не смеют проявить ни своей инициативы, ни использовать собственный богатый боевой опыт»¹. Под стать главному были и его подчиненные. Тот же командарм-4 ген. А.Ф. Рагоза, к примеру. Смешно, но главный удар будет вновь передан генералу Рагозе.

В преддверии готовившегося наступления следует обратить внимание и на характеристику главнокома просто как человека и начальника. Журнал «Нива» поместил на своих страницах впечатления о встречах корреспондента с ведущими русскими военачальниками. В том числе и Эвертом: «Высокого роста, брюнет, с легкой проседью, в простой солдатской рубашке защитного цвета, с белым Георгиевским крестом на груди, в шароварах с желтыми лампасами сибирского казака, А.Е. Эверт производит впечатление человека железной воли, решительного характера. Каждое движение его говорит об уверенности и сознании своей духовной силы. Но, несмотря на все эти качества, составляющие отличительные черты его, Алексей Ермолаевич поражает всех своей необычайной простотой и доступностью. Он внимательно выслушивает каждого, какое бы тот ни занимал положение в военной иерархии. Как начальник, Алексей Ермолаевич требователен и настойчив, но требователен не только к другим, а и к себе, причем к себе еще более, чем к другим. Он пользуется неограниченным авторитетом и любовью у подчиненных. Будучи главнокомандующим армиями Западного фронта, имея у себя в подчинении миллионы людей, генерал Эверт своей скромностью более напоминает ротного командира, чем заслуженного и закаленного в боях вождя... служба в Сибири еще больше закалила дух вождя и создала для нашей армии незаменимого начальника, легко переносящего все невзгоды и лишения военного времени... Алексей Ермолаевич — солдат до мозга костей, и вопросы политики его интересуют лишь постольку, поскольку внутренняя

---

¹ Цит. по: Луцкий прорыв. Труды и материалы. М., 1924. С. 203.

политика содействует успешному выполнению задач, поставленных армии ее Верховным Вождем. Он всецело душой с армией и уверен в конечной нашей победе так же, как в этом уверена на фронте, в окопах, вся армия, от генерала до последнего солдата»¹. Данная характеристика если и не исчерпывающа, то, несомненно, верна и достаточно объективна. Генерал Эверт был тем человеком, который не мог искренне и достойно исполнять дело, которое он считал невыполнимым в принципе. Поэтому «железная воля» и «решительный характер» А.Е. Эверта, отмечаемые корреспондентом, в такой ситуации играли против полученной главкозапом задачи. Штаб Западного фронта вел обширную переписку с подведомственными учреждениями, но личного контроля Эвертом не производилось. Кампания 1916 г. явилась вящим тому подтверждением. Выходит, «если в характеристике Алексеева мы отметили, что крупный военачальник не должен размениваться на мелочи и погрязать в этих мелочах, то в характеристике Эверта мы должны запомнить, что не только крупный начальник, но любой командир не должен отмахиваться от ответственности бумажной перепиской, а должен лично принимать участие в работе войск, в их подготовке и управлении ими в бою»².

Как известно, главкоюз ген. А.А. Брусилов, чтобы облегчить действия на направлении главного удара, наносил свой главный удар 8-й армией ген. А.М. Каледина, стоявшей на стыке с Западным фронтом. То есть, во-первых, Брусилов оттягивал на себя часть тех неприятельских резервов, что могли быть посланы против Эверта. А во-вторых, всегда мог влить порыв своих войск в тот прорыв, что будет совершен армиями Западного фронта. Правда, генерал Брусилов не учел не только эвертовского нежелания наступать, но и взаимодействовать с ним, с Брусиловым.

Исполняя повеление Верховного главкомандующего, откликнувшегося на просьбы Италии, где в середине мая австрийцы перешли в наступление, 22 мая армии Юго-Западного бросились вперед. Начало прорыва на неделю раньше предположенного все-таки позволяло рассчитывать, что за то время, пока Брусилов будет громить австрийцев, германцы окажут своему союзнику посильную помощь, что облегчит главный удар на виленском стратегическом

---

¹ Нива. 1916. № 26. С. 4.

² *Подорожный Н.Е.* Нарочская операция в марте 1916 года. М., 1938. С. 158.

направлении силами Западного фронта. Действительно, после того как за пять дней ожесточенных боев две австро-венгерские армии оказались уничтожены, а еще три потерпели тяжелое поражение, германское командование перебросило часть своих резервов в Ковель и под Черновицы, дабы закрыть разрывы оборонительного фронта в районах ударов русских 8-й и 9-й армий. Уже с 27 мая германские части появились перед соединениями генерала Каледина.

Однако этот же день стал переломным в кампании 1916 г. на Восточном фронте. Видя невероятный успех соседа и желая отделаться от наступления, но в то же время не имея воли открыто отказаться от удара, ген. А.Е. Эверт просит об отсрочке начала наступления. И Ставка не сумела отказать главкозапу. Дело в том, что главнокомандующие фронтами напрямую подчинялись только императору, которым и назначались на свои посты. Начальник штаба Верховного главнокомандующего не мог собственными усилиями заставить главнокомандующего жестко подчиняться уже принятым решениям. Следовательно, в условиях невмешательства главноверха в оперативно-стратегические проблемы генералу Алексееву приходилось действовать уговорами, а не приказами, на отдачу каковых он, собственно говоря, в отношении главнокомандующих и не имел права. Выходило, что, «являясь начальником штаба Ставки, Алексеев, по сути, осуществлял оперативное управление войсками, производил планирование операций и уже готовые решения и директивы предлагал императору на утверждение. И так как Верховный с готовностью принимал такую помощь начальника штаба, то весьма скоро Михаил Васильевич стал напрямую работать с командующими фронтами, флотами и армиями, принимая многие решения самостоятельно. С одной стороны, никто не мешал ему творить, совершенствуя на практике ранее обретенные знания и навыки в области стратегии, с другой — по своему положению он все же был ограничен в реализации выработанных им планов, так как последнее слово было за Верховным»¹.

Директива Алексеева от 27 мая разрешала Западному фронту отложить удар до 3 июня (1 июня Эверт выпросит отсрочку до 6 июня). Таким образом, наносивший всего только вспомогательный удар Юго-Западный фронт должен был драться в одиночку не неделю, а уже все две. Между тем тяжелая артиллерия и резервы заблаговременно

---

¹ *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 113.

сосредоточивались на Западном фронте. Не имея этого, А. А. Брусилов не мог надлежащим образом развить успех прорыва и был вынужден сдерживать войска, понесшие большие потери в тактической зоне неприятельской обороны.

Главкоюз, понимая, что его удача может захлебнуться, требовал от Ставки давления на штаб Эверта, чтобы побудить его наступать как можно быстрее. При этом Брусилов даже пытался обвинить Эверта в «предательстве», как нарушении интересов стратегического наступления, что повторил впоследствии и в мемуарах. В свою очередь, Эверт не желал «работать во славу Брусилова». Подобного рода «выяснение отношений» между генералитетом было делом обычным, скорее можно было бы удивиться, если б их не было. Английский ученый пишет так: «Когда идет большая война, кажется, можно не придавать значения... мелким ссорам между генералами, подобному свидетельству того, что им тоже не чужды зависть и злоба. Единственное, что имеет или должно иметь значение — результативны их действия или нет? Могут ли они предлагать мудрые решения и прилагать все силы к тому, чтобы побеждать в сражениях ценой минимальных потерь человеческих жизней?»¹

Давление Брусилова на Эверта не было беспочвенным. Ведь генерал Брусилов, помня о планах Ставки, старался действовать, прежде всего, во имя помощи наносившему главный удар Западному фронту. Поэтому главкоюз отказался от переноса удара на Рава-Русскую, для развития успеха против австрийцев, предпочитая увязнуть под Ковелем, чтобы развивать наступление совместно с армиями Западного фронта. Главкозап же не торопился с операцией. Успех прорыва под Луцком побудил А. Е. Эверта обратиться к Алексееву не только с просьбой об отсрочке начала наступления, но и о переносе района этого наступления. Впоследствии Брусилов с негодованием вспоминал: «Я хорошо понимал, что... весь вопрос состоит в том, что Алексеев хотя отлично понимает, каково положение дел и преступность действий Эверта и Куропаткина, но, как бывший их подчиненный во время японской войны, всемерно старается приккрыть их бездействие и скрепя сердце соглашается с их представлениями... Будь другой Верховный главнокомандующий — за подобную нерешительность Эверт был бы немедленно смещен и соответствующим образом заме-

---

¹ *Нилланс Р.* Генералы Великой войны. Западный фронт 1914—1918. М., 2005. С. 321.

нен, Куропаткин же ни в каком случае в действующей армии никакой должности не получил бы. Но при том режиме, который существовал в то время, в армии безнаказанность была полная, и оба продолжали оставаться излюбленными военачальниками Ставки»¹.

Более того: 30 мая ген. А.А. Брусиллов просил командарма-3 ген. Л.В. Леша оказать помощь в атаке на ковельский укрепленный район. 3-я армия входила в состав Западного фронта, и, казалось бы, раз уж наступление фронта откладывается, то тем более частный удар одной армией станет полезен для успеха общего дела. На следующий день 3-я армия атаковала одним корпусом. Но и только. В итоге главнокомандующему пришлось постоянно думать о своем «провисавшем» правом фланге, который так и не был прикрыт штабом Западного фронта. Таким образом, 3-я армия, которая выполняла на Западном фронте роль прикрытия южного фланга, не помогла 8-й армии Юго-Западного фронта на его северном фланге, оставаясь пассивной. Очевидно, что такая позиция была занята под указаниями генерала Эверта, ибо, разумеется, Леш не мог не доложить ему о просьбе Брусиллова 30 мая.

Юго-Западный фронт выполнил свою задачу и перевыполнил. Противостоявшие австро-венгерские армии были разгромлены, а то и уничтожены, и против 8-й и 9-й армий потекли германские резервы. Теперь следовало бить севернее Полесья, однако сроки наступления откладывались. Выходило, что Западный фронт, который должен был наносить главный удар, бездействовал, позволяя противнику наращивать свое сопротивление против Юго-Западного фронта. Выхода было два: немедленно передать на Юго-Западный фронт главный удар (максимум) или развернуть армии Брусиллова на Рава-Русскую и Львов, прикрывшись со стороны Ковеля 8-й и 3-й армиями. Тем не менее, всячески оттягивая сроки перехода в наступление, А.Е. Эверт всячески стремился поощрить движение войск Брусиллова именно на Ковель. То есть — на помощь Западному фронту. Но при этом Западный фронт оставался в бездействии.

Желая совершенно увильнуть от атаки, Эверт сообщил Алексееву, что, в связи с поразительными успехами Юго-Западного фронта, лучше будет перенести направление главного удара с виленского на барановичское. Что это значит? Если войска 4-й армии А.Ф. Рагозы с начала апреля готовились наступать на виленском направлении, и соответственным образом готовили местность, то теперь вся под-

---

¹ Брусиллов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 200, 203.

готовка переносилась южнее, где все следовало начинать заново. А именно: строительство наступательных плацдармов и артиллерийских батарей, перегруппировка сил и средств, образование тыловых складов и запасов боеприпасов. Наконец, перебрасываемые на новое направление войска должны были освоить местность.

Учитывая, что на подготовку фактически совершенно иной операции требовалось время, главкозап просит Ставку о новой отсрочке. При этом Эверт ясно намекнул, что провал атаки на виленском направлении очевиден и несомненен, в то время как на барановичском направлении, находящимся по соседству с районом атаки 8-й армии Юго-Западного фронта, можно получить успех. Не решившись спорить с Эвертом, Алексеев дал свое согласие на перегруппировку. Есть и мнение что, напротив, это Алексеев убедил Эверта «передать Брусилову еще два корпуса и перенести направление главного удара от Вильно к Барановичам»¹.

При всем том штаб Западного фронта не желал, чтобы Юго-Западный фронт переносил свой удар южнее, требуя наступления по-прежнему на Ковель. Иными словами, ген. А.Е. Эверт надеялся, что армии Брусилова возьмут ковельский район, прорвутся в тыл стоящей против Западного фронта неприятельской группировке, после чего наступление станет делом сравнительно легким, ибо противник будет больше думать об отходе, а не о сопротивлении. В тот же самый день, когда армии Западного фронта должны были наступать на Вильно после первой отсрочки, 3 июня, главкозап сообщил Алексееву, что пока на Западном фронте будет проходить переброска войск на барановичское и ковельское направления, необходимо, чтобы Юго-Западный фронт «теперь же развивал удар на Ковель». Характерно, что Эверт требовал развития наступления Юго-Западного фронта после овладения ковельским укрепленным районом не в Галицию, а дальше в Западную Белоруссию, на крепость Брест-Литовск. Это означало, что в случае успеха 8-я армия Юго-Западного фронта создаст все необходимые условия для отступления противника под Барановичами без боя на запад, после чего Западному фронту останется немного нажать, и все победные лавры легко упадут в руки генерала Эверта. В свою очередь, преследуя общестратегические цели, Алексеев поддержал главкозапа, в тот же день 3 июня телеграфируя

---

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., Цейхгауз. 2006. С. 13.

Брусилову: «Ближайшей задачей фронта является сосредоточение сил и нанесение удара теперь же на Ковель...»¹

Разумеется, совершенно по-иному восприняли известие о перемене направления главного удара в штабе Юго-Западного фронта. Стало ясно, что лавинная доля усилий выпадет и на без того уставшую и обескровленную 8-ю армию Каледина, хотя в то же самое время, когда эта армия штурмует Ковель, армии Западного фронта стоят на месте. А ведь резервы Ставки находились в распоряжении главкозпа. Да, на Юго-Западный фронт уже пошли первые подкрепления, но с большим по сравнению с противником запозданием и, главное, в недостаточном количестве. Поэтому, узнав о переносе удара на барановичское направление и, следовательно, новом переносе срока наступления Западного фронта, А.А. Брусилов справедливо телеграфировал М.В. Алексееву, что в этом случае успехи прорыва Юго-Западного фронта «ограничатся лишь тактической победой и... на судьбу войны никакого значения иметь не будут». Брусилов считал, что даже самый факт наступления всех фронтов разом, пусть даже и без определяющего успеха, уже не даст противнику возможности продолжать переброску своих немногочисленных резервов под Ковель².

Тем не менее генерал Эверт вплоть до провала операции под Барановичами считал свой удар главным. А потому он не отказывался ни от резервов, ни от запасов боеприпасов, ни от любезных услуг Юго-Западного фронта, вынужденного пока что наступать в одиночестве, в то время как перенасыщенный войсками Западный фронт все еще «готовился» к наступлению. Единственным плюсом стало лишь то, что, получив информацию о переносе русского удара на барановичское направление, немцы перебросили в этот район 13 дивизий, но и те в основном были взяты из той группировки, что ранее готовилась отбить атаку на Вильно.

Как бы то ни было, но наступать все равно пришлось бы. Директива Верховного главнокомандования от 3 июня, помимо разрешения о переносе направления главного удара, категорически указывала: «На переброску войск и организацию подготовки удара на левом берегу Немана назначается от 12 до 14 дней, считая с вечера 3 июня, по истечении коих удар должен быть произведен обязательно...».

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 142—143. 148 об.

² ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.

Для того чтобы «отделаться» от главкоюза, генерал Эверт передал в состав Юго-Западного фронта свою 3-ю армию. Кажется — каков прибыток! На самом же деле Брусилову достались только штаб и один корпус — 31-й армейский. Все прочие войска были выведены Эвертом в район сосредоточения ударной группировки. Следовательно, Юго-Западному фронту достался один корпус с зоной ответственности и протяженностью фронта на целую армию. Это лишь ослабило мощь ген. А.А. Брусилова, так как подкрепления запаздывали. А в литературе еще и до сих пор можно прочитать о «неблагодарном» Брусилове, получившем якобы целую армию, и еще недовольном таким «подарком».

Для производства прорыва в район Барановичей (сам город находился по ту линию фронта) было переброшено управление 4-й армии ген. А.Ф. Рагозы, после чего сюда стали прибывать войска. Всего для атаки только в 4-й армии Эверт сосредоточил 19,5 пехотных и 2 кавалерийские дивизии общей численностью в 325 тыс. штыков и сабель при 1324 пулеметах, 742 легких и 258 тяжелых орудиях. Со стороны противника район Барановичей оборонялся армейской группой Р. фон Войрша общим числом более 80 тыс. штыков при 248 орудиях. Простое сравнение: в начале Брусиловского прорыва ген. А.А. Брусилов имел в четырех армиях 168 тяжелых орудий. Здесь же только в одной армии находилось 258 единиц. Каков же успех должен был бы последовать при надлежащем использовании этих сил?

Иное дело, что штаб Западного фронта не пожелал воспользоваться успешным опытом соседа. Практика Первой мировой войны за два года показала, что прорвать эшелонированную оборону противника на одном избранном участке практически невозможно. Обороняющийся всегда успевал подтянуть к месту прорыва резервы и технику, после чего сражение превращалось в мясорубку, где наступающие несли несравненно большие потери. В результате прорыв захлебывался еще в тактической зоне обороны. Понимая это, главкоюз ударил в нескольких местах, причем свой прорыв вела каждая из четырех армий Юго-Западного фронта, да еще на двух-трех участках. Скованный по всему фронту противник, не имея резервов, был вынужден сдавать назад. Прорыв развивался там, где обозначался наибольший успех.

Такой подход дал великолепную победу. Впоследствии ряд участников войны укоряли А.А. Брусилова, что он разбросал свои силы и потому нигде не мог развить прорыв в оперативные масштабы.

Это верно. Но другой-то подход, который восхвалялся критиками, вообще ничего не дал. На Западном фронте фактически наступала одна ударная армия — 4-я, имевшая массу людей и техники (например, ударная армия Юго-Западного фронта — 8-я — имела 225 тыс. чел.). В тылу ее стояли 5 резервных корпусов — по сути, еще одна армия. И дело кончилось ничем, так как противник, умело маневрируя людьми и огнем, своевременно подтягивал на угрожаемые участки атак под Барановичами резервы, которые отбрасывали русских в исходное положение. Таким образом, не сумевший отказаться от уже устаревших методов прорыва и имея перед глазами удачный опыт, главкозап не пожелал отказаться от неудачного образца и потому неизбежно потерпел поражение. Даже англичане, имевшие на Сомме 1700 тяжелых орудий, не смогли прорвать германской обороны. Чего же тогда хотел Эверт?

19 июня 1916 г. части 4-й армии Западного фронта, заняв исходное положение на малоподготовленном рельефе, бросились в прорыв. В первый же день атаки войска 9-го и 25-го армейского корпусов ворвались в первые линии неприятельской обороны. Гренадерский и 35-й армейский корпуса атаковали двумя днями позже. Все атаки были отражены немцами, а те русские подразделения, что все-таки вклинились в оборону, выбивались контратаками. Вот и что толку, что 4-я армия наносила удар при 4-кратном превосходстве в силах, имея в тылу массу резервов, если не удалось прорвать третью, а то и вторую линию германской обороны? К чему было вероятное оперативное развитие успеха, за отсутствие коего упрекали Брусилова, если Эверт не достиг и тактической победы? Для чего оказалось бессмысленным сосредоточение громадных резервов Ставки, кроме умножения потерь?

На третий день наступления главкозап ввел в дело уже резервы — 3-й Кавказский и 3-я Сибирский корпуса. Сменяя друг друга, русские атаковали и атаковали, лишь увеличивая количество жертв, ибо неверна была сама организация наступления. Тяжелая артиллерия и атакующие корпуса были разбросаны по всему фронту, чем было уничтожено общее превосходство русских в силах: «Оперативная свобода русского Верховного Командования была скована позиционной формой войны и непониманием ее сущности. Стремление удержать везде достаточные для занятия всего позиционного фронта силы привело к тому, что больше 80 % дивизий в момент решительного наступления сидела, ничего не делая, в окопах; правда, насыщенность

фронта была... 10 км на дивизию»¹. Ситуация с Нарочским наступлением повторилась точь-в-точь, с той поправкой, что тогда можно было свалить вину за неудачу на климат. 22, 24, 25 июня русские атаки продолжались с неослабевающей яростью. Результат остался прежним — поражение с громадными и бесцельными потерями.

Наступление продолжалось 1,5 недели. Итогом стали 80 тыс. потерь, при том что противник потерял вчетверо меньше. Во-вторых, противник получил возможность отправить новые войска как под Ковель, так и во Францию (новые переброски из Франции начнутся в конце лета, в связи с выступлением Румынии). В-третьих, Северный фронт, который вообще не решился наступать, и Западный фронт остановились совсем, послужив теперь в кампании 1916 г. простым резервуаром резервов для Юго-Западного фронта. Главкоюз получил главный удар, который ему следовало поручить еще 1 апреля, а прощтрафившиеся военачальники оставались на своих постах.

Недоброжелатель А.А. Брусилова пишет: «Генерал Эверт в конце июня предпринял давно ожидавшееся наступление и получил давно им ожидавшийся результат: кровавую неудачу. Не изменником был он (как его считал Брусилов), не желавшим наступать, но прозорливым полководцем, видевшим, что наши тяжелопозиционные средства совершенно недостаточны для прорыва тяжелопозиционной системы противника, которую немцы (не в пример австрийцам) создавали с немецкой старательностью и разумением. Кроме больших потерь, результатом Эвертова наступления было то, что Ставка сочла возможным отказаться от выполнения французского диктата и основательно усилить Брусилова за счет Эверта и Куропаткина»². Представляется, если генерал Эверт давно ожидал «кровавую неудачу», то почему же он не отказался от права главного удара? А еще лучше — от своего поста? Почему же Западный фронт продолжал требовать резервов Ставки и технических средств ведения боя, если «кровавая неудача» ожидалась штабом фронта как неизбежность? Почему все это не было передано на Юго-Западный фронт, не отказывавшийся наступать? А что касается «усиления Брусилова», то перегруппировка всех резервов южнее Полесья окончательно добила и без того сла-

---

¹ Снитко Н. Шляхтер Я. Использование войск. Часть 1: Германская армия в 1914—1919 годах. М., 1930. С. 132.

² Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 544.

бый и разрушавшийся русский транспорт. Последней каплей станет вступление в войну Румынии.

25 июня главкозап, уже после провала наступления, вновь сообщил Алексееву о своей неготовности к новому прорыву. Теперь стало ясно, что ставка на генерала Эверта оказалась неверной — «подобный образец управления, продемонстрированный А.Е. Эвертом, можно охарактеризовать как “оперативный самотек”. Выделение минимальных сил для нанесения изначально спланированного сильного фронтового удара является явным свидетельством неспособности вести наступательные действия в условиях позиционной войны, желанием переложить ответственность на своих подчиненных»¹. Нехватка воли побудила главкозапа переменить направление атаки, вынудив к этому и Ставку. Затем, не сумев ничего сделать, как того и следовало ожидать, и как того ожидал Эверт, он отказался от возобновления попыток наступления. Очевидно, Эверт полагал, что истинная сила полководца проявляется в том, чтобы отказаться от решения потерявших смысл задач. Потому-то разочарование солдат и офицеров армий Западного фронта было велико. Об ожиданиях рядового состава войск летом 1916 г. говорят воспоминания в виде писем артиллериста-вольноопределяющегося 64-й артиллерийской бригады, дравшейся в районе Сморгони, советского писателя В.П. Катаева: «Дорогая Миньона, докладываю, что после боя 19 июня, о котором я подробно писал Вам, началась полоса боев. Ночи превратились в непрерывный оглушающий грохот, блеск разрывов, пулеметную дробь, напряженную, сверх человеческих сил работу возле орудия и пр... [Командиры] ведут стрельбу всей бригадой, то есть всеми шестью батареями сразу, стрельба редкая, но ужасно методичная, упорная назойливая. Это, вероятно, последние приготовления перед прорывом немецкого фронта. Так называемая артиллерийская подготовка. Господи, только бы... Право, кажется, если бы нам удалось прорваться и отнять у немцев ближайшую цель нашего наступления — город Вильно, то не надо мне ничего: ни славы, ни здоровья, ни даже Ваших писем...»² Но на прорыв А.Е. Эверт, как известно, так и не решился. После передачи главного удара Юго-Западному фронту Западный фронт остался в полосе рядовых стычек и активно передавал войска соседу.

---

¹ Порошин А.А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов. 2010. С. 232.

² Катаев В.П. Сухой лиман: Повести. М., 1986. С. 118. 133.

Получив отсрочку для подготовки нового наступления, Западный фронт получил задачу сковывания резервов противника на своем фронте. Приказ Ставки теперь говорил, что «цель ближайших действий армий Западного фронта поставить удержание находящихся перед ним сил противника, держа их под угрозой энергичной атаки или продолжения операции в барановичском направлении». Весь июль месяц прошел в не имевших определенной цели перегруппировках, так как генерал Эверт по-прежнему наступать не желал. Вместо организации наступления на Западном фронте «подтягивали» дисциплину. Так, 12 июля Эверт писал Рагозе, что значительная, но временная убыль солдат во время боя выпадает на исчезающих с началом атаки солдат из окопов, а затем постепенно возвращающихся. Причина — не только в «недостаточной воспитанности нижних чинов в чувстве долга и взаимной выручки», но и в «недостаточной налаженности военно-полицейской службы в ближайшем тылу боевых линий перед, во время и после боя». Главком-зап требовал принять меры «вплоть до самого широкого применения военно-полевых судов с расстрелом виновных в дезертирстве на глазах нижних чинов их частей»¹. С одной стороны, вроде как все правильно. С другой — следовало ли ожидать иного отношения к атакам со стороны солдат, видевших летний ералаш на Западном фронте с переменной направленностей главного удара, атакой под Барановичами и проч.?

В свою очередь, Алексеев, хотя и передав главный удар Юго-Западному фронту, все еще надеялся, что Западный фронт будет наступать. С этой целью 3-я армия Л.В. Леша была вновь возвращена в состав Западного фронта, что позволило А.А. Брусилову всецело сосредоточиться на Ковеле. Поддаваясь настояниям Ставки, согласно директиве штаба Западного фронта от 3 августа, новое наступление было назначено на 15-е число. Затем — на 23-е. Однако 22 августа, после проведения артиллерийской подготовки, новая операция была вновь отменена, на этот раз под предлогом наступающей осенней распутицы. 27 августа армии фронта произвели частный удар на Червищенском плацдарме, после чего фронт замер в мелких локальных стычках.

Впрочем, в августе и в Ставке уже не верили в Эверта, хотя в войсках ходили слухи о его назначении на должность военного министра². Надеялись, но не верили. Так, 10 августа Алексеев сообщал Эверту,

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 368. Л. 23.

² *Снесарев А.Е.* Дневник: 1916—1917. М., 2014. С. 91.

что успехи войск Брусилова должны оттянуть немцев из районов, расположенных севернее Полесья, а неудача, напротив, развяжет противнику руки в деле решения дальнейших задач. М.В. Алексеев признал, что теперь театр военных действий южнее Полесья становится главным, а потому армии Северного и Западного фронтов будут иметь пассивные задачи, направляя свои резервы на юг, чтобы усилить Юго-Западный фронт и особенно 9-ю армию, действовавшую рядом с румынами. Оценивая же итоги русско-румынских переговоров в целом, Алексеев сообщал: «Центр тяжести Юго-Западного фронта теперь, с присоединением Румынии, полезно переместить более к югу... и будущую операцию предпочтительнее приурочить к Галицийскому театру, дабы доканчивать расстройство австрийцев... [таким образом, необходимо] севернее Полесья сохранить силы, достаточные для обеспечения нашего положения»¹. «Достаточными силами» стали не менее чем в 2,5 раза превосходящие противостоящих немцев войска. Кто же выиграл более от бездействия армий Западного фронта?

С другой стороны, захлебнулся и Брусиловский прорыв. Громадные потери при небольших видимых результатах поразили страну и позволили готовившую государственный переворот оппозицию воспользоваться этим как козырем в борьбе против императора Николая II. Современники не сумели сразу оценить, что русские неудачи были не хуже неудач союзников, гораздо более богато оснащенных техникой. Завязанная русскими «мясорубка» на Восточном фронте, вывела из строя противника не меньше людей, нежели потеряли русские. Впрочем, эта точка зрения спорна, так как, например, авторитетнейший военный исследователь С.Г. Нелипович считает, что русские потери в 1916 г. были как минимум в 1,5 раза выше неприятельских. Однако же в целом, все было не так плохо, как представлялось оппозицией в миллионах листовок и тиражах буржуазных газет. Разочарование итогами кампании было столь велико, что 7 октября такой выдающийся офицер и военный теоретик, как А.Е. Снесарев, записал в дневнике: «Не надо нам гениальных, которые решают дивные задачи, а дайте нам средних, но храбрых, *честных в труде* и исполнительных. Дивизия, в которой будут такие, непобедима; она не будет, может быть, иметь ярких разгромов, но она обеспечена от поражений и осечки не даст»².

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 59. Л. 13—15.

² Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 269.

Именно таков был генерал Эверт. Тот самый Эверт, который ни разу не был разбит, но и ни разу не победил. Тот самый Эверт, который своим бездействием провалил кампанию 1916 г. Исследователь полководческого искусства русских военачальников той войны говорит: «Его осторожность, которую следует считать нерешительностью, в конечном итоге высветила его как человека, боявшегося ответственности»¹. Уж если такие офицеры, как А.Е. Снесарев, предпочли бы Эверта Брусилову, то надо отметить высочайшую степень недоверия войск к своим высшим руководителям. Безусловно, предпочтение верной пассивности риску дерзновения есть следствие боев на Юго-Западном фронте в мае — сентябре 1916 г. Но зато много ли это дает истощаемой стране, которая и до войны шаталась от революционных потрясений?

Конец 1916 г. для Западного фронта прошел в локальных стычках и укреплении позиций. Например, телеграмма Эверта в Ставку 17 ноября показывала: «Вследствие отправления с Западного фронта войсковых частей на другие фронты, уменьшение состава войск Западного фронта создало настоятельную необходимость в возможно скорейшее время восполнить растянутое и потому слабое расположение войсковых частей соответствующим усилением укреплений войсковых позиций. Необходимость интенсивного укрепления особенно велика в тех болотистых районах, которые, будучи в летний период малопроходимы и потому недоступны для производства в них оборонительных работ, в зимнее время становятся доступными для действий противника». Просьба — не брать более саперов с Западного фронта на Юго-Западный и Румынский фронты².

Итак, решение войны откладывалось на будущий год. Верховное главнокомандование делало все от него зависевшее, чтобы кампания 1917 г. стала последней. В Действующую армию потекли новые пополнения. Накапливались запасы вооружения и боеприпасов. В тылу создавался отдельный 48-й армейский корпус ген. Ю.М. Шейдемана — Тяжелая артиллерия особого назначения. Союзники поставляли артиллерию и пулеметы. Готовились и военачальники. 10 ноября Эверт сообщил Алексееву, что операции кампании 1917 г., «если и не приведут войну к полному окончанию, то, во всяком случае, предрешат с очевидностью ее исход»³.

---

¹ Порошин А.А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов. 2010. С. 284.

² РГВИА. Ф. 2006. Оп. 1. Д. 15. Л. 176.

³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 277. Л. 25.

17—18 декабря в Ставке пройдет последнее Совещание высшего генералитета при царском режиме. На нем будут решаться две задачи — реорганизация действующей армии («реформа Гурко») и оперативно-стратегическое планирование на будущий год. На этом Совещании, как ни странно, главкозап ген. А.Е. Эверт утверждал, что теперь, когда противник сконцентрировал против Юго-Западного фронта значительные силы, «едва ли наше наступление на этом фронте будет иметь большое развитие и значение». Еще меньше шансов на успех, по мысли генерала Эверта, имело бы наступление на Балканы через Румынию, ибо использовать для главного удара Румынский фронт ударом на Болгарию невозможно, так как уже теперь нельзя должным образом питать находящиеся там войска, вследствие единственной железнодорожной колеи, соединяющей армию Румынского фронта с Россией. А затем будет невозможно вывезти оттуда войска, буде противник нанесет контрудар на каком-либо оголенном участке другого фронта. Поэтому А.Е. Эверт опять выдвинул идею о проведении главного удара опять-таки армиями Западного или Северного фронтов. То есть, повторимся, погубив кампанию 1916 г., ничтоже сумняшеся, главкозап требует вновь передать ему главный удар. Для успеха наступления генерал Эверт спрашивал только для ударной армии около 2 тыс. орудий, в том числе не менее 700 — средних и тяжелых калибров. Последних — не более не менее как 258 штук.

Как все это оценить? Бесспорно, что для взлома обороны противника требовалась тяжелая артиллерия в больших количествах. Но где ее было взять? И если ты не веришь в успех, то зачем же требовать для себя главный удар? При всем том точность и четкость главкозапа в организации войсковой службы нельзя не отметить. Опять готовились войска и артиллерия. Сосредотачивалась новейшая по меркам Восточного фронта техника. Например, приказ от 29 декабря говорил о необходимости совместной артиллеристов и летчиков-наблюдателей — «особенно при помощи радиотелеграфа, которым будут снабжены все наши новые летательные аппараты»¹. Но любая техника бессильна без человеческого фактора. Без людей, организующих работу техники, и подчиняющую ее целям, поставленным людьми.

Что же касается стратегии, то в кампании 1916 г. можно видеть все то же своеволие фронтов, что и в 1914 г. Каждый фронт действу-

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 13. Л. 93.

ет по собственному разумению, зачастую игнорируя Ставку. Тем не менее можно объяснить это обстоятельство, раз перед глазами была масса самых отрицательных последствий, к которым приводила такая практика вождения войск. Действительно, аналогия с 1914 г., в смысле соподчинения и армейской иерархической системы, полная. Но теперь уже — не столько на уровне армий, сколько целых фронтов. А.Е. Эверт под Барановичами в 1916 г. напоминает Н.В. Рузского под Львовом 1914 г. Сколько его ни понукает вышестоящее командование, он не желает подчиняться, предпочитая синицу в руках журавлю в небе. Но Рузский хотя бы наступал, а не отделялся пустыми отговорками. Впрочем, как запоздалый поворот на север 3-й армии ген. Н.В. Рузского в ходе Галицийской битвы позволил австрийцам беспрепятственно отступить за р. Сан, так и запоздалый удар под Барановичами не сыграл ровно никакой роли для положения австро-германцев, уже надломленного Брусиловским прорывом Юго-Западного фронта.

Новый 1917 год для военачальников являлся годом новых надежд, так как весной предполагалось новое наступление с решительными целями. Приказ Эверта от 1 января 1917 г. гласил: «В день Нового года вместе с поздравлениями шлю вам, доблестные войска Западного фронта, свой сердечный привет и пожелания. 1917 год наступает для нас при благоприятных условиях: видя с каждым днем растущую боевую мощь нашу и наших союзников и опасаясь грозных последствий своего злого дела, враг заговорил о мире. И хотя еще много нужно нам положить труда, чтобы окончательно обессилить и разбить Германию и ее союзников, но мы уже знаем, что час их неизбежного поражения, а нашей победы — близится». Все эти надежды оказались втоптаны в прах Февральской революцией.

ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

В отличие от ряда некоторых других высокопоставленных генералов, главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт не принял никакой выдающейся роли во время отречения от престола императора Николая II и падения российской монархии. Генералы Эверт и Сахаров (помощник главнокомандующего армиями Румынского фронта) являлись наиболее лояльно настроенными по отношению к царю главнокомандующими. Оппозиционные заговорщики прекрасно

знали это, а потому А.Е. Эверт и В.В. Сахаров остались вне связей с либеральными кругами Государственной думы. В частности, когда зимой 1917 г. посланцы оппозиции объезжали главнокомандующих фронтами, то ни Эверт, ни Сахаров такой «чести» не удостоились. Вернее, эти визиты носили, так сказать, «официальный характер». В Минск — штаб Западного фронта — приехал лично председатель Государственной думы М.В. Родзянко, прошупывавший настроения как самого главкозапа, так и его окружения, тем более, что было известно о левых настроениях генерал-квартирмейстера фронта ген. П.П. Лебедева, впоследствии занимавшего высокие посты в РККА.

Очевидно, этот визит не имел особого успеха, так как в ходе Февральской революции главкозап получал информацию одним из последних. Вплоть до последнего момента он исполнял приказы Верховного главнокомандующего. В частности, Западный фронт должен был послать на подавление восстания в Петрограде 34-й Севский и 36-й Орловский пехотные полки, 2-й лейб-гусарский Павлоградский и 2-й Донской казачий конные полки (отправка 1 марта). Пока еще для генерала Эверта хватало профессиональных обязанностей.

Фактически началом участия главкозапа в переломных событиях февраля 1917 г. является телеграмма М.В. Алексева главнокомандующим фронтами, где Алексеев прямо предложил положительно ответить на вопрос о необходимости отречения императора от престола в пользу сына при регентстве брата великого князя Михаила Александровича. Известно, что Эверт пытался, насколько возможно, уклониться от ответа на вопрос Ставки (то есть лично Алексева) относительно отречения императора. Главкозап запросил предоставить ему ответы главкосева и главноюза, и только тогда, убедившись, что весь высший генералитет, кроме него самого и В.В. Сахарова, поддержал переворот, вынужденно присоединился к общему мнению своих коллег. Даже А.И. Деникин признает, что «Западный фронт долго задерживал ответ. Румынский также долго уклонялся от прямого ответа и все добивался по аппарату у соседних штабов, какой ответ дали другие». Безусловно, все это отнюдь не оправдывает генералов Эверта и Сахарова, по сути дела, нарушивших присягу своему сюзеру и Верховному главнокомандующему, но их колебания и нерешительность подтверждают точку зрения, что, вероятнее всего, эти два главнокомандующих не обладали точной информацией о готовящемся перевороте (слухами питались все). А главное, в условиях, когда Ставка (М.В. Алексеев) и герой прошлогодней кампании (А.А. Брусилов) твердо поддержали

идею отречения, главкозап и помглавкорум не решились на противостояние в поддержку императора, находившегося к тому же в руках сторонника отречения (Н.В. Рузский). В своей телеграмме от 2 марта на имя императора Николая II ген. А.Е. Эверт указал: «При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный вашему величеству верноподданный умоляет ваше величество, во имя спасения родины и династии, принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно видимо способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии». Ссылка на М.В. Родзянко и Н.В. Рузского показывает, что главкозап до последнего момента был отстранен от того объема информации, которым располагали явно поддерживавшие планы дворцового переворота генералы.

Доводом, побудившим Эверта все-таки поддержать переворот, стал продовольственный кризис на фронте. В феврале 1917 г. министр земледелия, отвечавший за снабжение страны и армии, принял поездку по хлебородным регионам, а также посетил Брусилова и Эверта. Следовательно, главкозап и главкоюз имели информацию о кризисе из первых рук, и потому падение запасов на фронтах накануне Февральской революции до норм нескольких дней, поставило фронт в несомненную зависимость от тылового подвоза, в том числе побудило главкомов учесть требования оппозиции. Этот довод показывается в мемуарах супруги А.Е. Эверта — Н.И. Эверт. 28 февраля главкозап сообщил ей, что продовольствия на Западном фронте осталось на 3 дня — «задержится подвоз, начнется недоедание в армии, этим, конечно, воспользуются, и бунт в армии неминуем». А 1 марта Эверт с горечью сказал жене: «Мне пришлось нарушить присягу, обратиться к Государю с предложением отречься от престола; все главнокомандующие обратились с такой просьбой, считают, что это — единственное, что может спасти Россию и сохранить фронт. Я плохо в это верю, но открыть фронт мы не имеем права перед Родиной». Монархические убеждения А.Е. Эверта подтверждаются и тем, что в беседе с посланцем А.И. Гучкова — Н. Щепкиным 4 марта, то есть уже после отречения не только императора Николая II, но и его брата великого князя Михаила Александровича, Эверт сказал, что лучше всего будет конституция по образцу английской, а самой подходящей кандидатурой станет великий князь Михаил Александрович¹.

¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 4 об.—5. 7—8.

Первое время после свержения монархии в среде русского офицерского корпуса царило смятение. Тем более это было присуще людям, втянутым в водоворот событий, но исповедовавшим монархическое мировоззрение. Очевидно, что генерал Эверт ни в какой степени не принадлежал к стану заговорщиков, и потому крушение привычных устоев оказалось для него неожиданностью: одно дело — поругивать императора, и совсем другое — в три дня оказаться в республиканской, по сути, стране. Смятение — вот как можно охарактеризовать состояние душ русских офицеров. И чем больше ранг офицера, тем больше смятение. Например, офицеры, прибывшие с Западного фронта, рассказывали А.И. Гучкову о происходившем в Минске следующим образом: «Первые же дни революции, но уже государь отрекся, идет митинг в каком-то большом правительственном здании. В этом зале герб Российской империи. Солдатами заполнен весь зал. Эверт на эстраде произносит речь, уверяет, что был всегда другом народа, сторонником революции. Затем осуждали царский режим, и когда эта опьяненная толпа полезла за гербом, сорвала его и стала топтать ногами и рубить шашками, то Эверт на виду у всех аплодировал этому»¹.

Подобного рода поведение обычно характеризуется в диапазоне от «хамелеонства» до «предательства». Прежде всего, такие термины употреблялись эмигрантами по отношению к ген. А.А. Брусилову. Однако же, вне сомнения, внешнее отречение от монархии было присуще всему высшему генералитету, в большинстве своем не ожидавшему того, что случилось в ходе февральского переворота. Многие рассчитывали максимум на «ответственное министерство», либо в крайнем случае — на перемену фигуры монарха. Причем такие расчеты военачальники спешили подтверждать и декларациями. Например, телеграмма ген. А.Е. Эверта председателю Государственной думы М.В. Родзянко от 3 марта показывает как раз такой расчет: «Объявив войскам армий вверенного мне Западного фронта манифест Государя императора Николая II, я, вознеся вместе с ними молитвы Всевышнему о здравии Государя императора Михаила Александровича, о благоденствии Родины и даровании победы, приветствую вместе с вверенными мне войсками в Вашем лице Государственную Думу, новое правительство и новый государственный строй». Не успел еще отречься старый царь, как генералитет, морально готовый

---

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... М.. 1993. С. 102.

к его замене, в желании сохранить монархию как таковую старается принять все от него зависящее к тому средства.

Лишь единицы, вроде начальника 3-го кавалерийского корпуса ген. графа Ф.А. Келлера, открыто выступили в поддержку монархии. Прочие повлеклись за событиями. Примечательно, что монархические убеждения генерала Эверта отразились в массовых слухах того времени. Так, в процессе развития событий февральского переворота в Москве прошел слух, что А.Е. Эверт ведет на столицу войска, сохранившие верность императору¹. Такой слух касался лишь Эверта, что наглядно характеризует несомненную лояльность военачальника царизму как таковому. Слух так и остался слухом, однако же приписывание массовым сознанием москвичей верности одному генералу Эверту показывает многое в личности полководца в смысле его политических убеждений.

Свою роль, бесспорно, сыграл и конформизм — власть есть власть, от которой будет зависеть твое существование. Таким образом, А.Е. Эверт явился обычным русским генералом высокого ранга, против своей воли втянутым в революционный процесс, а потому и достаточно некрасиво ведшим себя в первые дни революции. Например, вскоре после отречения императора ген. А.Е. Снесарев писал в дневнике: «Эверт, Щербачев и т.д. чуть ли не заделались “товарищами”... Спешат, упали, о достоинстве забыли»². По отношению к генералу Эверту это не совсем справедливо. Из пяти наиболее высокопоставленных генералов лишь двое были лояльны к существующей власти — А.Е. Эверт и В.В. Сахаров. Вот они первыми поплатились за свою лояльность царю: 11 марта для Эверта и 1 апреля для Сахарова.

6 марта в Минске прошел парад гарнизона, а 9-го гарнизон во главе с Эвертом принимал присягу Временному правительству. 8 марта Эверт сообщал новому премьер-министру князю Г.Е. Львову: «Несмотря на посланные мною еще 3 марта и в последующие дни Вам поздравления от войск Западного фронта с переходом к новому государственному строю и заявление о присоединении к нему Западного фронта, о сем не было опубликовано ни в агентских телеграммах, ни в столичных газетах, чем вызываются нежелательные кривотолки.

---

¹ Руга В., Кокорев А. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны. М., 2011. С. 542.

² Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 54.

Прошу содействия к срочному опубликованию того, что Западный фронт одновременно с прочими присоединился к новому правительству. Желательно, чтобы соответственная правительственная телеграмма вышли сегодня». В тот же день Алексеев уточнил Львову, что две телеграммы Эверта «не были переданы из Ставки, так как их редакция уже не соответствовала тому государственному строю, который установился к моменту получения телеграмм в Ставке»¹. Смысл в том, что Эверт, объявив об отречении царя, приветствовал Государственную думу и великого князя Михаила Александровича.

Но уже 11 марта 1917 г. главнокомандующий армиями Западного фронта был уволен в отставку с мундиром и пенсией, которая составила 5855 руб. в год, а вместе с эмеритурой — 8000². Первоначально на место Эверта предполагался командарм-9 ген. П.А. Лечицкий, о чем сообщили все газеты, однако Лечицкий в середине марта добровольно вышел в отставку³, и главкозапом стал ген. В.И. Гурко.

Осторожный, монархически настроенный, обманутый заговорщиками полководец никому не был нужен. Ясное дело, что любая отставка должна быть хоть как-то объяснена. Дело в том, что новый Верховный главнокомандующий, исполняющим обязанности которого являлся ген. М.В. Алексеев, не настаивал на смене генерала Эверта. Этого захотел новый военный министр в первом составе Временного правительства — А.И. Гучков, враг императора Николая II, один из главных заговорщиков в стане либеральной оппозиции. Смещая ген. А.Е. Эверта, А.И. Гучков заявил М.В. Алексееву, что главкозап не способен командовать фронтом. Гучков говорил об Эверте так: «Полная неспособность которого известна всем, начиная от вас и кончая последним солдатом». Доля истины здесь есть. Однако же сам Гучков еще менее был достоин занимать пост военного министра, для чего, собственно говоря, все же требуются специфические знания, нежели генерал Эверт — командовать фронтом. Всего через месяц после отставки А.Е. Эверта в отставку отправится и сам А.И. Гучков — в результате Апрельского кризиса. Временно исполняющим обязанности главкозапа стал командарм-2 ген. В.В. Смирнов. Через три недели этот пост занял командующий Особой армией ген. В.И. Гурко; в се-

¹ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 295. Л. 20—21.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 8.

³ Вестник X армии. 1917. 12 марта. С. 2; Воронежский телеграф. 1917. № 57. С. 2; Тамбовский край. 1917. № 55. С. 2.

редине мая и он будет заменен ген. А.И. Деникиным — истинным республиканцем.

Главкомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт по своим политическим убеждениям являлся убежденным монархистом, и его поведение можно объяснить исключительно растерянностью и попыткой приспособленчества. К счастью для полководца, в отличие от Рузского и особенно Алексеева и Брусилова, играть неприглядную роль ему пришлось недолго. Всего лишь семь дней. О настоящих же убеждениях генерала Эверта свое свидетельство оставил последний царский губернатор Минской губернии. Дело в том, что некоторое время после своей отставки А.Е. Эверт проживал в Минске, после чего переехал в Смоленск. В.А. Друцкой-Соколинский пишет: «А.Е. Эверт, человек изумительно цельный и определенный, не скрывая и не прячась, открыто обвинял себя в предательстве Государя... Он полагал, что главным вопросом момента было обеспечение возможности продолжать войну, и думал, что эта возможность сохранится при удовлетворении требований взбунтовавшегося Петроградского гарнизона и возглавившей этот бунт Государственной думы о смене личности царствующего Монарха»¹. Как и все прочие высшие генералы, А.Е. Эверт рассчитывал, что после бескровной смены власти страна продолжит войну, а не скатится в революционную смуту. Один этот факт подтверждает мнение не о политической близорукости или наивности генералитета, а о полной неразберихе в головах руководства действующей армией, неадекватности оценок ситуации и перспектив ее развития в данных конкретных условиях. Друцкой-Соколинский, лично знавший генерала Эверта, показывает, что тот говорил: «Я, как и другие главкомандующие, предал Царя, и за это злодеяние все мы должны заплатить своей жизнью».

И А.Е. Эверт, и М.В. Алексеев, как можно видеть из мемуаров современников, впоследствии сожалели о своих действиях в начале революции. Но если действия генерала Алексеева и по сей день окутаны мраком тайны, то поведение генерала Эверта — это поведение растерявшегося и пытавшегося сохраниться на плаву человека. Ясно одно: имея информацию в виде слухов о готовившемся дворцовом перевороте, главкозап искренне полагал, что максимум революции — это будет не более чем смена правящего монарха на его сына цеса-

---

¹ Друцкой-Соколинский В.А. На службе отечеству. Записки русского губернатора. Орел. 1994. С. 58.

ревича Алексея или брата великого князя Михаила Александровича. На деле же вышло совершенно иное. Однако, не оставив после себя мемуаров, Алексей Ермолаевич Эверт хотя бы покался перед современниками. Другие не сделали и этого.

В дальнейшем ген. А.Е. Эверт не принимал участия в политическом действе, что ныне получило наименование Красной Смуты, и в Гражданской войне участия не принимал. Судьба полководца после революции показывается по-разному. В разнообразных советских изданиях сообщается, что в годы революции и Гражданской войны А.Е. Эверт проживал в Смоленске, а затем в Верее, где на закате дней занимался пчеловодством. В последнем городе он и скончался 10 мая 1926 г., пережив всех последних главнокомандующих фронтами эпохи императорского режима. Однако, со ссылкой на семью Эверта, Друцкой-Соколинский считает, что генерал был убит большевиками в 1918 г., а современный биограф полагает, что Эверт, скорее всего, был убит в конце 1917 г. в Смоленске¹.

В фондах ГАРФ находятся три небольшие рукописные тетради мемуаров, принадлежащих супруге полководца — Н.И. Эверт, в которых описывается судьба генерала Эверта и его семьи после революции вплоть до гибели генерала. Позволим себе кратко остановиться на основных вехах жизни и гибели Алексея Ермолаевича Эверта после его отставки.

14 марта после отставки А.Е. Эверт приехал в Смоленск к семье: «Первые дни он избегал нас и искал одиночества, но мало-помалу, видя сколько заботы прилагают близкие, чтобы скрасить его жизнь, и сознавая каким гнетом ложится его настроение на всех окружающих, он забрал себя в руки». Тогда же ухудшилось здоровье — приступы невралгии, почему в конце марта Эверт с близкими выехал на Кавказ в Пятигорск, откуда вернулись 27 мая². После прихода к власти большевиков Эверты оставались спокойны: «Вначале муж отнесся к большевистскому перевороту с полным спокойствием. Он не ждал от него больших угроз для России, чем от Временного правительства и диктатуры Керенского». Не боялся и за себя, полагая, «что раз он отстранился от всякой политики, большевики его не тронут», а потому все время в 1917 г. Эверт носил форму с генерал-адъютантскими

---

¹ Порошин А.А. Полководческое становление главнокомандующих армиями фронтов Первой мировой войны. Саратов. 2010. С. 261.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 757. Л. 11, 17 об.

погонами.¹ Тем не менее в феврале 1918 г. Эверты уехали из Смоленска, так как получили информацию, что его должны расстрелять, хотя Эверт отказался эмигрировать².

13 февраля 1918 г. Эверты приехали в Москву, а на следующий день генерал был арестован и содержался в Таганской тюрьме в соседстве с бывшим главкомандующим армиями Северо-Западного фронта ген. Я.Г. Жилинским³. После освобождения в конце апреля Эверты переезжают в Верею. Как пишет Н.И. Эверт, известие о расстреле царя «совсем подкосило мужа»; полководец заявил: «А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главкомандующие — все изменники присяге и предатели своего Государя. О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к Государю с просьбой об отречении. Нас всех ожидает та же участь, и поделом!»⁴ Эта цитата (пусть, наверное, и неточная), показывает, что А.Е. Эверт верно оценил действия главкомов в феврале — начале марта 1917 г., и продолжал убиваться своим участием в этом.

7 сентября 1918 г. Эверт с сыном были арестованы в Верее в качестве заложников по приказу из Москвы, причем сына Бориса вскоре выпустили (он уехал на Балтийский флот, затем эмигрировал, фактически бежал из России), а генерала отправили в Можайскую тюрьму. Причиной ареста стал тот факт, что в списках арестовывавшихся большевиками заговорщиков Белого движения, А.Е. Эверт нередко фигурировал как будущий главкомандующий антибольшевистским восстанием в столице. В заключении полководец вел себя твердо, просился на работы, и даже вел дневник, который, судя по всему, безвозвратно утерян. Вдова вспоминает о поведении супруга: «Муж, как всегда, был спокоен и ни на что не жаловался; только сокрушался, что я в его лице лишилась помощника в работе. Тревожило его, по видимому, и наше материальное положение, так как он убедительно просил ничего ему не привозить. Жаловался на единственное — на недостаток движения, но сказал, что по выраженному им желанию, он будет назначаться колоть дрова»⁵. После ареста мужа Н.И. Эверт

---

¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 7.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 758. Л. 12.

³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 3—4.

⁴ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 18.

⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 31 об.

срочно выехала в Москву, где хлопотала за мужа у таких известных советских деятелей как Крыленко, Муралов, Раттель. О деле было известно и самому Троцкому, по распоряжению которого Эверта должны были вернуть под надзор в Верею. В крайнем случае Н.И. Эверт просила перевести генерала в Московский Кремль, где в это время содержался под арестом А.А. Брусилов, и всемогущий Ф.Э. Дзержинский вроде как давал свое согласие¹. Тем не менее события развивались стремительно: 3 ноября Н.И. Эверт вернулась в Можайск, где узнала, что в соседнем Гжатске был бунт, а Эверта повели вывозить в Москву и застрелили при якобы совершенной попытке к бегству несколько дней назад — еще 30 октября². Со слов прохожих, генерала Эверта вывели из тюрьмы под предлогом перевода в Москву, повели через открытое место и застрелили из нагана в спину, причем данные о гибели полководца приводились разные. Вдове генерала дело представили так, что смерть ее мужа стала результатом самоуправства местных властей, однако по оговоркам она сделала вывод, что приказ о ликвидации, скорее всего, был отдан из Москвы. Место захоронения — на городском Успенском кладбище — скрывалось, и могилу (генерал был похоронен в простом гробу в солдатской гимнастерке) показали вдове только два года спустя. Таким образом, Алексей Ермолаевич Эверт действительно был убит большевиками, убит без суда и следствия, в спину. Слово «расстрел» здесь неприменимо, так как это может быть оценено только как убийство, равно как и судьба Николая Владимировича Рузского. Но если Рузского застрелили хотя бы как заложника в процессе революционного террора, то Эверта просто убили.

Оценивать А.Е. Эверта как полководца достаточно сложно. В генерале Эверте, как ни в ком другом из русских полководцев, наблюдается раздвоение квадрата ума и воли. Ум ген. А.Е. Эверта вряд ли можно оценить ниже ума других русских полководцев. Воля же сочетается в себе, если можно так выразиться, «упорную осторожность». Если Н.В. Рузский всегда действовал при превосходстве сил, теряя имевшиеся возможности в ходе противоборства с противником, то А.Е. Эверт не смущался этим. Простое сравнение: Лодзинская или Августовская операция Рузского и Виленско-Свенцянская операция Эверта. Если А.Н. Куропаткин, все подготовив самым тщательным

¹ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 41—42.

² ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 759. Л. 44—46.

образом, пасовал перед волей неприятеля, то оборонительные действия 4-й армии в 1914—1915 гг. показывают, что А.Е. Эверт в случае необходимости вполне мог противопоставить воле врага свою волю. 4-я армия часто отлично дралась против превосходящего в силах врага.

Но вот стремления к риску, на что отваживались, например, А.А. Брусилов и особенно Н.Н. Юденич, у А.Е. Эверта почти не было. И это напрочь нивелировало его умственные качества. В тот момент, когда ситуация требовала бросить в дело последний фактор — риск, основанный на воле и суворовском мужестве генерала, генерал Эверт не мог переломить себя. И если в обороне имевшейся у полководца воли вполне хватало, то для наступления, где требовался риск, ибо инициатива принадлежит наступающему, уже нет. Поэтому в оценке А.Е. Эверта как крупного полководца (главнокомандующий фронтом и не может быть иной величиной), кампания 1916 г. сводит на нет его достижения кампаний 1914 и 1915 гг. Поэтому хочется закончить данную главу классической цитатой из К. фон Клаузевица: «Мы называем решимостью способность в обстановке действий, при недостаточных данных, устранять муки сомнений и опасности колебаний... мы полагаем, что решимость обязана своим существованием особому складу ума, и притом такому, который свойственен скорее мощным, чем блестящим умам; мы можем подтвердить такую родословную решимости еще тем, что существует множество примеров, когда люди, проявившие на младших должностях величайшую решимость, утрачивали ее на высших. Они чувствуют необходимость принять решение, но сознают и опасность, заключающуюся в неправильном решении; а так как они не могут охватить порученное им дело, то их разум теряет прежнюю силу, и они становятся тем более робкими, чем яснее сознают опасность нерешительности, которая их сковывает, и чем больше они привыкли действовать смело, сплеча».

Глава 4

ГЛАВКОЮЗ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ

НАЧАЛО ВОЕННОЙ КАРЬЕРЫ

Один из лучших русских полководцев Первой мировой войны, единственный, по имени которого была названа победоносная наступательная операция — Брусиловский прорыв, Алексей Алексеевич Брусилов родился 18 августа 1853 г. в Тифлисе. Правнуку и внуку русских офицеров — секунд-майоров, сыну-первенцу генерал-лейтенанта, изначально была на роду предписана военная служба. Как и было положено по тем временам, брак отличался громадной разницей в возрасте между супругами. Отец А.А. Брусилова женился в 68 лет на девушке младше его на 45 лет. Поэтому, три брата Брусиловых рано лишились родителей (в 1859 г.) и воспитывались в бездетной семье родной сестры матери — супругов Гагемейстеров, заменивших сиротам родных родителей.

Летом 1867 г. А.А. Брусилов отправляется в привилегированный Пажеский корпус в Санкт-Петербурге, куда он был зачислен десять лет перед тем, еще при жизни отца. Пажеский корпус — кузница русских офицерских кадров, предназначенный для отпрысков родовитого дворянства, давал право для поступления старшим сыновьям выдвинувшегося служилого дворянства. Таким образом, с детства будущий полководец получил образование и воспитание в самом блестящем военном учебном заведении Российской империи, поставлявшем офицерские кадры в Гвардию.

В июле 1872 г. прапорщик Брусилов выпускается в 15-й Тверской драгунский полк. Не имея средств для службы в гвардейских

частях, молодой офицер отправляется в полк, дислоцировавшийся в Закавказье и наиболее близко расположенный к дому Гагемейстеров в Кутаиси. Младший офицер 1-го эскадрона 15-го Тверского драгунского полка — вот первая должность Брусилова в вооруженных силах. Наивысшим пиком военной карьеры станет пост Верховного главнокомандующего России в 1917 г. Как можно видеть по роду войск, А.А. Брусилов являлся кавалеристом. Так что в отличие от прочих полководцев Российской империи периода Первой мировой войны, чьи биографии представлены в данной работе, он единственный был конником, другие главнокомандующие фронтами 1916 г. являлись пехотинцами.

Брусилов начал свою службу в Закавказье, где только-только, в 1864 г., закончилась изнурительная многолетняя Кавказская война. Стоявшие на Кавказе войска являлись наиболее опытными и умелыми в военном деле. Широко развитая система «куначества» между родами войск, столь восхищавшая М.Д. Скобелева, способствовала высокой боеспособности расположенных на Кавказе соединений. Это не могло не воспитывать новые кадры. Сам полководец писал в своих воспоминаниях об этом периоде службы: «Мы не блистали ни военными знаниями, ни любовью к чтению, самообразованием не занимались, и исключений среди нас в этом отношении было немного, хотя Кавказская война привлекла на Кавказ немало людей с большим образованием и талантами...»¹ В апреле 1874 г. А.А. Брусилов производится в поручики. В следующем году он был утвержден в должности полкового адъютанта, с чем и вступил в Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

Первая война в жизни А.А. Брусилова — против турок — прошла для него на Кавказском фронте. По сравнению с Балканским фронтом Кавказ являлся второстепенным театром военных действий. Однако же в годы неудачной Крымской войны 1853—1856 гг. успехи на Кавказе позволили русской дипломатии приобрести хотя бы небольшой задел для переговоров с победителями. Поэтому и теперь на Кавказском фронте намечались наступательные действия. Целью русских ударов ставился захват мощных турецких крепостей Карс и Эрзерум, после чего перед русскими лежало уже сердце Османской империи.

15-й Тверской драгунский полк входил в состав 1-й кавалерийской дивизии. Дивизия входила в состав главных сил русской Кавказской

---

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 18.

армии под командованием ген. М.Т. Лорис-Меликова общей численностью в 52,5 тыс. штыков и сабель. Уже в апреле 1877 г. русская конница, сосредоточенная на Кавказском фронте, в том числе и тверские драгуны, перешла линию государственной границы.

Отдельный Кавказский корпус (главные силы) М.Т. Лорис-Меликова (30 тыс. чел. при 96 орудиях) наступал на крепость Карс, Ахалцихский отряд Ф.Д. Девеля (9 тыс. при 24 орудиях) — на Ардаган, Эриванский отряд А.А. Тергукасова (11 тыс. при 32 орудиях) — на Баязет. Турецкий главнокомандующий Мухтар-паша, имея около 70 тыс. штыков и сабель, оборонялся, опираясь на сильные крепости.

В конце апреля — начале мая русские войска блокировали крепость Карс, а затем захватили крепость Ардаган. Ардаган на реке Куре прикрывал собой кратчайшее направление на Эрзерум. На Ардаган двинулся отряд ген. Ф.Д. Девеля в 9 батальонов и 18 сотен при 44 орудиях. Противник имел в крепости гарнизон численностью 10 тыс. чел. при сотне орудий. 13 мая к блокированному Ардагану прибыли осадные орудия (50 единиц) и отряд ген. В.А. Геймана в 8 батальонов и 10 эскадронов при 28 орудиях. Вместе с отрядом генерала Геймана прибыл и сам главнокомандующий Лорис-Меликов. 17 мая русский артиллерийский огонь вынудил противника покинуть Ардаган и отступить к Батуму. За отличие при штурме Ардагана поручик Брусилев награждается орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. Это — первая награда будущего полководца, и сразу — боевая. Затем за бои у Игдыра 23—24 августа А.А. Брусилев был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом.

После непродолжительной летней заминки, когда русское командование, переоценив силы противника, отступило на русскую территорию, Кавказская армия вновь двинулась вперед. В сражении на Аладжинских высотах 13—15 октября 1877 г. турки потерпели сокрушительное поражение. Русские здесь имели 55 тыс. чел. при 224 орудиях, Мухтар-паша — 35 тыс. при 54 орудиях. Фактически исход сражения был решен превосходством русских в артиллерийском отношении. Противник потерял до 6 тыс. чел. убитыми и ранеными, свыше 8,5 тыс. пленными, 40 орудий. Потери русских составили более 5,5 тыс. чел.

После разгрома турки могли вести лишь стратегическую оборону в крепостях. Одной из таких крепостей был Карс — крепость, имевшая в окружности 20 км обвода, три сотни орудий на фортах

и 25 тыс. гарнизона. К 10 октября Карс был обложен русскими и оказался в плотном кольце осады. Незадолго до начала штурма А.А. Брусилов производится в штабс-капитаны. 5 ноября русская Кавказская армия генерала Лазарева бросилась на штурм Карса. 15-й Тверской драгунский полк в самом штурме участия, разумеется, не принимал. 1-я кавалерийская дивизия стояла к западу от крепости, на пути вероятного турецкого прорыва. Несмотря на то что турецкий командующий Гуссейн-паша бежал, турки все-таки попытались пробиться к Эрзеруму. 6 ноября большая турецкая колонна стала отходить на запад. Путь ей преградила русская кавалерия. До боя, впрочем, не дошло: турецкие войска сложили оружие. За участие в штурме крепости Карс штабс-капитан Брусилов был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами. В неудачной осаде крепости Эрзерум, где часть блокадного корпуса, считая и командующего генерала Геймана, погибла от эпидемий, А.А. Брусилов не участвовал, так как 15-й Тверской драгунский полк был отведен в тыл, на зимние квартиры.

По окончании Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. А.А. Брусилов неспешно продвигается по службе: командир 1-го эскадрона, начальник полковой учебной команды. В 1881 г. Брусилову поступило предложение участвовать в Ахал-Текинском походе ген. М.Д. Скобелева. Но в связи с состоянием здоровья от предложения пришлось отказаться. Для дальнейшего витка карьеры требовалось образование в Николаевской академии Генерального штаба, однако Брусилов так и не стал учиться. Шансом для молодого офицера стала служба в открывшейся в столице Офицерской кавалерийской школе, где тогда училось только 36 офицеров. Осенью 1881 г. Брусилов прибыл в Санкт-Петербург, к новому месту службы, а вскоре был произведен в капитаны.

В августе 1882 г. А.А. Брусилов становится ротмистром, а в следующем году заканчивает «курс наук отдела эскадронных и сотенных командиров по разряду “отличных”». Окончив учебный курс, капитан Брусилов на долгое время — 23 года — задержался в Офицерской кавалерийской школе, которой остро требовался преподавательский состав. В 1883 г. ротмистр Брусилов награждается орденом Св. Анны 2-й степени. В стенах Офицерской кавалерийской школы, которой тогда руководил ген. И.Ф. Тутолмин, проходит значительная часть карьеры Брусилова. Адъютант школы с 1883 г.; помощник начальника школы с 1898 г., пока, наконец, 10 февраля 1902 г. не был назначен начальником Офицерской кавалерийской школы. В 1887 г. А.А. Бру-

сил производятся в звание ротмистра Гвардии и, соответственно, армейского подполковника.

В 1884 г. Брусилов женился на Анне Николаевне фон Гагемейстер, от брака с которой имел единственного сына — Алексея.

Большую часть времени работы в Офицерской кавалерийской школе А.А. Брусилов служил под началом будущего военного министра В.А. Сухомлинова. Правда, до должности его помощника пока еще не дорос, это будет при преемнике Сухомлинова, А.-Б. Авшарове. Сухомлинов в эмиграции писал так о своем начальствовании Офицерской кавалерийской школой: «Все эти годы в лице ротмистра Брусилова я имел прекраснейшего сотрудника... Своими выдающимися способностями и знанием техники кавалерийского дела, при знании к тому же иностранных языков, он принес неоценимую пользу делу создания в русской армии рассадника кавалерийской культуры... В том, что Брусилов был выдающимся военачальником, не приходится прибегать к доказательствам, для этого налицо более чем достаточно фактических данных. Не берусь осуждать этого моего бывшего сослуживца за его переход на службу к большевикам, так как для этого у меня слишком мало данных, и с деятельностью его у них я не знаком»¹.

Постепенно в Офицерской кавалерийской школе дело подтягивалось к обучению офицеров кавалерии умению действовать на войне. А с назначением на пост начальника школы А.А. Брусилова (1902—1906) дело было окончательно поставлено на основу подготовки кавалериста к войне. Исследователь пишет: «Он должен был превратить своих учеников (опытных уже кавалеристов) в совершенных наездников и одновременно, в свою очередь, подготовить из них воспитателей конного мастерства в войсках. Сам Брусилов вел как лекционные занятия по теории езды и выездки лошадей, так и практические... Брусилов полагал (и неуклонно проводил свои убеждения в жизнь, начиная с себя самого), что кавалерийский начальник должен быть не только опытным и образованным офицером, подготовленным теоретически, но и умелым полевым ездоком, способным лично повести за собой войска»².

С другой стороны, не менее справедливым мнением является и тот факт, что Офицерская кавалерийская школа учила офицера

¹ Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн., 2005. С. 119.

² Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980. С. 62—63.

в первую голову как кавалериста, а не как офицера. В годы Первой мировой войны это сказалось в подборе командного кадра русской конницы достаточно слабого качества, что в боях обозначалось нехваткой упорства и грамотного использования конной массы. В качестве примера можно привести выдержку из брошюры лучшего (по мнению участников войны) русского кавалерийского военачальника мировой войны — графа Ф.А. Келлера. В 1910 г. Келлер писал: «Меня причисляют к заклятым врагам Офицерской Кавалерийской школы, но это неправда, я враг не школы, а постановки дела в Офицерской школе, и враг потому, что вместо той громадной пользы, которую школа должна была бы принести, она приносит отечественной коннице вред... С легкой руки школы последних времен, когда руководителями и начальниками явились люди, почти не служившие в строю и специализировавшиеся только на прыжках и в езде, не знающие и не желающие считаться с нуждами и требованиями строевых частей, явилось шатание во всех полках кавалерии... К тому же, школа забыла, что она воспитывает не берейторов, а строевых офицеров, и средство (например, хорошую езду, преодоление препятствий и т.д.) превратила в цель»¹.

Продвижение по службе в России, как правило, во многом зависит от покровительства высокопоставленных начальников. Часть офицеров выделялась в войнах, но это была меньшая часть. Не был исключением и генерал-майор Брусилов. Своей карьерой А.А. Брусилов был обязан великому князю Николаю Николаевичу, который с 1895 г. занимал пост генерал-инспектора кавалерии. Николай Николаевич, сам страстный кавалерист, заметил Брусилова как организатора парфорсных охот, на которых укреплялось умение кавалеристов. С подачи великого князя, с трепетом относившегося к Офицерской кавалерийской школе, как кузнице кадров русской конницы, в 1892 г. А.А. Брусилов производится в полковники с зачислением по гвардейской кавалерии. Часто это обстоятельство ставят как бы в «вину» Брусилову — дескать, его карьера стала результатом влияния великого князя. Нельзя отрицать очевидного, но и не следует перебарщивать. Высокие покровители в царской России были у многих, в том числе и выдающихся полководцев. Напротив — быть может, если бы не покровительство, то и не было бы ни Брусилова, ни Брусиловского

---

¹ *Келлер Ф.А.* Несколько кавалерийских вопросов. СПб., 1910. Вып. 2. С. 17—19.

прорыва. Например, уже после начала Первой мировой войны один из офицеров в частном письме, перехваченном цензурой, писал следующим образом: «Наши молодчики Генерального штаба — начальники дивизий — совершенно неспособны управлять кавалерией. Эти поганцы-теоретики, которые или толкутся без толку, или производят с ней опыты — что выйдет». Пример — генерал Тюлин. «Таких Тюлиных у нас хоть пруд пруди. Драгомиров не лучше. Один Келлер по общим отзывам был на высоте призвания... Он, как и Толпыго, был нелюбим Генеральным Штабом. Ведь Толпыгу съел Генеральный штаб. Брусилов — человек дела, а ведь если бы не Николай Николаевич, то в мирное время Брусилов был бы моментально проглочен... Если бы были кавалерийские начальники не по названию, а по духу, каких бы дел могла наделать кавалерия в начале кампании»¹.

В 1895 г. Брусилов был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а спустя три года — орденом Св. Владимира 3-й степени. В 1900 г. полковник А.А. Брусилов производится в генерал-майоры. Через два года он был назначен на пост начальника Офицерской кавалерийской школы. Опять-таки при благоволении великого князя Николая Николаевича. В том же 1902 г. был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. В эту пору среди генштабистов распространяется полупрезрительная кличка-наименование «Лошадиная академия», а ее начальник в годы Первой мировой войны будет соответственно именоваться ими «берейтором».

В Русско-японской войне 1904—1905 гг. ген. А.А. Брусилов не участвовал, оставаясь на своем месте службы. Офицерская кавалерийская школа и самообразование стали источником образования полководца. Здесь кроется большой соблазн для упреков А.А. Брусилову в отсутствии надлежащего военного образования. При этом успехи приписываются везению и таланту помощников, а неудачи сваливаются на недостаточную компетентность генерала. Например, в своем дневнике генерал Селивачев писал о Брусилове, что тот — неспособный военачальник, имеющий лишь военное счастье и хороших сотрудников².

Многие эмигранты пишут, что А.А. Брусилову чрезвычайно везло: воевал против австрийцев, имел великолепный штаб, да и просто владел военным счастьем. А ведь — без образования! Здесь можно

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 338. Л. 248.

² Красный архив. М., 1925. Т. 2 (9). С. 115.

напомнить, что ведь и М.Д. Скобелев закончил Академию Генерального штаба по 2-му разряду, то есть без причисления к Генеральному штабу. Значит, и ему везло? Кто же тогда, получается, авторитет полководца в России того времени? В свое время К. фон Клаузевиц удивлялся военному гению генералиссимуса А.В. Суворова, как известно, также не имевшего высшего военного образования, но зато проведшему всю жизнь в войсках и всю жизнь кропотливо занимавшегося самообразованием. Клаузевиц также был склонен объяснять победу Суворова военным счастьем и везением. На это (так как Клаузевиц был далеко не единственным, кто говорил о везении) сам же Александр Васильевич Суворов как-то сказал: «Раз везение, два везение — помилуй Бог, когда же уменье?!» В.Н. фон Дрейер, служивший вместе с А.А. Брусиловым перед войной, пишет: «Было бы несправедливо думать и утверждать, что всю свою карьеру генерал Брусилов проделал только благодаря кавалерийской выносливости и уменью нравиться высокому начальству. Это был способный человек, начитанный, порой остроумный, великолепно натасканный, по службе в [офицерской кавалерийской] школе, профессорами Николаевской академии, которые читали там лекции будущим эскадронным и полковым командирам. Но это был сухой, черствый эгоист, строгий с офицерами, беспощадный к солдатам. У него не было другого наказания для рядового, не вставшего ему на улице во фронт, как тридцать суток строгого ареста на хлебе и воде»¹.

Бесспорно, Академия Генерального штаба являлась основным поставщиком квалифицированных кадров для российских вооруженных сил, будучи тем стандартом, что задавал тон высоким назначениям. Однако же сколько выпускников Академии Генерального штаба показали себя бездарностями, а то и трусами, ведущими вверенные им войска к поражениям и громадным потерям? Сам факт окончания Академии Генерального штаба еще не являлся признаком несомненного полководческого таланта. Например, один из сослуживцев ген. А.А. Брусилова впоследствии справедливо считал: «В Первую мировую войну у нас как полководцы выдвинулись особенно генералы Юденич, Брусилов и Лечицкий»². Действительно, большинство командиров русской армии в Первой мировой войне в свое время окончили Николаевскую академию Генерального штаба. Однако, исключения все-таки были. Так (если брать, разумеется, период до Февральской революции), оба

---

¹ Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид. 1965. С. 104.

² Военная быль. 1968. № 89. С. 32.

главнокомандующие Юго-Западным фронтом Н.И. Иванов, а затем его преемник А.А. Брусилов, не заканчивали академии. Генерал Иванов был артиллеристом, а генерал Брусилов — выпускником «Лошадиной академии». Разве Брусилов был хуже Эверта, Рузского, Сахарова или Куропаткина? Да и тот же Иванов, не блестящий сам по себе, настолько ли хуже своих бывших подчиненных по Юго-Западному фронту? Также показательно упоминание одного из лучших русских командармов — ген. П.А. Лечицкого. Он также не заканчивал Академии, что не мешало его 9-й армии, которой он прокомандовал всю войну, быть одной из лучших на фронте, если не самой лучшей.

Кроме того, в Офицерскую кавалерийскую школу направлялись в том числе и выпускники Николаевской академии Генерального штаба, и работали преподаватели Академии. Великий князь Николай Николаевич указал, что для получения эскадронов генштабистам необходимо пройти специальный одногодичный курс Офицерской кавалерийской школы. Один из таких генштабистов признавал пользу требований августейшего генерал-инспектора кавалерии: «Суровые требования кавалерийской школы сыграли полезную роль. Постепенно среди кавалерийских начальников становилось все больше настоящих кавалеристов и все меньше людей, склонных к покою и к ожирению. Даже из нашего выпуска академии многие бывшие кавалеристы испугались школы. Посыпались рапорты о предоставлении командования ротой»¹.

Самообразование и природный дар, если его своевременно и верно развить, всегда позволят преодолеть формальное первенство высшего военного образования. Поэтому объективными современниками признавалось, что выдвижения на высшие посты далеко не всегда проводились по формальным признакам. Пример — характеристика, приводимая генерал-квартирмейстером ГУГШ ген. Ю.Н. Даниловым в отношении А.А. Брусилова: «Это был очень образованный генерал, хотя и не прошедший академического курса, но много читавший и размышлявший над военными вопросами... Генерал Брусилов был военачальником, так сказать, кавалерийского типа и по своему физическому строению, и по моральным данным. В деле ведения боевых операций он отличался большим порывом и необыкновенной стремительностью, каковые качества удваивались при успехе. Но вместе с тем, под влиянием встречавшихся затруднений и особенно при отсутствии немедленной поддержки, эти его качества имели свойство

---

¹ *Иснатъев А.А.* Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 123.

довольно быстро падать. Во всяком случае, это был один из самых выдающихся русских генералов...»¹

19 апреля 1906 г. при протекции великого князя Николая Николаевича ген. А.А. Брусилов получил в командование 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию. Следует отметить, что именно этой дивизией в 1890—1905 гг. командовал сам великий князь. Такое доверие к А.А. Брусилову лишний раз свидетельствует, что именно великий князь являлся покровителем будущего полководца. Нелегкое время после поражения в Маньчжурии и все еще продолжавшейся Первой русской революции, тем не менее, приходилось использовать для подготовки к войне, как то и должно быть в вооруженных силах любого государства. В этот период в специализированном издании «Вестник русской конницы» генерал Брусилов поддерживает идею массирования кавалерии на театре военных действий посредством образования кавалерийских корпусов, а то и целых конных армий.

В 1908 г., в год, когда ген. А.А. Брусилов потерял первую жену, он назначается командиром 14-го армейского корпуса, располагавшегося в районе города Люблин Варшавского военного округа. В этот корпус входили 2-я и 18-я пехотные дивизии, 1-я Донская казачья дивизия. То есть лишь теперь он становится общевойсковым командиром, а не просто одним из многих кавалерийских начальников. Город Люблин располагался близ государственной границы с Австро-Венгрией, а потому основной задачей комкора являлась подготовка личного состава к войне. Современники, сравнивая Брусилова с его преемником И.П. Войшин-Мурдас-Жилинским, говорят, что именно Брусилов подготовил войска корпуса, который в августе 1914 г., несмотря на поражение, сумел удержаться на позициях и не отдать наступавшему противнику, вдвое превосходящему числом, Люблина. Под руководством ген. А.А. Брусилова в районе Люблина постоянно проводились маневры, и как раз тогда была подготовлена тыловая позиция около Люблина, опираясь на которую, в начале войны 14-й армейский корпус сдержал атаки австро-венгров. Участник войны, служивший под началом Брусилова, вспоминал о своем бывшем начальнике, что «в его карьере сыграл роль большой маневр двух корпусов к северу от Люблина, наступавших друг против друга... эта победа была зачислена Брусилову в крупный актив»².

¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 244.

² Дрейер В.Н. На закате империи. Мадрид. 1965. С. 105.

На маневрах 1912 г. 14-й армейский корпус, которым командовал А.А. Брусиллов, одержал верх над 19-м армейским корпусом, которым руководил помощник командующего войсками Варшавского военного округа ген. Е.А. Рауш фон Траутенберг. Судя по всему, успех маневров во многом повлиял на продвижение генерала Брусиллова на пост помощника командующего войсками Варшавского военного округа. Здесь надо сказать, что на военной игре апреля 1914 г. в Киеве 8-й армией командовал Н.В. Рузский, а Е.А. Рауш фон Траутенберг — 3-й армией, долженствовавшей сражаться бок о бок с 8-й армией. Судя по всему, итоги игры для генерала Рауш фон Траутенберга оказались неутешительны, раз во время Первой мировой войны он занимал всего лишь тыловую должность главного начальника Минского военного округа. В то же время с началом войны пост командарма-3 занял Рузский, а пост командарма-8 — Брусиллов. Как знать, не сыграли ли здесь свою роль еще и маневры 1912 г.?

Деятельность генерал-лейтенанта Брусиллова на посту командира 14-го армейского корпуса не осталась незамеченной. Требование повышения военно-научной подготовки офицерского состава, практика научных сообщений в подразделениях корпуса, постоянно проводимые военные игры под руководством самого комкора побудили руководство выдвинуть инициативного генерала на уровень всего округа. О службе полководца на посту командира 14-го армейского корпуса его сослуживец вспоминал: «В лице генерала Брусиллова мы получили очень строгого, но разумно требовательного начальника. Занимая высокий пост, он продолжал пополнять свои военные познания... Для генерала Брусиллова не было мелочей в военном деле, которых он не хотел бы постичь. На военно-тыловой игре он показал знания, изумившие специалистов»¹. 6 декабря 1908 г. А.А. Брусиллов производится в генерал-лейтенанты. В 1909 г. — награждается орденом Св. Анны 1-й степени. В итоге 15 мая 1912 г. ген. А.А. Брусиллов занимает пост помощника командующего войсками Варшавского военного округа. На этой должности он проработал немногим более года.

Современники-эмигранты, резко настроенные против А.А. Брусиллова в связи с его отказом присоединиться к Белому движению и службой советской власти, впоследствии неоднократно упоминали, что генерал Брусиллов был очень и очень не чужд интригам, с помощью которых старался продвинуться вверх по служебной лестнице.

¹ Военная быль. 1968. № 89. С. 33.

Очевидно, что это так и было, хотя интриганство было вообще при-суще генеральскому корпусу тогдашней Российской империи. Вполне возможно, что Брусилов особенно усердствовал в этом деле. Однако интриг не чурался никто, и страницы нашей работы дают тому под-тверждение. Несправедливо было бы обвинять одного Брусилова.

Как бы то ни было, в августе — декабре 1912 г., а также в мае — июле 1913 г., А.А. Брусилов исполнял обязанности командующего Варшавским военным округом, замешая Г.А. Скалона. Как раз генерал Скалон еще в аттестации 1909 г. характеризовал своего подчиненного: «На больших маневрах проявил себя отличным старшим посредником, а на военной игре с кавалерийскими начальниками — отличным руководителем». Далее, А.А. Порошин, приведший в своей прекрас-ной статье о русских военачальниках периода Первой мировой войны эту характеристику, подытоживает: «Способность к обучению не означает такую же способность к командованию соединениями и ча-стями. Вполне очевидно, что управлять несколькими тысячами людей на маневрах (модели реального боя), не имея никакого практического опыта, было А.А. Брусилову очень сложно в первые годы самостоя-тельной деятельности военачальника даже при наличии блестящих теоретических знаний в военной области»¹.

Можно видеть, что само назначение генерала Брусилова на долж-ность помощника командующего несло в себе элементы правопреем-ства. Половину срока своей службы Брусилов фактически командовал войсками приграничного военного округа, нацеленного на войну с Германией и являвшегося, наряду с Киевским военным округом, одним из двух наиболее крупных и важнейших военных округов Российской империи. Теперь он мог готовить к войне целый округ, что и являлось целью. Например, в своем приказе 1913 г., командуя 14-м армейским корпусом, А.А. Брусилов говорил: «Необходимо всегда помнить то, что мы делаем в мирное время, то будем делать и в военное, пока ценою кровавого опыта не научимся действовать правильно»².

В декабре 1912 г. А.А. Брусилов производится в полные гене-ралы — генералы от кавалерии. Производство в полные генералы,

---

¹ Порошин А.А. Военно-теоретическая и практическая подготовка во-еначальников русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов. 2007. Вып. 8. С. 70.

² Цит. по: Ростунов И.И. Генерал Брусилов. М., 1964. С. 55.

награждение орденом Св. Владимира 2-й степени в марте 1913 г., временное замещение Г.А. Скалона в мае — июле 1913 г. — все это позволяло надеяться на получение должности командующего войсками Варшавского военного округа и на постоянной основе. Тем более за спиной находилась протекция великого князя Николая Николаевича. Не исключено, что эта протекция и сыграла дурную роль. Военный министр был личным врагом великого князя, в это время командовавшего войсками Петербургского военного округа и войсками Гвардии, что практически выводило эти войска из-под контроля военного министерства. Отдавать еще один округ ставленнику своего врага было ни к чему, а потому 15 августа 1913 г. Брусилов был отправлен в Киевский военный округ командовать 12-м армейским корпусом в город Винницу.

Суть данного назначения была проста: во-первых, из Варшавского военного округа был убран источник интриг, претендовавший на высокое место в обход существовавшей воинской иерархии. Ведь на тот пост, на который претендовал генерал Брусилов, могла быть назначена масса иных, более высокопоставленных генералов. В преддверии Первой мировой войны, за четыре с половиной месяца до первых выстрелов, на должность командующего войсками Варшавского военного округа и варшавского генерал-губернатора был назначен начальник Главного управления Генерального штаба ген. Я.Г. Жилинский — ровесник Брусилова, но быстрее продвигавшийся по лестнице чиновничества (полный генерал от кавалерии уже в 1910 г.).

Во-вторых, А.А. Брусилову требовалось найти равнозначную замену командного поста в случае Большой европейской войны. Согласно расписанию 1912 г., Брусилов должен был возглавить 2-ю армию, формирующуюся в Варшавском военном округе и направляемую против Германии, в Восточную Пруссию. После перевода генерала Брусилова в Киевский военный округ эту армию возглавил туркестанский военный губернатор А.В. Самсонов, который и погиб вместе с большей частью своих войск в Восточной Пруссии ровно через месяц после начала Первой мировой войны.

Так вот, в связи с тем, что ген. А.А. Брусилов должен был бы получить равнозначное назначение, его и отправили именно в 12-й армейский корпус. Этот корпус уже в мирное время содержался в сильном составе — 12-я и 19-я пехотные дивизии, 3-я стрелковая бригада, 12-я кавалерийская и 2-я Сводно-казацкая дивизии. С началом войны в его состав вливалась второочередная 65-я пехотная дивизия. Техни-

ческое оснащение 12-го армейского корпуса в начале войны — 112 пулеметов, 168 орудий, 24 горных и конно-горных пушек, 12 мортир. 12-й армейский корпус являлся одним из самых сильных в составе российских вооруженных сил. Это обстоятельство объяснялось тем, что с началом мобилизации на базе 12-го армейского корпуса, который вместе с придаваемыми ему частями и подразделениями получал наименование Проскуровской группы, разворачивалась 8-я армия Юго-Западного фронта. Таким образом, получив назначение в Киевский военный округ, ген. А.А. Брусилов сменил 2-ю армию Северо-Западного фронта на 8-ю армию Юго-Западного фронта, что, вполне возможно, уготовило ему блестящую карьеру в период Первой мировой войны, ибо судьба 2-й и 8-й армий — это две кардинальные разницы. С началом мобилизации на посту командира 12-го армейского корпуса Брусилова сменил начальник Закаспийской области Л.В. Леш, первые полгода войны числившийся командиром 2-го Туркестанского корпуса, воевавшего на Кавказском фронте.

В соответствии с предвоенными предположениями Генерального штаба и командования Киевского военного округа, армии южного фаса Юго-Западного фронта должны были наступать навстречу основной группировке австро-венгерского противника, которая предполагалась в районе Львова. Известно, что 8-я русская армия должна была в случае необходимости действовать против Румынии, связанной с Центральными державами военно-союзническими отношениями. Это не состоялось, но опасения вступления Румынии на стороне Германии являлись основательными. Поэтому на новом посту командира 12-го армейского корпуса ген. А.А. Брусилов должен был еще тщательнее готовить вверенные ему войска к войне, раз его корпус должен был послужить костяком будущей армии. Ген. А.-К.М. Адариди, в период войны командовавший 27-й пехотной дивизией 3-го армейского корпуса 1-й армии Северо-Западного фронта, так писал о Брусилове, тогда комкоре-12: «Очень недюжинного ума, всесторонне образованный, начитанный, прекрасно знакомый с военным делом, он не увлекался какими-либо отдельными отраслями последнего или предвзятыми взглядами. Очень большое значение он придавал подготовке старшего командного состава и офицеров вообще, а потому налегал на военные игры и полевые поездки... Будучи всегда корректен с подчиненными, никогда не возвышал голоса, он производил впечатление некоторой сухости... с офицерами в младших чинах он держал себя строго официально, за что у них особыми

симпатиями не пользовался, и они считали его высокомерным... По своим политическим взглядам Брусилов производил впечатление монархиста...»¹

Новое обширное «хозяйство» поглощало все время ген. А.А. Брусилова, успевшего вторично жениться в конце 1910 г. В сентябре 1910 г., спустя 2,5 года после смерти супруги, Брусилов возобновил переписку с Н.В. Желиховской, в которую когда-то был влюблен. Письма Брусилова дают немалое представление о его высоком моральном облике в супружеских отношениях. Например, письмо от 9 октября: «Я был счастлив в семейной жизни, смотрю на нее серьезно, разводов, столь легких теперь, не признаю, а считаю брак действительным таинством, в котором два существа соединяются не только телом, но и душой. Иначе это не христианский брак, а собачья свадьба, которая мне омерзительна»².

Интересно, что император Николай II помнил военачальника по службе в столице, но не ведал о его предвоенной службе. Сын Брусилова писал отцу 19 июля 1914 г., что в его части был императорский смотр, и император спросил — «сын ли я генерала Брусилова, который был начальником Офицерской кавалерийской школы», и потом — каким корпусом командует генерал сейчас³. Получается, что царь уже даже с объявлением войны не ведал, что А.А. Брусилов станет одним из шести командармов начала войны. Разве не парадокс для правителя, пытавшегося ассоциировать себя, прежде всего, с вооруженными силами?

Теперь под руководством генерала Брусилова находилось более 50 тыс. чел. А в перспективе это количество должно было увеличиться втрое. До войны австрийская разведка характеризовала ген. А.А. Брусилова как командира, который «едва ли сможет справиться с должностью командира корпуса»⁴. Очень скоро австро-венграм придется разочароваться в своих прогнозах. Две армии Юго-Западного фронта — 8-я и 9-я — были лучшими русскими армиями Восточного фронта на протяжении всей Первой мировой войны.

---

¹ Военно-исторический вестник. 1965. № 25. С. 4.

² «Считаю тебя перед Богом и людьми, своей невестой» // Источник. 1994. № 5. Публикация А. Голикова. С. 17.

³ ГАРФ. Ф. 5972. Оп. 3. Д. 56. Л. 2.

⁴ См.: *Соколов Ю.В.* Алексей Алексеевич Брусилов // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 83.

КАМПАНИЯ 1914 ГОДА. ВТОРЖЕНИЕ В КАРПАТЫ

Сараевский кризис июня 1914 г. застал чету Брусиловых на германском курорте в городке Киссинген. Сумев выехать из Германии, А.А. Брусилов прибыл к частям своего корпуса 18 июля, уже в ходе скрытой мобилизации. На следующий день Германия объявила России войну, и, следовательно, комкор-12 автоматически был назначен командующим 8-й армией. Главный удар русские должны были наносить по Австро-Венгрии (четыре армии) и вспомогательный — по Германии (две армии). В состав Юго-Западного фронта, который возглавил командующий войсками Киевского военного округа ген. Н.И. Иванов, входили 4-я, 5-я, 3-я и 8-я армии. Согласно плану развертывания и сосредоточения, русские 3-я (ген. Н.В. Рузский) и 8-я (ген. А.А. Брусилов) армии должны были наступать в австрийскую Галицию, прямо на Львов, где предполагалось сосредоточение главных сил противника. Эти армии составляли южное (левое) крыло Юго-Западного фронта: 3-я армия ген. Н.В. Рузского (215 тыс. чел. при 685 орудиях) и 8-я армия ген. А.А. Брусилова (139 тыс. чел. при 472 орудиях) располагались на южном фланге, на Галич-Львовском направлении.

Русское развертывание производилось согласно той информации, что была получена от предателя, полковника А. Редля в 1912 г. Тогда австрийцы должны были собрать свои главные силы в районе Львова. Получается, что, согласно планам 1912 г., основная австрийская группировка выдвигалась к восточной русско-австрийской государственной границе, где ее и можно было поймать в «мешок» сильным фланговым ударом из русской Польши по меридиану Люблин — Городок. Именно поэтому главная масса русских сил сосредоточивалась напротив Галиции с востока, дабы сковать австрийцев по фронту, в то время как армии северного фланга Юго-Западного фронта (256 тыс. штыков и сабель при 882 орудиях) и должны были нанести такой фланговый удар на окружение.

Однако за месяц до начала войны, после убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, в войсковые штабы идет заранее подготовленная и разработанная в Генеральном штабе директива ген. Ф. Конрада фон Гётцендорфа об изменении плана развертывания, кардинальным образом переделанного австрийским Генеральным штабом. Теперь район развертывания австро-венгерских армий относится глубже в тыл, на линию рек Днестр и Сан. При этом главный удар наносил-

ся не в киевском направлении, как полагали русские, опиравшиеся на данные 1912 г., а сразу на Варшаву через Люблин и Холм. Таким образом, вместо движения на восток и северо-восток-восток австрийцы намерены наступать строго на север, на соединение с немцами, которые, после отражения русского наступления в Восточную Пруссию, должны были наступать через линию реки Нарев к Седлецу, где и предполагалось соединение с австрийцами. Такими совместными действиями австро-германцев вся русская Польша оказывалась отрезанной, а находящаяся там русская группировка — уничтоженной.

Русское командование предполагало, что сосредоточение главной неприятельской группировки произойдет в восточной части Галиции, чтобы затем начать наступление к линии реки Припять в общем направлении на Луцк. Поэтому крылья русского Юго-Западного фронта, сходясь внутренними флангами к Львову, должны были сжать противника: ведь считалось, что неприятель будет сосредоточиваться к востоку от реки Сан, в Галиции. Маневр на окружение осуществляли, прежде всего, 5-я и 3-я армии из районов Холм (северный фас линии фронта) и Дубно (восточный фас), а 4-я и 8-я армии обеспечивали главный маневр с флангов. Таким образом, главные силы Юго-Западного фронта сковывали противника возле Львова, одновременно проводя фланговый маневр на окружение, а 4-я и 8-я армии, имевшие в своем составе несколько менее сил, нежели 5-я и 3-я армии соответственно, обходили неприятеля на всю глубину расположения и замыкали второе «кольцо». Именно для обеспечения мощи и успеха подобного маневра сравнительно небольшая «Проскурвовская группа» (12-й армейский корпус ген. А.А. Брусилова с несколькими приданными мелкими частями и артиллерией) вкуче с частью сил, выделяемых из состава предполагавшейся 3-й армии, составила новую армию, получившую наименование 8-й армии. Верховным главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич, который и на самом высоком посту не забывал о своем протееже. В свою очередь, А.А. Брусилов считал, что это назначение великого князя «вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него и боялись его. Все знали, что отданные им приказания должны быть исполнены, что отмене они не подлежат, и никаких колебаний не будет»¹.

Согласно директиве главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова от 2-го числа, 3-я и 8-я армии

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 64.

должны были наступать на Львов, тем самым опрокидывая главную австрийскую группировку и одновременно заходя корпусами 8-й армии с юга. Войска 8-й армии обязывались воспрепятствовать отходу противника за Днестр.

Итак, свой главный удар австро-венгры наносили против северного фаса Юго-Западного фронта, где они сумели сосредоточить почти двойное превосходство в силах. Но соотношение сил на южном фасе Галицийской битвы резко отличалось от такового же соотношения на северном фасе: здесь превосходство имели уже русские. Так, если 3-я австрийская армия Р. фон Брудермана лишь на четверть уступала русской 3-й армии Н.В. Рузского в численности (160 тыс. против 210 тыс.), то группа Кёвесса уступала русской 8-й армии А.А. Брусилова вдвое (70 тыс. против 140 тыс., при примерно равном соотношении артиллерии). Следовательно, общее преимущество русской стороны составляло около 130 тыс. штыков и сабель. Таким образом, австрийская львовская группировка уступала русским в силах как раз в 8-ю армию ген. А.А. Брусилова.

Данных о сосредоточении 8-й армии в районе Проскурова противник не имел, а уже после объявления военных действий русская конница прочно прикрыла сосредоточение своих армий на государственной границе. Австрийская авиация также не смогла провести надлежащую разведку. Военно-политическое руководство Румынии решило выждать, невзирая на настойчивое требование короля Кароля I немедленно вступить в войну на стороне Германии. Тем самым 8-я армия ген. А.А. Брусилова могла быть использована против австрийцев с самого начала военных действий, что и дало русской стороне перевес на южном фасе Юго-Западного фронта. Следовательно, русская 8-я армия, о существовании которой австрийцам ничего не было известно (здесь ждали лишь 12-й армейский корпус), и испортила всю картину сражения, замышлявшегося австро-венгерским верховным главнокомандованием.

На южном фасе фронта первой начинала свое движение к государственной границе 8-я армия ген. А.А. Брусилова, как расположенная на большем расстоянии от границы, нежели войска 3-й армии. Уже 5 августа войска 8-й армии перешли через реку Збруч, являвшуюся государственной границей, и быстро двинулись внутрь Галиции. На следующий день границу перешли и части 3-й армии. В состав 8-й армии входили 12-й армейский корпус (Л.В. Леш), формировавшиеся в Одесском военном округе 7-й (Э.В. Экк) и 8-й (Р.Д. Радко-Дмитриев)

армейские корпуса, перебрасываемый из Казанского военного округа 24-й армейский корпус (А.А. Цуриков). О качестве командиров 8-й армии говорит тот факт, что генерал Леш в 1915 г. станет командармом-3, генерал Радко-Дмитриев — в 1914 г. командармом-3, а в 1916 г. — командармом-12, генерал Цуриков — в 1916/1917 гг. будет командовать 10-й и 6-й армиями. Также в составе 8-й армии числились 12-я кавалерийская, 2-я Сводная казачья, 1-я и 2-я Кубанские казачьи, 1-я Терская казачья дивизии. В 1916 г. конкомдив-12 ген. А.М. Каледин сменил самого А.А. Брусилова в должности командарма-8. Таким образом, можно видеть, насколько выдающимся оказался состав 8-й армии в начале Первой мировой войны. Более превосходной в отношении командиров оказалась только 3-я армия ген. Н.В. Рузского. Нельзя не сказать, что именно в составе 8-й армии начали Первую мировую войну будущие лидеры русской контрреволюции — Л.Г. Корнилов, А.И. Деникин, А.М. Каледин. Возможно, что потому-то еще усиливалась неприязнь белых эмигрантов к А.А. Брусилову, так как он не только не поддержал белых, но и, напротив, в конечном счете перешел на советскую службу.

В ходе кавалерийских боев на линии государственной границы австро-венгры оказались отодвинуты в глубь Галиции, куда стремительно накатывались русские армии. Не выждав русского приближения и будучи уверенным в своем превосходстве, командование 3-й австрийской армии решительно двинуло свои войска вперед. В сражении 13—14 августа на реке Золотая Липа с 3-й русской армией австрийцы потерпели поражение и стали отступать. Чтобы вырвать победу, австрийский командарм-3 ген. Р. фон Брудерман отдал приказ группе Кёвесса двигаться ему на помощь. Такой же приказ от русского командарма-3 ген. Н.В. Рузского, который, как старший в чинопроизводстве, координировал действия 3-й и 8-й армий, отдал ген. А.А. Брусилову.

На протяжении первого года войны начальником штаба 8-й армии был ген. П.Н. Ломновский, который перед войной занимал должность генерал-квартирмейстера Киевского военного округа. Только это говорит о том значении, что придавалось 8-й армии штабом Юго-Западного фронта. Уже в этот период своего командования командарм-8 проявил свою заботу о качестве своего офицерского корпуса. В связи с потерями в войска постоянно вливались резервы, а потому требовалось готовить им адекватную замену. Дежурный генерал штаба 8-й армии граф Д.Ф. Гейден пишет: «Когда пополнения

шли исправно, я обыкновенно каждое утро ездил на ближайший этап, куда приходили запасные роты пополнения, осматривал их и отправлял в соответствующий корпус. Через мои руки прошло за всю войну от полумиллиона до миллиона пополнений. Многие части переменили свой состав четыре-пять раз... Генерал Брусилов редко когда осматривал лично прибывавшие роты пополнения. Что же касается офицеров, прибывавших из училищ, то почти всегда принимал их лично и говорил с ними перед отправлением в части»¹.

С подходом группы Кёвесса к месту сражения соотношение сил менялось в пользу австрийцев, что давало Брудерману шанс на победу. Кроме того, к Львову уже подходили передовые дивизии 2-й армии Э. фон Бём-Эрмолли, перебрасываемые из Сербии. Однако слабым местом австрийского плана, рассчитанного на уничтожение 3-й русской армии одновременным ударом по фронту (3-я австрийская армия) и флангам (группа Кёвесса), являлось то обстоятельство, что по пятам за Кёвессом двигалась еще одна русская армия — 8-я. В ночь на 15-е число корпуса генерала Брусилова бросились на северо-запад, вслед за врагом. Форсированный марш, предпринятый старым кавалеристом, немедленно принес свои плоды: днем 15 августа группа Кёвесса (три корпуса и три кавалерийские дивизии) была последовательно разгромлена частями 8-й армии в сражении у Подгайцев.

Перейдя с боем реку Золотая Липа, расположенную в двадцати верстах восточнее Гнилой Липы, части 8-й армии стали подтягиваться к месту главного сражения. 17—18 августа 8-я русская армия вела сражение на реке Гнилая Липа, в то время как несколько севернее, в верхнем течении Гнилой Липы и Буга, 3-я русская армия вновь, уже во второй раз за три дня, громила главные силы генерала Брудермана. На третий день сражения на Двух Липах австрийцы стали отступать, и теперь русские приступили к преследованию, захватывая массу пленных (только 8-й армией было взято более 20 тыс. чел.) и трофеев (до 70 орудий).

Еще до начала сражения на Гнилой Липе командарм-3 Рузский получил указание начальника штаба Юго-Западного фронта М.В. Алексеева о немедленном движении на север, в тыл 4-й австрийской армии, теснившей 5-ю русскую армию. Наступать на Львов должна была 8-я армия Брусилова. Однако командарм-3 пролонгировал указания Алексеева и продолжил движение на Львов. В свою очередь, командарм-8 по-

---

¹ Военно-исторический вестник. 1971. № 38. С. 11.

лучил указание штаба фронта об осаде считавшегося крепостью Львова с юга. Движение 3-й и 8-й армий на Львов и рубеж реки Днестр лежало в самом плане их развертывания, так как предполагалось, что именно здесь будут сосредоточены главные силы неприятеля. Но теперь, когда выяснилась ошибка предвоенного планирования, штаб фронта стал сдвигать 3-ю армию на северо-запад, выдвигая на линию Львова 8-ю армию. Неподчинение генерала Рузского директиве фронта путало все планы М.В. Алексеева, уже замыслившего операцию на окружение всех австрийских войск, стоявших на Галицийском театре.

21 августа части 3-й армии вошли в оставленный противником Львов, и лишь теперь Рузский намеревался приступить к исполнению приказа Алексеева. Однако австрийцы предупредили честолюбивого командарма-3: 4-я австрийская армия сама надвигалась на 3-ю русскую армию с севера, в то время как 3-я австрийская армия готовилась к контрудару с запада. Оказавшись меж двух огней, генерал Рузский немедленно потребовал помощи от соседей. В результате 8-я армия двинулась дальше на запад, к Городокским позициям, где укреплялись оставившие столицу Галиции и избежавшие окружения части 3-й австрийской армии. Тем самым 8-й русской армии предстояло сразиться с 3-й австрийской армией, остатками группы Кёвесса и подходившей с Балканского фронта 2-й австрийской армией.

Галич-Львовская наступательная операция завершилась 22 августа взятием Галича частями 24-го армейского корпуса А.А. Цурикова. Тем самым, помимо трофеев, высвободился целый корпус, который двинулся на соединение с главными силами 8-й армии. Около 40 орудий стали трофеями победоносных русских войск. 24-го числа 8-й корпус ген. Р.Д. Радко-Дмитриева вошел в Миколаев.

26 августа три русские армии северного крыла Юго-Западного фронта (9-я, 4-я и 5-я) перешли в наступление. Но до того времени, как им удалось бы вырвать победу от Люблина до Перемышля, 3-я и 8-я армии должны были продержаться, так как в сложившейся конфигурации фронта единственным шансом для австрийцев в отношении перелома операции в свою пользу представлялся разгром 3-й и 8-й русских армий до подхода к ним армий северного крыла. Чтобы не допустить этого, в районе Городка русская 8-я армия сковала наступательным боем вдвое превосходящего противника: 2-ю (в нее влилась группа ген. Г. Кёвесс фон Кёвессгаза) и 3-ю неприятельские армии. В задачу Брусилова входило удержаться, пока армии северного крыла не опрокинут врага по всему фронту.

Отчаянные бои завязались по всему фронту западнее Львова, где австрийцы как минимум вдвое превосходили русских. Остановив русских, австрийцы сами перешли в контрнаступление, тесня части 8-й армии к Львову, севернее которого в это время разыгрывалось основное сражение между повернувшей на юг главной австрийской группировкой (4-я австрийская армия) и русской 3-й армией, к которой на помощь спешили 5-я и 4-я русские армии. Постепенно неприятель, обладавший вдвое большими силами, охватил левый фланг 8-й армии. К вечеру 29 августа австрийцам удалось вклиниться между русскими 3-й и 8-й армией, и судьба сражения на южном фланге, казалось, повисла на волоске. К рассвету 30 августа Брусилов стянул в центр своего боевого порядка 85 батальонов из 125, бывших в составе его армии. Сюда же подошел и единственный в 8-й армии дивизион тяжелых орудий. Командарм-8 рассчитывал мощным встречным ударом опрокинуть наступление противника на Львов и вырвать инициативу из рук врага.

Однако в 16.30 30 августа австрийский главнокомандующий Ф. Конрад фон Гётцендорф отдал приказ об общем отходе всех австрийских армий за Сан в ночь на 31 августа. Русские армии северного крыла уже выходили в тыл австро-германским армиям, концентрически наступавшим на Львов, что угрожало их окружением и последующим уничтожением. Австрийцы стали отступать, русские — бросились в преследование. Таким образом, во встречных боях с превосходящим противником, 8-я армия ген. А.А. Брусилова сумела продержаться столько, сколько было необходимо для русской победы в Галицийской битве. Сам Брусилов охарактеризовал свои победы в письме домой: «Успех вверенной мне армии по настоящее время зависит: 1) от счастья; 2) от того, что я никогда, по настоящее время, не допускал разрозненных действий корпусов и дивизий, а заставлял двигаться и сражаться в твердой связи друг с другом, управляя всем фронтом армии и направляя все усилия по определенному плану, от которого не отступал, а лишь видоизменял в зависимости от выяснившейся обстановки»¹. Вот — ключевые звенья действий полководца и в Галиции, и в дальнейшем: связь между войсковыми соединениями и твердое проведение в жизнь намеченного плана. Ну и воинское счастье, конечно.

Смелый наступательный порыв увенчался успехом: австрийские войска перемалывались и продвигались вперед с большим трудом,

---

¹ ГАРФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 340. Л. 148.

то и дело опрокидываемые контратаками русских. Несмотря на ряд кризисов в сражении (окружение 48-й пехотной дивизии, контратака 12-й кавалерийской дивизии), генерал Брусилов с честью выполнил поставленную перед ним задачу. И теперь уже австрийцы, которые некогда характеризовали Брусилова как не способного управиться даже и с корпусом, пишут о нем: «упрямый русский командующий»¹. За успешные действия в ходе Галицийской битвы 23 августа 1914 г. ген. А.А. Брусилов был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

Вялое русское преследование (8—10 км в день для пехоты) 8 сентября застопорилось, упершись в австрийскую крепость Перемышль. В связи с тем, что австро-германцы, предприняв перегруппировку, перенесли центр боевых действий на левый берег Вислы, штаб Юго-Западного фронта стал отвечать за шедшие здесь сражения, вплоть до Варшавы. Поэтому в середине сентября месяца на левом фланге фронта была образована Галицийская группа войск, под общим командованием командарма-8 ген. А.А. Брусилова. В нее вошли 3-я, 8-я и Блокадная (11-я) армии. В задачу Галицийской группы армий входило прикрытие львовского направления и осада Перемышля. Высоко оценив значение действий войск 8-й армии в ходе боев за Галицию, командование 18 сентября награждает А.А. Брусилова орденом Св. Георгия 3-й степени.

До конца сентября Галицийская группа войск вела позиционные бои по линии реки Сан — Карпаты. 21—23 сентября русские штурмовали Перемышль, так как командарм-8 рассчитывал на успех. Австрийцы отбили русские атаки, и вскоре их армии вновь перешли в наступление. Натиск 2-й и 3-й австрийских армий в общем направлении на крепость Перемышль, осажденную русскими еще 4 сентября, вынудил главноюза Н.И. Иванова, связанного боями под Варшавой, в начале октября отвести части 3-й и 8-й армий за реку Сан. После перелома в Варшавско-Ивангородской наступательной операции русские вновь бросились к Перемышлю, и 23 октября специально образованная из второочередных дивизий Блокадная армия А.Н. Селиванова снова осадила австрийскую крепость.

Подчинение трех армий — это новая громадная ответственность. Неудивительно, что нервы полководца порой не выдерживали. Лю-

---

¹ Последняя австро-венгерская война. Издание австрийского военного архива. М., 1929. Т. 1. С. 695.

бопытное свидетельство оставил все тот же дежурный генерал при штабе 8-й армии. Граф Д.Ф. Гейден вспоминает, что А.А. Брусилов, «когда начинал сердиться, выходил из себя, стучал по столу кулаком и так иногда кричал, что у него выпадали изо рта искусственные зубы. Все тогда начинало трепетать и не скоро успокаивалось»¹. Что же касается полководческого подъема Брусилова, то «генерал от кавалерии А.А. Брусилов также был обласкан лучами славы. Можно сказать, что его полководческая звезда возшла именно на полях октябрьских сражений 1914 года»².

К концу октября корпуса 8-й армии втянулись в предгорья Карпат. 2 ноября Брусилов перешел в наступление в направлении на перевал Дукла, который был взят 6-го числа. В тяжелейших боях 2—10 ноября 8-й и 24-й армейские корпуса сбили 3-ю австро-венгерскую армию с Бескидских позиций, заняв Лупковский перевал. К середине ноября 1914 г. войска 8-й армии на ряде участков уже спускались по западному склону Карпат на венгерскую равнину, но в этот момент, в связи с тяжелой обстановкой под Лодзью, где германцы атаковали армии Северо-Западного фронта, Ставка Верховного командования распорядилась остановить наступление. В результате 8-я армия, продвигавшаяся к Карпатам, должна была помочь 3-й армии Р.Д. Радко-Дмитриева, попавшей в критическое положение под Краковом, от которого было приказано отступить.

Командарм-8 прекрасно сознавал, что война еще только начинается. Не сумев одержать победы в кратчайшие сроки, воюющие стороны были вынуждены перейти к позиционной борьбе. Это означало, что конец войны откладывается на неопределенный срок. Главное — каждый боялся сепаратного мира, ибо ни одна из сторон еще не сумела достичь тех целей, с которыми она вступала в конфликт. Давая свою оценку ситуации, 18 ноября А.А. Брусилов писал жене: «Думаю, что война не может не быть очень продолжительной. Сколько уже народу погибло, а ведь это только начало... борьба только началась». Ровно через месяц: «Возможно, что война продолжится и год и два... для достижения наших целей требуется очень долгая война... иначе пролитая кровь будет напрасна... Любя Царя и Россию, не могу желать мира»³.

---

¹ Военно-исторический вестник. 1971. № 37. С. 11.

² *Нелинович С.Г.* Кровавый октябрь 1914 года. М., 2013. С. 629.

³ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 5. Л. 127 об., 128.

КАМПАНИЯ 1915 ГОДА. ОТХОД ИЗ ГАЛИЦИИ

К концу 1914 г. Австро-Венгерская монархия, невзирая на ряд успехов (Краков, Лиманов — Лапанув), стояла на пороге военного крушения. На Балканском (Сербском) фронте 2 декабря австрийские армии вошли в Белград. Однако в ходе сражения (3—15 декабря) на реке Колубара австро-венгерские части были отброшены из Сербии и Белград освобожден 1-й сербской армией воеводы Ж. Мишича. Потери австро-венгров на Сербском фронте с начала войны составили 274 000 солдат и 7800 офицеров (сербы потеряли 132 000 человек). На Восточном (Русском) фронте русские 8-я и 3-я армии готовились возобновить наступление в Карпатах и на Краков.

Однако в декабре 1914 г. в России начинается кризис вооружения, тревожные звоночки которого стали проявляться уже в сентябре месяце. Снарядный голод в русской армии, явственно обозначившийся в конце 1914 г. и своим наличием тормозивший развитие операций, вынудил отвести войска Юго-Западного фронта на естественные рубежи рек Равка, Бзура и Дунаец. Невзирая на это, А.А. Брусилов оказывал определенное давление на штаб фронта после отражения войсками 8-й армии ноябрьского контрнаступления противника. Предлагая перенести центр боевых усилий в Карпаты, генерал Брусилов несколько раз (4 и 13 декабря) обращался к главнокомандующему с предложением передать на Юго-Западный фронт главный удар в предстоящей зимней кампании 1914/1915 г.: «Брусилов полагал, что конечной задачей в этом случае может быть овладение Будапештом»¹.

Доказывая необходимость развития успеха в Карпатах, командарм-8, несмотря на всю справедливость наступательного метода действий, не учитывал нескольких моментов. Во-первых, во имя оказания помощи Австро-Венгрии в Карпаты уже перебрасывались германские соединения. Во-вторых, в России не только не хватало снарядов, но не хватало и горной артиллерии, необходимой для боев в Карпатах. В-третьих, поступавшие из глубины империи резервы были подготовлены настолько слабо, что их приходилось переучивать в тылах армий. Единственное, в чем надо признать правоту Брусилова, это то обстоятельство, что в тылу 8-й армии находилась осажденная русскими крепость Перемышль, которую противник пытался деблокировать. Такие контратаки вели к встречным боям, где

¹ Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980. С. 137.

перемалывались и русские, и австро-венгерские войска. Кроме того, у противника также не хватало снарядов, и пока еще можно было использовать этот фактор, так как немцы расстреляли свои запасы во Франции и под Лодзью.

7 января 1915 г. главноюз отдал директиву о переходе в наступление 3-й, 8-й и 11-й армий, чтобы пробиться через карпатские перевалы к выходам на венгерскую равнину. Как бы то ни было, но в любом случае сил, и особенно средств, у русских хватало только на ограниченные операции, поэтому генерал Иванов, рвавшийся форсировать Карпаты во что бы то ни стало, избрал заведомо неверный вариант действий. В это же время на совещании 4 января Северо-Западный фронт получил приказ готовить новое наступление в Восточную Пруссию.

За два дня до предполагаемого русского наступления, 7 января, австро-германцы двинулись вперед и в Карпатах. Войска Южной германской (А. фон Линзинген) и 2-й австрийской (Э. фон Бём-Эрмолли) армий атаковали русскую 8-ю армию А.А. Брусилова. Против русской 8-й армии сосредоточивалась также и 3-я австрийская армия С. Бороевича фон Бойна. Австро-германцы рвались к осажденному Перемышлю, где находился 120-тысячный гарнизон, а русские стремились не дать противнику добиться его целей. Поэтому с самого начала сражения в Карпатах стали носить чрезвычайно ожесточенный и кровопролитный характер. Спустя три дня после австро-германского наступления, 10 января, командарм-8 был награжден орденом Белого Орла с мечами.

Части 12-го армейского корпуса ген. Л.В. Леша были прорваны у перевала Дукла и стали отходить. В ходе отступления в плен едва не угодил штаб 8-й армии. Именно в этот момент, когда в распоряжении командарма-8 не оказалось резервов, с Брусиловым случился кратковременный нервный срыв. Это и неудивительно — сам командарм вместе со штабом едва-едва не оказался в плену: столь сильным и тактически внезапным был удар неприятеля. Дело в том, что Брусилов боялся не столько боя или гибели, сколько опасности быть пленным или разделить судьбу А.В. Самсонова. При этом начальник штаба армии Ломновский также разделял идею отступления. Но офицеры штаба сумели уговорить командарма-8, который, после преодоления себя, отдал приказ о возобновлении наступления.

Нервный срыв генерала Брусилова продолжался около суток. В жестоких пятидневных боях порыв врага был остановлен,

и 14-го числа русские перешли в контрнаступление. Однако же сам факт нервозности и много времени спустя позволял недоброжелателям А.А. Брусилова всячески мушкетировать произошедшее в январских Карпатах недоразумение. Например, в своих фронтовых дневниках А.Е. Снесарев, ссылаясь на С.С. Саввича, довольно нелестным образом характеризует генерала Брусилова: «Брусиллов — человек настроения. Во время отступления бежал, и нельзя было остановить, впал в панику (Трусиллов), только и было по телеграфу делов, что с ним. Хотели офицеры Генерального штаба его арестовать и приволочить во фронт. Пролом весною 1916 г. не его мысль, это сделали 7-я и особенно 9-я армии, предоставленные совершенно своим силам. Брусиллов ломил на Ковель, уложил гвардию, видя успех на юге, не поддержал его, продолжая долбить все туда же, пока не стали у него отбирать корпуса... Путного от Брусилова (Саввич) ничего не ждет и уверен, что тот будет отчислен»¹. Жаль, что выдающийся русский востоковед и военный мыслитель пошел на поводу у бездарного генерала Саввича, который в свое время два года служил начальником штаба отдельного корпуса жандармов. Сам факт службы в жандармах говорит о склонности С.С. Саввича к интриганству, клевете и распространению нелепиц. С мая по декабрь 1915 г. ген. С.С. Саввич занимал пост начальника штаба Юго-Западного фронта, а потому имел немало столкновений с Брусиловым, сопротивлявшимся рутинерству Иванова и Саввича.

Постепенно, шаг за шагом, с большими потерями, которые несли обе противоборствовавшие стороны, русские продвигались к карпатским вершинам. 23 января 8-й армейский корпус В.М. Драгомирова занял перевал Мезо-Лаборч, 26-го числа 12-й армейский корпус вышел на Лупковский перевал. В ходе переговоров со Ставкой Иванов, не желавший прекращать наступления в 8-й армии, сравнительно успешно пробивавшейся вперед, решает наступать сразу всем фронтом. Получилось как бы два главных удара. Один — по замыслу штаба Юго-Западного фронта — силами 8-й и отчасти 3-й армии; другой — согласно планированию Ставки Верховного главнокомандования — силами 9-й армии, сосредотачивавшейся на южном фланге, в районе Черновиц.

Войска 8-й армии имели наилучшие успехи на всем Юго-Западном фронте. Трофеями 8-й армии стали до 50 тыс. пленных, но всего

---

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. 2003. № 11. С. 56.

17 орудий: так что техника позволяла противнику наносить солдатам генерала Брусилова невосполнимые потери. Поэтому, невзирая на медленное продвижение вперед, где на ряде участков русские вновь стали закрепляться на западных склонах гор, положение австро-германцев было достаточно прочным. Сражения в Карпатах с ноября 1914 по апрель 1915 г. были характерны встречными атаками и контратаками, высоким процентом безвозвратных потерь и преодоления самой природы в стремлении победить неприятеля. Сам командарм-8 вспоминал: «Эти бои, чрезвычайно тяжелые и ожесточенные, которые притом нужно было вести с наивозможно меньшей тратой снарядов и патронов, выбивая шаг за шагом противника с одной вершины на другую, дорого стоили нашим войскам, и потери наши были значительны. Каждая вершина на этих позициях была заранее сильнейшим образом укреплена при трех- и четырехъярусной обороне, и мадьяры (в особенности) со страшным упорством отчаянно защищали доступ к Венгерской равнине... Я считал гораздо более выгодным нам самим собрать сильный кулак и перейти в решительное наступление с целью выхода на Венгерскую равнину»¹.

1 марта главнокомандующий ген. Н.И. Иванов отдал очередную директиву об общем наступлении всеми армиями фронта. И 6-го числа 3-я и 8-я армии двинулись вперед. В то же время на южном фланге, где располагалась 9-я армия, с 9 марта шли встречные бои. В связи с тем, что русские не имели запасов боеприпасов, а противник не имел превосходства сил, ни одна сторона так и не сумела добиться победы. Соединения 8-й и 3-й армий преодолели Карпаты, однако для развития успеха — вторжения в Венгрию — у русских уже не было ни резервов, ни боеприпасов.

Истощив силы друг друга, противники перешли к обороне, хотя русская 8-я армия выполнила свою задачу — австро-германцы не сумели прорваться к крепости Перемышль, сдавшейся 9 марта. В ходе Карпатской наступательной операции 10 января — 11 апреля 1915 г. русские потеряли около 1 млн чел.; потери противника были лишь на 100 тыс. меньше. «Таким образом, потери сторон в горных боях были примерно равными, однако к апрелю 1915 г. русская сторона не имела подготовленных пополнений и артиллерийских боеприпасов. В создавшихся условиях взаимного пата, перевес получал тот, кто имел возможность создать ударный кулак из тех войск, что не

---

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 113, 123.

были донельзя измотанными в зимней кампании. Если у русских и австрийцев таких войск не было, то немцы перебросили на Восток те дивизии, что всю зиму отдыхали в окопной борьбе во Франции»¹. Впереди был период Великого отступления русской действующей армии на восток.

19 апреля сформированная из свежих войск 11-я германская армия А. фон Макензена на участке Горлице — Тарнов прорвала оборону 3-й русской армии. Русские, сознавая, что боеприпасы подходят к концу, яростно бросались вперед, надеясь нанести Австро-Венгрии смертельный удар раньше, нежели получат его сами. Немцы не могли оставить своего союзника в беде. Германское военно-политическое руководство, оценив обстановку на фронтах войны и сознавая, что западные союзники не смогут и не пожелают оказать русским достойной помощи, решает перенести основные усилия кампании 1915 г. на Восточный фронт.

Немцы знали, что к наступлению готовятся и сербы и итальянцы. Поэтому надо было ударить по русским так, чтобы обезопасить и себя, и особенно австрийцев, на Восточном фронте. И ударить как раз в промежуток до конца мая. Ведь даже ограниченный успех вынуждал русских очистить Карпаты и отойти в Галицию. В окончательном варианте был предложен вариант удара встык между русскими 3-й и 4-й армиями Юго-Западного фронта, между Верхней Вислой и подножием Бескидского хребта в районе Горлице. В случае успеха австро-германцы получали возможность оттеснить 4-ю и 5-ю армии в Польшу, а русские армии Юго-Западного фронта — выбить из Карпат, и далее — из Галиции. На фронте прорыва (10-й армейский корпус Н.И. Протопопова) германцы имели превосходство в живой силе в 2 раза, в легкой и гаубичной артиллерии в 4,5 раза, в тяжелой артиллерии в 40 раз (159 орудий против 4), абсолютное превосходство в минометах (96 против 0). В снарядах противник имел не менее чем 20-кратное превосходство. При таком соотношении русские не имели возможности для победы.

В ходе боев 19—23 апреля русская 3-я армия ген. Р.Д. Радко-Дмитриева была разгромлена, поступаемые резервы — перемолоты, имевшиеся запасы снарядов — расстреляны. Части 3-й армии стали откатываться к Сану, хотя Ставка и штаб Юго-Западного фронта от-

---

¹ Оськин М.В. Штурм Карпат. Зима 1915 года. М.: Цейхгауз. 2007. С. 43.

давали приказы «Ни шагу назад!». Этот приказ, противоречивший складывающейся обстановке, стал причиной уничтожения 3-й армии, во время Горлицкого прорыва потерявшей $\frac{4}{5}$ своего состава. С 24-го числа тактическое значение Горлицкого прорыва было уже исчерпано, и прорыв стал перерастать в оперативный. Целью атакующей стороны ставилось уже не просто оттеснение русской 3-й армии от Кракова и обескровливания русских войск, а отбрасывание русских в глубь Галиции и очищение Карпат. Макензен на ходу, не останавливая атак по фронту, произвел перегруппировку и новыми ударами развил наступление трех австро-германских армий вглубь к рубежу Сана и ширирь: на юг, в тыл русской 8-й армии.

Невыгодное расположение войск Юго-Западного фронта и отсутствие резервов позволили австро-германцам ударом лишь на одном участке, расширяя прорыв, вынудить русское командование отводить весь фронт. В противном случае все те русские войска, что не успевали отойти из гор, оказывались бы отрезанными и уничтоженными. 26 апреля Ставка отдала приказ об отходе соединений 8-й армии из Карпат. Отступление было совершено стремительно и искусно, так что противнику удалось отрезать и уничтожить только одну дивизию — 48-ю пехотную дивизию Л.Г. Корнилова из состава 24-го армейского корпуса 3-й армии.

28-го числа русские без серьезных боев откатились за Сан. 30-го числа немцы подошли к фортам крепости Перемышль, удерживаемой частями 8-й армии. Инициатива перешла в руки австро-германцев, и теперь русские могли лишь пассивно парировать вероятные неприятельские удары. Интересно, что в низах армии во всем винили командиров, добившихся наибольших успехов во время зимних боев в Карпатах. Ведь теперь приходилось без боя отдать все то, что было добыто большой кровью. Например, командир 70-й артиллерийской бригады в дни Горлицкого прорыва ворчал: «Начинается то, что я предсказывал. Этот подлец Брусиллов добился своего... На черта мне его храбрость! На кой нам дьявол все эти дурацкие Козювки? Из-за двух Георгиев лазает по отвесным скалам. К чему? Только людей тратят»¹.

В ходе отступления в Галиции в 1915 г., после Горлицкого прорыва, А.А. Брусиллов предлагал отходить с рубежа на рубеж, дабы

---

¹ *Войтоволский Л.Н.* Выходил кровавый Марс: По следам войны. М., 1998. С. 231.

растянуть противника и в конечном итоге дать генеральное сражение в наиболее выгодной обстановке. Он сообщал в штаб Юго-Западного фронта, что необходимо «последовательно уходить на тыловые позиции, заставляя противника разворачиваться, то есть терять время и, не доводя до генерального боя, снова уходить. Таким образом мы сохраним армию. Принять этот план самостоятельно не могу, так как с отходом моей армии неминуемо связан отход соседних армий и, прежде всего, 3-й. Первоначально можно бы как рубеж отхода наметить Гродекскую позицию. Если противник будет наступать быстро и принимать бой на Гродекской позиции по условиям снабжения окажется невыгодным, то отходить далее, замедляя наступление противника, например, на линию Гнилой Липы, где, быть может, представится возможность вступить в генеральное сражение в более выгодной обстановке»¹. Но что говорить, если Ставка и главноюз угробили всю 3-ю армию, лишь бы не поступиться «ни пядью земли»?

Катастрофическая нехватка боеприпасов и вооружения не позволяла русским армиям оказывать противнику надлежащего сопротивления. В течение весенне-летней кампании 1915 г. русским приходилось платить кровью людей за металл. Например, 6 мая Брусилов просил у штаба фронта 90 тыс. легких снарядов и 10 млн винтовочных патронов. Главноюз с трудом смог «наскрести» для 8-й армии 10 тыс. снарядов (в 9 раз меньше требуемого) и 2 млн патронов (в 5 раз меньше требуемого)². Нельзя не сказать и о том, что начальник штаба фронта М.В. Алексеев еще в середине марта занял пост главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта, сменив в этой должности Н.В. Рузского. Его преемники — В.М. Драгомиров и С.С. Саввич — оказались не на высоте положения начальника штаба Юго-Западного фронта. В итоге главноюз Н.И. Иванов не успевал своевременно реагировать на изменения обстановки, что вынуждало командармов действовать на свой страх и риск.

Одним из заключительных актов Горлицкой операции стала сдача русскими крепости Перемышль, развалины которого в ночь на 22 мая были оставлены частями 8-й армии. Потеряв крепость, штаб фронта тут же отобрал у Брусилова четыре корпуса, отправив их соседям или направив во фронтовой резерв, мотивировав свое решение со-

¹ Цит. по: *Ростунов И.И.* Генерал Брусилов. М., 1964. С. 95.

² Горлицкая операция. Сборник документов империалистической войны. М., 1941. С. 384.

крашением фронта обороны 8-й армии на 30 верст. Это произошло как раз в тот момент, когда штабом 8-й армии обдумывалась идея контрудара по зарвавшемуся противнику. Генерал Брусилов даже послал в штаб фронта своего начальника штаба, который по прибытии обратно сообщил, что в штабе фронта царит пессимизм и уверенность в проигранной кампании. В начале июня австро-германцы заняли Рава-Русскую, перерезав рокадную железнодорожную магистраль Варшава — Николаев. 9-го числа войска 8-й армии оставили Львов, отойдя за реку Западный Буг. Потери русских армий были просто громадными: более 300 тыс. чел. и около 350 орудий. Неприятель потерял в 4 с лишним раза меньше.

В ходе отхода из Галиции Брусилов решил перенять тактику врага, прорывающего русский фронт на избранном участке и сохраняющем на большей части общего фронта только заслоны. Такой подход давал врагу возможность бить русские корпуса по очереди, сохраняя численное превосходство на избранных направлениях, при равной общей численности. Приказ по войскам 8-й армии от 11 июня 1915 г. гласил: «Приказываю отказаться от равномерного развертывания локоть к локоть на одном сплошном армейском фронте и перейти к ведению операций группами, успешное развитие которых будет зависеть от умения маневрировать. Только своевременным ударом соседних групп во фланг и тыл можно остановить натиск противника, ибо опыт последних боев показал, что противник рвет на определенных участках, а на остальном фронте прикрывается слабой завесой. Впредь мною будут указываться только рубежи, но их не занимать равномерно войсками, а сосредоточивать большую часть сил на важнейших путях, лишь наблюдая остальные участки своего фронта»¹.

Почему австро-германцы могли так действовать, в то время как русские — нет? Потому, что противник владел инициативой. Следовательно, расчет генерала Брусилова строился не просто на ведении стратегической обороны, а на борьбе за инициативу. В ходе отступления командарм-8 не выказал того успеха, что было свойственно вверенным ему войскам в кампании 1914 г. И неудивительно: вооруженный до зубов противник был невообразимо силен. Однако же и это дало повод для критики действий Брусилова. Так, М.В. Алексеев так писал о Брусилове: «Пока счастье на нашей стороне, пока оно дарит своей улыбкой, Брусилов смел, а больше самонадеян. Он рвется

---

¹ Цит. по: *Ростунов И.И.* Генерал Брусилов. М., 1964. С. 97—98.

вперед, не задумываясь над общим положением дел. Он не прочь, в особенности в присутствии постороннего слушателя, пустить пыль в глаза и бросить своему начальству, что его, Брусилова, удерживают, что он готов наступать, побеждать, а начальник не дает разрешения и средств. И себе имя составляется, и начальник взят под подозрение, в смысле способностей, характера, порыва вперед». Брусилов, по словам Алексеева, требовал успокоения, точных указаний, снятия с себя ответственности в дни неудач. Брусилов якобы не был награжден качествами сохранения в периоды поражений «ясного ума, спокойствия духа, способности оценки положения, умения найти средство и выход», тех качеств, «без наличия которых нет полководца»¹. Здесь нельзя забывать, что характеристика А.А. Брусилова была дана Алексеевым 10 июня 1917 г. К этой дате уже слишком многое произошло, и многое переменялось. В частности, Алексеев и Брусилов стали соперниками за должность Верховного главнокомандующего.

Уже в 1914 г. ген. А.А. Брусилова называли выскочкой и «берейтором», так как его успехи были непонятны при том, что Брусилов не имел высшего военного образования. Очень и очень многие «академики», которых в войсках армейцы в просторечии называли «моментами», опростоволосились, очень многие из них были смешены со своих постов за бесталанность, трусость, безынициативность, а генералы Брусилов и Лечицкий успешно били врага. Долгое время находившийся в Ставке журналист М.К. Лемке так пишет о Брусилове (еще до Брусиловского прорыва): «Брусилов стал популярен с самого начала войны. Теперь его знает буквально каждый русский, но отношение к нему весьма различное. Генеральный штаб его почти не выносит, как не выносит он сам это архаическое учреждение — уж очень он не похож на кабинетного червя, автора мертвецки скучных диспозиций и канцеляриста. “Берейтор” — презрительно называют его “моменты”. Войска любят своего генерала, потому что видят в нем живую душу и способного вождя, если и лишенного заметного стратегического таланта, то зато отлично ориентирующегося в обстановке и умеющего ставить войскам исполнимые ими задачи. Бывало у него трудненько, но войска всегда видели, что, отмахав в ночь полный переход, они действительно шли недаром, их не нагонял казак с приказанием вернуться». Далее М.К. Лемке отмечает командарма-8 как одного из лучших воспитателей своих войск, и че-

¹ Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 46.

ловека, настроенного на сотрудничество с либеральными организациями: «Брусиллов — первый командующий армией, вступивший в соглашение с общественными организациями, давший им возможность послужить родине, как только стало ясно, что все казенное или безнадежно, или крайне мизерно по сравнению с реальной нуждой. Это лучшее доказательство тому, насколько “берейтор” был выше остальных своих коллег и насколько мало он дорожил служебной карьерой, зная, что сочувствие общественным организациям даже если не составляло проступка, то во всяком случае набрасывало некоторую, вполне определенную тень»¹.

Лето 1915 г. начиналось для Российской империи безрадостно. Противник наступал в Галиции и был готов ударить в Польшу. Все новые и новые германские войска текли на Восток. В июне 3-я армия была передана в состав Северо-Западного фронта, и теперь в Юго-Западном фронте числились лишь 3 армии (из 11): 8-я, 11-я и 9-я (расположение с севера на юг). С июня противник перенес основные усилия в Польшу, а потому против армий Юго-Западного фронта остались в основном австро-венгры. В течение июня — августа Южная германская армия, а также 4-я и 7-я австро-венгерские армии теснили русских в Галиции к линии предвоенной государственной границы.

Постепенно темпы отступления южнее Полесья замедлились, и русские стали наносить врагу контрудары. Первое контрнаступление армий Юго-Западного фронта состоялось под Трембовлей силами 11-й и 9-й армий. В ходе боев 25—30 августа были опрокинуты Южная германская и 7-я австрийская армии. Только пленными за пять дней контрнаступления русские взяли почти 40 тыс. чел. В сентябре — октябре контратаковала 8-я армия, разбившая 4-ю австро-венгерскую армию. «Пожарная команда» 8-й армии — 4-я стрелковая дивизия А.И. Деникина — 10 сентября взяла Луцк. Фланговым контрударом со стороны Ковеля противник вынудил русских вновь отступить, оставив Луцк. Но зато ровенское направление было надежно закрыто русскими контратаками, измотавшими австро-германские войска, действовавшие против русского Юго-Западного фронта. Настроения личного состава армий Юго-Западного фронта, согласно сводкам отчетов цензурных отделений к концу кампании, в октябре 1915 г. были скорее оптимистичны. Цензорами отмечалось, что «все уверены в конечном сокрушении врага». Процент бодрых писем в тыл достигал

---

¹ Лемке М.К. 250 дней в царской ставке 1916. Мн., 2003. С. 400—408.

36,4 %, в то время как угнетенных — 0,7 %. А в конце года во всех письмах солдат на родину упоминание о желанном мире шло «нераздельно вслед за уверенностью в победе»¹. Это — результат последних операций осенней кампании 1915 г. на Юго-Западном фронте.

В конце 1915 г. Юго-Западный фронт провел неудачное наступление на реке Стрыпе силами 7-й и 11-й армий. Штаб фронта и лично главнокомандующий ген. Н.И. Иванов не верили в победу, и наступление оказалось плохо подготовленным. Первоначально же Ставка желала общего наступления всех армий Юго-Западного фронта, и в том числе 8-й армии. В итоге 8-я армия осталась стоять на своих позициях, однако командарм тщательно готовился к атаке, уже тогда намереваясь бросить вперед после прорыва кавалерию. Согласно первоначальному плану общего наступления, атаки 8-й и 9-й армий должны были сковать противостоящего им противника, а затем главный удар наносился 7-й армией на фронте Бенява — Бучач. Затем, совместно с 11-й армией, 7-я армия развивает прорыв в северном и северо-западном направлениях, «стремясь нанести врагу возможно полное поражение». Брусилов ставил перед своей конницей следующую задачу: после прорыва фронта пехотой «способствовать поражению врага энергичным и смелым нападением на его тыл, обозы, склады, стремясь задержать его отступление, дабы дать возможность пехоте настигнуть обходящего врага и новыми ударами добивать его, приводя к полному разгрому его живую силу»².

Невзирая на тот факт, что 8-я армия бездействовала, а наступление на Стрыпе не удалось, о взглядах командарма-8 на прорыв неприятельского фронта дает его рапорт от 8 декабря 1915 г. на имя Иванова. Задача 8-й армии, поставленная Ивановым на первый этап наступления, заключалась в том, чтобы «энергичными поисками на всем фронте армии приковать к себе противостоящего противника». Соответственно, Брусилов писал, что, прийдя по 16-месячному опыту войны «к полному убеждению, что никакие поиски еще никогда противника ни к чему не приковывали и не останавливали задуманной им переброски своих войск на более важные пункты боя», мнение Брусилова — «переход с первого же дня операции в наступление всей армией». В ситуации слабости оборонительных рубежей русских лучший выход — атаковать: «Лучшим способом скрыть свою слабость является наступление». Од-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 6. 22 об., 36 и др.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 513. Л. 161.

нако самым важным моментом в рапорте является мысль о направлении атаки 8-й армии. По этому направлению она и пойдет в Брусиловском прорыве. Брусилов писал, что необходим удар на Ковель и Луцк — это наиболее важные и чувствительные точки неприятельского расположения. При успехе неприятель бросит все прочие участки сам и армия фронтально продвинется вперед: «Принимая во внимание местные данные театра действий, первый серьезный успех армия может видеть лишь в достижении линии рек Верхней Стыри и Стохода и лишь после этого только может предпринять какие-либо другие маневры с надеждой на успех»¹. Таким образом, план главного удара в будущем прорыве созрел у штаба 8-й армии уже в конце 1915 г., как минимум за полгода до самого прорыва. И уже тогда командарм-8 доводил этот план до сведения штаба фронта, еще не ведая, что ему придется воплощать в жизнь этот план как раз с должности главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта.

Что касается военного опыта ген. А.А. Брусилова за 1915 год, то достаточно сказать, что 8-я армия вынесла на себе большую часть напряжения отступления. Именно 8-я армия действовала на стыке двух русских фронтов. Как раз по ней били впоследствии повернутые на север германская Бугская и 2-я и 3-я австрийские армии. Тем не менее 8-я армия с честью выходила из испытаний, не дав себя ни окружить, ни разгромить. Несмотря на ряд поражений, все-таки период отхода закончился для 8-й армии, как и для других армий Юго-Западного фронта, контрнаступлением. Исследователи характеризуют деятельность А.А. Брусилова на посту командарма-8 следующим образом: «Меньше чем за полтора года войны Брусиллов овладел навыками командования армией в различных видах боевой деятельности. Разработанные и проведенные им наступательные и оборонительные операции были чужды шаблону, свойственному многим высшим военачальникам русской армии того периода. Он стремился к инициативным, решительным действиям, навязывая свою волю противнику, используя все возможное для достижения хотя бы частного успеха. Войска в свою очередь старались добросовестно выполнять поставленные задачи, веря в полководческий талант своего командующего»².

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 513. Л. 31—32.

² *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 158—159.

КАМПАНИЯ 1916 ГОДА. БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ

По окончании кампании 1915 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеев составил планирование переноса главного удара на Балканы и в Галицию. Однако же союзникам по Антанте было невыгодно выдвижение русских армий на Балканы, где только-только была разгромлена и оккупирована Сербия, а вслед за ней и Черногория. Французы желали только одного: ослабления германского давления на своем фронте. А потому, согласно межсоюзническим соглашениям, русские обязывались свой главный удар нанести против немцев. Направление русского главного удара было решено и без русских — только в Германию.

Ударные группировки расположенных севернее Полесья Северного (215 тыс. чел.) и Западного (480 тыс. чел.) фронтов должны были по сходящимся направлениям соответственно от Двинска и Молодечно нанести комбинированный удар на Вильно, развалив неприятельский фронт надвое. Таким образом, главный удар должны были наносить армии Северного и Западного фронтов, как того требовали союзники. Кроме того, следуя мнению главноюза Иванова, Алексеев пришел к выводу, что в кампании 1916 г., раз уж главный удар будет производиться севернее Полесья, Юго-Западный фронт должен получить вспомогательную задачу. При этом армии Юго-Западного фронта должны были перейти в наступление после прочих фронтов, дабы сковать стоявшего против себя противника (преимущественно австрийцев), не допустив перебросок неприятельских резервов вдоль фронта.

Провал Нарочской наступательной операции армий Западного и Северного фронтов в марте — апреле означал, что прорыв германской обороны будет делом тяжелым и кровопролитным. В то же время после неудачи наступления армий Юго-Западного фронта на реке Стрыпа в декабре 1915 г. главноюз считал, что он наступать не способен и не будет. В связи с этим Алексеев, начинавший войну в качестве начальника штаба Юго-Западного фронта, а до войны служивший под началом Иванова в Киевском военном округе, принял окончательное решение о смене главноюза. 17 марта 1916 г. генерал Иванов был смещен со своего поста и отправлен в Государственный совет с одновременным назначением состоять «при Особе Его Величества». Новым главноюзом стал командарм-8 ген. А.А. Брусилов.

Впервые мнение нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта относительно будущих действий прозвучало в лич-

ной беседе с императором 24 марта, спустя неделю после назначения, где Брусилов твердо высказался за наступление вверенных ему войск в предстоящей кампании. На Совещании 1 апреля, где было составлено оперативно-стратегическое планирование всех фронтов, он еще раз подтвердил свое решение, шедшее вразрез с мнением прочих главкомов.

С самого начала заседания Алексеев доложил, что русские армии Восточного фронта в обязательном порядке будут наступать в предстоящей кампании, а потому необходимо теперь же выработать план согласованных действий. Указав направление главного удара, который должен был производиться войсками Западного фронта (на Вильно), Алексеев добавил, что Северный фронт будет содействовать наступлению Западного фронта, а Юго-Западный фронт перейдет от обороны к наступлению, как только обозначится успех севернее Полесья. Сразу же по окончании доклада главкомов А.Н. Куропаткин и главкомзап А.Е. Эверт выступили против наступления, предложив держаться строго оборонительных действий, раз уж войскам по-прежнему не хватает технических средств ведения боя, в особенности тяжелой артиллерии.

Генералу Алексееву требовалась поддержка перед лицом императора, также решительно настроенного, и он ее нашел в лице нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова. Главкоюз мало того, что сумел настоять на задаче наступления для своего фронта, но и настаивал на общем одновременном наступлении всех русских фронтов. Таким образом, Брусилов был единственным, кто твердо и бесповоротно поддержал Алексева в избранной стратегии общего наступления на Восточном фронте в кампании 1916 г. Это делает ему честь и говорит о незаурядном личном мужестве полководца, понимающего, что только обороной война не выигрывается.

Под давлением Брусилова, решительно поддержанного Алексеевым, на 1916 г. намечалось общее наступление всех русских фронтов. Следовательно, решения Совещания 1 апреля пошли еще дальше, нежели то накануне предполагал М.В. Алексеев: не главный и вспомогательный удары севернее и южнее Полесья соответственно, а общий, решительный, комбинированный удар всех трех фронтов (пусть и с различным характером частных задач). И это — лишь благодаря позиции, занятой Брусиловым. М.В. Алексеев получил всяческую поддержку главкоюза: вопреки всему и вся А.А. Брусилов настаивал на

одновременном наступлении всеми тремя фронтами, лишь разделив задачи разных фронтов на главные и второстепенные.

Главкосев и главкозап, невзирая на свое недовольство, были вынуждены согласиться с наступлением, с той лишь оговоркой, что невозможно ручаться за успех, причем главный удар все равно получил Западный фронт. Они не отказали себе в удовольствии высказать свои претензии только что назначенному главкоюзу. После совещания Куропаткин откровенно заявил Брусилову: «Вы только что назначены главнокомандующим, и вам притом выпадает счастье в наступление не переходить, а, следовательно, и не рисковать вашей боевой репутацией, которая теперь стоит высоко. Что вам за охота подвергнуться неприятностям, вы можете быть смещены с должности и потерять тот военный ореол, который вам удалось заслужить в настоящее время. Я бы на вашем месте всеми силами открещивался от каких бы то ни было наступательных операций, которые при настоящем положении могут вам лишь сломать шею, а личной пользы вам не принесут». Н.Н. Головин справедливо говорит о Совещании 1 апреля 1916 г.: Куропаткин и Эверт «“потеряли сердце”, они не верят в успех, хотя и не смеют это сказать прямо. Один только главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов бодро смотрит на предполагаемое в мае общее наступление».

Таким образом, М.В. Алексеев пытался поставить армиям Юго-Западного фронта оборонительные задачи, подчиняясь мнению императора и генерала Иванова о слабости фронта; Брусилов должен был наступать только после успеха Северного и Западного фронтов. Однако после решительных возражений нового главкоюза было решено, что Юго-Западный фронт будет наступать первым, предваряя главный удар севернее Полесья. Это должно было притянуть все свободные резервы австро-германцев против Юго-Западного фронта, после чего у немцев не хватило бы людей для парирования решающего наступления на Западном фронте. При этом Юго-Западный фронт должен был рассчитывать только на свои собственные силы, так как его удар предполагался вспомогательным. В конечном итоге директива Верховного главнокомандующего о предположениях Главнокомандования относительно предстоящего наступления, от 11 апреля за № 2017, впервые предусматривала одновременное стратегическое наступление всех трех русских фронтов от Балтики до Карпат.

По русским данным, на 16 марта силы противника на Восточном фронте исчислялись в 1 061 000 чел., из коих 620 000 штыков и сабель

располагались севернее Полесья. Русские силы насчитывали в своем составе 1 732 000 штыков и шашек, в том числе — 1 220 000 севернее Полесья. Северный фронт (466 000 чел.), Западный фронт (754 000 чел.), Юго-Западный фронт (512 000 чел.) расположились на 1200-км фронте от Рижского залива до русско-румынской границы. Таким образом, в момент принятия решения о стратегическом наступлении русский Юго-Западный фронт имел перевес над противником примерно в 100 тыс. чел. О совещании 1 апреля отечественный исследователь говорит: «При существовавшем соотношении сил Брусилов имел основания рассчитывать на успех, но при этом он не предопределял, что этот успех будет оперативным. Брусилов говорил, что если он не добьется решающего успеха, то все же принесет своим наступлением пользу, сковав резервы противника. Однако из выступления Брусилова никак нельзя делать заключения, что он требовал каких-то широких наступательных действий. Наоборот, все это позволяет сделать вывод, что Брусилов хорошо понимал вспомогательную роль, которая отводилась его фронту в предстоящей операции. И при наличных силах и средствах не мог требовать для себя широких наступательных действий, ставя лишь частную задачу сковывания противника. Брусилов, реально учитывавший наличные силы, шел на наступление, преследуя единственную цель — обеспечить максимальный успех на направлении главного удара»¹.

Как бы то ни было, решение было принято, а планирование утверждено Верховным главнокомандующим. 5 апреля, всего лишь через четыре дня после получения карт-бланш на прорыв, главнокомандующим ген. А.А. Брусилов провел в Волочиске совещание с начальниками входящих в состав Юго-Западного фронта армий. Здесь ему пришлось уговаривать, причем с угрозами, командарма-8 А.М. Каледина и командарма-7 Д.Г. Щербачева. Командарм-11 В.В. Сахаров поспешил согласиться с главнокомандующим, а представитель болевшего командарма-9 П.А. Лечицкого ген. С.А. Крылов от имени своего начальника выразил полное согласие на наступление с решительными целями.

Согласно принятым планам, главный удар в войсках генерала Брусилова должна была наносить его бывшая собственная 8-я армия, стоявшая на стыке Западного и Юго-Западного фронтов, в общем

---

¹ *Захаров Г.* Брусиловский прорыв // Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 146.

направлении на Луцк. Войска 7-й и 11-й армии обязывались разгромить противостоявшего им противника, в то время как 9-я армия должна была очистить от австрийцев Южные Карпаты. Дабы контролировать подготовку к наступлению, А.А. Брусилов лично осмотрел местность на предполагаемом направлении главного удара в 8-й армии, а на прочие участки выезжали его доверенные лица из штаба фронта.

Самым же главным принципом, выдвинутым штабом Юго-Западного фронта, стал метод атаки. В отличие от общепринятого и проверенного опытом войны метода мощнейшего удара в одном месте, чтобы с гарантированным успехом одержать победу, Брусилов настоял на том, чтобы каждая армия готовила свой прорыв, да еще на нескольких корпусных участках. Дело в том, что уже с конца 1915 г. оборона показала свое преимущество в том, что успех прорыва не мог развиваться ранее, нежели обороняющийся успевал перебросить к месту прорыва свои резервы. В итоге купленный большой кровью успех не мог быть развит, ибо противник вновь получал преимущество своей оборонительной линии. Поэтому, дабы не позволить австро-венгерскому командованию маневрировать резервами, Брусилов распорядился атаковать по всему фронту.

Это не позволяло развить прорыв в оперативную победу, но зато обещало тактический успех по всему фронту атаки. Если же помнить, что Юго-Западный фронт получил задачу вспомогательного удара, заключавшегося в нанесении поражения австрийцам и приковывании к себе германских резервов, чтобы облегчить задачу Западного фронта, то такой метод являлся совершенно правильным, что бы ни утверждали впоследствии апологеты одного мощного удара, реализация которого в кампании 1916 г. не удалась ни одной наступательной операции любой армии на любом из фронтов Первой мировой войны. Главное же заключалось в том, что Брусилов, в отличие от Эверта и Куропаткина, был полностью уверен в предстоящей победе. Потому-то он и рисковал, идя на изменение тактики. Советский психолог пишет об этой черте характера настоящего полководца: «Тот особый склад ума, который порождает решительность, предполагает, во-первых, особенно большую *проницательность и осмотрительность*, вследствие чего для такого ума рискованность операции является меньшей, чем она кажется другим. И, во-вторых, сознательное убеждение в необходимости, неизбежности долга. Иначе говоря, это есть такой склад ума, в котором сочетается *величайшая осторож-*

ность и критичность мысли с предельной смелостью ее. Это способность к большому риску... Большими полководцами могут быть только те, у которых эти противоположные свойства — осторожность и смелость мысли — образуют единство, создают новое качество, которое наиболее естественно было бы назвать несколько странным звучащим выражением: *осторожная смелость*... осторожность, высокая критичность мысли дают возможность идти на такую смелость решения, которая вне этого немыслима... Сочетание смелости и осторожности создает у полководца ту уверенность в себе, ту веру в успех дела, которая есть необходимое условие победы»¹. Отсутствие такой осторожности — план турецкого главнокомандующего Энвер-паши при Сарыкамыше. Присутствие такой осторожности — Брусиловский прорыв.

Первый приказ о правилах проведения предстоящего прорыва А.А. Брусилов отдал уже на следующий день после совещания со своими командармами — 6 апреля. Приказ Брусилова гласил: «атака должна вестись по возможности на всем фронте армии, независимо от сил, расположенных для сего. Только настойчивая атака всеми силами, на возможно более широком фронте, способна должно сковать противника, не дать ему возможности перебрасывать свои резервы». Задачи артиллерии в первый период атаки: «а). уничтожение проволочных заграждений противника». Так как тяжелых орудий не хватает, то это придется делать легкой артиллерии. Расчет по опыту войны: «В трехполосной проволочной сети, но с дистанции не более двух верст, 350 фугасными гранатами можно проделать сквозной проход в две сажени ширины». А надо — несколько проходов, потому что одно дефиле противника легко пристреляет. «б). разрушение неприятельских укреплений первой и второй линии. Особое внимание должно быть обращено на уничтожение пулеметов и гнезд для них и укреплений и пулеметов, фланкирующих атакуемый участок. Задача эта выполняется огнем тяжелой, мортирной и полевой артиллерии. Опыт указывает, что лучшие результаты достигаются тогда, когда пристрелка произведена отдельно для каждого орудия. После этого 15—20-минутный частый огонь всего назначенного для атаки количества орудий, давая гораздо лучшие результаты, чем ураганный огонь в течение 1—2 часов при пристрелке побатарейно. Особенно это касается тяжелой артиллерии. Вообще приказываю совершенно

---

¹ Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990. С. 92—93, 101.

забыть об ураганном огне тяжелой артиллерии». Артиллерии, конечно, отводилась главная роль: «Приказываю принять за правило, что батареи занимают позиции уже после получения определенных задач и в зависимости от условий их выполнения, а не обратно»¹.

Тщательность и скрупулезность подготовки наступления обеспечили победу прорыва, получившего наименование Брусиловского. Штабом Юго-Западного фронта проводилась большая подготовительная работа как по учебе войск, так и по фортификационному строительству специально оборудованных наступательных плацдармов, сберегавших кровь войск в период сближения с неприятельскими траншеями. Главной тактической «новинкой» стало образование при пехотных полках артиллерии сопровождения, что сразу же повысило самостоятельность пехоты в наступлении.

Предварительные сроки наступления намечались на первую декаду июня. Между тем положение дел неожиданно изменилось. 11 мая Алексеев сообщил Брусилову о поражении итальянцев под Трентино и запросил готовность войск Юго-Западного фронта для начала наступления. А уже 18 мая наштаверх отдал директиву за № 2703, где подводились окончательные итоги в отношении предстоящего наступления русской армии на Восточном фронте в весенне-летней кампании 1916 г. Наступление армий Юго-Западного фронта назначалось на 22 мая, в связи с просьбами итальянского союзника. Интересно, что в тылу в это время активно циркулировали слухи о предстоящем наступлении противника по всей линии Восточного фронта, как будто бы не было Вердена. Письмо из Москвы от 16 мая, за неделю до Брусиловского прорыва, говорит своему адресату: «Общественное настроение в Москве не очень бодрое. Все понимают, что очень скоро начнется наступление немцев с колоссальными силами... То, что произойдет в июне и июле, будет иметь огромное влияние на события ближайшего будущего»². Автор письма не ошибся, «огромное влияние» состоялось, но с точностью до наоборот: оглушительным успехом русского наступления.

Штаб фронта, поставив ограниченные задачи своим армиям, фактически вынудил каждую армию действовать самостоятельно. Атаки армий Юго-Западного фронта не были увязаны между собой, да и сам главнокомандующий не имел общего оперативного плана предстоящей

¹ ГАРФ. Ф. 5956. Оп. 1. Д. 12. Л. 118.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 30.

операции, поставив развитие наступления своих войск в зависимость от действий Западного фронта. Такой подход был неизбежен в силу выполнения армиями тех задач, что были поставлены перед ними директивой Ставки. Поэтому и в дальнейшем, когда явственно обозначился крупный успех, армии фронта продолжали наступать в разных направлениях. Поэтому уже в ходе прорыва А.А. Брусиллов будет пытаться импровизировать на ходу, объединяя направления, что в итоге выльется в простое фронтальное отталкивание войск неприятеля уже всего через каких-то две недели после начала наступления. В результате наиболее сильные армии — 8-я и 9-я — будут действовать на флангах фронта в одиночку, а объединение усилий центральных и более слабых 7-й и 11-й армий не сможет дать действенного результата. Именно отсутствие планирования развития прорыва на оперативную глубину и стало роковым для Юго-Западного фронта.

Прорыв осуществлялся на 4 армейских и 9 корпусных участках в 450-км полосе (в дальнейшем полоса наступления армий Юго-Западного фронта расширилась до 550 км, достигнув глубины в 8—120 км). Каждый армейский корпус, если он не использовался для участия в главном ударе, должен был производить частную вспомогательную атаку, дабы принцип сковывания сил противника по всему фронту был использован в наибольшей степени. Общее соотношение сил и средств в полосе наступления армий Юго-Западного фронта исчислялось примерно в 573 300 штыков и 60 000 сабель у русских против 448 150 штыков и 27 300 сабель у австрийцев. Против 1770 полевых и 168 тяжелых орудий у русских австрийцы могли выставить 1300 полевых и 545 тяжелых орудий. Есть и другие данные. Но по всем цифрам очевидно, что русские не имели решающего преимущества в пехоте, уступали австрийцам в технических средствах ведения боя и должны были штурмовать укрепляющуюся более полугодом оборону противника.

Около трех часов утра 22 мая во всех армиях Юго-Западного фронта началась мощнейшая артиллерийская подготовка. Русские армии должны были наступать одновременно, пользуясь результатами артиллерийской подготовки. Так, от начала ударов русской артиллерии до первой пехотной атаки прошло времени: в 8-й армии — 29 часов, в 11-й армии — 6 часов, в 7-й армии — 45 часов, в 9-й армии — 8 часов. Главная роль в предстоящей операции отводилась войскам 8-й армии ген. А.М. Каледина, которая должна была сыграть в наступлении решающую роль. В 8-ю армию была передана

треть пехоты фронта (13 дивизий) и половина тяжелой артиллерии (19 батарей).

Начало Брусиловского прорыва возвестило славу победоносного русского оружия, которое, как казалось врагам и друзьям, после Великого отступления 1915 г. уже не обретет былого престижа. Прошлые успехи померкли перед величием той грандиозной операции, что смяла армии Австро-Венгерской монархии: «25 мая армии Юго-Западного фронта подарили России победу, какой в Мировую войну мы еще не одерживали»¹. Успех был ошеломляющ. В первые 10 дней наступления 4-я и 7-я австрийские армии были фактически уничтожены (кто не был убит или ранен, тот попал в плен), а прочие потерпели тяжелейшее поражение. Трофеи русских армий с 22 мая по 10 июня включительно составили около 200 тыс. пленных, 219 орудий и 644 пулемета. За следующие 20 дней было взято еще 65 тыс. пленных, 110 орудий и почти 300 пулеметов².

Главной же русской победой стали не столько трофеи, сколько моральный дух: столь блестящая победа после почти года поражений. Располагая перед началом операции несущественным превосходством в 150 тыс. штыков и сабель на 480-км фронте, за три недели прорыва русские вывели из строя более половины неприятельских солдат и офицеров противостоящей им австро-венгерской группировки. Со всех концов страны в войска Юго-Западного фронта летели поздравления. Штаб Юго-Западного фронта захлебнулся от приветственных телеграмм. Но наиболее дорогой и ценной для самого А.А. Брусилова телеграммой, как он сам вспоминал, была весточка от наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича — покровителя генерала Брусилова и первого русского Верховного главнокомандующего: «Поздравляю, целую, обнимаю. Благословляю». Император Николай II телеграфировал главнокомандующему: «Передайте моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность». А 29 мая ген. А.А. Брусилов получил новую телеграмму от императора Николая II, который дал свою оценку начавшейся операции Юго-Западного фронта: «Приветствую Вас, Алексей Алексеевич, с поражением врага

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 39.

² Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 28. 411.

и благодарю Вас, командующих армиями и всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство нашими доблестными войсками и за достижение весьма крупного успеха. Николай». Непосредственной же наградой (20 июля) за успешный прорыв стало Георгиевское оружие с бриллиантами.

Здесь надо сказать, что сам А.А. Брусилов рассчитывал на орден Св. Георгия 2-й степени. А потому, так как орден так и не был им получен, обиделся на царя. И действительно, этот шаг императора Николая II непонятен: за вступление в стены беззащитного Львова в 1914 г. Н.В. Рузский получил данный орден, а за 200 тыс. в месяц наступления А.А. Брусилов — нет. Вполне возможно, что на такое отношение повлияло какое-то негативное личное мнение к главкоюзу со стороны Николая II. Биограф полководца считает этот инцидент важнейшим во взаимоотношениях императора и военачальника — на ухудшение отношения Брусилова к царю повлиял Брусиловский прорыв, незавершенность которого «восстановила Брусилова именно против государя, которого он считал главным виновником провала победоносного наступления всего Восточного фронта. В Николае II генерал видел человека, отнявшего у него победу»¹.

Прорыв требовал своего немедленного развития, так как обеспокоенные крушением фронта южнее Полесья немцы уже бросали в Ковель — точку преткновения и узел железнодорожных коммуникаций — свои резервы, наскребаемые со всех фронтов: «Модель Брусилова была гениально проста. Она основывалась, во-первых, на факторе неожиданности, достигавшейся прежде всего тем, что он сумел избежать массового скопления войск и военной техники. Этого, кстати, и не требовалось, потому что он, во-вторых, не рассчитывал на численное превосходство на отдельных участках фронта — как при наступлении Эверта в марте, а вместо этого атаковал целый ряд пунктов по всей южной линии фронта. А это уже означало, в-третьих, что немецкие и австро-венгерские генералы не знали, куда направлять свои резервы»². Однако главкоюз не сумел использовать многочисленную кавалерию фронта. Этот факт стал одной из главных ошибок командования Юго-Западного фронта в развитии операции. Атаки 4-го кавалерийского корпуса на Ковель были отбиты противником.

---

¹ Александров Б.Ю. А. А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877—1924 гг. Дисс. канд. ист. н. М., 2009. С. 105.

² Энглунд П. Первая мировая в 211 эпизодах. М., 2014. С. 363.

И вскоре понесшие большие потери при штурме неприятельских позиций русские армии остановились. Главнокомандование Юго-Западного фронта не сумело превратить тактический успех в оперативный. Не имея сильных резервов, главнокомандующий не имел и возможности для развития прорыва хотя бы даже на одном лишь Луцком направлении, не говоря уже о том, чтобы развить все четыре армейских прорыва неприятельской обороны на Юго-Западном фронте.

Ограниченность задач, поставленных штабом фронта перед армиями, в свою очередь, вытекавшая из ограниченности сил, предоставленных Юго-Западному фронту Ставкой, не позволили достигнуть и разгромить неприятеля в оперативной глубине. Впоследствии Юго-Западный фронт получит массу войск, но главнокомандующий прибегнет к практике лобовых ударов, что обескровит русские армии прежде, нежели будет обескровлен противник. Таким образом, постепенно в ходе развития наступления все дело свелось к фронтальным боям, ибо маневренных средств действия по флангам и тылу врага — кавалерии — в передовых войсках не было. Противник откатывался с рубежа на рубеж, постепенно изматывая не имевшие смены русские подразделения, замедляя темпы русского наступления и, наконец, совершенно остановив русских.

Следующей и главной ошибкой штаба Юго-Западного фронта, которая фактически сведет на нет майско-июньские успехи, стал перенос направления главного удара в 8-ю армию против ковельского укрепленного района. Уже с 27 мая войска 8-й армии стали здесь брать германских пленных, что предполагало оборону неприятелем Ковеля до последнего солдата, по типу французской обороны Вердена. Зная выгоду ковельского направления, которое выводило 8-ю армию на Брест-Литовск, в тыл всей германской обороны севернее Полесья, Брусилов сосредоточил свои усилия на штурме Ковеля. Эти штурмы проходили с конца мая по октябрь 1916 г., но взять Ковель так и не удалось. Как только Ковель закрыли немцы, русское наступление забуксовало. Поэтому не лишена истины точка зрения о том, что главная причина успеха войск Брусилова в прорыве — в малой боевой устойчивости австрийцев: «Когда вторая половина летней кампании 1916 г., выполняемая армиями генерала Брусилова по тому же методу, но с явным пренебрежением к требованиям более тщательной подготовки, столкнулась с германцами, она уперлась в тупик, из которого не могла выбиться до поздней осени, израсходовав все, что было лучшего в русской армии, и даже не создав выгодного исходного положения

для операции 1917 г.»¹. Между тем полученные здесь потери превысили потери противника, понесенные австрийцами на первом этапе Брусиловского прорыва — неоспоримая тактическая победа в июне 1916 г. и высокая ее цена, возраставшая с продолжением наступления в июле — октябре².

Что касается упорства ген. А.А. Брусилова на ковельском направлении, то в отечественной историографии высказано обоснованное мнение, что главноюз должен был бы изменить направление главного удара 8-й армии ген. А.М. Каледина от Луцка на Рава-Русскую, в глубь Галиции. По этому поводу С.Н. Базанов пишет: «Однако оппоненты Брусилова не учитывают очень важного обстоятельства: все задачи Юго-Западного фронта на кампанию 1916 г. вытекали из решения военного совета, состоявшегося 1 апреля того же года в Могилеве, и, разумеется, изменить их могла лишь Ставка Верховного главнокомандующего»³. Тем не менее Ставка все-таки предоставляла главнокоюзу шанс.

В тот день, когда войска 8-й армии впервые с начала Луцкого прорыва взяли германских пленных, что предполагало переброску германских соединений в Ковель, 27 мая М.В. Алексеев был готов признать за Юго-Западным фронтом самостоятельность фронтовой операции. Когда в Ставке стало ясно, что путь на Львов открыт, Алексеев предложил Брусилову перенести наступление на линию Луцк — Сокаль — Рава-Русская. Директива Алексеева от 27 мая решала Западному фронту отложить начало наступления до 4 июня. Одновременно, уже разгадав тайное намерение главнокозапа А.Е. Эверта всячески затягивать с атакой, вплоть до ее отмены Ставкой, штаверх давал Юго-Западному фронту действовать самостоятельно, наступая на Рава-Русскую и далее — на Львов. Директива от 27 мая, ставившая задачи перед всеми фронтами, в отношении армий Брусилова говорила, что Юго-Западный фронт должен «все силы и усилия свои сосредоточить на своем правом фланге, поставив главной задачей завершить поражение левого крыла австрийцев, отрезать их

---

¹ Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне. М. — Л. 1927. С. 46.

² Нелипович С.Г. Цена победы. Генеральное наступление российской армии летом — осенью 1916 года: поставленные задачи и достигнутые цели // Военно-исторический журнал. 2011. № 10. С. 3.

³ Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусиллов. М., 2006. С. 35.

армию от Сана, путей сообщения на запад. Для сего надлежит правый фланг фронта выдвинуть первоначально на высоту Луцка и развивать дальнейший удар в общем направлении Луцк, Рава-Русская. Сильным конным отрядом, деятельным и предприимчивым, прикрыться в стороне Кобрина, Бреста, откуда вероятно появление германских войск. Вообще обстановка требует смелых, настойчивых предприятий конницы всего фронта».

Безусловно, именно Ковель был поставлен в качестве приоритетной задачи Юго-Западному фронту еще до начала прорыва. Такое наступление предполагало взаимодействие с армиями Западного фронта, наносившего главный удар. Соответственно, перенос направления главного удара, генерал Брусилов мог опасаться, что Западный фронт вообще добьется отмены наступления, и Юго-Западный фронт будет действовать в одиночку, что означало разрушение оперативно-стратегического планирования Ставки на кампанию 1916 г. Контрудары германцев от Ковеля, нараставшие с каждым днем, хотя пока еще и не могли нести в себе серьезной угрозы, в совокупности с отсутствием резервов на Юго-Западном фронте и бездействием Западного фронта также заставляли Брусилова опасаться за судьбу перегруппировки на рава-русское направление.

По каким бы то ни было соображениям, но главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта отказался от переноса направления главного удара, хотя предварительные распоряжения по перегруппировке уже были отданы, но вскоре вслед за тем отменены. Таким образом, А.А. Брусилов, как и на совещании 1 апреля в Ставке, продолжал гнуть линию стратегического наступления, возможного лишь при условии объединения усилий группы фронтов, а не удара армий отдельно взятого фронта. Тем более, что 27 мая еще никак нельзя было предугадать, что Эверт сорвет оперативно-стратегическое планирование на кампанию 1916 г., с которым он сам же и соглашался тогда же, 1 апреля.

Действительно, в то время как армии Юго-Западного фронта продолжали наступление, главнокомандующий отказался наступать в указанный срок — 28 или 29 мая. Эверту удалось выпросить у Ставки отсрочку до 4 июня. Но 3 июня Эверт сообщил Алексееву, что необходимо перенести главный удар армий Западного фронта на барановичское направление, для чего требуется подготовка не менее чем в 3—4 недели. Пока же будет происходить перегруппировка, Юго-Западному фронту следует действовать против Ковеля, чтобы сковать противо-

стоящие силы противника и притянуть германские резервы. То есть главнокомандующий армиями Западного фронта отказался выполнить оперативно-стратегическое планирование Ставки, с которым он сам же соглашался 1 апреля, и, в надежде пролонгировать само наступление, прибегнул к тактике обоснования переноса удара в тот район, что находится вблизи от действия 8-й армии Юго-Западного фронта. Не решившись заставить главнокома наступать на Вильно, да и не имея к тому иных средств, разве как угроза отставки перед императором, Алексеев согласился с Эвертом. В этот же день 3 июня М.В. Алексеев телеграфирует генералу Брусилову: «Ближайшей задачей фронта является сосредоточение сил и нанесение удара теперь же на Ковель»¹. Таким образом, главный удар Юго-Западного фронта продолжал развиваться против Ковеля.

Следовательно, главнокомандующий не осознал, что теперь объектом действий армий Юго-Западного фронта становится вся наличная австрийская вооруженная сила, которую и следовало добить, а не географические объекты. Брусилов предпочел Ковель и остановил войска, в ожидании наступления армий Западного фронта. К сожалению, Брусилов предпочел действовать в русле решений Совещания 1 апреля, хотя и сам Алексеев соглашался на их изменения уже в ходе начавшегося наступления. Шанс был минимален и кратковременен, но он был предоставлен генералу Брусилову. Поэтому можно сказать, что спорный момент о переносе направления главного удара Юго-Западного фронта заключается в том, что ген. А.А. Брусилов не воспользовался разрешением Ставки в период между 27 мая и 3 июня. Другое дело, что объективные условия для благоприятствования перемещению наступления были невелики. Сам же полководец в интервью газете «Таймс» 12 июня отметил причину победы: «Стремительный успех русских войск является отнюдь не результатом простой удачи или австрийской слабости. Этот успех — прямой результат уроков, полученных нами за два года жестокой войны с германцами»².

Наступление армий Западного фронта под Барановичами в конце июня было отбито немцами, после чего Северный и Западный фронты стали передавать свои резервы на Юго-Западный фронт. То же самое делали и австро-германцы, которым вдобавок пришлось совершенно отказаться от намерений вывести из войны Италию (австрийцы)

---

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 56. Л. 142—143, 148 об.

² Вестник X армии. 1916. 13 июня. С. 2.

и ослабить натиск на Верден (немцы). В свою очередь, Юго-Западный фронт продолжил штурм ковельского укрепленного района. В разное время главкоюз получал для усиления своих атак 3-ю армию Западного фронта, Гвардию, специально образованную для этого штурма Особую армию. Но все атаки русских были отбиты. И перенести главный удар на другое направление ген. А.А. Брусилов за пять месяцев боев так и не пожелал. Психологическая причина упорного штурма Ковеля — многомесячного штурма: «Брусилов не мог допустить, что 8-я армия — *его* армия, топчется на месте, терпит неудачи, в то время как другие армии, Щербачева и Лечицкого, продолжают победное движение. Я уверен, что именно этот психологический мотив заслонял собою все стратегические соображения. Брусилов считал, что причина неудачи кроется в недостаточной настойчивости его преемника, и несколько раз письменно и по аппарату посылал ему резкие, обидные и несправедливые упреки»¹.

Избрав в качестве приоритетного ковельское направление, ген. А.А. Брусилов поставил развитие успеха на Юго-Западном фронте в зависимость от готовящегося главного удара на Западном фронте, где производство наступления откладывалось от каждого старого предварительно назначенного срока к новому. Но и затем, уже после Барановичей, отказа от ковельского направления не последовало. Напротив, самый кровопролитный штурм Ковеля был предпринят 8-й армией и Гвардией во второй половине июля, спустя месяц после неудачи под Барановичами. Последний же штурм состоялся уже в октябре месяце. Исследователь верно пишет: «Тактика одновременного наступления всеми армиями Юго-Западного фронта оправдала себя только в отношении проведения заранее детально разработанных операций с ограниченной целью, но к полному разгрому не могла привести: требовалось или подавляющее превосходство атакующего, или моральное разложение обороняющегося. Практика же постоянных одновременных лобовых штурмов без осознания их цели подрывала спайку между личным составом, офицерством и командованием... Наступление превратилось в самоистребление, хотя такой же характер имели и другие стратегические наступательные операции 1916 г., в которых и Германия, и страны Антанты несли весьма ощутимый урон и в обороне и в наступлении. Но урон России после тяжелейшей

---

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. М., 1991. С. 165.

кампании 1915 г. был особенно ошутим, и в силу этого жертвы 1916 г. становились невосполнимыми»¹.

Потери Юго-Западного фронта за май — декабрь составили до 1,5 млн чел. Потери врага — по разным подсчетам, от почти 1 млн до 1,5 млн. Другое дело, что для раздираемой клеветнической оппозиционной пропагандой Российской империи эти потери оказались последней каплей в броске буржуазии к власти. Русские войска Юго-Западного фронта в 1916 г. потеряли очень много людей, так много, что это обстоятельство поставило под сомнение возможность достижения окончательной победы в войне под эгидой режима Николая II. Согласно ген. Н.Н. Головину, в 1916 г. процент кровавых потерь держался на уровне 85 %, в то время как в 1914—1915 гг. он составлял лишь 60 %. То есть, вне сомнения, дело не столько в потерях вообще, сколько в соотношении платы за поманившую было победу. Смена ошеломительных успехов тупой и донельзя кровопролитной лобовой «мясорубкой» не могла не понизить морального состояния солдат и офицеров, которые, в отличие от вышестоящих штабов, все прекрасно понимали. Войскам, но не штабам, было ясно, что лобовое наступление на ковельском направлении обречено на провал. Но дела союзников были ничуть не лучше. Вкупе с Верденом и Соммой (только за месяц боев Битвы на Сомме англо-французы потеряли свыше 200 тыс. чел., и при этом едва продвинулись на 5 км) потери союзников в 1,5 раза превысили потери немцев. Потери итальянцев в Трентинской операции — 147 тыс. чел., австрийцев — 81 тыс. Примерно то же самое соотношение потерь — 1: 1,5, 1: 1,8 — было и на русском Юго-Западном фронте. Так что И.И. Ростунов справедливо говорит: «Несмотря на незавершенность, наступательная операция Юго-Западного фронта 1916 г. представляет собой выдающееся достижение военного искусства. Она открыла новую форму прорыва укрепленного фронта, которая для того времени была одной из наилучших. Эта операция является высшим достижением Брусилова как полководца, венцом его военного творчества»². Даже если такой прорыв фронта и не был «новой формой», то в масштабах целого фронта до А.А. Брусилова его никто еще не применял.

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз. 2006. С. 42. 44.

² *Ростунов И.И.* Генерал Брусилов. М., 1964. С. 159.

В один голос участники войны свидетельствуют, что ген. А.А. Брусилов являлся счастливым, любимчиком военной фортуны. Вероятно, так оно и есть, если помнить, что везет сильнейшему и лучшему. Е.Э. Месснер пишет: «Обладать счастьем — необходимое условие, чтобы стать полководцем-победителем. Брусилов стал им... Трудно провести границу между оперативной энергией полководца и оперативным авантюризмом, но не будет, вероятно, ошибкой сказать, что в воевании Брусилова часто преобладал авантюризм... Как человек — неуживчив, обидчив, мнителен к интригам, не объективен. Как офицер был карьеристом, позером, плохим товарищем (заслуги — себе, промахи — другим), обладал твердой волей для отстаивания своего мнения и для жертвования в бою солдатами. Как полководец он, не имея под собой основательной базы военного знания, не был разборчив в выборе оперативной идеи и не жалел на походе пота солдат, а в бою — их крови. Но он был любимцем военного счастья, а потому был победителем... Брусилов часто посылал своих солдат не в бой, а на убой. Этот упрек был бы убийственным, если бы только один Брусилов его заслужил, но этот упрек в каждой войне делали многим полководцам, потому что в сложной обстановке сражения бывает трудно определить, где проходит граница между боем и убоем. Брусилов, при всех своих непривлекательных особенностях, имел ценнейшее для полководца дарование: он верил в свое полководческое счастье, и военное счастье было к нему благосклонно, более благосклонно, чем к иным генералам, более умным, более знающим, более вдумывающимся в свои боевые планы. Не родись богатым, а родись счастливым — говорит пословица. Не родись мудрым, как, скажем, Куропаткин, а родись счастливым. Брусилов родился счастливым. Велика его заслуга, что он на военном совете добился разрешения атаковать Юго-Западным фронтом. Останься главнокомандующим генерал Иванов, не было бы Луцк-Черновицкой битвы, не было бы Луцк-Черновицкой победы»¹.

Характерно, что значение счастья для победы прекрасно сознавал и сам Брусилов. Он неоднократно упоминает об этой составляющей (по мнению Брусилова — одной из важнейших составляющих) в своих мемуарах. Приказы и распоряжения командарма-8, главноюза, главноверха, также несут в себе ссылки на военное счастье. Пример из мемуаров относительно смены комкора-8 А.А. Орлова: «Орлов

---

¹ Хочешь мира. победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 521, 525—528.

имел неоспоримые достоинства военачальника, но, как и в прежних войнах, в которых он участвовал, помимо разных других серьезных недочетов, его постоянно преследовал какой-то злой рок. И большинство его распоряжений и действий, невзирая на видимую их целесообразность, выходили неудачными и вызывали всевозможные нарекания и недоразумения. Он был, что называется, неудачником, и с этим приходится на войне также считаться». Помета Брусилова на рапорте командарма-9 П.А. Лечицкого от 14 апреля 1916 г., посвященного подготовке прорыва: «Заранее предрешать, будет ли удар серьезным или нет — нежелательно. Лишь бы удар был правильно подготовлен, правильно нанесен и успех от сердца использован кавалерией. Не всегда численное превосходство решает дело, умение и счастье — элементы серьезные»¹.

Ясно, что после первых успехов главноюз уже не решился на риск, подобный подготовке Брусилковского прорыва, где он стал готовить вместо одного фронтового удара четыре армейских, что шло вразрез с устоявшимися на тот момент представлениями. Штурмовать Ковель было удобнее и проще, нежели планировать и осуществлять маневренные операции по образцу кампании 1914 г., в Галиции. Это обстоятельство говорит о том, что и Брусилов не смог в 1916 г. преодолеть «кризиса позиционности» в собственном мышлении. Все прочие еще даже и не пытались. Брусилов сделал попытку, но потом вновь свернул на наезженную колею, что могло привести лишь к неудачам. А объективная неизбежность неудач только увеличивала число потерь, которые после 1915 г. становились невосполнимыми. «Кризис позиционности», как свойство полководчества периода Первой мировой войны, был делом обычным и обыденным: «В 1917 г., после 2,5 лет позиционной войны, все разучились маневрировать. Сознание этого недостатка вызвало в высшем французском командовании боязнь маневренной войны, единственного способа быстрого окончания тяжелой борьбы, к которому стремилось само командование в предыдущие годы, делая неоднократные попытки прорвать неприятельский фронт»². Но тем более обидно, что инерции не смог преодолеть полководец, который все-таки сделал попытку ее преодолеть.

---

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 122; Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940. С. 163.

² Симанский П. Паника в войсках. М. — Л., 1929. С. 33.

Одним из результатов Брусиловского прорыва стало вступление в войну на стороне Антанты Румынии. Войска 9-й армии Юго-Западного фронта достаточно успешно дрались в Карпатах, на стыке с Румынией. Однако выступление румын (14 августа) стало запоздалым. Вдобавок нежелание румын взаимодействовать с русскими армиями привело Румынию к катастрофе. В очередной раз немцы в лице назначенных на высшие должности Гинденбурга и Людендорфа продемонстрировали свой организационный гений. В кратчайшие сроки, с сентября по ноябрь 1916 г., румынские армии и поддерживавшие их немногочисленные русские войска были разбиты, взят Бухарест, и почти вся Румыния — оккупирована. Для Брусилова лично Румынский поход выразился в том, что в декабре 1916 г. ему пришлось передать в Румынию 8-ю и 9-ю армии, а также отправить туда командарма-11 ген. В.В. Сахарова, по выбору Ставки назначенного помощником главнокомандующего армиями Румынского фронта. До образования же этого фронта с конца ноября, в течение примерно месяца, эти армии подчинялись Брусилову, так что он мог оказывать свое влияние на развитие операций в Румынии, хотя помочь это румынам уже не могло. Румынская спесь и кичливость, выразившаяся в характере оперативного планирования и отказе от русских советов, стали причиной крушения Румынии всего за четыре месяца борьбы.

Так или иначе, русские людские потери кампании 1916 г. имели массу важных последствий для дальнейшего развития событий. Во-первых, обескровившие армии Юго-Западного фронта громадные потери не внесли существенного изменения в общее стратегическое положение Восточного фронта. Во-вторых, гибель подготовленных за зиму солдат и офицеров, призванных в вооруженные силы после провальной кампании 1915 г., означала, что продвижение вперед, на запад, будет и впредь, как и в 1914 г., подпитываться наспех подготовленными резервами. Главным следствием исхода кампании 1916 г. стал вышеупомянутый тезис о решительном подрыве престижа и авторитета существующей государственной власти в смысле обеспечения конечной победы в войне. Цена кровью войск за победу была ни с чем не сообразна, да вдобавок победы в ударной армии фактически закончились уже в июне, хотя атаки продолжались еще три месяца.

Но была ли альтернатива? Русская армия в кампании 1916 г. должна была наступать уже только потому, что существовали обязательства перед западными союзниками. Причины политической зависимости Российской империи не зависели от А.А. Брусиллова, а потому не

могут быть поставлены ему в вину. Представляется, что единственным вариантом мог бы стать принципиальный отказ от наступления на Восточном фронте вообще. Но пойти на это русское военнополитическое руководство не могло. Поэтому вариант Куропаткина и Эверта не проходил ни в коем разе. Будь же на месте Брусилова другой военачальник, то вся кампания 1916 г. могла стать сплошными Барановичами, что лишь увеличило бы потери русских войск. И потому верно, что «волевого военачальника генерала Брусилова следует поставить гораздо выше генерала Алексеева. Он громил неприятельские армии, одерживал блестящие победы, которыми генерал Алексеев совершенно не умел пользоваться. Его одновременный прорыв в четырех местах, отказ от шаблонной подготовки удара “кулаком” в одном направлении, указывает на самостоятельное стратегическое творчество. Единственный из всех старших наших военачальников, он оказался способным на него. Алексеев не умел мыслить иначе, чем по раз навсегда с академии еще усвоенному шаблону. О других и говорить нечего»¹.

В качестве характеристики личности А.А. Брусилова как полководца и человека можно сослаться на строки участника войны, чрезвычайно неприязненно относившегося к Брусилову за его позицию в годы Гражданской войны. Тем более объективной будет такая характеристика, что дается отнюдь не апологетом творчества генерала Брусилова как военачальника, и его идейным врагом. Уже цитировавшийся нами эмигрантский военный мыслитель Е.Э. Месснер так характеризует личность А.А. Брусилова, после каждого тезиса приводя соответствующие случаю примеры из истории Первой мировой войны. Здесь в очередной раз можно видеть, что любой талантливый человек весьма и весьма неоднозначен:

— «умел быть благодарным за сделанное ему добро...» [в своих мемуарах А.А. Брусилов старается отмечать положительные качества своих подчиненных и начальников, хотя это и не всегда у него получается]

— «умел ценить заслугу людей, с которыми соприкасался...» [характеристики А.И. Деникина, А.М. Каледина, М.В. Алексева — руководителей Белого движения — скорее положительны, нежели отрицательны, и в неотредактированных мемуарах это видно еще более отчетливо]

---

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 97—98.

— «под влиянием личных симпатий и антипатий бывал несправедлив, не объективен до безобразия...» [борьба за соперничество не проходит даром; а как Рузский и Иванов были его соперниками при царе, так Алексеев и Корнилов — при Временном правительстве]

— «умел и люто ненавидеть...» [на таких постах всегда много врагов, которых трудно оценивать объективно даже в мемуарах]

— «всюду видит интриги против него...» [в предшествовавших главах неоднократно упоминалось об интриганстве в среде высшего генералитета вообще, в том числе и против Брусилова]

— «чрезвычайно обидчив, обидчиво и его честолюбие...» [неудивительно: ниже Брусилова, согласно реальным заслугам, императором Николаем II был оценен разве только Алексеев; Иванов, Рузский, Эверт — эти военачальники, по своему таланту и успехам стоявшие гораздо ниже Брусилова и Алексеева, были оценены царем выше своих заслуг]

— «силой воли обладал. Он, не колеблясь, отчислял от командования генералов, провалившихся на боевом экзамене... [наверное, это правильно, так как от результатов деятельности подчиненных зависел конечный итог деятельности самого Брусилова]

— «в воевании Брусилова часто преобладал авантюризм... [нет хорошего полководца без элемента риска, что подтверждают действия Эверта в Первой мировой войне; а относительно «авантюризма» существует прекрасный пример А.В. Суворова в сражении на реке Треббия: бросать войска в бой «пакетами» военное искусство запрещает, но умевший рисковать Суворов рискнул и выиграл Италию]

— «будучи офицером волевым и энергичным, Брусилов умел заражать своей энергией подчиненных — свойство очень ценное в полководце — и умел сам, так сказать, впрягаться в оперативную идею, которая его одушевляла... [порой эта «энергичность» вела к негативу — например, действия на ковельском направлении осенью 1916 г., когда атаки здесь стали уже бессмысленны, но десятки тысяч людей продолжали выбывать из строя в новых «мясорубках»]

— «не всегда умерял свое честолюбие... [каков лесок, такова и сосенка: многие другие полководцы, не имея такого таланта, как Брусилов, были еще более честолюбивы и в силу этого неизбежно беспринципны]»¹.

¹ Месснер Е. Луцкий прорыв. К 50-летию великой победы. Нью-Йорк. 1968. С. 79—84.

В РЕВОЛЮЦИИ: ОТ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ДО ОТСТАВКИ

К началу 1917 г. Восточный фронт общим протяжением почти 1800 верст включал в себя 4 фронта: Северный (390 верст; от Рижского залива до озера Нарочь), Западный (480 верст; от озера Нарочь до железной дороги Ковель — Сарны), Юго-Западный (470 верст; до горы Батошу), Румынский (430 верст; до деревни Кислица). При этом русская армия держала против себя 49 % всех сил противника — 187 дивизий, в то время как все прочие — Франция, Великобритания, Италия, Бельгия, Сербия — сковывали другую половину.

17—18 декабря 1916 г. в Ставке Верховного главнокомандования состоялось совещание высшего генералитета, на котором были составлены предварительные наброски оперативно-стратегического планирования на весну 1917 г. В это время ген. М.В. Алексеев, в чьих руках находилась русская стратегия, находился на лечении в Крыму, а потому в задачу временно исполняющего обязанности штабс-капитана В.И. Гурко входило урегулирование разногласий между главнокомандующими фронтами посредством компромисса. Военачальники были уверены в конечной победе. Так, в очередном интервью «Таймс» в начале ноября А.А. Брусилов заметил: «Война уже выиграна союзниками... Операции этого лета определяют окончательный период поражения неприятеля. Определяется он с того момента, когда союзники, объединив свои программы, лишили противника инициативы». А в 1917 г. у России будет «огромнейшая и прекраснейшая армия»¹.

Дело в том, что император Николай II возлагал последнюю ставку на весеннюю кампанию 1917 г. Внутри страны либеральная оппозиция перешла в решительное наступление, обвиняя уже самого царя в стремлении к сепаратному миру с Германией. Лидеры оппозиции готовили дворцовый переворот, а в кулуарах, по свидетельству французского посла М. Палеолога, чуть ли не открыто рассуждали о том, будет ли в ходе переворота убита только императрица Александра Федоровна, или погибнуть придется и самому Николаю II. За спиной буржуазно-либеральной оппозиции негласно стояли союзники, не желавшие после победы в войне расплачиваться с Россией по тем счетам, что предполагались тайными договоренностями внутри Антанты.

¹ Вестник X армии. 1916. 2 ноября. С. 2.

Поэтому успокоить страну, которую лихорадило от клеветнической пропаганды оппозиционных кругов, могла только победа. Так что итоги декабрьского совещания должны были носить важнейший для государства и власти характер. Каждый из главкомов, естественно, желал получить главный удар для себя. В частности, Брусилов предложил два удара на своем фронте. Главный — в направлении на Львов, как то и предлагалось Ставкой; вспомогательный удар южным крылом — для содействия наступлению армий Румынского фронта. Генерал Брусилов, как и 1 апреля 1916 г., видел залог успеха, прежде всего, в совместном, обязательно согласованном и одновременном наступлении всех русских фронтов. Признавая преимущество австро-германцев в коммуникационном отношении, так как противник действовал по внутренним операционным линиям, Брусилов отметил, что «если атаки будут разрозненны, то особых успехов мы не достигнем». Единственное средство нивелировки неприятельского превосходства в маневрировании резервами — удары по всему Восточному фронту: «Мы... можем парализовать их преимущество в этом отношении лишь в случае, если будем действовать одновременно на всех фронтах». То есть главкоюз, как то и следует хорошему полководцу, учившемуся в том числе и на собственных ошибках в ходе уже самой войны, во-первых, настаивал на одновременном наступлении всего Восточного фронта, дабы не позволить неприятелю маневрировать резервами. Во-вторых, русские должны были проводить стратегические операции группами фронтов: по крайней мере южнее Полесья силами Юго-Западного и Румынского фронтов.

Кроме всего прочего, генерал Брусилов предложил озаботиться развертыванием военных действий на Балканском полуострове, имея целью продвижение к Стамбулу и десантную операцию при содействии Черноморского флота. Мы видим, что теперь идея удара по Царьграду, всегда указывавшаяся самим императором, была поддержана одним из лучших полководцев Российской империи. К подготовке этой операции еще в ноябре приступило командование Черноморского флота. Штаб Ставки поддержал предложения главкоюза. Подготовка к наступлению включала в себя активное использование технических средств ведения боя: «В процессе подготовки Брусилов уделял большое внимание тяжелой авиации, требуя от Ставки возможно большего числа кораблей, действующих в армиях. Но и ранее, в 1915—1916 гг., «Брусилов неодно-

кратно посещал боевые отряды, базирующиеся на Юго-Западном фронте»¹.

В свою очередь, М.В. Алексеев, утверждая оперативно-стратегическое планирование, безоговорочно поддержал только первое предложение главноюза: главный удар должен быть против Австро-Венгрии в направлении Львов — Мармарош-Сигет силами 11-й, 7-й, 8-й армий Юго-Западного фронта. Западный фронт также наносит решительный, хотя и второстепенный удар, то есть тем самым так или иначе взаимодействует с Юго-Западным фронтом. Северный и Румынский фронты — наносят частные удары на отдельных участках фронта, дабы сковать противостоящие группировки противника и оттянуть на себя часть неприятельских резервов. 23 января 1917 г. Брусиллов сообщал Алексееву, что «если нанесение главного удара будет поручено Юго-Западному фронту, то твердо рассчитываю на успех, размер которого, конечно, определить нельзя... Во всяком случае, кампанию нужно выиграть во что бы то ни стало».

Доклад М.В. Алексеева как план будущего наступления на Восточном фронте был утвержден Верховным главнокомандующим 24 января. В своих основных положениях план действий в кампании 1917 г. исходил из результатов совещания в Шантильи, детально дополненных разработками по Восточному фронту. Согласно утвержденному императором Николаем II плану, русские войска наносили главный удар силами Юго-Западного фронта в общем направлении на Львов 11-й (Д.В. Баланин) и 7-й (Д.Г. Щербачев) армиями. Северный и Западный фронты проводили ряд вспомогательных операций на Шавли (Северный фронт) и Вильно (Западный фронт). Румынский фронт обязывался занять Добруджу усилиями 1-й и 2-й румынских армий при поддержке русской 6-й армии (А.А. Цуриков).

В 1916 г. русская военная промышленность достигла пика своего развития и теперь единственное, в чем по-прежнему остро нуждалась действующая армия, была тяжелая артиллерия. Но и эта проблема решалась: в первую голову, принципом массирования артиллерии, для чего был образован отдельный 48-й корпус Ю.М. Шейдемана — корпус Тяжелой артиллерии особого назначения. Всего к весне 1917 г. на вооружении русских состояло 389 тяжелых батарей, имевших в своем составе 1434 орудия от 107-мм до 305-мм калибров. В том числе:

---

¹ Никольской С.Н., Никольской М.Н. Бомбардировщики «Илья Муромец» в бою. М., 2008. С. 218, 271.

Северный фронт — 120 батарей (436 орудий), Западный фронт — 83 (328), Юго-Западный фронт — 149 (532), Румынский фронт — 37 (138). Непосредственно на фронте артиллерия ТАОН ко времени Июньского наступления 1917 г. насчитывала 176 батарей — 632 орудия. Из 6 бригад ТАОН 4 отправлялись на Юго-Западный фронт.

Союзные поставки также давали значительную часть военных материалов, прежде всего тех, что не могли в должном количестве изготавливаться в России. Поэтому в войска широким потоком шли пополнения, техника, боеприпасы. Во исполнение указаний Верховного главнокомандующего зимой 1916/1917 г. проходит мощное наращивание боевых группировок фронтов ввиду решающего характера предстоящих военных действий. При этом увеличение доли боевых частей проходило, в первую очередь, не за счет сокращения тылового состава армий, а за счет поступления в окопы очередных контингентов с пополнениями. В частности, Юго-Западный фронт, получивший задачу главного удара, пополнялся в первую очередь: к 1 декабря 1916 г. — 2 303 801 штыков и сабель (в том числе боевых частей — 1 546 940); к 1 января 1917 г. — 2 366 539 (1 664 642); к 1 февраля — 2 323 657 (1 776 584)¹. Трехкратное усиление налицо. Можно напомнить, что к 22 мая 1916 г., перед началом Брусиловского прорыва, Юго-Западный фронт имел в своих рядах около 600 тыс. штыков и сабель.

Генерал Брусилев, слава которого к 1917 г. «достигла апогея»², тщательно готовился к предстоящему наступлению, благо, что исход кампании в решающей степени зависел от вверенных ему войск. Например, этой зимой штаб Юго-Западного фронта организовал военную игру, посвященную организации взаимодействия артиллерии и пехоты на избранных участках прорыва. По итогам проведенной игры Брусилев смог выбрать начальников ударных артиллерийских групп в предстоящем наступлении. Также главноюз, опираясь на мнение профессионалов, наметил участки предстоявшего нового прорыва неприятельского фронта, согласно мнению общевойсковых командиров и инспекторов корпусной артиллерии³.

¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1374. Л. 17; Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 28—28об., 60—62. 69—70. 115—117. 190—191.

² Голиков А.Г. Генерал А. А. Брусилев: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4 С. 163.

³ См.: Кирей В.Ф. Артиллерия атаки и обороны. М. — Л., 1926. С. 11—12.

В тылах фронтов строились специальные учебные городки, где прибывавшие из России пополнения учились прорыву неприятельской обороны. Артиллерийский офицер Э.Н. Гиацинтов вспоминал о зиме 1917 г. на Юго-Западном фронте: «С января месяца начали поговаривать о наступлении, готовящемся с нашей стороны. Все говорило за это, в особенности настоящая бомбардировка от разных тыловых учреждений различными запросами о состоянии боевых припасов, сапог, шинелей, сухарей и так далее. И обо всем надо было доносить “срочно”, “секретно” и не менее чем в трех экземплярах. Младшие офицеры батарен, не разгибаясь, чертили разные кроки и схемы, а заведующий хозяйством составлял самые разнообразные ведомости. В феврале соседний с нашей дивизией участок посетил главнокомандующий Юго-Западного фронта генерал Брусилов и долго осматривал подступы к позициям противника. Это последнее еще более укрепило нас всех в мысли, что готовится большое наступление»¹. Этими мероприятиями опыт организации Брусиловского прорыва был приумножен и расширен.

Помимо прочего, готовясь к решительному наступлению, главнокомандование Юго-Западного фронта стремилось предусмотреть все мелочи. В частности, в России получили сведения, что немцы начали работу над танком, по британскому примеру. Невзирая на то, что опытный легкий танк в Германии будет построен лишь к концу 1917 г., ген. А.А. Брусилов уже предупреждает свои войска о вероятной опасности: «Приказываю предупредить всех без исключения нижних чинов о возможности появления неприятельских “тэнков” и объяснить доступным им языком их устройство, дабы выход этих чудовищ современной техники не мог бы быть для войск неожиданным... Главное средство борьбы — это артиллерийский огонь... Пехота выдержанная, стойкая, удерживающая окопы в своих руках и пропустившая “тэнки”, неминуемо приобретает их как славный и заслуженный трофей своего мужества».

Что видно из этих распоряжений? Во-первых, русское командование не желало повторения панических настроений, какие проявились в германских частях во время первой встречи с английскими танками, что дало англичанам существенный тактический успех на поле боя. Исследователь отмечает: «При крайне скудных, больше опирающихся на слухи данных о возможных параметрах германских танков, основные

---

¹ Цит. по: *Бортневский В.Г.* Избранные труды. СПб., 1999. С. 34.

положения противотанковой обороны были выработаны верно. Заметим, что в русской армии это сделали практически в то же время, что и в германском рейхсвере, реально встречавшемся с танками»¹. Во-вторых, требование доведения приказа о борьбе с новой вражеской техникой уже повторяет знаменитое суворовское: «Каждый солдат должен знать свой маневр». Русские штабы, традиционно закрытые от войск, постепенно эволюционировали в сторону заветов великого русского «Победоносца». И первым был тот, кто шел по пути побед в сражениях.

Однако же не дремала и оппозиция. Состояние вооруженных сил Российской империи было ей прекрасно известно, и успех весеннего наступления означал, что перехват власти может не удасться. Последним козырем в руках любой власти всегда является армия, способная подавить практически любой мятеж. Пример Первой русской революции 1905—1907 гг. отчетливо это подтверждает. К зиме 1917 г. оппозиционерам, учитывавшим причины поражения в 1905 г., многое удалось сделать. До предела была ослаблена полиция, так как всю войну Государственная дума настойчиво требовала отправки полицейских в окопы, и мало что соображающие во внутренней политике военные министры поддерживали эти требования. Гвардия, которая в 1905 г. раздавила восстание в Москве и не допустила мятежных вспышек в Санкт-Петербурге, была задержана ген. М.В. Алексеевым на Юго-Западном фронте под предлогом подготовки к наступлению, хотя император требовал отправки в волновавшуюся столицу нескольких гвардейских кавалерийских дивизий. Затруднения со снабжением городов и фронта продовольствием также были использованы оппозицией в своей клеветнической пропаганде.

Тем не менее оставалось сделать главное — перетащить на свою сторону часть высшего генералитета, который бы не позволил в случае непредвиденных обстоятельств выступить на поддержку императора монархически настроенным военачальникам. Зимой 1917 г. посланцы Государственной думы посетили фронты и заручились если и не поддержкой, то сочувствием четырех (из шести) высокопоставленных полководцев: начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеева, наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, главнокомандующего армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузского и главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилова.

¹ Федосеев С. Танки Первой Мировой. М., 2010. С. 511.

Связи генерала Брусилова с деятелями оппозиции имеют давние корни. Еще начиная с весны 1915 г. в штаб 8-й армии часто приезжали всяческие общественные деятели и правительственные агенты. В том числе — А.И. Гучков, М.В. Родзянко, князь Щербатов и др. Как пишет граф Д.Ф. Гейден, «Брусилов был со всеми очень любезен и внимателен, и очаровывал всех приезжих своим доброжелательным отношением к совместной работе со всеми общественными и гражданскими учреждениями. Такое его широкое внимание к приезжавшим в армию общественным деятелям и корреспондентам, с его умением держать себя и показать товар лицом, при его здравом смысле и образованности, создало ему при его военных успехах большую рекламу. И по уходе ген. Иванова это много способствовало выдвиганию его на должность главнокомандующего Юго-Западным фронтом, каковое доверие он и оправдал впоследствии своим наступлением в 1916 году, спасшим Италию»¹.

Отъезд императора, получившего сведения о начале волнений в Петрограде в конце февраля 1917 г., из Ставки, и его прибытие в Псков, в штаб Северного фронта, окончательно решил его судьбу. Теперь непосредственное давление на царя оказывал наиболее тесно связанный с оппозиционными заговорщиками генерал Рузский, а поступающую в действующую армию информацию контролировал оставшийся в Ставке генерал Алексеев. Еще до того, как уехать из Ставки, император распорядился готовить фронтовые войска для подавления столичного мятежа. Царь рассчитал все правильно: фронтовики раздавили бы любое сопротивление, но он не учел, что руководители фронта уже на стороне восставших. С Юго-Западного фронта на подавление должны были отправляться лейб-гвардии Преображенский, 3-й Его Величества и 4-й Императорской Фамилии гвардейские стрелковые полки (отправка 2 и 3 марта), лейб-гвардии Уланский Его Величества конный полк. Характерно, что кандидатура решительного и смелого генерала, каким, без сомнения, был А.А. Брусилов, первоначально даже рассматривалась на роль руководителя карательным корпусом. Герцог Н.Н. Лейхтенбергский, флигель-адъютант императора, впоследствии утверждал, что в отношении общего начальника здесь были мысли и помимо отправленного из Ставки отряда Н.И. Иванова: «Был момент, когда казалось, что положение может быть в значительной степени спасено, если послать в Петроград по-

---

¹ Военно-исторический вестник. 1972. № 39. С. 16.

пулярного генерала из фронта, хотя бы генерала Брусилова, снабдив его диктаторскими полномочиями и дав вместе с тем возможность объявить народу, что государь согласен на образование ответственного министерства»¹.

Но этот план провалился. В тот момент, когда царь находился в Пскове, между высшими штабами шел интенсивный обмен телеграммами с мнением о складывающихся событиях. И выяснилось, что главкоюз в принципе поддерживает требования оппозиции. В частности, на телеграмме председателя Государственной думы М.В. Родзянко, предлагавшей царю 26 февраля создать ответственное министерство, А.А. Брусилов сделал приписку: «Считаю себя обязанным доложить, что при наступившем грозном часе другого выхода не вижу. Смутное время совершенно необходимо закончить, чтобы не сыграть на руку внешним врагам... проигрыш войны повлечет за собой гибель России, а проигрыш неминуем, если не будет водворен быстро полный порядок и усиленная плодотворная работа в государстве». Поэтому кандидатура генерала Брусилова в диктаторы была отклонена.

А далее все развивалось по нарастающей. С утра 2 марта Н.В. Рузский стал убеждать императора в немедленном отречении. Ясно, что верный слуга монарха отказался бы от любых переговоров, готовя войска для подавления восстания. Но все было наоборот: давление главкосевзапа на императора было столь велико, что в 20 минут первого ночи 2 марта царь послал отправленному на Петроград ген. Н.И. Иванову телеграмму с приказом не предпринимать никаких действий впредь до особого указания. Находившийся на подъезде к Царскому Селу эшелон Георгиевского батальона остановился.

Царь колебался, но решающим доводом стали ответы главнокомандующих, полученные в Пскове к двум часам дня. Пытаясь получить поддержку и видя, что главкосев на стороне переворота, царь потребовал у наштаверха запросить мнение фронтов. Генерал Алексеев исполнил приказ царя, но телеграмма с запросом была составлена таким образом, что подсказывалось решение об отречении Николая II. Но и тогда главкозеп ген. А.Е. Эверт и помглавкорум ген. В.В. Сахаров, ничего не знавшие о реальном заговоре (слухи и есть слухи) сначала потребовали сообщить им мнение главкоюза. Когда же

---

¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. документы. М., 1990. С. 201.

выяснилось, что А.А. Брусилов решительно поддерживает необходимость отречения, сдались и они. Таким образом, решение Брусилова, обиженного на императора за недооценку им победы в Брусиловском прорыве, оказалось практически решающим: поддержки Брусилов императора, а не Алексеева с Рузским, и на стороне царя оказались бы три фронта против одного вкупе с мятежной столицей. Тогда все могло бы быть по-иному. Но ведь именно такие варианты просчитывались оппозиционерами заранее, и именно потому посланцы Думы еще за полтора месяца до революции заручились поддержкой генерала Брусилова, чье мнение вполне могло стать решающим.

Все запрошенные генералом Алексеевым лица — генералы А.Е. Эвэрт, А.А. Брусилов, В.В. Сахаров, адмирал А.Н. Непенин, великий князь Николай Николаевич, сами М.В. Алексеев и Н.В. Рузский — высказались за необходимость отречения императора от престола. Телеграмма главкоюза от 2 марта на имя царя с выражением мнения о необходимости отречения гласила: «В данную минуту, единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет — отказаться от престола в пользу наследника цесаревича при регентстве великого князя Михаила Александровича. Другого исхода нет: необходимо спешить, дабы разгоревшийся и принявший большие размеры народный пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама династия в лице законного наследника». В своих воспоминаниях А.А. Брусилов обиженно писал: «Я никогда не понимал, почему, жалуя за боевые отличия, царь никогда не высказывал, мне по крайней мере, своей благодарности; он как будто бы боялся переперчить и выдвинуть того, кто заслужил своей работой то или иное отличие». Бесспорно, главкоюз ген. А.А. Брусилов был обижен на императора, поставившего Луцкий прорыв ниже галицийских побед 1914 г. Тогда Н.И. Иванов и Н.В. Рузский, явно уступающие А.А. Брусилову как полководцу, получили Георгиевские кресты 2-й степени, а Брусилов за 1916 год — всего лишь Георгиевское оружие, которое ценилось ниже данного ордена.

Произошедшая революция, фоном которой на фронте служили убийства офицеров (прежде всего — Кронштадт), внесла сумятицу в умы командного состава. После Приказа № 1 неожиданно оказалось, что высшим руководителем в вооруженных силах стали комитеты, а не военачальники. Неудивительно, что львиная доля генералов, не

пожелавших сразу же выйти в отставку, стала заигрывать с низами. Например, военный и морской министр Временного правительства, душа заговора, А.И. Гучков говорил о том, что разложение армии шло сверху, а не снизу: «Другой эпизод — с Брусиловым в Бердичеве, где его застала смена власти. Он умел говорить с солдатами и внушать к себе доверие. Там тоже проходила большая уличная демонстрация, и так как он очень быстро проявил себя сторонником нового строя, то он в этой демонстрации участвует, его на кресле в этой революционной толпе несут по улицам, окруженного красными флагами и даже под красным балдахинем»¹. Странно, что это говорит именно Гучков. Никто более него не сделал, чтобы уничтожить российскую монархию, а вместе с ней и Российскую империю, и он еще смеет обвинять других в разложении. По сравнению с ролью Гучкова роль Брусилова в Великой Русской революции несравненно более скромна. И, в отличие от Гучкова, свергавшего царя под предлогом недопустимости сепаратного мира с Германией, а в годы Гражданской войны приветствовавшего германскую поддержку, когда она носила антибольшевистский характер, Брусилов никогда не сотрудничал с внешним врагом.

Конечно, поведение высшего генералитета зачастую вызывало недоумение, раздражение, неприязнь в толще монархически настроенного офицерского корпуса. Вызывало непонимание, почему против императора выступили те, кто был наиболее им обласкан. Так, после революции А.Е. Снесарев писал в своем дневнике: «Брусилов угодничает всюду: то через жену, то сам; “товарищ” да и только. Жена говорит, что он всегда был “социал-демократом”»². Здесь речь идет о том, что через несколько дней после отречения Николая II главкоюз пригласил к себе на чай некоторых политических деятелей левых группировок. Здесь-то его жена и заявила, что ее муж уже давно сочувствует партии эсеров. Мало ли что могла сказать женщина, увлекавшаяся оккультизмом и теософией, хотя сам генерал Брусилов, по всему судя, благосклонно оценивал высказывания супруги.

Далеко не однозначно оценивалось и мероприятие по принятию присяги в штабе Юго-Западного фронта — городе Бердичеве. Войска и командиры присягали на верность Временному правительству, а сам главкоюз выступил с речью, где призывал повиноваться новой власти и ожидать выборов в Учредительное собрание. Главной целью провоз-

---

¹ Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 102.

² Военно-исторический журнал. 2004. № 11. С. 54.

глашалось продолжение войны до победного конца. Приказ А. А. Брусилова от 4 марта 1917 г., после отречения, гласил: «Напоминаю славным и непобедимым войскам армий Юго-Западного фронта наш священный долг перед Богом и дорогой беззаветно любимой нашей Родиной, стоять стальной стеной против нашего ярого врага, который к настоящему времени приведен нами в безвыходно-тяжелое положение. Смута между нами была бы для него спасением и радостью. Не позволим ему торжествовать над нами и докажем ему, что русское войско и русский народ не дадут поработить себя немцу ни при каких обстоятельствах»¹.

Исследователь во многом справедливо пишет: «Брусилов вполне заслуженно пользовался репутацией политического хамелеона»². Но и здесь можно сделать свои оговорки. Ругая Брусилова, эмигранты вместе с тем высоко оценивали идола российской контрреволюции — Л. Г. Корнилова. При этом в стороне оставлялось то, что Корнилов являлся ярым республиканцем, был ставленником Гучкова и Милюкова и, главное, арестовывал императорскую семью в Царском Селе. Пытаясь затушевать этот последний нелицеприятный факт корниловской биографии, эмигранты обыкновенно утверждают, что, мол, императрица благодарила генерала Корнилова за мягкость ареста. При чем здесь это? Ясно, что Корнилов ни в коем разе не стал бы издеваться над семьей бывшего царя, ни как интеллигентный человек, ни как соратник конституционных монархистов — Родзянко, Гучкова и Милюкова, по чьей протекции он вообще был назначен главнокомандующим войсками Петроградского военного округа. Главное — генерал Корнилов, не колеблясь, выполнил приказ Временного правительства об аресте царской семьи, где четверо детей болели корью (сам факт ареста уже тяжел психологически). Разница лишь в том, что Корнилов и Брусилов оказались по разные стороны баррикад в Гражданской войне.

К 1 марта 1917 г. Юго-Западный фронт включал в себя 7-ю, 8-ю, 11-ю, Особую армии, общей численностью 2 281 016 штыков и сабель. Несмотря на начавшееся разложение вооруженных сил и провал французского наступления на Западном фронте, Временное правительство должно было отрабатывать свой долг перед поддерживавшими его западными союзниками. Существование революционного режима

---

¹ ГАРФ. Ф. 5936. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

² *Айратов О. Р.* Генералы. либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М., 2003. С. 56.

напрямую зависело от успехов на фронте. Все несогласные генералы смещались со своих постов — даже Верховным главнокомандующим 22 мая был назначен выражавший оптимизм главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилов.

Но до этого назначения было еще далеко. В кулуарах Временного правительства после отстранения великого князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего (великий князь получил отставку, даже не доехав до Ставки) шла борьба за назначение на пост главноверха. При этом военный и морской министр А.И. Гучков рассчитывал на сыгравшего одну из ключевых ролей в отречении царя ген. М.В. Алексеева. В то же время председатель Государственной думы М.В. Родзянко поддерживал кандидатуру главноюза ген. А.А. Брусилова. Так, М.В. Родзянко утверждал, что Алексееву не по силам руководить Восточным фронтом в условиях революции. Сторонники Родзянко вносили во Временное правительство и собственное предложение: «Единственный генерал, совмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно генерал Брусилов»¹. Об этом предложении вспомнят немного позже.

Выбор «временщиков» был сделан в пользу Алексеева. Назначенный Верховным главнокомандующим М.В. Алексеев 18 марта провел Сопровождение в Ставке, на котором обсуждался вопрос о возможности русской армии наступать. В этих прениях, затем подтвержденных мнениями главнокомов в виде телеграмм с фронтов, было решено наступать, хотя французское наступление уже провалилось, и поддержать русских могли разве что британцы. Но нужно было отработать благосклонность хозяев. Поэтому 30 марта Алексеев отдает директиву № 2647 о переходе в наступление в начале мая, невзирая на выводы Сопровождения высшего генералитета в Ставке 18 марта о невозможности наступать. Однако представшая во всех реалиях картина разложения войск заставила отложить бои до лета, пока ограничиваясь ведением временной обороны².

Главноюз выступал одним из наиболее активных проводников идеи наступления. Вне сомнения, здесь свою роль играло то, что подготовка наступления проводилась по планам, утвержденным еще императором Николаем II, где Юго-Западный фронт получал главный

¹ Красный архив. М., 1922. Т. 2. С. 284—285.

² Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983. С. 22—24.

удар. Да и весьма вероятно, что в случае успеха генерал Брусилов мог рассчитывать на пост Верховного главнокомандующего. Брусилова часто упрекают в интриганстве, но ведь убрал же Алексеев Рузского с поста главкосева, воспользовавшись тем, что Н.В. Рузский выступал против наступления, хотя истинная причина крылась в давнем неприязненном соперничестве между Алексеевым и Рузским.

На совещании главнокомандующих фронтами, членов Временного правительства и Исполнительного комитета Петроградского Совета 4 мая в Петрограде Брусилов заявил, что в создавшихся условиях любой успех противника поведет к катастрофе. Исходя из ничем не обоснованного предположения о наступательных планах врага (Э. Людендорф писал, что германское правительство даже опасалось, что такое наступление может приостановить развал России и ее вооруженных сил), генерал Брусилов предложил наступать самим. Возможно, что к такому решению Брусилова подвиг настрой высших командиров. Еще после штабного совещания 18 марта на Юго-Западном фронте военному министру А.И. Гучкову (то есть в обход Ставки) была отправлена телеграмма за подписями главкоюза и всех четырех командармов о способности и желании войск фронта к предстоящему и уже намеченному наступлению. В этом документе, в частности, говорилось: «Сегодня на военном совете всех командиров фронта под моим председательством единогласно решено:

- 1). армии желают и могут наступать;
- 2). наступление вполне возможно, это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром;
- 3). наступление избавит нас от неисчислимых последствий, которые могут быть вызваны неисполнением Россией ее обязательств, и попутно лишит противника свободы действий на других фронтах;
- 4). некоторый недостаток заставит лишь несколько сузить размер наступления;
- 5). нужно, главное, наладить продовольствие и регулярный подвоз, а это в средствах России и должно быть сделано;
- 6). настоятельно просим, чтобы никаких шагов перед союзниками в смысле отказа от выполнения наших обязательств не делалось;
- 7). армия имеет свое мнение, мнение Петрограда о ее состоянии и духе не может решать вопрос; мнение армии обязательно для России; настоящая ее сила здесь, на театре войны, а не в тылах»¹.

---

¹ Цит. по: Разложение армии в 1917 г. М. — Л., 1925. С. 30.

В течение всей весны 1917 г. Временное правительство проводило чистку командного состава. Все те генералы, в чьей лояльности можно было сомневаться, увольнялись в отставку. Наиболее монархически настроенные военачальники уходили сами. В марте — апреле из вооруженных сил было уволено до 150 старших военачальников. Что касается главкоюза, то он, невзирая ни на что, продолжал отстаивать четкую линию невмешательства политики и политиканов в дела армии. Телеграмма Брусилова военному министру от 26 апреля 1917 г., связанная с предстоящим назначением комиссаров Временного правительства в штабы фронтов: «Уверен, что в военное время главнокомандующий и командующий на театре военных действий должен пользоваться полным доверием правительства и народа и обладать полной властью... подобная мера будет во всех отношениях неизбежно влиять на боевые действия войск». Брусилов просил уволить его в случае принятия этой меры: «Так как по долгу совести и любви к отечеству не считаю себя вправе нести ответственность при подобных условиях. Никакой ответственности и проверки не боюсь, но считаю такую меру в принципе недопустимой и явно вредной по существу на боевом фронте»¹.

Характерно, что к лету из всех главнокомандующих фронтами императорской армии на своем посту остался только главкоюз ген. А.А. Брусилов, который 21 мая был назначен Верховным главнокомандующим (на посту главкоюза Брусилова сменил командарм-11 А.Е. Гутор). Последним был уволен главнокомандующий Кавказским фронтом ген. Н.Н. Юденич (31 мая). Все те главкомы, что поддержали отречение царя, были безжалостно вычищены использовавшим генералитет в качестве пешек Временным правительством. В Каменец-Подольске 25 мая состоялось чествование по поводу назначения Брусилова. Военные газеты отмечали, что «в чествовании приняли участие все чины штаба, солдаты, офицеры и население. Овациям не было конца. Генерала носили на руках»². Сам Брусилов оценил себя на новом посту следующим образом: «Я вождь революционной армии, назначенный на мой ответственный пост революционным народом»³.

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 97.

² Вестник X армии. 1917. 27 мая. С. 2.

³ Цит. по: *Базанов С. Царский красный генерал // Историк. 2016. № 5 (17). С. 23.*

Таким образом, к наступлению на Восточном фронте действующую армию пришлось готовить самому рьяному поборнику наступления — А.А. Брусилову. Представляется, что пик военной карьеры — Верховный главнокомандующий 21 мая — 19 июля 1917 г. не стал для генерала Брусилова лучшим моментом в его жизни. В это время пост военного министра уже занял адвокат А.Ф. Керенский, который, в отличие от А.И. Гучкова, участвовавшего в нескольких войнах на общественных должностях и до войны интенсивно интересовавшегося вопросами военного строительства, ранее никакого отношения к вооруженным силам вообще не имел. Само собой разумеется, что не доверявшая генералитету революционная власть стремилась полностью поставить фронт под свой контроль. И если раньше Ставка являлась главным органом управления фронтом и тылом, то теперь Верховный главнокомандующий подчинялся военному министру. Данная тенденция четко обозначилась еще при Алексееве на посту главковерха. При Брусилове тенденция стала реальным фактом. О Брусилове как Верховном главнокомандующем в 1917 г. А.И. Деникин злобно пишет: «Назначение генерала Брусилова знаменовало собою окончательное обезличение Ставки и перемену ее направления: безудержный и ничем не объяснимый оппортунизм Брусилова. Его погоня за революционной репутацией лишала командный состав армии даже той, хотя бы только чисто моральной опоры, которую он видел в прежней Ставке»¹. Такое положение Верховного главнокомандующего являлось объективной неизбежностью. Брусилов мог, конечно, при желании, предвратить судьбу Корнилова конца августа, но шансов у интриговавшего друг против друга генералитета не было. Мало того, что в среде генералов не было единства, так еще и солдатская масса не пошла бы за командованием.

К середине мая разложение армии достигло столь угрожающего крена, что А.А. Брусилов, который еще месяц назад заверял Временное правительство в желании войск Юго-Западного фронта наступать, теперь сомневался в успехе готовившегося удара. Настаивая на присылке на фронты членов Временного правительства для, так выразиться, «информационной поддержки», генерал Брусилов обвинил солдат в отсутствии чувства чести, патриотизма и позорных настроениях. Поэтому в глазах высшего генералитета предстоящее

---

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Мн., 2003. С. 358.

наступление должно было ограничиваться только самыми ближайшими целями.

В свою очередь, Временное правительство старалось сделать все возможное, чтобы побудить войска к наступлению. Только за четыре месяца властями было сформировано 129 новых дивизий для фронта. К началу Июньского наступления количество русских дивизий достигло чудовищной (и максимальной за всю войну) цифры в 288 единиц, что почти равнялось австро-германским дивизиям на всех фронтах вместе взятым. На фронт из тыловых округов отправлялись целые запасные пехотные полки, ибо А.Ф. Керенский, ставший 8 июля министром-председателем Временного правительства, отлично понимал, что только победная эйфория сможет продлить существование его политического режима. Сам военный и морской министр накануне наступления объезжал фронты и призывал войска наступать ради «спасения революционных завоеваний». Одним из результатов посещений А.Ф. Керенским фронтовых частей становилось единодушное голосование за наступление, которое мгновенно проходило, подобно страшному сну, как только «верховный главноуправляющий» покидал войска. Тем не менее Съезд солдатских комитетов, а также Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и специально собравшийся как раз в эти дни I Всероссийский съезд Советов полностью поддержали решение Временного правительства о наступлении.

Согласно составленному в Ставке плану наступления, главный удар наносился армиями Юго-Западного фронта, который теперь уже возглавлял ген. А.Е. Гутор, командовавший при царе 11-м армейским корпусом. Главный удар наносился войсками 7-й армии, которая четырьмя армейскими корпусами в направлении Бржезаны — Львов должна была прорвать неприятельский фронт. Фланги прорыва обеспечивались ударами 11-й армии в направлении Поможаны — Злочев-Глиняный (северный фас) и 8-й армии на Калуш — р. Ломница (южный фас). Превосходство русских в живой силе было подавляющим: около 950 тыс. штыков и 50 тыс. сабель при 6,8 тыс. пулеметах против 400 тыс. штыков и 5 тыс. сабель при 4 тыс. пулеметов. На направлении главного удара русские имели превосходство в численности в 6 раз.

Но и это не все. В связи с нежеланием миллионов солдат, стремившихся домой в деревню осуществлять «черный передел», воевать на острие атак должны были идти специально создаваемые Ставкой «части смерти». Эти подразделения составлялись из добровольцев — вербовка «волонтеров тыла» началась еще по приказу от 23 мая глав-

коюза Брусилова, поддержавшего инициативу командарма-8 Корнилова. На новом посту Брусиллов продолжал формирование «батальонов смерти» в масштабах всей действующей армии. Из приказа Верховного главнокомандующего от 13 июня 1917 г. следует: «С санкции военного министра объявляю при сем план формирования революционных батальонов из волонтеров тыла. Признавая организацию добровольческих батальонов крайне полезной мерой для поднятия революционного воодушевления и наступательного порыва в армии и в России, дабы показать армии, что весь свободный Русский народ идет с нею в бой за свободу и скорый мир, предлагаю при всех штабах фронтов организовать “комитеты по формированию революционных батальонов”... При Ставке мною утверждается “Центральный исполнительный комитет по формированию революционных батальонов”. От всех начальствующих лиц ожидаю широкого содействия в деле формирования революционных батальонов...»

С 16-го числа началась артиллерийская подготовка, которая длилась без перерыва два дня. Разрушения укрепленных позиций неприятеля, моральное потрясение солдат и офицеров противника и понесенные под артиллерийскими ударами потери были столь значительны, что только во второй половине дня 18 июня, когда русские уже ворвались в первую, а частично и во вторую линию окопов, австро-германцы смогли начать оказывать сопротивление. После частичного успеха вечером 18 июня, части русской 7-й армии через сутки были отброшены на исходные позиции подоспевшими к месту прорыва германскими и турецкими резервами. 11-я армия также быстро исчерпала свой порыв: после успешно начавшегося наступления 22 июня часть войск, в том числе гвардейские дивизии, вышла из повиновения.

Наибольших успехов в летнем наступлении 1917 г. добилась 8-я армия, наносящая вспомогательный, отвлекающий удар на второстепенном направлении. 12-й армейский корпус В.А. Черемисова, усиленный до 6 дивизий, уже 24 июня прорвал позиции австрийцев и вышел в долину реки Ломница. Войска генерала Корнилова разгромили 3-ю австрийскую армию, воскрешая события Брусилловского прорыва. 27 июня русские ворвались в Галич, а 28-го — в Калуш. Э. Людендорф впоследствии отмечал, что после падения Калуша «положение Главнокомандующего Востоком было критическим»¹.

---

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне. М., 1923. Т. 2. С. 28.

Тем не менее успех наступления был призрачным: в атаку принимались лишь самые лучшие, наиболее надежные кадры армии. А.Ф. Керенский же сделал вывод о непобедимости «самой свободной армии в мире», о чем не постеснялся заявить в донельзя хвалебных телеграммах всему миру. Победоносные части Юго-Западного фронта получили «почетное» наименование «Полки 18-го июня». Но никакая трескучая фразеология не могла скрыть главного: русские солдаты более не желали воевать.

В эти дни между Брусиловым и Керенским произошел первый большой конфликт. Прорвав оборону противника, русские солдаты остановились и замитинговали. Одна за другой боевые части возвращались в свои окопы, заявляя, что цель наступления выполнена, а теперь пора прекращать напрасно лить кровь. С другой стороны: Временное правительство отказалось от всех претензий на аннексию и контрибуцию, так во имя чего же должны были умирать русские крестьяне — во имя утверждения власти буржуазной олигархии? В этой обстановке 26 июня А.Ф. Керенский сообщил во Временное правительство, что «начатая операция развивается значительно менее успешно, чем можно было надеяться по силе артиллерийской подготовки и количеству сосредоточенных войск». В числе причин такого положения выделялись:

- 1) отказ солдат от работ по сооружению плацдармов;
- 2) необученность солдат наступательному бою, вследствие невозможности производства правильного обучения после революции;
- 3) запоздание перехода русской армии к организации на новых, революционных началах;
- 4) отсутствие пополнения из тыловых частей, причем уклоняющиеся от боя остаются безнаказанными;
- 5) прикрытие трусости и игнорирования боевых приказов идейными лозунгами большевиков.

Дабы устранить перечисленные недостатки и не допустить их повторного появления, А.Ф. Керенский предлагал:

- 1) провести очередную чистку командного состава;
- 2) установить немедленные и суровые судебные репрессии за воинские преступления;
- 3) приравнять части, отказывающиеся от безусловного выполнения боевых приказаний, к дезертирам;
- 4) принять решительные меры против анархии и безначалия, царящие в тыловых войсках, и особенно в Петрограде.

В свою очередь Брусилов решительно выступил против новой чистки командования, предложив карать большевистскую пропаганду как государственную измену¹. Этот протест стал одной из главных причин скорого смещения Брусилова с поста и назначения на его место командарма-8 Л.Г. Корнилова. Впрочем, есть и негативная по отношению к Брусилову точка зрения именно как полководца: «Оказалось, что “PR-генерал” совершенно не подходит на роль вождя русской армии — ему явно не хватало ни кругозора, ни военных талантов»².

Тем временем австро-германцы, видя, что продолжения русского наступления не будет, стали готовиться к контрудару. В ночь на 3 июля русские были выбиты из Калуша. 6 июля ударная германская группа начала артиллерийскую подготовку против левого фланга 11-й русской армии. Ударная группировка насчитывала 55 тыс. штыков при 400 легких и 60 тяжелых орудиях. Сбив 11-ю армию, немцы вынудили отступать и 7-ю, и 8-ю армии. Верховный главнокомандующий ген. А.А. Брусилов запретил главнокомандующему А.Е. Гутору отступать, и противник стал вклиниваться в русскую оборону. 8 июля генерала Гутора на посту главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта сменил Л.Г. Корнилов.

10 июля неприятель форсировал реку Серет, выбив гвардейские части из Тарнополя и сорвав тем самым готовившийся русскими контрудар. Дабы упорядочить отход и восстановить мало-мальское сопротивление, генерал Корнилов отвел часть «батальонов смерти» в тыл и приказал расстреливать дезертиров и бунтовщиков на месте. Для той же цели использовался и ряд казачьих полков. Темпы отступления удалось приостановить, но 15 июля русские революционные войска отошли на линию государственной границы Российской империи, за реку Збруч. К середине июля откатившийся на восток фронт стабилизировался на линии Броды — Скалат — р. Збруч — Кимполунг. Удары на других фронтах и вовсе не получились. На Румынском фронте небольшого успеха добились лишь румыны.

Потери русских армий в бессмысленном генеральном наступлении, на котором весной особенно настаивал ген. А.А. Брусилов и ряд других высокопоставленных генералов, были довольно значительны.

---

¹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 135. Л. 103—104.

² *Залесский К.А.* Алексей Брусилов: карьера одного генерала // Живая история. 2016. № 6 (13). С. 66.

С 18 июня по 21 июля русские армии Юго-Западного фронта потеряли 132,5 тыс. чел. (по другим данным — 270 тыс.). Противник потерял вчетверо меньше. Июньское наступление показало, какого успеха могла бы добиться дисциплинированная армия императорской России: успех самого прорыва на большинстве участков был решен одной артиллерией. Однако для разлагавшейся и митинговавшей революционной армии совершенный артиллерией прорыв оказался не нужен.

В то же время всем окончательно стало ясно, что никакой революционный энтузиазм, даже если бы он и существовал, не сможет заменить воинской дисциплины. В письме министру-председателю Временного правительства А.Ф. Керенскому от 11 июля Брусилов потребовал введения смертной казни на фронте за воинские преступления: «Надо иметь мужество сказать решительное слово, и это слово — смертная казнь. Демократические армии Франции, Бельгии, Америки, несравненно более культурные, чем наша, имеют смертную казнь в своем законодательстве. Пора образумиться и нам. Время не терпит. Необходимо немедленно восстановить железную дисциплину во всей ее полноте и смертную казнь для изменников». В заключение А.А. Брусилов угрожал отставкой. А.Ф. Керенский терпеть не мог угроз в свой адрес, и потому смертная казнь будет введена уже новым Верховным главнокомандующим ген. Л.Г. Корниловым, так как генерал Брусилов 19-го числа покинет свой высокий пост. Однако справедливо, что в условиях 1917 г. «Брусилов оказался несомасштабен задаче руководства всеми вооруженными силами государства. Эти новые, по сравнению с 1916 г. условия, были созданы прежде всего победой в России Февральской революции»¹.

Через три дня А.А. Брусилов был отправлен в отставку, что удовлетворило других высших командиров и многих деятелей Ставки: «Его военный талант не подлежит сомнению... Но Брусилов оказался несравненно талантливее в чисто военном деле, чем вообще в жизни и особенно в области нравственных качеств... Еще до революции замечалась за ним склонность к угодничеству». «Увольнение его от должности Верховного [в 1917 году] вызвало в Ставке не просто радость, а злорадство»².

---

¹ Галиков А.Г. Генерал А. А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4. С. 168.

² Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 1. С. 413—414.

21 июля ген. А.А. Брусилов прибыл в Москву, где ему придется провести последующую жизнь и обрести последний приют. В ходе обострения отношений между министром-председателем Временного правительства А.Ф. Керенским и Верховным главнокомандующим ген. Л.Г. Корниловым старый полководец держал нейтралитет. Он не поддерживал «временщиков», отрицательно относился к большевикам, но и участвовать в контрреволюции отказался наотрез. В первой половине октября, когда стало ясно, что власть ускользает к большевикам, А.А. Брусилов выступал на различных общественных совещаниях, но четкой политической позиции не выявил. Вероятно, ее и не было. Вооруженные силы Российской империи разваливались, самой Российской империи уже не существовало, у власти находились борющиеся друг с другом честолюбивые безумцы, ведшие дело к уничтожению страны.

В ходе большевистского переворота в Москве шли бои между Красной гвардией и юнкерами. И до октябрьских событий, и в ходе этих боев генерал Брусилов отклонил предложения контрреволюционных организаций взять на себя тяжесть борьбы с советской властью. 2 ноября тяжелый снаряд попал в дом, где проживали Брусиловы, и осколками его полководец был впервые в жизни ранен. В течение 8 месяцев после перенесенной операции, что в 64-летнем возрасте всегда небезопасно, А.А. Брусилов лечился в клинике хирурга С.М. Руднева.

После подписания «похабного» Брестского мира к Брусилову стали являться эмиссары Белого движения. Летом 1918 г. ему неоднократно предлагали эмигрировать. В частности, в числе таких посетителей был и британский дипломат Б. Локкарт. Брусилову даже пришлось искусственно затягивать процесс выздоровления после ранения, растравляя рану, чтобы иметь предлог для отказа от участия в Гражданской войне или согласия на эмиграцию. Генерал отказался уехать на Дон, да и вообще поддерживать контрреволюцию даже в самой Москве. Также он напоминал о патриотизме тем офицерам, что никак не могли определиться в своем месте в Гражданской войне: «Правительства меняются, а Россия остается, и все должны ей служить по той специальности, какую избрали...»¹

В 1918 г., после покушения на В.И. Ленина и убийства председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого, в Советской республике

---

¹ Военная быль. 1968. № 89. С. 34.

начался красный террор. По всей стране брались в заложники и затем расстреливались десятки тысяч «бывших». Такой жертвой стал бывший главнокомандующий фронтами в Первой мировой войне ген. Н.В. Рузский, расстрелянный в Пятигорске с сотней других заложников. Вскоре — ген. А.Е. Эверт, просто-напросто убитый в Можайске. В числе многих других был арестован и А.А. Брусилов. Два месяца он просидел в Кремле на гауптвахте, а затем еще два месяца находился под домашним арестом, но для А.А. Брусилова все закончилось благополучно, а вот его брат Б.А. Брусилов, также взятый в заложники, скончался в тюрьме.

Бесспорно, у ген. А.А. Брусилова имелась альтернатива относительно позиции в период Гражданской войны. Приступив к формированию Добровольческой армии на Юге России, ген. М.В. Алексеев обратился к А.А. Брусилову с просьбой присылать на Дон офицеров из Москвы и центра страны. Брусилов обещал, но не исполнил обещания, так как соблюдал строгий нейтралитет во время Гражданской войны, выйдя из него лишь во время Советско-польской войны 1920 г. Участник Первой мировой и Гражданской войн, эмигрант Е.Э. Месснер называет данную позицию «совпатриотизмом», в отличие от «совкарьеризма» «зигзагопогонных подло-авантюристов, как Гутор, Бонч-Бруевич и другие». Месснер оценивает: «В противоположность презренным совкарьеристам, совпатриоты заслуживают скорее сожаления, чем осуждения: в совпатриотизме есть любовь к Родине, наивная вера в эволюцию коммунистической власти и затем трагическое разочарование, горестное сознание своей ошибки»¹.

В то же время новейшие исследования показывают, что не все было так просто. Вплоть до крушения крымского режима ген. П.Н. Врангеля, то есть уже после знаменитого воззвания в период Советско-польской войны 1920 г., генерал Брусилов продолжал надеяться если не на победу белых, то на «перерождение» большевистской власти. В 1918—1919 гг. А.А. Брусилов надеялся на антибольшевистское восстание в Москве, а в 1920 г. «добивается пополнения войск РККА большим количеством кадровых офицеров старой армии, откликнувшихся на “Воззвание”, подписанное А.А. Брусиловым. Тем самым генерал хотел разбавить “революционный фон” в советских войсках, а в случае успешной реализации плана похода на Москву, он

---

¹ Хочешь мира. победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 520.

надеялся, что офицеры старой армии, перешедшие на службу в Красную армию, поддержат антибольшевистский переворот»¹.

Как бы то ни было, несмотря на ряд личных потерь (смерть брата в тюрьме, а потом гибель сына на фронте), генерал Брусилов не принял активного участия в Гражданской войне. Он осудил вооруженную интервенцию Германии, а затем держав Антанты, так как цели противников и союзников сходились — Россия должна была быть поделена на «зоны влияния», потерять часть своих территорий и стать страной второстепенного ранга, зависимой от хозяев из Западной Европы. К этому вело Временное правительство, на близких к этому условиях получали военную помощь белогвардейцы. Во многом именно поэтому А.А. Брусилов оказался вне русской контрреволюции.

В связи с началом польской интервенции 1 мая ген. А.А. Брусилов предложил советскому правительству образовать Особое совещание по вопросам увеличения сил и средств для борьбы с наступлением польской контрреволюции. Оказавшийся в тяжелом положении Кремль откликнулся незамедлительно: Совещание было создано уже на следующий день. Председателем Особого совещания стал ген. А.А. Брусилов. В числе членов Совещания оказались бывший военный министр А.А. Поливанов, бывший начальник штаба Юго-Западного фронта В.Н. Клембовский, бывший командующий Особой армией П.С. Балувев, бывший главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта А.Е. Гутор, бывший командующий отдельной Добруджанской армией А.М. Зайончковский, бывший командующий 6-й армией А.А. Цуриков, бывший последний военный министр Временного правительства А.И. Верховский. Днем ранее генерал Брусилов был назначен председателем комиссии по выработке мер по созданию высокопородистых лошадей, необходимых для кавалерии и артиллерии.

Целью Совещания, как полагали генералы, была организация борьбы против агрессии Польши. Реальной целью Совнаркома стал выигрыш времени для перегруппировки сил Красной армии, чтобы сделать попытку вторжения в Европу — нести «на штыках» революцию. Советское правительство широко использовало имена популярных генералов в пропагандистских целях. Декрет В.И. Ленина

---

¹ См.: *Александров А.Ю.* А. А. Брусилов: военная и общественно-политическая деятельность 1877—1924 гг. Автореф. дисс. канд. ист. наук.

«О бывших офицерах» от 2 июня даже обещал прощение за прошлое всем белогвардейцам, в случае их участия в борьбе с антисоветскими силами.

23 мая 1920 г. газета «Правда» опубликовала воззвание «Ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». Первой под этим документом стояла подпись А.А. Брусилова. Воззвание призывало офицерский корпус старой России вступить в Красную армию, чтобы отразить польское вторжение. По некоторым данным, на воззвание откликнулось почти 14 тыс. офицеров. Таким образом, генерал Брусиллов открыто встал на сторону советской власти, так как 7 июня армия барона Врангеля приступила к наступлению из Крыма, оттягивая на себя часть резервов Красной армии. Следовательно, выход А.А. Брусилова из нейтралитета неизбежно предполагал антибелогвардейскую позицию. Особое совещание было ликвидировано вскоре после того, как оно выполнило свою миссию — привлечение бывших офицеров в РККА. Отражение советского наступления на Варшаву ускорило этот процесс. Особое совещание было распущено в сентябре 1920 г.

В 1922 г. А.А. Брусиллов занимал пост главного военного инспектора коннозаводства и коневодства Советской республики. С 1 февраля 1923 г., параллельно со старой должностью, генерал Брусиллов является еще и начальником Управления инспектора кавалерии РККА. Оставшись в Советской России, старый полководец продолжал вносить свой посильный вклад в дело обороноспособности Отечества.

В эти годы А.А. Брусиллов пишет мемуары, подкорректированная первая часть которых многократно публиковалась в СССР, а вторая часть, где полководец критически высказывается о большевистском режиме, впервые вышла только за границей. В марте 1924 г. он назначается специалистом для особо важных поручений при РВС республики. Существование в СССР становится для ген. А.А. Брусилова невыносимым. С целью прощупывания почвы для эмиграции осенью 1925 г. чета Брусиловых выезжает в Чехословакию для лечения на курорте Карловы Вары.

Как известно, эмиграция отнеслась к Брусиллову резко отрицательно. Поэтому, когда он отдыхал в Карловых Варах, ему не удалось остаться; Брусиллов был вынужден вернуться в СССР. Причин тому несколько. Во-первых, это поведение генерала Брусилова в 1917 г. Как известно, одна из политических группировок выдвигала на пост Алек-

сеева, другая — Брусилова. Вышло, что Брусилов подсидел Алексеева. Но эта причина не главная, ибо и Алексеев был исключительно лоялен к Временному правительству, как не был лоялен к царю, как о том сообщает Деникин. И Родзянко, который выдвигал Брусилова, впоследствии находился в Белом движении и эмиграции.

Вторая причина — А.А. Брусилов отказался участвовать в Белом движении, и отказывался наотрез. Более того — вскоре поддержал советскую власть в борьбе с Польшей, которая выступала естественным союзником Врангеля, союзником объективным, даже если и помнить, что договориться с поляками Врангелю не удалось. Следовательно, Брусилов выступил не просто нейтральным лицом, но даже как враг белых.

В-третьих, ген. А.А. Брусилов стал заложником собственной позиции во время войны с поляками. Призвав офицеров встать под знамена красных, он должен был помнить об ответственности, какую он нес перед откликнувшимися на этот призыв людьми. Часть этих офицеров была арестована и погибла в застенках ЧК, в том числе и старые соратники бывшего главноюза — В.Н. Клембовский с П.А. Лечицким. Помочь им Брусилов не сумел, а ответственность за них нес, что понимали и эмигранты.

Представляется, что А.А. Брусилов стал жертвой собственной политической наивности, которую он испытывал по отношению к советской власти, забывая, что для красных белые и сам генерал Брусилов являлись врагами куда большими, нежели поляки, в силу классовых установок. Да и вообще, руководство большевиков, состоявшее в массе своей не из русских людей, и тем более не из патриотов России, готовило мировую революцию, а потому просто использовало царского полководца. Но готовность к произошедшему компромиссу восстановило эмиграцию против Брусилова.

Разочарованный полководец был вынужден вернуться в СССР. К этому времени он уже был в отставке, его советский покровитель М.В. Фрунзе умер во время неудачной операции, бывшие соратники уже преждевременно сошли в могилу. 17 марта 1926 г. ген. А.А. Брусилов скончался в Москве от паралича сердца и был с воинскими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище. В числе официальных лиц, присутствовавших на церемонии погребения, на митинге выступили два будущих Маршала Советского Союза — С.М. Буденный и А.И. Егоров. После смерти мужа его супруга эмигрировала в Чехословакию.

БРУСИЛОВ — ПОЛКОВОДЕЦ

Личность генерала от кавалерии А.А. Брусилова как полководца оценивается весьма неоднозначно. Наверное, это и правильно, так как любой полководец имеет в своей карьере и тяжелые неудачи, и блестящие победы, что позволяет современникам и исследователям заострять внимание то на одном факторе, либо на другом, противоположном. Прежде всего, не подвергается сомнению позитив в должности командарма-8.

Галицийская битва, сражения в Карпатах, отступление на восток — деятельность Брусилова как одного из наиболее выдающихся русских командармов Первой мировой войны не поддается жесткой критике. Были ошибки, но они с лихвой перекрываются успехами. Таким образом, и это невозможно отрицать, генерал Брусилов являлся одним из наиболее достойных кандидатов на повышение после осознания Верховным главнокомандованием смены главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта ген. Н.И. Иванова. Можно говорить о тех или иных негативных принципах полководческого почерка А.А. Брусилова (а они, несомненно, есть), но был ли в тогдашней императорской России полководец лучше? Точно так же современники (и Брусилов в их числе) отмечали негативные стороны М.В. Алексеева как военачальника, а ведь найти на его место лучшего кандидата так и не удалось! Говорят о ген. Н.Н. Юдениче, но нельзя не заметить, что Кавказский фронт был весьма специфичен, и далеко еще не факт, что Юденич смог бы столь же блестяще действовать против немцев, как он действовал против турок. Оценить на посту главноюзы альтернативных кандидатов — П.А. Лечицкого, Д.Г. Щербачева или кого-либо еще из наиболее талантливых русских военачальников — объективно не представляется возможным. При царе они не командовали фронтами, а то, что было после революции, — это совершенно иная ситуация.

Поэтому наибольшие противоречия вызывает кампания 1916 г. — Брусиловский прорыв. И тут дело порой доходит до кардинально отличных точек зрения: с одной стороны — свехвосторженная апологетика, с другой — безудержное охаивание. И впрямь: с одной стороны — разгром австро-венгров в первый месяц наступления, с другой — «ковельская мясорубка», своими потерями перекрывшая успех Луцкого прорыва.

Наступление на Восточном фронте как таковое в кампании 1916 г. было предрешено договоренностями с союзниками, а потому принципиальное нежелание главкосева и главкозапа наступать не может расцениваться как имеющее под собой основу для воплощения в жизнь. Наступать все равно бы пришлось, уже только в силу зависимости России от союзников и неустойчивого внутреннего положения в стране. Юго-Западный фронт добился наибольших успехов и, естественно, понес наибольшие потери. Опять-таки обратимся к данным С.Г. Нелиповича, выступающим одним из наиболее жестких критиков Брусиловского прорыва и самого ген. А.А. Брусилова. Согласно этим данным, потери противника с 22 мая по 18 декабря 1916 г. на Юго-Западном фронте составили 845 956 чел. В свою очередь, Юго-Западный фронт потерял 1 446 334 чел. Соотношение потерь — 1: 1,7. Потери противника на других фронтах на Востоке — 65 868 чел. Потери русских на Северном и Западном фронтах за отчетный период — 539 879 чел. Соотношение потерь — 1: 8¹. Даже при всех возможных погрешностях очевидно, кто из русских главкомандующих фронтами добился наибольших успехов. А также — что могло бы быть, действуй Эверт или Куропаткин. Повторимся, что вообще отказаться от наступления было нельзя.

Бесспорно, Юго-Западный фронт действовал во многом против австрийцев, в то время как Северный и Западный фронты били по немцам, а потому сравнение не вполне корректно. Однако же цифры есть цифры, из которых талант Брусилова как полководца все же можно выделить, как больший по сравнению с его русскими коллегами на 1916-й год. Примерно схожими были потери живой силы армий союзников и противников в наступательных операциях 1916 г. во Франции и Бельгии в смысле соотношения потерь. Из приведенных цифр можно видеть, что было бы, стой во главе наступающих русских армий, скажем, тот же А.Е. Эверт. Генерал Брусилов сам пишет: «По тем средствам, которые имелись у Юго-Западного фронта, он сделал все, что мог, и большего выполнить был не в состоянии — я, по крайней мере, не мог. Если бы вместо меня был военный гений вроде Юлия Цезаря или Наполеона, то, может быть, он сумел бы выполнить что-либо грандиозное, но таких претензий у меня не было и быть не могло». А ни Суворова, ни даже Скобелева в России

---

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз. 2006. Таблица на с. 45.

начала XX столетия не оказалось. Да и где они были? Так, британский автор, рассказывая о французских и английских военачальниках 1914—1918 гг., с горечью признает: «Ни одна страна не родила генерала Великой войны, которого можно было поставить в ряд со знаменитыми полководцами в истории, такими личностями, как Наполеон, Веллингтон или Мальборо...»¹ Почему же отсутствие в России суворовых, наполеонов и веллингтонов ставится ей в вину? Так что слова А.А. Керсновского вполне справедливы: «Каковы бы ни были его последовавшие заблуждения, вольные или невольные, Россия никогда этого не забудет Алексею Алексеевичу Брусилову. Когда после несчастий пятнадцатого года самые мужественные пали духом, он один сохранил твердую веру в русского офицера и русского солдата, в славные русские войска. И войска отблагодарили полководца, навеки связав его имя с величайшей из своих побед»².

Действительно, упорство ген. А.А. Брусилова на ковельском направлении заслуживает осуждения, и выше мы уже говорили об этом. Это упорство послужило причиной неоправданно больших и бессмысленных потерь, которые в массовом сознании фронта и тыла подорвали волю к победе. Представляется, что лучшим вариантом действий, раз уж военная мысль тогда не позволяла разработать теорию развития оперативно-стратегического прорыва, был бы последовательный штурм всех следующих оборонительных неприятельских рубежей, по образцу 22—25 мая. Но и тогда русские потери, прежде всего — кровавые, были бы больше неприятельских. К тому же свою роль играл фактор времени — казалось, еще немного усилий и крови, оборона врага рухнет, и дело будет решено. Сам А.А. Брусилов говорит об этом так: «Дело сводилось, в сущности, к уничтожению живой силы врага, и я рассчитывал, что разобью их у Ковеля, а затем руки будут развязаны, и куда захочу, туда и пойду». Это мнение неверно, но кто тогда мог об этом знать? Те же англичане тоже безрезультатно штурмовали германские траншеи на Сомме с июля по ноябрь, и соотношение потерь было не лучшим, чем у русского Юго-Западного фронта. Англичанам также представлялось, что надо чуть-чуть поднажать, и дорога в Бельгию будет свободна. Что же касается принципиальной оценки уровня полководческой мысли в армиях

---

¹ *Нилланс Р.* Генералы Великой войны. Западный фронт 1914—1918. М., 2005. С. 585.

² *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 63—64.

стран Антанты, то такого позорища, как наступление Р.-Ж. Нивеля в апреле 1917 г. в Артуа и Шампани, русские полководцы никогда не допускали. Сравнение с немцами показано в заключении.

Повторимся, что А.А. Брусилову было легче действовать, так как он имел дело по преимуществу с австрийцами, нежели с немцами. И как только германские соединения стали появляться против Юго-Западного фронта, наступление тотчас же стало затухать и постепенно заглохло. После этого, даже имея в отдельные периоды двойной перевес в силах, Юго-Западный фронт уже не смог получить такого же успеха, что в первые две недели прорыва, когда русские удары наносились по австрийцам, а преимущество в численности было большим разве что на 20 %. Это говорит не о русской слабости войск и полководцев, а о силе немцев.

Если тактика Брусиловского прорыва и не была нова, то в масштабах фронта применялась впервые, имея наибольшие успехи. Если сам Брусилов и не был военным гением, то все равно стоял выше тех русских полководцев, что были выдвинуты Первой мировой войной (объективное сравнение талантов А.А. Брусилова и Н.Н. Юденича невозможно, ввиду специфичности Кавказского театра военных действий). Если главкоюз и упорствовал в своих ошибках, то все-таки старался учиться на них, в то время как другие не делали и этого. Потери армий Брусилова были велики, но разве не он обычно получал самые тяжелые задачи:

— противоборство с двумя австро-венгерскими армиями в конце августа 1914 года, в то время как другие русские армии в это время имели против себя не более одной неприятельской армии каждая;

— штурм Карпат в конце 1914 — начале 1915 г., где 8-я армия играла главную роль;

— борьба на наиболее ответственном направлении в Карпатах — перемышльском;

— расположение на правом фланге Юго-Западного фронта в июне — августе 1915 г., где действовала масса германских войск;

— передача главного удара в кампании 1916 г. в «Брусиловскую армию» — 8-ю;

— ведение стратегического наступления 1916 г. в отрыве от ударов других фронтов, что шло вразрез с решениями Совещания 1 апреля, в «одиночном плавании»;

— оказание непосредственной поддержки неудачному выступлению Румынии.

Все познается в сравнении, а самое корректное из сравнений — с современниками и коллегами. И здесь полководческий талант ген. А.А. Брусилова неоспорим: «Главное, видимо, заключается в том, что перед нами военачальник нового качественного уровня: как и другие видные полководцы, он достигал крупных военных успехов за счет единства ума, таланта, воли и нравственной основы мотивов своего ратного труда. Брусилов перерос свое время — глубже других постиг сложившуюся на фронтах Первой мировой войны обстановку, наиболее полно и реально оценил возможности вверенных ему войск, сначала как командарм, а затем как командующий фронтом и Верховный главнокомандующий»¹.

---

¹ Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусилов. М., 2006. С. 46.

Глава 5

КАВАРМ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЮДЕНИЧ

ПЕРЕД МИРОВОЙ ВОЙНОЙ

Выдающийся полководец Первой мировой войны, единственный полководец, который, по словам его сотрудника и биографа Б. Штейфона, «не знал поражений», Николай Николаевич Юденич родился 18 июля 1862 г. в Москве в семье коллежского советника — директора Землемерного училища. Его мать, урожденная Даль, являлась двоюродной сестрой составителя Толкового словаря В.И. Даля. Как говорит Н.Н. Рутыч, «Юденич рос в атмосфере глубоко русской интеллигентной московской семьи, в которой до него не было ни одного военного»¹.

Избрав в качестве генеральной линии жизни и деятельности военную стезю, Юденич закончил 3-е Александровское военное училище, по выпуску в 1880 г. отправившись прапорщиком в лейб-гвардии Литовский полк. В Варшаве он прослужил недолго: в 1884 г. Н.Н. Юденич производится в подпоручики Гвардии и поступает в Академию Генерального штаба. 1885 г. — поручик, 1887 г., по окончании Академии, — штабс-капитан. Очень молодой, 25-летний капитан Генерального штаба становится старшим адъютантом штаба 14-го армейского корпуса.

В 1889—1890 гг. Н.Н. Юденич — командир роты в своем родном лейб-гвардии Литовском полку, что было необходимо для отбывания

---

¹ Рутыч Н.Н. Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 18.

командного ценза. В это время Юденич получает свою первую награду — орден Св. Станислава 3-й степени. Пока еще награждения идут по «обычному» порядку мирного времени — в зависимости от чинопроизводства. Первая боевая награда последует только за Русско-японскую войну, но зато в будущем Н.Н. Юденича будет ожидать самая высшая награда Российской империи начала XX века. Пока же, 1891 г. — обер-офицер для особых поручений 14-го армейского корпуса. В 1892 г. подполковник Юденич назначается старшим адъютантом штаба Туркестанского военного округа. В 1893 г. он награждается орденом Св. Анны 3-й степени. Таким образом, начало активной карьеры будущего полководца проходило в «горячей точке» Российской империи — Туркестане, где Россия традиционно противостояла поползновениям Англи, старавшейся не допустить распространения русского влияния в Азии.

В 1894 г. Н.Н. Юденичу впервые пришлось применить свои знания в качестве высокопоставленного штабиста. Подполковник Юденич занял пост начальника штаба Памирского отряда в Памирской экспедиции, которая помимо научно-естественных целей преследовала и задачу изучения подступов в подбрюшье главного врага Российской империи того времени — Великобритании. Россия продолжала свое движение на юг, в стык с британской Индией, дабы иметь рычаг влияния на англичан, сдерживавших русских как в Европе, так и на Дальнем Востоке. В 1895 г., по итогам работы на южной границе, подполковник Юденич награжден орденом Св. Станислава 2-й степени.

В 1896 г. полковник Н.Н. Юденич назначается на должность штаб-офицера при управлении Туркестанской стрелковой бригады. С 1902 г. — командир 18-го стрелкового полка, награжден орденом Св. Анны 2-й степени. В составе 5-й стрелковой бригады, в которую входили 18-й и 19-й стрелковые полки, Юденич отправляется на Русско-японскую войну, причем в связи с убитием из строя командира бригады ген. А.Е. Чурина командует бригадой в сражении под Сандепу. В период Первой мировой войны генерал Чурин прославиться не сумел, хотя последовательно занимал ряд высоких должностей в действующей армии: командир 2-го армейского корпуса в 1914 г., командарм-5 и командарм-12 в 1915 г., командарм-6 в 1915/1916 гг.; с марта 1916 г. — член Военного совета.

Из всех русских главнокомандующих фронтами Первой мировой войны до падения монархии лишь два военачальника во время Русско-

японской войны находились на строевых должностях (не считая, конечно, самого главнокомандующего Маньчжурской армией — ген. А.Н. Куропаткина). Это Н.И. Иванов, первые полтора года Первой мировой войны возглавлявший Юго-Западный фронт (командир 3-го Сибирского корпуса в 1904—1905 гг.) и Н.Н. Юденич. В 1904 г. Юденич получает очередную награду — орден Св. Владимира 4-й степени.

Первое сражение, в котором пришлось принять участие Н.Н. Юденичу, — это операция при Сандепу. Удар по японцам был предпринят Куропаткиным, чтобы воспользоваться имеющимся перевесом в силах и средствах. После падения крепости Порт-Артура 3-я японская армия была двинута на поддержку главных сил маршала. Чтобы нанести противнику поражение прежде его усиления, Куропаткин предпринял наступление 2-й Маньчжурской армией ген. О.К. Бильдерлинга на неприятельский укрепленный район, где центром являлась деревня Сандепу.

Армии противников, стоявших под Мукденом (занят русскими), разделяла река Хуньхэ, которую в ходе наступления требовалось преодолеть. Река Хуньхэ протекает в глубоком овраге шириной до 20 сажень и глубиной до 4 сажень. Это заставляло русских наступать только через броды. Но зато на восточном берегу образовывалось мертвое пространство — как отличное исходное положение для русской атаки. Полк полковника Юденича также будет преодолевать водную преграду.

26 января 8-й армейский корпус генерала Мылова атаковал Сандепу силами 14-й пехотной дивизии. 15-я пехотная дивизия 8-го корпуса находилась в резерве главнокомандующего и потому участия в бою не принимала. В качестве поддержки атаки на правый берег реки Хуньхэ была переведена 5-я стрелковая бригада, во главе которой в это время стоял полковник Юденич. Однако верные своему принципу ослаблению ударной группировки во имя создания неминуемо опаздывавших на поле боя сильных резервов русские полководцы умудрились разделить надвое и бригаду Юденича. Кажется, что в русской армии того времени был принят такой метод — не менее половины любого соединения оставлять «в распоряжении» высшего начальника. В итоге только один 18-й стрелковый полк следовал за правым флангом 14-й пехотной дивизии. Но и тот имел пассивную задачу — отразить возможность японской контратаки со стороны Тотая.

27 января 1905 г. командарм-2 приказал стоявшему в резерве Сводно-Стрелковому корпусу атаковать. Но генерал Кутневич про-

лонгировал приказ и, под различными предлогами оттягивая время выступления, добился отмены атаки. Однако 19-й стрелковый полк 5-й стрелковой бригады бросился в атаку и сумел пробиться к редуту перед Сандепу. Оставалось подкрепить атаковавших, однако подкреплений не было. Все те силы, что было возможно бросить в атаку, уже были в нее брошены, а резервов ни Куропаткин, ни Гриппенберг не давали.

В ходе сражения под Сандепу Н.Н. Юденичу пришлось брать решение под свою ответственность. Не имея возможности перебросить на этот участок 18-й стрелковый полк, находившийся в подчинении начдива-14, Юденич отозвал полк назад. Нельзя не сказать, что начальник Сводно-Стрелкового корпуса всячески препятствовал атаке стрелков. Как сообщает австрийский военный наблюдатель при русской армии, «генерал Кутневич не только не дал никаких указаний своим войсками для атаки, но дважды указывал начальнику 5-й стрелковой бригады, чтобы он остался на своей позиции, и чтобы он не увлеклся наступлением, даже и в том случае, если наступательные действия начнет 1-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия (то есть бригада генерала Леша)»¹.

В этих условиях о поддержке резервами, конечно, не могло и быть речи. Потому-то, не имея сил взять Сандепу одним полком, Юденич отдал приказ об отходе, чтобы напрасно не истреблять людей. Сам командир 5-й стрелковой бригады 4 февраля 1905 г. был ранен в левую руку, но остался в строю. На следующий день японцы сами атаковали Сводно-Стрелковый корпус, что позволило генералу Кутневичу отказаться от атаки окончательно. Хотя русские превосходили атаковавших японцев, Кутневич ограничился обороной. Стрелки полковника Юденича стали исключением в Сводно-Стрелковом корпусе. В.Ж. Цветков пишет: «В сражении при Сандепу, несмотря на уже начавшееся отступление русских войск, Юденич на свой страх и риск лично повел в штыковую контратаку 5-ю стрелковую бригаду и отбросил противника. Скупой на похвалу Главнокомандующий генерал А.Н. Куропаткин специально выделил этот поступок как редкий пример смелости и инициативы среди старших командиров»².

¹ *Теттау фон*. Куропаткин и его помощники. СПб., 1914. Ч. 2. С. 340.

² Исторические портреты: А.В. Колчак. Н.Н. Юденич. Г.М. Семенов. М., 2004. С. 406.

Во время Мукденского сражения полковник Н.Н. Юденич вновь командовал только своим 18-м стрелковым полком, принял участие в штыковых атаках и опять был ранен, на этот раз — в шею. После сражения, закончившегося отступлением 2-й и 3-й армий, Юденич был отправлен в госпиталь.

19 июня 1905 г. Н.Н. Юденич производится в генерал-майоры и назначается командиром 2-й бригады развернутой 5-й стрелковой дивизии. Наградами за Русско-японскую войну для Юденича стали Золотое оружие, орден Св. Владимира 3-й степени с мечами, а в 1906 г. — еще и орден Св. Станислава 1-й степени с мечами. В 1907 г. Юденич был назначен генерал-квартирмейстером штаба Кавказского военного округа, тем самым приступив к организации обороны от будущего противника в Первой мировой войне — Османской империи. В 1909 г. награжден орденом Св. Анны 1-й степени.

6 декабря 1912 г. Н.Н. Юденич производится в генерал-лейтенанты и недолго служит в должности начальника штаба Казанского военного округа. С 1913 г. военачальник вновь переводится на старое место службы, заняв должность начальника штаба Кавказского военного округа. Последней предвоенной наградой стал орден Св. Владимира 2-й степени.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

К 1914 г., невзирая на отчаянные усилия сравняться в военноморской мощи с британцами, немцы все-таки отставали от своего островного соседа, с которым им пришлось сцепиться в смертельной схватке за европейскую (а то и мировую) гегемонию. Германское военно-политическое руководство отчетливо сознавало, что, имея столь могущественных сухопутных союзников на континенте, как Франция и Россия, британцы в первую очередь сосредоточатся на морской блокаде Германии и ее союзников, дабы вынудить немцев сложить оружие если не вследствие военного поражения, то ввиду угрозы голода. Следовательно, немцы должны были постараться распылить силы британцев на второстепенных фронтах, заставить их разбросать свой потенциал и смягчить условия господства английского флота в европейских морях. Поэтому германская дипломатия, желая одновременно и распылить англичан, и изолировать Россию от своих союзников, искала связи с теми странами, что подходили для решения

германских задач. Единственной страной, обладавшей существенными силами и соответствующим географическим положением, которое могло повлиять на стратегическую обстановку в Европе, в начале XX века являлась надломленная войнами 1911—1913 гг. Османская империя — Турция.

Ввиду обширности своего государственного пространства турки могли угрожать Ирану и нефтеносным запасам Персидского залива, оспаривать контроль над восточной частью Средиземного моря (вплоть до угрозы Суэцкому каналу), оттянуть на себя часть русских сил ударом по Кавказу. Кроме того, Турция раскалывала Балканы, где большинство государств были настроены в пользу Антанты, позволяя создать условия для завоевания немцами Балканского полуострова. В итоге немцы сделали все возможное, чтобы втянуть Турцию в войну на своей стороне. Пришедшее к власти в ходе государственного переворота 1908 г. младотурецкое правительство, горевшее жаждой внешней экспансии, что неудивительно при внутривосточных провалах и экономической разрухе, само рвалось в бой. Так как немцы обещали больше, да это было и понятно (Германия манила и британским Ираком, и русским Закавказьем, а что могли пообещать союзники по Антанте, кроме торговых преференций?), то турки вступили в войну на стороне Центральных держав уже в 1914 г.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАВКАЗСКОГО ТВД

16 октября 1914 г. в войну против держав Антанты вступила одряхлевшая Османская империя, ведомая своим новым руководством — младотурками, пришедшими к власти в 1908—1909 гг. в результате революции, установившей в стране конституционную монархию. Султан Мехмед V являлся марионеткой правящего триумvirата — Энвер-паша, Талаат-паша и Джемаль-паша. С началом военных действий в Турцию пришла германская средиземноморская эскадра — линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау», укрывшиеся в Мраморном море от англичан, которые сравнительно легко позволили немцам уйти в Турцию. 20 июля, на второй день Первой мировой войны, был подписан союзный германо-турецкий договор. Тогда же была объявлена мобилизация, хотя турки и заявили о своем нейтралитете. Всего в течение войны число германских и австро-венгерских офицеров в турецких вооруженных силах только

на командных должностях превысило 6 тыс. В ночь на 16-е германские корабли, выйдя в Черное море, атаковали русские порты и потопили несколько русских судов. Борьба между Российской империей и Турцией велась на Черном море и Кавказе.

Русская Кавказская армия действовала сразу на трех театрах военных действий: Кавказском, Персидском (Иранском), Месопотамском (Иракском). Соответственно, согласно плану стратегического развертывания, русскому командованию было необходимо прикрыть все направления, чтобы не допустить прорыва фронта и вторжения противника на Кавказ. Было известно, что турецкое правительство рассчитывает привлечь к борьбе с Россией мусульманские народы Кавказа, а в перспективе и более отдаленных территорий Поволжья.

Вступая в войну против «неверных», турецкое военно-политическое руководство рассчитывало, прежде всего, вести военные действия против Российской империи. Об ударе англо-французских союзников по Дарданеллам никто не мог и подумать, а потому расквартированные в районе Черноморских Проливов 1-я и 2-я турецкие армии предназначались для отражения вероятного русского десанта против Босфора, а также для пополнения действовавшей на Кавказском фронте 3-й армии. Несмотря на то, что против русских должна была действовать лишь одна армия, именно 3-я турецкая армия являлась наиболее подготовленной, пополненной людьми и техникой, насыщенной кадровым составом. Именно сюда выехал военный министр, член правящего младотурецкого триумвирата Энвер-паша.

Соответственно, главной задачей русского командования являлось недопущение неприятельского присутствия на русской территории: в случае неравенства сил на пути вражеского наступления должна была встать бывшая турецкая крепость Карс, вошедшая в состав Российской империи после последней Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Впрочем, наиболее «горючий материал» мусульманского Кавказа, те люди, что могли стать потенциальными вожаками антироссийских восстаний и мятежей, были отправлены в Кавказскую Туземную («Дикую») дивизию, комплектовавшуюся на добровольческих началах. Сама же дивизия находилась на австро-германском фронте.

Положение несколько осложнялось тем обстоятельством, что часть русских сил, расположенных на Кавказе, с началом общей мобилизации 18 июля 1914 г., отправлялась против австро-германцев. Два армейских корпуса и пять казачьих дивизий — 71 батальон,

156,5 сотен и 35 батарей уходили на Запад. На Кавказе осталась лишь треть тех сил и средств, что состояли в Кавказском военном округе накануне войны. В сентябре на Кавказ прибыли две стрелковые бригады из Туркестана, однако и этого было недостаточно. Численность войск, подчиненных наместнику на Кавказе престарелому графу ген. И.И. Воронцову-Дашкову, сократилась, ввиду сосредоточения основной русской группировки на западной границе, а также вследствие обнаружившихся в июле колебаний турецкого правительства по поводу участия в военных действиях.

Тем не менее, командование Кавказской армии сразу же развернуло широкомасштабные организационные мероприятия, которые позволили бы увеличить численность войск на театре войны, так как сразу было понятно, что львиная доля людей будет поглощена австро-германским фронтом. Численность людей в первоочередных полках была увеличена на тысячу штыков, из кадров 21-й пехотной дивизии развертывалась второочередная 66-я пехотная дивизия. Кубанское казачье войско сформировало для Кавказа 2-ю и 3-ю кубанские пластунские бригады по шесть батальонов каждая. Кубанское и Терское войска дали конные полки 3-й очереди (2-я очередь казаков была отправлена на западную границу в качестве войсковой конницы). Данные мероприятия проводились в течение всей войны, что позволяло поддерживать количество и качество войск на высоком уровне, невзирая на неизбежное постепенное ухудшение качества пополнений. К началу вступления Турции в войну на стороне Центральных держав на Кавказе было развернуто 126 батальонов, 148 сотен, 326 орудий в поле и крепостных гарнизонах. На охране тыловых коммуникаций стояло еще 27 батальонов, 27 сотен и 24 орудия.

В начале войны русские войска на Кавказе, разбитые на несколько групп, развернулись следующим образом:

— 1-я группа: Сарыкамышский, Ольтинский, Кагызманский отряды (54 батальона, 56 сотен, 160 орудий) — Карсское направление. Здесь находились главные силы русской Кавказской армии, на которых и лежало выполнение основной задачи всей армии: коротким наступлением разбить турецкие войска близ государственной границы и не допустить вторжения врага в пределы Закавказья. В Ставке Верховного главнокомандования понимали, что незначительность сил и ограниченность средств Кавказской армии вынуждает ставить перед ней ограниченные задачи, впредь до улучшения ситуации на австро-германском фронте. Поэтому в начале военных действий Кавказской

армии была поставлена задача ведения стратегической обороны. Помимо прочего, данное направление, с основной железной дорогой Александрополь — Карс — Сарыкамыш, — это «исторически главное операционное направление: здесь в предшествовавших кампаниях действовали главные силы русских и турок».

— 2-я группа: Эриванский, Макинский, Азербайджанский отряды (30 батальонов, 66 сотен, 74 орудия) — прикрытие левого фланга главной группировки, расположение в районе озер Ван и Урмия.

— 3-я группа: Рионский, Чорохский отряды (16,5 батальонов, 6 сотен, 32 орудия) — Батумское направление, прикрытие правого фланга главной группировки, оборона черноморского побережья.

— 4-я группа: Пограничный, Ардебильский, Казвинский отряды (4,5 батальона, 14 сотен, 4 орудия) — прикрытие участка государственной границы с Ираном.

— 5-я группа: армейский резерв в районе столицы русского Кавказа — Тифлисе (Тбилиси) ¹.

Таким образом, согласно оперативному планированию, русским главнокомандованием предусматривалось ведение на Кавказе стратегической обороны, что было вызвано ослаблением частей Кавказской армии, ввиду отправки большей их части на западную границу. При этом оборона должна была быть как можно более активной, дабы сорвать вражеские планы нашествия на русский Кавказ еще на дальних подступах. Тем не менее качественный состав русских войск на Кавказе был очень высоким. П.Н. Шатилов вспоминал, что все войсковые части Кавказского военного округа «сроднились между собой в боях и экспедициях и, не зная поражений, были горды своим прошлым. В полках сыновья офицеров сменяли отцов. Целые поколения зачастую служили в одном и том же полку. Семейные традиции переплетались с войсковыми. Родные часто служили в соседних частях; дружба между ними шла и по родственной линии, и по боевым воспоминаниям. В Кавказской армии нельзя было увидеть той обособленности, какая замечалась в России между родами войск. Создавалось так называемое “куначество”»².

Учитывая качественную подготовку войск, можно было действовать более активно, невзирая и на неравенство сил. Выполняя план

---

¹ Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М., 1946. С. 20—22.

² Военно-исторический вестник. 1967. № 30. С. 12.

командования, Сарыкамышская группа под командованием командира 1-го Кавказского корпуса ген. Г.Э. Берхмана уже 20 октября перешла государственную границу. В состав корпуса, помимо казачьей конницы, входили 20-я (Н.М. Истомина) и 39-я (В.В. Де-Витт) пехотные дивизии. Дело в том, что от мобилизации и русских и турецких войск на Кавказском театре военных действий произошло заблаговременно. Русские батальоны были мобилизованы 18 июля, с объявлением общей мобилизации в Российской империи. Ясно, что она затронула все вооруженные силы страны, а уже тем более пограничные округа. Турция же объявила о всеобщей мобилизации 20 июля, одновременно заявив и о своем нейтралитете. Так что противники к началу официального объявления войны были уже полностью готовы противостоять друг другу.

Группа генерала Берхмана предприняла попытку взять штурмом неприятельскую укрепленную позицию на высотах Кепри-Кей, располагавшуюся в 35 км от передовых укреплений Эрзерума. Крепость Эрзерум получила статус главной турецкой крепости на Кавказе после перехода крепости Карс под власть русской короны. Обладание этой позицией, во-первых, позволяло русской стороне строить свою оборону на неприятельской территории, а во-вторых, контролировать маневрирование турецких войск, вынужденных, так или иначе, опираться на Эрзерум.

В свою очередь, турки придавали большое значение Кавказскому театру военных действий. Во-первых, мощь турецких вооруженных сил была существенно подорвана в предшествующие годы: помимо общего кризиса Османской империи Турция потерпела поражение от Италии в 1911 г. и от коалиции Балканских государств в период Первой Балканской войны 1912 г. Несмотря на то, что во Второй Балканской войне турки выступили на стороне Сербии и Румынии против Болгарии и победили, это отнюдь не способствовало радикальному возрождению армии и флота. Сводка разведки 7-й русской армии, расквартированной в Одесском военном округе, 3 сентября 1914 г. утверждала: «В общем, турецкие войска производят жалкое впечатление. В офицерах большой недостаток. Настроение войск угнетенное, и они совершенно не способны к походу»¹. Таким образом, турецкое правительство отлично сознавало военную слабость

---

¹ Цит. по: Козлов Д.Ю. «Странная война» в Черном море (август — октябрь 1914 года). М., 2009. С. 177.

страны, а потому и не поспешило сразу же примкнуть к какой-либо стороне в июле 1914 г.

Широко известная эпопея кораблей германского военно-морского флота «Гебен» и «Бреслау», под командованием адмирала В. фон Сушона, в конечном счете вынудила Турцию вступить в войну 16 октября 1914 г. на стороне держав Центрального блока: обстрел германотурецким флотом Севастополя, Феодосии и Новороссийска побудил русских немедленно объявить Турции войну. Через несколько дней войну Турции объявили Великобритания и Франция, тщетно пытавшиеся до последнего удержать османов в положении нейтралитета. В ответ турки объявили джихад странам Антанты. Турция располагала двумястами тысячами человек армии мирного времени, а также несколькими десятками тысяч сабель иррегулярной конницы, состоявшей из курдов и арабов. Подразделения запаса и ополчение достигли цифры в миллион человек. В военных действиях также активно использовались войска жандармерии. По подсчетам русских, турки могли выставить до 1,5 млн чел., правда, плохо вооруженных¹.

Однако союз с Германией означал, что турецкая армия сможет получить немецкое оружие (турки были вооружены германскими винтовками Маузера и полевыми орудиями Круппа), а также немецких инструкторов, которые приступят к обучению войск. Действительно, германская военная миссия, во главе которой стоял ген. Л. фон Сандерс, сразу же внедрила немецких офицеров на штабные должности в турецких войсках, а на флоте большинство высшего офицерского состава вообще составляли немцы. С ноября 1914 г. фактическое руководство турецкими вооруженными силами взял на себя германский генерал-фельдмаршал К. фон дер Гольц. Также Германия предоставила турецкой стороне значительные военные займы и стала поставлять оружие. Все это позволило младотурецкому правительству с относительным оптимизмом глядеть в будущее.

К началу открытия военных действий турки располагали 13 армейскими корпусами и 2 отдельными пехотными дивизиями: всего — 37 дивизий. Турецкое командование, справедливо полагавшее, что в первом периоде войны необходимо перестраховаться, основную массу своих вооруженных сил сосредоточило близ Проливов: 1-я армия в Стамбуле, 2-я — в Адрианополе. Поэтому на протяжении почти

---

¹ История Первой мировой войны 1914—1918. М., 1975. Т. 1. С. 387—388.

двух первых лет войны русской Кавказской армии противостояла одна постоянно пополняемая резервами 3-я турецкая армия (до 180 тыс. штыков и сабель), командование которой с открытием военных действий между Россией и Турцией осуществлял Гассан-Иззет-паша. При этом личный состав 9-го и 10-го армейских корпусов участвовал в Балканских войнах, а следовательно, имел опыт современных боевых действий.

САРЫКАМЫШСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Ввиду дряхлости наместника графа Воронцова общее руководство военными действиями принял на себя его помощник по военной части ген. А.З. Мышлаевский, некогда бывший начальником Генерального штаба, а потому почитавшийся за опытного военачальника. Мышлаевский осуществлял оперативное руководство войсками, находясь при этом в Тифлисе. Начальником штаба Кавказской армии был назначен ген. Н.Н. Юденич, бывший с февраля 1913 г. начальником штаба Кавказского военного округа. Таким образом, с начала войны на Кавказском театре Юденич не являлся наиболее ответственным лицом в Кавказской армии, пока оставаясь при наместнике, который сам не мог командовать войсками, вследствие возраста и состояния здоровья. Именно Мышлаевский не только допустил раздробление армии на пять войсковых групп, но и чрезмерно выдвинул вперед главные силы — Сарыкамышский отряд, — подставляя его под концентрические удары готовившегося к переходу в общее наступление противника. Исправлять ошибки развертывания придется уже в ходе сражения, надрывными усилиями на грани поражения. И делать это будет не Мышлаевский, а Юденич.

Переход Сарыкамышской группы в наступление в Пассинскую долину, чтобы сбить турок с Кеприкских позиций, находился в полном соответствии с доктриной активной обороны как способа действий, принятых для Кавказской армии. В это же время Эриванский отряд был выдвинут в Алашкертскую долину с целью обеспечения главных сил армии, а Азербайджанский отряд занял районы Северной Персии, чтобы не допустить вступления Персии в войну на стороне Германии. Рионский и Чорохский отряды, прикрывавшие батумское направление, также вступили в бои с противником, причем в русском

тылу произошло восстание местного мусульманского населения. Военный губернатор Батумской области 23 декабря 1914 г. доносил в МВД, что 3—4 ноября турками было занято Мургульское ущелье с заводом Кавказского медно-промышленного общества. При эвакуации Артвинского района некоторые местные мусульмане грабили имущество эвакуировавшихся христиан, а затем «отдельные лица и партии стали присоединяться к туркам и действовать против наших войск»¹. Межконфессиональные столкновения стали фактом: 22 января 1915 г. военный губернатор Карсской области доносил, что «в половине минувшего декабря к прорвавшимся в Карсскую область турецким войскам присоединилось некоторое количество местного мусульманского населения, а большая часть его выразила им сочувствие в виде материальной поддержки, причем жители некоторых курдских селений задерживали и грабили христиан. Христианское население, со своей стороны, выражало враждебное отношение к местным мусульманам с самого начала войны с Турцией. Такое отношение в прошлом декабре вылилось в открытые нападения на мусульман... в самом Карсе было убито озверевшей христианской толпой несколько мирных мусульман»². Тем не менее объединивший в своих руках действия в тылу ген. А.Я. Ельшин сумел не только удержать фронт, но и усмирить тыл. Отряд ген. П.И. Огановского занял крепость Баязет. Русские войска выдвигались на неприятельскую территорию на всех направлениях, но распыление сил играло против русских, ибо главные силы противника пока не вступали в дело.

В свою очередь, турки были полны намерений одним ударом разгромить неприятеля и броситься на Кавказ. Во исполнение таких планов непосредственное командование 3-й турецкой армией принял сам военный министр младотурецкого правительства Энвер-паша, который фактически возглавил вооруженные силы Турции при номинальном главнокомандующем султানে Мехмеде V. Начальником штаба у Энвера был германский генерал-лейтенант Ф. Бронсарт фон Шеллендорф. Все турецкие армии и группы также получили германских военных советников, чтобы организацией и руководством попытаться сгладить слабую техническую обеспеченность и плохую подготовку пополнений. Сознывая, что уровень турок, растрепавших часть своего потенциала в войнах с Италией и Балканской коалицией,

¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 6. Л. 15—16.

² ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 27. Л. 12

недостаточно высок, немцы и спешили передать союзнику своих инструкторов. Перебросить на Кавказский фронт собственно германские подразделения немцы не могли. Поэтому передача техники и штабных сотрудников была призвана усилить в организационном отношении высокие качества турецкой пехоты.

В конце ноября Энвер-паша вместе со своим штабом прибыл на Кавказ, фактически отстранив от командования командующего 3-й турецкой армией Гассан-Иззет-пашу. Командарм-3 предлагал сосредоточиться на активной обороне, отбрасывая русских сильными контрударами впредь до подхода пополнений из района Стамбула. Но обуянный надеждами на победу Энвер ждать не желал. Пока Стамбулу еще не было непосредственной угрозы, а на европейском театре турки не требовались, Энвер решил лично возглавить вторжение на русский Кавказ.

К этому времени 3-я армия уже успешно отразила наступление русского Сарыкамышского отряда, оттеснив русских в долину Аракса. Результаты встречного Кеприкейского сражения 23 октября — 11 ноября 1914 г. каждая из сторон объявила своей победой. При этом турки сумели удержаться на своих позициях, а русские нанесли туркам потери, вдвое превосходящие собственные (6 тыс. против 12 тыс.)¹. Однако по окончании боев русские допустили ошибку в расположении войск, которой и воспользовался противник. Усиливая центр, на поддержку группы Берхмана шли подкрепления, а фланги, напротив, оголялись. В этих условиях Энвер-паша задумал одним ударом разгромить главные силы русских и броситься к Карсу, а в перспективе — и далее, в Грузию и Дагестан.

Согласно плану, разработанному штабом нового командующего турецкими вооруженными силами на Кавказе, 11-й армейский корпус и кавалерия сковывают русский Сарыкамышский отряд по фронту, а тем временем 9-й и 10-й армейские корпуса обходят главную группировку русских с правого фланга. Затем главная группировка должна была неожиданным ударом занять находящийся в тылу у Берхмана город-станцию Сарыкамыш. Таким образом, русская группировка отрезалась от своих тылов и попадала в окружение. Железная дорога, ведущая от Сарыкамыша к Тифлису при таком повороте дел, следова-

---

¹ Подробнее см.: *Мартиросян Д.Г.* Кеприкейское встречное сражение (23 октября — 11 ноября 1914 г.) // Военно-исторический журнал. 2012. № 11. С. 9—14.

тельно, попадала в руки турок, что чрезвычайно должно было облегчить для них ведение дальнейших операций. Уничтожение окруженного русского отряда немедленно передавало общее превосходство в руки турецкой стороны, делая это превосходство решающим.

Для вящей надежности плана окружения и создания «клешей» 9-й турецкий корпус должен был выходить непосредственно на Сарыкамыш, а 10-й корпус — немного севернее. Тем самым обходящее турецкое крыло отрывалось от сковывающей группировки на 50 км, что в горных условиях означало совершенную разобщенность действий. Опасность возможного разгрома 3-й армии по частям предусматривалось исключить темпами развития операции: прежде чем ген. Г.Э. Берхман мог начать отступление либо приступить к разгрому 11-го турецкого корпуса, он уже оказывался обойденным и локализованным относительно всех прочих русских отрядов. После окружения надлежало прижать противника к реке Аракс и уничтожить. А затем — прямой путь на крепость Карс и далее, в глубь русского Кавказа.

Город и станция Сарыкамыш — это центральный пункт русской обороны на государственной границе с Турцией, куда сходятся главнейшие пути, а из Карса были доведены стратегическое шоссе и железная дорога. Высота долины — 2180 м над уровнем моря. Местное население к юго-западу — черкесы, поддерживавшие турок. Единственный путь к отступлению для выдвинутой вперед от Сарыкамыша группировки, в случае невозможности отхода по шоссе и железной дороге, — патрульная тропа через реку Аракс, доступная только для местных арб, и горные перевалы Башикей — Каракурт — Кагызман. Таким образом, очевидно, что в случае захвата противником Сарыкамыша еще до того, как русская группировка генерала Берхмана успеет отойти к городу, всем прочим — артиллерией, лошадьми, обозами — приходилось неминуемо жертвовать даже без особого давления со стороны неприятеля. Иными словами, даже при успехе отступления русские теряли все воинское имущество и технику, кроме собственно людей. Однако Энвер-паша вовсе не собирался предоставлять русским возможности уйти по этой тропе: турецкое командование вынашивало план полного уничтожения русских главных сил на Кавказе. Приостановки операции в случае сопротивления русских в Сарыкамыше не предусматривалось — возможное сопротивление предлагалось сломать одним натиском.

Составив планирование и сосредоточив войска, 9 декабря турки перешли в наступление, начав Сарыкамышскую операцию и широко-

масштабные боевые действия на Кавказском фронте. Интересно, что буквально за несколько дней до начала Сарыкамышской операции войска Кавказского фронта посетил император Николай II. Царь со своей свитой на автомобилях даже проехал от станции Сарыкамыш до Меджинкерта, где награждал отличившихся в боях чинов армии (1200 чел.). Продвижение императорского кортежа было засечено турецкими наблюдателями, так как неприятельская разведка уже выдвигалась вперед. Впоследствии турки удивлялись, что не совершили нападения на русского императора, так как не предполагали, что царский кортеж может быть столь скромным. Сам царь отметил в дневнике: «Самое сильное впечатление своим боевым видом произвели пластуны. Совсем старые рисунки Кавказской войны Хоршелъта»¹.

Одним ударом 10-й турецкий армейский корпус смял слабую русскую Ольтинскую группу, открыв тем самым маршрут в обход Сарыкамыша. Принцип образования ударной группы и рассредоточения сил был выполнен четко. Если на сарыкамышском направлении, против отряда Берхмана, турки оставили около 30 батальонов против 53 у русских, то на ольтинском направлении, где двигалась главная группировка, турки имели 57 батальонов против 9 русских. Точно так же было до крайности ослаблено и чорохское направление: 9 батальонов против 17. Общая численность турецких войск — до 150 тыс. чел., из которых большая часть приняла непосредственное участие в операции.

К сожалению, на проведении Сарыкамышской операции тяжело сказалась халатность в отношении разведки, проявленная русскими штабами. Именно поэтому перешедшим в наступление туркам удалось создать тот кризис на Кавказском фронте, что едва-едва не привел в потере русскими части российского Закавказья и разгрому главной группировки, которой командовал генерал Берхман. Суть вопроса заключается в том, что русские своевременно получили информацию о турецком наступлении на Сарыкамыш. Еще 7 декабря кавалеристами 1-й Кавказской казачьей дивизии Н.Н. Баратова был взят в плен офицер турецкой армии — курд. Пленный и сообщил о прибытии в расположение 3-й турецкой армии Энвера-паши и готовящемся наступлении на ольтинском направлении. Этот пленный был отправлен в штаб Г.Э. Берхмана, но по пути конвойные казаки, не желавшие сопровождать пленного, зарубили курда. Штаб дивизии

---

¹ Дневник Николая II (1913—1918). М., 2007. С. 193.

не считал необходимым продублировать важнейшее сообщение или запросить штаб Сарыкамышского отряда о получении информации, а в штабе Берхмана отнеслись к отрывочным сведениям, рассказанным казаками, с прохладцей, и так ничего и не узнали до момента выхода турок к предместьям Сарыкамыша¹.

Тем не менее наступление противника вообще требовало контрдействий. Уже 11-го числа в группу Берхмана из Тифлиса прибыл временный командующий Кавказской армией А.З. Мышлаевский, на плечи которого теперь легла вся тяжесть командования. Верно оценив обстановку и разгадав план противника, Мышлаевский приказал немедленно отступать к Карсу, чтобы занять там жесткую оборону. Берхман, получивший распоряжение об отходе северо-восточнее Сарыкамыша, поддержал своего начальника, и в тот же день начал отход из долины Аракса на север. Таким образом, замыслом растерявшегося русского командования Сарыкамыш сдавался фактически без боя, а противник получал в свое распоряжение железнодорожную ветку, которая могла послужить огромным подспорьем в развитии дальнейших операций.

Главное же — враг вступал в русское Закавказье. Но и без того отступавшие войска должны были вынести на своей шкуре все те прелести, что дает отход. Что означало это решение в реальных условиях снежной зимы, засыпавшей перевалы? Повальное отступление предполагало, что все обозы, техника, склады будут брошены, и отход неизбежно превратится в катастрофу. Стремительность действий турецких корпусов и запоздалая реакция на неприятельский маневр со стороны русских командиров означали, что турки успеют перерезать коммуникации Кавказской армии, и той придется отступать через перевалы. Сколько людей смогло бы уйти от преследования, не имея ни продовольствия, ни фуража, ни топлива?

Следуя установкам своих коллег из ГУГШ, А.З. Мышлаевский чересчур принципиально воспринял идею ведения оборонительных действий, а потому даже не решился на должный отпор врагу, который сумел принять нетривиальное решение. А таким решением могло быть только жесткое сопротивление у Сарыкамыша, чтобы сохранить в своих руках главную артерию, питающую окружаемые войска Г.Э. Берхмана. Удерживать Сарыкамыш требовалось, по меньшей мере, до того момента, как через него пройдут последние арьергар-

---

¹ См.: Война и революция. 1927. № 3. С. 159.

ды главной группировки. От этого высший командир и отказался. Но не все думали так, как генерал Мышлаевский. Начальник штаба Кавказской армии ген. Н.Н. Юденич, вступивший в командование 2-м Туркестанским корпусом, твердо высказался против идеи командования и решил защищать Сарыкамыш.

Номинальный командир корпуса ген. Л.В. Леш вступил в войну начальником 12-го армейского корпуса, действовавшего против австрийцев в составе 8-й армии Юго-Западного фронта. Начальник штаба корпуса находился в длительной служебной командировке, а потому весь штаб составляли два капитана Генерального штаба. В этот-то штаб, уже в условиях отступления, поздно вечером 11 декабря и прибыл Юденич. Именно генерал Юденич настоял на отмене решения об общем отходе, когда его корпус отходил перед противником к городу, и 13 декабря группа Берхмана прекратила отступление на государственной границе. Отход был запрещен еще и потому, что «именно к вечеру 11 (24) декабря командованию Кавказской армии стало ясно, что противник проводит многоэтапную операцию по окружению и разгрому ее главнейших сил, важнейший элемент которой — захват Сарыкамыша»¹. Отход от станции означал этот самый разгром. Таким образом, альтернативы не было — либо вырвать победу, либо подставить себя под поражение разгромного характера.

Заслуга командования в том, что замысел противника был разгадан, а заслуга Юденича — что он немедленно, не колеблясь и не разменивая время на бесплодные совещания начальников, остановил отход. Посланный Юденичем в штаб 1-го Кавказского корпуса начальник разведывательного отделения Кавказской армии подполковник Д.П. Драценко сумел переломить настроения в пользу продолжения сопротивления на удерживаемых рубежах.

Наседавшие на группу Берхмана турки (11-й армейский корпус) были остановлены и отброшены, что позволило выделить часть сил для подкрепления гарнизона Сарыкамыша. Юденич справедливо рассудил, что решение об отступлении предполагает неизбежный крах. А при условии яростного сопротивления вполне можно вырвать победу. После войны уже генерал Драценко так характеризовал своего бывшего начальника: «Он всегда и все спокойно выслушивал, хотя бы то было противно намеченной им программе. Никогда генерал

---

¹ *Мартиросян Д.Г.* Когда началась и завершилась Сарыкамышская операция? // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 48.

Юденич не вмешивался в работу подчиненных начальников, никогда не критиковал их приказы, доклады, но скупно бросаемые им слова были обдуманно, полны смысла и являлись программой для тех, кто их слушал»¹. Потому и штаб Юденича был организован наиболее эффективным образом, состоя лишь из нескольких офицеров, но каждый из которых четко знал свои обязанности: «Этот стиль руководства, традиционный для Кавказской армии, был одной из важных составных успехов Юденича»².

Усугублению кризиса в сложившейся боевой обстановке способствовало то обстоятельство, что в решениях и действиях высшего командного состава Кавказской армии господствовал разнобой. Так, Мышлаевский приказал отступать; Берхман действовал с подачи Мышлаевского; и только Юденич, поддержанный ген. М.А. Пржевальским, был твердо уверен в своем намерении продолжать оборону с целью вырвать инициативу из рук противника и нанести ему поражение. Хаос в русском управлении позволил противнику создать почти катастрофическую обстановку у Сарыкамыша и нарушил деятельность тыловых служб. Больше недели Кавказская армия не имела единого командующего, так как Мышлаевский предложил Юденичу взять на себя командование и ответственность лишь на словах. Только 17 декабря, уже после спешного отъезда растерявшегося и потерявшего силу духа А.З. Мышлаевского, Ставка приказала генералу Юденичу вступить в командование Кавказской армией, предписывая «локализовать прорыв и восстановить положение». Исследователь пишет: «Боевой кризис разрешался Н.Н. Юденичем крайне болезненно и медленно. Кроме причин объективного характера, немаловажную роль сыграл и тот факт, что генерал не имел всей необходимой полноты власти де-юре»³.

Тем временем турецкий 10-й армейский корпус, сбив 10 декабря русский Ольгинский отряд с занимаемых позиций, увлекся его преследованием по направлению на Ардаган, к северо-востоку от Ольт, хотя следовало двигаться строго на восток к Сарыкамышу. Здесь

---

¹ Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич (К 50-летию юбилею). Париж. 1931. С. 56.

² *Айранетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914—1917): 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 7.

³ *Медвецкий А.Ф.* Н. Н. Юденич — военачальник русской армии. Учебное пособие. Самара. 2003. С. 37.

противник взял в плен около 800 чел., однако турки потеряли целых два дня, прежде чем их вернули в исходное положение для наступления на Сарыкамыш. Кроме того, в результате фатальной ошибки 31-я и 32-я турецкие дивизии, составлявшие 10-й армейский корпус, в течение нескольких часов сражались друг с другом в густом тумане: общие потери составили до 2 тыс. чел. Сильные морозы не позволили передохнуть и привести себя в порядок. А об одежде, топливе и продовольствии Энвер-паша заблаговременно не позаботился. В результате к моменту выхода в район Сарыкамыша 10-й турецкий корпус потерял 80 % своего состава только обмороженными и замерзшими.

Гарнизон Сарыкамыша состоял из 588-й и 597-й ополченских дружин и двух запасных батальонов. Ядром обороны стал батальон 18-го Туркестанского стрелкового полка, который отбил первые турецкие атаки, вынудив врага ждать подхода подкреплений и тем самым терять драгоценное время. Командир этого батальона — подполковник Кобенин — был убит. Начальник гарнизона генерал Воропанов растерялся и выпустил из рук организацию обороны. Казалось, что Энвер добился реализации своего плана. Но это только на первый взгляд — ибо находившиеся в Сарыкамыше командиры уже знали, что в город выехал начальник штаба Кавказской армии, и что он приказал удерживаться любой ценой.

Между тем в Сарыкамыш стали прибывать брошенные сюда Н.Н. Юденичем из глубины подкрепления. Конечно, эти соединения представляли собой «сборную солянку» самых разных частей: «Стремясь укрепить Сарыкамыш, не снимая при этом с фронта боевые части, Юденич решил спешно направить туда также и кадры для предстоявшего развертывания 2-батальонных полков 2-го корпуса в 3-батальонные. Эти части тоже составили ядро обороны Сарыкамыша от турецкого нападения»¹. Как бы то ни было, однако войска горели желанием сразиться с врагом и отразить его от города. Все понимали, что с падением Сарыкамыша группа Г.Э. Берхмана будет отрезана от своих, что грозило ее полным уничтожением. Соответственно, из группировки Берхмана в Сарыкамыш также стали подходить войска.

В течение короткого времени из Карса и от войск генерала Берхмана на станцию Сарыкамыш прибыли:

---

¹ Карпов Н.Д. Мятеж главкома Сорокина: правда и вымыслы. М., 2006. С. 70.

- 5 батальонов (из 6) 1-й Кубанской пластунской бригады И.Е. Гулыги,
- 80-й пехотный Кабардинский генерал-фельдмаршала князя Барятинского полк (20-я пехотная дивизия),
- 154-й Дербентский пехотный полк (39-я пехотная дивизия),
- 15-й Туркестанский стрелковый полк (4-я Туркестанская стрелковая бригада),
- 1-й Запорожский казачий полк,
- Терская казачья батарея,
- Кавказский мортирный дивизион.

Недостаток офицеров был восполнен двумя сотнями прапорщиков Тифлисской школы, направленных в распоряжение генерала Берхмана.

На первом этапе операции командование Сарыкамышским отрядом принял полковник Генерального штаба Н.А. Букретов, получивший перед этим назначение на должность начальника штаба 2-й Кубанской пластунской бригады. Он не успел вовремя оказаться в своей части и теперь как нельзя кстати задержался в Сарыкамыше. Начальниками импровизированных отрядов, создававшихся из всех людей, могущих держать в руках оружие, стали молодые капитаны Генерального штаба Караулов, Штейфон, Кочержевский, задолго до войны готовившиеся к ней. Ядром обороны, как показано выше, стали части формировавшейся в тылу 3-й Кавказской стрелковой бригады и кадры 2-го Туркестанского корпуса. К вечеру 15 декабря гарнизон насчитывал уже более 22 батальонов, 8 сотен, 78 пулеметов и 34 орудия.

Но до 15-го числа было еще далеко. Критическим днем штурма Сарыкамыша стало 13 декабря, когда более 20 тыс. турок 9-го армейского корпуса под непосредственным командованием самого Энвер-паши навалились на русский сводный отряд из 8 батальонов, в числе коих $\frac{3}{4}$ были малоподготовленными. Турецкая 29-я пехотная дивизия с ходу бросилась на штурм. Сарыкамыш спасло только то, что неприятель не успел подвезти свою артиллерию. Четыре русских конных казачьих орудия при поддержке двух полевых трехдюймовок, бивших в упор по наступающим турецким отрядам, остановили врага и вынудили Энвера отложить развитие штурма до сосредоточения всего 9-го корпуса и прибытия подразделений 10-го корпуса.

Дело в том, что турки не ожидали встретить в Сарыкамыше русскую артиллерию, рассчитывая поэтому на превосходство в числен-

ности пехоты. Турецкая артиллерия не успевала за авангардами, что вынуждало Энвера сделать ставку на штыковой удар. Но совершенно случайно в распоряжении распоряжавшегося здесь полковника Букретова оказались два орудия, возвращавшиеся из ремонта в свои батареи, находившиеся на фронте. А после подхода казаков русские получили еще и конную батарею. В итоге турки растерялись и, боясь попасть в ловушку, вели наступление нерешительно, вследствие чего Н.А. Букретов выиграл почти целые сутки.

За ночь замерзло более 10 тыс. турецких солдат и офицеров, а в подходивших частях порой не хватало 9 солдат из 10, оставших по дороге. В свою очередь, к русским постоянно подходили подкрепления, располагавшиеся не в полевых палатках на морозе, а в сравнительно теплых помещениях города и станции. 14 декабря, когда к Сарыкамышу наконец-то вышел турецкий 10-й армейский корпус, части 9-го корпуса оказались уже небоеспособными. Спасти турок от гибели в горах на морозе могло только немедленное занятие города. Штурм, сопровождавшийся огромными потерями, шел весь день, и к вечеру турки ворвались в Сарыкамыш, заняв железнодорожный вокзал. Однако практически сразу же подошедшие русские резервы отчаянной контратакой выбили врага из города. Турки зацепились лишь за окраины. Штыковая резня в горевшем городе продолжалась всю ночь.

В этот момент Мышлаевский выехал в Тифлис, всюду сея панику, считая группу Берхмана окруженной, 2-й Туркестанский корпус уничтоженным, а войска генерала П.И. Огановского на грани уничтожения. По приказу генерала Мышлаевского, Азербайджанский отряд ген. Ф.Г. Чернозубова очистил уже занятые персидские Тавриз, Урмию и Дильман без малейшего давления со стороны противника. Впоследствии эти пункты пришлось занимать повторно, но уже с боями. К сожалению, Чернозубов не смог осмелиться нарушить приказ командующего, даже понимая его нецелесообразность (Огановский же отказался отступить).

Понятно, что подобные настроения фактического начальника Кавказской армии, согласно которым почти вся армия уже должна была быть уничтожена близ Сарыкамыша, не могли способствовать успокоению тыла. Мало того, что был дезорганизован тыл армии, паника охватила Тифлис. Определенные ответственные лица даже говорили о подготовке эвакуации, которая фактически уже началась, однако Воронцов-Дашков распорядился выждать исхода сражения под

Сарыкамышем. 15 декабря 1914 г. ген. Г.Э. Берхман, выполняя волю командующего, приказал всем войскам отступать на Сарыкамыш и далее к Карсу. Однако принявший командование обороной города и Сводным корпусом (из всех частей, находившихся в Сарыкамыше) старый кавказец ген. М.А. Пржевальский (командир 1-й пластунской бригады), опираясь на мнение такого же старого ветерана Кавказа ген. Н.Н. Юденича, отказался выполнить приказ. Самовольство низших командиров спасло Кавказскую армию от поражения.

На следующий день, получив подкрепления от Берхмана, Пржевальский перешел в контрнаступление. Все это время Юденич занимался тем, что направлял в город новые и новые резервы. Ожесточенные бои вновь шли весь день. И вновь к вечеру турки невероятными усилиями смогли войти в город и перехватить пути на Карс. И вновь в ходе ночной мясорубки противник был выбит из Сарыкамыша 39-й пехотной дивизией ген. В.В. Де-Витта, и на этот раз окончательно. Пока Пржевальский оборонял станцию и город, небольшая колонна под командованием все того же Букретова приступила к обходному маневру турецкого правого фланга на Бардусском перевале. 18-го числа неприятель начал общий отход. В этот же день в Сарыкамыш прибыл Г.Э. Берхман, взявший на себя общее руководство операцией. Также в этот же день была восстановлена связь с Тифлисом, где узнали о победе, масштаб которой было трудно переоценить — ведь в тылу большинство было уверено в неизбежности поражения и уничтожения большей части сил Кавказской армии под Сарыкамышем.

Энвер-паша, видя полную небоеспособность своих частей, потерявших надежду на выживание — новый переход через горы в мороз и метель могли вынести немногие, — уехал в 11-й армейский корпус, фактически бросив остатки 9-го и 10-го корпусов на произвол судьбы. Примечательно, что Энвер едва-едва не попал в плен: 29 декабря конвой Энвер-паши столкнулся с казачьим разъездом, Бронсарт фон Шеллендорф был ранен, и лишь гибель начальника русского отряда вынудила казаков отойти. Уже осознав масштабы грозившей катастрофы, Энвер-паша попытался еще раз переломить исход операции: по его приказу и под его началом войска 11-го армейского корпуса атаковали русские позиции, занятые группой Берхмана. Атаки возобновлялись до тех пор, пока было кому атаковать: после этого русские перешли в контрнаступление, опрокидывая деморализованного разгромом неприятеля.

Остатки турецкого 9-го армейского корпуса сложили оружие на полпути от Сарыкамыша до Бардиза; в плен угодило все корпусное командование. Одна из рот 154-го пехотного Дербентского полка захватила штаб турецкого 9-го корпуса (в том числе и командира корпуса Исхан-пашу), а также штабы трех дивизий вместе с их командирами¹. Но 10-й турецкий корпус, используя утомление русских частей и ошибки русского командования, сумел уйти, потеряв массу людей замерзшими, а также всю технику.

Группировка генерала Берхмана также перешла в наступление, тесня 11-й турецкий корпус и прикрывавшую общий отход конницу противника. Судьба сражения решилась обходным маневром: 16-го числа из района западнее Яйла — Бардус выступил 18-й Туркестанский стрелковый полк. За пять дней в горах, сквозь мороз и снег, полк пробился в тыл 11-му турецкому корпусу, чем вынудил турок бросить свои позиции и отступить по направлению к эрзерумской долине. По окончании операции турецкий комкор-11 был казнен Энвером по обвинению в не проявлении должной энергии при наступлении на русские позиции в лоб. Такого исхода было логично ожидать: погубив два корпуса, главком должен был найти козла отпущения.

21 декабря русские отбили Ардаган, восстановив положение на этом участке. 30 декабря отряд ген. П.П. Калитина вошел в Ольты. Преследование бегущих велось с надлежащей энергией вплоть до 5 января 1915 г. Впрочем, турки и без того предпочитали сдаваться в плен, чтобы не замерзнуть в горах. В этих боях был окончательно добит 10-й турецкий корпус. К 5 января русские войска заняли Кеприкейские позиции противника, перед которыми в октябре был отражен Сарыкамышский отряд. Вдобавок к прочему среди остатков спасшихся турок сразу после окончания Сарыкамышской операции вспыхнула эпидемия тифа. Эпидемия продолжалась всю весну, затрагивая и подходившие в разгромленную 3-ю армию подкрепления. По русским данным, от тифа умерло до 17 тыс. турок. В течение весны противник потерял 40 % офицерского состава и нового командарма-3 Д. Хафиз Хаккы-пашу². Хафиз Хаккы-паша — единственный турецкий комкор

---

¹ Развитие тактики русской армии XVIII — начало XX в. М., 1957. С. 288.

² *Лудивуейт Е. Ф.* Турция в годы Первой мировой войны 1914—1918 гг. М., 1966. С. 67.

периода Сарыкамьшской операции, уцелевший в период операции. Логично, что именно он занял пост командарма. Добившись восстановления кадров 3-й армии — около 35 тыс. штыков и сабель — командарм стал жертвой свирепствовавшего в турецких войсках тифа.

Сражение под Сарыкамьшем успокоило Закавказье: 5 февраля 1915 г. бакинский губернатор доносил, что турецкое наступление вызвало приподнятое настроение у мусульман Азербайджана, но победа Кавказской армии успокоила умы. Успокоению мусульман способствовало и «разрешение оказывать, наравне с армянами, помощь голодающему населению Карской области и проявленная забота об улучшении перевозки пленных турок, бедственное положение коих привлекало к себе внимание мусульман»¹.

25-го числа ген. Н.Н. Юденич возглавил войска Кавказской армии, став их фактическим руководителем (при номинальном главкомандовании наместников — графа И.И. Воронцова-Дашкова, а с августа 1915 г. — великого князя Николая Николаевича) вплоть до своего отстранения 31 мая 1917 г. политиками Временного правительства, предпринявших чистку армии в надежде укрепить собственную власть. За день до того Н.Н. Юденич был произведен в генералы от инфантерии. Мышлаевский был отправлен в отставку, а затем — переведен в распоряжение военного министра, что, как правило, предпринималось в отношении бесталанных военачальников, но толковых военных администраторов.

Своеобразие руководства на Кавказе позволило генералу Юденичу вести борьбу по собственному усмотрению. наместники не вмешивались в непосредственное руководство войсками, а потому ген. Н.Н. Юденич в отношении командования обрел ту самую «полную мочь» полководца, которой в свое время решительно требовал А.В. Суворов. В свою очередь, Ставка оказывала минимум организационного влияния на Кавказский фронт и совершенно нулевое — в отношении командования. Между занятой на западном фронте Ставкой и Н.Н. Юденичем стояла промежуточная структура — наместник на Кавказе, — возглавлявшаяся авторитетнейшими лицами, которые не позволяли Ставке руководить Юденичем напрямую. В результате, как руководство действующей армией на Восточном фронте с лета 1915 г. почти всецело находилось в руках ген. М.В. Алексева, так на Кавказе руководство Кавказской армией с января 1915 г. почти всецело

¹ ГАРФ. Ф. 102. 4-е делопроизводство. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 5. Л. 1—2.

находилось в руках ген. Н.Н. Юденича: «Сарыкамышская операция сразу же показала командованию выдающийся полководческий талант Юденича, а также прекрасное знание им ТВД и понимание особенностей войны на Кавказе»¹.

Победа под Сарыкамышем, воля к победе, авторитет полководца — все это отдало Кавказскую армию Н.Н. Юденичу. Справедливо, что в первой же операции «явственно обнаружилась одна из главных черт его [Н.Н. Юденича] полководческого дарования — способность идти на разумный риск, принимать смелые решения, основанные на знании обстановки»². Это качество будет отличать Юденича от большинства его коллег — русских военачальников Первой мировой войны. Если же брать верхушку генералитета — командующих фронтами, то, наверное, подобный стиль полководца, помимо Юденича, был еще лишь у Брусилова.

По итогам Сарыкамышской операции генералы Юденич и Пржевальский были награждены орденами Св. Георгия 4-й степени. А генерал Берхман — только орденом Св. Александра Невского с мечами. Считая себя несправедливо обойденным, Берхман развернул бурную кампанию о своем награждении Георгиевским крестом, направляя жалобы заместителю на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову и великому князю Николаю Николаевичу. Берхман настаивал, что операция от начала до конца велась под его непосредственным руководством, а заместитель считал, что он выпустил управление из рук, вследствие чего войсками командовали Юденич и Пржевальский. В Ставке Берхман не был принят Верховным главнокомандующим, а затем — вплоть до осени 1916 г. был переведен «в распоряжение главнокомандующего Кавказской армией». Орден Св. Георгия 4-й степени генерал Берхман получил только в июле 1916 г. из рук императора Николая II, именно с формулировкой за руководство в Сарыкамышской операции³.

Авантюризм турецких военачальников и, прежде всего, лично Энвер-паши и его германских советников, привел к факту глобального поражения 3-й турецкой армии. Турецкая армия получила задачу,

---

¹ *Затесский К.А.* Полководческое искусство генерала Н. Н. Юденича // Великая война 1914—1917 гг.: возвращение памяти. М., 2015. С. 246.

² *Базанов С.Н.* «Смелость, какая присуща только большим полководцам» // Военно-исторический журнал. 2012. № 7. С. 50.

³ См.: Сарыкамышская операция 12—24 декабря 1914 года (некоторые документы). Париж, 1934.

которая не соответствовала ее состоянию и возможностям. В итоге 3-я турецкая армия была фактически полностью уничтожена. Общие потери турок составили до 90 тыс. чел., в том числе 30 тыс. замерзших. Пленных было мало. Как доносил в штаб Кавказской армии сам Юденич, «наши войска были ожесточены упорством турок, почему пленных турок не так много». Трофеями русских стали более 60 орудий. На Кеприкейские позиции отступила лишь деморализованная кучка турецких солдат и офицеров, насчитывавшая 12,4 тыс. чел. Русские потеряли в Сарыкамышской операции 26 тыс. чел., в том числе свыше 6 тыс. обмороженных.

Главное же — в Сарыкамышской операции турки потеряли кадры своей 3-й армии, необходимые для восстановления дивизий и корпусов. Теперь приходилось восстанавливать соединения почти с нуля. Это позволило русскому командованию отправить с Кавказа на европейский театр войны более 30 батальонов. Ход операции доказал отвагу и неплохую подготовку кадровой турецкой армии, едва-едва не вырвавшей у русских победу даже после безумного зимнего марша через горы. Но в ходе развернувшегося сражения воля турецких солдат и офицеров была сломлена. Голод и холод сыграли свою негативную роль в значении морального фактора в турецких войсках. Пока перед турецкими солдатами брезжила надежда на взятие Сарыкамыша, они дрались смело и отчаянно. Но как только стало ясно, что города им не взять, моральный стержень сломался, и оперативная затея Энвер-паши немедленно рухнула.

АЛАШКЕРТСКАЯ ОБОРОНИТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Победа под Сарыкамышем означала, что задачи, поставленные Верховным командованием перед Кавказской армией, выполнены и даже перевыполнены:

- русский Кавказ не только не был захвачен противником,
- но, напротив, турки потерпели сокрушительное поражение,
- русские войска стояли на чужой территории,
- разгром 3-й турецкой армии означал, что возобновление широкомасштабных действий на Кавказе произойдет лишь спустя несколько месяцев. Это последнее верно хотя бы уже потому, что неразвитость дорожной инфраструктуры турецкой Анатолии (отсутствие железных дорог) вынуждало неприятеля перебрасывать резервы, боеприпасы,

продовольствие и т.п. гужем. Следовательно, возобновление военных действий было возможно лишь через какой-то достаточно длительный перерыв времени.

В начале 1915 г. русские получили в свои руки не только инициативу действий, но и возможность действовать при незначительном сопротивлении противника. Исходя из этого, русские войска вновь заняли Северную Персию (очищенную было по приказу ген. А.З. Мышлаевского в период сарыкамышского кризиса), а также подавили восстания ряда мусульманских народностей в своих ближайших тылах. Подавляющая часть мусульманского населения Российской империи осталась лояльной «Белому» монарху, многие из них вступили добровольцами в русскую армию, однако Карсская область и Чорохский край были присоединены к России лишь в 1878 г., а потому безусловно рассчитывать на лояльность тамошних племен было бы неверным.

Для усиления маневренности армии в феврале 1915 г. был образован новый корпус, и теперь Кавказская армия имела в своих рядах такие армейские корпуса, как 1-й Кавказский (П.П. Калитин), 4-й Кавказский (П.И. Огановский), 2-й Туркестанский (М.А. Пржевальский). В марте к ним добавился еще 5-й Кавказский (Н.М. Истомина) — вскоре переброшенный на Восточный фронт. Ряд казачьих дивизий, а также Кавказская кавалерийская дивизия Г.Р. Шарпантье составляли конницу Кавказской армии. Три корпусных единицы позволяли русскому командованию думать о вторжении в неприятельские пределы. Эти планы были сведены на нет только кризисом вооружения 1915 г. Отныне на главнейших направлениях — ольгинском, сарыкамышском и эриванском — стали действовать армейские корпуса¹. Тем самым комкоры получили инициативу действий. А сочетание родов войск в корпусном звене позволяло, впредь до прибытия подкреплений, успешно противостоять возможному неприятельскому наступлению на любом из направлений.

Зимой — весной 1915 г. на Кавказе проходили перегруппировки войск на Черноморское побережье, в Севастополь и Одессу, так как в Ставке предполагали осуществить совместные действия с союзниками по захвату Проливов. Именно туда и убыл 5-й Кавказский корпус ген. Н.М. Истомина. Англо-французы уже начали Дарданелльскую операцию, и русские собирались присоединиться к ним. Готовились соответствующие войска и на Кавказе, тем более, что противник

¹ Корсун Н. Алашкертская и Хамаданская операции. М., 1940. С. 182.

вплоть до лета не мог оправиться от поражения в Сарыкамьшской операции и пополнить 3-ю армию до необходимой численности.

Горлицкий прорыв 19 апреля на Юго-Западном фронте и начавшееся отступление русских армий из Галиции означали, что подкреплений для Кавказа не будет. И точно так же не будет и боеприпасов и техники (впрочем, львиная доля турецких боеприпасов шла в Дарданеллы, так что в отношении снабжения Кавказского театра военных действий противники оказались в примерно равном отношении). Теперь русское Верховное главнокомандование отлично понимало, что летом 1915 г. Кавказская армия сможет вести лишь стратегическую оборону — для наступления боеприпасов не было. Поэтому в качестве конечной задачи на Кавказе было поставлено удержать Баку, железную дорогу Тифлис — Ростов и Военно-Грузинскую дорогу Тифлис — Владикавказ. Иными словами — условно говоря, «задача-минимум». Таким образом, в Ставке были готовы к тому, что противник сможет войти на русскую территорию и занять существенную часть русского Кавказа.

Однако на Кавказе служили совсем не те люди, что летом пятились перед австро-германцами на Восточном фронте. Правда, и враг здесь был не тот: не было немцев с их техническим превосходством. Н.Н. Юденич принял совершенно правильное решение перенести военные действия на неприятельскую территорию, обезопасив собственные тылы и коммуникации активной обороной, нежели пассивным сопротивлением на линии государственной границы. Таким образом, командование русской Кавказской армии поставило перед войсками задачу прочно удержать в своих руках инициативу действий, пользуясь, прежде всего, тем обстоятельством, что 3-я турецкая армия не могла быть пополнена в короткие сроки, а следовательно, очередного неприятельского наступления нельзя было ожидать ранее середины года.

В 20-х числах апреля левый фланг Кавказской армии предпринял частное, но по местным меркам довольно масштабное наступление, чтобы восполнить недостаток численности всей русской группировки на Кавказе перехватом инициативы действий. Образованный в Карсе общеармейский резерв также был передан генералу Огановскому. 4-й Кавказский армейский корпус (29 батальонов), наступавший 4 колоннами (Эриванский, Баязетский, Макинский и Азербайджанский отряды), к 7 мая продвинулся на 100 км в глубь неприятельской территории. Оттесняя противника на юг и юго-запад, русские

преследовали несколько политических целей, помимо собственно военных задач. Во-первых, турки отбрасывались от Ирана, что позволяло союзникам по Антанте сохранять здесь контроль. Во-вторых, освобождались районы с армянским населением, которому угрожал геноцид со стороны турецких властей. Испытывая недостаток пехоты, П.И. Огановский широко использовал конницу. Казачьи части обширным веером растекались по неприятельской территории. Кавалерийский отряд Шарпантье на несколько сотен верст углубился в турецкий Азербайджан и занял город Ван. Помимо прочего, одной из целей наступления ставилось занятие выгодного охватывающего положения по отношению к Эрзерумскому укрепленному району, операцию против которого предполагалось провести, как только позволит обстановка и пополнение армии людьми и боеприпасами.

Надо заметить, что на действия войск Кавказской армии в 1915 г. существенное влияние оказывал и армянский политический фактор. Уже с конца 1914 г. младотурецкое правительство приступило к применению политики геноцида по отношению к армянскому населению Кавказа: в семи вилайетах Турции с преимущественно армянским населением проживало 1 651 000 армян (в России проживало почти 2 млн армянского населения). Первый в XX столетии геноцид, проводимый, что характерно, азиатами (турками) против европейцев (армян), проводился не только с ведома и благословения немцев, но и под их прямым покровительством, а в отдельных случаях и руководством. Нельзя сбрасывать со счетов и религиозный фактор — если вспоминать о приоритете применения геноцида той или иной конфессией. Иными словами, немецкая военщина сумела «обкатать» практику геноцида на чужой территории и чужими руками, дабы всего лишь через два с небольшим десятка лет успешно уже самостоятельно проводить абсолютно немыслимую и невообразимую политику геноцида и расовой нетерпимости в Европе.

«Обкаткой» репрессалий в отношении армянского населения (христиан вообще) стала резня в Батумском районе осенью 1914 г., когда здесь вспыхнуло восстание мусульман, о чем упоминалось выше. Использование русскоподданных мусульман для проведения спланированной акции массового уничтожения христиан стало предвестником тех событий 1915—1917 гг., что заслуженно получили наименование геноцида¹. Сотни тысяч людей были уничтожены турецкими войска-

---

¹ *Мартirosян Д.* Трагедия батумских армян. Просто «резня» или предвестник армянского геноцида? // *Родина.* 2010. № 4. С. 68—71.

ми, причем солдаты убивали всех — от мала до велика. В вооруженных силах в 1915—1917 гг. проводились неоднократные «чистки», в ходе которых служившие в войсках армяне (в том числе и офицеры) расстреливались. Миллионы людей, без какого-либо имущества, выселялись в безлюдные местности Малой Азии. По пути следования сотни тысяч из них были убиты или замучены, или просто умерли от тягот пути. Ряд местных чиновников, потрясенных бесчеловечностью политики младотурецкого правительства (геноцида не было ни при одном султани), запрашивали центр о дополнительных инструкциях. Принципы провозглашаемых действий были подтверждены. Так, директива одного из членов триумvirата — Талаат-паша — наместнику Алеппо в сентябре 1915 г. гласила: «Правительство... решило поголовно истребить проживающий в Турции армянский народ. Надо истребить всех — женщин, детей, стариков, надо применить все орудия и средства уничтожения, какими бы жестокими они ни были, не прислушиваясь к голосу совести»¹.

Поэтому в приграничных районах местное армянское население бежало под защиту русских частей, что накладывало свой отпечаток на планы русских командиров, часто вынужденных приходить на помощь армянскому народу путем отказа от своего оперативного планирования. Именно благодаря русским солдатам и офицерам масса армян — 375 тыс. — была спасена от угрозы физического уничтожения турками, которое постигло более миллиона чел.² К сожалению, помочь удавалось не всем и не всегда. Но необходимо помнить, что русская Кавказская армия в 1915—1917 гг. не просто воевала на Кавказе, но и выполняла общегуманитарную миссию.

К лету 1915 г. турецкое командование смогло наконец как следует пополнить 3-ю армию, возглавляемую Махмуд-Киамиль-пашой, и совершить перегруппировку по противодействию успешному наступлению русского 4-го Кавказского корпуса. Характерно, что часть турецких пополнений для Кавказского фронта дали 1-я и 2-я армии, сосредоточенные в районе Проливов, и ведущие боевые действия в Дарданеллах против англо-французского экспедиционного корпуса. Часть сил передавались из 4-й армии, расквартированной в Сирии и действующей против британского Египта. То есть победы русских

---

¹ См.: *Бадалян А.Х.* Турецко-германская экспансия в Закавказье (1914—1918 гг.). Ереван, 1980. С. 27—28.

² Родина. 1993. № 8—9. С. 94—95.

на Кавказе некоторым образом облегчили союзникам ведение военных действий на галлиполийском и средиземноморском театрах.

Теперь, к открытию новой летней кампании, турки вновь насчитывали в своих рядах до 150 тыс. штыков и шашек против примерно такого же числа бойцов у русских. В то же время, Юденич вновь лишился части сил. Ведь 5-й Кавказский корпус убыл на запад, и будет возвращен на Кавказ лишь через год, в мае 1916 г., когда в его рядах уже погибнут все те люди, кто мог стать кадровой силой новых пополнений для Кавказа. В середине 1915 г. основу, костяк Кавказской армии составляли 5 кадровых бригад — 52 батальона. Эти войска исчислялись в 43 % общего состава кавказских частей, не считая ополченских дружин. Остальные 57 % — новые формирования со слабыми кадрами, которые предназначались для отправки на австро-германский фронт. Начало Алашкертской операции приостановило высылку части этих войск.

26 июня турки перешли в наступление на мушском направлении в Алашкертской долине, занятой русскими глубокой осенью 1914 г. Ударной группой командовал Абдул Керим-паша. Противник также испытывал недостаток в вооружении, боеприпасах и резервах: все, что могло высвободиться, шло в Дарданеллы. А потому исход боевых усилий сторон во многом зависел от искусства командования. Через два дня части 4-го Кавказского корпуса предприняли ответное контрнаступление, во встречных боях пыл противников был приостановлен, но 13 июля, потерпев поражение, русские, имевшие здесь всего 22 батальона, начали медленно отступать на государственную границу.

Командующий Кавказской армией (каварм), сознавая, что сломить противника во фронтальных боях, при прогрессировавшем недостатке снарядов, будет тяжело, предпринял перегруппировку. Две кавалерийские дивизии были выдвинуты на фланги втягивающейся в Алашкертскую долину неприятельской группировки. Также сюда передавались и все те стрелковые подразделения, что еще оставались в резерве у командующего. Главная часть русских сил — 20 батальонов и 24 конные сотни — была скрытно сосредоточена у Даяра под командованием Н.Н. Баратова. Чтобы вынудить противника распылить силы, 21-го числа 2-й Туркестанский корпус М.А. Пржевальского стал теснить неприятеля на чорохском направлении, вынуждая противника ослаблять свои силы, перебрасывая их к Батуму.

Опытный турецкий военачальник Абдул Керим-паша приостановил дальнейшее продвижение вперед, чтобы не попасть в западню,

но было уже поздно. Выйдя на неприятельские фланги, русские сами бросились вперед. 23 июля, измотав противника в оборонительных боях, русские перешли в контрнаступление и на юге. Не поддавшись настояниям передать резервы в отступавший 4-й Кавказский корпус, что неизбежно растрепало бы эти резервы, вовлекая их в общий отход, Юденич смог выдержать паузу и подготовить контрудар. Б. Штейфон вспоминал, что «каждый смелый маневр генерала Юденича являлся следствием глубоко продуманной и совершенно точно угаданной обстановки. И главным образом, духовной обстановки. Риск генерала Юденича — это смелость творческой фантазии, та смелость, какая присуща только большим полководцам»¹.

В условиях, когда исход операции решался не техникой, а доблестью войск и умением полководцев, командующий Кавказской армией умело применил на практике принцип сосредоточения сил и средств к месту предстоящего удара. Н.Н. Юденич начал наступление в тот момент, когда противник оголил свои фланги, не имел резервов и выдохся в преследовании отступавших с тяжелыми боями русских. Ударная группировка генерала Баратова, состоявшая из 20 пехотных батальонов и 36 казачьих сотен при 36 орудиях, опрокинула турок на алашкертском направлении и принудила их к отступлению. Историк пишет, что Алашкертская операция «характеризовалась широким маневром, разбросанностью сил (особенно, конницы); сложной организацией тыла сообразно специфическим горным условиям; большими трудностями в управлении отдельными колоннами войск на изолированных горных отсеках. В этой операции генерал Н.Н. Юденич продемонстрировал образец правильного нацеливания ударной группы»².

Первым в Алашкертскую долину ворвался 6-й Кавказский корпус ген. Д.К. Абадиева. Счастье повернулось лицом к русским, сумевшим своевременно и мощно ударить во фланг зарвавшегося врагу. Турки покатались на юг и юго-запад. Преследование прекратилось только к 30 июля, дав недостаточные результаты. Отратительные кавалерийские начальники Шарпантье и Вивкен не сумели организовать его. В итоге из первоначальной численности неприятеля в более

---

¹ Генерал-от-инфантерии Н. Н. Юденич (К 50-летию юбилею). Париж. 1931. С. 77.

² *Медвецкий А.Ф.* Н. Н. Юденич — военачальник русской армии. Учебное пособие. Самара. 2003. С. 42.

100 тыс. штыков и сабель в плен было взято только 5 тыс. Главное же — противник был не только остановлен вне русских пределов, но опять разгромлен. Абдул Керим-паша сумел уйти, чтобы в следующем году занять пост командующего 3-й армией. Как сообщалось внутри страны, «наши войска, искусно маневрируя, завлекли за собою в Алашкертскую долину зарвавшегося противника, а затем, закончив необходимую перегруппировку, 23 июля совершенно неожиданно обрушились на турок как со стороны Ахтинского перевала и Диандинской долины, так и со стороны Даяра, то есть, во фланг и тыл противнику»¹.

В ходе Алашкертской операции окончательно установился тот принцип руководства войсками, что был присущ ген. Н.Н. Юденичу. Лично скромный, прямой и честный человек, как его характеризуют сослуживцы, Юденич постоянно находился в войсках, что позволяло ему держать при себе крошечный штаб из нескольких офицеров, переводчиков и топографа. Как вспоминает один из этих офицеров, «все административные, хозяйственные и иные подразделения штаба Кавказской армии находились в Тифлисе»². Немногочисленность личного штаба означала, что Юденич был твердо уверен в этих людях, которым предоставлялось безграничное доверие и широчайшая инициатива. Данный подход позволил командующему твердо руководить войсками, всегда находясь на наиболее тяжелом участке фронта. Наградой за Алашкертскую операцию — разгром противника в обстановке непрерывного отступления на австро-германском фронте — ген. Н.Н. Юденичу стали ордена Св. Георгия 3-й степени и Белого Орла с мечами.

В результате Алашкертской операции протяженность фронта сократилась более чем на 100 км, что передало в руки командования сильный армейский резерв. Фронт принял охватывающий характер по отношению к турецкому правому флангу, что позволяло создать предпосылки для нового русского наступления. Выигрыш пространства и оттеснение турок в глубь собственной территории обеспечивали Закавказье от возможного вторжения врага: не забудем, что Ставка разрешала отступление, но доблестные войска Кавказской армии не

---

¹ Великая война. 1915 год. Очерк главнейших операций. Пг., 1916. С. 58.

² Штейфон Б. Юденич // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999. С. 133.

только не уступили ни пяди земли, но и еще дальше отбросили противника в глубь Малой Азии. Тем самым были подготовлены победы следующей кампании — в 1916 году.

Осенью 1915 г. сменилось и общее руководство войсками на Кавказе. Новым заместителем стал бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. В действиях Кавказской армии, твердо руководимой Юденичем, он практически не вмешивался, занимаясь делами края. Тем более, что в боях 1915 г. войска были несколько растрепаны и требовалось пополнить их, обучить и вновь перенести действия на территорию противника. Ю.Н. Данилов пишет, что к этому времени «русские войска состояли кроме различных мелких отрядов из I и VI Кавказских и II Туркестанского корпусов. Корпуса были очень слабого состава и состояли преимущественно из второочередных и льготных казачьих частей»¹.

После Алашкертской операции до конца года на Кавказском фронте шли только мелкие стычки, так как стороны копили силы и средства для новой кампании, в которой русские намеревались предпринять самые решительные действия. Благо, что положение дел с производством боеприпасов налаживалось (у турок, напротив, все снаряды отправлялись в Дарданеллы, где союзники предприняли решающий натиск на Галлиполийском полуострове; наличие снарядов и резервов все же позволило туркам сбросить англо-французов в море). А новые массовые призывы внутри Российской империи по окончании Великого отступления 1915 г. в Польше и Галиции позволили решить дело и с людскими пополнениями.

ХАМАДАНСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Не дожидаясь пополнения рядов войск и пользуясь победами союзников на Евфрате, русское командование предприняло операцию по очищению Персии от турецких войск. Дело в том, что борьба за Иран не прекращалась на протяжении всей войны, поэтому русские и действовали там с севера, а англичане — с юга. Потеря Ирана предполагала образование единой базы Центральных держав на Ближнем Востоке, что ставило новые ресурсы на обеспечение потребностей Германии и ее союзников.

---

¹ Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. М., 2006. С. 372.

Прогерманские силы в Иране, пользуясь юностью шаха и шаткостью его власти, действовали активно и интенсивно. В то время как русские и англичане теряли время в бесплодных расчетах, немцы и турки, подкупая нужных лиц, переводили на свою сторону все больше высших чиновников различных рангов. Также на стороне германцев выступали все те племена, что сопротивлялись персидскому владычеству. Составленные из всадников этих племен отряды подчинялись распоряжениям немецких резидентов, не скупившихся на золото и обещания. Дело дошло до того, что большая часть членов правительства и премьер-министр встали на сторону немцев. Миссии союзников по Антанте в Иране подвергались разгрому, имущество — разграблению, а люди скрывались в миссиях нейтральных государств. Разумеется, что все эти выступления, имевшие статус неофициальных, поддерживались персидским правительством, за спиной которого стояли немцы.

От открытого разрыва иранцев удерживала угроза русских и англичан упразднить соглашение от 18 августа 1907 г. и по окончании войны подвергнуть Иран разделу между державами Антанты. Вследствие того, что немцам не удавалось одержать окончательной победы на европейских фронтах, а на Кавказе турки терпели поражение за поражением, руководство Персии заняло выжидательную позицию. Однако любой поворот развития событий на фронтах в пользу Центрального блока угрожал мгновенным переходом Ирана на сторону Германии. Провал Дарданелльской операции всколыхнул было надежды прогермански настроенной части властной элиты, однако как раз в этот момент русские войска вошли в Иран.

Действия русского экспедиционного корпуса ген. Н.Н. Баратова в Персии (Иране) получили наименование Хамаданской операции. Погрузившись на транспортные суда в Баку, 17 октября 1915 г. Баратов высадился в Энзели. Его отряд насчитывал всего 2 батальона, 2 ополченские дружины и 39 сотен (Кавказская кавалерийская и 1-я Кавказская казачья дивизии) при двадцати орудиях. Итого — около 14 тыс. штыков и шашек. Немногочисленность личного состава компенсировалась качеством войск, энергией их командира — героя Алашкертской операции, и стремительным перехватом инициативы действий сразу же после начала наступления. Образование этого отряда стало возможно лишь после создания армейского резерва по окончании Алашкертской операции. Но зато теперь отряд генерала Баратова мог действовать без оглядки на Тифлис — практика руководства войсками

со стороны ген. Н.Н. Юденича, отдававшая полное руководство на местах местным начальникам, приносила свои плоды.

Целью операции ставилось обеспечение дружественной позиции Ирана: на севере страны германские эмиссары при помощи турецких офицеров собирали под свои знамена всякий сброд, чтобы ослабить русское давление в Турции. Деятельность немцев проходила не без успеха. К середине ноября в городах Исфаган и Теббес им удалось собрать до пяти тысяч антирусски настроенных иранцев и около девяти тысяч моджахедов (борцов за веру, поддерживавших турок-мусульман).

Высадка русских войск в Энзели вызвала панику среди прогерманской элиты Ирана. Мало кто мог ожидать, что союзники открыто вмешаются в борьбу за центр Азии. Решительность и стремительность действий русского отряда не позволили противнику организовать надлежащего сопротивления. Экспедиционный корпус Баратова был разделен на две главные группировки. Одна из них (основная), во главе с полковником Фисенко, двигалась прямо на Тегеран. Другая, под командованием полковника Колесникова, наступала на город Кум, служивший центром прогерманских сил. Кроме того, правительство уговаривало шаха бежать именно в Кум. Такой шаг объективно оказывался объявлением войны Антанте со стороны Персии. Движение русских наперерез возможной эвакуации царственной особы послужило поводом для отказа от бегства.

Русские отряды, расходясь в стороны, чтобы захватить сразу всю площадь предстоящих действий, двинулись из Казвина вперед. Баратов принял оригинальную тактику: конница шла впереди, разгоня вражеские шайки, а пехота закреплялась в занятых пунктах, или, в крайнем случае, помогала кавалерии. Такая помощь требовалась в тех случаях, когда германцы успевали подтянуть на труднодоступные участки местности (например, горные перевалы) какое-то количество своих подопечных, снабженных пулеметами или артиллерией. По счастливому стечению обстоятельств, прорусскую позицию заняли солдаты и офицеры Персидской казачьей бригады, созданной русскими инструкторами в Иране еще до войны.

Тактика генерала Баратова имела под собой те основания, что противник не получил достаточного времени для соединения всех своих войск. Превосходство регулярных подразделений над малоорганизованными отрядами отважных всадников кочевых племен Ирана позволило русским одержать успехи абсолютно на всех участках. Горные перевалы преодолевались при поддержке артиллерии, немногочисленные

германские и турецкие инструкторы уничтожались на месте, отряды неприятеля рассеивались, разбегаясь по укромным местам. Выполняя приказ, русские 3 декабря заняли древнюю столицу Персии — Хамадан, — образовав базу для дальнейшего продвижения вглубь Ирана.

Сражения за горные перевалы оказались решающими. Увидев, что остановить русских не удастся, большая часть наспех образованных отрядов, созданных под немецкие знамена лозунгами «защиты ислама», стала разбегаться при первой же возможности. Один город за другим, одна позиция за другой стали сдаваться без боя. Все те чиновники, что еще совсем недавно были готовы поддержать Германию, теперь оказывали внимание гражданам блока Антанты. Образованное под эгидой немцев временное правительство, шведские руководители жандармерии, деятели «Национального комитета защиты ислама» — все это в панике бежало на юг или в труднодоступные места. В довершение всего, когда германский эмиссар граф Кауниц погиб в одной из стычек, это сразу же побудило основную массу восставших просто-напросто разбежаться.

9 декабря русские очистили Кум — центр, где группировались немцы и турки, пытавшиеся склонить персов против русских — от врагов. В январе 1916 г. пал Керманшах. После взятия русскими войсками Исфагана противник потерял последний патронный завод на иранской территории. С занятием Кума и Керманшаха русские отрезали Иран от турецкой Месопотамии. Багдадская дорога была перерезана, и теперь турецкие и немецкие эмиссары могли действовать лишь через пустыни юго-западной части Ирана. Русские войска, заняв неприятельские базы, оказались полными хозяевами страны¹.

Таким образом, невзирая на свою малочисленность, русский экспедиционный корпус в короткие сроки сумел выполнить поставленную задачу — выбить противника из Ирана, переведя страну под контроль держав Антанты. Одновременно с этим русские оказались на подступах к Месопотамии, откуда было возможно взаимодействие с действовавшими южнее англичанами. Сам Баратов в последнем приказе по войскам Кавказской армии весной 1918 г., так характеризовал действия экспедиционного корпуса в ходе Хамаданской наступательной операции: «Незначительная горсть Кавказской армии в течение самого короткого времени, всего в два месяца, своими лихими и стре-

---

¹ Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915—1918). М., 2007. С. 78—80.

мительными наступательными действиями, одновременно по трем операционным направлениям: Казвин — Хамадан — Керманшах, Казвин — Саве — Исфаган, Казвин — Кум — Буруджирд, после целого ряда коротких, но решительных ударов, очистила Персию от германотурецких вооруженных сил и заняла огромную территорию шириной восемьсот верст по фронту и восемьсот верст в глубину»¹.

Главным результатом операции стала ликвидация попытки организации восстания в Персии против Антанты. Кроме того, действия русских несколько облегчили положение англичан, разбитых при Ктезифоне в Месопотамии турецкой армейской группой «Ирак» во главе с германским генералом К. фон дер Гольцем. Тем не менее союзникам это не помогло: остатки экспедиционного отряда (около 10 тыс. чел.) ген. Ч. Таунсенда 7 декабря были блокированы в крепости Кут-Эль-Амара, а 14 апреля 1916 г. капитулировали, не исчерпав до конца всех возможностей к сопротивлению.

ЭРЗЕРУМСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

После свертывания союзниками операции под Дарданеллами в конце 1915 г. турецкое командование собиралось перебросить большую часть высвободившихся в Галлиполи сил на Кавказ. К этому времени окончательно стало ясно, что главная угроза для Османской империи исходит со стороны русской Кавказской армии и Черноморского флота. Турецкие соединения в Дарданеллах, за исключением тех подразделений, что должны были оставаться в столице на случай отражения русского удара по Черноморским Проливам, могли быть переброшены на другие фронты.

В качестве приоритетного был выбран Кавказ. Здесь турецкая 3-я армия, несмотря на имевшееся время от времени превосходство в силах, не смогла нанести русским поражения, а напротив, сама постоянно терпела их. Энвер-паша не мог забыть собственного унижения под Сарыкамышем. Успех русских в Иране означал объединение сил союзников в Азии. Требовалось устранить русскую угрозу глубокого вторжения в Турцию и наконец-то отбросить русских за Главный Кавказский хребет. Таким образом, турки получили возможность сформировать на Кавказском фронте вторую армию и при-

---

¹ Военно-исторический вестник. 1960. № 15. С. 4.

ступить к организации широкомасштабного вторжения в русское Закавказье. Концентрация сил на Кавказском фронте со стороны турецкого командования означала, что давление англо-французских союзников на турок значительно понизилось, вследствие чего теперь русские должны были принять на себя главный удар со стороны армий Османской империи.

Таким образом, к середине 1916 г. положение на Кавказе для русских должно было резко ухудшиться: противник ожидал больших подкреплений. Турки могли в 2—2,5 раза увеличить свою численность на Кавказском фронте. Пассивно ждать неприятельского сосредоточения было бы слишком глупо. Да и не привыкли здесь к выжиданию. В таких условиях ген. Н.Н. Юденич решил разгромить 3-ю турецкую армию до весны, до подхода первых резервных эшелонов из-под Дарданелл, которые ожидалось с марта месяца. Данный замысел не был одобрен наместником на Кавказе великим князем Николаем Николаевичем, а потому разработка предстоящей операции проводилась узким кругом лиц штаба Н.Н. Юденича в совершенно секретной обстановке. Немногочисленность штаба — не более десятка офицеров — как нельзя лучше способствовала скрытности оперативного планирования.

К концу 1915 г. главные силы 3-й турецкой армии прикрывали последнюю оставшуюся в их руках в восточной части Малой Азии крепость Эрзерум. Город-крепость Эрзерум является единственным укрепленным пунктом в данном районе турецкой Малой Азии, после него открываются свободные пути на Эрзинджан и далее — на Анкару. Помимо того, Эрзерум прикрывает Анатолию — экономическую базу Турецкой империи с однородным турецким населением — и является главным узлом дорог как база для наступления в Закавказье. Ранее эти функции лежали на крепости Карс, но после того, как по условиям Берлинского трактата 1878 г. Карс отошел к Российской империи, роль основной базы в русско-турецком пограничье перешла к Эрзеруму. Турецкое командование превосходно сознавало значение Эрзерума, и потому и без того сильнейшая крепость достраивалась уже в ходе войны под руководством германского военного инженера полковника Поссельта.

К декабрю 1915 г. численность русской Кавказской армии, за исключением корпуса ген. Н.Н. Баратова, действовавшего в Персии и подчиненного непосредственно наместнику великому князю Николаю Николаевичу, составляла 111 батальонов, 200 сотен, 8 ополчен-

ских и добровольческих дружин. Общее число — 153 200 штыков, 27 630 сабель при 450 пулеметах и 373 орудиях. Кроме того, в резерве находилось 50 тыс. тыловиков в подчинении Кавказского военного округа, и еще 70 тыс. новобранцев проходило обучение в запасных пехотных батальонах в прифронтовой зоне. Численность 3-й турецкой армии, которой командовал Махмуд-Киамиль-паша, составляла около 100 тыс. штыков в 125 батальонах, 10 тыс. сабель курдской иррегулярной конницы, и 32 запасных батальона¹.

На данный момент превосходство русской стороны в силах и средствах являлось несомненным. Но напомним, что турки ожидали подкреплений из-под Стамбула уже в апреле 1916 г., а потому перешли к стратегической обороне на Кавказском фронте, благо, что время года не благоприятствовало ведению широкомасштабных наступательных операций. Укрывшись за укреплениями Эрзерумского крепостного района, турецкое командование справедливо рассчитывало на безопасность пассивной обороны, ибо время года как нельзя более способствовало оборонительным действиям. Поражение в Алашкертской операции и успешные действия русского корпуса ген. Н.Н. Баратова в Иране в любом случае вынуждали противника перейти к стратегической обороне, пока не прибудет 2-я армия с запада. Неприятель укрепился на фронте в 100 км и собирался обороняться всю зиму, имея в своем ближнем тылу Эрзерумский укрепленный район.

Временное превосходство русских утрачивалось уже весной 1916 г., поэтому штаб генерала Юденича на свой страх и риск разработал план разгрома противника уже зимой 1915/1916 г. Было учтено, что снабжение турецкой армии идет по Черному морю и гужем через всю Анатолию, не имевшую железных дорог: транспорт от Анкары до Эрзерума шел целых три месяца. Следовательно, враг мог рассчитывать лишь на уже имевшиеся материальные запасы, порядком подрастраченные в сражениях 1915 г. В то же время русская Кавказская армия уже получила пополнение боеприпасов и технических средств ведения боя. Сосредоточение сил и средств на избранных направлениях должно было обеспечить успех в противоборстве техники и доблести с крепостью и погодой.

Разработанный штабом Юденича план операции против Эрзерума вызвал резкое неприятие наместника и его помощников — Н.Н. Янушкевича и Ф.Ф. Палицына (начальник Генерального штаба

---

¹ Корсун Н. Эрзерумская операция. М., 1938. С. 8.

в 1905—1908 гг.). Палицын на втором этапе Эрзерумской наступательной операции даже приезжал в войска, чтобы в личной беседе отговорить Юденича от продолжения наступления — уже в виде непосредственного штурма крепости Эрзерум.

К своей чести и славе, командующий войсками Кавказской армии ген. Н.Н. Юденич, поддержанный своими ближайшими сотрудниками (исполняющий обязанности начальника штаба Кавказской армии генерал-майор П.А. Томилов и генерал-квартирмейстер полковник Е.В. Масловский), настоял на проведении операции. Е.В. Масловский недаром характеризует Юденича следующим образом: «Генерал Юденич был полон активности, обладал высоким гражданским мужеством, широтою военного взгляда, способностью к правильной оценке обстановки и упорством в достижении цели. При проведении раз принятого решения не было колебаний у него. Он весь был проникнут волей к победе».

Таким образом, обе стороны могли действовать лишь наличными силами, без подхода каких бы то ни было резервов. У русских идея наступления не была поддержана высшими командирами, а потому Юденич и не мог рассчитывать на что-то, помимо тех сил и средств, что уже были под его началом в Кавказской армии. Даже тяжелые крепостные батареи были взяты из крепости Карс после пререканий с Тифлисом. У турок резервы из глубины страны и не могли пока вообще появиться, ввиду времени года и состояния дорог. Следовательно, соотношение сил сторон, известное противникам, и не могло измениться в ходе операции. То есть планирование ограниченной операции целиком исходило из имеющихся данных, без учета каких-либо неизвестных величин. Это облегчало русской стороне подготовку, но, с другой стороны, само решение на наступление являлось великим риском, на который можно было пойти лишь при учете морального фактора — того фактора, что часто давал русским победу, но обычно не учитывается при подсчете соотношения сил рационализаторами современной войны.

Итак, на стороне генерала Юденича имелись два фактора, которые позволили ему с полным основанием быть уверенным в исходе операции по овладению крепостью Эрзерум. Во-первых, это — непревзойденный дух войск Кавказской армии, имевший свои корни в Кавказской войне XIX столетия и победах над турками в прошлых войнах. Во-вторых, это отменная выучка войск. На Кавказском фронте, в силу ряда особенностей театра военных действий, так и не вышло должной позиционной войны: солдаты и офицеры привыкли

к высокоманевренным действиям, стремительным ударам и атакам, а не к нудному «сидению» в окопах, подобно австро-германскому фронту. На Кавказе люди привыкли рисковать, в то время как на европейском театре военных действий даже лучшие русские полководцы стремились всеми силами снизить риск, что зачастую приводило к незаконченности операции или даже поражению в ней.

Согласно разработанному плану, наступление, в котором принимала участие практически вся Кавказская армия, должно было идти по трем направлениям, имевшим точкой встречи форты Эрзерума. Во имя успеха намеченного удара ген. Н.Н. Юденич должен был обеспечить численное преимущество своим войскам. Три четверти всех сил и средств Кавказской армии были стянуты на 70-верстный участок предстоявшего наступления на эрзерумском направлении, в то время как четверть всех войск осталась прикрывать 500 верст прочего фронта. В районе главного удара, считая и резервы (25 верст по фронту), было сосредоточено более 80 % всей наступавшей группировки. Принцип сосредоточения сил к месту главного удара в очередной раз был твердо проведен ген. Н.Н. Юденичем в жизнь. Сосредоточивавшиеся соединения располагались с севера на юг в следующем порядке: ольгинское (2-й Туркестанский корпус), сарыкамышское (1-й Кавказский корпус), эриванское (4-й Кавказский корпус).

2-й Туркестанский корпус ген. М.А. Пржевальского переходил в наступление на два дня раньше, затем — 1-й Кавказский корпус ген. П.П. Калитина. Планируя операцию, генерал Юденич пошел на выдающуюся хитрость: напор русских войск на разных направлениях должен был быть такой силы, что противник вынуждался поверить, что главный удар будет на ольгинском направлении, а наступление 1-го Кавказского корпуса предпринимается, чтобы оттянуть на себя резервы турок. После втягивания турецкой армии в сражение ударная колонна генерала Воробьева на фронте 1-го Кавказского корпуса прорывала неприятельский фронт в направлении на кеприкейские позиции и, не давая врагу передышки, должна была гнать его до эрзерумских фортов.

Сосредоточение ударной армейской группы у села Сонамер удалось скрыть даже от своих: на фронте 2-го Туркестанского корпуса несколько частей создавали впечатление постоянно подходящих резервов, а ударные группы подходили к месту действительного развертывания по ночам. О плане наступления знало резко ограниченное число начальников, а чтобы не доверять такую важную информацию

телеграфу, Юденич лично отправился в Тифлис и, при неожиданной поддержке Янушкевича, вырвал у не желавшего рисковать наместника условное согласие на общее наступление.

Задачи начальникам частей, предназначенных для прорыва (1-й и 4-й Кавказские, 2-й Туркестанский корпуса, 4-я Кавказская стрелковая дивизия), были поставлены лишь за 10 дней до начала наступления, на совещании в Карсе. В тылах ударной группировки была выставлена кавалерийская завеса, а сам район совершенно изолирован от местного населения. Вдобавок штаб Кавказской армии дезинформировал противника, распуслав слухи о подготовке широко-масштабного наступления весной 1916 г. в Иране, где генерал Баратов только-только закончил успешную Хамаданскую операцию.

Неприятель поверил ложным сведениям. Действительно, накануне были Рождественские праздники, так что ожидать каких-то боевых действий со стороны русских было незачем (именно на это и рассчитывал Юденич). За неделю до начала операции новый командарм-3 Махмуд-Киамиль-паша уехал в Стамбул, а его немецкий начальник штаба находился в отпуске в Германии. Временное командование 3-й армией принял Абдул-Керим-паша. Турки, укрепляясь, готовились к зимовке и мирной передышке вплоть до весны.

28 декабря 1915 г., во исполнение фактора неожиданности, заложенного в основе плана операции, 2-й Туркестанский корпус перешел в наступление, открыв Эрзерумскую операцию. Турки бросили свои резервы на отражение русского наступления, а 30 декабря ударил 1-й Кавказский корпус, наносивший главный удар. И, наконец, с 1 января 1916 г., после успешного прорыва неприятельского фронта, Кавказская армия перешла в общее наступление. Исследователь говорит: «Как в Кепри-Кейском сражении, так и при штурме Эрзерума русское командование избрало для нанесения главного удара участки, которые немцы, бывшие инструкторами в турецкой армии, и турки считали наиболее труднодоступными. Поэтому эти участки защищались слабо и не имели организованной системы огня. Кроме того, уже и после обнаружения наступления русских войск на этих участках, турки лишены были возможности своевременно перебросить сюда резервы из-за трудностей движения зимой в горах по труднодоступной местности»¹.

---

¹ Развитие тактики русской армии XVIII — начало XX в. М., 1957. С. 308.

Сражение сразу же приняло исключительно ожесточенный характер. Во многом это объяснялось тем фактом, что стороны вели бои за тепло: в зимних горах это существенный фактор. Характерно, что русское командование и на предварительном этапе учитывало, что штурм неприятельских укреплений будет кровопролитным, а потому надеялось нанести противнику невосполнимые потери на каждом отдельном рубеже. Во время боев за кеприкейскую позицию русские несли поистине громадные потери, но турки теряли еще больше, а общее соотношение сил вело к тому, что противник еще быстрее расходовал оперативные резервы. Двойное превосходство русской стороны в артиллерии позволяло командованию восполнять вынужденные недостатки тактики (штурм сильно укрепленных горных позиций) огневым маневром. Тяжелая артиллерия крепости Карс подавляла огневые точки противника, старясь по мере возможности облегчить наступление пехоты.

Кроме того, Юденич не обращал внимания на просьбы корпусных командиров о подкреплении, сохранив резервы для самого штурма, и одновременно требуя от войск увеличивать темпы наступления, не обращая внимания на трудности. Это позволило истощить турецкие резервы. В результате, как только стало известно, что уже все без исключения турецкие части введены в сражение, командующий бросил вперед свой резерв: усиленную 4-ю Кавказскую стрелковую дивизию ген. Н.М. Воробьева, одним ударом переломив ход прорыва в свою пользу.

Эрзерумский укрепленный район имел в своем составе 11 долговременных фортов, расположенных в 2 линии на высотах хребта Деве-Бойну. Общая протяженность укреплений — 16 км, высота господствующих вершин — 2200—2400 м. Не укрепленным остался только исключительно труднодоступный хребет Карга-Базар, господствовавший над местностью. Но именно здесь можно было прорваться в эрзерумскую долину в промежуток между фортами Тафта и Чобан-Деде. Такой маневр позволял отрезать защищавшиеся на хребте Деве-Бойну турецкие войска от Эрзерума. Именно это и сделали Донская пешая бригада (4 батальона при 2 горных орудиях) и устремившаяся вслед за донцами в прорыв 4-я Кавказская стрелковая дивизия при 36 орудиях.

Следовательно, к моменту пика сражения у неприятеля ничего не оставалось для парирования русского главного удара. Уже 4 января кеприкейские позиции были в руках русских, а 4-я Кавказская

дивизия подошла к отрогам массива Деве-Бойну. Потери в борьбе за предполье к Эрзеруму составили 15 тыс. чел. у русских и более 25 тыс. (в том числе до 7 тыс. пленных) у турок. Как видим, кровавые потери сторон были примерно равными. Но общий баланс, при учете пленных, позволил русским, и без того имевшим небольшое численное преимущество, еще больше упрочить его. Тем не менее туркам удалось вырваться из «клешей» и отойти на эрзерумские форты. Соответственно, очередным этапом операции должно было стать уничтожение неприятельской группировки, что было возможно лишь путем решительного штурма крепости. 7 января части 1-го Кавказского корпуса вышли к поясу фортов крепости Эрзерум. Следующим логическим шагом должен был стать штурм крепости, так как турецкие войска были деморализованы и морально надломлены.

В этот момент великий князь Николай Николаевич, не веривший в успех штурма, приказал Юденичу приступить к отводу войск в район Карса, удовлетворившись частной победой перед крепостью. Таким образом, в штабе наместника успех сражения перед Эрзерумом признавался достаточным. Здесь можно видеть, до какой степени не желали рисковать те военачальники, что прибыли с австро-германского фронта. Противник потерял лишь четверть исходной группировки, и после прибытия 2-й армии из-под Стамбула турки все равно получали бы перевес в силах. В чем же тогда успех операции Кавказской армии — лишь в том, что противник потерял на 10 тыс. человек больше? Подобный подсчет был характерен для полководцев в Европе — «стратегия размена» велась именно так.

Однако для Кавказа подобная логика являлась чужеродной. Ведь само наступление предпринималось во имя упрочения положения Кавказской армии к весне 1916 г. Уничтожить главные турецкие силы перед Эрзерумом не удалось, а значит, требовалось продолжать операцию, чтобы разгромить 3-ю турецкую армию, а заодно получить в качестве неопенимого приза крепость Эрзерум. Как и следовало ожидать, ген. Н.Н. Юденич отказался выполнить приказ наместника и сообщил, что берет всю ответственность на себя. Один из соратников командарма вспоминал: «Инстинктом, присущим только крупному полководцу, генерал Юденич сразу охватил всю сущность, не повторяемой дважды, столь благоприятной для нас обстановки и понял, что наступила самая решительная в течение войны минута, которая более никогда не повторится; что пришло время, когда принятое им решение может совершенно изменить в нашу пользу всю обстановку

нашей борьбы на Кавказском театре, и что для этого необходимо настоять на отмене приказа Августейшего Главнокомандующего, категорически требовавшего прекращения дальнейшего наступления и запрещавшего штурм»¹.

Дабы не выслушивать напрасно не желавших рисковать тифлисских начальников, Юденич лично переговорил с великим князем Николаем Николаевичем по телефону. Корень вопроса заключался в том, что для продолжения борьбы требовалось взять из крепости Карс стратегические запасы боеприпасов, так как все наличные патроны и снаряды были уже израсходованы. В Тифлисе же считали, что кризис вооружения еще не окончился. Следовательно, нужно перейти к обороне, дабы не тратить напрасно боеприпасы. После долгого разговора дело было решено, причем великий князь сразу же открестился от собственной ответственности за любой исход операции. Во исполнение ожиданий (вероятнее всего, Юденич на это и рассчитывал), сложив с себя ответственность за вероятное поражение, наместник немедленно уступил².

Противник также рассчитывал на то, что русские не решатся на штурм столь сильной крепости в суровых зимних условиях. Максимум, что можно было предположить, — это обложение Эрзерума. Тем не менее крепость должна была послужить базой для намеченного Энверпашой контрнаступления на Кавказском фронте. Поэтому следовало удержать Эрзерум до передислокации 2-й армии. Во исполнение намерений высшего турецкого командования с других театров военных действий к Эрзеруму стали направляться войска (до 50 тыс. штыков и сабель), но подойти они могли не ранее чем через 1,5—2 месяца. Правда, для того, чтобы обложить Эрзерум, у русских все равно не хватало сил. Следовало либо отказаться от дальнейших действий, либо — штурмовать. Турки как будто бы забыли, что однажды русские уже решились на открытый штурм неприступной османской крепости — Измаила. Генерал Юденич оказался достойным наследником генералиссимуса Суворова, с которым командующего Кавказской армией любили сравнивать в среде послереволюционной эмиграции.

Перед тем как приступить к борьбе за Эрзерумский укрепленный район, русские перешли в наступление и на других направлениях —

---

¹ *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Париж, 1933. С. 259.

² *Керсновский А.А.* История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 145.

на побережье Черного моря и около озера Ван, — чтобы противник не смог перебросить под Эрзерум подкрепления. Более того, еще не закончив сражение за Эрзерум, но почувствовав благоприятность складывающейся обстановки, русские 23 января начали операцию по овладению турецким черноморским портом Трапезунд. Одновременное наступление на нескольких направлениях сковало силы неприятеля, не позволив турецкому командованию маневрировать своими чрезвычайно ограниченными резервами в пределах той линии, по которой развернулись ожесточенные сражения.

Эрзерумская операция подразделяется на четыре фазы:

— 28 декабря 1915 — 8 января 1916 г. — Кеприкёйское сражение и выход русских к эрзерумскому укрепленному району;

— 8—30 января — последовательное занятие укрепленных позиций противника и подготовка к штурму крепости;

— 30 января — 3 февраля — штурм Эрзерума;

— 4 февраля — 12 марта — преследование противника и частные операции на флангах прорыва.

Основные укрепленные линии врага находились в 10—12 км от города, наиболее укрепленная позиция — Деве-Бойну — в 16 км. Две линии фортов общей длиной в 40 км надежно закрывали город-крепость, не давая обойти его. Приходилось бить только в лоб. Как замечает отечественный исследователь, участник войны на Кавказском театре военных действий: «В общем же Эрзерумская крепость представляла обширную укрепленную позицию фронтом на восток, с обеспеченными флангами, но открытым тылом. Последнее обстоятельство являлось слабым местом в общей обороне Эрзерумского укрепленного района, так как с выходом русских в эрзерумскую долину с севера на юг, город Эрзерум подвергался полному блокированию»¹.

Перед началом общего штурма русские одновременно перешли в наступление на всех участках фронта под Эрзерумом. Русской стороной широко использовалась тактика мелких ударов силами небольших отрядов. Это позволило захватить командующие высоты и селения вплотную к фортам крепости Эрзерум. В результате к началу решающего штурма Эрзерумского укрепленного района русская артиллерия могла бить по ключевым укреплениям турок, не размениваясь на предварительный захват местности. Это было сделано во время второй фазы Эрзерумской наступательной операции.

¹ Корсун Н. Эрзерумская операция. М., 1938. С. 44.

Тяжелая артиллерия, подвезенная к 26 января с тыловых позиций, сосредоточивалась напротив сильных фортов Чобан-Деде и Далан-Гез, дабы подготовить их атаку. Артиллерийская подготовка находилась под руководством начальника артиллерии Карсской крепости генерала Вадина. В первом периоде операции русская артиллерия израсходовала все имевшиеся в войсках запасы снарядов, и теперь для решающего штурма Эрзерума из крепости Карс доставлялись стратегические запасы винтовочных патронов и артиллерийских снарядов.

Для непосредственного участия в штурме Эрзерума предназначалось 88 батальонов, 9,5 дружин, 70,5 сотен, 4 роты сапер при 211 орудиях, что составляло более 80 % всех сил Кавказской армии. В числе штурмовой артиллерии находились 16 пушек осадного типа, подвезенных из Карса специально для подавления наиболее сильных турецких фортов крепости. Главная ударная группировка русских — 1-й Кавказский корпус П.П. Калитина — атаковала несколькими частями: правая (ударная) колонна генерала Воробьева, левая колонна генерала Рябинкина, авангарды, общий резерв генерала Докучаева. Высокие качества русских военачальников усиливались настроем войск. Например, о командире 1-го Кавказского корпуса некогда служивший под его началом П.Н. Краснов вспоминал: «Петр Петрович Калитин был скобелевцем — поклонником, апологетом и выучеником “Белого генерала” Михаила Дмитриевича Скобелева»¹.

Русские перешли в наступление поздно вечером 29 января, чтобы максимально сократить потери от неприятельского огня на фазе выдвижения войск на исходные позиции и преодоления нейтральной полосы, которая под Эрзерумом в основном состояла из горных массивов. Осадная артиллерия была заранее пристреляна по намеченным целям, а горные орудия готовились сопровождать пехоту по ходу штурма (при штурме Эрзерума тяжелая артиллерия была доставлена на горные позиции автомобильной ротой; при этом было потеряно двадцать машин). Соответственно, артиллерийская подготовка, во имя обеспечения внезапности, была сведена до минимума.

30 января, в первый же день штурма, части 2-го Туркестанского корпуса ген. М.А. Пржевальского ворвались в форт Кара-Гюбек и Далан-Гез (153-й пехотный Бакинский полк). Ф.И. Елисеев вспоми-

---

¹ *Краснов П.Н.* Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 234.

нает: «2 февраля 1916 года взят форт Кара-Гюбек, запирающий единственную дорогу с севера на Эрзерум по узкому Гюрджи-Богазскому ущелью. Этот форт, расположенный на конусообразной горе, выдвинувшейся по самой середине ущелья, теперь был весь черный от разрывов русских снарядов и выглядел мертвым и мрачным на фоне высоких хребтов, покрытых ослепительным, чистейшим снегом»¹.

В ходе наступления Бакинский полк потерял более 30 офицеров и 2 тыс. солдат, поэтому некоторыми ротами командовали прапорщики. Первой в форт Далан-Гез ворвалась 10-я рота 153-го полка, и ее командир прапорщик Навлянский был убит (посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени). На следующий день пал форт Тафта (войска генералов Н.М. Воробьева и Ф.М. Волошина-Петриченко), наиболее сильная позиция эрзерумского укрепленного района, имевшая решающее значение в обороне крепости. Турки пробовали контратаками отбить форты, однако были отражены: за ночь 31-го числа Бакинский пехотный полк отразил 8 контратак противника, причем последняя атака отбивалась одними штыками. Ночью, когда кончились последние патроны, один из солдат сумел провести в отрезанный форт ослика с боеприпасами. Это помогло отбить последнюю — девятую — контратаку врага. Из усиленного батальона полковника Пирумова (1400 штыков) в строю осталось только три сотни бойцов, почти все из которых были ранены. В стрелковую цепь ложились даже те раненые, что уже не могли самостоятельно передвигаться, но еще могли держать в руках винтовку. Форт так и остался в руках русских.

Русские атаковали двумя колоннами с севера и востока. На рассвете 2 февраля русские части взяли форт Чобан-Деде. Нельзя сказать, что эти победы дались легко: турки не только отбивались огнем, но и постоянно переходили в контратаки, воскрешая кровопролитные штыковые бои прошлых войн, когда огневая мощь войск еще не была столь высока, как в эпоху скорострельного оружия. Но сдержать натиск русских противнику не удалось, и как только исход сражения стал ясен, воля к сопротивлению в рядах турецких войск сломалась. На следующий день, 3 февраля, разгромленные войска 3-й турецкой армии побежали на восток, и уже вечером 39-я пехотная дивизия ген. Ф.Т. Рябинкина, сформированная в Эриванской губернии (153-й Ба-

---

¹ *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте 1914—1917. М., 2001. С. 157.

кинский, 154-й Дербентский, 115-й Кубинский, 156-й Елизаветпольский пехотные полки), вошла в Эрзерум. Император Николай II записал в своем дневнике: «3-го февраля. Среда. Сегодня Господь ниспослал милость Свою — Эрзерум — единственная турецкая твердыня — взят штурмом нашими геройскими войсками после пятидневного боя...».

В этот момент в крепости находилось все, что осталось от растерзанной 3-й турецкой армии: около 30 тыс. чел. при 112 полевых орудиях и 39 пулеметах. Только в крепости в плен попало 13 тыс. солдат и офицеров противника (командарм-3 Махмуд-Киамиль-паша, возвратившийся на фронт аккурат перед самым штурмом, еле-еле сумел уйти). Трофеями русских стали 327 крепостных орудий. А 4 февраля Сибирская казачья бригада, перехватывавшая пути турецкого бегства с севера, захватила западнее Эрзерума остатки турецкой 34-й пехотной дивизии со штабом и 20 орудий. Выдающуюся роль в подготовке победы под Эрзерумом сыграла немногочисленная авиация Кавказской армии. Как считает исследователь, «основой для прорыва явились данные аэрофотосъемки турецких позиций, проведенной русскими летчиками, а основой для взятия Эрзерума — данные русской воздушной разведки о беспорядочном отходе турецких войск в направлении Эрзерума. Само взятие Эрзерума также обеспечивалось данными аэрофотосъемки мест расположения артиллерийских батарей и резервов турецких войск, а также укреплений сильнейшей турецкой крепости Деве-Бойну и форта Чобан-Деде. Вскрытый русской авиацией, слабо укрепленный турками 10-километровый промежуток между фортами Тафта и Чобан-Деде был использован для нанесения главного удара»¹.

Преследование бегущего неприятеля, организованное с целью окружения и дальнейшего полного уничтожения остатков 3-й турецкой армии, продолжалось еще шесть дней. Для организации преследования все вышедшие в эрзерумскую долину части были временно подчинены командиру 2-го Туркестанского армейского корпуса ген. М.Н. Пржевальскому. Части 1-го Кавказского корпуса слишком сильно пострадали в ходе штурма, а потому преследование возлагалось на казачью конницу и пехоту туркестанцев. В числе преследующих войск оказалась Сибирская казачья бригада, сумевшая пробиться сквозь снежные заносы в горах на равнину еще до падения крепости. Нако-

---

¹ *Рохмистров В. Г.* Авиация великой войны. М., 2004. С. 302—303.

нец, так как задача дальнейшего продвижения в глубь неприятельской территории перед войсками не стояла (не было резервов), новый рубеж обороны был занят русскими войсками в 20 верстах западнее покоренного Эрзерума. Новые массы пленных и трофеев пополнили русские тылы, хотя их число могло быть и еще большим. Как оценил итоги штурма историк, «концентрический удар русских войск по левому крылу турок сломил его и вывел русских в Эрзерумскую долину, однако неправильное нацеливание 4-й Кавказской стрелковой дивизии и упорное сопротивление арьергардов турок не позволили русским прорвать фронт и использовать для действий на сообщениях турок свою конницу»¹.

Но и без того победа была ослепительна. Всего 3-я турецкая армия в Эрзерумской операции потеряла более 60 тыс. чел. (60 % первоначального состава) и почти всю технику (до 450 орудий). Русские потеряли около 17 тыс. чел. убитыми, ранеными и обмороженными, в том числе — около 2,3 тыс. чел. составили безвозвратные потери. Вот это уже была та цель, достижение которой ставил перед Кавказской армией ген. Н.Н. Юденич. Поражение под Эрзерумом не только оставило турецкий Кавказский фронт без войск и техники, но и открыло русским дорогу в глубь Малой Азии, так как теперь последняя турецкая крепость оказалась в руках генерала от инфантерии Николая Николаевича Юденича, награжденного 15 февраля орденом Святого Георгия 2-й степени. Телеграмма Верховного главнокомандующего императора Николая II гласила: «В воздаяние высокого мужества и искусного руководства, проявленных Вами при взятии крепости Эрзерум, награждаю Вас орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия II класса». Генерал Юденич стал одним из немногих русских военачальников (четвертым и последним в императорской России), награжденных в годы Первой мировой войны этим высоким орденом: кроме генерала Юденича эту награду получили генералы Н.И. Иванов и Н.В. Рузский за Галицийскую битву 1914 г., а также великий князь Николай Николаевич, так сказать, «за совокупность заслуг», после падения крепости Перемышль в начале марта 1915 г.

Военная пресса характеризовала каварма самым лучшим способом (перепечатка из «Нового времени»): «среднего роста, плотный, здоровый человек, с длинными рыжеватыми усами, спускающимися

---

¹ Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004. С. 500.

книзу. Тип старинного генерала времен покорения Кавказа... Под суровой внешностью кроется на редкость деликатная и мягкая душа. Он необыкновенно отзывчив. И всякий, кому приходилось иметь с ним дело, кто подходил к нему без скрытых мыслей (он большой сердцевед и угадывает людей), неизменно отзывается о нем, как об удивительно простом и доступном человеке. У него совершенно нет чванства... Это не тип честолюбивого полководца, ценою страшных и безумных жертв создающего себе имя в истории»¹.

Согласно официальным турецким сообщениям, Эрзерум пришлось оставить в связи с отсутствием в крепости продовольствия и необходимого количества боеприпасов. О 5-дневном штурме передовых фортов и разгроме 3-й армии, разумеется, не говорилось. Чтобы прикрыть беззащитную Анатолию, турки в самом спешном порядке, без необходимого количества орудий и боеприпасов, отправили в Эрзинджан, теперь ставший самым восточным пунктом турецкой территории, 5-й армейский корпус из-под Дарданелл, и 5-ю пехотную дивизию из Месопотамии, донельзя ослабив группировку, дравшуюся против англичан.

Главное было сделано — взято последнее фортификационное препятствие перед глубоким вторжением в Анатолию и далее — на Константинополь. Ни одного мощного крепостного района на пути в турецкие пределы перед русской Кавказской армией уже не было. Кампания 1916 г. на Кавказе ставила своей целью окончательное уничтожение живой силы противника, устройство собственных коммуникаций, обеспечение фланга со стороны Персии. Подготовка наступления в 1917 г. также признавалась в качестве одной из целей кампании. Все перебрасываемые из Проливов турецкие резервы, согласно расчетам Юденича, подлежали уничтожению. Все это стало возможным лишь после перехода Эрзерумского крепостного района в руки русских. Исследователь говорит: «Стратегически взятие Эрзерума означало примерно то же самое, что и взятие Перемышля на Юго-Западном фронте: нельзя было продолжать наступление, выходить на равнины Анатолии, имея в тылу мощную крепость с многочисленным гарнизоном»².

Тем не менее русская Кавказская армия не могла немедленно развить успех наступлением в Турцию, ввиду нехватки боеприпасов

---

¹ Армейский вестник. 1916. № 331. С. 4.

² Исторические портреты: А.В. Колчак. Н.Н. Юденич. Г.М. Семенов. М., 2004. С. 410.

и отсутствия резервов. Поэтому Юденич продолжил улучшать положение армии, одновременно уничтожая те турецкие войска, что уцелели после Эрзерума. Также требовалось улучшить транспортное сообщение с тылом. Для решения этой последней задачи наиболее благоприятным способом признавалось снабжение победоносной Кавказской армии по Черному морю. Значит, теперь усилия армии временно переносились на захват удобного порта Трапезунд, где с двадцатых чисел января также шли бои.

ТРАПЕЗУНДСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

В начале 1916 г., параллельно с подготовкой Эрзерумской операции, русское командование на Кавказе готовило наступление на порт Трапезунд, бывший базой снабжения турецких войск, действующих на Кавказе. Дело в том, что действовавший вдоль побережья Черного моря русский Приморский отряд, базировавшийся на крепость Батум, еще в кампании 1915 г. сумел занять пограничную полосу и устранить опасность неприятельского удара по Батуму и далее — в глубь русской территории. Однако коммуникации русских растянулись вдоль побережья. Следствием стала опасность их перерубания противником в случае атаки с горных перевалов. То есть для дальнейшего продвижения вперед русскому Приморскому отряду было необходимо постоянно обеспечивать свои коммуникации сильными заслонами. Ведь конфигурация фронта сложилась таким образом, что он оказался выгнут в центре в сторону русских. Движение Приморского отряда вперед приводило к тому, что турки получали в свое распоряжение фланговую позицию, откуда могли начать контр наступление, отрезав Приморский отряд от русской территории. Отсюда и необходимость заслонов. Свободных войск для этого не было.

Поэтому Приморский отряд мог только ожидать, чтобы главные силы Кавказской армии ударами на артовинском и ольтинском направлениях, очистив от турок смежные с побережьем районы, отбросили неприятеля в глубь его территории, тем самым устранив угрозу флангового удара против Приморского отряда и создав возможность дальнейшего наступления Приморского отряда к порту Трапезунд. После успешного проведения Эрзерумской наступательной операции такая возможность появилась: турки оказались отброшенными

к Эрзинджану и были вынуждены очистить те районы, что угрожали с фланга русскому Приморскому отряду.

Смысл движения русских вдоль побережья Черного моря заключался в том, чтобы выбить из рук неприятеля его черноморские порты, взять угольный район Зунгулдака и вынудить германо-турецкий флот базироваться исключительно на Стамбул. Лишение противника приморской базы стало насущной проблемой ведения войны на Кавказском театре военных действий. С выполнением данной задачи, прежде всего, улучшалось снабжение русской Кавказской армии, а во-вторых, неприятельский флот оказывался окончательно запертым в Босфоре, в районе которого русскими кораблями постоянно ставились минные поля (в том числе и с уникального подводного минного заградителя «Краб»).

Необходимость взятия Трапезунда также диктовалась и тем обстоятельством, что после того, как в руки Кавказской армии перешел Эрзерум и штаб Юденича стал разрабатывать операцию по наступлению в сердце Османской империи, русские коммуникации растянулись до чрезвычайности. Подвоз боеприпасов, продовольствия, фуража по разбитым дорогам Восточной Анатолии был очень тяжел. Поэтому на повестку дня встал вопрос о создании приморской базы снабжения победоносной Кавказской армии, тем более, что после вступления в строй в 1915 г. новейших линейных кораблей «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина II» господство на Черном море перешло к русским. Уверенность штаба Кавказской армии в успехе борьбы за Эрзерум была столь сильна, что Трапезундская наступательная операция началась еще до того, как пала сама крепость Эрзерум. Итоги сражения перед крепостью уверяли, что второй этап операции также пройдет успешно.

К началу нового 1916 г. действующий на данном направлении Приморский отряд ген. В.Н. Ляхова насчитывал до 20 тыс. штыков и сабель. В период проведения Эрзерумской наступательной операции перед войсками Приморского отряда была поставлена задача: сковать силы неприятеля в данном районе, а также подготовить выгодное исходное положение для дальнейшего наступления на Трапезунд. В середине января для захвата прибрежных плацдармов и содействия наступлению сухопутного Приморского отряда ген. В.Н. Ляхова был создан Батумский отряд кораблей Черноморского флота, во главе которого встал капитан 1-го ранга Римский-Корсаков. На время операции отряд находился в оперативном подчинении сухопутного командования. Отряд получил свое наименование по своей маневренной базе —

порту Батум. В состав Батумского отряда вошли линейный корабль «Ростислав», канонерская лодка «Кубанец», эскадренные миноносцы «Строгий», «Жаркий», «Стремительный», «Заветный», «Завидный», а также ряд более мелких судов, и самое главное — транспорты.

23 января части Приморского отряда начали Трапезундскую наступательную операцию, перейдя в наступление с линии реки Архаве вдоль Черноморского побережья. Проблема заключалась в том, что турки создали ряд сильно укрепленных рубежей, преодоление которых в лоб, по фронту, повлекло бы за собой большие потери. Обход же этих позиций сквозь горные хребты был невозможен. Поэтому, чтобы не штурмовать укрепленные позиции противника, было принято решение воспользоваться господством на море русского флота. Согласно плану русского командования, Батумский отряд должен был произвести ряд тактических десантов в тыл турецким укрепленным линиям, у городов Антина, Мепаври, Ризе. То есть задача решалась в течение длительного времени, так как на пути к Трапезунду турками было возведено несколько мощных оборонительных рубежей, каждый из которых был неприступен с фронта и господствовал над противлежащей местностью.

Вследствие того, что Ставка не дала войск для организации стратегического десанта сразу в Трапезунд, как предлагали моряки, Приморский отряд был вынужден последовательно занимать рубеж за рубежом, пользуясь для сокращения своих потерь тактическими десантами в тыл каждому очередному рубежу. Конечно, при такой тактике подразделения Приморского отряда постепенно растрепывались: и в боях, и для обеспечения снабжения, и для прикрытия флангов своих все более углубляющегося в глубь неприятельской территории главных сил. Начальник Приморского отряда В.Н. Ляхов, видя ослабление боевого ядра своего отряда, вынужденного оставлять заслоны перед перевалами, также постоянно просил подкреплений. Но — небольших, что психологически более спокойно воспринималось Ставкой, нежели проект моряков о выделении для операции сразу армейского корпуса. Участник войны — капитан 2-го ранга — пишет: «Представления по этому поводу (выделение резервов для Приморского отряда. — *Авт.*) в Ставку были понятнее для последней, чем доводы флота о выгодности покончить с Трапезундом одним ударом, и потому войска были найдены»¹.

---

¹ Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914—1917 гг. М., 1937. С. 172.

Первый же десант, высаживавшийся с десантных судов специальной постройки, тральщиков типа «Эльпидифор», насчитывал в своем составе 2 пехотных батальона, взвод горной артиллерии, 2 пулеметных взвода общей численностью более 2 тыс. штыков. Суть действий этих кораблей заключалась в том, что они, вползая на берег через мелководье, сразу же высаживали войска на берег. Если же десант высаживался бы с транспортов (а пригодным для такой высадки местом до Трапезунда был только небольшой порт Ризе), то сама высадка проходила несколько суток на шлюпках, что вело к потере времени.

Между тем не бездействовал и противник. Турки превосходно понимали значение Трапезунда для русских, и потому непрестанно укрепляли свою оборону на данном направлении. В тот же день, 23 января 1916 г., в Трапезунд прибыл линейный крейсер «Гебен», имевший на борту до батальона пехоты, восемь пулеметных команд, горную батарею и прочее военное имущество. Затем 15 февраля очередной рейс в Трапезунд совершил легкий крейсер «Бреслау», доставивший туда еще одну пулеметную команду и военные грузы. Энвер-паша требовал от адмирала Сушена производства перебросок в Трапезунд частей из Стамбула посредством «Гебена» и «Бреслау», хотя после создания морского Батумского отряда, предназначенного для непосредственной поддержки отряда генерала Ляхова, основные силы русского флота также выдвигались к Трапезунду, чтобы прикрыть действия по подготовке десанта.

Ввиду ограниченности своих сил ген. В.Н. Ляхов действовал неспешно, но надежно: при помощи артиллерийских ударов (в том числе и с кораблей Батумского отряда) турки выбивались со своих позиций и постепенно оттеснялись к Трапезунду. Корабли Батумского отряда — «Ростислав» и канонерские лодки, подходили к берегу и своим огнем сметали турецкие укрепления и артиллерийские батареи, расположенные на оголенном левом фланге, примкнутом к морю. После артподготовки с кораблей разрушенный участок неприятельской позиции атаковался русской пехотой. Тем самым противник вынуждался к отходу, и русские войска Приморского отряда генерала Ляхова твердо продвигались вслед за отступающими турками: «Последовательно, с перерывами для пополнения в Батуме запасов, корабли обеспечивали вытеснение турок нашими войсками из одной долины в другую»¹. Эта картина наблюдалась в ходе всей Трапезунд-

---

¹ Мельников Р.М. Эскадренный броненосец «Ростислав» (1893—1920). СПб., 2006. С. 36—37.

ской операции, на протяжении 200 верст береговой линии. В случае же упорства турок им в тыл высаживались русские десанты.

Русские войска последовательно занимали неприятельские укрепленные рубежи по рекам Архаве, Абу-Виче-Дереси, Виче, Буюк-дере. Дабы облегчить частям штурм очередного рубежа, в Буюк-дере, и был предпринят первый десант в неприятельский тыл с кораблей флота. Высадка русских, под прикрытием судов Батумского отряда, в пяти милях западнее линии фронта у городка Антина вынудила турок бросить свои позиции и отступить практически без боя, чтобы не попасть в окружение. В ходе начавшегося преследования моряки высадили десанты в районах Мепаври и Ризе, что не позволило неприятелю закрепиться на подготовленных рубежах.

Еще 24 февраля Приморский отряд занял промежуточную базу противника на Черном море — город Ризе. Теперь здесь был оборудован опорный пункт: уже 7 апреля в Ризе были высажены две кубанские пластунские бригады — 18 тыс. штыков. На этом этапе операции к прикрытию русского сухопутного наступления привлекается второй русский линейный корабль додредноутного типа — «Святой великомученик Пантелеймон» (бывший «Потемкин»). Ризе стал промежуточной базой для снабжения наступавших войск Приморского отряда, что существенно способствовало облегчению растянувшихся русских сухопутных коммуникаций. Кроме того, именно от Ризе начиналась относительно хорошая по местным условиям шоссейная дорога до самого Траpezунда.

На третьем этапе развития операции, в прикрытии сухопутных частей с моря, периодическое участие стали принимать главные силы Черноморского флота — 1-я бригада линкоров — «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая», поддерживаемые крейсерами «Память Меркурия» и «Кагул». Этим отрядом командовал уже сам командующий Черноморским флотом вице-адмирал А.А. Эбергард.

За 1,5 месяца Приморский отряд продвинулся вперед, на запад, почти на 100 км, действуя в тяжелых условиях горной местности, в чрезвычайной степени способствовавшей обороне противника. Оттянув на себя часть резервов противника, отряд Ляхова полностью выполнил стоявшую перед ним задачу, одновременно подойдя к Траpezунду на расстояние, не превышавшее полусотни верст. С переброской в Ризе кубанцев отряд стал насчитывать более 30 тыс. штыков и сабель, превосходя противостоявшие турецкие силы по

численности в два раза. 16 апреля русские почти вплотную подошли к Трапезунду, до которого оставалось не более 25 верст. Решающий штурм города был назначен на 19-е число, однако за два дня до этого к русскому командованию явилась депутация от греческого населения Трапезунда во главе с американским консулом. Оказалось, что турки сами очистили город и отступили еще дальше на запад вдоль черноморского побережья. Такая позиция неприятельского командования обуславливалась тем обстоятельством, что турецкая трапезундская группировка заметно уступала в силах отряду ген. В.Н. Ляхова. Дабы не быть напрасно разгромленными, турки без боя очистили город, отступая навстречу подходившим из глубины Анатолии резервам.

19 апреля русские войска торжественным маршем прошли по улицам Трапезунда, ставшего центром русского базирования на турецком побережье Черноморского театра военных действий. Воевавший в то время на Кавказском фронте А.И. Верховский вспоминал: «Вход в Трапезунд был совершен по тому самому церемониалу, по которому входили в побежденные города победители в старых, красивых сказках. Депутации от духовенства и горожан встречали победителей на пристани, сплошь устланной лавровыми ветками, дождь цветов из окон, торжественное молебствие в старинном соборе...»¹ Генерал-губернатором Трапезунда и прибрежной территории укрепрайона был назначен старый порт-артурец, герой обороны Ивангорода в 1914 г., комендант крепости Карс ген. А.В. фон Шварц. Единственная большая улица города получила наименование улицы генерала Ляхова².

К концу апреля силами Черноморского флота через Трапезунд на Кавказ было переброшено до 20 тыс. чел., более 2 тыс. лошадей и 36 орудий. Сам же Приморский отряд был усилен 123-й и 127-й пехотными дивизиями общей численностью в 35 тыс. штыков. Это способствовало очередной реорганизации: из состава Приморского отряда ген. В.Н. Ляхова был развернут новый 5-й Кавказский армейский корпус, управление которого было переброшено из состава 7-й армии Юго-Западного фронта. Командование частями корпуса принял ген. В.А. Яблочкин. Сам же генерал Ляхов был назначен начальником 39-й пехотной дивизии.

Трапезунд стал новой маневренной базой легких сил Черноморского флота, как и Батум. Для защиты Трапезунда с моря, на случай

---

¹ *Верховский А.И.* Россия на Голгофе. Пг. 1918. С. 49.

² *Мицтов С.Р.* Трапезундская эпопея. Берлин. С. 29.

набегов «Гебена», сюда была переведена 2-я бригада линейных кораблей — «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Пантелеймон». Порты Трапезунд и Ризе позволяли командованию Кавказским фронтом облегчить задачу снабжения продвигавшихся в глубь Малой Азии русских корпусов. Всего же за время Эрзерумской и Трапезундской наступательных операций Черноморский флот осуществил три крупных тактических десанта и перевез по морю около 53 тыс. чел.¹

В это же время русской стороной была сделана попытка наладить единство наступательного фронта с союзными английскими войсками, действовавшими в Двуречье. 27 апреля 1916 г. из района Керманшаха была послана сотня 1-го Уманского казачьего полка (Кубанское казачье войско) для связи с британцами в горах Месопотамии. Совершив в горной местности рейд общей протяженностью примерно в 250 км, 6 мая казаки соединились с англичанами в районе Али-Гарба².

КАВКАЗСКИЙ ФРОНТ В СЕРЕДИНЕ 1916—1917 ГГ.

К середине 1916 г., помимо пополненной 3-й армии (новый командующий Абдул-Керим-паша), во второй раз после Сарыкамыша уничтоженной под Эрзерумом, на Кавказ была переброшена еще и 2-я турецкая армия (Ахмет-Иззет-паша). В состав 2-й армии входили 2-й, 4-й, 16-й армейские корпуса общей численностью около 80 тыс. штыков и 7 тыс. сабель при 98 орудиях. Весной 1916 г. эта армия, растянувшись по всей Анатолии, эшелон за эшелоном подтягивалась на Кавказский фронт. В состав пополненной 3-й армии входили 9-й, 10-й, 11-й, 5-й, 12-й армейские корпуса общей численностью в 150 тыс. штыков и сабель. В то же время русские такжеполнили свои ряды новыми войсковыми единицами, чему способствовало увеличение технических средств ведения боя в Кавказской армии. Так, летом были образованы 6-й Кавказский армейский корпус ген. Д.К. Абациева и 2-й Кавказский кавалерийский корпус ген. Ф.Г. Чернозубова.

Потерпев поражение под Эрзерумом и Трапезундом, но доведя численность своих войск на Кавказском фронте вновь более чем до ¼ млн штыков и сабель в двух армиях, турецкое командование

---

¹ Доценко В.Д. История военно-морского искусства. Т. 2. Флоты XX века. Кн. 1. М., 2003. С. 576. 582.

² См.: Жемайтис Ф. Конница. М., 1940. С. 13.

возжаждало реванша. Примечательно, что войска 2-й армии — это победители англо-французов в Дарданеллах. Мало того, что данные части были превосходно обучены и сравнительно сносно вооружены, но даже и моральный дух личного состава 2-й армии был на самом высоком уровне. Следовательно, турки вполне могли строить далеко идущие планы: принятое Энвер-пашой оперативное планирование предполагало концентрическое наступление двумя армиями на Эрзерум с запада (Эрзинджан) и юга (Огнот). Правда, для выполнения поставленной задачи следовало выждать подтягивавшихся на Кавказский фронт из столицы войск 2-й армии.

Тем не менее германо-турецким руководством, переоценившим свои силы и возможности, было решено не ожидать сосредоточения 2-й армии, постепенно подтягивающейся в долину Евфрата. 18 мая переходом в наступление на эрзерумском направлении пополненная дарданелльскими частями турецкая 3-я армия начала Эрзинджанскую операцию. Во встречных боях кавказские стрелки сумели измотать противника, не допустив неприятеля к Эрзеруму. Масштаб боев расширялся, и обе стороны вводили в разворачивающееся сражение все новые и новые силы. После соответствующей перегруппировки 9 июня в наступление на Траpezунд и Эрзерум перешла вся турецкая 3-я армия. На данных направлениях завязались встречные бои, в ходе которых русская Кавказская армия медленно оттесняла противника на запад. Нельзя не признать, что, разбросав свои силы на двух направлениях, турецкое командование допустило ошибку, позволив русским парировать все их удары, благо что 2-я турецкая армия еще не успела закончить свое сосредоточение. Юденич, сдерживая напор противника 5-м Кавказским (базирование — Траpezунд) и 2-Туркестанским (базирование — Эрзерум) корпусами, одновременно готовил для контрудара сильную группировку.

23 июня войска 1-го Кавказского корпуса П.П. Калитина, при поддержке конных казачьих полков, нанесли контрудар на мамахатунском направлении. В завязавшихся по всему эрзерумскому фронту встречных сражениях турецкие резервы были перемолоты, а дух неприятельских войск надломлен. 1 июля русские перешли в общее наступление по всему фронту от побережья Черного моря до Эрзерумского направления. К 3 июля 2-й Туркестанский корпус занял Байбурт, а 1-й Кавказский корпус опрокинул противника за р. Северный Евфрат.

Произведя перегруппировку по внутренним операционным линиям, Юденич сумел сосредоточить против 3-й турецкой армии превос-

ходящие силы. Это позволило русскому командованию ни на минуту не снижать накала завязавшегося сражения. Несмотря на успехи по всему фронту, подходящие резервы немедленно вливались в атаки, вынуждая противника откатываться на запад и юг. 6—20 июля произошло широкомасштабное русское контрнаступление, в ходе которого 3-я турецкая армия была вновь разбита, потеряв только пленными более 17 тыс. чел.

12 июля русские ворвались в Эрзинджан — последний крупный турецкий город в Анатолии вплоть до Анкары. Преследование деморализованного врага велось на протяжении ста верст в глубину. Благодарить войска за победу в Эрзинджан лично прибыл наместник на Кавказе — великий князь Николай Николаевич. Участник событий так описывает его приезд: «Великий князь одет в серую черкеску, в черный бешмет и высокую серую каракулеву папаху с легким “заломом” назад. Его правая рука неизменно лежала на рукоятке кавказской шашки. Он совершенно не улыбался и был очень задумчив. Мне показалось тогда, что он чувствовал себя сильно уставшим. Большому военачальнику, привыкшему повелевать многомиллионными армиями, видимо, было тесно и скучно здесь, на нашем Кавказском фронте, почему он и был грустен, думал я тогда...»¹

Не следует думать, что после Эрзерума отношения между наместником и кавармом стали безоблачными. Скорее, напротив, они не то чтобы обострились, но находились в непрестанном напряжении. Великий князь Николай Николаевич был недоволен слишком малыми, по его мнению, темпами продвижения вперед, в то время как ген. Н.Н. Юденич справедливо не спешил зарываться, чтобы не испытать на себе превратностей военной судьбы. Как представляется, наместник сменил бы генерала Юденича при первом же удобном случае, но заменить его было некем, а потому приходилось терпеть независимого и самостоятельного в своих суждениях по поводу ведения боевых действий и планирования операций командующего Кавказской армией. Например, 24 июня, как раз в момент контрудара соединений 1-го Кавказского корпуса, великий князь Николай Николаевич сообщал императору в Ставку: «Вообще, пока действиями Приморского отряда я не доволен, и пластунами особенно — сейчас послал генералу Юденичу соответственную телеграмму. Ввиду потери нами

---

¹ *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте 1914—1917. М., 2001. С. 223.

времени и создавшейся обстановки, для развития активных действий Приморского отряда необходимо его подкрепить минимально корпусом. Понимаю, что при создавшейся обстановке общей — теперь это невозможно». Откуда бы Верховный главнокомандующий взял этот корпус для Кавказа, если все резервы шли в развитие Брусиловского прорыва? Великий князь прекрасно все понимал, но не преминул отправить заведомо невыполнимую просьбу. Отношения же между заместителем и ген. Н.Н. Юденичем характеризуются следующими строками того же письма на имя царя: «С первых дней, по моем приезде на Кавказ, мне стало ясно, что вопрос тыла армии и снабжения поставлен безобразно. Увы, обстановка, люди работающие, заскоружные взгляды, противодействие командующего армией генерала Юденича, который находил существующий порядок наилучшим, при всей затраченной мной энергии и настойчивости потребовали девяти месяцев, дабы все это побороть и наладить по-новому. Сделай я это в более короткий срок, сломив все — это отразилось бы на нравственном элементе и повредило бы оперативным вопросам. Произошел бы конфликт с генералом Юденичем. Я стремился его убедить и достиг этого. У генерала Юденича много достоинств, превышающих его недостатки, и поэтому я им дорожу»¹. Из этих слов так и предполагается, что и Эрзерумскую операцию выиграл не Юденич, а великий князь. Что же касается «достоинств» и «недостатков» генерала Юденича, то кто бы позволил заместителю поменять командующего Кавказской армией? Сам-то он, вместе со своим любимым сотрудником Н.Н. Янушкевичем, всесторонне выказали себя в кампании 1915 г. Думается, что в Ставке не захотели бы погубить все дело еще и на Кавказе, а потому в случае выбора предпочли бы Юденича, что великий князь Николай Николаевич не мог не понимать.

Другой сотрудник великого князя, перед Эрзерумской операцией отговаривавший Юденича от ее проведения, в дневниковой записи от 31 августа тоже спешит покритиковать каварма: «Юденич не предусмотрительный — сибарит. Он не командующий армией, а начальник штаба, таково мое впечатление по моим пребываниям в армии. Войска его не любят и не знают, ибо он не бывает у них. Ум у него негибкий; но есть упорство и теперь, после ряда успехов, и самонадеянность». И несколько позже, 16 сентября: «Экзамена полководца Н.Н. Юде-

---

¹ Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю). М. — Л., 1925. С. 34.

нич не выдержал, как давно уже не выдержал экзамена разумного организатора своего тыла и хозяина. Обстоятельства и счастье создают ореол вокруг лиц, которые того не заслуживают. Я совсем не охаиваю Николая Николаевича, у него много военных качеств, но только не полководческих, а частного начальника... Все-таки главный его грех, что он не хозяин, а сибарит, хотя работает в канцелярии много — не как командующий армией, а как начальник штаба, но без командующего. Приговор этот довольно суров и расходится с тем, что думает масса»¹. Это Палицын, никогда не командовавший большими соединениями, не говоря уже об армии или фронте, писал о полководце, неустанно громившем турок в ходе всей войны. Как можно оценить такой подход? Сколько побед одержал сам Палицын, чтобы иметь право отзываться о Юдениче подобным образом? Так что командующему Кавказским фронтом приходилось преодолевать не только сопротивление турок, но и недоброжелательство штаба наместника великого князя Николая Николаевича, наполненного тыловыми «стратегами».

К моменту наступления 2-й турецкой армии, которой, согласно весеннему плану, отводилась задача нанесения главного удара по русским, 3-я турецкая армия была в очередной раз разбита. Неприятель не смог провести слаженную наступательную операцию обоими армиями, а русские получили возможность для переброски резервов на угрожаемые направления. Только 23 июля 2-я турецкая армия перешла в наступление на огнотском направлении, где стоял русский 4-й Кавказский корпус ген. В.В. Де-Витта, открыв этим Огнотскую операцию. Турки сразу сбили немногочисленные русские заслоны и с юга вышли на эрзерумское направление. При этом Ахмет-Иззет-паша сумел сковать русский 1-й Кавказский корпус, обрушившись главными силами на 4-й Кавказский корпус. 23 июля русские оставили Битлис, а через два дня турки вышли на государственную границу. Одновременно бои начались и в Персии. Как считает А.А. Керсновский, «со времен Сарыкамыша это был самый серьезный кризис Кавказского фронта».

Воспользовавшись пассивностью англичан в Месопотамии, турецкое командование сочло возможным перебросить часть войск в Персию. После того как в Кут-Эль-Амаре 14 апреля капитулиро-

---

¹ Палицын Ф.Ф. Записки. Северо-западный фронт и Кавказ (1914—1916). Т. 1. М., 2014. С. 263, 274.

вали английские войска Ч. Таунсенда, большая часть 6-й турецкой армии Халил-паши отправилась в Иран против отряда Н.Н. Баратова. В непрерывных стычках мая — июля русские были вынуждены отойти в Северную Персию, а турки 28 июля вновь заняли Хамадан. Разумеется, что англичане ничего не сделали для того, чтобы отвлечь на себя хотя бы часть турецких сил. Таким образом, несмотря на поражение под Эрзинджаном, турки сразу на трех направлениях теснили русских, отжимая их в русское Закавказье. Как справедливо отметил Н.Г. Корсун, «отсутствие взаимодействия русского и английского командования на турецких театрах позволило германо-турецкому командованию создать затруднения союзникам не только в Турции, но и в Персии, в Афганистане, и на границах Индии».

Соотношение сил не позволяло надеяться на победу во фронтальных боях, а потому ген. Н.Н. Юденич, как и в прошлых операциях, решил вырвать победу маневром. Для производства решительного контрудара был предназначен резерв фронта — группа ген. Н.М. Воробьева. Юденич создал из армейского резерва отряды генерала Дубинского (18 батальонов) и генерала Николаева (10 батальонов, 8 дружин, 9 сотен), предназначавшиеся для нанесения флангового удара по наступавшему неприятелю. В боях 4—11 августа русский контрудар увенчался полным успехом: противник был опрокинут на своем правом фланге и отброшен к Евфрату. Турецкие ветераны Дарданелл бежали перед русскими ветеранами Кавказа.

Осознав необходимость использования на Кавказском фронте крупных кавалерийских соединений, наместник на Кавказе великий князь Николай Николаевич инициировал образование кавалерийских корпусов. Образованный в апреле Кавказский кавалерийский корпус Баратова получил наименование 1-го. В то же время Азербайджано-Ванский отряд Ф.Г. Чернозубова был переименован во 2-й Кавказский кавалерийский корпус. Этот последний полностью состоял из казачьих подразделений — 4-й Кавказской казачьей дивизии и 2-й и 3-й отдельных Забайкальских казачьих бригад. Таким образом, как говорит Г.Л. Воскобойников, впервые русским командованием был создан полностью казачий кавалерийский корпус.

19 августа 2-я турецкая армия последним усилием в очередной раз прорвала русский фронт, но для развития успеха сил уже не хватило. Подошедшая Сводная пограничная дивизия ген. Ф.Н. Транковско-го ликвидировала прорыв и погнала врага на юг. До 29 августа на эрзерумском и огнотском направлениях шли встречные бои, пере-

межавшиеся постоянными контрударами сторон. К началу сентября турецкий порыв исчерпал себя, и противник перешел к обороне. Обе стороны понесли большие потери: более 20 тыс. у русских и 55 тыс. у турок. Эти вроде бы небольшие цифры означают, что в своей совокупности 2-я и 3-я турецкие армии за летнюю кампанию 1916 г. потеряли свыше 70 % исходного состава. На будущий год ничего не оставалось.

Главной причиной русского успеха стал армейский резерв, который в обеих операциях лета 1916 г. — Эрзинджанской и Огнотской — вырывал у неприятеля инициативу, вынуждая его переходить к оборонительным действиям и отказываться от продолжения наступления в ходе операции. Также Юденич умело воспользовался стратегическим просчетом неприятеля, форсировавшего события, что позволило ему разгромить противника по частям. Потери турок в кампании 1916 г. были тем тяжелее, чем осознание того обстоятельства, что восстановить кадры будет невозможно. Эти потери являлись для турецкой стороны невосполнимыми. Осенью 1916 г. турецкое командование было принуждено приступить к реорганизации армии. Корпуса сводились в дивизии, а дивизии — в полки. Например, в 3-й армии в строю осталось не более 35 тыс. чел. Численность дивизий уменьшилась более чем вдвое — из 14 единиц осталось только 6. Сосредоточение на Кавказском фронте более половины всех сил Османской империи, в надежде на реванш за поражения конца 1914 — начала 1916 гг., закончилось уничтожением львиной доли этих сил.

С другой стороны, невероятно растянулись и русские коммуникации. Каждый лишний километр в глубь турецкой территории требовал лишнего фуража для лошадей и продовольствия для людей, так как железная дорога обрывалась под Сарыкамышем. В итоге вскоре после окончания Эрзинджанской наступательной операции создались такие условия, что шедшие с продовольствием и фуражом транспорты сами уничтожали несомый фураж, ничего не оставляя для войск. Протопресвитер действующей армии писал: «По всему пути от Сарыкамыша до Эрзинджана и далее вдоль фронта тянулся почти не прерывающийся обоз... Решительно на каждом возу поверх казенной кладки лежал еще дорожный запас сена для лошадей и несколько полен дров. Малейшее продвижение вперед, увеличивая расстояние от базы, требовало соответствующего увеличения транспорта, а увеличение транспорта, прежде всего, выдвигало вопрос

новом фураже, лишняя добыча и доставка которого уже ограничились с невозможностью. И наши сильные духом и вооружением войска должны были топтаться на месте и стеречь голодавших и замерзших турок вместо того, чтобы победоносно идти вперед»¹. Коммуникационный фактор не позволил генералу Юденичу броситься в глубь Турции уже осенью 1916 г. Первоначально следовало подготовить базы снабжения, на что требовалось время. Наступление пришлось откладывать на 1917 год.

Конечно, турки испытывали не меньшие лишения в снабжении своих армий, стоявших против русского Кавказского фронта. Однако русские войска привыкли все-таки действовать по образцам европейской войны и, соответственно, нормам европейского снабжения. Теперь же, после взятия Эрзерума и Эрзинджана, когда горные перевалы отрезали сарыкамышскую базу снабжения от действующих войск, Кавказская армия должна была испытать на себе все трудности обеспечения. Именно поэтому большая часть конницы — казачьи дивизии, — по замыслу Н.Н. Юденича, пока предназначалась для действий в Персии (Иране). Из этих конных войск предполагалось образовать 2-ю Кавказскую армию. В то же время укреплялся Трапезунд, из которого надлежало образовать базу снабжения Кавказской армии, долженствовавшей наступать на Анкару и далее — на Стамбул. То есть основная коммуникационная нить русской группировки в Турции должна была пролегать по морю.

Решительные операции на Кавказе намечались русской стороной в 1917 г., так как одновременно с планами командования Кавказской армии по глубокому вторжению в Турцию в Ставке наконец-то приняли решение о производстве десанта против Стамбула. Кроме того, усиливались коммуникации. Еще в середине 1916 г. в Ставке приняли решение о строительстве трех новых железнодорожных веток для Кавказского фронта: Черноморскую, Батум — Трапезунд, Джульфа — Баку². Правда, такое строительство поставило левый фланг Кавказской армии, упирившийся своим плечом в Персию (Иран), в тяжелое положение. Дело ведь в том, что правый фланг армии и без того мог быть снабжаем усилиями господствовавшего на море русского Черноморского флота. В то же время левый фланг армии, где

---

¹ *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Нью-Йорк. 1954. Т. 2. С. 194—195.

² Журнал Совещания 28—29 июля 1916. Б.М. 1916. С. 50.

зачастую вообще отсутствовали любые дороги, по-старому снабжался вьючным транспортом. Иначе говоря, если на правом фланге Кавказской армии была сооружена параллельная коммуникация (Трапезундская железная дорога), то левофланговые корпуса вовсе оставались без коммуникаций. А это сильно било по возможностям снабжения этих корпусов. Именно поэтому в начале 1917 г. Юденич оттянул назад, на север, Кавказский кавалерийский корпус Баратова. И именно поэтому же на левом фланге располагались по преимуществу конные войска (как правило — казаки), умевшие превосходно действовать на горном театре.

Впрочем, противник оказался в еще худшем положении. Держать стабильный устойчивый фронт на Кавказе турки уже не могли: в итоге летне-осенних боев кампании 1916 г. две турецкие армии по своей численности насчитывали, в сущности, лишь одну, если исходить из первоначального числа штыков и сабель — немногим более сотни тысяч человек. Даже в январе 1917 г. получившие пополнения 2-я и 3-я турецкие армии насчитывали всего 112 230 штыков, 4360 сабель, 5000 сапер, 10 000 курдской конницы при 381 орудии и 318 пулеметах. Тем не менее против русских турки держали 54 % всех своих сил — до 29 потрепанных и обескровленных пехотных дивизий. Командование 2-й армией принял герой обороны Дарданелл, будущий лидер турецкой революции Мустафа-Кемаль-паша. В то же время в начале 1917 г. русский Кавказский фронт имел в своих рядах 183 775 штыков, 31 834 сабли, (в том числе 8000 офицеров), 4 авиаотряда при 591 орудии и 1 057 пулеметах. Потери русской Кавказской армии в 1914—1916 гг. составили около 100 тыс. чел., противник потерял в 3,5 раза больше¹. Тройное превосходство в пулеметах и двойное в людях — вот главный результат кампании 1916 г. Весной соотношение живой силы сторон было равным. Поражения турецких армий в Эрзинджанской и Огнотской операциях позволило русскому командованию на Кавказе получить громадный перевес сил. Причина этому — исключительно умелые действия войск Кавказской армии под руководством ген. Н.Н. Юденича.

Сложившееся соотношение сил и средств позволяло русскому командованию в новой кампании развить успех в глубь Малой Азии, а также приступить к широкому наступлению против Турции совместно с союзниками. Разумеется — держась возможно ближе к по-

¹ *Арутюнян А.О.* Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван, 1971. С. 257.

бережью Черного моря, чтобы иметь возможность снабжать армию предметами тылового довольствия и продовольствием. Чрезвычайно растянувшиеся коммуникации Кавказской армии не позволяли отрываться от побережья, так как доставляемый в войска груз чуть ли не наполовину состоял из того фуража, что был предназначен для вьючных животных данного каравана. В районах Эрзерума и Эрзиджана создавались базы предметов военного снаряжения и провианта, опираясь на которые, предполагалось вести наступление на Анкару, а при удаче — и на Стамбул.

Турки же, потеряв господство на Черном море, оказались в куда более худшем положении. В Месопотамии и на багдадском направлении еще можно было вести военные действия, опираясь на речные коммуникации, но в Малой Азии снабжение рухнуло. А местные средства уже были донельзя разорены войной. Кроме того, предприняв политику геноцида в отношении христиан турецкой Армении, турки лишили себя земледельческого населения, где было бы возможно добывать хотя бы продовольствие и фураж. Не могли помочь и союзники — даже людьми. Если в Европе германцы, подкрепляя своих союзников — австрийцев, болгар, турок — в Галиции, Македонии, Италии, Румынии, все-таки худо-бедно позволяли держать многочисленные трещавшие фронты, то для Малой Азии резервов у нового (с середины августа) генерал-квартирмейстера германских вооруженных сил ген. Э. Людендорфа уже не было.

Действительно, вследствие громадного дезертирства 3-я турецкая армия перестала быть армией. Только в частях 2-й армии еще оставалось сравнительно нормальное количество людей, но и она, потеряв к концу 1916 г. около 60 тыс. чел., перестала быть боеспособной. Эпидемия тифа была усугублена снежной зимой, не дававшей возможности подвозить продовольствие с тыла. Перед русской Кавказской армией уже вплоть до Стамбула не оставалось ни сильных крепостей, ни надлежащим образом укрепленных позиций. Единственная трудность, помимо необходимости бить ослабленные турецкие армии, заключалась в средствах сообщения и снабжении действующих войск на театре военных действий. С углублением в Малую Азию русские вступали в область бездорожья, но противнику не помогло бы и это: Черное море полностью контролировалось русским Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака, невзирая на потерю линейного корабля «Императрица Мария». Вдобавок вполне вероятной оказывалась помощь английских союзников, наступавших в Месопотамии

и Ираке. Но все стратегические предположения для достижения победы опрокинула Великая русская революция 1917 г.

В начале нового года о каких-либо активных наступательных действиях пришлось забыть. 1917 год — это время недоеда в русской Кавказской армии и тифа у турок. Ф.И. Елисеев на страницах своих воспоминаний постоянно говорит о том, что осенью и зимой не хватало ни фуража, ни продовольствия, называя район действий Кавказской армии «голодный Турецкий фронт». Зима 1917 г. вообще оказалась кризисной для Российской империи в отношении продовольствования вооруженных сил и страны в целом. Ведь именно с голодных выступлений началась Февральская революция, ставшая первым и важнейшим шагом к Всероссийской Смуте 1917 г. Голодная «брюквенная зима» в Германии и тяжелая зима для Франции ослабили силы солдат всех сторон.

Вследствие тяжелого зимнего периода, усугубляемого недостатком снабжения войск продовольствием, к апрелю 1917 г. из состава Кавказской армии убыло до половины боевой численности подразделений. Развал тыла под ударами революции не позволял восстановить снабжение войск на передовой. Соответственно, ни одна из противоборствующих сторон не могла и думать о широкомасштабных наступательных действиях: критическая точка войны была уже пройдена, войска надорвали свои силы и поэтому старались лишь удержать свои позиции друг напротив друга. Голод, тиф, цинга косили войска. В еще большей степени это коснулось турок: если русские имели в своем тылу железнодорожную ветку Тифлис — Карс — Сарыкамыш, то турки не только не имели железнодорожных линий, но даже и потеряли все большие города в Восточной Анатолии.

Только в декабре 1916 г. из состава Кавказской армии от цинги и тифа убыло до 30 тыс. чел. — $\frac{1}{7}$ часть армии (целый армейский корпус). Значительный падеж конского состава не позволил русскому командованию на Кавказе задаться развитием широкомасштабных операций в глубь турецкой территории уже весной 1917 г. Поэтому генералом Юденичем на весну было принято решение провести частную наступательную операцию на Мосульском направлении, там, где располагались 1-й (Н.Н. Баратов) и 2-й (Ф.Г. Чернозубов) Кавказские кавалерийские корпуса. Также войска левого фланга армии должны были улучшить свое исходное положение продвижением вперед.

В феврале 1917 г. 1-й Кавказский корпус вышел к границам Месопотамии, а 2-й Кавказский кавалерийский корпус — к Пенджевину.

В середине февраля корпус Баратова перешел в наступление на Керманшах, где и соединился с англичанами. Штаб Кавказского фронта замыслил крупное кавалерийское вторжение в Месопотамии. Еще 16 января 1917 г. великий князь Николай Николаевич просил Ставку отправить на Кавказ с Румынского фронта генерала А.А. Павлова: «Для выполнения задач, намеченных мною в Персии и Месопотамии, необходим соответствующих качеств надежный начальник, на которого возможно было бы возложить руководство конницей, предназначенной для действий в Месопотамии». Должность — командир «особой конной группы»¹.

Наступление русских, оттянувшее на себя последние турецкие резервы в Персии, позволило англичанам занять Багдад. К апрелю 1917 г. союзники обладали неоспоримым не только качественным, но и количественным превосходством в силах и средствах в Передней Азии. Кавказская армия и отряд в Персии имели в своих рядах 9006 офицеров, 2350 чиновников, 414 705 солдат, 132 994 лошади²; англичане только в Месопотамии держали 55 тыс. штыков и более 5 тыс. сабель. В то же время противостоявшие союзникам турецкие 2-я, 3-я и 6-я армии насчитывали лишь 91 000 штыков, 3 800 сабель и 25 000 курдской конницы. Дорога на Анкару фактически была открыта.

В начале 1917 г. Ставка Верховного главнокомандования хотела образовать 2-ю Кавказскую армию под командованием Н.Н. Баратова. В состав этой армии, располагавшейся в Персии, должны были войти 1-й Кавказский кавалерийский корпус и 7-й Кавказский армейский корпус (преобразован в феврале из 2-го Кавказского кавалерийского корпуса). Увеличение численности кавказских войск и расширение штатов позволили создать в середине 1916 г. несколько новых войсковых единиц, чтобы расширить район предполагаемых операций в Малой Азии, Месопотамии и Персии. Причем в большей своей части 2-я Кавказская армия, долженствовавшая очистить от противника Иран, как видим, состояла из конницы.

Однако развитие революционного процесса, тяжело отразившегося на русской армии, помешало этому намерению: в марте даже пришлось отвести эти корпуса в районы сосредоточения, так как не было возможности для снабжения предполагавшихся наступательных действий. Телеграмма Юденича во Временное правительство

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 180. Л. 229—230.

² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 1030. Л. 109.

10 марта сообщала: «Положение в продовольственном отношении в Кавказской армии, ухудшающееся с каждым днем, приняло угрожающий характер. Осталось запасов на десять дней, сеном армия живет суточным подвозом, крайне недостаточным. Подвоз жиров происходит в половинной потребности». 12 марта Юденич добавлял: «Поступление грузов для Кавармии угрожающе упало, а зернового фуража совершенно прекратилось, ввиду задержки продажи населением, уклонения ставропольского земства от возложенной на него разверстки хлебов и... смены закупочных организаций»¹.

Разложение русской действующей армии вообще, и Кавказской армии в частности, вынудило англичан отказаться от идеи объединения союзников в районе Багдада, после чего британские войска даже отступили на юг. А к осени 1917 г. единственно боеспособными частями оставались только казачьи дивизии, находившиеся в Персии, — 1-я Кавказская казачья дивизия и Кубанская конная бригада. Также революция помешала и развертыванию нового казачьего войска: в январе 1917 г. из армян и добровольцев контролируемых русской стороной местностей Месопотамии было учреждено Евфратское казачье войско. Образование дополнительных иррегулярных формирований из местного населения, поманенного к тому же привилегиями казачьего сословия, должно было в чрезвычайной степени способствовать ведению боевых действий на территории Османской империи. Неизвестно, правда, какими правами обладало бы новое казачье войско по окончании войны.

С приходом к власти буржуазно-либеральной оппозиции в ходе Февральской революции в вооруженных силах стала проводиться широкомасштабная «чистка» командного состава. Первой ее жертвой стал великий князь Николай Николаевич, при отречении назначенный императором Николаем II Верховным главнокомандующим. Не успев доехать до Ставки, великий князь был отправлен в отставку: то обстоятельство, что Николай Николаевич в числе прочих высших генералов поддержал идею отречения императора Николая II от престола, не спасло великого князя перед новой властью. Примечательно, что ген. Н.Н. Юденич оказался единственным из главнокомандующих, кто не был запятнан историей с отречением императора Николая II. Промежуточная инстанция в лице заместителя на Кавказе, присоединившегося к мнению всего высшего генералитета, позволила Юдени-

¹ ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 312. Л. 2. 4.

чу остаться в стороне и сохранить честь мундира в беспрецедентном мероприятии с выступлением высшего генералитета против своего Верховного главнокомандующего и императора.

Первоначально генерал Юденич оказался даже повышен в должности. Уже 27 марта новым командующим Кавказской армии стал начальник 2-го Туркестанского корпуса М.А. Пржевальский, а Юденич сменил великого князя Николая Николаевича на посту фактического наместника, управлявшего как армией, так и всем фронтом и военным округом. Но уже в мае Юденича отозвали в Петроград «в распоряжение военного министра», под каковой формулировкой отстранялись все не угодные новому режиму военачальники. Та же формулировка гласила: «сопротивляющийся указаниям Временного правительства». Речь шла об объективной невозможности в данной конкретно взятой обстановке продолжать наступление. И особенно — на багдадском направлении, чего требовало правительство, в связи с нехваткой продовольствия, тяжестью снабжения и сезоном тропической жары, усугубившей первые два фактора. Например, в начале апреля исполнительный комитет Трапезундского укрепленного района телеграфировал военному министру, что необходимо «принять экстренные меры к снабжению 2-го Туркестанского корпуса, буквально голодающего и потерявшего из своего состава громадный процент цинготными». Смысл заключался в том, что все свободные фургоны шли на Сарыкамышское направление, и туркестанцам не хватило перевозочных средств¹.

Отказавшись от продолжения наступления навстречу английским контингентам, стремившимся возложить бремя ведения боев в Месопотамии на русских, ген. Н.Н. Юденич был обречен на увольнение. Всецело зависевшее от союзников Временное правительство, сумевшее устранить царя только потому, что за спиной либеральной оппозиции стояли англичане и французы, не желавшие после войны рассчитывать с Российской империей по всем обязательствам, не могло идти против требований своих западных хозяев. Генерала Юденича на новом посту — главнокомандующего Кавказским фронтом — вновь сменил ген. М.А. Пржевальский.

В 1917 г. общая численность войск Кавказской армии была доведена до 220 тыс. штыков и сабель, что в перспективе позволяло занять всю турецкую Малую Азию и двинуться на Стамбул с востока.

¹ ГАРФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 71. Л. 32—33.

Однако последствия Февральской революции, выразившиеся в решительном параличе политической воли буржуазно-социалистических «временщиков», тяжело ударили по всей русской армии, не исключая и Кавказ. Прогрессировавший развал армии и стихийная демобилизация, развернувшаяся с сентября месяца, не позволили русскому командованию предпринять хоть какие-то масштабные военные действия. Удалось провести лишь частные весенне-летние операции на левом крыле Кавказского фронта силами 1-го Кавказского кавалерийского корпуса ген. Н.Н. Баратова.

Большевики довели дело распада до своего логического завершения. Хотя главнокомандующий Кавказской армией генерал Пржевальский и не признал Октябрьского переворота, но это не помогло ни ему, ни войскам: армия расходилась по домам. Постепенно войска стали отходить в глубь русского Кавказа, где и демобилизовываться. Большая часть возвращалась домой, меньшая — активно включилась в разгоравшуюся Гражданскую войну, благо что «под боком» находились заведомо контрреволюционные области Донского, Кубанского, Терского казачьих войск.

Распад русских войсковых единиц Кавказской армии происходил в самой различной форме. При этом львиная доля военного имущества просто бросалась и доставалась в качестве трофеев самочинно образующимся кавказским государственным образованиям, наступавшим туркам и просто местному населению. Больше всего «повезло» 5-му Кавказскому армейскому корпусу, расположенному в районе Траpezунда. В конце ноября корпус был «украинизирован» по образцу ряда частей Юго-Западного и Румынского фронтов на западной границе, а затем еще и переименован в Украинский корпус¹.

До конца октября 1917 г. еще шли вялые бои на мосульском направлении. Большевицкий переворот в Петрограде вывел страну из войны, окончательно свернув военные действия на Кавказском фронте. Развал русской Кавказской армии под влиянием революционных процессов позволил туркам приступить к реализации давно вынашиваемых планов по вторжению на русский Кавказ. В середине января 1918 г. части 3-й турецкой армии вошли в очищенный русскими Траpezунд, в конце февраля — в Эрзерум. В начале марта, к моменту подписания Брест-Литовского мирного договора, турки

---

¹ *Базанов С.Н.* Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 133.

вышли на линию предвоенной государственной границы. Столь не решительное продвижение турок вперед объясняется просто — непрерывные блестящие победы Кавказской армии под командованием ген. Н.Н. Юденича приучили врага к уважению русского оружия.

Борьба на Кавказском фронте явилась резким отличием от того, что творилось на Западном театре военных действий. Здесь велись высокоманевренные действия, исключавшие окопную позиционную борьбу. Здесь противник уступал русским в выучке и организации даже при численном превосходстве. Здесь русские, в отличие от неприятеля, имели превосходную железнодорожную коммуникацию в своем тылу. Здесь целиком и полностью властвовал моральный фактор, дававший русской Кавказской армии победу за победой: развитию этих побед до решительных размеров мешала небольшая численность Кавказской армии.

Даже в тяжелом для Российской империи 1915 г. противнику не удалось нанести русским ни одного поражения. И немалая роль в этом принадлежала военачальнику «суворовского типа» — ген. Н.Н. Юденичу. Именно его воля позволила русским войскам не только удержать за собой русский Кавказ, но и опрокинуть неприятеля в глубь его собственной территории; занять восточные провинции Турции и планировать уже решительное вторжение в Османскую империю сквозь всю Анатолию до Стамбула. Как справедливо говорит В.Ж. Цветков: «За время боев на Кавказском фронте в 1914—16 гг. войска под командованием Юденича не проиграли ни одного сражения и заняли территорию, по площади превышавшую современные Грузию, Армению и Азербайджан вместе взятые»¹.

Свою роль сыграла и обособленность Кавказского фронта от австро-германского фронта, где велась главная борьба. Известная независимость штаба Кавказской армии от Ставки, особенно усилившаяся после вступления в должность наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича, позволяла Юденичу вести боевые действия не оглядываясь на Ставку. А.И. Деникин пишет: «Совершенно в исключительном положении находился Кавказский фронт. Дальность расстояния, выработавшаяся за много лет практика известной автономности кавказской администрации и командования, пребывание во главе Кавказской армии с августа 1915 года великого князя

---

¹ Цветков В.Ж. Николай Николаевич Юденич // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 41.

Николая Николаевича — человека властного и пользовавшегося своим особым положением в разрешении различных спорных вопросов, возникавших с Ставкой, наконец, совершенно своеобразные условия театра и противника, сильно отличавшегося от условий европейского фронта — все это создало какую-то обособленность Кавказской армии и неестественные отношения со Ставкой. Генерал Алексеев говорил не раз, что, несмотря на все свое старание, он очень плохо разбирается в кавказской обстановке. Кавказ жил своей жизнью, осведомляя центр лишь в той степени, в какой считал нужным, и в освещении, преломленном сквозь призму местных интересов»¹.

В таких условиях первостепенную роль играл фактор качества войск и командиров. Также — техническое обеспечение противоборствующих армий и тыловое обеспечение (особенно в транспортном отношении). Так как в данном отношении перевес был явно на стороне русских, то становится понятным, почему объективно турки терпели на Кавказе постоянные поражения. Победоносные войска русской Кавказской армии, отразив в 1914—1916 г. турецкое наступление в русские пределы, в 1917 году готовились перейти в решительное наступление в глубь Турции. Для этого, от Батума до Трапезунда прокладывалась железнодорожная ветка (снабжение армии морем признавалось недостаточным). С англичанами была достигнута принципиальная договоренность объединения усилий севернее Багдада, для чего, собственно говоря, и создавалась 2-я Кавказская армия ген. Н.Н. Баратова. Цель — создание единого фронта в Малой Азии.

Великая русская революция 1917 г. в Российской империи разрушила все планы русской стороны. И в отношении Проливов, и в отношении мощного удара по Турции движением Кавказских армий сразу на Анкару, и в отношении готовившегося весеннего наступления на австро-германском фронте. Некоторые исследователи считают даже, что русско-турецкое противостояние 1914—1918 гг. для обеих сторон явилось роковой ошибкой: «Это привело к развалу обеих империй и сокращению их географического пространства. Геоцивилизационные последствия оказались для них еще более значимыми: изменился демографический состав “стержневых наций” — не только количественно, но и качественно. В более широком масштабе, пожалуй, ни для одной цивилизации война не оказалась столь судьбо-

---

¹ Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. Мн., 2003. С. 184—185.

носной, как для России и мусульманского мира»¹. Следует добавить разве, что ошибкой явилось уже само вступление и России и Турции в Первую мировую войну; их противостояние в разных лагерях было почти неизбежным. Как бы то ни было, генералу Юденичу не пришлось сыграть ту роль, которую он сам для себя выковал в сражениях 1914—1916 гг., — роль покорителя Османской империи.

ПОСЛЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

После своего отстранения ген. Н.Н. Юденич поселился в Петрограде. Отставной полководец выехал на фронт в период Июньского наступления, показавшего, что развал вооруженных сил достиг своего апогея. Весь период своего пребывания на фронте Юденич провел в Ставке, где пытался оказать поддержку Верховному главнокомандующему А.А. Брусилову.

После провала наступления Н.Н. Юденич вмешивается в политику. Причина тому — желание поднять мощь и престиж вооруженных сил, разваливавшихся в ходе революционного процесса, расшатывавшего Россию. При этом не следует забывать, что Юденич являлся убежденным монархистом и как минимум был согласен на конституционную монархию по британскому образцу, что сближало его с правым крылом либеральной буржуазии, представленной партией конституционных демократов (кадетов) во главе с П.Н. Милюковым.

В связи с этим, Юденич находился на позициях доверия новому Верховному главнокомандующему — ген. Л.Г. Корнилову, взявшему курс на оздоровление армии и продолжение войны против Германии и ее союзников до победы. В частности, Юденич принял участие в Московском совещании, на котором весь правоцентристский спектр политических сил выразил поддержку Корнилову. 9 августа собравшееся в Москве под председательством бывшего председателя Государственной думы М.В. Родзянко совещание буржуазных общественных деятелей телеграфировало генералу Корнилову: «Совещание общественных деятелей приветствует вас, Верховного Вождя русской армии. Совещание заявляет, что всякие покушения на подрыв вашего

---

¹ *Медведко Л.И.* Россия. Запад. Ислам: «столкновение цивилизаций»? М., 2003. С. 102.

авторитета в армии и России оно считает преступным и присоединяет свой голос к голосу офицеров, георгиевских кавалеров и казачества. В грозный час тяжелого испытания вся мыслящая Россия смотрит на вас с надеждой и верой. Да поможет вам Бог в вашем величайшем подвиге по воссозданию могучей армии и спасения России». Среди прочих на Московском совещании присутствовали генералы М.В. Алексеев, А.А. Брусилов и Н.Н. Юденич.

Во время октябрьского переворота генерал Юденич все еще находился в Москве и затем, вернувшись в Петроград в конце октября, приступил к созданию подпольной офицерской организации из бывших гвардейцев. Эта организация должна была вести борьбу против радикального крыла российских социалистов и, прежде прочих, против большевиков. Созданная генералом Юденичем подпольная офицерская организация носила выраженный монархический характер. Летом 1918 г., уже после заключения Брест-Литовского мирного договора, выведившего Советскую Россию из войны, Юденич через гвардейцев вступил в контакт с немцами, имея целью создание «русской Добровольческой армии» в Прибалтике «под прикрытием германских оккупационных войск». Соответственно, среди кандидатов в командующие этой армией числились такие безусловные монархисты, как граф Ф.А. Келлер (бывший начальник 3-го кавалерийского корпуса, единственный представитель высшего генералитета, выразивший свою поддержку свергнутому императору Николаю II) и ген. В.И. Гурко (командующий Особой армией, после свержения монархии пославший сочувственное письмо бывшему царю). Третьим кандидатом был как раз генерал Юденич. В итоге, как далее пишет А.В. Смолин, «с момента своего зарождения белое движение на Северо-Западе выступило под монархическим знаменем, причем гарантом водворения порядка в России была провозглашена армия»¹.

Как раз в этот период «междоусарствия» от эсеров-социалистов до большевиков Н.Н. Юденич сумел поправить свои финансовые дела, причем до такой степени, что и впоследствии, в эмиграции, эти деньги ему очень пригодились. Ведь в первое время, когда большевики пытались создать общекоалиционное социалистическое правительство (конечно, под верховенством большевиков), жизнь в стране еще текла по сравнительно привычной колее. Выборы в Учредительное

---

¹ *Смолин А.В.* Белое движение на Северо-Западе России. СПб., 1999. С. 18. 24.

собрание, подготовка заключения мира, начало боевых действий Гражданской войны на Юге России — у Совета народных комиссаров во главе с В.И. Лениным были свои насущные заботы. Супруга генерала, Александра Николаевна Жемчужникова, вспоминала, что, прибыв в Петроград, Юденич, по совету банковских работников, изъясил из банка все свои сбережения, а затем продал дом в Тифлисе и земли в Кисловодске. Эти деньги помогли Юденичам не бедствовать в эмиграции, а, кроме того, еще и многим помогать — товарищам генерала по войнам, инвалидам Первой мировой и Гражданской войн, а также их семьям¹.

В том же ноябре 1918 г., отчаявшись организовать восстание в Петрограде и видя крушение надежд на германскую поддержку, ген. Н.Н. Юденич по фальшивым документам выехал из Петрограда в Финляндию. То есть более года генерал Юденич проживал в красной столице и ни разу всерьез не подвергся угрозе ареста. В начале декабря Юденич прибыл в Стокгольм, где вел переговоры с представителями Антанты об организации борьбы против большевизма. В начале 1919 г. Юденич переезжает в Гельсингфорс (Хельсинки). Здесь им были завязаны тесные контакты с регентом Финской республики ген. К.-Г.К. Маннергеймом. Необходимо заметить, что Юденич выступал за необходимость признания независимости Финляндии в обмен на помощь в свержении большевистской власти. В 1919 г. он будет безуспешно пытаться переубедить в этом вопросе Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака.

Теперь, с крушением Германии, ген. Н.Н. Юденичу поневоле пришлось переориентироваться на державы Антанты. А значит — оглядываться на оформление независимых Прибалтийских республик, не жаждавших оказывать помощь белогвардейцам, не признававшим иного, кроме «единой, неделимой России». Вполне логически эта переориентация также означала признание верховенства в Белом движении адмирала Колчака, позицию так называемого «непредрешенчества» в политике, опору на военную диктатуру. В результате, как говорит С.В. Волков, ввиду сложных политических обстоятельств «Юденичу пришлось согласиться на создание навязанного ему англичанами правительства, состоявшего частью из весьма левых элементов. Северо-Западной армии приходилось воевать в тяжелых материальных (при крайне скудном снабжении со стороны «союз-

---

¹ Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 636.

ников”) и моральных (вследствие недоброжелательства эстонцев условиях)¹.

Как бы то ни было, представители Колчака и Деникина в Париже А.И. Гучков и Н.Н. Головин поддержали идею создания Северо-Западного фронта и удара по Петрограду, что побудило союзников часть материальных средств отправить генералу Юденичу. В середине мая 1919 г. начался первый «поход Юденича» на красный Петроград. Северный корпус, во главе которого встал ген. А.П. Родзянко, перешел границу Эстонии и Советской России. Юденич, по-прежнему находясь в Гельсингфорсе, осуществлял общее руководство, потому что и на Северо-Западе в Белом движении существовала масса разногласий и группировок, борьба между которыми за первенство неминуемо ослабляло армию.

Немногочисленная и ослабленная 7-я советская армия не могла оказать надлежащего сопротивления, так как вместе с белыми наступали и эстонцы. Уже 17 мая белые вошли в Ямбург. 26 мая эстонцами был взят Псков. 12 июня против красных восстали форты «Красная Горка» и «Серая Лошадь», что позволило белым примкнуть левым флангом к Балтийскому морю. К середине июля численность Северо-Западной армии составляла около двадцати пяти тысяч штыков и сабель. Однако переход красных в контрнаступление оказался успешным. Мятежи были подавлены, дисциплина в войсках восстановлена, и белые были вновь отброшены на территорию Эстонии.

27 мая 1919 г. было образовано правительство Северо-Западной области — Политическое Совещание. Состав его был весьма пестр, а давление со стороны союзников побудило включить в состав правительства и леволиберальные элементы. Это мало напоминало военную диктатуру, более походя на ту пестроту, что наблюдалось в правительствах Колчака и Юденича. Лишь в августе будет образовано Северо-Западное правительство, в котором Н.Н. Юденич занял должность военного министра. Параллельно генерал занимал пост главнокомандующего Северо-Западным фронтом, на который его 10 июня уполномочил своим указом Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак.

Юденич очень редко появлялся на заседаниях правительства, предпочитая заниматься организацией вооруженной борьбы, а не болтовней и внутрифракционными склоками. Здесь его представлял

---

¹ Белая борьба на Северо-Западе России. М., 2003. С. 3.

генерал Кондзеровский. В декабре 1919 г. Юденич вообще вышел из состава правительства. Впрочем, и на фронте он почти не бывал, будучи поглощен снабжением Северо-Западной армии. Часть современников считала впоследствии, что это обстоятельство стало одной из причин неудачи осеннего, второго «наступления Юденича на Петроград». Среди людей, ушедших после поражения с белыми, был писатель А.И. Куприн. Куприн так пишет о Юдениче: «Доблестный, храбрый солдат, честный человек и хороший военачальник... Генерал Юденич только раз показался на театре военных действий, а именно тотчас же по взятии Гатчины. Конечно, очень ценно было бы в интересах армии, если бы генерал Юденич, находясь в тылу, умел дипломатично воздействовать на англичан и эстонцев, добываясь от них обещанной реальной помощи. Но по натуре храбрый покоритель Эрзерума был в душе капитан Тушин, так славно изображенный Толстым. Он не умел с ними разговаривать, стеснялся перед апломбом англичан и перед общей тайной политикой иностранцев»¹.

10 октября 1919 г. Северо-Западная армия перешла в наступление. 11-го числа опять был занят Ямбург. 16-го — Красное Село и Гатчина, 21-го — Царское Село и Павловск. Казалось, что дни красного Петрограда уже сочтены. Красная 7-я армия откатывалась перед натиском белых. Но в этот момент проявилась бешеная энергия советского руководства, в годы Гражданской войны прославившегося своими организационными способностями. В Петроград прибыл сам председатель Революционного Военного совета Республики Л.Д. Троцкий. Красные войска были пополнены и переформированы, тем более что в Петрограде была подавлена попытка мятежа подпольной офицерской организации, а население столицы страшилось белых больше, нежели красных.

21—23 октября красная 7-я армия и белая Северо-Западная армия вели встречные бои под Петроградом. Ввиду ряда ошибок и паники в ударной группе белых 24-го числа были потеряны Царское Село и Павловск. 26 октября белые были выбиты из Красного Села, 3 ноября — из Гатчины, а уже 14-го — из Ямбурга. Петроградская операция закончилась провалом. После поражения главнокомандующим Северо-Западной армией стал ген. П.В. Глазенап. В конце 1919 г. армия была разоружена давно этого ждавшими эстонцами, а от разразившейся эпидемии тифа умерло не менее 7 тыс. чел. Белогвардей-

---

¹ Литература русского зарубежья: Антология. М., 1990. Т. 2. С. 44.

цам и членам их семей пришлось перенести тяжелейшие трудности и страдания, прежде чем им удалось вырваться в эмиграцию.

22 января ген. Н.Н. Юденич подписал приказ о ликвидации Северо-Западной армии. Возобновлять сопротивление с территории Прибалтики для независимой русской белой армии было уже невозможно. 24 февраля генерал Юденич выехал в Ригу, а затем — во Францию. По пути Юденич в Копенгагене встречался с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, а в Лондоне встречался с У. Черчиллем.

В эмиграции Юденич поселился в Ницце, но, в отличие от многих руководителей Белого движения, активной роли не играл. В эмиграции Н.Н. Юденич старался всячески помогать своим старым соратникам. Например, бывший генерал-квартирмейстер Кавказской армии ген. Е.В. Масловский длительное время, оправляясь от тяжелой болезни, проживал в доме Юденича недалеко от Ниццы. Там же он написал свой труд по истории войны на Кавказском фронте, изданный на средства ген. Н.Н. Юденича¹. На протяжении ряда лет генерал Юденич являлся членом Общества ревнителей русской истории, где выступал с лекциями о борьбе на Кавказском фронте. О том самом фронте, где ни одна операция не была проиграна русской Кавказской армией, во главе которой стоял один из наиболее выдающихся русских полководцев Российской империи генерал от инфантерии Н.Н. Юденич: «Генералом Юденичем почти во всех операциях применялся важнейший принцип внезапности. Он также прекрасно учитывал значение чрезвычайной упругости, тягучести морального напряжения человека в бою и почти безграничную возможность использования до предела такого напряжения при воле к победе»².

Выдающийся русский полководец скончался 5 октября 1933 г. в местечке Сен-Лоран дю Вар. Похоронен с воинскими почестями. Могила находится на русском кладбище в Ницце.

---

¹ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 2002. С. 151.

² Цветков В. Последняя русско-турецкая война // Историк. 2016. № 5 (17). С. 45.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В свое время основатель величайшей империи на Земле Чингисхан говорил о распределении начальствующих лиц следующим образом: «Храбрым и умным — вверить войско, деятельным и распорядительным — обозы, неповоротливым — присмотр за скотом». К сожалению, выполнить такой завет изначально невозможно, ибо война и мир — это две большие разницы. И тот человек, что считается хорошим военачальником в мирное время, далеко не всегда сможет оправдать расчетов высшего руководства на войне. Поэтому война сама собой отбирает те кадры, что необходимы для победы. Предвоенные ошибки высших назначений, которые проводятся по критериям мирного времени, исправляются временем войны — сражениями и операциями, в ходе которых на первый план выдвигаются более достойные высших фронтовых постов военачальники.

Первым командармом Первой мировой войны, лишившимся своего высокого поста, стал командующий 8-й германской армией ген. М. Притвиц унд Гаффрон. Французский главнокомандующий ген. Ж. Жоффр за первые два месяца войны сменил едва ли не 30 % того генералитета, с которым французская армия вступила в войну.

Даже и русская военная машина, всегда славившаяся своей неповоротливостью и инертностью, достаточно эффективно очищала ряды генералитета действующей армии от наиболее негодного материала. Первым командармом, отправленным в запас, стал командарм-4 ген. барон А.Е. Зальца, смененный менее чем через месяц после объявления мобилизации, и на третий день после начала боевых действий Юго-Западного фронта под Люблином. И таких военачальников, в период Первой мировой войны отправленных в «резерв чинов» — «этот печальный склад неудачных старших начальников времени войны»¹,

---

¹ Геруа Б.В. Воспоминания о моей жизни. Париж. 1969. Т. 1. С. 143.

было немало. Наиболее характерным примером стало поражение армий Северо-Западного фронта в ходе Восточно-Прусской наступательной операции августа 1914 г. По итогам операции, в которой погиб командарм-2 ген. А.В. Самсонов и два комкора 2-й армии попали в плен, от своих должностей были отстранены главнокомандующий армиями фронта и три командира корпусов. По сути, оказался смещенным весь высший командный состав 2-й армии и главкосевзап.

В то же время Юго-Западный фронт, действовавший против австро-венгерской армии, одержал победу в Галицийской битве. Поэтому именно Юго-Западный фронт в ходе войны давал России тот генералитет, что выдвигался на высшие посты. Не лукавя, можно сказать, что в период Первой мировой войны вверх в большинстве своем продвигались те военачальники, что сумели зарекомендовать себя в первых же сражениях. Так как русская армия, уступая немцам, чьи вооруженные силы являлись лучшими в войне, превосходила австро-венгров, то высшие посты, как правило, занимались генералами, прежде всего воевавшими против армий Двуетной монархии. Это было закономерно и неизбежно, ибо вкус победы прививается только в процессе борьбы, а найти этот вкус после поражений могут единицы. Применительно к кампании 1916 г. это:

— Начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. М.В. Алексеев (в начале войны — начальник штаба Юго-Западного фронта и фактический его командующий; в 1915 г. командовал Северо-Западным фронтом);

— главнокомандующий армиями Северного фронта ген. Н.В. Рузский (в начале войны — командующий 3-й армией Юго-Западного фронта);

— главнокомандующий армиями Западного фронта ген. А.Е. Эверт (в начале войны — командующий 4-й армией Юго-Западного фронта после барона Зальца);

— главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта ген. А.А. Брусилов (в начале войны — командующий 8-й армией Юго-Западного фронта).

Бесспорно, что всю войну на многих высоких должностях в Российской империи зачастую находились малокомпетентные, а то и вовсе некомпетентные лица. Отсюда и высокие потери, которые понесла русская армия в ходе Первой мировой войны, помня в числе прочих причин перманентную нехватку вооружения и общекультурную отсталость императорской России от развитых капиталистических

держав Западной Европы. Справедливо, что «одной из важнейших причин несостоятельности генералов М.В. Алексеева, Я.Г. Жилинского, Н.И. Иванова, А.Н. Куропаткина, Н.В. Рузского, А.Е. Эверта явилось отсутствие у них командного строевого опыта. Блестящее на тот период образование, отличные способности генералов не позволили в отсутствие должной практики реализовать свой потенциал и сформировать у себя полководческие навыки и умения, необходимые для успешного управления воинскими формированиями во время Первой мировой войны»¹. Тем не менее чистки командного состава шли в ходе всей войны, постепенно вытесняя из рядов Действующей армии всех тех лиц, что пробивались вверх, пользуясь разнообразными личными связями и протекциями феодального характера. П.Н. Врангель в своих воспоминаниях писал, что к осени 1916 г. «значительное число старших начальников, оказавшихся не подготовленными к ведению боя в современных условиях, вынуждены были оставить свои посты: жизнь выдвинула ряд способных военачальников. Однако протекционизм, свивший себе гнездо во всех отраслях русской жизни, по-прежнему сплошь и рядом выдвигал на командные посты лиц далеко не достойных. Шаблон, рутинная, боязнь нарушить принцип старшинства все еще царили, особенно в высших штабах»².

Однако уже Брусиловский прорыв показал, что русские вооруженные силы, несмотря на поражения и неудачи первого года войны, на втором году могут не просто побеждать, но побеждать блистательно. Еще не все получалось, и противник все еще успешно оборонялся, но нельзя не признать, что успехов, подобных Брусиловскому прорыву, союзники России по Антанте не имели от Битвы на Марне сентября 1914 г. до лета 1918 г. Невзирая на высокую насыщенность войск техническими средствами ведения боя в кампании 1916 г., англо-французские союзники не смогли получить сколько-нибудь значительных успехов в наступательных операциях. Надо признать, что русские попытки наступления в 1916 г., предпринятые против германцев, также завершились неудачей, в то время как Брусиловский прорыв, как известно, проводился в львиной доле против австро-венгров. Но

---

¹ Порошин А.А. Военно-теоретическая и практическая подготовка военачальников русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов. 2007. Вып. 8. С. 76.

² Петр Николаевич Врангель. Главнокомандующий. М., 2004. С. 97.

опыт есть опыт. Кампания 1917 г. обещала еще большие успехи и победы. Но Великая русская революция 1917 г. перечеркнула все планы императорской Ставки Верховного главнокомандования.

Первая мировая война и ротация кадров в воюющих государствах показала, что наиболее рационально и четко в обеспечении кадрового потенциала вооруженных сил действовали немцы. Созданный фельдмаршалом Х. Мольтке-старшим Большой Генеральный штаб и развитие его традиций графом А. фон Шлиффеном стали кузницей германских полководческих кадров. Канцлер О. фон Бисмарк называл германский Большой Генеральный штаб, имевший, в отличие от прочих государств, громадное влияние на выработку внешнеполитической линии, «Советом полубогов». В прочих государствах ведущую роль войскового развития играли военные министерства — бюрократически-канцеляристские учреждения, где консерватизм и инертность считались нормой. Германский Большой Генеральный штаб явился уникальной структурой, сыгравшей столь выдающуюся роль в подготовке и осуществлении германской агрессии стремления к мировому господству, что после Второй мировой войны его упразднение стало одним из основных требований союзников по антигитлеровской коалиции.

Неудивительно, что офицерский корпус Германии как корпорация существенно превосходил до войны своих союзников и противников, и лишь в ходе войны французы, русские, англичане выдвигали наверх те кадры, которые противник имел в вершине военной иерархии уже перед войной. Соответственно, и германская армия, уступая своим противникам в численности живой силы, а затем и в технике, четыре с половиной года успешно противостояла почти всему миру, имея лишь три страны в союзниках. Вот когда сказалась подготовка мирного времени. Британский автор справедливо пишет: «Германская армия образца 1914 г. представляла собой хорошо подготовленную и страшную военную машину, которая оставалась таковой почти до самого конца войны... многие критики забывают о том, что эти [союзные по Антанте] генералы сражались с германской армией, которая была создана государством, возведшим милитаризм в символ веры. Хорошо подобранное сочетание численности личного состава, умения унтер-офицерского состава армии и боевые качества обычного немецкого солдата обеспечивали этой военной машине громадные преимущества на поле боя. Справедливо будет сказать, что почти на всем протяжении войны немецкая армия превосходила любую

другую армию на Западном фронте по всем характеристикам...»¹ Добавим — и на любом другом фронте тоже, в том числе и на Восточном (Русском) фронте.

Российская империя не могла похвастаться равенством с немцами в качестве офицерского корпуса, как, впрочем, и другие державы, доказательством чему служит чистка офицерского корпуса Франции генералом Жоффром. Только с 22 июля до 24 августа 1914 г. Жоффр отрешил от командования 2 (из 5) командующих армией, 9 (из 21) начальников корпусов, 33 командира пехотных дивизий, 1 (из 2) начальника кавалерийского корпуса, 5 (из 6) командиров кавалерийских дивизий. За сентябрь — ноябрь от должностей был отстранен еще 51 французский комдив. В Италии главнокомандующий ген. Л. Кадорна в течение войны отправил в отставку 217 генералов, а во время кризиса 1917 г. приказывал расстреливать тех офицеров, чьи войска отступали без приказа. Много ли это помогло итальянцам в борьбе с австро-венграми, которых русские били практически всегда?

Если на что и могут жаловаться русские, так это на недостаточную решимость в отстранении со своих постов негодных командиров, хотя, например, о 2-й русской армии уже говорилось. Проведенная после Русско-японской войны 1904—1905 гг. аттестация российского генералитета не сумела удалить из армии весь негодный человеческий материал. Причин тому много, и одна из них заключается в том, что не всегда возможно было найти замену лицу, подлежавшему увольнению в запас или отставку. Ведь численность русских генералов была выше, нежели в иных странах: так, в начале XX века в Германии числилось 339 генералов, а в России — 1386².

Во всеподданейшем отчете 1893 г. командующий войсками Киевского военного округа выдающийся отечественный педагог и военный теоретик ген. М.И. Драгомиров указывал: «Заботясь о соблюдении очереди на всякое назначение, производство и награду, мы парализуем энергию деятельных людей и на опыте убеждаем, что работать от сердца не стоит, так как и без работы, только бы дожил и был

---

¹ *Нилланс Р.* Генералы Великой войны. Западный фронт 1914—1918. М., 2005. С. 81.

² *Варзаков И.В.* Комплектование офицерского корпуса России и Германии в конце XIX — начале XX века: сравнительные оценки // Военно-исторический журнал. 2008. № 4. С. 17.

терпим, получит то же»¹. Лишь введение предельного возраста для генералитета (кроме полных генералов), аттестации и чистка генералитета после Русско-японской войны позволили улучшить качество русского офицерского корпуса к началу Первой мировой войны. Это позволило русским вооруженным силам в ходе войны сковывать половину всех неприятельских армий, воевавших еще и во Франции, Сербии, Греции, Италии, Египте, Месопотамии.

Обыкновенно следуют возражения, что большая часть собственно германских войск воевала во Франции. Действительно, но разве можно забывать, что на Восточном фронте с общим неприятелем дрались только русские (с августа 1916 г. еще и румыны), в то время как на других фронтах стояли французы, англичане, бельгийцы, итальянцы, сербы? Помимо того, если сравнить техническую оснащенность русской действующей армии и армий западных союзников? Хрестоматийный пример: 168 тяжелых орудий на Юго-Западном фронте перед началом Брусиловского прорыва и 1700 тяжелых орудий только у британцев во время Битвы на Сомме. Обе эти операции проходили практически параллельно, в ходе летне-осенней кампании 1916 г. Но разве можно сравнить их результаты? И русские и англичане понесли громадные потери, превышавшие потери противника, однако десятикратная разница в тяжелой артиллерии, наверно, чего-нибудь да стоит? Да и получаемые Брусиловым в ходе наступления резервы и техника нивелировались австро-германскими перебросками против Юго-Западного фронта.

Межвоенный период николаевской эпохи оказался весьма плодотворным. Если в Русско-японской войне русским не удалось добиться ни одной победы вообще, а наступательные операции не получались вовсе, то в Первой мировой войне чаша весов постоянно колебалась. И, повторимся, уступая немцам, которым уступали все воюющие армии, русские неизменно одерживали победы над австрийцами, вследствие чего германскому командованию приходилось постоянно поддерживать своего союзника. Что же касается сравнения, то следует напомнить, что, в отличие от англичан образца Кут-эль-Амары образца 1916 г., русские никогда не капитулировали перед более слабыми противниками. Русские не терпели поражений от турок, подобно союзникам в Галлиполи. Русская Кавказская армия пополнялась по

---

¹ Цит. по: *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. 1881—1903. М., 1973. С. 39.

остаточному принципу, отдавая людей на австро-германский фронт, в то время как англичанам потребовалось восстание арабов, организованное полковником Лоуренсом, и многократный перевес в технике, чтобы в 1918 г. прорвать турецкий фронт в Палестине. Русские на год раньше уже стояли перед открытыми воротами в Малую Азию, только к концу 1916 г. получив несомненное превосходство над многократно перед тем разгромленным турецким противником.

Практика Русско-японской войны, несмотря на свой негатив, все-таки позволила выдвинуться многим и многим командирам, что отличились на полях Первой мировой войны. Конечно, были и исключения, чему примером служит все тот же А.А. Брусилев, не воевавший в Маньчжурии. Подчеркивая достижения российского военного строительства межвоенного периода, военный исследователь справедливо говорит: «Предпринятые Военным министерством меры для повышения профессионального уровня офицерского корпуса принесли свои плоды... в Первую мировую войну Русская армия вступила значительно лучше, чем прежде, подготовленной в тактическом отношении. Ее кадровый офицерский состав, в общем, был вполне удовлетворительным и хорошо знал свое дело. Если в войну 1904—1905 гг. приблизительно равное противоборство русских и японцев в большинстве случаев заканчивалось в пользу последних на уровне батальонов, то в 1914—1918 гг. чаша весов начинала колебаться в сторону немцев, как правило, на уровне дивизий... наиболее слабым в Русской армии оказался подбор высшего командного состава. Но и здесь наблюдаются сдвиги к лучшему. Благодаря им, в мировой войне, в отличие от предшествующей, Россия достигла ряда стратегических успехов»¹.

Были и свои проблемы, которые в конечном счете привели Россию к краю пропасти, в которую страну столкнула безответственная деятельность либерально-буржуазной оппозиции, рвавшей к власти любыми способами и методами. Проведенная Временным правительством чистка высшего командного состава русской армии не принесла особенных плодов. Это говорит о том, что, за редкими исключениями, к началу 1917 г. должности высшего генералитета занимали те лица, которым практически не было смены. Более талантливые военачаль-

---

¹ *Ильин Ю.В.* Опыт деятельности военного министерства по укреплению офицерского корпуса русской армии (1905—1914 гг.). М., 1997. Автореферат дисс. канд. ист. наук. С. 19—20.

ники (например, Л.Г. Корнилов или А.И. Деникин) должны были получить еще опыт руководства крупными войсковыми соединениями, прежде чем мгновенно перескочить пару ступеней в командовании. Современный ученый выделяет следующие проблемы высшего военного командования Российской империи периода Первой мировой войны:

«Во-первых, численность генералитета почти всегда превышала потребность армии в боевых начальниках, что не только умаляло значение генеральского звания, но и давало возможность занимать генеральские должности людям недостойным.

Во-вторых, на верхи военной иерархии пробирались зачастую люди мало подготовленные к роли военных вождей и полководцев; талантливые люди всячески обходились.

В-третьих, генералитет почти всегда представлял собой собрание амбициозных людей, ведущих свою линию и политическую игру, нередко в ущерб делу безопасности страны и успешности выполнения боевых задач.

В-четвертых, многие, достигшие генеральского звания и соответствующего положения, прекращали самосовершенствоваться, коснели в невежестве и рутине.

В-пятых, генералитет был, как правило, преклонного возраста, не способный ни к изменениям, ни к переменам, и этим самым тормозил развитие военного дела»¹.

Правда, что в ходе войны многие русские военачальники учились медленно и неохотно. Но к этому подталкивала сама позиционная война, когда успех сражения зависел от сосредоточенного удара огня и массы. Слабость русской армии в технике и количестве боеприпасов, по сравнению с противником, не составляет секрета, а потому атаки почти всегда велись большой кровью. В связи с тем, что не существовало теории развития тактического прорыва в оперативно-стратегический, реализовывать успех не удавалось, и потому захлебнулся и Брусиловский прорыв. Союзники вплоть до лета 1918 г. не имели успеха в наступательных сражениях; немцам же удавалось бить гораздо более слабых противников — сербов в 1915 г. и румын в 1916-м.

Первая мировая война стала примером превосходства обороны над наступлением. Средства прорыва эшелонированной обороны

---

¹ Каменев А.И. Военная школа России (уроки истории и стратегия развития). М., 1999. С. 77—78.

противника (танки, штурмовая авиация) еще только-только изобретались, а потому обороняющийся неизменно имел превосходство над наступающим. В связи с тем, что к 1916 г. немцы на всех фронтах потеряли решительное преимущество в технике, они перешли к обороне, и потому успешно отбивались от наступавших и во Франции и в России врагов. Тем ярче успех первого этапа Брусиловского прорыва, что он велся против примерно равного в качестве неприятеля, при преимуществе обороняющегося в технике.

Опыт войны не обобщался теоретически. Поэтому исход сражений 1916 г., когда русские на всех фронтах понесли как минимум в полтора раза больше потерь, нежели противник, а вдобавок не смогли предотвратить разгрома Румынии, в целом воспринимался негативно. В окопах представлялось, что Россия проигрывает войну, хотя союзники по Антанте не имели успехов в наступлении вовсе, а противник ввиду истощения уже «дышал на ладан». Участник войны так вспоминает об оценке кампании 1916 г. в среде российского офицерского корпуса: «На верхах нашего войска положение Централь-ных держав считали тяжелым, мы же, строевые офицеры, этого не понимали, потому что не видели собственных побед. Ковельские сражения мы мерили луцким метром и, видя, что в каждом сражении мы продвигаемся только на сантиметры, думали, что не достигали победы, раз не было победы луцкого размера. Но французы и англичане, начавшие 24 июня наступление на Сомме, и маленькими шажками наступавшие пять недель, считали и провозглашали победой каждую фазу этой битвы, дававшую им надгрызание вражеской укрепленной системы на два-три километра. Если эта тактика грызунов считалась там, на Западе, победоносной, то и мы не должны были преуменьшать значение наших боевых успехов только потому, что мы грызли, а не прогрызали. Ковельские сражения были нашими победами позиционного стиля»¹.

Винили же во всем полководцев и высшие штабы, считая, что именно по их вине поражения следуют за поражением. Наметившейся же стратегической победы в войне в низах не видели, ибо воспринимали ситуацию исключительно по оценке своего собственного места. Например, записка из действующей армии без подписи, отложившаяся в фонде императора, о причинах русских военных неудач (конец

---

¹ Хочешь мира. победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 548.

1916 — начало 1917 г.) указывала: «Если неудачи наши в первой половине кампании могли быть объяснены недостаточностью снабжения... то во втором периоде... этим объяснены быть не могут... причины эти кроются, по мнению как участников войны, так и лиц, следящих за ходом военных операций, в крупнейших стратегических ошибках, а кроме того, и что является наиболее важным, в органических недостатках русского высшего командования... Ввиду отсутствия подготовки и неумения использовать технические средства для наступления, русское командование заменяется стремлением раздавить врага почти исключительно живой силой, путем... атак пехоты без достаточного применения, выработанных практикой войны, способов их поддержки»¹.

В итоге стоявший уже на пороге крах Германии и ее союзников (пусть не в 1917, но в 1918 г.), наряду с громадным техническим усилением русской Действующей армии зимой 1917 г., как-то прошел мимо сознания не только офицерского корпуса, но даже и высшего генералитета. Отсюда главная причина распространенной, но в целом неверной точки зрения, что режим императора Николая II не может выиграть войну, а потому высший генералитет России в начале марта поддержал революцию. Но забывалось, что союзники не имели и таких успехов. Русский эмигрант Н. Гранберг верно пишет: «Если бы кто-либо начал анализировать ход войны за 1916 год, то он наткнулся бы немедленно на факты, которые дискредитировали почти все высшие военные вождения всех участвовавших. Все выдающиеся историки подчеркивают факт перемены характера войны. Элемент морального уровня войск, столь важный для всяких видов борьбы, отдал определенно часть своего значения все растущей технике артиллерийского и ружейного огня всех видов и назначений... Фронтальные атаки оказались фатальными для атакующих, неся за собой невероятные потери. К сожалению, эту перемену лица войны далеко не все хотели понимать и учитывать. Предрассудки, старые понятия, а иногда просто безвыходное положение, заставляли командования [всех стран] предпринимать операции с негодными средствами. Все это имело место у всех участников и, конечно, всякая неудача и всякие большие потери вносили частичку недоверия и подрыва авторитета вождения»².

¹ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 676. Л. 2. 4.

² Военно-исторический вестник. 1966. № 27. С. 12.

Здесь же берет свое начало и мнение, что русская военная машина в обеих мировых войнах XX столетия могла вести войну только при численном превосходстве и больших потерях. Правда, при этом почему-то отсутствует адекватное сравнение, например, с той же Францией, которая в Первую мировую войну с сентября 1914 по июль 1918 гг. не имела ни одной успешной наступательной операции, а во Вторую мировую войну капитулировала через полтора месяца после начала немецкого вторжения 1940 г. Дело здесь не в слабости той или иной армии, а в силе германской военной машины, созданной в XIX веке и давшей столь прекрасные результаты в мировых войнах.

Отсутствие сравнительного анализа побуждает демагогически настроенных исследователей зачастую прибегать к совершенно неадекватным характеристикам. Один из наиболее крайних примеров дает Б.В. Соколов: «После Суворова и Баркляя-де-Толли наша страна не дала ни одного полководца европейского уровня... Неудивительно, что русские военные планы накануне Первой мировой войны были сугубо наступательными. В XIX веке русская армия привыкла побеждать, а неудачи в Крымской и Русско-японской войне казались досадными недоразумениями»¹. И так — вот мнение. Странно, правда, что называется именно только М.Б. Барклай де Толли и оставляются в стороне, скажем, М.И. Кутузов, П.И. Багратион и П.Х. Витгенштейн. Но это еще ладно: действительно, ведь сейчас можно сказать, что Отечественную войну 1812 г. выиграл Барклай, а не Кутузов. Судя по всему, прав оказался Л.Н. Толстой, который в третьем томе «Войны и мира» упомянул о Барклае де Толли устами князя Андрея Болконского в разговоре с Пьером Безуховым накануне Бородинского сражения: «Тем, что его клеветали изменником, сделают только то, что потом, устыдившись своего ложного нареkania, из изменников сделают вдруг героем или гением, что будет еще несправедливее».

Жаль, что Б. Соколов не назвал сам хотя бы несколько имен полководцев «европейского уровня» из других стран — для примера. А быть может, и назвать было некого? Ведь если оставить в стороне немцев и персонально фельдмаршала Х. Мольтке-старшего, заложившего базу той армии, что в XX веке довольно успешно воевала против всего мира, то очень интересно было бы узнать такие фа-

---

¹ Соколов Б. Красный колосс. Почему победила Красная Армия? М., 2007. С. 75.

мили. Не немцев. Да, немцев удалось победить только громадным превосходством антигерманской коалиции в технике (преимущественно Западный фронт) и живой силе (преимущественно Восточный фронт), но кто кроме них? При этом хорошо было бы услышать не о потенциальных «не раскрывшихся» полководцах (А. фон Шлиффен), так как в той же России на это мог бы претендовать, к примеру, М.Д. Скобелев, а о полководцах реальных, руководивших армиями своих стран в войнах.

Легко говорить, что Брусилов потерял много людей, если русского наступления требовали англо-французы, а тяжелых пушек у Брусилова было 168 против 1700 у англичан на Сомме. И чего там добились союзники? А «бойня Нивелля»: имея двукратное численное превосходство в силах и 200 танков против нуля, провалить наступление с потерей 350 тыс. чел. за пять дней, при вдвое меньших потерях противника. Разве такое позволяли себе русские полководцы?

Лучше признать, что такие оценки уровня русского военного искусства базируются на оценках зарубежных современников и исследователей, чрезвычайно умелых в пресловутой «тактике грызунов». Например, в конце января 1917 г. в Россию на Петроградскую союзническую конференцию прибыл ген. Н.-Ж. де Кастельно, который во Франции командовал армией и группой армий, и затем был начальником штаба Жоффра. А следовательно, генерал Кастельно может считаться авторитетом в военном деле и неплохим военачальником по меркам Первой мировой войны. Ознакомившись с состоянием русской армии, «в изображении Палеолога французский эксперт нашел плохой организацию высшего военного командования, крайнюю недостаточность снаряжения армии, тактическую отсталость, по крайней мере, на год, по сравнению с французской армией. Кастельно поэтому несколько пессимистически смотрел на возможность для России предпринять наступательные действия в широком размахе». При 20-балльной системе Кастельно оценил русскую армию баллом 8—9 по сравнению с французской¹. Казалось бы — вот вам авторитет в оценке слабого состояния русских вооруженных сил. Но, прибегнув к сравнению, следует указать, что все это говорил представитель той армии, которая спустя всего три месяца после выставленной русскому союзнику оценки была разгромлена в «бойне Нивелля». В отличие от

---

¹ См.: *Мельгунов С.П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 426.

французов в апреле 1917 г., русские полководцы никогда не теряли по триста пятьдесят тысяч человек за пять дней наступления без малейшего результата, после чего французская армия взбунтовалась, и усмирить ее удалось лишь жестокими репрессиями. Соотношение потерь — два с половиной к одному в пользу немцев. Это не два к одному в пользу австро-германцев в кампании 1916 г. на Восточном фронте даже по самым пессимистичным подсчетам С.Г. Нелиповича¹. И это если, опять-таки, забыть о соотношении технических средств ведения боя.

Что делать, если Наполеоновские войны исчерпали военный гений Европы чуть ли не на век вперед. Отбросив немцев, можно ли назвать хоть одно достойное имя на звание «полководца европейского уровня»? А если без Мольтке и Людендорфа, то русские полководцы Первой мировой войны (прежде всего, М.В. Алексеев, А.А. Брусилов и Н.Н. Юденич) были ничуть не хуже англичан, французов или австрийцев в лице, назовем, Ф. Конрада фон Гётцендорфа и Э. фон Бём-Эрмолли. Отвечая будущим хулителям, Л.Н. Толстой великолепно сказал о М.И. Кутузове: «Простая, скромная и потому истинно величественная фигура эта не могла улечься в ту лживую форму европейского героя, мнимо управляющего людьми, которую придумала история. Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии».

В чем же причина краха России и ее вооруженных сил после революции? В том же, в чем причина и краха Германии и Австро-Венгрии в 1918 г., невзирая на своих полководцев и качество военной машины. Монархическая империя требует вождя общенационального уровня, который мог бы поддерживать необходимый для победы моральный настрой нации. «Вождизм» как таковой — это неизбежное, объективное условие существования позднефеодальных империй, проводящих чреватую социальными конфликтами капиталистическую модернизацию своей страны форсированными темпами. Императоры России, Германии и Австро-Венгрии не могли претендовать на роль таких вождей. Поэтому на первый план должны были бы выдвинуться те полководцы, что в глазах страны имели бы статус вождя: «Как и в Германии, высший [русский] генералитет не понял той роли, которую играла монархия в организации общества. Алексеев и Борисов, как

---

¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., Цейхгауз. 2006. С. 45.

потом Гинденбург и Гренер, оказались не в состоянии понять, что их планы довести войну без императоров, которые, как им казалось, только мешали им сделать это, обречены на провал уже потому, что они-то сами как раз не были самостоятельными величинами, как им хотелось бы думать. И поэтому, как только не стало Вильгельма II и Николая II, с разной скоростью исчезли и те, кто не смог понять опасности, которая исходила от подобного рода переворотов, особенно во время великой войны»¹.

В Австро-Венгрии ген. Ф. Конрад фон Гётцендорф в конечном счете был отстранен от высших должностей. Несколько более продержались немцы, создавшие культ фельдмаршала Гинденбурга. Например, в брошюре Г. Ниманна в 1916 г. говорилось: «Теперь мы можем спокойно и с гордостью смотреть на положение на Востоке, оттуда никакая серьезная опасность нам больше не угрожает, там все решено: сила воли и гениальность Гинденбурга победили миллионные русские войска... Облеченный доверием и любовью всего народа и армии, стоит он теперь на месте Мольтке и ведет нас к полной победе над всеми врагами. В его руках находится будущая судьба всей Германии. Он должен создать ее по воле Всевышнего»². Однако силы оказались слишком неравны.

В России на такую роль претендовал великий князь Николай Николаевич, однако его погубила склонность к политическим интригам, создававшим угрозу для трона императора Николая II. Прочие же генералы, будучи примерно равными полководцами в глазах фронта и тыла, не могли существенно выделиться друг над другом. Тем более что этому мешала и иерархия чиновничества, сложившаяся в России. Последним военным вождем, признанным нацией и войсками, не являвшимся членом императорской фамилии, был Белый генерал М.Д. Скобелев. Неудивительно, что о его безвременной кончине так сожалели в 1904—1905 и 1914—1917 гг. Посему А.А. Керсновский совершенно прав, говоря, что «полководца в России не нашлось. “Фронты” возглавили деятели маньчжурского и даже ниже маньчжурского уровня. Жилинский, Рузский, Иванов и Эверт могли погубить любую армию, свести на нет любую победу, обра-

---

¹ Айрапетов О.Р. Генералы. либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М., 2003. С. 199.

² См.: Военное дело. Сборник статей по военному искусству. М., 1920. Вып. 2. С. 111.

тить в катастрофу самую незначительную неудачу. Лучших мишеней, лучших соломенных чучел для рубки Гинденбургу было невозможно желать...»¹ Однако же нанести России военное поражение немцам так и не удалось. Выход России из войны оказался предопределен развитием антигосударственных процессов в ходе Великой русской революции.

И наоборот, капиталистические демократии Запада, не отказываясь от выдающихся вождей, принципиально в них не нуждались. Руководителями вооруженных сил де-юре являлись избранные волеизъявлением народа (конечно, как правило — его части, а не всеобщим голосованием современного образца) политические руководители, а не генералы, назначаемые единоличной волей монарха. Соответственно, отсутствие военного вождя нивелировалось мощью демократических институтов западных держав, которые выстраивались не по принципу четко-иерархичной вертикальной пирамиды, а на базе социального лифта, умело манипулирующими разветвленными горизонтальными связями стратификации общества.

Именно этот фактор предопределил падение всех традиционных монархий Европы, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному военно-политическому блоку. Народные движения стали визитной карточкой XX века, и потому верх в войне одержали те государства, где народ так или иначе был вовлечен в управление государством задолго до июля 1914 г.

Русские полководцы и военачальники Первой мировой войны в целом не были хуже своих коллег в союзных или неприятельских лагерях. По меньшей мере трое из высокопоставленных военачальников могут претендовать на равенство в рейтинге с ведущими полководцами других стран — М.В. Алексеев, А.А. Брусилов и Н.Н. Юденич. Что же касается уровня командармов, то и здесь русские не уступали всем прочим.

Возможно, русские поражения и были тяжелей поражений союзников, но зато и победы были великолепнее. Причина этого — в характере и масштабе военных действий на Восточном фронте, который сам по себе только уже своей обширностью не способствует «тактике грызунов», а вовсе не в «гении» западных полководцев «европейского уровня» или бездарности русских полководцев. Да, союзники не испытывали унижений примера Танненберга или Горлице, но им и не-

---

¹ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994. Т. 4. С. 175.

доступны были победы типа Галицийской битвы или Брусиловского прорыва. Можно сказать о Битве на Марне, однако проходившая чуть позже Варшавско-Ивангородская операция ничуть не уступает Марне ни по масштабам, ни по ожесточению. Реклама Марне имеет своим основанием исключительно факт срыва германского блицкрига — более ничем особенно выдающимся данная операция не отличается. Напротив, в «мясорубках» позиционного периода войны союзники несли потери не меньшие, а то и большие по сравнению с русскими. Можно отметить, что русские били чаще австрийцев, но и сравнить русскую технику и технику союзников невозможно, ибо они стояли как земля и небо. Союзники имели технику, превосходившую технику немцев (по крайней мере с 1916 г.), в то время как русские неизменно уступали противнику вдвое-втрое, а то и более.

Напротив, если помнить отрицательные качества русской военной машины эпохи поздней империи, то следует скорее удивляться умению русских генералов одерживать победы вопреки объективным обстоятельствам. Знаменитое «трение» К. фон Клаузевица для Российской империи было куда актуальнее, нежели для Германии, Франции или Великобритании. На равных с Россией здесь была разве Австро-Венгрия. Однако же русские побеждали австрийцев (фактически без той или иной степени немецкой поддержки австро-венгры могут записать себе на счет лишь одну наступательную победу оперативного характера против русских — Лиманов-Лапанув декабря 1914 г.) и дрались с немцами не хуже англо-французов. Уже в одном этом видно качество русского полководчества, преодолевавшего не только мощь противника, но и не менее чем вековую отрицательную инерцию.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907—1917. М., 2003.

Алексеева-Борель В.М. Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. Спб., 2000.

Базанов С.Н. Алексей Алексеевич Брусилов. М.: Цейхгауз, 2006.

Барсуков Е.З. Русская артиллерия в мировую войну. Т. 1—2. М., 1938—1940.

Белое движение. Исторические портреты. М., 2006.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1983.

Головин Н.Н. Дни перелома Галицийской битвы. Париж, 1940.

Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. М., 2001.

Данилов Ю.Н. Россия в Мировой войне 1914—1915 гг. Берлин, 1924.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 1990.

Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.

История Первой мировой войны 1914—1918. В 2 т. М., 1975.

Керсновский А.А. История русской армии. М., 1994.

Корсун Н.Г. Кавказский фронт Первой мировой войны. М., 2004.

Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Париж, 1933.

Нелипович С.Г. Брусиловский прорыв. Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: Цейхгауз, 2006.

Оберюхтин В.И. Барановичи. 1916 год. М., 1935.

Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

Подорожный Н.Е. Нарочская операция в марте 1916 г. М., 1938.

Порошин А.А. Военно-теоретическая и практическая подготовка военачальников русской армии накануне Первой мировой войны // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2007. Вып. 8.

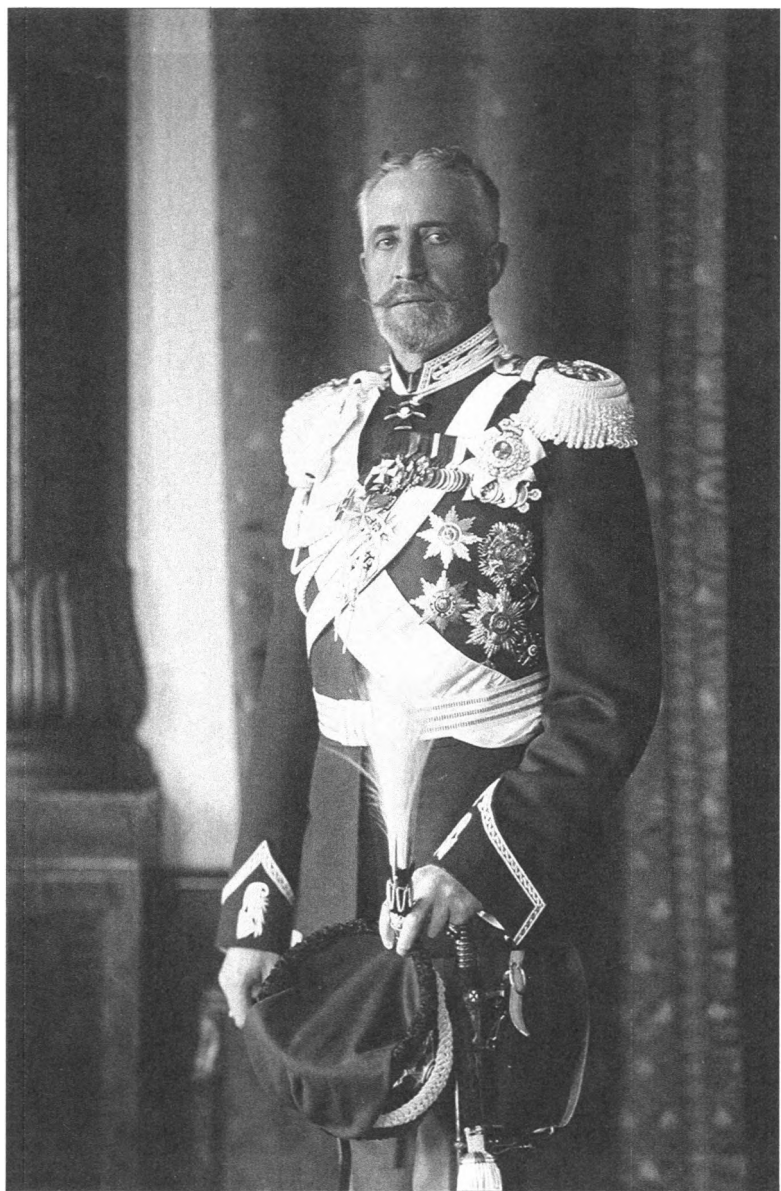
Португальский Р. М., Рунов В.А. Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001.

Семанов С.Н. Брусилов. М., 1980.

Теплов Б.М. Ум полководца. М., 1990.

Император Николай II

Великий князь Николай Николаевич

Генерал М.В. Алексеев

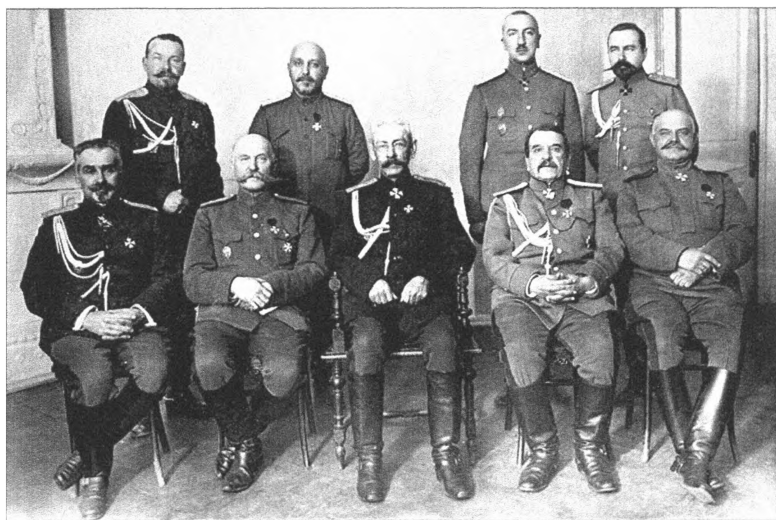

Генерал Н.В. Рuzский

*Генерал Н.В. Рузский (справа)
и генерал М.Д. Бонч-Бруевич*

Командование Северного фронта. Сидят, слева направо: начальник штаба армий Северного фронта генерал от инфантерии Ю.Н. Данилов, командующий 1-й армией генерал от кавалерии А.И. Литвинов, главнокомандующий армиями Северного фронта генерал-адъютант Н.В. Рузский, командующий 12-й армией генерал от инфантерии Р.Д. Радко-Дмитриев, командующий 5-й армией генерал от кавалерии А.М. Драгомиров. Стоят, слева направо: генерал-квартирмейстер штаба армий Северного фронта генерал-майор В.Г. Болдырев, начальник штаба 1-й армии генерал-лейтенант И.З. Одишелидзе, начальник штаба 12-й армии генерал-лейтенант В.В. Беляев, начальник штаба 5-й армии генерал-лейтенант Е.К. Миллер

Император Николай II беседует с генералом Н.В. Рузским и начальником Генерального штаба генерал-лейтенантом Н.Н. Янушкевичем

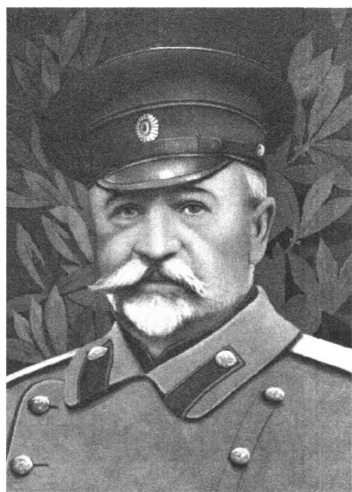
Император Николай II и члены совещания в Ставке (февраль 1916 г.). Слева направо: генерал Поливанов, генерал-адъютант Эверт, вице-адмирал Русин, генерал Алексеев, генерал-адъютант Куропаткин, генерал Бонч-Бруевич, генерал-адъютант Иванов, генерал Клембовский, генерал Пустовойтенко

Генерал-адъютант А.Е. Эверт

Главнокомандующий армиями Западного фронта генерал-адъютант А.Е. Эверт с командиром, священником и офицерами 11-го гренадерского Фанаторийского полка

Генерал В.В. Сахаров. Портрет из журнала «Le pays de France»

Генерал Л.В. Лейш

*Главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта
генерал А.А. Брусилов*

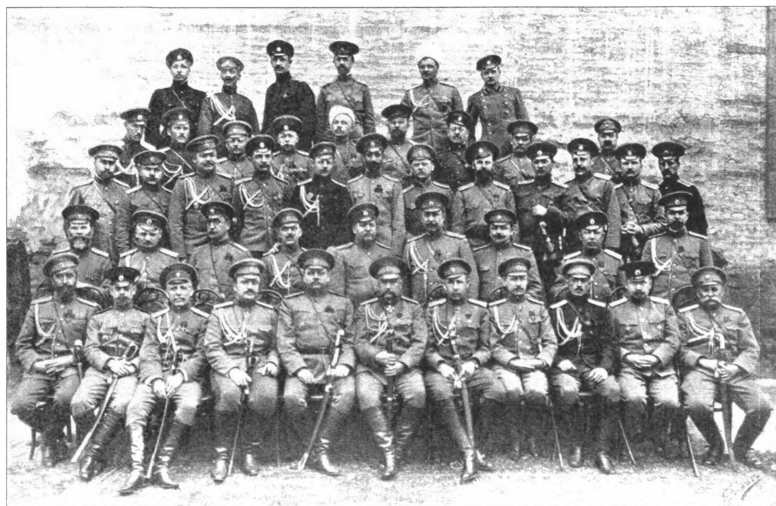
А.А. Брусилов с чинами штаба Юго-Западного фронта

Брусиловский прорыв. На позициях русских войск

Генерал А.Н. Куропаткин

*Чины штаба Кавказской армии во главе с командующим
Кавказской армией генералом Юденичем*

Генерал А.Ф. Рагоза

Генерал А.М. Драгомиров

Генерал Д.Г. Шербачев

Генерал А.А. Цуриков

Генерал П.А. Лечицкий

Генерал А.М. Каледин

Генерал В.И. Гурко

Генерал Р.Д. Радко-Дмитриев

*Начальник штаба Генерального штаба генерал-майор Беляев
(слева) с докладом у командующего армией генерала от инфантерии
В.И. Гурбатовского*

Н.Н. Юденич — командующий Кавказской армией

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1	
ГЛАВКОСЕВЗАП НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РУЗСКИЙ	7
Глава 2	
ГЛАВКОСЕВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ КУРОПАТКИН	104
Глава 3	
ГЛАВКОЗАП АЛЕКСЕЙ ЕРМОЛАЕВИЧ ЭВЕРТ	174
Глава 4	
ГЛАВКОЮЗ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БРУСИЛОВ.....	260
Глава 5	
КАВАРМ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ЮДЕНИЧ.....	347
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	429

Научно-популярное издание

Русская смута 1917—1922

Оськин Максим Викторович

**ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЕ ФРОНТАМИ
И ЗАГОВОР 1917 Г.**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.07.2016. Формат 84×108 1/2.

Гарнитура «Times New Roman». Бумага офсетная.

Печ. л. 14.5. Тираж 1000 экз. Заказ № 4658

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Новая книга известного российского историка М.В. Оськина рассказывает о главнокомандующих фронтами Русской императорской армии эпохи Первой мировой войны: Н.В. Рузском, А.Н. Куропаткине, А.Е. Эверте, А.А. Брусилове, Н.Н. Юдениче. Автор детально разбирает успехи и промахи каждого полководца, рассматривает взаимоотношения генералов с политической элитой дореволюционной России и их участие в заговоре и революционных событиях 1917 г.

ISBN 978-5-4444-5390-2

9 785444 453902

